

АС-АЛАН

1(10) 2003

Билал Лайпанов

КАМЕНЬ и ДЕРЕВО

Будь горд,
Потомок вольного народа,
И головы в печали не склоняй!
В тебе живет высокая свобода
Земли, чье имя вечно -
Карачай!

Ты чужаком здесь не был
Даже мига:
Не словом клятвы связан,
А судьбой,
И власть любви -
Единственное иго,
Которое признал ты над собой.

Дух предков жив,
Пока живут веками,
Те символы, что люди сберегли:
Отважного Карчи
Священный Камень
И Древо Неба -
Страж родной земли.

Пока они народом не забыты
И не осквернены рукой врага -
Незыблемы кладбищенские
плиты,
Неколбимы камни очага.

Под звуки материнского напева
Еще не знаем в самый первый час,
Что Родины Единственное Древо,
Став колыбелью обнимает нас.

Оно качает нас
В ветвях зеленых,
Оберегает, как своих детей,
И дерево носилок похоронных
Всего лишь
Продолжение ветвей.

Земное Древо
И Небесный Камень -
Они едины, словно Дух и Плоть.
Людей Земли,
Что слиты с небесами,
Никто вовек
Не сможет побороть!

И да пребудет Дух
В согласье с телом!
Да будет плоть Земли
С душой небес!
Пока ты сам
Доказываешь делом,
Что ты живешь -
Народ наш не исчез!

Земля и Небо
Вырастили сына,
Тепло и свет
В тебе одном слились.
Твой край тебе -
И Мекка, и Медина,
Владей же им
И на него молись.

«Не совершайте насилия над другими и не допускайте насилия над собой»

Пророк Мухаммед

АС-АЛАН

№1(10)

Ежеквартальный массовый журнал,
освещающий историю и современную жизнь карачаево-балкарского
и других народов Российской Федерации

Издается с 17 ноября 1998 года на карачаево-балкарском,
русском, английском, турецком, арабском, немецком,
французском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Книжное издательство «Мир дому твоему»

Главный редактор:

Билал Лайпанов

Зам. главного редактора:

Улданай Бахтикиреева

Редакционная коллегия:

Алий Тоторкулов, Марьям Яндиева, Аслан Атабиев,
Расул Джаппуев, Энвер Токаев, Naci-Murat Hubey

Общественный совет:

Barbara Kellner-Heinkele, Светлана Червоная, Борис Батчаев,
Рамазан Джуксаев, Дахир Семенов, Нюр-Магомед Лайпанов,
Азрет-Али Кечеруков, Борис Коржмазов, Abdullah Yücesan,
Atilla Şimşek, Бахаутдин Этезов, Борис Лайпанов,
Адам Мальсагов, Yaşar Kalafat, Радес Кулиев, Надир Бекиров,
Юлий Костинский, Mustafa Dommaici, Алан Лайпанов

"МИР ДОМУ ТВОЕМУ"

Москва 2003

ББК 84Р7

АІ

АІ АС-АЛАН №1(10): Журнал.-М.:

Мир дому твоему, 2003. 592 с., илл.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Перепечатка материалов (фото и текстов) без разрешения редакции запрещена.

ББК 84Р7

АІ

ISBN 5-87553-041-3

© "Мир дому твоему", 2003 г.

© "Ас-Алан", 2003 г.

© С. Червонная, И. Гилязов, Н.Горошков
«Тюркизм и пантюркизм»

Главному редактору, редколлегии журнала «Ас-Алан»

Для меня Вы все очень нужные и близкие люди. У нас с Вами общие задачи и цели с намерением достичь благоприятных содействий в развитии наших национальных культур.

Буду счастлив сотрудничать с Вами в новом - 2003 году.

Спасибо за уважение, я также ценю Вас.

Поздравляю с новым годом!

С большими надеждами на совместную нашу деятельность.

Чингиз Айтматов

A large, stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to Chingiz Aitmatov. The signature is fluid and expressive, with a prominent vertical stroke and a horizontal line extending to the right.

**Ректору Карачаево-Черкесского Государственного Университета,
всему профессорско-преподавательскому составу, студентам**

Дорогие друзья!

От имени ученых и писателей, удостоенных чести быть избранными в свое время почетными членами Карачаево-Черкесского Государственного Педагогического Университета, от имени литературной и научной общественности наших стран, мы хотели бы сердечно поздравить Вас с преобразованием Вашего университета в Карачаево-Черкесский Государственный Университет, который становится отныне основным опорным пунктом развития всей совокупности наук Карачаево-Черкесской Республики, главным центром высшего образования и просвещения молодежи.

Мы рассматриваем Решение Министерства Образования РФ, придавшее Университету новый, более высокий и универсальный научный статус, как свидетельство государственной заботы о развитии наук в Республике, о возрождении Карачаевска – бывшей столицы Карачаевской автономии – как важнейшего центра национальной культуры, обретающего притягательную силу и для студентов, и для ученых, получающих возможности исследовательской и преподавательской работы в разных направлениях.

Преобразование Карачаево-Черкесского Государственного Педагогического Университета в Карачаево-Черкесский Государственный Университет – это и бесценный подарок, и общий праздник, и в то же время акт, значительно повышающий ответственность всего коллектива нового Университета, всей научной общественности республики и ее студенчества, молодой смены. Быть воспитанником и выпускником, преподавателем и сотрудником Карачаево-Черкесского Государственного Университета – высокая честь и сложная обязанность.

*Эту честь и обязанность разделяем и все мы,
почетные доктора Университета.*

В день национального торжества мы с вами, дорогие друзья!

**Барбара Келлер-Хейнкеле
Светлана Червоная
Чингиз Айтматов
Хаджи-Мурат Хубий
Энвер Токаев
Билал Лайпанов**

Çervonnaya Svetlana
Gilyazov İskander
Goroşkov Nikolay

С.М.Червонная
И.А.Гилязов
Н.П.Горошков

"Ey Türk!
Titre ve kendine dön!"
- Bilge Kağan -

"Dilde, Fikirde, İşte Birlik"
- İsmail Gaspralı -

Тюркизм и пантюркизм

в оригинальных источниках и
в мировой историографии:
исходные смыслы и цели,
парадоксы интерпретаций,
тенденции развития

AS-ALAN | kültür, sanat | AC-ALAN
ve araştırma
dergisi

Завершенное в итоге длительной работы, начавшейся в начале 1990-х годов и особенно интенсивной в последние годы (1998-2002) исследование является коллективной научной монографией. Она посвящена одной из наиболее сложных и актуальных проблем, непосредственно затрагивающих сферу политики, культуры, межнациональных отношений в широком евразийском ареале. Сквозь призму господствующих, меняющихся, взаимодополняющих или резко противоречащих друг другу историографических версий, формировавшихся на протяжении столетия – с конца 19 до конца 20 веков – в мировой научной литературе и публицистике, авторы подходят к комплексному исследованию тюркизма (пантюркизма) как идеологии, как течения современной общественной мысли и этнологической теории; как исторической реальности и как политико-мифологической системы; как культурного феномена, определяющего важнейшие тенденции в развитии национальных культур тюркских народов и их взаимодействие; как лозунга национальных движений тюркских народов и как устрашающего жупела в системе усилий, направленных на подавление этих движений и фальсификацию их принципов; как инструмента внутренней и внешней (межгосударственной) политики, затрагивающей интересы Украины, России, Турции, всего Содружества Независимых Государств и многих других европейских и азиатских держав, имеющих в составе своего населения крупные тюркские массивы и в той или иной мере сталкивающихся с вызовами идеологии и практики пантюркизма.

Краткие сведения об авторах:

Гилязов Искандер Аязович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории татарского народа, декан исторического факультета Казанского Государственного Университета.

Горошков Николай Павлович, кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Воронежского Государственного Университета.

Червонная Светлана Михайловна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории искусств Российской Академии художеств; Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почетный доктор Тбилисского Государственного университета, почетный доктор Карачаево-Черкесского Государственного Университета, академик Академии художественной критики, член Германского Общества этнологов.

Содержание

	Введение.....	6
1.	Предыстория вопроса .	
	Канун первой эры пантюркизма.....	21
2.	Исмаил Гаспринский:	
	"Единство в языке, делах и мыслях"	32
3.	Судьбы пантюркизма в России	
	между революциями 1905 и 1917 годов.....	75
4.	Российское и европейское эхо	
	молодого тюркизма.....	93
5.	Пантюркизм в Османской империи.	
	Младотурки и пантюркисты.....	103
6.	Пантюркизм и национальные движения 1917-1922 годов	
	в регионах бывшей Российской империи:	
	испытание революцией и гражданской войной.....	131
7.	Пантюркизм в СССР (1922 – 1991) – жупел устрашения,	
	объект идеологической атаки, жертва государственного	
	террора.....	186
8.	Кризис идеологии пантюркизма в Турецкой Республике	
	и в Европе (1923 – 1939)	218
9.	Пантюркизм и нацистская тень:	
	эпоха Второй мировой войны.....	237
10.	Пантюркизм в послевоенной и современной Европе и	
	Турции: стабилизация и новые перспективы.....	285
11.	Возрождение пантюркизма на руинах СССР	
	(намерения, надежды, реальность 1990-х годов).....	304
12.	Пантюркизм в Российской Федерации:	
	региональное измерение (Северный Кавказ)	338
13.	Пантюркизм в новых "тюркских республиках"	
	Содружества Независимых государств: слово и дело.....	371
	Заключение.....	408
	Библиография.....	420

Тюркизм, более известный в советской историографии как "пантюркизм", подвергнутый идеологическому разгрому, пережил на протяжении века довольно сложную эволюцию от либеральных концепций Исмаила Гаспринского, который ратовал за культурное обновление тюрко-мусульманского мира и его теснейший союз со славянскими народами и культурами и с Россией как государственной системой, обеспечивающей значительный простор для развития тюркских этносов, – через утопии, заблуждения, экстремистские крайности, ложные ориентиры и несбывшиеся надежды многих поборников "тюркской идеи" середины 20 века – до нынешнего оживления на пути консолидации тюркских народов, что нашло выражение в создании в 1991 году Ассамблеи тюркских народов СССР, в ее программе и декларациях, в попытках создания Содружества тюркских государств, в деятельности Фонда по исследованию тюркского мира, основанного в Турции в 1980 году, под руководством инициативе Турана Язгана, в работе всемирных тюркских политических конференций и съездов, которые регулярно проходят с начала 1990-х годов с участием представителей всех тюркских народов мира.

Тюркизм (пантюркизм) представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем, непосредственно затрагивающих сферу политики, культуры, межнациональных отношений в меняющейся России и в более широком евразийском ареале, в постсоветском пространстве.

Из далекой от нашего времени, чисто исторической и историографической темы, завязанной на процессах становления концепций пантюркизма в России и Турции в конце 19-го – начале 20 веков и на противоречивой интерпретации этих процессов в отечественной и зарубежной исторической науке и политологии, пантюркизм в 1990-х годах стал реальным феноменом современной общественной жизни, вызывающем яростные идеологические баталии. Для определенной части постсоветского истеблишмента пантюркизм (в его прошлых и нынешних ипостасях, между которыми не делается различий) – это враждебный жупел, дестабилизирующий фактор, концентрация негативных сил, источник постоянной опасности, разновидность криминального политического "заговора", своего рода "группового сговора" тюркских народов (или их политических элит), угрожающего национальной безопасности прежде всего России, а также Армении, Грузии, Греции, Болгарии, других продвинутых на Восток христианских стран и чуть ли не всей поствизантийской цивилизации в ее ортодоксальном (православном) конфессиональном измерении и особенно в ее славянском (панславистском) этническом восприятии.

Яростное неприятие пантюркизма, как некоей "национально-политической гегемонической версии" антиславянской окраски, мы встречаем в публичных выступлениях таких политиков русско-националистической ориентации, как, например, бывший Председатель Центрального Совета Национально-республиканской партии России Николай Лысенко, заявляющий: "Сегодня Российская Федерация буквально опутана сетью тюркских республик, которые гигантской дугой охватили всю страну, включая Поволжье, Кавказ, Урал и Сибирь. В этих республиках, как на дрожжах, вспухают политические организации, стоящие на позициях пантюркизма..."¹. Проведенная под эгидой той же партии и родственных ей организаций в 1994 году в Москве Первая международная научно-практическая конференция "Пантюркизм и проблемы национальной безопасности России" наметила создание целого "интерфронта" стратегического наступления на пантюркизм националистическими силами России, Армении, Болгарии, Греции, Сербии, и магическим знаком этого современного ордена меченосцев стал образ осененного православным крестом Георгия-Победоносца, который поражает своим копьем серого волка, символизирующего злобный и хищный тюркизм.

Главным оселком, на котором оттачивают противники пантюркизма свои "теории", истеричные манифесты и доносы (к такого рода политическим доносам, облаченным в наукообразную форму, можно отнести появившееся на московском книжном рынке в 2002 году пухлое сочинение Александра Сваранца "Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе"²), является представление о так называемой враждебности пантюркизма национальным интересам России. Это представление ложно по своей сути. И все же для того, чтобы поставить все точки над "i", надо предварительно ответить на вопрос, о какой России в таком случае идет речь. Свободной России, демократической России, Российской Федерации, способной обеспечить действительное равноправие народов, пантюркизм, направленный на защиту интересов, на содействие свободному культурному развитию и укреплению тесных взаимосвязей значительной части ее населения, ее сограждан, пантюркизм не может быть "враждебен", как не могут быть враждебны ей любые другие теории, нацеленные на духовное возрождение и культурное взаимодействие ее народов (славянской, финно-угорской, кавказской и любых других лингвокультурных или региональных общностей). России имперской, России, проводившей агрессивную и

¹ Николай Лысенко. "Великий Туран" как новая претензия на мировое господство // *Армянский вестник*, 1993, № 9. С. 1.

² Александр Сваранц. *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе*. М., 2002.

колониальную политику, угнетавшей народы всех своих "окраин" и регионов, делавшей ставку на принцип "разделяй и властвуй", пантюркизм как форма народного сопротивления этому принципу и этому угнетению, конечно, враждебен, и это хорошо понимали всегда и "столпы" империи (как царской, так и коммунистической) и все их услужливые идеологи и осведомители, так и лидеры национально-освободительных движений, имевшие мужество бросить этой империи политический вызов. Именно таким вызовом можно считать, например, и первую Программу Ассамблеи Тюркских народов (АТН), принятую в 1991 году, в которой ставилась задача разработки "тактики политической солидарности и взаимной поддержки [...] в борьбе с имперской политикой "Центра" и его номенклатурными "вассалами" на местах"³; и вторую Программу АТН, принятую на Третьем съезде в сентябре 1993 года, в которую был введен специальный раздел "Тюркский мир и глобальная политика" и в качестве политических приоритетов выделены ориентиры тюркской интеграции на основе Анкарской Декларации глав шести независимых тюркских государств от 31 октября 1992 года и Антальяской Декларации лидеров 18-ти тюркских общественных организаций от 21 марта 1993 года.

Напомним, что к тюркской группе алтайской языковой семьи в современном мире (без учета исторических древностей Евразии и судьбы народов, исчезнувших с исторической арены и бывших тюркоязычными по убедительным палеоэтнографическим версиям) относятся (в порядке убывающей численности) турки (свыше 45 миллионов), узбеки (свыше 15 миллионов), казахи (свыше 8 миллионов), татары (свыше 8 миллионов), включая самостоятельные этносы (татары волжские, татары крымские, татары литовские, татары сибирские) и особые этнографические группы (казанские татары, мишари и другие), азербайджанцы, туркмены, киргизы, чувашы, башкиры, якуты, каракалпаки, кумыки, уйгуры, гагаузы, тувинцы, карачаевцы, хакасы, балкарцы, ногайцы, алтайцы, шорцы, долганы, караймы, крымчаки. Только в СССР по данным последней переписи населения 1989 года проживало 49 миллионов 534 тысячи; по данным на 1985 год – 45 миллионов 140 тысяч человек, принадлежащих к тюркской лингвокультурной общности⁴. Заметный уже по этому

³ Документ цитируется в переводе на русский язык и в изложении, данном в книге: Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.)*. Казань, 1996. С. 239.

⁴ *Народы мира. Историко-этнографический справочник*. Москва, 1988. С. 543.

сопоставлению высокий естественный прирост населения у народов тюркской общности позволяет предположить (за отсутствием точных данных), что к началу 21 века численность всего тюркского населения мира значительно превышает 100 миллионов человек, причем почти половина этой численности сосредоточена в Турции, где кроме этнических турок (османов) проживают также крымские татары, карачаевцы, ногайцы и другие выходцы из тюркских народов. По данным изданного в Вене Атласа Восточной и Южной Европы, фиксирующего этническую структуру Восточной Европы и Кавказа к 1990 году, 11 из 24-х названных выше тюркских этносов составляют тюркский мир Европейского континента, а именно турки, азербайджанцы, татары, казахи, ногайцы, гагаузы, карачаевцы, балкарцы, чуваша, башкиры, кумыки (крымчаки и караимы в этом Атласе не упоминаются)⁵.

Тюркские народы составляют значительную часть народонаселения многонациональной России (по данным переписи 1989 года – около 7 %, к концу столетия – уже около 8 %), что формирует не только крупный (до 12 миллионов человек) людской резерв, но что особенно важно, – людские массы, сосредоточенные в стратегически приоритетных регионах Российского государства и контролируемые своей хозяйственной деятельностью ценнейшие источники сырья и важнейшие экономические комплексы – Среднее Поволжье, значительную часть Центральной Азии, Северного Кавказа, некоторые территории Урала и Сибири. Краеугольные проблемы безопасности, стабильности, территориальной целостности России, дееспособности системы федерализма, межнационального согласия в Российской Федерации во многом зависят от общего вектора национальных движений тюркских народов России, от программных установок и идеологических ориентиров этих движений, от настроений в тюркской среде, от развития тюрко-славянского диалога и взаимопонимания в широком евразийском пространстве.

Концепция тюркизма, изначально ориентированная на единение тюркских народов Евразии на основе не только лингвокультурной общности или исторической родственности, восходящей к древним процессам этногенеза, но и на платформе определенной политической солидарности, осознания общности интересов, выработки единой стратегии национальных движений, имеет огромное значение для российской государственности, для дальнейшей

⁵ *Atlas Ost- und Südosteuropa- Ethnische Struktur des östlichen Europas und Kaukasiens um 1990. Wien, 1993. S. 24-28.*

перспективы развития России как многонациональной страны и демократической федерации. Тюркизм может представлять значительную опасность и угрозу для этой перспективы в том случае, если он оказывается в конфронтации с идеологией большинства, нацелен на изоляцию тюркского мира от соседей и формируется как сила, враждебная российской государственности или славянской культуре. В то же время он может стать и становится важнейшей опорой российской государственности, незаменимым и мощным стратегическим союзником русского народа, демократических движений и прогрессивных сил других народов в случае, когда он сам приобретает характер открытой, толерантной, гуманистической системы, восходящей к основам либерального тюркизма его основоположника Исмаила Гаспринского, ориентируется на ценности межнационального союза и согласия.

В таком общественно-политическом контексте обращение авторов к феномену тюркизма, к процессу его становления и развития, к его функционированию в современной России и ее ближайшем южном зарубежье, к анализу его историографических интерпретаций и версий, означает обращение к актуальным проблемам и реалиям как российской, так и международной действительности, идеологической борьбы, общественной мысли начала 21 века. Вместе с тем это исследование обращено и в историческую глубину более чем столетней протяженности и ориентировано на то, чтобы вывести на свет современности, заново переосмыслить и оценить давно забытые интерпретации и манифесты пантюркизма, формировавшиеся в различных политических кругах и национальных школах европейской и мировой исторической науки конца 19 и 20 веков.

История тюркизма на протяжении последнего столетия и история отношения к нему нетюркской, российской и мировой общественности, менявшегося в широкой амплитуде колебаний от жесточайшего остракизма до апологетики, от необоснованных страхов и расчетливых провокаций до честных и серьезных попыток разобраться и понять позитивные ценности тюркизма, богата примерами и противоречивых интерпретаций, и противоположных действий, и неоднозначных последствий как в системе общетюркской мобилизации, так и в борьбе с ней. В современных геополитических условиях, когда тюркские народы России втягиваются в сложные политические и духовные контакты с меняющимся тюркским зарубежьем (а это уже не только Турция, бывшая долгое время фактически единственным оплотом тюркизма и тюркским государством за пределами нашей страны – прежней Российской империи, Советского Союза, но и Азербайджан, и независимые среднеазиатские государства) и когда наблюдается общее – идеологическое и

организационное – оживление международного тюркистского движения, чрезвычайно важно разобраться в том, с каким именно направлением тюркизма имеет дело постсоветское общество, какие тенденции преобладают в современной парадигме тюркизма, какое отношение к нему, вырабатывающееся как внутри тюркского мира, так и "со стороны", можно считать адекватным и обоснованным в аксиологическом, нравственном, социологическом плане. Понять сущность тюркизма (пантюркизма), правильно оценить его духовный потенциал, его политическую направленность, – это одновременно и государственная задача, важная для обоснования и выработки российской внутренней ("национальной", региональной, федеральной) и внешней политики, и актуальная для широкого комплекса гуманитарных наук (прежде всего для исторических дисциплин, а также для философии, политологии, этнической культурологии) научная проблема, до сих пор не имеющая достаточного теоретического, методологического и фактологического обеспечения.

Начинать решение этой проблемы следует с анализа противоречивых историографических версий, создавших нагромождения ложных, искаженных представлений о враждебном человечеству "пантюркизме" или, напротив, о спасительной идее тюркизма как панацеи от всех социальных потрясений и бед. Следует учитывать также, что в данной отрасли знаний – не только в прошлом, но и на современном этапе развития мировой и отечественной историографии, обращенной к проблематике тюркизма, – нет достаточно развитых внутренних связей, остается усиливаемая языковыми барьерами, государственными границами и традиционными локальными подходами разобщенность между исследователями тюркизма из разных стран и научных школ, доходящая до полной неосведомленности (например, для российских читателей о трудах современных турецких, а также западноевропейских и американских ученых, занятых вопросами пантюркизма, порою и о работах наших близких соседей – украинских, узбекских, азербайджанских исследователей) и до взаимного непонимания даже на элементарном терминологическом уровне. Совершенно очевидно, к примеру, что представления об "агрессивном и кровавом" тюркизме, распространенные в современной армянской исторической литературе и имеющие некоторые отголоски и параллели и в русской, и в греческой, и в болгарской, и в сербской историографии, никак не совпадают с теми идеологическими и культурными параметрами и контурами современного тюркизма, которые создаются не только усилиями его непосредственных сторонников и идеологов, но и отстраненных от участия в пропаганде этой идеи ученых Татарстана, Крыма, Азербайджана, Турции и других культурных центров, словно

речь идет, вообще, о разных материях, о разных общественных феноменах. При этом те процессы "реабилитации", регенерации, возрождения, переосмысления, обновления тюркизма, оживления организационной работы по сплочению тюркских народов, корректировки идеологической платформы тюркизма, которые приходится на последнее десятилетие 20 века, привлекая к себе повышенный интерес общественности, политиков, деятелей культуры, так или иначе вовлеченных в ангажированное поле возрождающегося тюркизма (или напротив, борьбы с ним), порождают особенно широкий разброс мнений и противоречивые оценки. Поэтому не только актуальной, но просто необходимой для дальнейшего продвижения исторических исследований задачей является компаративный анализ разных историографических версий, сравнение подходов к тюркизму как в хронологическом вертикальном разрезе (в давнем, недавнем прошлом, в современной ситуации), так и по широкой геополитической горизонтали – с учетом того, как воспринимают его на востоке и на западе, в разных странах и регионах, с попыткой выделить то, что в этом восприятии ближе всего к объективной истине, к реальной, а не фантастической "миссии тюркизма". В этом авторы исследования видели свою задачу и стремились внести в ее решение свой посильный вклад.

Не имея возможности и не претендуя на то, чтобы охватить всю грандиозную "литературу вопроса", авторы все же стремились максимально актуализировать и рассмотреть исходные концепции основоположников тюркизма, формировавшиеся на тихом вечернем закате 19 века и на тревожной утренней заре века 20-го; многие пласты забытой отечественной, "эмигрантской", зарубежной литературы, появившейся как до Первой мировой войны, так и в период между Первой и Второй мировыми войнами; нацистские версии воинствующего тюркизма, получившие распространение в годы Второй мировой войны; различные (порою контрастно различные) критические направления в исторической литературе и публицистике, от вульгарного нигилизма по отношению к любой программе тюркского культурного или политического объединения до развернутых аналитических экскурсов в ту область новейшей политической мифологии, к которой принадлежат многие популярные мифологемы тюркизма; смежные с исторической литературой философские, этнологические, искусствоведческие труды, исследования в сфере этнопсихологии и этнической культурологии, касающиеся классических и новейших концепций тюркизма; наконец, огромный поток современных суждений, дискуссий, деклараций, информационного материала по "мобилизованному тюркизму" в России и в других странах, которым полна современная пресса и политическая

публицистика. Все это составляет противоречивую и в то же время исторически целостную панораму динамично меняющихся прагматичных подходов и версий тюркизма, борьбы идей на историографическом поле.

Принципиальные подходы к проблеме заключаются в стремлении авторов дать объективный научный анализ как самого тюркизма (пантюркизма) в его историческом генезисе и эволюции, в его философских, политологических и культурологических параметрах, так и закономерных, исторически предопределенных на разных этапах и в разных этнополитических условиях научных и псевдонаучных версий, сохранить широту оптического видения данного явления в целом и отдельных его граней, конкретных особенностей и частных деформаций, включая все многогранно-мозаичное историографическое "зеркало" тюркизма. Независимость, абсолютная неангажированность исследовательской позиции, опора на достоверные факты и внимательно прочтенные тексты, бережное обращение с источниками рассматривались авторами как нравственная максима и обязательное условие исследования, которое предпринималось не "в защиту" и не "против" тюркизма, не ради его пропаганды или "разоблачения", но с целью всестороннего анализа этого явления, вдвойне сложного в связи с его внутренней противоречивостью и еще более противоречивой посторонней оценкой и интерпретацией. Авторы рассматривали концепции тюркизма не "изнутри" – из тех идеологических эпицентров, где они формируются, проходя свою апробацию на конгрессах тюркских народов и в иных формах общественных инициатив и движений, а "со стороны". Однако стремление к беспристрастности не означает равнодушия постороннего наблюдателя, и внутренний стержень исследования во многом определяется тем комплексом убеждений, к которому своим путем пришел каждый из членов данного авторского коллектива, а именно представлениями о позитивном идейном ядре, гуманистическом потенциале культурного пантюркизма, восходящего в своих истоках к безупречным нравственным императивам, просветительским установкам, социальным утопиям и классическим представлениям Исмаила Гаспринского о "согласии", "дружбе" народов тюркского мира и тюрко-славянского пограничья, их движении к модернизации и прогрессу.

С этими представлениями связан и наш вывод, определяющий один из важнейших подходов к исследуемой проблеме, а именно вывод о естественном и закономерном процессе зарождения и развития тюркизма в лоне российской государственной системы и полиэтнической культуры, в контексте национально-освободительных движений народов имперской России и национальных движений народов бывшего СССР. В такой интерпретации тюркизм (или

пантюркизм) перестает быть инородным телом, раздражающим русское патриотическое сознание, неким продуктом турецкого идеологического импорта или международного "заговора", подброшенным извне, как вражеская, немедленно взрывающаяся бомба или мина замедленного действия. Придя к пониманию всей философии, идеологии, политической платформы тюркизма как к органичному и закономерному порождению российской истории, российских противоречий, как к следствию того положения и того социально-культурного кризиса, в котором оказались народы тюркского мира внутри Российской империи и внутри Советского Союза, мы хотели бы представить в нашем коллективном исследовании тюркизм как явление отечественной истории, выросшее на российской почве, что не исключает внимания и к его сложным модификациям на турецкой почве и в более широком евразийском и мировом пространстве.

Важный аспект исследования был связан с корректировкой терминологического аппарата, прежде всего с разграничением и содержательным наполнением понятий "тюркизм" и "пантюркизм". Об их возможном совпадении и их различиях в конкретном историческом контексте следует сказать особо, предвзяв дальнейшее изложение.

К дефинициям "тюркизм" и "пантюркизм" существует несколько различных подходов, определяемых историческим мышлением, геополитическим диапазоном, принципиальной позицией исследователей и пропагандистов. В зависимости от того, какой подход мы примем в качестве оптимально удобного и приемлемого, о какой трактовке терминов мы договоримся, на какой конвенции остановимся, выявится то содержание, которое вкладывается в понятия "тюркизм" и "пантюркизм".

Если взять за основу определение, предложенное известным исследователем Якобом Ландау и изложенное в его книге "Пантюркизм. От ирредентизма к кооперации", изданной в Лондоне в 1995 году, а именно формулу: " Речь идет о движении, целью которого является создание объединения, союза, — на культурной, психологической (или на обеих вместе) основах — народов тюркского происхождения" ⁶, то мы вряд ли обнаружим на этой основе какие-либо существенные различия между тюркизмом и пантюркизмом. Конечно, "союз" или "объединение" можно трактовать по-разному — как прочную государственную конфедерацию (для ее создания в современном мире, к сожалению или к счастью, нет ни реальной возможности, ни близкой перспективы) или как общественную организацию типа нынешней Ассамблеи тюркских народов (АТН), но ничего иного, кроме

⁶ Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 1.

стремления к такому объединению, в установках "пантюркизма" и "тюркизма", в данной широкой их интерпретации, нет. Сам Ландау, опираясь на исследование своего предшественника Мирона Вайнера, занимавшегося историей этого движения в балканском контексте⁷, предпочитает называть это явление "пантюркизмом", не вкладывая в приставку "пан" никакого одиозного смысла или предположения о глобальных амбициях идеологов тюркизма и их претензиях на "мировое господство". Этимологически понятие "пантюркизм" возникает в контексте с уже получившими определенное содержание и распространение явлениями "панславизма", с одной стороны, с опорными пунктами в России, и "пантуранизма", с другой стороны, с опорными пунктами в Венгрии, которая была родиной первого историографа и пропагандиста пантуранской общности Арминюса Вамбери, страной, где в дальнейшем пантуранизм приобрел широкую популярность как ответ на вызовы панславизма и базировался на разработках, публиковавшихся в журнале "Туран", довольно регулярно выходившем с 1913 до 1970 года. При этом пантюркизм был своего рода производным феноменом от пантуранизма и отличался от последнего только более узким этническим и географическим ареалом собственно тюркской общности (без участия финно-угорских групп гигантской, простирающей к северу от Ирана "страны Туран").

Правда, говоря об исходном отличии пантюркизма от пантуранизма, мы должны внести одно уточнение. Дело в том, что на практике далеко не все авторы учитывают это отличие. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии нередко встречаются высказывания, основанные на представлениях о тождестве, совпадении понятий "пантюркизм" и "пантуранизм". Такие представления по сути своей неточны и неверны; однако, сложность заключается в том, что в отдельных случаях концепции пантюркизма и пантуранизма, действительно, сближаются до полной неразделимости, и некоторых сторонников этой идеи, убежденных в единстве и всего тюркского мира, и всего "Турана", включающего народы тюркской, финно-угорской и монгольской языковой общности, вполне правомерно можно считать одновременно и пантюркистами, и пантуранистами и пользоваться соответствующими определениями их теорий как бы через запятую, или со знаком равенства. Кроме того, и в тех случаях, когда ни о каком пантуранизме нет и речи в сочинениях того или иного автора, настаивающего исключительно на единстве тюркского мира и

⁷ Myron Weiner, *The Macedonian Syndrome: an Historical Model of International Relations and Political Development* // *World Politics*, Princeton, XXIII (4): July 1971, pp. 665-683.

вовсе не интересующегося более пространным и гетерогенным явлением, именуемым страной "Туран", нередко и сам этот автор именует себя "туранистом", и его критики упорно считают его представителем "пантуранизма". Такова сложившаяся, до сих пор недостаточно четкая и выверенная в терминологическом отношении историографическая традиция, с которой просто надо считаться. Об одном из характерных периодов ее развития в Турции (между 1923 и 1943 годами) выразительно написал Якоб Ландау, отметив, что тогда и противники пантюркизма называли его идеологов "пантуранистами" ("Turancı"), вкладывая в это слово одиозный, уничижительный смысл, и сами пантюркисты, к пантуранизму на самом деле не имевшие отношения, в полемическом задоре с гордостью стали говорить о себе как о "пантуранистах" и называть свою теорию "пантуранизмом"⁸.

Если все-таки можно сказать, что пантюркизм относится к пантуранизму, как часть относится к целому, даже в тех случаях, когда эта часть настолько разрастается, что становится равной, тождественной этому целому, и никаких серьезных внутренних противоречий между ними нет, то панславизм с самого начала оказывался в острой идеологической конфронтации с пантюркизмом, причем агрессивная энергия в этой конфронтации исходила прежде всего со стороны панславизма. И хотя панславизм был в первую очередь (особенно после 1871 года) направлен против Германии и немцев, следующим объектом его пропагандистской атаки оказывалась Османская империя и тюркские народы, причем дело доходило до таких крайних форм выражения туркофобии, как высказывания, составившие печальную известность агрессивной книги "Панславизм и восточный вопрос" (изданной в Париже в 1898 году), в которой утверждалось, что "Турция должна исчезнуть с европейской политической арены", что южные славяне являются единственными наследниками Османской империи, что им принадлежит "левантийский трон"⁹.

В контексте этих категорий ("панславизм", "пантуранизм") постепенно отпочковавшуюся от широкого пантуранизма идею именно тюркской суперэтнической общности, "тюркского колосса", важнейшими этническим составляющими которого Вамбери называл анатолийцев (собственно турок), азербайджанцев, туркмен, узбеков, киргизов и татар, удобнее было называть "пантюркизмом", хотя и в современной, и в более поздней литературе это направление общественной мысли и политической деятельности нередко называлось

⁸ См.: Jacob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London, 1995. P. 111.

⁹ I. de Malkhazouny. *Le Panславизм et la question d'Orient*. Paris, 1898. P. 86.

и на турецком, и на европейских языках словом "тюркизм". "Тюркизм и Советы" называлась одна из известных английских монографий, появившаяся в 1957 году, исследующая распространение идеологии пантюркизма среди народов Юга России и Средней Азии и подавление этой идеологии советским режимом¹⁰. В данном историографическом ракурсе никаких существенных различий в понятиях "тюркизм" и "пантюркизм" не существует, практически это одно и то же, и об этом совпадении (и досужих и напрасных попытках найти некие умозрительные отличия) весьма убедительно, с иронией писал один из ведущих идеологов пантюркизма начала 20 века Юсуф Акчур: "Если я мог бы отличить тюркскую политику от "пантюркизма" или "исламскую политику" от "панисламизма", то тогда бы, конечно, было бы ясно, что проводить тюркскую или исламскую политику внутри Турции - это вовсе не означает стать пантюркистом или панисламистом вовне"¹¹.

Итак, никаких различий "внутри" и "вовне" между пантюркизмом и тюркизмом на исходном этапе не было.

Различия возникают в 20 веке на двух уровнях и в совершенно разных планах.

С одной стороны, по мере успешного развития младотурецкого движения в Турции, неизбежной трансформации гигантской и пестрой по своему этническому составу Османской империи в страну с гомогенной национальной культурой и идеологией, по мере того, как исторический спор о способах духовного самоопределения и формах идентичности ее граждан между концепциями "исламизма", в парадигме политики и идеологии султана Абдул Хамида II ("мы – мусульмане"), "османизма" ("мы – подданные Османской империи") и "тюркизма" ("Мы – турки", при этом между "тюрк" и "турок" в турецком языке никакое различие не выражено) был решен в пользу последнего, тюркизм (и именно тюркизм, а не пантюркизм) приобрел особое значение исключительно в контексте внутренних проблем, "pro domo sua" турецкого общества и государства. Тюркизм, как составная часть официального кемализма, был собственно национальной государственной идеологией, объединяющей не только этнических тулок, но все население страны на основе единого турецкого языка, общетурецкого патриотизма, гражданской лояльности к независимому Турецкому государству, в то время как считалось, что "пантюркизм"

¹⁰ C. W. Hostler. *Turkism and the Soviets: the Turks of the World and Their Political Objectives*. London, Geo. Allen and Unwin, 1957; 244 pp.

¹¹ Цитировано по изданию: Расул-Заде М.Э. О Пантюранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985. С. 47-48.

занимается зарубежными проблемами, вторгается в сферу международных отношений, касается народов, живущих за пределами Турции (чаще всего они объединялись понятием "Diş Türkler" – "дыш тюрклер", нечто вроде "чужие турки", "тюрки зарубежья", "тюрки вне Турции"), и официальный правящий режим Кемаля Ататюрка и его последователей старался отмежеваться от платформы "пантюркизма", главным образом, из тактических соображений укрепления имиджа неагрессивной страны и поддержания добрососедских отношений с Советским Союзом. Сторонники "пантюркизма" в Турции после 1923 года даже подвергались преследованиям (эти преследования особенно усилились в конце Второй мировой войны, в 1944-45 годах), во всяком случае их легальная пропагандистская и организационная деятельность была резко ограничена.

С другой стороны, и теоретическое, и чисто эмоциональное размежевание понятий "пантюркизм" и "тюркизм" происходит в Советском Союзе. Ничего общего с тем содержанием понятий, какое определяется в Турции, оно не имеет, во всяком случае "тюркизм" в нашей стране его новые сторонники, начавшие свою энергичную мобилизационную деятельность в конце 1980-х годов, никак не связывают с чисто турецким патриотизмом, турецкой национальной идеей и лояльностью к турецкому государству. Контroversa между "пантюркизмом" и "тюркизмом" объясняется слишком сильным идеологическим прессингом советского государства, фактически уже в 1920-х годах поставившего пантюркизм вне закона, объявившего ему грозную анафему со всех своих пропагандистских и научных амвонов и трибун. Концентрированная сила этой категорической нетерпимости, этого из года в год возобновлявшегося проклятия, красной нитью проходящего через все определения пантюркизма в советских энциклопедиях и философских словарях, диссертациях и монографиях, газетных памфлетах и судебных приговорах, оказалась настолько магнетической, что у лидеров возрождающегося движения тюркской солидарности не хватило решимости поставить вопрос о полной нравственной реабилитации самого понятия "пантюркизм" и с гордостью поднять это знамя. Массовое сознание, слишком глубоко отравленное последовательной фальсификацией и враждебной критикой "пантюркизма", было бы трудно перестроить в направлении толерантности к нему. Поэтому в советском и постсоветском обществе было стихийно принято нечто вроде негласной конвенции, согласно которой "пантюркизм", претендующий на некое всеобщее господство или преобладание над другими народами (греческое составляющее слово "пан" – "всё" – трактуется при этом не столько как основа "*всетюркского*" объединения, сколько как славянское определение господства: "*пан*" – господин, хозяин), – явление безусловно

отрицательное (для его противников – средоточие всех грехов "угрожающей миру тюркской агрессии"), в то время как "тюркизм" (без опасного и раздражающего "пан") – уже нечто допустимое, для его противников – тоже грех, но поменьше, а для его сторонников – легитимное движение, которое они надеются в полной мере "реабилитировать" в глазах всего мира. Неслучайно Рафаэль Мухамметдинов, один из признанных лидеров этого движения, называет свою книгу, ставшую идейным манифестом его возрождения, "Зарождение и эволюция тюркизма" и объясняет во "Введении" к ней: "Тюркизм в советской большевистской историографии фигурировал непременно как "пантюркизм", который интерпретировался исключительно как экспансионистское объединение тюркских народов во главе с Турцией, ставящей своей целью проведение шовинистической политики в отношении других народов и государств. Пантюркизм был своего рода жупелом, который связывался с понятием "буржуазный национализм", а последний ... непременно должен был ассоциироваться с такими понятиями, как "расизм" и "фашизм"..."¹².

Стремлением спасти свое детище от этих негативных ассоциаций и тяжелого груза прошлых фальсификаций объясняется четкая установка, – принятая во всех теоретических обоснованиях, документах, названиях организаций и изданий возрождающегося движения всетюркской солидарности, – на слово "тюркизм", решительно вытесняющее из лексикона его лидеров, практиков и идеологов понятие "пантюркизм", как якобы ложное, неверное или устаревшее. О "пантюркизме" и "пантуризме" охотно рассуждают и громко говорят, пытаясь распространять представления о "тюркской угрозе" и вызвать паническую реакцию ("Турки идут!"), лишь его противники. Наглядным примером их активности в современной России и на международной арене может служить 1-я Международная научно-практическая конференция "Пантюркизм и национальная безопасность России", проведенная в Москве в 1994 году с участием ангажированных представителей русского, армянского, грузинского, сербского, болгарского национализма, чье стремление к созданию единого фронта "борьбы с пантюркизмом" зафиксировано в изданных

¹² Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма. (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.).* Казань, 1996. С. 11.

материалах этой конференции¹³. Категоричная нетерпимость к концепциям тюркской солидарности, обозначаемым как "пантюркизм" и "пантуранизм", пронизывает выступления многих современных армянских историков и политологов¹⁴.

Бушующие национальные страсти развели на значительную дистанцию понятия "тюркизм" (с позитивным содержательным наполнением) и "пантюркизм" (с его негативной краской). Тем не менее в исходном и наиболее точном значении понятия "тюркизм" и "пантюркизм" не просто близки, но фактически тождественны, и если не обращать внимания на психологические особенности их звучания в различных конкретных политических ситуациях и исторических контекстах, на фальсификации новейшего времени и идеологические кампании прошлых лет, мы можем одинаково пользоваться этими понятиями, имея в виду тюркскую ("тюркизм") и всетюркскую, ибо ни один тюркский народ не исключается из этого поля ("пантюркизм") солидарность, основанную на "единстве в языке, делах и вере", или говоря словами одного из современных лидеров этого движения, "систему идей, проистекающих из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских народов и пропагандирующих единство, братство и сотрудничество этих народов, а также направленных на защиту их свободы и независимости и способствующих их продвижению по пути прогресса и процветания"¹⁵.

¹³ *Пантюркизм и национальная безопасность России. 1-я международная научно-практическая конференция. Материалы конференции. Москва, 1994.*

¹⁴ См., например: Владимир Заргарян. *Геополитические тенденции пантуранизма* // *Тесакет (Ереван)*, 1994, № 25. С. 8-11; Арам Алексанян. *Гегелевская всемирная история и пантюркизм* // *Тесакет (Ереван)*, 1994, № 25. С. 17-19.

¹⁵ Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма. (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 11-12.*

1. Предыстория вопроса. Канун первой эры пантюркизма

Как любое крупное течение общественной мысли идеологическое движение международного радиуса действия, тюркизм (пантюркизм) не имеет точной даты и строго фиксированного места рождения. Истоки тюркской консолидации при желании можно проследить в истории, уходящей в глубь веков, в очень древних пластах тюркского фольклора, в недрах формирующегося этнического самосознания (практически всех тюркских народов), интуитивно искавших и сходства, и возможной опоры в родственных культурах, и союза друг с другом. Такого рода поиски формируют этическую традицию, веками развивавшуюся в народных культурах тюркского мира (как, впрочем, и любой другой лингвокультурной, суперэтнической общности, например, славянской, угро-финской, романской и так далее). Эти традиции не мешали, однако, "братьям по языку и крови", – независимо от того, называли они себя так, или безымянно, подсознательно ощущали это родство, или вовсе его игнорировали, выстраивая свои прочные и непрочные корпорации на иной основе, – вступать в конфликты, поработать, вытеснять друг друга из освоенного и благоприятного жизненного пространства, вести кровопролитные войны и самым жестоким способом истреблять друг друга. Печальными примерами такого рода полна история народов практически всех, крупных и малых лингвокультурных групп, уходящая в глубокую древность племенных столкновений, в средневековые драмы или оборачивающаяся коллизиями нового времени.

В этом отношении тюркский мир никаким исключением не является. Биологические закономерности самосохранения вида (животные одной породы не уничтожают друг друга) на него не распространяются. Вместе с тем в стереотипах формирующейся национальной культуры и нравственности, в народной исторической памяти объединительная тенденция, фигурирующая как некая мифологема "братства", "родства", "близости" (с избранными, ближайшими, или всеми группами, общающимися на том же или похожих языках), всегда противостояла вызовам внутренней вражды и разобщенности. Идеологам тюркизма (как и подобных ему интеграционных течений в других общностях) было на что опереться в традиционной культуре, в наследии их народов, в фольклорных, литературных источниках, в поведенческих нормах и духовных императивах, основанных на аксиоме "Мы – братья".

Этнические и этнодемографические процессы как в глубокой древности, так и в Средние века и в Новое время были неотделимы от

системы теснейших и разнообразных связей тюркских народов друг с другом. На разных этапах и в разных регионах типы этих связей были различны: проживание в общей контактной зоне, непосредственное соседство (не исключающее ни столкновений и конкурентной борьбы, ни союзов и сотрудничества), сосуществование в одном государстве, выступление в роли проводников, посредников (такую роль, к примеру, вплоть до конца 19 века играли татарские купцы на территории Средней Азии, при этом с татарскими купеческими караванами к тюркским народам Средней Азии проникало и культурное влияние европейского ареала), а в некоторых случаях и полный синкретизм единого этнического монолита, из которого лишь позднее, как следствие различных миграций, административного вмешательства, проведения государственных границ, разрезающих этот монолит на разные части, экономических и иных причин, постепенно стали формироваться разные тюркские народы с собственным этническим самосознанием. При этом и самые близкие (по языку, иногда даже не сходному, а единому, как, к примеру, единым является карачаево-балкарский язык; по месту проживания), и оказавшиеся довольно далеко друг от друга тюркские народы, разделенные государственными границами, огромными пространствами евразийских степей, разными религиями, системами хозяйства, оседлого или кочевого образа жизни и т.п., постоянно вырабатывали в своем сознании, в коллективном творчестве (фольклоре) определенные параллели, нормы взаимопонимания, модели сближения и взаимодействия, этнопсихологические стереотипы общности.

В таком широком историческом контексте можно сказать, что тюркизм никто не изобретал, во всяком случае не формулировал его принципы впервые в 19 веке, ибо это были очень старые, давно всем известные принципы, и история надежд на тюркскую солидарность и горьких разочарований в ней, слияния и размежевания тюркских культур насчитывает не меньше столетий, чем вся история каждого из тюркских народов и их меняющейся совокупности.

Однако есть у тюркизма и иной, более конкретный контекст, более прочный фундамент, определяемый историческими процессами нового времени, вызовами модернизации, "развитием капитализма в России", перспективами и противоречиями (силой и слабостью) национально-освободительных движений и той особой ситуацией, в которой оказались тюркские народы России к концу 19 века.

По данным переписи населения России 1897 года из 125.600.000 ее жителей более 13 миллионов, то есть почти 11 % всего населения составляли народы тюрко-исламской общности: на востоке империи – волжские и сибирские татары, башкиры, казахи, в недавно аннексированной Средней Азии (Туркестане) – узбеки, киргизы,

туркмены, на европейском юге – крымские татары, турки, азербайджанцы (впрочем, не всегда отличающиеся русскими чиновниками от турок, а также именуемые кавказскими татарами), ногайцы, горские народы восточной и центральной части Северного Кавказа – кумыки, карачаевцы, балкарцы; в западных губерниях – небольшие группы литовских, или польских татар.

Ни один из этих народов не вошел добровольно в состав Российской империи, все они были завоеваны и подчинены силой или опутаны обманом фиктивных, не выполнявшихся договоров, и горечь обид, и незаживающие раны давних (покорение Иваном Грозным Казани, завоевание Ермаком Сибири) и сравнительно недавних кровавых трагедий (аннексия Крыма, карательные походы Суворова в Ногайскую степь, Кавказская война, завоевание Средней Азии) определяли самочувствие мусульман – тюркских подданных Российской империи. Основными проблемами, которые тревожили их постоянно, были социальный и политический гнет, наступление на их земли, имущество и права, вытеснение их с исторической родины (вынужденная эмиграция, депортации, ссылки), наступление на их веру, культуру, язык, угроза русификации и христианизации тюркского мира. Большинство тюркских народов очень болезненно реагировали на те утраты, которые они понесли, на те ограничения и унижения, которыми была полна их повседневная жизнь в российском государстве, и главной опорой в их борьбе за свои права становились ислам и тюркизм. Панисламские устремления находили поддержку в зарубежном мусульманском мире. Эта идеология была более традиционной, в то время как пантюркизм в конце 19 века воспринимался как некая идеологическая новация. Он был тесно связан с национальными движениями и ростом национализма. Определенный толчок ему дали события русско-турецкой войны 1877-1878 годов, особенно страдания турецких военнопленных, оказавшихся в русском плену или в руках болгар.

Покоренные силой, тюркские народы Поволжья, Кавказа, Крыма, Сибири образовали ту взрывоопасную зону, на которой рано или поздно должно было возгореться пламя национально-освободительной борьбы. Распространение российской экспансии во второй половине 19 века в Среднюю Азию еще более расширило этот плацдарм. Покоряя тюркские и исламские народы, Россия становилась колониальной державой, неизбежно приближаясь тем самым к катастрофе собственного распада.

При этом тюркские народы, которые оказались к концу 19 века в составе Российской империи, были по своему укладу, образу жизни, хозяйству, политическим и культурным традициям неоднородны. Наряду с такими давно оседлыми и приобщенными к процессам

модернизации этносами, как волжские и крымские татары, азербайджанцы, в гетерогенное тюркское население России входили и степные кочевники (ногайцы, башкиры, казахи), и пастухи-горцы Северного Кавказа, в общественном укладе которых сохранялись многие черты общинного и родового строя. Наряду с народами, очень давно или сравнительно недавно обращенными в ислам и приобщенными к исламской цивилизации, в тюркский мир России входили и "крещеные" (но во многом остававшиеся "язычниками") народы Поволжья (чуваша, часть татар – так называемые "кряшены", нагайбаки), Урала, северной и южной Сибири (якуты, хакасы, алтайцы, шорцы), а с установлением российского протектората над Тувой в тюркском мире России появились и последователи буддизма (тувинцы). При всей географической широте и разбросанности этого мира его основной культурный, экономический, политический потенциал находился в тюрко-исламском эпицентре.

К концу 19 века, когда в самом этом эпицентре оказались уже десятки народов, ищущих выхода из угнетавшей их имперско-колониальной системы, вопрос о том, как сложится основное направление их совместной (или разобщенной) национально-освободительной борьбы и как определится главный вектор их общих усилий, оказался в прямой зависимости от того, что будет принято за основу единения – их принадлежность к исламу (исламизм) или их тюркская общность (тюркизм). Возможны были оба сценария развития и их сочетание и проникновение друг в друга. При этом ислам для того, чтобы превратиться в своего рода интегрирующую идеологию, играющую первостепенную роль и преобладающую над всеми другими формами идентичности, должен был быть приспособлен к новым условиям и требованиям модернизации, экономического, научно-технического прогресса, национального просвещения и пробуждения. Речь не шла о "реформации" исламского вероучения или культа (по аналогии с реформаторскими процессами, предопределившими раскол христианской церкви в 16 веке). Реформированию подлежала социальная действительность, в которой функционировал ислам, преодолению – экономическая и культурная отсталость исламских "окраин" России, обновлению – образ мыслей, круг знаний, формы распространения этих знаний (обучения, просвещения, участия печатного слова) в тюркском мире России. Тюркизм должен был быть осознан и приближен к сознанию, к системе самоидентификации тюркских народов, войти в их менталитет и мир чувств, стать их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства.

Формирование и распространение теории тюркизма, в тесной взаимосвязи с программой обновления мусульманской системы просвещения – джадидизмом, неразрывно связано с общественной и

научной деятельностью крымского татарина Исмаила Гаспринского (1851 – 1914). В его многогранном литературном, педагогическом, журналистском творчестве именно пропаганда этой теории оказывается важнейшей составляющей, которая обеспечивает непреходящую значимость и актуальность его трудов. Его классическое наследие – это живой источник, который не иссякает со временем, не замерзает даже в условиях той суровой зимы, в которую не раз погружался тюркский мир в мало благосклонное к нему новейшее время. С таянием снегов он пополняется вешними водами, с новыми потрясениями и тектоническими сдвигами земных порядков и земной коры он обретает новые глубинные ресурсы, новую энергию.

При этом Гаспринский не "изобретал" тюркизм как движение общетюркской духовной солидарности и взаимной поддержки. Его труды, вошедшие в историю общественной мысли конца 19 – начала 20 веков как цельная гуманистическая идеология тюркизма, имеющая и философское, и научное, и политическое обеспечение, были довольно своеобразны в контексте историографической культуры – скорее фрагментарны, чем систематизированы, скорее эмпиричны, чем абстрагированы, скорее декларативны, чем аргументированы. Он даже не писал о "тюркизме" как таковом – его волновала проблема "согласия" и общего прогресса тюркских народов, и оставаясь в сфере просветительской деятельности и нравоучительной риторики, он вряд ли, вообще, "открыл" в проблематике тюркизма что-либо абсолютно новое, что было бы неизвестно до него или непонятно его современникам. И все же мы можем сказать, что именно Исмаил Бей Гаспринский своей творческой интуицией, своим упорным трудом, своим гражданским мужеством пробил ту скважину, из которой бьет этот источник. Он попытался напоить людей его чистой водой. Он назвал его певучим перекатом из четырех слов, сливающихся в звонком музыкальном крещендо "*Dilde, fikirde, işte birlik*".

Построенная Гаспринским триада "Единство в языке, вере и в труде", выдвинутая как нравственный императив, обращенный к народам тюрко-исламского мира, красной нитью проходит через многие труды ученого, набатным звоном призыва звучит со страниц его газеты "Терджиман / Переводчик". Один из наиболее авторитетных в мировой историографии исследователей наследия Исмаила Гаспринского Александр Беннигсен пишет: "Гаспринский суммировал свои мысли о необходимости объединения тюрков-мусульман Российской империи в одной фразе "Единство в языке, вере и труде", или "Единство в языке, мыслях и действиях" ("Unity of language, of thought, of actions"). С его точки зрения, всеобщее (Pan-Turkic) и все-исламское (Pan-Islamic) единение является единственным средством, которое может спасти не только его маленький крымскотатарский народ, но все тюркские

народы Российской империи от уже начинающегося их поглощения и ассимиляции гигантскими русскими массами" ¹⁶.

Справедливо считая Гаспринского "отцом пантюркизма", именно этой идеи, опаснейшей для имперского государства и спасительной для его народов-невольников, никогда не мог простить Гаспринскому ни самодержавный, ни унаследовавший его великодержавно-шовинистическую парадигму коммунистический режим.

Между тем, "отец пантюркизма" сам во многих отношениях был духовным сыном, наследником и учеником тех ученых и просветителей, которые задолго до начала его деятельности формировались в среде тюркской, прежде всего казанской татарской интеллигенции.

На российское происхождение пантюркизма и активную роль поволжских татар (по советской терминологии – "татарской буржуазии") в формировании и распространении этой идеологии указывали и первые "марксистские" исследователи пантюркизма в СССР, видевшие в нем главного врага советской власти, но при этом вынужденные признать объективные предпосылки его появления в России. Характерна в этом отношении изданная в 1931 году в московском издательстве "Безбожник" книга А. Аршаруни и Х. - Габидуллина "Очерки панисламизма и пантюркизма в России". Начало зарождения пантюркизма ее авторы связывают с экономическим развитием татарских регионов России, отмечая, что вплоть до завоевания Средней Азии Россией торговый татарский капитал имел здесь безраздельное господство. В новой экономической ситуации, когда Средняя Азия перестала быть изолированным от христианской Европы и ее рынков ареалом, произошел "резкий перелом в положении татарского торгового капитала..." ¹⁷. С помощью пантюркизма, по мнению авторов, татарская буржуазия боролась "за завоевание для себя подобающего места внутри всего буржуазного класса России и хотел[а] монопольно представлять всю татарскую нацию" ¹⁸. "Деятельность российских пантюркистов, – отмечали они, – русское правительство всегда рассматривало, как влияние Турции [...]. В действительности же пантюркизм – продукт российской действительности, и если в Стамбуле он нашел себе сторонников и покровителей, то это результат

¹⁶ Alexandre A. Bennigsen. *Ismail Gasprinski (Gaspraly) and the Origins of the Jadid Movement in Russia* // Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Oxford, Society for Central Asian Studies, 1985. P. 12.

¹⁷ Аршаруни А., Габидуллин Х. *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. М., 1931. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 17.

многолетней борьбы российских и турецких пантюркистов за преодоление "османизма", который был, по существу, основан на отрицании родства османских турок с российскими тюрко-татарами..."¹⁹

В своем исследовании "Россия как многонациональная империя" историк Андреас Каппелер подчеркивает, что волжские татары были первыми из российских тюрков-мусульман, которые оказались охваченными "национальным пробуждением". Он пишет, что лидерами национального движения здесь были купцы и исламское духовенство, находившиеся в тесных контактах с мусульманами в восточных регионах России²⁰. Импульсы к национальному пробуждению исходили также из основанного в 1804 году Казанского университета, где была создана типография для издания татарских книг (арабским шрифтом), где преподавался татарский язык и поощрялись востоковедческие исследования. Повторяющиеся волны апостазии (отречения от навязанной им христианской веры) крещеных татар поддерживали непрерывную динамику развития ислама в этом регионе. Такие национальные просветители, способствовавшие культурному пробуждению народа, как Шигабутдин Марджани (1818 – 1889) и Каюм Насыри (1825 – 1902), заложили основы для исследования татарской истории и фольклора, для создания нового литературного языка

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ См.: Kappeler Andreas. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall.* München, C.H. Beck Verlag, 1993. В переводе на русский язык: Каппелер Андреас. *Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад.* Перевод с немецкого – Светлана Червонная. М., Прогресс-Традиция, 1997. Выводы Андреаса Каппелера, относящиеся к активной роли казанской татарской интеллигенции в предыстории тюркизма и в последующем его развитии в европейском контексте, согласуются с исследованиями, на которые он опирается: Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. *Les musulmans oubliés. L'islam en URSS aujourd'hui.* Paris, 1981; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. *Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le "Sultangalievisme" au Tatarstan.* Paris, 1960. P. 26-41; Rorlich Azade-Ayshe. *The Volga Tatars. A Profile in National Resilience.* Stanford 1986. S. 48-103; *Eine oder mehrere tatarische Nationen // Die Muslime* (1989). S. 63-79; Валидов Джамалютдин. *Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.).* М. 1923; Абдуллин Я. Г. *Татарская просветительская мысль (Социальная природа и основные проблемы).* Казань, 1976; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. *Les musulmans oubliés. L'islam en URSS aujourd'hui.* Paris, 1981. P. 30-42.

волжских татар и для развития татарского книгоиздания, которое расцвело в 19 веке. Узкая прослойка волжско-татарской интеллигенции, происходившей из купеческого сословия или мусульманского духовенства, ответила на новые попытки миссионерской деятельности и в целом на перспективу российско-европейской модернизации движением, направленным на реформирование ислама, что должно было обновить татарскую мусульманскую культуру, не нарушая ее идентичности. Ислам должен был быть приведен в соответствие с мировой модернизацией с помощью реформированной школы с преподаванием на татарском языке.

"Идеологи и сторонники джадидизма, – пишет в этой связи З.А. Имамутдинова, – выступали как религиозные деятели (имамы, муфаттисы, улемы). М. Абдо был избран главным муфтием Египта, административным лицом в знаменитом ал-Азхаре. В Урало-Поволжье Ш. Марджани являлся имамом 1-й Казанской мечети и муфаттисом медресе, суфием, как и Р. Фахретдин, который входил в состав Оренбургского Магометанского духовного собрания. З. Расулев был имамом и муфаттисом в медресе, открытом им самим в Троицке, знаменитым и за пределами царской России ишаном (возглавлял братство ан-Накшбандийа), З. Камали (ученик М. Абдо) был имамом 2-й соборной мечети Уфы, основателем медресе "Галийа". Многие джадидисты являлись выходцами из духовного сословия, наиболее образованного по тем временам... Характеризующее джадидизм в целом религиозное вольномыслие в Урало-Поволжье берет начало на рубеже 18-19 вв. (татарский богослов Г. Курсави), предвещая будущие религиозные реформы джадидов"²¹.

Таким образом, тюркизм и джадидизм формировались практически одновременно в широком пространстве "татарского мира", новые идеи буквально носились в воздухе, опорные пункты новой идеологии и нового движения перемещались по оси Казань – Крым, и любые попытки разделить это явление по национальным квартирам, приписать его изобретение одному человеку, который всех потом этому "научил", а тем более ревнивые споры о том, кому принадлежит в этом деле первое, кому – второе слово, по сути своей несостоятельны и бесперспективны. Татары России, в целом, а тем более такие разные народы, как крымские и волжские татары, конечно, не представляли собой единого целого, и между деятелями их национальных культур и

²¹ З.А. Имамутдинова. Прасодия Корана и противоречия "нового метода" Исмаила Гаспринского // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. Материалы Международной научной конференции. М., 2001.

идеологами их национальных движений были и свои споры, и свои разногласия. Представлять формирование тюркизма как некую идиллию полного согласия во взглядах и мгновенного взаимопонимания не приходится. И все же несомненно, он был общим детищем разных тюркских народов России, формировался их совместными духовными усилиями, впитывал их опыт. Прочность этих связей остро ощущали и справедливо оценивали и те, кто мог наблюдать это явление со стороны, как во времена его становления, так и позднее, в исторической ретроспективе.

Венгерский ученый, известный путешественник Арминюс (Герман) Вамбери, одним из первых познакомивший европейскую общественность с тюркским миром России и формирующейся идеологией тюркизма, в своем сочинении "Тюркский народ" ("Das Türkenvolk"), которое было опубликовано в 1885 году на немецком языке и впоследствии неоднократно переиздавалось, цитировалось, переводилось на разные европейские языки и формировало представления европейцев о тюркских народах России, имел в виду под "тюркским народом", под "татарами" (этот этноним он использовал в последующих своих публикациях) всю совокупность тюркских народов России. "К ним относились, – уточняет Якоб Ландау, – волжские татары, крымские татары, казахи, туркмены, узбеки, киргизы и азербайджанцы, а также тюркские элементы среди таджиков. Практически все они были мусульмане" ²².

Историк Баттал Таймас в своей книге "Казанские тюрки", изданной в Анкаре в 1966 году, оценивая расстановку сил в конце 19 века между Крымом и Казанью, писал: "... Хотя правофланговым движения усулю-джидид был Исмаил Бей Гаспралы из Крыма, однако эта идея была немедленно подхвачена частью мыслителей из казанских тюрков, и Гаспринский получил верную поддержку среди них" ²³.

Вместе с тем и в Османской империи уже с 19 века складывались свои предпосылки для формирования пантюркизма и распространения этой идеологии. Огромная страна, включавшая в себя европейские и азиатские территории, населенные разными народами, многие из которых стремились вырваться из-под власти султаната, мучительно искала пути и способы духовного объединения своих подданных, воспитания в них сознания и чувства общего согражданства, спасения слабеющей с каждым десятилетием империи. В первой половине 19 века здесь были проведены реформы, уравнившие всех жителей, независимо от их вероисповедания и

²² Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London, 1995 P. 7.

²³ Battal Taimas. *Kazanly Türkler*. Ankara, 1966. C.155.

национальности, в гражданских правах. Основы этих реформ (знаменитый "танзимат", давший название целой эпохе) были изложены в "Хатте" – манифесте Султана Абдул-Азиза. На определенном этапе они эффективно способствовали интеграционным процессам. Но вскоре оказалось, что социально-гражданского равноправия недостаточно людям, чье растущее этническое самосознание будировало процессы ирредентизма, стимулировало национально-освободительную борьбу, формировало идеалы собственной государственности и цели "освобождения от турецкого ига". Особенно сильными и радикальными были национально-освободительные движения на Балканах, глубоко затронутых уже европейскими революционными потрясениями 1848 года, среди славянских и православных народов, получивших военную поддержку России, у которой были собственные геополитические интересы в этом южном регионе, планы овладения черноморскими проливами и расчленения Османской империи. Угрозам распада страны правящие элиты пытались противопоставить основанные на танзимате (равенстве всех граждан страны) идеи османизма – единства всего населения Османской империи. Но этого единства не было, оно подвергалось все новым испытаниям во время народных восстаний, сопровождавшихся вмешательством иностранных держав, рушилось, восстанавливалось силой и жестокостью и вновь сметалось в пожарах мятежей и войн, в хитросплетениях дворцовых интриг. Тогда на смену османизму (или в сочетании с ним) в качестве ведущей и господствующей стала выдвигаться идеология панисламизма, опирающаяся на популярные теории культурного и духовного единства всего мусульманского мира, выдвинутые в середине 19 века Д. Афгани, получившая своих горячих сторонников в высшем руководстве страны. Присваивая себе титул халифов (высших духовных правителей), султаны рассчитывали на укрепление своей власти и авторитета, во всяком случае среди мусульман, составлявших большинство населения страны. Однако, и разнородное мусульманское население Османской империи не было единым. Среди албанской интеллигенции и в разных регионах арабского мира, насильно удерживаемого в составе Османского султаната, росли националистические настроения и крепились национально-освободительные движения, которые в конце концов и привели к отпадению от Османской империи этих непокорных провинций. Но еще задолго до того, как это случилось (а случилось это в период между 1912 и 1922 годами), в турецком обществе уже нарастало разочарование и в османизме, и в панисламизме, понимание несостоятельности и ощущение политической неэффективности этих концепций. Поэтому довольно рано, уже в 19 веке, и в Турции (а не только в России) складывалась благоприятная почва для зарождения и распространения пантюркизма. Идеи тюркского братства и мечты о

культурной модернизации, европеизации тюркского мира вынашивали писатели, ученые, журналисты. Среди них были издатель первой турецкой светской газеты "Тасвири эфкяр" Ибрахим Шинаси, поэт Зия-Паша, составитель словаря турецкого (османского) языка Векиф-Паша, который одним из первых в тюркологии, формирующейся на научных основах, выдвинул идею лексической общности и корневого единства турецкого языка и языков народов Туркестана.

Таким образом, гораздо раньше, чем призывы Исмаила Гаспринского долетели из Крыма до Стамбула и чем первые эмигранты из России появились здесь в качестве пропагандистов пантюркизма, Турция своим путем пришла к этой идеологии и оказалась готовой к ее восприятию и развитию.

Свои процессы тюркской консолидации, которые, к сожалению, до сих пор мало исследованы и о которых мало осведомлена европейская общественность, шли в так называемом Восточном Туркестане и других частях Китайской империи, где проживали десятки тюркских народов разного вероисповедания. Поэтому и там пантюркизм мог найти благоприятную почву для своего развития, прежде всего в уйгурской, казахской, киргизской, а позднее и в тувинской среде.

И все же эпицентр формирующегося пантюркизма находился в России.

Якоб Ландау, отмечавший, что концепция пантюркизма (идея общности происхождения, "расового" единства всех тюркских народов и целесообразности их объединения), при всей ее самостоятельности и оригинальности, все же складывалась в определенной мере как полемический ответ на вызовы панславизма, активизировавшегося во второй половине 19 века, подчеркивал: "Вполне объяснимо, почему инициатива и лидерство в обосновании и пропаганде пантюркизма оказались у татар, которые были "старожилами" Российской империи, дольше, чем другие тюркские группы, находились под самодержавным гнетом и российским правлением. Развитие капиталистических отношений, формирование буржуазии в татарской среде (процесс, начавшийся еще в 17 веке) способствовали распространению национализма и появлению лидеров национального движения среди татар в конце 19 века. При этом крымские татары, жившие в относительной близости к Турции, были в наибольшей мере подвержены турецкому культурному влиянию, и оказавшись под гнетом Российской империи, они все свои надежды связывали с Турцией. Татарские интеллектуалы (и в волго-уральской, и в крымской среде) первыми оценили значение общетюркской солидарности, которая должна была преодолеть географическую разобщенность тюркских групп и укрепить их связи друг с другом. Лингвистический

элемент становился первейшей основой этой солидарности, хотя языки тюркских групп были только похожими, близкими, но все же неодинаковыми, и общаться друг с другом они могли на "тюрки", который был чем-то вроде "высокого турецкого", "литературного турецкого" языка. Выработка "тюрки" была важным и первым шагом к общетюркскому сближению" ²⁴.

Параллельно выстраивался целый ряд проблем – необходимость реформ в области образования, применение новых методов обучения, модернизация образа жизни. Важным средством пропаганды новых идей становилась тюрко-татарская печать, флагманом которой был "Tercüman" ("Терджиман / Переводчик") Исмаила Гаспринского, появившийся в 1883 году.

Исмаилу Гаспринскому принадлежит ключевая роль и решающая заслуга в решении целой совокупности задач обновления, реформирования религиозной жизни, культуры, образовательной системы народов тюркского мира, в их интеграции на идейной основе тюркизма. При этом история формирования тюркизма как идеологии, как формы самосознания и гражданского движения народов тюркского мира не начинается с Гаспринского. Его труды продолжают, суммируют, творчески развивают те идеи, которые вырабатывались в тюркском мире (и в ответ на вызовы панславизма, и независимо от него) на протяжении 19 века, опираются на ту объективно существующую тенденцию к сближению прогрессивных сил тюрко-мусульманского Востока России, которая определила прочный базис его успешной деятельности.

2. Исмаил Гаспринский: "Единство в языке, делах и мыслях"

Исмаил Бей Гаспринский родился 8 (20) марта 1851 года в деревне Аджиной, около Гаспры, в Крыму. Его отец мурза Мустафа Гаспринский, получивший в 1853 году чин поручика и дворянство, был переводчиком у графа М.С. Воронцова. Своему сыну он дал европейское образование, отправив его после окончания сельского мектеба сначала в Воронеж, а затем в московский Кадетский корпус. В годы учебы в Москве Исмаил сблизился с семьей известного ученого и публициста, интересовавшегося Востоком, издателя журнала "Русский

²⁴ Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 8-9.

Вестник" М.Н. Каткова. К этому времени относится также начало многолетней дружбы, связавшей Гаспринского с его товарищем по Кадетскому корпусу, литовским татаринном Мустафой Давидовичем (будущим мэром города Алушты, много сделавшим для развития крымской культуры на рубеже 19-20 веков). Вместе они совершили путешествие по Волге, Дону и Азовскому морю, побывали в Одессе (1867). Попытка отплыть нелегально в Стамбул (Константинополь) и на Крит окончилась для них неудачно, юношей вернули на берег. Не завершив полный курс Кадетского корпуса, Исмаил Гаспринский вернулся в Крым и несколько лет учительствовал в мусульманской семинарии в Бахчисарае. Отсюда в 1873 году он уехал в Париж, где провел около трех лет, посещая лекции в Сорбонне, занимаясь торговой рекламой на "восточных языках" в "конторе объявлений". Одно время он служил в качестве секретаря у И.С. Тургенева, который оказал сильное и плодотворное влияние на будущего писателя. Несколько путешествий дали молодому Гаспринскому возможность познакомиться с Францией, Испанией, Австро-Венгрией, побывать в Польше. В Крым из Парижа он возвращался через Алжир, Тунис, Египет и Грецию.

Вернувшись на родину в 1876 году²⁵, Гаспринский активно включился в просветительскую деятельность, которая сразу приобретает чрезвычайно многосторонний характер. Это и непосредственная педагогическая практика (в 1881 году, завершая свое сочинение "Русское мусульманство", Гаспринский пишет, что уже много лет отдал работе в русской школе, открытой для татарских детей, и пришел к выводу о нецелесообразности начального образования татар на русском языке), и подготовка сборников "Шефакъ" и "Тонгъуч", содержащих высказывания классиков мировой культуры и собственные суждения автора о науках и религиях.

Гаспринский постоянно живет в Бахчисарае ("в прекрасном Бахчисарае", как нередко подчеркивает он в своих сочинениях). В марте 1878 года горожане избирают его в городскую думу, а в феврале 1879 года он становится "городским головой" и, возглавляя муниципалитет Бахчисарая, отдает много сил благоустройству города, подъему его культурного, социального статуса. Он добивается от Министерства внутренних дел разрешения формировать городскую думу наполовину

²⁵ По другим данным – в 1875 году. Как отмечает один из немногих биографов Гаспринского Джамалетдин Валидов, "в 1875 году он вернулся на родину полный желаний служить не только своему народу, но и своей расе". (Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы у татар до революции 1917 г.). Москва-Петроград, 1922. С. 51.

из христиан, наполовину из мусульман (раньше православные гласные в бахчисарайской думе преобладали). После выборов 1883 года в этой думе, превратившейся в своего рода "малый совет национальностей", оказалось 34 татарина, 27 греков, 2 караима и 2 русских²⁶. На посту главы города Гаспринский находился, однако, недолго. В 1884 году он стал жертвой интриг влиятельных горожан и сложил с себя обязанности "головой города" и гласного думы. Но и не занимая никаких постов, Гаспринский до конца своей жизни пользовался в городе высоким авторитетом и принадлежал к числу наиболее знатных и почитаемых людей города (неслучайно в этой связи в 1893 году именно ему было предложено встречать и сопровождать в Бахчисарае бухарского эмира Сеид-Абдул-Ахад-хана, которого на его пути из Бухары в Петербург и обратно принимали самые высокие чины губернской и уездной администрации в Баку, Тифлисе, Владикавказе, Киеве, Москве и т.д.).

Гаспринский много ездил по России, совершал специальные экспедиции для изучения быта, культуры, истории литовских, касимовских, казанских, астраханских татар; поддерживал тесные связи с мусульманской интеллигенцией в Закавказье – с издателями азербайджанских газет в Тифлисе и Баку, с педагогами татарской учительской семинарии в Гори. Дважды, в 1893 и 1908 годах, он побывал в Туркестане, посетил Самарканд, Бухару, Ташкент, написал исследование о среднеазиатской культуре, обратив особое внимание на памятники Средних веков, обсерваторию Улугбека и другие сокровища этого края²⁷. В Бухаре он участвовал в открытии "новометодной" школы "Музаффария". К 1911 году относится поездка Гаспринского в Индию. В Бомбее он издал учебное пособие "Ходжа суфьян", открыл "новометодную" школу для мусульман и дал в ней показательные уроки.

Общественная деятельность Гаспринского была чрезвычайно активной и разнообразной. Он был одним из лидеров джадидского "Союза мусульман" ("Иттифак эль-муслимин"). Ему принадлежит идея созыва Международного конгресса мусульман всего мира.

²⁶ Факты установлены по архивным изысканиям В.Ю. Ганкевича.

²⁷ Проблема "Гаспринский и Туркестан" получила отражение в ряде специальных исследований среднеазиатских ученых, опубликованных в местной печати и в докладах на конференциях 1991 и 2001 гг., посвященных 140-летию и 150-летию со дня рождения И. Гаспринского, среди них: Ш. Турдиев. *Гаспринский и Туркестан* (1991); Анвар Исмаилов. *Исмаил Гаспринский и Туркестанский край* (2001).

Особое историческое значение имеет издательская деятельность Гаспринского. Главным его детищем была первая в России общетатарская газета "Терджиман (Переводчик)".

Задумав основать регулярное периодическое издание, Исмаил Гаспринский отправляется в столицу за разрешением. Много лет спустя он с юмором описал свои хождения по инстанциям: "Целые три года я входил перед двумя губернаторами и тремя министрами, сменившимися за это время, с ходатайствами, в течение четырех лет ездил в Петербург..."²⁸. Но даже получив разрешение, Гаспринский столкнулся с массой проблем. К таковым следует отнести: отсутствие средств и массового читателя. О том, как решалась эта проблема, он также рассказывает, вспоминая историю рождения "Терджимана":

"Отпечатав в Петербурге объявления-циркуляры предполагаемых изданий..., – пишет Исмаил Бей, – мы поехали на Нижегородскую ярмарку, где можно встретить мусульман из разных областей России. Здесь, после усиленного труда и убеждений в безвредности "светской печати" для правоверия и мусульман вообще, нам удалось раздать наши объявления, кои разошлись с мусульманским купечеством во все значительные места европейской и азиатской России"²⁹. На собранные средства И. Гаспринский приобретает типографию. Отпечатав "Сборники" и "Календарь" на 1882 год, наконец, он может приступить к изданию газеты.

Ее первый номер был отпечатан в "Мусульманской типографии" Бахчисарая 10 апреля 1883 года, и открывая его своей редакционной статьей, Исмаил Гаспринский писал: "... Приступая к делу во имя Аллаха, беремся за перо, чтобы служить правде и просвещению. "Переводчик" будет служить по мере сил проводником трезвых, полезных сведений из культурной жизни в среду мусульман и обратно, знакомить русскую [публику] с их жизнью, взглядами и нуждами"³⁰.

Сначала еженедельная, газета стала выходить затем чаще, через день, и просуществовала до 1918 года, на четыре года пережив своего основателя (после смерти Исмаила Гаспринского редактором стал его сын Р. Гаспринский). Кроме "Терджимана", Исмаил Гаспринский издавал (в разные периоды, относящиеся уже к началу 20 века) еженедельную газету на крымскотатарском языке "Миллет" ("Нация") и журнал "Алами нисван" ("Женский мир").

²⁸ Цитируется по публикации: А.И. Куркчи. *Исмаил бей Гаспринский // Дружба народов*, 1991, № 12. С. 224.

²⁹ *Терджиман / Переводчик*, 1883, № 24(25 ноября). С. 1.

³⁰ *Терджиман // Переводчик*, 1883, № 1 (10 апреля). С. 2.

Свои взгляды на единство тюркского мира, определившие теоретические основы либерального пантюркизма, Исмаил Гаспринский изложил в сочинениях "Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина" (впервые появилось в 43-47 выпусках крымской газеты "Таврида" за 1881 год, затем было издано на русском языке в Симферополе в 1881 году, пережило множество переизданий и переводов, наиболее известно по оксфордскому изданию 1985 года, которое воспроизводит симферопольский оригинал на русском языке и сопровождает его аналитической статьей Александра Беннигсена "Исмаил Бей Гаспринский / Гаспралы и истоки джадидского движения в России" на английском языке), "Русско-восточное соглашение" (Бахчисарай, 1896), а также во многих статьях, опубликованных на страницах "Терджимана".

Основные позиции его концепции тюркского единения, не разрушающего "национальной индивидуальности" каждого народа в отдельности, представляются следующим образом.

Всю совокупность тюркских, мусульманских народов России Гаспринский определяет как этнокультурную общность, обладающую устойчивой внутренней цельностью и выступающей на этнополитической арене как спаянный полиэтнический блок.

Границы этой тюрко-татарской общности очерчиваются Гаспринским как область проживания тюркских племен на огромных просторах Евразии между христианским Западом и буддистским Востоком – область, которая входит в сферу политических интересов и притязаний Российской империи. "Племя это, – пишет он о тюрко-татарской общности, – разбросано на громадных просторах Европейской и Азиатской России и во многих местах смешано с русским или иным населением. Однако, имея особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни, оно представляется нам довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ее заслуживают, мне кажется, серьезного внимания общества и государства"³¹.

Термин "племя" Гаспринский употреблял в значении суперэтнической общности. Он предвидел расширение этой общности за счет тех народов, которые еще (в конце 19 века) не вошли в состав Российской империи, но которые Россия будет стремиться подчинить себе, не желая остановиться ни в Средней Азии, ни на турецко-российских рубежах в Закавказье. В 1881 году он писал: "Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские

³¹ *Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 5.*

племена и [...] несмотря на временные остановки, должны прийти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии" ³².

Говоря о тюрко-татарской общности народов Евразии, Исмаил Гаспринский имел в виду только исламизированный мир. Тюрки, не принадлежащие к исламской цивилизации, в его расчеты и построения не входили. Мусульманское религиозное, культурное и нравственное начало он считал важнейшей, цементирующей субстанцией тюркской общности. Характерно, что в эту общность он включал и литовских татар, фактически не являющихся тюркоязычным народом, поскольку язык своих предков они утратили много веков тому назад (но верность исламу сохранили). Вторым по значению стержнем этой общности Гаспринский считал историческую связь этих народов с Россией, отделяя по этому признаку "тюрко-татарское племя", или "русских мусульман" от персов, арабов, мусульман Индии, Африки и других регионов, где тоже распространен ислам, но нет специфической российской ситуации, которая определяет характер и судьбу интересующей его тюрко-татарской группы народов.

Рассматривая Россию как преемницу бывшей татарской державы (можно было бы сказать, "Золотой Орды", но этой терминологией Гаспринский не пользуется), он писал: "... Мне кажется, что пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Таким образом [...] в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы" ³³. И там же: "... Разрозненные ветви тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, переходят под власть России и делаются ее нераздельной, составной частью" ³⁴.

В этой характеристике "тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного", окрашенной романтической ностальгией, выражена важнейшее политическое кредо тюркизма. Разумеется, с позиций не только современного исторического знания, но и того уровня, на каком стояла историческая наука и этнография в те времена, когда создавались сочинения Гаспринского, это утверждение совершенно несостоятельно. Никакого "единого" тюрко-татарского племени не существовало в Евразии ни до походов Чингисхана и его наследников (кстати, вовсе не тюркского происхождения и рода), ни в период политического функционирования Золотой Орды, ни в эпоху

³² Там же. С. 3.

³³ Там же. С. 4.

³⁴ Там же. С. 3.

тех поздних ханств, которые перечисляет Гаспринский в ряду последовательного присоединения к России (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское...). Вряд ли Гаспринский мог настаивать на таком единстве как историк и этнограф, в значительном объеме знаний которого не приходится сомневаться. Он, однако, здесь выступает не как историк, а как политик. Ему нужен смутный призрак былого единства, вырастающий из воспоминаний о силе и блеске средневековых ханств, о славе "даровитых, воинственных ханов"³⁵, ему нужен исторический миф о когда-то "едином и могущественном тюрко-татарском племени", чтобы вселить в своих современников и соотечественников веру в принадлежность к общему древу великой культуры, чтобы преодолеть их разобщенность и гражданскую пассивность, чтобы убедить их в необходимости объединения сил для отстаивания общих интересов.

Одному, сравнительно маленькому народу, истощенному в многовековой неравной борьбе за свою веру, за свою землю, нередко уже полностью или частично отторгнутому от этой земли, согнанному с родных мест, рассеянному по огромной стране или уцелевшему на небольших островках, как, например, сибирские татары в Тоболо-Иртышском междуречье, в окружении инонациональной среды, наконец, давно ориентированному на системный исход – выталкиваемому в эмиграцию, как крымские татары, – такие задачи были (или казались идеологам демократического национально-освободительного движения той поры) непосильными. Только объединившись, протянув друг другу руки и услышав, как зов о помощи, знакомые, понятные речи друг друга через кавказские и уральские перевалы, через приволжские и казахстанские степи, через среднеазиатские пустыни и оазисы, через воды Черного и Каспийского морей, могли эти народы противостоять имперской политике ассимиляции, культурного нивелирования и этноцида. И насколько хуже было их положение (общая нищета, бесправие, унижение национального достоинства, ущемление религиозных прав, социальная стагнация с элементами феодального права, оторванность от достижений западной цивилизации) по сравнению с тоже не сладким, но гораздо более благоприятным положением других угнетенных народов России, – например, украинцев, поляков, белорусов, финнов, грузин, коренных народов Прибалтики, – настолько важнее было для народов Востока на данном этапе не размежевание освободительных движений и сил по национальному признаку, а их объединение под любым, даже мифическим лозунгом тюркской общности.

³⁵ Там же. С. 4.

В этой связи для понимания той идеологии тюркизма, которую развивал и пропагандировал Гаспринский, особое значение обретают два вопроса, два аспекта единой проблемы, в которых выявляются и внутренняя диалектика этой идеологии (осознанные противоречия и предложенный способ их разрешения), и те исторические формы, грани, какие обретала эта теория в конкретных российских условиях конца 19-го – начала 20 веков, та "ниша", какую она занимала в российской истории. Первый вопрос и важнейший аспект тюркизма – его соотношение с "этнической индивидуальностью", национальными проблемами отдельных народов внутри тюркского мира. Второй – это отношения всей тюркской общности, всего "тюрко-татарского племени" с Россией как государственной системой и русским народом как большинством народонаселения страны, ее главной этнической доминантой.

Первый аспект связан с, казалось бы, очевидным противоречием "пантюркистской" теории с реальными процессами развития наций.

Живя в эпоху, названную идеологами марксизма-ленинизма эпохой бурного "развития капитализма в России", Исмаил Гаспринский не мог не видеть признаков национального пробуждения, ростков национального самосознания, не совпадающего с ощущением религиозной общности мусульманских народов России, не мог не наблюдать тех процессов этнической дифференциации, которые были бросающейся в глаза исторической реальностью в гетерогенном, многонациональном социуме российского государства. Процессы модернизации не только не устраняли эту дифференциацию, но даже еще ярче выявляли ее признаки. Теряли значение многие прежде абсолютные религиозные доминанты и связанные с ними тенденции конфессиональной интеграции, безразличной к этническим компонентам. Это касалось всех народов России. Православные русские и православные украинцы по-разному определяли цели своих национальных движений. Поляки и литовцы, долгое время воспринимаемые и царским двором, и массовым русским общественным сознанием, как нечто единое, как католики, как обитатели Литвы, являющейся их общей отчизной, все более явно и последовательно выступали носителями разных национальных интересов и культур, вынашивали идеи своей (отнюдь не общей) национальной государственности. Латыши, эстонцы, российские немцы, финны, вовсе не желая смешиваться друг с другом в "общелютеранской" массе, создавали свои национальные объединения, общества, братства, придавали первостепенное значение развитию своих национальных языков, печати, проводили свои фольклорные смотры, праздники песни и т.п., имеющие ярко выраженное этническое

своеобразие.

Казалось бы, на этом фоне настойчивые обращение Гаспринского к понятиям "тюрко-татарское племя" и "русские мусульмане" выглядят явным анахронизмом. В тюркском и в мусульманском мире тоже шли активные процессы дифференциации национального самосознания, опирающегося как на исторический опыт и память (к примеру, собственно "турки", или "османлы", вообще никогда не считали себя "татарами"; башкиры всегда ощущали свое отличие от татар), так и на новые социально-политические реалии.

Исмаил Гаспринский и эту историческую память, и эти новые реалии никогда не упускал из виду, неоднократно упоминая в своих трудах внутри тюрко-татарской общности разные народы с их особой судьбой. Он писал о кочевниках-"киргизах" (этот этноним он относил к казахам), считая их положение в царской России наиболее бедственным. Он писал о башкирах, защищая их право на свои земли. Он писал о "крымцах", отделяя крымских татар от всего татарского контингента и с болью рассуждая об их усилившейся, вынужденной эмиграции в Турцию. Исключительное внимание уделял он небольшой группе литовских татар, прослеживая их историю, изучая их культуру и "нестандартную" языковую ситуацию. В массе татар его особенно интересовали "казанцы", "касимовцы", "кавказцы", сибирские татары. В Средней Азии как особую этническую зону он выделял Туркмению. Называя узбеков сартами, придавал особое значение их современной высокой культуре и печати "на сартском наречии"³⁶.

В статье "Два слова о русских мусульманах" Гаспринский писал: "Помимо различий в некоторых обычаях и образе жизни мусульман разных областей России, существуют также некоторые [различия] между группой южнорусских мусульман, живущих в Крыму и Закавказье, с одной стороны, и мусульманами северных и восточных частей России, с другой"³⁷. Он группировал северо-восточное "мусульманство" (или "тюрко-татарское племя") по оси Казань – Астрахань – Ташкент, а южнорусское – в пределах широкого региона (Крым – Кавказ), непосредственно прилегающего к Турции. "Крымские и кавказские мусульмане, – замечает он, – находились под влиянием османской и арабской жизни и воззрений, тогда как северные и восточные мусульмане России просвещались Бухарой"³⁸.

³⁶ *Мусульманская печать в России // Терджиман (Переводчик), 1883, № 1 (10 апреля). С. 2.*

³⁷ *Два слова о русских мусульман[ах] // Терджиман (Переводчик), 1883, № 11 (15 июля). С. 3.*

³⁸ Там же.

Со скрупулезностью этнографа описывал он мельчайшие, даже явно ускользающие с прогрессом цивилизации различия в быту, трудовых и семейных традициях между "крымцами" и "казанцами", особо подчеркивал древние истоки и традиции ислама в культурной жизни казанских татар³⁹; обращал внимание на то, что "казанские мусульмане в последнее время довольно часто проявляют энергичную защиту собственного достоинства"⁴⁰. Чуть ревниво, но с большим уважением и вниманием следил он за просветительской деятельностью Каюма Насыри. Таким образом, все различия в тюрко-мусульманском мире, прошлые и современные, все признаки внутренней дифференциации были ему хорошо известны.

Тем не менее *общность* "тюрко-татарского племени" была для Гаспринского важнее, существеннее всех частных различий, которые он очень чутко улавливал. Он не игнорировал эти различия. Он строил свою систему на иной основе, с иной целевой установкой, ставя во главу угла триединство "секты, языка и племени"⁴¹ (его призыв к единству "в языке, вере, работе", "в языке, делах и мыслях" имел различные переводы и стилистические вариации). Это единство должно было работать не против индивидуальной неповторимости каждого из тюркских народов, но рассматривалось как сила, способная защитить их общую и их индивидуальную идентичность, стать рычагом их слаженных действий и знаменем в их борьбе за право на достойную жизнь.

Эту достойную жизнь он вовсе не связывал с неперменным "самоопределением вплоть до отделения", как заговорила об этом на своем бюрократическом языке молодая советская власть через несколько лет после смерти Гаспринского. Он видел реальную перспективу для благополучного "обустройства", прогрессивного культурного развития, для решения насущных социальных и политических проблем тюркского мира внутри российской государственной целостности, в союзе и согласии с русским народом, о котором он писал едва ли не в комплиментарном стиле, подчеркивая: "Самый многочисленный и главный народ России – русские – одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими племенами. Зависть, враждебность,

³⁹ Казанские мусульмане // Терджиман (Переводчик), 1886, № 24 (1 апреля). С. 1.

⁴⁰ Из внутренней и иностранной жизни // Терджиман (Переводчик), 1883, № 10 (1 июля). С. 2.

⁴¹ Два слова о русских мусульман[ах] // Терджиман (Переводчик), 1883, № 11 (15 июля). С. 3.

недоброжелательство к инородцам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая черта, несомненный залог величия и спокойствия России, где армяне, мусульмане, грузины, немцы, финны и многие другие племена живут мирно и дружно..."⁴².

Здесь мы подходим ко второй проблеме, связанной с оценкой наследия Гаспринского, пониманием ее сложности и внутренних противоречий. Совершенно очевидно, что картина межнациональных отношений в Российской империи мало походила на эту идиллию, и это было очевидно и современникам Гаспринского, и его более молодым последователям-оппонентам, чье поколение погружалось в бури первой и последующих русских революций, и представителям советской историографии, твердо усвоившим истину, что царская Россия была "тюрьмой народов", и людям нашего времени, наиболее мыслящая часть которых не склонна впадать в ностальгию по империи, "которую мы потеряли". Compliments в адрес русского народа и российского государства, якобы ставшего единой "отчиной" для всех тюрок-мусульман, многие позднейшие исследователи и интерпретаторы Гаспринского склонны были приписывать его тактическим расчетам (такой ценой сохранить в подцензурной России татарскую печать), считали их вынужденными, буквально выдвинутыми из его несвободного пера и несвободной речи, не отражавшими его истинных мыслей и чувств.

Однако такая интерпретация представляется нам упрощенной. Человек такого масштаба и такого высокого чувства собственного достоинства, каким был Исмаил Гаспринский, не мог опуститься в своей журналистской деятельности до дешевых мистификаций. Он писал то, что думал и во что верил, и если внимательно проанализировать весь этот пласт его "русофильских" и "лояльных" высказываний, мы увидим, что это было вполне достойное человека и мыслителя, никогда не впадавшего в ксенофобию, уважение именно к русскому человеку, к русской культуре, к русскому народу в его лучших нравственных качествах, но никогда – к российскому насилию, к "русскому господству", к чиновному чванству, к имперскому шовинизму. Его неоднократно повторенное "спасибо" ("...спасибо только русскому чутью и счастливому складу характера, что все-таки добрые и доверчивые отношения [между русскими и татарами] укрепляются и прогрессируют"⁴³) никогда не звучало как индульгенция по отношению к политике, доводившей тюркские народы России до отчаяния. Он нисколько не идеализировал картину "жизни

⁴² Терджиман (Переводчик), 1884, № 1 (8 января). С. 1.

⁴³ Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай, 1896. С. 5.

национальностей" в России, с горечью отмечая, что итогом выполнения российским государством своей "цивилизаторской миссии" на Востоке является "общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края, и, по окраинам, гибельная эмиграция!"⁴⁴. И далее: "... Там, где можно было, мы бросали свои пепелища и уходили бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок [...] Русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации, бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преуспеяниях. Мало того, я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью [...] Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза и других арабских и персидских писателей и философов"⁴⁵.

Все это свидетельствует о мощном критическом заряде в теории Гаспринского, которая отнюдь – ни на самом деле, ни в каких-либо показных, демонстративно лояльных высказываниях – не носила сервильный, конформистский по отношению к имперской власти характер. И эта власть никогда не заблуждалась в том, какого "ненадежного слугу", "строптивного раба" и, главное, недопустимо свободно мыслящего человека имела она в лице Исмаила Гаспринского.

Однако не лукавя ни единым словом, не пряча своего лица за маской, не прибегая к языку намеков и считая просто ниже своего достоинства писать что-либо, что читатель должен был бы понимать "с точностью до наоборот", Гаспринский искренне стремился соединить свою модель общетюркского единения с идеей более широкого межнационального согласия между народами, отвергая путь революций, гражданских войн, новых переделов мира, новых витков насилия, и твердо отвечая "да" на вопрос, сформулированный им самим как вторая составляющая реальной альтернативы: "Должны ли русские и мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между ними следует развивать более

⁴⁴ Там же. С. 6-7.

⁴⁵ Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 7.

близкие, родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?.." ⁴⁶.

Именно на основе мира и согласия с соседями, уважения их достоинств и учета их прав считал Исмаил Гаспринский возможным прогрессивное и динамичное развитие тюркской общности, верил в успех движения, объединенного программой и идеологией гуманного, неагрессивного тюркизма. "Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, – писал он, завершая свою книгу "Русское мусульманство", – если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства. Я верю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства" ⁴⁷.

Тюркизм Исмаила Гаспринского был не только теорией, но программой действий, и в ее реализации он сам принимал активное и разностороннее участие.

Прежде всего он занимался тем, что на современном языке можно было бы назвать "языковой реформой", понимая, что лингвистический элемент является первейшей основой общетюркской солидарности ("единство в языке" в его формуле мобилизованного тюркизма стоит на первом месте). Это единство не могло получиться само собой, ибо живые языки тюркских народов (как во времена Гаспринского, так и сейчас) при всем их структурном типологическом сходстве, близости и лексических совпадениях все же были неодинаковыми, и общаться друг с другом, и понимать обращенное к ним слово "Терджимана" эти народы могли на "тюрки", который был чем-то вроде "высокого турецкого", или изысканного тюркского эсперанто. Выработка "тюрки" на основе модернизированной версии крымскотатарского языка, была действенным средством и важным шагом на пути к общетюркскому сближению. Процесс был трудный, ибо народные говоры сильно отличались друг от друга, а уровень литературного языка во многих регионах тюркского мира оставался невысоким. Значительные усилия были направлены на то, чтобы "очистить" этот язык от чужеродных элементов, в частности, от заимствований из русского, арабского, персидского языков. Особой задачей, которая решалась в ходе языковой реформы, была минимизация фонетических различий в тюркских языках. В результате был создан "общий язык" ("Lisan-i uthumi") как нечто среднее между

⁴⁶ Бахчисарай // Терджиман (Переводчик), 1887, № 20 (12 июля). С. 1.

⁴⁷ Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 30.

гурецким и татарским, понятный практически всем народам тюркского мира⁴⁸. Именно "общий язык" ("Lisan-i umumi") обеспечил успех и широкое распространение "Терджимана" как в южной России, так и в Средней Азии и Восточном Туркестане. Его тираж достигал 5000 в 1880-е годы, 6000 спустя 20 лет – для того времени это был очень высокий показатель. "Терджиман" имел успех, который был немыслим для периодического издания только на татарском или каком-либо еще национальном языке. Это само по себе являлось важным аргументом в защиту идеи пантюркизма.

Титаническая работа, проделанная Гаспринским по разработке "тюрки" – языка его "Терджимана", – не была напрасным "сизифовым" трудом, совершенным впустую (если судить только потому, что этот язык впоследствии оказался невостребованным, и языковое развитие тюркского мира пошло по пути дальнейшей дифференциации между "национальными" языками). Свою роль "тюрки" безусловно сыграл, подняв уровень культуры письменной речи, литературы и журналистики в разных регионах тюркского мира, обеспечив возможность проживающим в этих регионах людям слышать, понимать друг друга, читать обращенный к их уму и сердцу "Терджиман". Параллельная публикация в "Терджимане" (особенно распространенная в первые годы его издания) ряда материалов на "тюрки" и на русском языке способствовала лучшему освоению "тюрки" читателями, подкрепляя его русским переводом, и органично отвечала той программе "тюрко-славянского согласия", которая неотделима от тюркизма Исмаила Гаспринского. Его "Терджиман" был не только не закрыт от русских читателей глухой стеной, но в значительной мере предназначен для них.

Вторым важнейшим практическим направлением, в котором мог быть реализован тюркизм как программа объединения и прогрессивной модернизации тюркского мира, была система образования, школьное дело, и в этой области Гаспринский работал особенно энергично и плодотворно. Он разработал "новый метод" школьного образования – "usul-i ceded" (его русское обозначение дало название типу "новометодных" школ, в то время как тюркский корень "джадид" положен в основу наименования всего движения "джадидизма" и его сторонников – "джадидов"). Гаспринский впервые опробовал этот метод экспериментально в бахчисарайской школе в 1884 году, и впоследствии постоянно занимался его пропагандой,

⁴⁸ Исследованию этого языка был посвящен труд, подготовленный в 1950 году в Гамбургском университете, оставшийся в рукописи: Gustav Burbice. *Die Sprache Ismail Gaspyralys*. Hamburg, 1950.

аргументацией его преимуществ и практическим распространением. Главным достоинством этого метода стало осмысленное освоение учащимися предметов (вместо механического заучивания наизусть непонятных текстов), активное использование тюркских языков (тюрки) в системе обучения, что не исключало изучения арабского, русского и европейских иностранных языков; приоритет слова над знаком ("новый метод" в педагогике именовался также "звуковым методом" обучения). Эта система получила широкое распространение в татарских и других национальных школах как в России, так и за ее пределами. Не касаясь всех преимуществ и особенностей этой системы, имеющей прямое отношение к истории педагогики, мы должны отметить, что и она "работала" на распространение тюркизма, способствуя воспитанию в различных уголках тюркского мира людей, отлично понимающих друг друга, их приобщению к европейской культуре и знаниям новейшего времени.

Третьим (а по значению, может быть, и первым, и важнейшим) практическим делом Гаспринского была журналистика, издательская и литературная деятельность, прежде всего его "Терджиман", ставший главным "пропагандистом и организатором" движения тюркизма. Именно "Терджиман" пропагандировал единение всех тюркских народов России, и сохранившиеся в архивах отчеты царской охраны (жандармского управления и ведомства по делам цензуры) свидетельствуют о том, что российская администрация отлично понимала, какую опасность представляет тюркское единение для самодержавной системы⁴⁹.

⁴⁹ Проведенные недавно московским историком Д.Ю. Араповым изыскания в Государственном архиве Российской Федерации (Фонд 102, Департамент полиции. Министерства внутренних дел, 7-е делопроизводство за 1911 год) выявили материалы, свидетельствующие о постоянной слежке за деятельностью Исмаила Гаспринского. В "Справке Департамента полиции о распространении панисламизма в России", составленной в ноябре 1911 года, в разделе о Таврической губернии сообщалось: "В виду большого процента татарского населения и близости к Турции губерния играет большую роль в деле пропаганды панисламизма в России. В г. Бахчисарае издаётся главный орган панисламизма в России газета "Терджиман". Вообще Бахчисарай является очагом распространения панисламизма на Юге России» (ГА РФ, ф. 102, Особый отдел, 1913 г., оп. 243, д. 74, ч. 1, л. 6. – Опубликовано в статье: Д.Ю. Арапов. Исмаил Гаспринский, его жизнь и деятельность по материалам Департамента полиции МВД Российской империи // Исмаил Гаспринский – просветитель

Огромные заслуги Исмаила Гаспринского были оценены и современниками, и потомками. Это было одновременно и "внутреннее", в "собственном доме", прежде всего в Крыму, в других тюркских регионах России, и международное признание. Вместе с признанием, уважением и почетом приходили, однако, и первые горькие разочарования и неприятности. Еще при жизни Исмаилу Гаспринскому довелось испытать горькую чашу если не крушения своих планов и надежд, то далеко недостаточного их осуществления и понимания. Можно сказать, он оказался даже не между двух, а между многих огней, каждый из которых мог болезненно опалить его душу, в каждом из которых могли сгореть труды его жизни, превратиться в прах его намерения. "Сверху", со стороны самодержавного трона, определявшего работу бюрократической машины Российской империи, со стороны губернской администрации, цензуры, органов политического сыска на него давил колоссальный груз подозрительности, откровенной враждебности ко всему, что он делал, и ни на какую поддержку, ни на какой сколько-нибудь благоприятный режим или благодарный отклик на свою по сути высоко патриотическую деятельность рассчитывать Гаспринскому не приходилось. Но и со стороны своих тюркских "собратьев" и соотечественников он не всегда и не во всем находил понимание. Одна линия противостояния и противодействия ему естественно определилась со стороны реакционного мусульманского духовенства, невежественных и консервативных мулл и настоятелей мусульманских школ при мечетях. Ничего не желая менять в косной системе, они не могли простить Гаспринскому его смелых инициатив, его реформ, и объявили настоящую войну его "новометодной" системе. Идеологические битвы между джадидами и кадимистами (как называли сторонников старой, традиционной системы, противников реформ) продолжались не один год, и яростные нападки "справа", из реакционного лагеря, отравили значительную часть жизни Гаспринского. И дело было не только в неприятии предложенных им реформ. Те, кто считал ислам единственной основой духовной общности мусульманских народов, в том числе и "русских мусульман", не могли простить ему недооценки этого исламского "фундамента", очевидной несмотря на приверженность Гаспринского традиционной терминологии (народы, судьбой которых он был так обеспокоен и опечален, он иначе как "мусульманами" не называл). Такого рода "исламские фундаменталисты" не только не принимали идеологию

народов Востока. материалы Международной научной конференции. Москва, 2001).

тюркизма, но яростно громили ее, видя в ней отступление от исламизма. (Это потом, спустя десятилетия, советская пропаганда, дословно повторяя безграмотные доносы царской охраны, свяжет "пантюркизм" и "панисламизм" в единый клубок и обвинит Гаспринского в обоих этих "грехах", а позднее, спустя еще несколько десятилетий, возрождающийся в конце 20 века тюркизм обнаружит свое главное отличие от тюркизма Гаспринского в полном игнорировании мусульманского фактора: для наших современников Гаспринский окажется слишком отягощенным мусульманской идеологией; в годы его жизни все было иначе, идейное противостояние между тюркизмом и исламизмом было весьма жестким). В то же время и "слева", в наиболее радикальных, прогрессивных, революционно и демократически настроенных кругах своих соотечественников у Гаспринского не было надежного тыла. Его концепция либерального тюркизма фактически была отвергнута младотатарами, искавшими освобождения татарского народа на пути революционной борьбы, тяготеющих к социал-демократическому лагерю. Гаспринскому пришлось пережить самую горькую участь, которая может выпасть на долю учителя: его ученики, его прежние соратники и последователи фактически отказались от тех принципов, которые составляли фундамент либерального тюркизма. Эти драматические коллизии происходят уже на новом этапе национально-освободительной борьбы.

И все же при жизни Исмаил Гаспринский был окружен почтением, любовью, вниманием своих учеников и соратников, своих земляков и современников, достойно отметивших и 50-летие (в 1901 году) и 60-летие (в 1911 году) своего учителя, и юбилейные даты со дня выхода в свет (в апреле 1883 года) его главного творения – газеты "Терджиман", в частности, в 1908 году ее 25-летие ⁵⁰. Юбилей

⁵⁰ Красочное описание праздника, состоявшегося в Бахчисарае в связи с 25-летием газеты "Терджиман", мы находим на ее страницах. "2-го мая редакция и типография "Терджиман" молитвенно почтили двадцатипятилетие непрерывного существования газеты". В молитве участвовало более 500 юношей, в основном, учеников новометодных школ, прибывших в Бахчисарай со своими учителями. С поздравлениями выступили представители русского, греческого, еврейского, караимского обществ, гости из Петербурга, Казани, Евпатории, Керчи, Ялты, Карасубазара, Севастополя и других городов. "Все присутствующие разместились в саду издателя под тенью деревьев и в шатре, убранном зеленью и бухарскими материями". На верхней террасе заняли места "местные и иногородние мусульманки", свыше 100 женщин, пожелавших "присутствовать на молитвословии, превратившемся в культурное народное празднество". Над садом

"Терджимана" отмечала прогрессивная мусульманская общественность всей России. В газете "Волжско-Камская речь" была опубликована статья азербайджанского журналиста Рахима Меликова, который писал: "11 апреля был днем национального праздника российских мусульман. В этот день исполнилось 25 лет со дня появления в России первой татарской газеты "Терджиман" [...] Юбилей этот праздновался исключительно в тех кругах мусульманского литературного мира, где к имени г. Гаспринского относятся с особым уважением за его долговременную публицистическую деятельность и общественную работу среди мусульман. Местные татарские газеты отводят большое место этому редкому торжеству [...] они предлагают основать в Казани нечто вроде учительского института имени Гаспринского..."⁵¹.

Отношения Исмаила Гаспринского с его современниками, в частности, с лидерами национального движения казанских татар, и даже с его ближайшими соратниками и учениками в Крыму складывались далеко не всегда безоблачно и бесп проблемно. Однако даже глубокие принципиальные расхождения ни в коей мере не затрагивали этической сторону в высшей степени почтительного и признательного отношения к Исмаилу Гаспринскому (при его жизни и после его смерти) в широких кругах тюркской общественности, молодежи, в том числе и среди его

высоко в небо был поднят белый флаг, на котором зелеными буквами было начертано "Яша Миллет" ("Живи, Нация"), изображены три звезды и трезубец. В адрес юбиляра в этот день поступило 118 телеграмм и писем и 76 адресов из разных губерний России, а также из Константинополя, Александрии, Каира, Бухары (от Эмира Бухарского), от съезда учителей Закавказья, были преподнесены ценные подарки (от мусульман Самарканда золотой адрес и золотая чернильница со стихами зеленой и голубой эмалью, от зайсанских мусульман из Восточного Казахстана ореховое резное, в серебряной оправе блюдо, от мусульман Китая, из Кульджити и Чугучака, из уйгурских провинций – китайские вазы и т.п.) и были выдвинуты ценные инициативы: в честь 25-летия газеты Стерлитамакское мусульманское общество постановило открыть школу-мектебе "Исмаилие", Семипалатинское мусульманское общество – библиотеку, мусульмане города Нухи решили основать медресе имени Гаспринского, мусульмане Ташкента решили учредить "Общество прогрессистов"; Исмаил Гаспринский был избран к этому дню почетным членом многих благотворительных и научных обществ. См.: XXV-Летие // Терджиман, 1908, 9 мая. С. 1-2.

⁵¹ Р. Меликов. Двадцатипятилетие газеты "Терджиман" // Волжско-Камская Речь, 1908, № 201.

оппонентов, которые могли свободно, в теории и на практике, конструировать и защищать иные модели национально-культурного возрождения и национально-государственного строительства, но никогда не подвергали сомнению бесспорный авторитет Гаспринского, его заслуги, не смели коснуться его имени ни прямыми упреками, ни колкими намеками политической полемики и в меру своих сил способствовали тому, что уже в начале 20 века в различных регионах тюркского мира формировался своеобразный культ "отца нации" (в самом расширительном понимании нации как супер-этнического единства), "Великого Учителя" – Исмаила Гаспринского (без малейших стараний в этом направлении самого Исмаила, человека скромного и не страдавшего комплексами гипертрофированного честолюбия). Этот культ подкреплялся внушительными сигналами, демонстрировавшими признание заслуг и уважение к Гаспринскому со стороны русской интеллигенции⁵² и международной общественности (выдвижение в 1912 году его кандидатуры на Нобелевскую премию по инициативе французских журналистов, популяризация его идей на страницах парижского журнала "Ревю дю Монд Мусульман" и петербургского журнала "Мир ислама"). Показательно то почетное место, какое занимал Исмаил Гаспринский на мусульманских съездах (Первом - в Нижнем Новгороде в августе 1905 года, Втором - открывшемся под председательством Гаспринского в январе 1906 года в Санкт-Петербурге, Третьем - проходившем в августе 1906 года вблизи Нижнего Новгорода). При том, что большинство делегатов этих съездов представляло уже новые тенденции в национальных движениях и предпочитало выработку программы более конкретных действий по сравнению с социальными утопиями Гаспринского, Исмаил Гаспринский был необходим этим радикалам как символ солидарности тюркских народов, того "единства в языке, делах и вере", которое было сформулировано им как нравственный и политический императив. И его постоянное почетное место в президиуме этих съездов, и его реальная активная роль в их организации (несмотря на все очевидные противоречия между его личной, более умеренной позицией и радикализмом этих съездов, поднявшихся на гребне революционной

⁵² В качестве одного лишь характерного примера отметим те исполненные глубокой и искренней почтительности ссылки мнения Гаспринского (в 1916 году уже "покойного Гаспринского") и на выступления газеты "Терджиман", какие мы находим в трудах выдающегося представителя российской тюркологии академика А.Н. Самойловича (1880 - 1938). См.: Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь, "Доля", 2000. С. 100-101.

волны) становились своеобразным эталоном преемственности традиций, демонстрацией уважения младших к старшему, неизбежности авторитета патриарха (бывшего, впрочем, в 1905-1906 годах, по современным меркам, еще довольно молодым политиком 54-55-летнего возраста). Все праздничные даты, связанные с первыми прижизненными юбилеями Исмаила Гаспринского, отмечались его друзьями, многочисленными корреспондентами, читателями, последователями, сотрудниками в просветительском и в издательском деле, бывшими (в том числе и уже давно не согласными со своим учителем) учениками с огромной искренностью и сердечностью, а смерть Исмаила Гаспринского, наступившая 24-го (по старому стилю летосчисления 11-го) сентября 1914 года, вызвала такой высокий всплеск поистине всенародной боли и скорби, которого до той поры не заслужил еще ни один общественный деятель тюркского мира. Поток опубликованных в 1914 году соболезнований и некрологов⁵³ был лишь верхушкой айсберга – глубокого народного горя.

В последующих главах, посвященных развитию пантюркизма в СССР и на его руинах, в условиях перестройки, а также в современной Российской Федерации и в Крыму (в Украине), мы еще вернемся к описанию тех драматических обстоятельств, в которых отмечались (или окружались) ледяным, гробовым молчанием в советской стране) последующие памятные даты, связанные с жизнью Гаспринского, и чрезвычайно характерные сами по себе для процессов развития пантюркизма в Крыму и в России. Здесь же, в контексте историографического анализа литературы, посвященной жизни и деятельности Гаспринского и интерпретирующей его либеральную концепцию пантюркизма, отметим, что после 1917 года центр тяжести исследований его наследия переместился за рубеж, и именно там, в Турции, США, Германии, Франции и других европейских странах, увидели свет монографии, охватывающие в целом все творчество

⁵³ Напомним лишь наиболее яркие из этих выступлений: Айвазов А.С. О великом Гаспринском // *Терджиман*, 1914, № 195; Сеидамет, Джафер. К читателям "Терджимана" // *Терджиман*, 1914, № 196; Акчокраклы О. Выступление на похоронах Гаспринского // *Терджиман*, 1914, № 196; Челебиджан, Номан. Покойному И. Гаспринскому // *Терджиман*, 1914, № 197; Каримов, Фатих. Большой национальный траур // *Терджиман*, 1914, № 199; Керимов, Кямиль. Отец нации // *Выкьыт*", № 1585; Величайшее отчаяние // *Экьбал*, 1914, 14 сентября; Каюм Кулат. Умер тюрко-татарский и исламский гений // *Терджиман*, 1914, № 202; Али Аббас Л. По поводу смерти всеми нами уважаемого Гаспринского // *Терджиман*, 1914, № 202.

Гаспринского и освещающие его личность, а также специальные исследования по отдельным вопросам, касающимся проблематики пантюркизма и роли Гаспринского в качестве его основоположника⁵⁴.

Все это оставалось абсолютно неизвестным, абсолютно недоступным читателям Советского Союза, вовсе не проникало за "железный занавес" или хранилось в "специальных фондах" центральных столичных библиотек, куда доступ был не просто ограничен, но фактически исключен для всех, кто мог интересоваться Гаспринским не по долгу службы в специальных надзирающих органах. Едва ли не единственный "легальный" текст, которым советская печать откликнулась на мировой интерес к наследию Исмаила Гаспринского, возросший к концу 1970-х годов, был клеветнический пасквиль, содержащий все стандартные обвинения в адрес "ставленника турецкой буржуазии", который вошел в книгу З.А. Ишмаматовой, изданную в Казани⁵⁵.

Ситуация в отечественной науке (одновременно и в России, и в других республиках бывшего СССР, ставших с конца 1991 года независимыми государствами) изменилась лишь на рубеже 1980-90-х

⁵⁴ Напомним (в хронологическом порядке) лишь наиболее значительные из этих работ, более широкий перечень которых содержится в библиографическом приложении к данной книге: Kirimer Cafer Seydahmet. *Gaspiralı İsmail Bey. Dilde, fikirde, işte birlik.* İstanbul, 1934; Mende, Gerhard von. *İsmail Bey Gasprinski – zur nationalen Bewegung der Russland Türken* // *Osteuropa*, 1934, October, Nr. X; Orkun Hüseyin Namik. *Türkçülüğün tarihi.* İstanbul, 1944; Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejey Ch. La presse du mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920.* Paris, Mouton, 1964; Lemercier-Quelquejey, Chantal. *The Tatars of the Crimea. A retrospective Summary* // *Central Asian Review*, London, XVI/1, 1968. P. 15-25; Zenkowski Serge. *Pan-Turkism and Islam in Russia.* Cambridge, 1967; Lazzerini Edward J. *İsmail Bey Gasprinskij and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914.* Doctoral dissertation. Seattle, University of Washington, 1973; Fisher Alan W. *The Crimean Tatars.* Stanford, 1978; Alexandre A. Bennigsen. *İsmail Bey Gasprinski (Gaspraly) and the Origins of the Jadid movement in Russia* // *İsmail Bey Gasprinski. Russian Islam. Society for Central Asian Studies, Reprint series Nr. 6.* Oxford, 1985. C. 24-25; Saray Mehmet. *Türk dünyasında eğitim reformu ve Gaspralı İsmail Bey (1851 – 1914).* Ankara, 1987; Devlet Nâdir. *İsmail Bey (Gaspiralı).* Ankara, 1988; Allworth Edward (Editor). *Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival.* Durham and London, 1988.

⁵⁵ Ишмаматова З.А. *Социальная роль и эволюция ислама в Татарии.* Казань, Татарское книжное издательство, 1979.

годов, и важнейшим событием, знаменовавшим начавшиеся изменения, стала состоявшаяся в Симферополе ранней весной 1991 года Международная научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского, о которой мы подробно расскажем в 11-й главе.

Одной из первых задач в научном обеспечении отечественного "гаспралыведения" на новом этапе была библиографическая систематизация и классификация мировой литературы, посвященной деятельности и памяти Исмаила Гаспринского, а также его собственных сочинений, его журнальной публицистики, о чем к началу 1990-х годов в бывших советских республиках существовало порою довольно смутное представление, что объяснялось и разрозненностью, и недоступностью оригиналов, и языковыми барьерами, затруднявшими прочтение публикаций, появившихся в разное время не только на разных языках, но и в разной системе письменности (арабский шрифт, латиница, кириллица).

Одной из первых работ, решающих эту задачу, явилась книга, составленная историком В.Ю. Ганкевичем и библиографом Крымскотатарской Библиотеки имени И. Гаспринского Наджие Ягъя, подготовленная и изданная к 145-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского⁵⁶. Она включала в общей сложности 554 наименования, систематизированные по разделам: 1) работы самого Исмаила Гаспринского (42 книги, изданные при его жизни: позднейшие переиздания этих произведений, их переводы на другие языки, а также подписанные и анонимные статьи Гаспринского в периодических изданиях в этот список не входили); 2) труды, издателем и редактором которых был Исмаил Гаспринский (литература издательства "Терджиман"), 3) исследования о жизни и творчестве Исмаила Гаспринского, публикации, содержащие материалы к его биографии, и общие труды по истории и культуре крымских татар и Крыма, в той или иной мере затрагивающие наследие Гаспринского (этот обширный литературный поток был разделен на несколько частей: сначала – единым списком – приводилась литература и статьи на русском, украинском, крымскотатарском и татарском языках, затем отдельными блоками – литература на английском, немецком, польском, турецком и французском языках. Справочник завершался несколькими аннотированными указателями, позволявшими читателю ориентироваться в именах авторов и наименованиях периодических и

⁵⁶ *Исмаил-бей Мустафа-оглу Гаспринский. Библиография. Симферополь, Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995.*

энциклопедических изданий, облегчавшими поиск нужного произведения или предмета исследования. Разумеется, это издание еще не означало решения всех проблем, связанных с формированием полной библиографической базы "гаспралыведения" (здесь многого не хватало), но оно безусловно обеспечило важнейший прорыв в этом направлении.

От освоения литературы о Гаспринском и его собственных книг и брошюр необходимо было перейти к анализу и систематизации его гигантского журналистского наследия. Первая попытка создания сводного списка (с переводом названий на русский язык) статей, опубликованных в газете "Терджиман" начиная с 1883 года и до конца жизни Гаспринского (точнее – до 1915 года, то есть вместе с посмертными изданиями его работ и откликами на его труды), была предпринята еще в период пребывания крымских татар в среднеазиатской ссылке. Эту работу самоотверженно вел многие годы проживавший в Ленинграде крымский татарин Сеитгазы Гафаров (1909 - 1987). Собранный им в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина материал наследники и продолжатели его дела смогли впервые опубликовать в издававшемся в Ташкенте крымскотатарском журнале "Йылдыз" уже после смерти С. Гафарова⁵⁷. При всем высоком моральном значении этого труда, основанного на огромном энтузиазме и совершенного как своего рода гражданский подвиг ученого-одиночки, и радиус его действия оставался довольно коротким (с рукописным наследием С.Гафарова были знакомы немногие, да и после публикации части этого наследия круг читателей журнала "Йылдыз" - органа Союза писателей Узбекской ССР - оставался весьма узким), и неизбежные в условиях технической необеспеченности исследования методологические просчеты и пробелы имели здесь место. Определенным восполнением этих пробелов стала книга, изданная в Симферополе в 2001 году, "Исмаил Гаспринский – великий просветитель" с предисловием Юнуса Кандыма, с подробным "историко-публицистическим очерком о всемирно известном общественном деятеле, первом крымскотатарском романисте, посвятившем свою жизнь во благо просвещения крымскотатарского народа и всего тюркского мира" "Исмаил Бей Гаспринский. Жизнь и деятельность", созданным С. Гафаровым на протяжении 14-тилетней работы (1973 - 1986), и с приложением в виде составленного на русском языке перечня статей, опубликованных в "Терджимане" в 1883-1914

⁵⁷ Библиография. Азырлаган Сеитгазы Гъафаров (Гъафаров С. "Терджиман" газетасында басылган эвас материалларнынъ къыска библиографиясы) // Йылдыз, 1989, № 4. С. 131-144.

годах, и факсимильных образцов рукописного наследия Гаспринского)⁵⁸.

Большое значение имело предпринятое и возглавленное профессором И.А. Керимовым издание книги "Живая история Гаспринского. По материалам газеты "Терджиман" 1883 - 1914 гг."⁵⁹. На ее страницах в хронологической последовательности, начиная с редакционной статьи в первом номере (10 апреля 1883 года), перепечатаны публикации, появлявшиеся в этой газете (на русском – те, что писались и печатались по-русски, и на языке тюрки, максимально приближенном к современному крымскотатарскому языку, переведенному на кириллицу, – те, что печатались арабским шрифтом) и ныне практически недоступные широким кругам читателей из-за плохой сохранности оригиналов "Терджимана" и их крайне малого количества, представленного лишь в нескольких крупнейших библиотеках мира. Максимально широкая выборка статей, включенных составителем в эту книгу, решает задачу ознакомления читателя практически со всеми важнейшими материалами, появлявшимися на протяжении более чем 30 лет в "Терджимане" (хотя надо подчеркнуть, что это еще не полное, а тем более не факсимильное воспроизведение всего "Терджимана", хранящего многие, не обнаруженные при такой выборочной публикации, порою интереснейшие для разных исследовательских направлений детали: необходимость такой полной публикации, вплоть до 1918 года, с параллельными переводами текстов на русский (и с русского), крымскотатарский, а также на европейские языки не только не отпала, но еще более остро ощущается после издания этой первой книги). Значительно обогащает ее содержание богатый научный аппарат, индекс слов и понятий, характерных для лексикона "Терджимана", развернутые биографические справки о многих сотрудниках, соратниках и оппонентах Гаспринского, авторах "Терджимана", а также дополняющие содержание газетных статей публикации ряда архивных и литературных материалов, существенных для характеристики деятельности Гаспринского и его эпохи.

Однако, к концу 1990-х годов стало уже совершенно очевидным, что источниковая база современных исследований не может ограничиться ни журнальной публицистикой, ни литературными произведениями, уже печатавшимися прежде, и как ни важна само по

⁵⁸ *Исмаил Гаспринский – великий просветитель. (Составитель – Ферит Зиядинов). Симферополь, "Тарпан", 2001.*

⁵⁹ *Керим, Исмаил Асан-оглу. Гаспринскийнинъ "джанлы" тарихи 1883 - 1914. (Къырымтатар тилиб эдебияты ве медениетинден малумат дестеги). Акъмесджит (Симферополь), "Тарпан", 1999.*

себе задача их розыска, переиздания, переводов и комментариев к ним, выявления (далеко не всегда подписанных собственным именем) трудов самого Гаспринского, решения спорных вопросов, связанных с его авторством, и систематизации гигантских потоков всего написанного о нем при его жизни и после его смерти, необходимо сделать решающий шаг – приступить к исследованию архивных источников, хранящих, – главным образом, в российских государственных архивах, в Москве и Санкт-Петербурге, – многие тайны и забытые страницы, неизвестные материалы, как непосредственно связанные с жизнью и деятельностью Исмаила Гаспринского, с изданием газеты "Терджиман" (и с пристальной слежкой за этой газетой органами сыска и цензуры Российской империи), так и с развитием системы просвещения, реформы образования, книгопечатания и журналистики в различных регионах. Введение этих материалов в научный обиход – важнейшая примета современных научных исследований, которые ведутся в научных центрах Украины (прежде всего в Крыму, в Таврическом Государственном университете, где под руководством профессора В.Ю. Ганкевича уже сложилась сильная исследовательская школа, ориентированная на тщательное изучение архивных источников и бережное обращение с ними) и в России, в частности, в Московском Государственном университете (зачитанные на московской конференции в ноябре 2001 года совместные доклады профессора МГУ Д.Ю. Арапова и доцента Е.И. Лариной "Исмаил Гаспринский, его жизнь и деятельность (по материалам Департамента полиции Российской империи)" и "Мусульманское движение в оценках Министерства внутренних дел Российской империи" отразили важнейшие достижения в этом источниковедческом направлении исследований).

Уже кандидатская диссертация В.Ю. Ганкевича "Жизнь и деятельность И. Гаспринского (1851 - 1914)", защищенная (на украинском языке) в Запорожском Государственном университете в 1995 году, была фундаментальным открытием документов, хранящихся в фондах Российского Государственного Исторического Архива в Санкт-Петербурге, Архива Российской Академии наук (Петербургского филиала), Государственного Архива Автономной Республики Крым, а также материалов, хранящихся в Крымском республиканском краеведческом музее в Симферополе и в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Именно на этой основе В.Ю. Ганкевичу удалось восстановить все важнейшие обстоятельства личной биографии, общественной деятельности Исмаила Гаспринского, придать монографическому исследованию цельность и обоснованность во всех деталях, опирающихся на корпус достоверных архивных источников. Важнейшей предварительной публикацией, на которую опирался диссертант при защите, был составленный им "Сборник

документов и материалов", имеющих отношение к Исмаилу Гаспринскому⁶⁰, включавший в общей сложности 117 важнейших документов (выписок, полных текстов подлинных архивных источников, публикаций в газете "Терджиман" и материалов, никогда прежде не публиковавшихся, в том числе помеченных грифом "Секретно", извлеченных из Центрального Государственного Архива автономной Республики Крым).

Еще более важным оказалось архивное, документальное обеспечение исследований и обоснование выводов по мере того, как от чисто монографической задачи (восстановления биографии, изучения жизни и деятельности Исмаила Гаспринского) В.Ю. Ганкевич перешел к изучению различных аспектов просветительской и издательской деятельности Гаспринского и его последователей и более широких пластов крымскотатарской и общетюркской культуры, религии, национальной истории и межнациональных отношений. Эти исследования увидели свет во многих статьях В.Ю. Ганкевича, опубликованных в 1990-х - начале 2000-х годов в крымской, украинской, турецкой печати, а также в его монографиях "Очерки истории крымскотатарского народного образования", "На службе правде и просвещению", в изданном отдельной брошюрой курсе лекций "Крымскотатарские медресе", в самостоятельных разделах, включенных в коллективную монографию "Ислам в Евразии"⁶¹. В

⁶⁰ Исмаил Гаспринский (1851 - 1914). Сборник документов и материалов. Составил В.Ю. Ганкевич. Херсон, 1994.

⁶¹ Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX - начале XX века. Симферополь, "Таврия", 1998; Ганкевич В. На службе правде и просвещению. Симферополь, "Доля", 2000; Ганкевич В.Ю. Крымскотатарские медресе (Курс лекций). Симферополь, "Доля", 2001; Ганкевич, Виктор. Джадидистская реформа народного образования крымских татар в конце 19 - начале 20 века // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии. Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. Москва, "Прогресс-Традиция", 2001. С. 378-384; Ганкевич, Виктор. От исламского к светскому искусству (По страницам газеты "Терджиман/Переводчик" 1883-1918 годов) // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии. Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. Москва, "Прогресс-Традиция", 2001. С. 385-400.

концентрированном виде вклад В.Ю. Ганкевича в современное источниковедение предстал со страниц его докторской диссертации, защищенной в Институте востоковедения имени А. Крымского Национальной Академии наук Украины в Киеве в 2000 году ⁶². Эта работа представляет собой последовательное исследование реформы просвещения крымских татар во всех аспектах этой проблемы и на всех ее этапах, протянувшихся через последние десятилетия 19-го и первые десятилетия 20 века, и чрезвычайно полно и богато насыщенную фактическим материалом, уточнениями и новыми историческими открытиями, вытекающими из архивных изысканий автора. Само поле активизированных и впервые опубликованных в данной диссертации исторических источников, включая фонды Российского Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Государственного архива Автономной Республики Крым в Симферополе, архив Решита Медиева в Крымском Республиканском краеведческом музее, - не говоря уже о богатейших анналах тщательно изученного диссертантом "Терджимана (Переводчика)" за все 35 лет его существования и материалах других периодических изданий, текстах других сочинений, связанных с проблематикой диссертации, - настолько широко, что оно создает не только достаточную, но можно сказать, максимальную обеспеченность основных направлений исследования наследия Исмала Гаспринского серьезной источниковой базой, аутентичным историческим материалом.

Развитием традиций, заложенных в украинской исторической науке трудами В.Ю. Ганкевича, явились работы его учеников – защищенные в 2002 году в Запорожском Государственном университете диссертации И.А. Богдановича ("Роль газеты "Терджиман" в пропаганде реформаторских процессов в мусульманском обществе Российской империи, 1883 – 1905 гг.) и С.П. Шендриковой "Крымские татары в либеральном движении мусульманских народов Российской империи начала 20 века". Исследование С.П. Шендриковой основано на переосмыслении идеологической основы и духовных ценностей так называемого "буржуазного либерализма", роли и конфронтации различных течений и флангов национально-освободительного движения народов России в стремительно меняющихся условиях начала 20 века, общего значения Всероссийской мусульманской партии "Иттифак" ("Бутюнрусие иттифак эль мусльмин"). Феномен "буржуазного либерализма" С.П. Шендрикова рассматривает в парадигме "пантюркизма" и "панисламызма" – движений и идеологий,

⁶² Ганкевич В.Ю. *Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа XIX -XX ст.). Київ, 2000.*

объединяющих тюркский и исламский мир. И.А. Богданович рассматривает в своей диссертации процессы модернизации, культурного развития и этнокультурного взаимодействия тюркских народов Юго-Восточной Европы и Евразии на рубеже 19 – 20 веков, национальных движений народов Российской империи, развития системы образования, печати, искусства, серьезных реформаторских сдвигов в мире европейского ислама, преобразования школьного дела и всех других форм жизни мусульманских общин. Называя "идеологией реформизма" то, что в современной тюркской и западной исторической, философской и теологической литературе обычно принято определять понятием "джадидизм", И.А. Богданович глубоко исследует это явление и последовательно выявляет его политическую, социально-историческую, философско-мировоззренческую, культурологическую и этнологическую составляющие характеристики и основы, его органичную связь с объединительными концепциями тюркизма. Не ограничиваясь рамками культуры Крыма и национального движения крымских татар, автор выходит на широкое поле интернациональных взаимосвязей, освещает роль газеты "Терджиман" в национальном пробуждении тюркских народов Поволжья, Урала, Кавказа, Сибири, Средней Азии. Обе диссертации основаны на тщательном исследовании архивных материалов.

Наряду с традиционным кругом исторических источников, к которому относятся архивные, музейные фонды, сохранившиеся аутентичные литературные памятники, оригинальные печатные (вышедшие из издательского дома Гаспринского) и редкие рукописные материалы, современными исследователями с каждым годом все более активно осваиваются и актуализируются нетрадиционные для нашей "официальной" исторической науки источники и методы. Это в первую очередь относится к методам "устной истории" ("Oral History"), позволяющей значительно расширить и обогатить палитру оценок, суждений, изучаемых фактов, принимаемых во внимание элементов широкого исторического контекста. С самых первых научных конференций и публикаций о Гаспринском, ставших возможными в поздний советский и постсоветский период, организаторы этих мероприятий старались привлечь к ним людей (прежде всего наследников, потомков Исмаила Гаспринского), в той или иной мере хранящих личные (непосредственные или транслируемые в семейных традициях из поколения в поколение) воспоминания, знания о самом учителе или его учениках, о его времени, о его деле. Так, к примеру, на симферопольской конференции 1991 года большой интерес вызвал доклад писательницы из Стамбула Иджит-Ханум "Мой дед – Исмаил Гаспринский". Однако, источники, осваиваемые методами "устной истории", гораздо шире, чем реликвии исторической памяти одной

семьи. Они разветвляются, дробятся, многократно повторяются (совпадая друг с другом и отличаясь друг от друга) в различных семейных кланах, общинах, землячествах, родственных или объединенных общими политическими целями кругах. Они восполняют многие пробелы, искусственно созданные советской историографией по отношению к разным, прежде всего репрессированным сталинским режимом народам, многие духовные ценности и достоинства которых надо было вычеркнуть, забыть, растворить в неведении. Многочисленные ручейки индивидуальной памяти, сливаясь в широкое море народной исторической памяти, позволяют восстановить широкую панораму, казалось бы, давно забытого прошлого, вычленив его интереснейшие фрагменты, вызвать из далекого времени живые фигуры (в частности, сподвижников и продолжателей дела Гаспринского). Записывая интервью, воспоминания (живых участников исторического процесса, их учеников, наследников, очевидцев), восстанавливая по памяти современников "хронику текущих событий" давних и недавних лет, современные исследователи открывают целые пласты нового, неизвестного материала, который безусловно требует взвешенного, осторожного, критического подхода, компаративного сопоставления с другими источниками, анализа особенной, этнопсихологической сферы наполнения народной памяти, устной, легендарной истории. На этой основе сделано уже немало, прежде всего для восстановления деятельности соратников, учеников, последователей Исмаила Гаспринского, как в Крыму, так и в культуре и истории других народов, где открываются таким образом имена своих национальных героев, просветителей, общественных деятелей дореволюционной, ранней советской поры или довоенной и послевоенной эмиграции. К примеру, проведенная в Симферополе в 1998 году научная конференция "Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист", материалы которой опубликованы в сборнике "Годы, люди, судьбы", во многом именно на основе методов устной истории и аналитического сопоставления ее данных с печатными, архивными и иными источниками позволила выявить не только объем многогранной деятельности Амета Озенбашлы и восстановить его исторический портрет, но многое прояснить и в деятельности, и в облике других крымскотатарских политических деятелей, как находившихся у власти в Советском Крыму 1920-30-х годов, так и за рубежом, в эмиграции⁶³.

⁶³ *Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы. Материалы международной научной конференции 24-25 апреля 1998 г. Симферополь, Крымучпедгиз, 1999.*

Еще более активны в этом плане были участники московской ноябрьской конференции 2001 года, посвященной 150-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского⁶⁴. Разнообразные источники "устной истории" (семейные легенды, записи воспоминаний современников, близких родственников) были положены в основу докладов, фактически впервые открывших в московской научной аудитории имена таких деятелей национальной культуры, как месхетинский турок, просветитель и издатель, работавший в Азербайджане и Грузии, ставший в 1937 году жертвой политических репрессий Омар Фаик Нейман-заде⁶⁵ или ингушский политический деятель, сыгравший яркую роль в революционном движении на Кавказе, а затем в рядах "кавказской эмиграции" в Германии Вассан-Гирей Джабагиев⁶⁶. Еще более существенным оказалось вовлечение в научную сферу этой конференции таких докладчиков, которые могли включить свой собственный, личный опыт общественной, политической, религиозной деятельности последних десятилетий в освещение страниц отечественной истории. В этом контексте заслуживают внимания такие прозвучавшие на московской конференции доклады и сообщения, как

⁶⁴ Работа конференции проходила в Москве в Российской Академии художеств, в Московском центре Карнеги, в Обществе "Мемориал". Рабочими языками конференции были русский, английский, немецкий, французский, крымскотатарский, турецкий и украинский языки. Практически в работе конференции приняли участие свыше 100 человек, в том числе 49 докладчиков. Конференцию сопровождала развернутая в Российской Академии художеств выставка (фотоматериалов, документов, художественных произведений и аутентичных предметов крымскотатарского народного быта, издательского и школьного дела начала 20 века) "Исмаил Гаспринский и его эпоха" (из собрания московского коллекционера и художника Низами Ибраимова). По итогам конференции издана книга: Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. (Составитель и ответственный редактор С.М. Червонная). Москва, 2001.

⁶⁵ Ф.И. Пепинов. Омар Фаик – публицист и популяризатор западного либерализма на тюркском Востоке // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. (Составитель и ответственный редактор С.М. Червонная). Москва, 2001. С. 169-173.

⁶⁶ М.Д. Яндиева. Вассан-Гирей Джабагиев (возвращение забытого имени) // Там же. С. 179-184.

"Идеи Гаспринского в Карачае" бывшего Имама Шейх-Раиса Карачая, нынешнего аспиранта факультета шариата и исламского права Исламского университета в Исламабаде Мухаммада Биджи-Улу; "Хасаука: знак национальной беды" сопредседателя демократической организации карачаевского народа "Джамагат" Б.А. Лайпанова; "Как мы отмечали 100-летний юбилей газеты "Терджиман"" основателя татарской национально-демократической партии "Ватан" Е.М. Миначева; "Межэтнические отношения в современной России сквозь призму идей Исмаила Гаспринского" активиста Татарского Общественного Центра (ТОЦ) в Набережных Челнах политолога Э.Х. Аетдинова; "Исмаил Гаспринский и пассионарность крымских татар" председателя крымскотатарского землячества в Москве писателя Э.А. Кудусова⁶⁷.

Оценивая в целом современное состояние гуманитарных наук, исследующих наследие Исмаила Гаспринского, можно сказать, что во многих направлениях исторической науки, тюркологии, востоковедения (ориенталистики), религиоведения (исследований ислама), филологии, культурологии, искусствознания намечился значительный методологический прорыв, стало очевидным восполнение прежних недостатков или прежнего вакуума исследований, состоялись открытия, которые уже заняли свое достойное место в различных научных дисциплинах и на их пересечении.

Центр тяжести современных исследований в области "гаспраловедения" из зарубежной (по отношению к бывшему Советскому Союзу) научной, общественно-политической, в частности "эмигрантской" мысли безусловно переместился ближе к аутентичным источникам, имеющим отношение к Гаспринскому, то есть прежде всего на его родину, в Крым (в государственном в измерении – в Украину), в другие евразийские центры, в страны бывшего "восточного блока", нынешнего Содружества Независимых Государств, в наибольшей степени – в Россию (в Москву, Санкт-Петербург, в Казань), а также в Узбекистан, печать которого (и на крымскотатарском, и на узбекском, и на русском языках) проявляла особенную активность в этом направлении на рубеже 1980-90-х годов. Труды ученых этих стран уже успешно конкурируют с научной продукцией того "дальнего (западноевропейского и американского) зарубежья", которое было на протяжении многих десятилетий 20 века основной базой разработки концепций, определяющих значение трудов Гаспринского и его место в контексте истории и национально-освободительной борьбы тюркских народов. Сравнительно более активной в популяризации трудов

⁶⁷ Там же. С. 57-67; 125-133; 134-135; 85-88; 119-124.

Гаспринского, в публикации (в оригинале и в переводах) его трудов, в высокой оценке его деятельности, – с особенно сильным акцентом на значении объединительной теории пантюркизма и на идеологической конфронтации этой теории и практики с режимом имперской и коммунистической России, – остается турецкая научная литература и публицистика. Завершение капитальных монографий – прежде всего многолетнего труда Мемета Сарая ⁶⁸, сумевшего дать в 1990-х годах развернутый ответ на вопрос, впервые поставленный им на страницах стамбульского журнала "Эмель" в 1983 году, кто же был этот человек, который "разбудил тюркский мир" ⁶⁸; ряд публикаций, вписывающих наследие Гаспринского в определенные ниши турецко-крымских отношений, турецких исследований крымскотатарской истории и культуры ⁶⁹; доклады о Гаспринском на научных тюркологических конференциях и на политических конгрессах тюркских народов в Стамбуле, Анкаре, Измире значительно расширили диапазон знаний и суждений о Гаспринском в самом тюркском мире. Декларирующая свою "этническую родственность" крымским татарам и постоянный интерес к Крыму современная, духовно возродившаяся и окрепшая после развала тоталитарных систем "восточного блока" татарская печать Польши (редактируемый известным писателем, религиозным деятелем – имамом Джами-мечети в Гданьске – и историком Селимом Хазбиевичем альманах "Рочник татарув польских") ⁷⁰ и Румынии

⁶⁸ Saray, Mehmet. *The Man who Awoke the Turkic World – Ismail bey Gaspıralı // Emel, Istanbul, March-April, 1983.*

⁶⁹ См.: Ortaylı, İlber. *Çarlık Rusyasında Türkçülük Hareketleri ve Gaspıralı Ismail Bey. Ankara, 1968; Devlet, Nadir. Rusya Türkleri'nin Milli Mücadele Tarihi. Ankara, 1985; Заслугам Исмаила Гаспринского в контексте развития татарской литературы и "тюркского ренессанса" посвящена глава в монографии "Крым и крымские тюрки" Юнвера Селя, изданной в 1997 году в Анкаре (Sel, Ünver. *Kırım ve Kırım Türkleri. Ankara, Kırım Dergisi, 1997).**

⁷⁰ Перевод на польский язык (с предисловием и комментариями переводчика Марека Дзекана) "Русского мусульманства" (под названием "Ислам в России. Мысли, заметки и наблюдения") Исмаила Гаспринского появился в шестом томе альманаха "Рочник Татарув Польских" (*Ismail Bey Gasprinski. Islam w Rosji. Myśli, uwagi i spostrzeżenia // Rocznik Tatarów Polskich. Tom VI. Gdańsk, Związek Tatarów Polskich, 2000. S. 139-158*) вместе с исследованием Селима Хазбиевича "Крымские татары" (*Selim Chazbijewicz. Tatarzy krymscy // Rocznik Tatów Polskich. Tom VI. Gdańsk, Związek Tatarów Polskich, 2000. S. 168-186*)

(издаваемая в Констанце на крымскотатарском языке газета "Кара Денгиз" ("Черное море")) предложила своим читателям немало новых публикаций о Гаспринском, включая и оригинальные работы авторов, проживающих в Польше, Румынии и Венгрии ⁷¹, и переводы (современных исследований) с русского, украинского, турецкого языков.

Вся эта совокупность "зарубежной" литературы, при всем неоспоримом значении отдельных ее составляющих, все же, можно сказать, светится в последние годы лишь отраженным светом, основной источник и эпицентр которого переместился, как уже сказано выше, с начала 1990-х годов на восток, в пульсирующее активными научными исследованиями поле, очерченное неровным многоугольником, формируемым такими узловыми пунктами, как Симферополь - Санкт-Петербург - Москва - Казань - Ташкент.

Здесь на первом этапе, примерно до 1992 года, бушевала своеобразная эйфория победы, определенная тем, что имя Гаспринского удалось вырвать из забвения и с честью вернуть его народу. Одна за другой на страницах издаваемых в Узбекистане журналов "Звезда Востока", "Йылдыз", в казанских изданиях "Татарстан", "Казан утлары", "Идель", в московских (центральных) научных ("Отечественная история", "Этнографическое обозрение") и литературных ("Дружба народов") журналах появлялись статьи, смысл которых заключался в моральной реабилитации личности и наследия Исмаила Гаспринского. Начало этому положила появившаяся в "Звезде Востока" еще на заре "перестройки", в 1987 году, статья старейшего советского востоковеда Л. Климовича ⁷², прозвучавшая как манифест-покаяние советской науки за долгие годы молчания и фальсификации. Эта статья как бы открыла шлюз, и мощный поток утверждающих значение Гаспринского публикаций хлынул в позднюю советскую, "перестроечную" печать и в издания молодых независимых государств, возникших в конце 1991 года. Невольно повторяя друг друга, эти публикации были в то же

⁷¹ Особо следует отметить посвященные крымскотатарской истории и культурному наследию крымских татар, а также их взаимосвязям с мусульманскими и христианскими народами Восточной Европы труды Генрика Янковского, чья научная деятельность 1980-90-х годов протекает в Венгрии и в Польше. Среди этих работ – Henryk Jankowski. *Tatarzy i Nogajowie w Turcji // Rocznik Tatów Polskich. Tom VI. Gdańsk, Związek Tatarów Polskich, 2000. S. 118-126.*

⁷² Климович Л.И. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете "Терджиман" и ее издателе И. Гаспринском // *Звезда Востока, 1987, № 8. С. 173-189.*

время вполне оригинальны (авторы впервые поднимали основные пласты наследия Гаспринского, восстанавливали вычеркнутые из истории истины, перечитывали забытые и спрятанные от общественности страницы "Терджимана", еще не подозревая, что тем же самым в то же время занимаются и их соседи и коллеги в других городах и республиках), искренни в единодушном восхищении светлой мыслью, благородными просветительскими целями Гаспринского, его талантом и духовным богатством. На высокой волне этих "первооткрытий", "первопрочтений" забытого, воскрешаемого наследия, этих новых оценок, решительно меняющих черный минус прежних осуждений на красный, радостный, усиленный восклицательными знаками, восторженный плюс, появились и многократные переиздания – в виде отдельных брошюр и журнальных публикаций – сочинений Исмаила Гаспринского, и первые биографические очерки, суммирующие все известные данные о жизни и делах этого человека ⁷³, и посвященные наследию Гаспринского разделы и главы в исторических, культурологических, политологических исследованиях "крымскотатарского вопроса" ⁷⁴ и диссертациях, ставших возможными в официальной академической науке России, Украины, Узбекистана лишь с начала 1990-х годов, и как уже отмечалось, чрезвычайно важные в контексте советского дефицита элементарных знаний и полного хаоса отрывочных, противоречивых данных, проникающих в перестроечную печать, начальные разработки библиографических справочников и историографических обзоров того, что было написано самим Гаспринским и о нем.

Этот период первых радостей, манифестов и открытий сменился, однако, уже к середине 1990-х годов более сложными и противоречивыми процессами в научной литературе и общественной публицистике, обращенной к Исмаилу Гаспринскому и по-разному интерпретирующей его наследие.

Рубежи этих новых различий обозначились как по линии государственных, географических и этнических границ (то, что писали и печатали о Гаспринском в Москве, Симферополе, в Киеве или Казани оказывалось весьма различным по содержанию), так и по тематическому тезаурусу, профессиональным "уклонам" и проблемным направлениям исследований, а также по тому идейно-политическому

⁷³ Одной из первых вышла в свет монография: Аблаев Э.А., Измайлов А.Э. *Исмаил Гаспринский*. Ташкент, 1994.

⁷⁴ Так, литературное наследие И. Гаспринского получило освещение в трудах по истории крымскотатарской литературы (см.: Asan, Ismail. *Kırım Tatar Edebiyatı*. Akmescit, 1995).

пафосу и заряду, который стал определять своего рода "партийную" окраску и принадлежность различных публикаций.

Авторы, воспитанные в традициях советской исторической науки, ее официальных постулатов, медленно и с трудом расставались со штампами прошлого и нередко обнаруживали полную неспособность охватить всю многогранную деятельность Исмаила Гаспринского, оценить ее значение в разных направлениях. Вольно или невольно они ограничивали поле его достижений и инициатив (едва ли не тем же самым "народным образованием в Бахчисарайском районе", о котором решались писать советские журналисты и чиновники в 1920-е годы). Характерным примером может служить посвященная Исмаилу Гаспринскому статья в "Кратком словаре истории Крыма". Изданный в Симферополе в 1995 году, когда говорить о Гаспринском без эпитета "выдающийся" уже считалось неприличным, он снабжает его и этим эпитетом, и всеми необходимыми биографическими сведениями, включенными в краткий очерк, и перечислением его основных литературных произведений и редактируемых им изданий, но ни словом не упоминает ни о течении джадидизма, обновлении исламской культуры, ни об участии Гаспринского в российских мусульманских съездах, ни о теории и практики пантюркизма, имеющей непосредственное отношение к трудам и делам Исмаила Гаспринского⁷⁵.

В этом контексте тем более важен тот прорыв в исследованиях наследия Исмаила Гаспринского и в оценке его исторической роли, который совершился в начале 2000-х годов и был ознаменован целым рядом научных конференций (в Киеве, Казани, Симферополе и других городах), посвященный 150-летию со дня его рождения⁷⁶. Завершала

⁷⁵ Гаспринский Исмаил бей (Гаспралы) // К. Когонашвили. Краткий словарь истории Крыма. Симферополь, "Бизнес-информ", 1995. С. 58-59.

⁷⁶ Сошлемся только на изданные программы конференций 2001 года: Международная научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения выдающегося крымскотатарского просветителя И. Гаспринского. Программа-Приглашение. [Организаторы:] Совет министров автономной Республики Крым, Министерство образования и науки Украины, Институт педагогики и психологии профессионального образования АПН Украины, Институт проблем воспитания АПН Украины, Международный фонд "Відродження", Министерство образования АРК, Крымский государственный индустриально-педагогический институт. 14-16 мая 2001 г. Симферополь; Программа Международной научной конференции "Исмаил Гаспринский: наследие и современность".

этот ряд научных форумов, состоявшихся в 2001 году, ноябрьская московская конференция, о которой мы уже упоминали, говоря о методологии и источниковой базе современного "гаспралыведения". Именно эта московская конференция определила ту масштабную сферическую оптику исторического видения и интерпретации наследия Гаспринского, которая позволила взглянуть на этот феномен под разными углами зрения и не только вычленить отдельные пласты этого наследия, существенные для истории и культуры разных народов, стимулирующие развитие конкретных прикладных и сравнительно узких научных дисциплин, но и синтезировать эти направления и пласты, вписав связанную с именем Исмаила Гаспринского разнообразную научную проблематику в широкий концептуальный и методологический контекст развития современной исторической науки. Проблематика конференции нашла отражение в ее тематических сессиях: "Педагогика Исмаила Гаспринского, реформа просвещения и школьной системы рубежа 19-20 вв. и ее последствия для культурного развития народов Евразии в 20 веке"; "Изобразительное искусство народов тюрко-мусульманского мира"; "Джадидизм и реформаторские тенденции в мире ислама"; "Концепция единства тюрко-исламского мира, идеология тюркизма и пантюркизма. Национальные движения тюркских и мусульманских народов"; "Современники, ученики, последователи Исмаила Гаспринского"; "Издательская деятельность Исмаила Гаспринского, печать и книгоиздание в истории культуры народов России"; "Литературное наследие Исмаила Гаспринского и развитие тюркских литератур в 19-20 вв."

Для методологии многих исследований последних лет, в частности, прозвучавших на московской конференции 2001 года докладов характерным и эффективно применимым оказался метод компаративных сопоставлений, позволивший ярче выявить сущность определенных социальных феноменов, характер исторических личностей и тенденции исторического процесса. Эта система сравнений (контрастных и гармонично дополняющих друг друга) успешно

[Организаторы:] Академия наук Татарстана, Институт истории. 29-30 мая 2001 года. Казань; Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока (1851 - 1914); К 150-летию со дня рождения. Международная научная конференция. Программа. [Организаторы:] Российская Академия художеств, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств, Министерство культуры Российской Федерации, Российский институт культурологии, Государственный музей Востока - научно-исследовательский институт, Международная правозащитная Ассамблея, Меджлис крымскотатарского народа. Москва [1-3 ноября] 2001.

проводилась как на уровне персональных сопоставлений современников и деятелей разных эпох (в частности, в докладе молодой турецкой исследовательницы из Анкары Пинар Акчалы "Исмаил Гаспринский и Зия Гёкалп: два пионера тюркской идентичности", в докладе доцента кафедры истории татарского народа Казанского университета А.Х. Махмутовой "Габдулла Буби - последователь Исмаила Гаспринского"), так и в плане региональных и историко-хронологических сравнений ситуации в разных "тюркских мирах" (в частности, в Крыму и в Поволжье - в докладе "Исмаил Гаспринский и татарское национальное движение" Ф.М. Султанова; в Крыму и на Кавказе - в докладе доцента Московского Педагогического университета Т.М. Порховой "Кавказский учебный округ в начале 20 века: организация управления"; в Европе и в Центральной Азии - в докладе Анвара Исмаилова "Исмаил Гаспринский и Туркестанский край (система просвещения)", в тюркских регионах России и в Азербайджане - в докладе турецкого исследователя Хаджали Неджефоглу "Наука и образование в Азербайджане за 10 лет независимости"), а также в более широком евразийском пространстве и глубоком историческом измерении (доклад В.Е. Возгрина "Крым и Сицилия - пересекающиеся параллели: "островной" Проторенессанс").

Доклад аспирантки Центра этнологических исследований Уральского Научного Центра Российской академии наук (Уфа) З.М. Кадыровой "Джадидская реформа в начальных, средних и высших учебных заведениях на территории Башкортостана" содержал ряд прежде неизвестных данных, касающихся структуры и учебных программ уральских медресе "Усмания", "Хусания", "Расулия" и просветительской деятельности Гани бая Хусаинова. Проведенное на основе архивных источников, музейных фондов, письменных памятников и первых печатных изданий на кумыкском языке, а также публикаций газеты "Терджиман", касающихся тюркских народов восточного региона Северного Кавказа, исследование Л.Г. Гейбатовой, получившее отражение в докладе "Некоторые аспекты исламского просвещения в Дагестане в свете идей джадидизма", определило введение мало известного дагестанского материала и дагестанских источников в научное пространство, формируемое вокруг проблемы модернизации тюрко-исламского мира.

Современная наука о Гаспринском ("гаспралыведение") оказалась как на его родине, так и в России и в других странах нынешнего непрочного "Содружества" в высшей степени политизированной.

Вряд ли сама по себе такая политизация может вызвать огорчение или заслужить осуждение. Более того, как это ни парадоксально, но возможно глубокому исследованию и правильному

пониманию наследия Гаспринского может в гораздо большей степени помешать демонстративная "деполитизация", нежели естественная и неизбежная политизация. Стремление "деполитизировать" наследие Гаспринского, представить его только писателем, только учителем, только издателем просветительских журналов, далеким от задач национально-освободительной борьбы, становится одной из форм современной фальсификации этого наследия. Нередко можно встретить даже попытки своего рода нравственного и теоретического обоснования такой позиции: мол, политика – дело грязное, и обращаясь к светлому имени Гаспринского, надо заниматься не политикой, а "чистой" наукой – историей педагогики, тюркологией, лингвистикой, филологией, не примешивая к этим занятиям никакой политической составляющей, никаких политических интересов. Сторонники такого подхода, лукавя или искренне демонстрируя свою "аллергию" на любую политику, забывают, что вне политики – вне благородных целей национально-освободительной борьбы, вне этой политической парадигмы – деятельность Гаспринского не существовала и не имела бы смысла, точно так же, как вне современной политики – политических устремлений и гражданских целей организованного крымскотатарского национального движения, возглавленного с начала 1990-х годов национальным Курултаем и Милли-Меджлисом, – не состоялся бы "ренессанс" новейшего "гаспралыведения", не определились бы его основные демократические направления.

Однако, наряду с политизацией, вытекающей из стремления крымских татар защитить свое национальное наследие и прежде всего имя Гаспринского от новых фальсификаций и провокаций, поднять его как идеологическое знамя организованных и объединенных национальных движений тюркских народов, мы все чаще имеем дело с сознательными (со стороны и изнутри) политическими спекуляциями на имени, наследии Гаспринского, выгодными тем или иным партиям, политикам, общественным силам. Выхватывая из его сочинений отдельные цитаты и высказывания (и буквально сражаясь этими фразами друг с другом, ведя бесконечную "войну цитат"), политики (и обслуживающие их политическую программу ученые) разного толка пытаются подкрепить авторитетом Гаспринского свои далеко не всегда правомерные претензии, амбиции и свои далеко не всегда безупречные теории и идеологемы. "Державники" из различных русских националистических партий, в том числе из крымских объединений, начавших провокационную кампанию за отторжение Крыма от Украины и воссоединение его с "великой Россией", и близкие им имперско-коммунистические и национал-патриотические круги в России охотно напоминают всем инакомыслящим о том, что Гаспринский не мыслил новейшую политическую историю Крыма вне

России, о том, что приступая к изданию своего "Терджимана" он писал в его первом номере в редакционной статье "Столетие", посвященной 100-летию присоединения Крыма к России: "... 8 апреля 1783 года маленькое ханство, измученное беспорядками и кровопролитиями, сделалось частью величайшей империи мира и получило успокоение под покровительством могучей власти" ⁷⁷. Противники российской ориентации легко находят в сочинениях Гаспринского иные фрагменты и слова, проникнутые болью и отчаянием от понимания того, что сделали с великой крымской мусульманской культурой за сто лет господства русские колонизаторы, напоминают его горький вывод: "... Русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации" ⁷⁸.

Особенно большое внимание идеологами гражданских и национальных движений как в Крыму, так и за его пределами (в Татарстане, в Средней Азии, в Азербайджане, в противостоящих общетюркской солидарности русских, армянских, греческих, сербских общественно-политических центрах) уделяется концепции тюркизма, выдвинутой Гаспринским, его триаде "Единство в языке, делах и вере". Ясно, что политическая направленность этого единения, идею которого современные политики берут на свое вооружение из наследия Гаспринского, мыслится и формируется неоднозначно – между полюсами "либерального тюркизма", нацеленного на последовательную интеграцию тюркских народов, в частности, народов современной Российской Федерации в систему единой российской государственности, и радикального пересмотра основных направлений партнерства, сотрудничества, государственного единения в сторону укрепления союза тюркских народов и тюркских государств. В это дискуссионное поле вторгается со своей стороны и жесткое направление тюркофобии, декларирующее нетерпимость к "чужой" (для славянского или для православного мира) вере, крови, ментальности, провоцирующее панику перед мнимой агрессией пантюркизма.

Идеологам "евразийства" как этнополитической теории, подводящей почву под российскую политику завоевания и удержания (убеждением и силой, "кнутом и пряником") в ее государственных границах народов тюркского мира Исмаил Гаспринский нужен как своего рода "свидетель защиты", как автор, признавший неизбежность "подчинения тюрко-татарского племени – племени русскому", как представитель самого тюркского мира, искренне убежденный в преимуществах не только русского соседства, но и российского

⁷⁷ *Столетие // Терджиман, 1883, № 1. С. 2.*

⁷⁸ *Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 9.*

господства над его соотечественниками. Одним из активных современных представителей этой идеологии является московский философ и социолог Борис Ерасов. Именно ему принадлежит основанный на целенаправленной эксплуатации "свидетельств" Гаспринского вывод о том, что "... распад централизованного государства, связанного прежде с Российской империей, а затем с СССР, не означает устранения исторически складывавшихся связей и отношений. Взаимодействие России с восточными регионами – постоянный фактор ее истории, и "евразийское" начало в цивилизационном облике России – важнейший компонент ее социокультурного и геополитического устройства"⁷⁹.

Попытка российских идеологов неоимперской ориентации использовать наследие Гаспринского в качестве фундамента или ширмы для построения и защиты концепции современного "евразийства" в качестве обоснования особой, объединительной миссии России и "естественной" принадлежности к ее государственной системе тюрко-мусульманских народов Востока вызывает решительный отпор в среде татарских ученых, противопоставляющих свое понимание завещанного Гаспринским "русско-восточного соглашения" тому, что казанский историк и этнолог Д.М. Исхаков определил как "евразийство "второго издания", т.е. неоевразийство, сформировавшееся в России в 1990-х годах"⁸⁰. В своем докладе "Критика новой евразийской идеологии в современном Татарстане" на Международной научной конференции "Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития", состоявшейся осенью 2000 года в Уфе, он сформулировал основные позиции расхождения, основные пункты несогласия и причины, по которым неоевразийство, как официальная установка российской политики и науки и принятый русским академическим истеблишментом вариант развития (якобы логичного развития) идей Исмаила Гаспринского, неприемлемо для татарского национального самосознания. "Один из важнейших пунктов расхождения с русско-православными идеологами евразийства их татарских оппонентов, – говорил он, – сводится к отрицанию самого

⁷⁹ Ерасов Б.С. Предисловие: О статусе культурно-цивилизационных исследований // *Цивилизации и культуры. Научный альманах. Выпуск 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения*. Москва, 1994. С. 19.

⁸⁰ Исхаков Д.М. Критика новой евразийской идеологии в современном Татарстане // *Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Тезисы докладов Международной научной конференции (14 - 15 сентября 2000 г.)*. Уфа, Издательство "Восточный университет", 2000. С. 91-93.

существования российской (евразийской) цивилизации, базирующейся на симбиозе славянско-православной и тюрко-исламской составных. Как полагают татарские идеологи, есть самостоятельные русско-православная и тюрко-мусульманская (или просто "исламская") цивилизации. [...] Татары отождествляют себя прежде всего с мусульманской цивилизацией [...] они не могут позволить захлопнуть себя в "русско-православной Евразии" по нескольким причинам. Во-первых, сама современная русская культура не приспособлена к новым реалиям, поэтому для дальнейшего прогресса нужен прямой выход на европейскую культуру (цивилизацию). Во-вторых, татары не могут позволить изолировать себя от существующей мусульманской цивилизации и от формирующейся тюркской цивилизации. Если такая изоляция произойдет, это прямой путь к потере их идентичности, что неприемлемо. Да и в силу неравности демографических весов русских и тюрко-мусульман в Евразии гарантом обеспечения прав последних могла бы выступать Турция, рассматриваемая как некий центр тюркской цивилизации. [...] Третий пункт различий в подходах касается взаимоотношений коллектива и индивида. Для православия на первом месте находится коллектив (соборность). Татарский вариант ислама, пропитанный духом джадидизма, на передний план ставит свободомыслие, евразийское понимание роли личности (открытость врат иджтихада). Да и в целом мусульмане не признают себя чьими-либо рабами, кроме Аллаха. Поэтому общая концепция личности в православии и в исламе, особенно в реформированном исламе татар, не могут соответствовать друг другу"⁸¹.

На данном примере совершенно очевидно, что современная радикальная татарская общественная мысль, не только не подвергая формально сомнению или пересмотру наследие Гаспринского, но даже демонстративно опираясь на его разработки, его достижения, связанные с его именем программы ("татарский вариант ислама, пропитанный духом джадидизма..."), по сути, однако, может быть, в самом главном вопросе, касающемся единства (или внутреннего размежевания) русско-православной и тюрко-исламской цивилизаций, случайной или закономерной, временной (вынужденной) или вечной (оправданной) принадлежности тюркских народов к единому российскому государству, придерживается позиции, принципиально противоположной учению Гаспринского. Она совершенно иначе отвечает на вопрос, который Исмаил Гаспринский в своих сочинениях ставил риторически и давал на него однозначный ответ, выбирая вторую часть предложенной альтернативы: "Должны ли русские и мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом как

⁸¹ Там же. С. 92-93.

случайные спутники, соседи, или между ними следует развивать более близкие, родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?..." Отрицание "симбиоза" славянско-православной и тюрко-исламской составляющих – это разрушение парадигмы "близких, родственных отношений", а представление Гаспринского о народах России, как о "детях великой семьи" "нашего обширного великого отечества" уже никак не совпадает ни с ориентацией на Турцию в качестве гаранта прав тюркских народов, ни с решительным заявлением, транслированным в докладе Д.М. Исхакова: "А то, что выдается за евразийскую (российскую) цивилизацию, есть на самом деле всего лишь государство, территория, [сила], "удерживающая народы вместе" (Р. Хакимов)" ⁸². Для Гаспринского безусловно существовало и имело реальный смысл понятие "русско-исламский мир" в качестве культурного и политического симбиоза, создающего теоретическое обоснование для внешней экспансии России во всех (южном, восточном, западном и северном) направлениях.

Отказ от такого подхода характеризует важнейшее, демократическое и антиимперское по своему характеру политологическое направление в современной тюркологии, выдвинувшее программу, которую можно было бы назвать, перефразируя известное высказывание В.И. Ленина ("От какого наследства мы отказываемся"), словами "От какого Гаспринского мы отказываемся".

В то же время немало российских авторов обращаются к наследию и имени Гаспринского с целью доказать и продемонстрировать рядом специально подобранных фактов и цитат, что он не только был прекрасным гражданином старой, имперской России, верным царю и Отечеству, разработавшим теорию интеграции тюрко-мусульманских народов в российскую государственную, социальную и культурную систему во имя укрепления этой системы, но и остается в наши дни примером достойного служения мусульман новому российскому Отечеству. Буквально захлебываясь в восторженных комплиментах в адрес современного российского руководства, Энвер Байрамов, автор монографии, приуроченной к 150-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского, завершает ее дифирамбом, столь мало соответствующим реальному положению мусульманских и тюркских народов России, их продолжающемуся бесправию и дискриминации, их горьким нерешенным проблемам, что без чувства стыда и смущения невозможно читать все эти описания фальшивого благополучия и выражения "глубокого удовлетворения",

⁸² Там же. С. 92.

шокирующие прежде всего готовностью прикрыть именем Гаспринского, освятить его авторитетом собственную духовную капитуляцию и лакейское приспособленчество. "Ныне... татарские школы имеются не только в Татарии и Башкирии, но и во всех тех областях и городах, в которых действуют диаспоры татар, – уверяет Энвер Байрамов. – ... И сегодня можно с уверенностью сказать, что в России все нации равны. Равенством определяется принцип государственной политики Российской Федерации. ... По распоряжению Правительства Российской Федерации разработана государственная целевая программа "Возрождение и развитие тюркских народов России". ... В ней сформулированы приоритеты и задачи политики нашего государства по отношению к тюркским народам, предложены меры по их возрождению. Ныне мусульмане России видят будущее России как великой евразийской державы в союзе и взаимоуважении Православия и Ислама... Заветы великого просветителя татар почти через столетие, только ныне претворяются в жизнь"⁸³. Вся эта сладкая ложь, не имеющая ничего общего с реальной российской действительностью, представляется одной из самых опасных форм новейшей фальсификации духовного наследия Гаспринского, подрыва доверия к нему со стороны народов (от ежедневно уничтожаемых в жестокой необъявленной войне мусульман-чеченцев до обреченных на нищету и вырождение тюркских этнических групп, затерянных сегодня в Сибири), которые совсем не такого Гаспринского хотели бы видеть своим лидером и духовным вождем.

Об этом, "другом" Гаспринском нам хотелось бы напомнить современникам в докладе на симферопольской научной конференции 2001 года:

"Справедливо считая Гаспринского "отцом пантюркизма", именно этой идеи, опаснейшей для имперского государства и спасительной для его народов-невольников, никогда не мог простить Гаспринскому ни самодержавный, ни унаследовавший его великодержавно-шовинистическую парадигму коммунистический режим, ни современный русский национализм, одинаково бушующий в стихии левых, "красных", и правых, "коричневых" сил. И те представители российской сервильно-ангажированной науки и националистической политики, которые сегодня, еще стесняясь мирового общественного мнения, не решаются предать имя Гаспринского открытой анафеме, как это делали их предшественники..., – по крупницам разыскивая в его текстах столетней

⁸³ Байрамов, Энвер. Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский. Москва. "Экслибрис-Пресс", 2001. С. 128, 132-134.

давности, зажатых тисками губернской и державной цензуры, буквально выдвленные из его письма и из его несвободной речи верноподданнические признания и комплименты русскому самодержавию и русскому народу, предпочитают не замечать той главной идеи, которая составляет стержень всех гуманитарных направлений социальной и культурной антропологии Гаспринского, – тюркизма. Вопреки этим фальсификациям и умолчаниям именно о тюркизме (пантюркизме) Исмаила Гаспринского, не смущенно оправдываясь, а уверенно утверждая прогрессивное историческое значение этой идеологии и ее современную актуальность, мы будем говорить сегодня, отмечая 150-летие со дня рождения Исмаила Гаспринского извлечением практических выводов из его уроков и постановкой важных [...] задач" ⁸⁴.

3. Судьбы пантюркизма в России между революциями 1905 и 1917 годов

Значительный перелом в общественном сознании, в общей политической ситуации в России происходит в 1905 году. Поражение в русско-японской войне – поражение, которое нанесла величайшей евразийской империи маленькая азиатская страна, вскрывает всю отсталость и слабость России – "колосса на глиняных ногах". Первая Конституция, принятая под натиском революционных сил, открывает некоторые перспективы для российского парламентаризма: возникает Дума, в ее составе формируются тюрко-мусульманские фракции.

Распространение тюркизма в тюркском мире России тесно связано не только с ростом политической активности, формированием и достижением более высокой стадии зрелости национально-освободительных движений, но и с процессами культурной модернизации. Тюркизм в России был неразрывно связан с джадидизмом, с философией и практикой европеизации тюркского мира. Мы можем проследить эти процессы на примере основных тенденций культурного развития волжских татар в начале 20 века.

В это время, особенно в ходе русской буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг., среди поволжско-приуральских татар начинает отчетливо проявляться определенное внимание к странам и народам Европы, в частности, к Германии. Внимание это имело реальную практическую основу и было направлено, главным образом, в сторону восприятия татарами лучших достижений художественной литературы, науки, просвещения,

⁸⁴ Червонная, Светлана. *Единство в языке, делах и вере: испытание временем. Симферополь, издательство "Оджакъ", 2001. С. 5-6.*

общественной мысли, т.е. должно было способствовать расширению кругозора всех слоев татарского населения, его духовному росту.

С конца 19 века представители татарской гуманитарной интеллигенции начинают уже регулярно появляться в Европе, имея целью получение образования или повышение квалификации в той или иной сфере деятельности. В 1899-1903 гг. в Париже в Свободной школе политических наук (Ecole Libre des Sciences Politiques) обучался известный политик и ученый Юсуф Акчурра. Там же, в Париже, на юридическом факультете Сорбонны получал образование в 1902-1905 гг. крупный юрист и политик Садри Максуди⁸⁵. В 1898 г. два татарских журналиста из Оренбурга Шакир Рамиев и Фатих Карими совершают большое путешествие по Германии, Бельгии, Франции, Италии, Австрии, Сербии и Болгарии. Причем перед этой поездкой Ф. Карими специально брал в Москве уроки немецкого языка. Во время пребывания в европейских странах он знакомился в первую очередь с работой крупных типографий Германии, Австрии и Италии с тем, чтобы использовать их опыт и достижения в своей работе в качестве типографа⁸⁶.

В Лейпциге в 1908-1909 гг. обучался типографскому делу сын одного из учредителей казанского книгоиздательского Торгового Дома "Борадэрэн Кэримовлар" – "Братья Каримовы" Исмагил Каримов⁸⁷.

В 1910 г. основатель издательства "Гасыр" и издатель литературно-художественного журнала "Анг" Ахматгарай Хасани совершил длительную поездку по городам Германии, Швейцарии, Франции и Польши, имея целью изучение книгоиздательского дела⁸⁸.

С той же целью отправился в Германию и другой известный татарский полиграфист, создатель унифицированного арабского шрифта Мухаммад Идриси⁸⁹. В 1911 г. он был командирован казанской

⁸⁵ Мухамметдинов Р.Ф. *Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ. 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.)*. Казань, 1996. С.55-61; Таһиров И. *Парижда укыган Садри (Учившийся в Париже Садри) // Йортэ безне язмышлар*. Казан, 1992. С. 147-148 (на татарском языке).

⁸⁶ Каримуллин А.Г. *Татарская книга начала XX в.* Казань, 1974. С. 137-138.

⁸⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), Фонд 1, опись 4, дело 4240, л. 26.

⁸⁸ Мэһдиев М. *Реализмга таба (На пути к реализму)*. Казан, 1989. С. 113 (на татарском языке).

⁸⁹ Каримуллин А.Г. *Книги и люди*. Казань, 1985. С. 268-269.

типографией "Миллэт" в Германию для освоения новых технологий типографского дела. Он посетил Лейпциг, Франкфурт-на-Майне, Мюнхен, и по его собственным словам, "во время пребывания в Германии изучил окончательно граверное искусство по стали и по камню". Именно после возвращения из европейского вояжа М. Идриси впервые в истории восточной печати в России осуществил многоцветную печать, и по праву стал лучшим картографом и художником – гравером⁹⁰.

Татарские интеллектуалы, которые по-своему открывали для себя Европу, делали немало и для того, чтобы знакомить рядового обывателя с лучшими достижениями европейской культуры. В начале 20 в. большими тиражами в переводе на татарский язык публиковались лучшие произведения европейских писателей, среди которых И.-В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне, братья Гримм и др. В некоторых случаях переводы на татарский язык делались не через русский язык, а непосредственно с европейских языков. Среди переводчиков можно назвать и довольно известные имена: поэт-романтик Наджиб Думави (повести Вольтера "Микромегас", Бернардена де Сен-Пьера "Индийская хижина", пьеса Мориса Метерлинка "Непрошенная гостья"), педагог из медресе "Галия" Закир Кадыри (переводы социологической и религиозной литературы, в том числе книги Герберта Спенсера "О воспитании"), Сагит Сунчалый (трагедия Г. Гейне "Альмансор", поэма Байрона "Шильонский узник", роман В. Гюго "93-й год"), Галиасгар Камал (драма Александра Дюма-сына "Дама с камелиями", пьесы Мольера)⁹¹. К переводам обращались Латиф Мустафа (драма Ф. Шиллера "Коварство и любовь"), Хади Кильдибеков (роман Кнута Гамсуна "Голод"), Султан Рахманкулы (трагедии В. Шекспира),

⁹⁰ Некоторые сведения о деятельности М. Идриси (Идрисова) по реформе татарского шрифта в 20-е годы содержатся в книге: Baldauf, Ingeborg. *Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Rußland- und Sowjettürken (1850-1937)*. Budapest, 1993. S. 208-210, 218.

⁹¹ Нигматуллин Э.Г. Раздвигая века и границы. К вопросу о связях татарской литературы первой трети XX века с литературой Западной Европы. Казань, 1977. С.13,14,26,34,36, 42-45,70-71,77. Любопытно, что публикация на татарском языке "Альмансора" Г. Гейне в 1914 г. вызвала довольно оживленную дискуссию в татарской периодике. Своими мыслями о качестве перевода и значимости этого произведения для татарского читателя поделились, например, Закир Кадыри (в газете "Тормыш"), Фатих Сайфи-Казанлы (в журнале "Анг"), Галимджан Ибрагимов (в газете "Йолдыз") (см.: Нигматуллин Э.Г. Указ соч. С. 25-29).

Фахрельислам Агиев и Идрис Мухаррямов (стихотворения И.-В. Гете). Переводы западноевропейской художественной литературы заняли значительное место в татарской культуре начала 20 века. Из них татарский читатель получал знания о характере и жизни европейских народов, о достижениях общественно-политической мысли, науки. Переводы при этом рассматривались как составная часть национальной литературы. Джамалетдин Валиди писал, например, в газете "Вақыт": "Если в наши дни русские, англичане, немцы и французы составляют нации, то Европа является содружеством наций. И мы, татары, должны, пусть даже ниточкой, прикрепиться к этому содруеству наций. А такой "ниточкой" могут стать переводы, которые делаются с русского и европейских языков". Такую же идею поддерживал Галимджан Ибрагимов: "Когда прокладываются новые пути науки, каждая нация больше занимается не оригиналами, а переводами, которые служат ступенью для создания самобытных произведений".

Примечательно, что в одном из номеров газеты "Идель" в 1909 г. был помещен перечень европейских писателей, философов и ученых, знать которых должен был каждый образованный татарин. Это Гомер, Пифагор, Ксенофонт, Сократ, Еврипид, Аристофан, Плутарх, Цицерон, Сенека, Марк Аврелий, Тацит, Тит Ливий, Гораций, Шекспир, Локк, Ньютон, Юм, Гиббон, Адам Смит, Маколей, Вальтер Скотт, Лейбниц, Кант, Гегель, Гете, Шиллер. Монтень, Декарт, Боссюэ, Мольер, Конель, Расин, Монтескье, Жан-Жак Руссо, Гизо, Тьер, Тьерри, Вильмен, Местр, Мишле, Жюль Симон, Бартелеми, Тассо, Петрарка, Макиавелли, Данте, Сервантес, Франклин⁹². Этот список представляет достаточно точно, что татарских интеллектуалов в западноевропейской науке и культуре привлекало более всего направление просветительское. Лучшие образцы европейской культуры должны были, в их понимании, содействовать духовному возрождению татарского народа в условиях политического подъема начала 20 века⁹³.

⁹² *Идел*, 1909, № 175 (31 июля).

⁹³ Сюжет о соотношении европейского и восточного начал в татарской общественной мысли начала 20 в. вызывал живые дискуссии. Например, на страницах журнала "Шура" в серии "Известные личности и знаменитые события" публиковались очерки: Н. Агиева о И. Канте (1908, № 13, С. 396-398), Мирсаяфа о Спинозе (1915, № 22, С. 707; № 24, С. 737), Ризаэтдина Фахретдина о Бэконе (1915, № 18, С. 545-548), о Декарте (1915, № 21, С. 641-643), о Мартине Лютере (1911, № 16, С. 481-483), о Гете (1910, № 3, С. 67), о Жан-Жаке Руссо (1911, № 12, С. 368-370); Ракиба Ракибова также о Руссо (1909, № 2, С. 48-49; № 4, С. 110-111; № 8, С. 237-239). В такого рода публикациях особое внимание уделялось сравнительному анализу

Довольно быстрыми темпами распространялись среди татарского населения произведения просветительского характера, с помощью которых читатели знакомились с разными странами и народами. В этой связи особо выделяются старания Фатыха Карими: в петербургской типографии Бораганского он опубликовал свои впечатления от поездки по Европе "Аурупа сэхэтнамэсе" ("Путешествие по Европе"), а с 1904 г. в собственной типографии в Оренбурге приступил к выпуску целой серии книг под названием "Народы мира", в которой по замыслу издателя описывались экономическая, общественная, политическая, культурная, духовная жизнь, обычаи, образ жизни, прошлое и настоящее народов мира, сыгравших свою роль в истории человечества. В этой серии, например, вышли книги, посвященные англичанам, французам, немцам, итальянцам, испанцам, полякам, грекам и другим народам ⁹⁴.

В связи с бурными политическими событиями в России в начале 20 века, в первую очередь с буржуазно-демократической революцией 1905-1907 гг., интерес издателей и читателей, конечно, привлекали и политические сюжеты. Среди многих татарских публикаций такого рода – "Выступление немецкого народа за свободу" (типография "Братья Каримовы", Казань, 1905), брошюра Ракиба Ракибова "Французская революция" (товарищество "Мэгариф", Казань, 1906), брошюра "Выборные дни в Германии" (товарищество "Мэгариф", Казань, 1907) ⁹⁵.

Повышение интереса к европейской культуре в начале века уже приводили к дискуссиям в татарской периодике, смысл которых сводился к поискам ответа на вопросы: каково значение европейской культуры для татар? что принесет татарам прогресс в духовной жизни – верность восточным традициям или сближение с Европой? Если Наджиб Думави в 1915 году высказывался против "европеизации", считая ее вредным для татар явлением, то Джамалетдин Валиди, как бы возражая Думави, заявлял, что "татары вышли из состояния дикости" и,

идей восточных и европейских мыслителей, пониманию того, насколько мышление европейцев подходит для восприятия татарами-мусульманами.

⁹⁴ Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX в. С.142. По наблюдениям А.Г. Каримуллина, идею публикации о народах мира Ф. Карими вынашивал довольно долго, по крайней мере с 1901 г., и это вызывало негативную реакцию у представителей полиции и цензуры.

⁹⁵ Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. С. 43,50, 89,92.

не являясь "в подлинном смысле восточным народом", должны многому "поучиться у европейских народов" ⁹⁶.

Любопытно, что после революции 1905-1907 гг. и татарские предприниматели начали обращать свои взгляды на Европу. Видный деятель джадидизма и одновременно предприниматель Абдулхамид Казаков в августе 1908 г. был сослан в Вологду за "революционную" и "панисламистскую" деятельность, но уже 19 сентября 1908 г. получил разрешение на выезд за границу. Он уехал в Берлин, откуда вернулся в Казань только 10 июня 1910 г. ⁹⁷. За это время он, очевидно, успел наладить свои дела и позднее открыл в Берлине фирму, занимавшуюся сбытом сырья (прежде всего кожи и мехов) и посреднической деятельностью. Симптоматично, что Шакир Мухаммедьяров, опубликовавший восторженную статью о берлинской фирме А. Казакова в журнале "Икътисад", подчеркивал, что создание такого рода татарских предприятий за границей должно способствовать общему прогрессу татарской нации, не только экономическому, но и политическому, и культурному ⁹⁸.

Фирма А. Казакова была в Германии не единичным явлением. В начале 1914 г., например, в Лейпциге развернули свою деятельность два татарских предпринимателя Салим Мусин и Захид Афандиев. В газете "Тормыш" они неоднократно помещали свои объявления, призывая соотечественников налаживать прямые, наиболее выгодные экономические контакты с европейскими странами. Они также торговали в Германии сырьем – пушниной, кожей, и предлагали свои

⁹⁶ Суть этой дискуссии между Н. Думави и Дж. Валиди подробнее представлена в исследовании: Нигматуллин Э.Г. Указ соч., С. 33-41.

⁹⁷ НА РТ, Фонд 1, опись 6, дело 505, лл. 141, 148, 176. Любопытно здесь отметить, что в 1909 г. в Берлине находился один из представителей известной фамилии Апанавых (имя его, к сожалению, пока не известно) – это была либо ссылка, либо кратковременная эмиграция, так что можно полагать, что в Германии проживали представители татарской политической эмиграции (см.: *Revue du Monde Musulman*, № 10, 1909. Р. 297).

⁹⁸ Мохэммедьяров Ш. Берлинда татар фирмасы (Татарская фирма в Берлине) // *Икътисад*, 1911, № 7. С. 203-204 (на татарском языке). Предпринимательская деятельность А. Казакова в Германии сослужила ему впоследствии плохую службу – в 20-е годы он был осужден органами ОГПУ как "резидент немецкой разведки" (Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны, 1997. С. 57.).

услуги по поставке любых европейских и американских товаров в Россию, особо выделяя при этом типографское оборудование⁹⁹.

Таким образом, активизация политической жизни России в целом, которая во многом способствовала быстрому развитию демократической культуры и политической мысли, заметно повысила интерес и татарской общественности к малознакомой до сих пор Европе. Идеология тюркизма, развивавшая концепцию единения тюркских народов России, была тесно связана с программой "выхода" тюркского мира России на простор европейской цивилизации.

В этот период лидеры татарских национальных движений, как в Волго-Уральском регионе, так и в Крыму, предпочитают выработку программы более конкретных и радикальных действий по сравнению с либеральными реформами и социальными утопиями Гаспринского. Политические программы и требования тюркских движений получают выражение на съездах мусульманских народов России.

Первый такой конгресс состоялся в Нижнем Новгороде 15-28 августа 1905 года, его 150 делегатов, в основном, представляли буржуазные круги татарского общества. Гаспринский был одним из руководителей этого Конгресса, и татары там преобладали, хотя присутствовали и азербайджанцы, а также другие тюркские группы из Средней Азии, Сибири, других регионов "внутренней" России. Этот Конгресс вошел в историю под именем "Мусульманского собрания". Его первая резолюция требовала объединения ("Ittifak") всех мусульман России, стремящихся к проведению реформ, отвечающих требованиям и потребностям молодой либеральной буржуазии. Конгресс положил начало организационному объединению российских мусульман, которые были разделены на 16 округов, каждый из которых выбирал свою ассамблею ("меджлис" – meclis). Центральная Ассамблея должна была собраться в Баку. Практически дееспособным и регулярно собиравшимся после первого съезда оказался только меджлис Татарстана ("казанская ассамблея").

Второй Конгресс, на котором председательствовал Гаспринский, собрался в Санкт-Петербурге 13-23 января 1906 года.

На Конгресс съехались 100 делегатов – представителей татар, киргизов, народов Крыма и Кавказа. Конгресс принял решение о создании Союза мусульман России (Russiya Müsülmanlarınin Ittifaki). Значительное внимание съезд уделил перспективам представительства мусульман в Думе.

⁹⁹ *Заграница илэ сзудэ итэргэ телэучелэргэ (Для желающих торговать с заграницей) // Тормыш, 1914, 9 февраль, № 29 (на татарском языке).*

Третий Конгресс собрался вблизи Нижнего Новгорода 16-20 августа 1906 г. На нем снова преобладали казанские татары. Из 14-ти членов Комитета, который руководил работой съезда, 10 было волжских татар, один крымский татарин (Гаспринский), один азербайджанец, один казах и один представитель Туркестана (впрочем, по национальности тоже татарин). И хотя туркестанцы проявили в эти годы значительный интерес к идеям пантюркизма (об этом вспоминал позднее Заки Валиди и свидетельствовали другие авторы), им трудно было участвовать в общей работе, в такого рода конгрессах. Третий съезд принял решение о преобразовании Союза мусульман (Иттифака) в политическую партию, программа которой соответствовала решениям Второго съезда¹⁰⁰.

Партия, сохранившая наименование "Союз мусульман" (Ittifak-ul-Muslimin) действовала довольно осторожно. Она поддерживала образование литературных, просветительских, филантропических обществ и организаций, таких, как, например, Общество поддержки культурного развития мусульман, образованное в Ханской Ставке в Астрахани, провозгласившее своей целью объединение мусульман России на основе общего языка. Многие из этих обществ сотрудничали друг с другом и выражали свои цели и программы в таких периодических изданиях, как, например, "Вакит" ("Время"), издававшийся в Оренбурге, или "Сада" ("Голос"), издававшийся в Баку¹⁰¹. Ядром "Союза мусульман" была мусульманская фракция в Государственной Думе – небольшая группа депутатов, представителей разных народов тюрко-мусульманского мира России, действовавшая во многих случаях (в вопросах, связанных с защитой интересов мусульман в области культуры, просвещения, вероисповедания) солидарно, однако, так и не сумевшая стать "нормальной" политической партией, представленной в парламенте.

Татары были весьма активны на этих трех конгрессах, в Иттифаке, в Думе. Их апелляции к общетюркскому единению больше служили их национальным политическим целям, нежели представляли собой реальный фактор. Не только разбросанность по территории России тюркских народов и их разобщенность, но и их неспособность

¹⁰⁰ Работу этих трех конгрессов подробно освещал парижский журнал "Ревю дю Монд Мусульман", в частности посвятивший им подробный отчет в 1-м выпуске за 1906 год (С. 145-168).

¹⁰¹ Об этой работе писал Дж. Реби на страницах "Ревю дю Монд Мусульман" в январе 1910 года, характеризуя голос российских мусульман как "крик русской тревоги": J. Reby. Un cri d'alarme russe // RMM, X, Jan. 1910. P. 106-107.

создать крепкую политическую организацию были причиной того, что пантюркизм, знамя которого было поднято татарской политической элитой, так и не получил в России реального наполнения ¹⁰².

Пропаганда националистических и пантюркистских идей среди тюркского населения России в этот период велась, в основном, на страницах национальной печати, роль которой была очень велика. Между 1905 и 1917 гг. выходило (с различной периодичностью и на протяжении различных сроков) уже 250 изданий на тюркских языках. Большая их часть концентрировалась в Средней Азии. Срок их жизни, относящийся, в основном, к периоду, непосредственно перед первой мировой войной, был непродолжительным, однако свою роль в национальном пробуждении тюркских народов они сыграли.

Трудности в развитии тюркской печати были связаны с усилением губернского контроля над ней, хотя эффективность его была относительна, ибо российские цензоры редко свободно владели тюркскими языками. Тем не менее преследования разного рода, включая преследования редакторов и издателей продолжались непрерывно, и некоторые из тюркских издателей и журналистов оказывались в ссылке или добровольно покидали родные места, нередко эмигрировали в Турцию, где оказывались в тесных контактах с турецкими интеллектуалами, способствуя тем самым распространению идеологии пантюркизма уже на территории Турции ¹⁰³. Идеология пантюркизма оттачивалась в татарской среде Российской империи, прежде чем отсюда она проникла в Турцию и обрела там новую силу.

Несмотря на все трудности, развитие национального самосознания и пантюркизма шло в России весьма интенсивно. Лидерство в этом процессе сохраняли за собой татары, выдвинувшие наибольшее число активных и способных писателей, ораторов, пропагандистов. Но и из других тюркских регионов поднимались голоса. Пожалуй, казахи были менее активны; с 1850 г. российские власти систематически изгоняли татарских учителей из казахских школ,

¹⁰² К такому выводу приходит в своем исследовании Якоб Ландау, ссылаясь также на ремарку, которую сделал А. Дж. Тойнби на 16-й стр. меморандума "Национальная проблема на Кавказе" 9 октября 1917 г. Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 23.

¹⁰³ Детально этот процесс освещен в книге: R.A. Pierce. *Russian Central Asia, 1867 – 1917: a Study in Colonial Rule*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press. 1960.

ибо считали этих учителей проводниками национализма. Сильнее были позиции пантюркизма в Азербайджане и Туркестане.

Наиболее последовательную программу пантюркистского движения сформулировал в 1907 году азербайджанец ("кавказский татарин") Али Гусейнзаде (1864 – 1941) на страницах своего журнала (газеты) "Füyuzat" ("Фэйюзат" – "Изобилие", или "Просвещение" – слово имело разные значения, включая духовное достоинство, богатство, доброе дело¹⁰⁴) в словах "Тюркизм, исламизм и европеизация". Выдвинув в этой триаде тюркизм на первое место, он тем самым подчеркнул его значение для пробуждения тюркских народов.

Другим выдающимся деятелем азербайджанского национально-освободительного и вместе с тем объединительного пантюркистского движения становится М.Э. Расул-Заде, основатель партии "Мусават", деятельность которой впоследствии неразрывно связана с историей независимой Демократической Республики Азербайджан (1918 – 1920).

В своей молодости М.Э. Расул-Заде был тесно связан с российской социал-демократии, вместе с будущими "комиссарами" Бакинской коммуны он участвовал в создании Бакинской организации РСДРП (б), получившей название "Гуммет" ("Энергия"). Однако, после полбражения революции 1905-1907 гг. он отходит от большевиков и создает новую партию, в программе которой было записано: "...- "Мусават" образовалась для объединения всех разрозненных сил мусульманского мира и защиты национальных и человеческих прав мусульман"¹⁰⁵.

Объединение "всех разорванных сил" тюрко-мусульманского мира он связывал воедино с национальной программой азербайджанского социально-культурного и государственного возрождения. В издаваемой с 1915 года газете "Ачыг сёз" ("Ясное слово") Расул-Заде писал: "Как журналист нации и в порядке выполнения взятой нами на себя роли вождя, мы можем сказать, что основой взятого нами пути является национализм [...] Каждая нация, чтобы жить свободно и прогрессировать, нуждается в трех основах: язык, религия и эпоха"¹⁰⁶. "Необходимо нам признать, – продолжает он, – эти три основы – тюркизм, исламизм, модернизм"¹⁰⁷. Таким образом

¹⁰⁴ См.: Азербайджан классик эдэбиятында ишлябияр Арэб вэ Фарс сёзляри нугаты. Маариф, Баки, 1981. С. 227.

¹⁰⁵ Цитировано по книге: Гусейнов М.-Д. Тюркская демократическая партия федералистов "Мусават" в прошлом и настоящем. Программа и тактика. Тифлис, 1927. С. 10.

¹⁰⁶ Там же. С. 15.

¹⁰⁷ Там же.

он дословно повторяет название статьи турецкого идеолога пантюркизма Зии Гёк Альпа "Turklesmek, islamlasmak, muasirlasmak". Триада этнокультурного (язык, тюркские корни), религиозного (принадлежность к исламскому миру) начал и процессов модернизации ("эпоха", "модернизм") выражает в данном случае и целевую программу пантюркизма, и основные параметры того мира, на возрождение которого она рассчитана. Из общей массы "угнетенных трудящихся", к которой идеологи социал-демократии подходили с классовых позиций, делая ставку на пролетариат, представители пантюркизма (многие из которых были еще тесно связаны с социал-демократическими организациями, разделяли социалистические утопии и склонность к революционным методам борьбы) выделяли тюрко-мусульманскую общность как особую группу, обладающую той спецификой "языка и веры", без учета которой невозможна забота о действительном освобождении, процветании и благе этих народов. Решительный разрыв с концепцией "унитаризма" (будь то унитарная система поглощающих разные народы империй или унитарная схема "классовой борьбы", одинаково приложимая к пролетариату и буржуазии "всех стран", всех наций) сочетался в идеологии и политической доктрине пантюркизма с выработкой особого подхода к народам тюрко-мусульманской общности, с заботой о прогрессе и модернизации этого мира, который ни в коем случае нельзя было оставить в том состоянии консервативной неподвижности, удручающей отсталости, которая воспринималась идеологами либерального пантюркизма как национальная катастрофа каждого народа в отдельности и общая беда всего этого мира.

Ведущим идеологом тюркизма в начале 20 века становится казанский татарин Юсуф Акчура (Акчурин), родственник Гаспринского, который с октября 1906 г. издавал газету "Kazan Muhbiri" ("Казанский корреспондент").

Известна роль Акчуры в последующую эпоху развития пантюркизма. Здесь же надо обратить внимание на то, что он был весьма активен уже в период 1905-1908 гг. в России, играл видную роль в проведении всех трех мусульманских конгрессов, был идеологом пантюркизма на этом раннем этапе. Его наиболее ранним манифестом пантюркизма была его статья "Три направления" (буквально: "Три системы правления" – "Üç terz-i siyaset"), написанная не позже, чем в апреле-мае 1904 года и опубликованная анонимно в Каире в газете "Тюрок" ("Türk"): в России ее опубликовать было невозможно. Позднее она была издана отдельным буклетом Тюркским (Турецким) Историческим Обществом (Türk Tarih Kurumu) и получила широкую известность. Характерно, что еще оставаясь в России, Акчура свою программу пантюркизма выстраивал уже применительно прежде всего к турецким историческим реалиям.

Сравнивая османизм, панисламизм и пантюркизм, как возможные перспективы развития и векторы национально-освободительного движения в тюркском мире, он последовательно выявлял недостатки первых двух и преимущества третьего направления. Османизм он фактически отвергал, считая, что в его парадигме права тюркских народов сводятся на нет. Панисламизм он критиковал за то, что тот слишком категорично противопоставляет мусульман немусульманскому населению Османской империи. Тюркизм он выделял как наиболее перспективный и реальный путь единения тюрков. Акчура и его приверженцы ратовали за создание Союза всех тюркских народов с центром в Турции, рассматривая этот союз как "закрытый", замкнутый круг. По его мнению, тюркизм, основанный на национализме, противостоял исламизму и "оттоманизму" (османизму), мог способствовать сохранению, спасению Османской империи. В целом, выступление Акчуры знаменовало переход пантюркизма в новую фазу, а именно от культурно-просветительского (у Гаспринского) в политический пантюркизм, центр тяжести которого со временем перемещается в Турцию¹⁰⁸.

Дискуссия о пантюркизме и путях развития тюркского мира еще долго продолжалась на страницах каирской газеты "Тюрок", неполный комплект которой хранится в Библиотеке имени Ататюрка в Стамбуле.

Проблемы пантюркизма в тесной связи с языковой реформой поднимались и на страницах других тюркских периодических изданий, появившихся в России на волне революции 1905 года, в частности, в татарских изданиях волго-уральского региона – в "Казан мюхбире" ("Казанском вестнике"), в журнале "Уклар" ("Стрелы"), издававшемся в Уральске в 1906 году, в оренбургском "Карчыга" ("Ястреб"), в казанских изданиях "Яшен" ("Молот") 1908-1909-го и "Ялт-Юлт" ("Молния") 1910-1917 годов, в азербайджанском сатирическом журнале "Молла Насретдин", издававшемся с 1906 года в Тифлисе, в узбекских периодических изданиях, появившихся за год до Первой мировой войны – "Туран" (был закрыт в 1913 году после выхода 49-го номера) и "Бухоро-и Шариф" (вышло 153 номера, после чего он также был закрыт, в том же 1913 году).

Надо особо подчеркнуть резкую неравномерность развития пантюркизма и джадидизма в различных тюркских и мусульманских

¹⁰⁸ Исследователи наследия Акчуры отмечают, что его можно считать основоположником политического тюркизма – "Türkçülük" (См.: David Thomas. Yusuf Akçura and the Intellectual Origins of "Üç terz-i siyaset" // *Journal of Turkish Studies*, 1978, II. P. 127-140).

регионах России, что соответствовало общей неравномерности социально-экономического развития этих регионов, различиям в правовом положении "инородцев" и подданных Российской империи, в административном устройстве разных территорий, давно или сравнительно недавно включенных в границы империи.

Бухарский эмир и Хивинское ханство, оставаясь формально всего лишь под протекторатом России, сохраняли некоторую видимость политической самостоятельности и своеобразие социального и культурно-бытового уклада. Вместе с тем их культурное сближение с тюркским миром России на основе прогрессивных идей пантюркизма и джадидизма происходило неуклонно и особенно усилилось в первых десятилетиях 20 века. Чрезвычайно интересным источником, проливающим свет на этот процесс, является анонимная статья "Под знаком ислама", опубликованная в советском журнале "Новый Восток" в 1923 году и, судя по всему, основанная на личном опыте и участии ее автора в событиях, определявших переломные моменты в жизни народов Средней Азии предреволюционного десятилетия и связанных прежде всего с распространением здесь идеологии пантюркизма.

"Под влиянием газет "Терджиман", "Вақ[ы]т"[...], революционно-сатирического журнала "Молла Насреддин", – пишет автор, – воспитывалось целое поколение бухарских революционеров"¹⁰⁹. По аналогии с "младотатарами" и "младотурками" он называет этих "революционеров" "младобухарцами" и отмечает: "Первые их шаги были лишены политического содержания; они ставили себе культурнические задачи, [такие, как] просвещение народных масс, – борьбу со схоластическим образованием, со старыми методами обучения, борьбу за введение нового метода, за введение в школу светских наук"¹¹⁰. Однако даже эти, далекие от политического радикализма задачи решались в тех условиях медленно и с большим трудом¹¹¹. Как отмечает в своем исследовании Л. Климович, "сделанная в 1908 г. И. Гаспринским попытка преобразования существовавшей в Бухаре новометодной татарской школы в официальное (с казенным помещением) учебное заведение для татар и бухарцев закончилось неудачей. И это несмотря на личную беседу

¹⁰⁹ Под знаком ислама // *Новый Восток*, М., 1923, Книга 4. С. 88.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Становлению и основным этапам просветительского движения в Средней Азии посвящена статья: Умняков Н.И. К истории новометодной школы в Бухаре // *Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета*, 1927, № 16. С. 81-99.

Гаспринского с эмиром [...] и бухарскими сановниками" ¹¹². А. Самойлович в статье "Первое тайное общество младобухарцев" отмечает политизацию, возникшего вначале с чисто просветительскими целями тайного объединения ¹¹³. Из опубликованного в сборнике "Программные документы мусульманских политических партий" манифеста младобухарцев становятся понятны их цели: просвещение народа, борьба против религиозной схоластики, сопротивление политике эмира и русской администрации ¹¹⁴.

Как уже отмечалось, особенно активны в начале 20 века были азербайджанцы, занимавшие второе место после татар в разработке и пропаганде пантюркизма. И даже трудно сказать, откуда шло более сильное влияние и проникновение идей пантюркизма в Турцию, из Крыма, из Казани или из Баку, который традиционно служил местом встречи интеллектуалов из различных тюркских народов.

Национальное пробуждение азербайджанского народа интенсивно проходило уже в 19 веке, что нашло выражение на страницах основанного в Баку в 1875 г. периодического издания "Ekinçi" ("Экинджи" – "Жнец") ¹¹⁵. Это была первая национальная газета тюркского народа России. Основателем ее был Гасан Сердаби. Но уже через год российские власти закрыли эту газету, усмотрев в ней слишком явную, враждебную самодержавию политическую направленность. Однако вслед за ней появились другие издания, продолжавшие разработку идеологии тюркизма – "Хайат" ("Hayat") и "Иршад" ("İrşad"). Чем строже был цензурный контроль, тем больше это стимулировало единение азербайджанцев.

Здесь надо отметить, что сам этноним "азербайджанцы" становится доминирующим в политической лексике и историографии гораздо позже, фактически уже в советский период. До 1917 года и в самоназвании народа, и в определениях со стороны преобладали термины "закавказские (кавказские) татары" и "закавказские (кавказские) тюрки". Это значительно укрепляло то ощущение единства азербайджанцев с "другими татарами", с "другими тюрками", в первую очередь с турками, бывшими их ближайшими соседями, которое было

¹¹² Климович Л. *Ислам в царской России. Очерки*. М., 1936. С. 212.

¹¹³ Самойлович А. *Первое тайное общество младо-бухарцев // Восток (Журнал литературы, науки и искусства)*. Петроград, 1922. Книга 1. С. 98.

¹¹⁴ См.: *Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920)*. Оксфорд, 1985.

¹¹⁵ О роли этого издания писали Акчуря (Akçura Yusuf. *Türkçülük*. İstanbul, 1978 P. 87-89), Сакин Юнер (Öner) и другие авторы.

тесно связано с теорией и практикой пантюркизма. Правда, это ощущение единства приходило в противоречие с другой важнейшей особенностью азербайджанского самосознания, преобладавшей в национальной психологии и менталитете азербайджанского народа в начале 20 века. Речь идет о конфессиональной идентичности, о той устойчивой форме религиозного самосознания азербайджанцев, которая была связан с их принадлежностью к шиитскому направлению в исламе. Будучи шиитами, они, во всяком случае на ранних этапах национально-освободительного движения в Закавказье, были склонны придавать гораздо большее значение своей конфессиональной общности с персами (иранцами), нежели своей языковой близости с турками и другими тюрками и татарами Российской империи. Эта особенность не ускользала от внимания историков, пытавшихся проследить развитие национально-освободительного движения в Азербайджане. Так, например, автор статьи "Современный Азербайджан", опубликованной в 1923 году в журнале "Новый Восток", В.Н. Худадов писал: "... до последнего времени среди мусульманских народностей Закавказья господствовало исключительно религиозное мировоззрение. Вопрос национальный для них не существовал. Они прежде всего мусульмане, а не лезгины, тюрки или персы, затем сунниты или шииты [...] В частности для тюрков Азербайджана всегда было доминирующим персидское влияние, и факт религиозной общности с Персией всецело отодвигал на задний план вопрос о национальной общности их с Оттоманскими тюрками [суннитами]" ¹¹⁶.

Однако, основной вектор этого развития в начале 20 века определялся постепенным преодолением религиозной доминанты в совокупном национальном самосознании и переносом центра тяжести в этническую сферу. При этом основная формула самоидентификации "мы – тюрки" (в разных вариантах от "мы – кавказские татары" до "мы – азербайджанцы") вытесняла прежние господствующие понятия "мы – мусульмане", "мы – шииты", и на основе этой новой, этнокультурной идентичности расширялись и крепили представления о собственной принадлежности к тюркскому миру. В этой связи распространение пантюркизма в Азербайджане было особенно тесно связано с джадидизмом (обновлением, европеизацией), а впоследствии и с секуляризацией национальной культуры. Чем меньшее значение в общественной и частной жизни уже вполне светского, образованного человека, европейца, азербайджанца новой формации имела его принадлежность к мусульманской умме, в целом, и к шиитскому

¹¹⁶ Худадов В.Н. *Современный Азербайджан* // *Новый Восток*. М., 1923, книга 3. С. 182.

направлению в исламе, в частности, тем легче усваивались его сознанием мировоззренческие и идеологические основы либерального пантюркизма, провозглашающего культурное и духовное единство тюркского мира, перестроенного на основе модернизации и прогресса.

Поэтому именно успешное распространение джадидизма в Азербайджане готовило почву для пантюркизма, который смог пустить в этом регионе глубокие корни. Реформы глубоко затрагивали здесь все стороны культуры, просвещения, народного быта. Из азербайджанской среды выдвигались подвижники-просветители, учителя, издатели, журналисты, художники, писатели, достойные продолжатели дела Гаспринского в Закавказье. Так, Нариман Нариманов (1870 – 1925) был инициатором создания светских библиотек для мусульманской читательской аудитории, автором романов и пьес ("Бахадур и Сона", 1896; "Надиршах", 1899), способствовавших расширению исторического кругозора и росту национального самосознания азербайджанского народа. В 1903 году Мамед-ага Шахтахтинский начал издавать на местном "татарском наречии" газету "Шарки Рус". Он же предпринял попытку реформировать арабский алфавит, более органично приспособив его к особенностям родного языка и полиграфическим возможностям газетного издания; эта попытка не укрылась от внимания И. Гаспринского, у которого, правда, были свои возражения против намеченной таким образом реформы¹¹⁷.

Известный предприниматель Зейналабдин Тагиев открывает в Баку женскую гимназию и строит драматический театр.

Революция 1905-1907 гг. дает еще более сильный толчок к активному участию азербайджанцев ("закавказских татар") в общетюркском движении. На политическую арену выходят такие видные деятели и теоретики пантюркизма, как Али Бей Гусейнзаде, Ахмед Бек Агаев.

Деятельное участие в политической жизни принимает Алимердан Бек Топчибашев, получивший юридическое образование. Он становится депутатом Государственной Думы и издает на русском языке газету "Каспий", которой принадлежит весьма заметная роль в распространении идей либерального пантюркизма в Закавказье. Он принимает участие в общероссийских мусульманских съездах и даже избирается председателем третьего съезда. В памяти современников он остался как политик-реалист, не склонный ни к каким политическим фантазиям и утопическим течениям¹¹⁸.

¹¹⁷ См.: Терджиман/Переводчик, Бахчисарай, 1903, № 15 (19 апреля).

¹¹⁸ Именно так характеризует его в своей книге "История борьбы за независимость Азербайджана" Гусейн Байкара, эмигрировавший в 1927 году в Турцию. Свою характеристику он строил на материалах Мусы

После революции 1905 года азербайджанцы составляли наиболее радикальную антироссийскую оппозицию, и их деятельность в области просвещения и школьного дела, в издании газет, в образовании политических партий была весьма активна. Газеты Азербайджана выходили, главным образом, на турецком языке, хорошо понятном азербайджанцам. Их политическая программа все более приближалась к концепции сецессии – отделения от России и сближения с Османской империей.

Первая мировая война значительно осложнила положение идеологов тюркизма. Турция и Россия оказались враждующими сторонами. Однако в этих трудных условиях уже достаточно окрепшее и организованное движение тюркизма смогло предпринять чрезвычайно важные шаги, предотвратившие разрушение институтов общетюркской солидарности. В Стамбуле в 1915 году был создан "Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России" ("Rusya müslüman Türk-Tatların hukukunu müdafaâ Komitesi"), который возглавил Юсуф Акчурра, живший в Турции уже с 1908 года, издававший здесь с 1911 года газету "Türk Yurdu" ("Тюркский дом") и бывший одним из лидеров наиболее авторитетной и энергичной организации пантюркистского направления "Türk Ocağı" ("Тюрк Оджаги", "Тюркский очаг"). Наряду с разнообразными формами просветительской, пропагандистской, политической деятельности "Тюрк Оджаги" занималась и конкретной помощью беженцам из тюркских народов России, искавшим на азиатских землях и на Балканах спасения от войны, а позднее от революции и большевистского террора. Члены Комитета выезжали в 1915-1916 годах в Будапешт, Вену, Берлин и Софию, распространяя в правительственных кругах стран Центральной Европы информацию о бедственном положении тюркских народов России. Комитет разрабатывал программы создания независимого от России Туркестана, восстановления Крымского и Казанского ханств¹¹⁹.

В 1916 г. несколько лидеров тюркских народов России, в том числе Али Гусейнзаде, Юсуф Акчурра, азербайджанец Ахмет Агаоглу,

Бигиева, отраженных в его работе "Основы реформ". Книга Г. Байкара стала доступной азербайджанским читателям в бакинском издании (на азербайджанском языке) 1992 года.

¹¹⁹ Одна из таких программ была разработана на состоявшейся в Будапеште в декабре 1915 года встрече членов Комитета – представителей тюркских народов Туркестана, азербайджанцев, волжских и крымских татар (Jedige Kirimal. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten, Verlag Lechte, 1952. S.30).

татарин Кази Абдю-Рашид Ибрагим¹²⁰, собрались в Лозанне с представителями Лиги аллогенов (угнетенных нерусских народов). На состоявшейся 9 мая 1916 года общей встрече в Стокгольме они подписали совместный меморандум, отправленный телеграфом Президенту США Вильсону, по поводу религиозного, культурного и социально-экономического угнетения народов России и нарушения их прав¹²¹. Основные положения этой петиции нашли развитие в брошюре анонимного автора, взявшего псевдоним "Иноходец", "Россия и чужие ей народы" ("La Russie et les peuples allogènes"), которая была издана в 1917 г. на французском языке. В ней обращалось внимание не только на тяжелое положение этих народов, но и на их сопротивление, требования и надежды.

В июне 1916 года представители тюркского мира России впервые участвовали на "Конгрессе европейских народов" в Лозанне. Это был третий Конгресс, организованный "Союзом национальностей" – "Union des Nationalités", международной организацией, чьим правопреемником и наследником является нынешний Федеральный Союз народов (национальных меньшинств) Европы (Föderalistische Union Europäischer Volksgruppen / Union Fédéraliste des Communautés Ethnic Européennes / Federal Union of European Nationalities), имеющий консультативный статус при ООН и Европейском Совете, членами которого сегодня являются Меджлис крымскотатарского народа, Демократическая организация карачаевского народа "Джамагат", Национальный совет балкарского народа, Межрегиональное объединение ногайского народа "Бирлик", Объединение месхетинских турок "Ватан" и другие организации тюркских народов бывшего Советского Союза, формирующие на нынешних съездах народов Европы прочный фронт тюркской солидарности.

Тот давний июнь 1916 года был началом эпохи, когда единство тюркского мира проверялось и измерялось уже не только речами на конгрессах, выступлениями в печати, резолюциями и декларациями. В 1916 году начались восстания против царизма в Средней Азии,

¹²⁰ Его статья о "бытии и будущем татарской нации" была опубликована спустя год: Scheich Abdurreschid Ibrahim. *Vom Sein und Werden der tatarischen Nation* // *Der Neue Orient*, 1917, Nr. 1, 7 April. S. 10-12.

¹²¹ Текст этой петиции полностью был опубликован в парижском "Ревю дю Монд Мусульман" лишь спустя семь лет, в декабре 1923 г. (*Revue du Monde Musulman*, Paris, 1923, LVI, с. 146-148).

захватившие сначала киргизов, а затем и другие народы Туркестана¹²². Идеология тюркизма составляла важнейший базис этих восстаний.

Разгоревшись в Туркестане, пламя вооруженной освободительной борьбы перекинулось на другие земли, и уже после Февральской революции и октябрьского большевистского переворота 1917 года в пламени гражданской войны оказались и Идель-Урал, и Крым, и Закавказье, и Северный Кавказ, и другие регионы, где решались судьбы государственности, независимости, самоопределения тюркских народов.

4. Российское и европейское эхо молодого тюркизма

К началу 20 века тюркизм (пантюркизм) был уже реальной политической силой, действующей на международной арене, и мощным национально-объединительным движением, в которое так или иначе были вовлечены практически все тюркские народы Евразии. Однако представление об этом движении, понимание его сущности, оценка (недооценка и переоценка) его роли в изменении мирового уклада, складывающиеся в нетюркской среде, у ближних и дальних соседей тюркских народов, прежде всего в европейском общественном мнении, в научных и политических кругах, заинтересованных движением тюркизма (пытающихся "решительно осудить" или, напротив, поддержать его), с самого начала были далеко не адекватны его реальному содержанию и масштабу, и процесс постепенного постижения истины, проникновения европейской общественной мысли в современный ей мир динамично развивающегося тюркизма был довольно сложным и противоречивым.

Одним из первых европейских историографов и пропагандистов идей туранизма и пантюркизма был путешественник, востоковед (ориенталист) еврейско-венгерского происхождения Арминюс (Герман) Вамбери¹²³. Он оставил множество публикаций и рукописей, составляющих два обширных тома, главным образом, отражающих его переписку с ведомством иностранных дел Лондона за период с 1889 по 1911 годы. Первое издание его книги "Очерки о Центральной Азии" ("Sketches of Central Asia") появилось в 1868 г. и содержало, наряду с важными данными из области тюркской

¹²² Советская историография на раннем этапе трактовала их в парадигме антисамодержавной борьбы угнетенных народов. См., например: Г.И. Бройдо. Восстание киргизов в 1916 году. 1928; П. Галузо, Ф. Божко. Восстание 1916 г. в Средней Азии. 1932.

¹²³ О нем издана монография: Lory Alder and Richard Dalby. *The Dervish of Windsor Castle: The Life of Arminius Vambery*, 1979.

лингвистики, истории, фольклора, определенное обоснование концепции туранизма. "Туранцами" он называл все тюркские народы, считая их принадлежащими "к одной расе", имеющими общие психические черты, нравы и традиции. В другой книге, появившейся тремя годами раньше, – "Путешествия по Центральной Азии" ("Travels on Central Asia") – он дал некую общую картину "пан-тюркской империи", эпицентром которой является Османская империя, народы которой имеют "общий язык, религию и историю", пространство которой простирается "от Адриатики до Китая", народы которой ощущают свое единство друг с другом. Важнейшими этническим составляющими этого "Тюркского колосса" он называл анатолийцев (собственно турок), азербайджанцев, туркмен, узбеков, киргизов и татар. И хотя позднее сам Вамбери называл пантюркизм "химерой"¹²⁴, все же именно его интерпретация "тюркской империи" составила основу получившего известность в европейской общественной мысли пантюркизма. Его статьи, появившиеся на английском и немецком языках в западноевропейских научных журналах в период 1905-1907 годов¹²⁵, дали зарубежным читателям наиболее полное и достаточно объективное представление о "пробуждении татар", о татарском национальном движении в его тесной связи с идеологией пантюркизма. Надо отметить, что Вамбери находился в тесных контактах с лидерами младотурецкого движения, что несомненно повлияло на его мышление и восприятие им концепции пантюркизма.

Таким образом, в Европе довольно рано познакомились с идеологией пантюркизма и всегда считали ее важным и интересным явлением, характерным для Ближнего и Среднего Востока.

Особую роль в изложении концепций пантюркизма, освещении процессов его развития, в последовательной "трансляции" идеологии пантюркизма на европейской арене (в буквальном смысле перевода сочинений, написанных на тюркских и на русском языках на французский язык и в переносном смысле репродуцирования этих сочинений) сыграл в начале 20 века французский журнал "Ревю дю Монд Мюсюльман" ("Revue du Monde Musulman"), не только интерпретировавший идеи тюркизма и события в тюркском мире "со стороны", но и предоставлявший свои страницы для выступлений

¹²⁴ Hermann Vambery. *Western Culture in the Eastern Lands*, 1906. P. 348.

¹²⁵ Hermann Vambery. *The awakening of the Tatars* // *The Nineteenth Century*, LVII, February, 1905, P. 217-227; Hermann Vambery. *Constitutional Tatars* // *The Nineteenth Century*, LIX, June, 1906, P. 906-913; Hermann Vambery. *Die Kulturbestrebungen der Tataren* // *Deutsche Rundschau*, XXXIII (10), 1907, July. S. 72-91.

идеологов тюркизма, правда, не столько из российской, сколько из турецкой среды. В 1910 году редакция этого журнала выступила с инициативой выдвижения кандидатуры Исмаила Гаспринского на Нобелевскую премию. Появившаяся в 1913 году на страницах этого журнала большая статья (без имени автора) "Панисламизм и пантюркизм"¹²⁶ содержала обобщение истории пантюркизма (к тому времени уже за несколько десятилетий и особенно бурных последних лет его развития в России и в Турции), анализ основных его положений и его диалектическую связь (конфронтацию и взаимозависимость) с идеологией панисламизма.

В дореволюционной российской историографии литературу, в которой давалась бы оценка пантюркизму, с учетом разной степени глубины отражения, можно разделить на три группы. К первой группе следует отнести документы правительственных учреждений царской России, в первую очередь департамента полиции, в которых так или иначе дана оценка пантюркизма (открытыми публикациями они стали значительно позднее)¹²⁷. Вторая группа источников – публицистика, которую, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы: публикации в русской прессе, независимо от ее политической ориентации, и тюрко-татарские издания, определенная часть которых принадлежала пантюркистского направления. К третьей группе принадлежит небольшая, но, пожалуй, самая глубокая по степени отражения, категория источников – аналитические обзоры и научные исследования.

Основная часть этих источников и литературы относится к периоду после революции 1905 года, когда само движение тюркизма (в отличие от раннего этапа "культурного", "либерального" тюркизма) приобретает резко выраженный политизированный и радикальный характер.

Для российских исследователей весьма запутанным и неясным оставался вопрос о взаимоотношении идеологии тюркизма с панисламизмом. Нередко эти понятия путали, одно подменяли другим, о панисламизме писали, имея в виду пантюркизм и наоборот. Исмаил Гаспринский, вынужденный вмешаться в дискуссию по этому поводу, довольно решительно отмежеввался от панисламизма. В статье "Панисламизм", которую он публикует в "Терджимане" в 1904 году, он

¹²⁶ *Le Panislamisme et le Panturquisme // Revue du Monde Musulman, Paris, 1913, XXII. P. 179-220.*

¹²⁷ См.: *Национальные движения в период первой революции в России. Сборник документов из архива бывшего Департамента полиции. Чебоксары, 1935.*

подчеркивает, что "таинственно-грозное движение", охватившее, якобы, мусульманский мир, не представляет никакой опасности, и "...объединение мусульманских народов, которые кроме Корана не имеют ничего общего, может быть лишь несбыточной мечтой" ¹²⁸.

А. Аршаруни, изучавший этот вопрос, приводит характеристику панисламизма, взятую им в одном из документов "охранного отделения". "Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали, – говорится в документе. – Ближайшая их задача – политическая борьба с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан" ¹²⁹.

Активное использование тюрко-татарской интеллигенцией, после 1905 года, легальных политических институтов, например таких как Дума, повысило интерес к "исламскому фактору" официальных российских властей. В "Справке", составителем которой был С. Белецкий, исполнявший обязанности директора департамента полиции, делается весьма парадоксальный вывод: "Главный принцип, – пишет С. Белецкий, – вокруг которого... сосредотачивается панисламское движение,... – это объединение всего мусульманского мира под эгидой Турции, вплоть до образования всетюркской республики" ¹³⁰.

Далее Белецкий перечисляет действия, способствующие, якобы, достижению указанной выше цели. Отмечается, что "выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты... усиленно занимаются открытием племен, принадлежащих к одной с ними расе, в целях присоединения их к общей мусульманской федерации" ¹³¹.

К средствам, наиболее часто употребляемым в своих целях панисламистами, С. Белецкий относит широкое распространение "школ нового типа и учреждение "книгоиздательств", с помощью которых мусульманская печать, особенно после издания "Манифеста 17 октября 1905 года", проникает в самые отдаленные от культурных центров местности с мусульманским населением" ¹³².

Немаловажным для автора "Справки" представляется то, что "с возникновением специальной панисламской печати явилось стремление

¹²⁸ Терджиман (Переводчик), 1904, № 78 (28 сентября).

¹²⁹ Аршаруни А., Гибадуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 3.

¹³⁰ Эта "Справка" опубликована в приложении к книге: Аршаруни А., Гибадуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 102.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 104.

создать общий для всех мусульман тюркский язык..., что, несомненно, может иметь и политическую цель — а именно, уничтожение перегородок между отдельными турецкими племенами и объединение всех тюрков в один народ, в одну нацию" ¹³³.

Как явствует из документов "охранного отделения", например, доносов относительно "противоправной" агитации С. Максудова в его поездке по тюрко-татарским регионам, перечень "требований", полученных Государственной Думой в результате этой поездки, главные опасения и тревоги правящего режима сводились, опять-таки, к ставшему уже "притчей во языцех" — "родном языке в школах". Составители этих документов отлично улавливали связь между инициативами казанских татар и "первоисточником" идеологии тюркизма, подчеркивали, что речь, в данном случае, идет о реализации "тюрко-татарами" программы культурного пантюркизма Исмаила Гаспринского.

Нельзя не согласиться с А. Аршаруни и Г. Габидуллиным, которые писали, что "во всех случаях, когда Российской империи приходилось иметь дело с движением (аграрным, национально-освободительным, революционным и т.д.) тюрко-татарских народов, был готов общий рецепт и стандартная форма определения движения — панисламизм" ¹³⁴.

Аналитический обзор "Мусульманская печать в России в 1910 году", по форме своей, является официальным документом, составленным по распоряжению начальника "Главного управления по делам печати", но, по стилю изложения, представляет собой самостоятельное литературное произведение. (Современная научная общественность была ознакомлена с этим документом благодаря его оксфордскому изданию, предпринятому в 1987 году Обществом по исследованию Средней Азии). В этом сочинении была предпринята попытка проанализировать весь спектр тюрко-татарской печати первого десятилетия 20 века.

Открывается этот обзор разделом "Современные тенденции в татарской печати. Национальное движение и панисламизм", где довольно недвусмысленно делается вывод о том, что "главной особенностью печати на татарском языке, как прогрессивного, так и открыто оппозиционного направлений является их сильно выраженный националистический характер" ¹³⁵. В качестве примера,

¹³³ Там же. С. 105.

¹³⁴ Там же. С. 3.

¹³⁵ Мусульманская печать в России в 1910 г. (Составлено по распоряжению начальника Главного управления по делам печати. Под ред. Вл. Гольмстрема). Оксфорд, 1987. С. 15.

подтверждающего эту мысль, анализируется брошюра, переведенная с арабского Абдурашидом Ибрагимовым, сущность которой составляет, по сути, одна единственная мысль, что "все мусульмане составляют одну нацию". "А раз так, – делает вывод автор обзора, – вполне закономерно отождествление ислама... с турецкой государственностью" ¹³⁶.

Личность А. Ибрагимова, больше известного под именем Рашид-Казия, по имеющимся в нашем распоряжении источникам, крайне противоречива. Как отмечалось в монографии "Татары в революции 1905 года", он принимал активное участие в проведении третьего, пожалуй, главного из всех мусульманских съездов. А. Ибрагимов составляет тогда прошение на имя министра внутренних дел, по поводу разрешения легального проведения съезда. "Прошение" заканчивалось словами: "Мы, русские мусульмане, были и будем всегда самыми преданными слугами престолу и отечеству" ¹³⁷.

Перечень вопросов, предполагавшихся к рассмотрению на съезде предусматривал реализацию в полном объеме программы либерально-культурного пантюркизма. Предусматривалось говорить:

"1) О необходимости борьбы с учениями, не отвечающими истинному учению... пророка Мухаммеда путем проповеди и печати...

2) О необходимости полного преобразования начальных мусульманских школ, мектебов и медресе и передачи заведования таковыми из рук мусульманского духовенства в руки общества..." ¹³⁸.

Автор исследования "Мусульманская печать в России..." отмечает, что наряду с религией и воспитанием в национальном духе, важным средством объединения татар с прочими мусульманскими народностями, является общий язык.

В этой работе, пожалуй, впервые в русской историографии, содержится относительно полный и объективный анализ газеты "Терджиман". Автор считает справедливым требование, предъявляемое ее редактором к школьному законопроекту, который должен был обеспечить:

" 1) основательное преподавание русского языка;

2) религиозно-нравственное воспитание;

3) преподавание предметов на родном языке, как того требует правильная, с педагогической точки зрения, постановка дела" ¹³⁹.

¹³⁶ Там же. С. 21.

¹³⁷ Цитируется по кн.: Национальные движения в период первой революции в России. Сборник документов из архива бывшего Департамента полиции. Чебоксары, 1935. С. 227-228.

¹³⁸ Там же. С. 228-229.

Собственно, пантюркизм, как проблема, впервые поднимается в научно-публицистической литературе. Журнал "Мир ислама", устами своего редактора В.В. Бартольда, цель издания определил как желание "способствовать изучению ислама и жизни мусульманских народов как в прошлом, так и в настоящем". Журнал, наряду с историческими исследованиями сугубо академического направления, печатал материалы по актуальным вопросам современного развития мусульманского общества, освещал вопросы, связанные с проблемой "консерватизма" и "модернизма" в исламе, с развитием идей панисламизма и пантюркизма, с системой современного мусульманского просвещения и школьного дела.

Статьи анонимного автора "Панисламизм и пантюркизм", "Пантюркизм в России" появились в журнале "Мир ислама" в 1913 году, увидев свет одна за другой и, поэтому, в какой-то мере, их можно рассматривать как единое целое ¹⁴⁰.

Появление новой политической доктрины автор статьи "Пантюркизм в России" связывает с предпринятым группой политических эмигрантов изданием в Каире газеты под названием "Тюрок", появившейся в 1904 году.

Российскому обозревателю представляется, что несмотря на некоторую двусмысленность названия, позволяющего одновременно воспринимать это слово как "тюрк" и как "турок", сами турки особого интереса к новым идеям не проявили, и главного адресата авторов этой газеты следует искать не в Турции, а в России. "Внимание турецких политических кругов, — пишет он, — всецело потонуло в сложных вопросах внутренней политики страны, и таким образом на занятие пантюркистскими делами охотников среди турок почти не оказалось" ¹⁴¹. Жизнеспособность новой теории объясняется, однако, по мнению автора, тем, что "идеи пантюркизма резко выдвигали вопрос о национализме" и этим "открыли себе широкий доступ в сердца той части мусульман, которые, почитая себя отпрысками тюрков, мечтали о национальном возрождении" ¹⁴².

¹³⁹ Мусульманская печать в России в 1910 г. (Составлено по распоряжению начальника Главного управления по делам печати. Под ред. Вл. Гольмстрема). Оксфорд, 1987. С. 37.

¹⁴⁰ Панисламизм и пантюркизм // Мир ислама. СПб., 1913. Т. 2, выпуск 8. С. 556-572; Пантюркизм в России // Мир ислама. СПб., 1913. Т. 2, выпуск 9. С. 596-620.

¹⁴¹ Цитируется по позднейшей публикации этой статьи: Пантюркизм в России // Азия и Африка сегодня. 1992, № 7. С. 58.

¹⁴² Там же.

"Нет ничего удивительного в том факте, – заключает далее автор, – что пантюркизм, встреченный в Турции с ...холодным вниманием, наоборот, в России очень быстро наберевал себе многочисленных и верных сторонников. В России оказалась и своя пантюркистская трибуна в лице газеты "Терджиман", основанной знаменитым Исмаил бей Гаспринским в Бахчисарае... В настоящее время, – резюмирует он, – главным центром пантюркизма является именно Россия"¹⁴³.

Комментируя информацию, которой оперирует автор, следует обратить внимание на его осведомленность в делах сопредельного с Россией государства. В статье, однако, не называются причины появления пантюркизма, а утверждается лишь его экспансия в Россию (если под этим словом понимать "распространение пантюркизма за первоначальные пределы"). Таким образом, российская историография с самого начала своего обращения к проблематике пантюркизма приняла за аксиому его "турецкое происхождение" и стала разрабатывать версию об "экспансии пантюркизма в Россию". Так стала формироваться чрезвычайно упрямая и живучая традиция российской исторической науки, не учитывающей оригинального характера формирующего на российской почве, в тюркском мире Российской державы общественного течения и учения. Предложенная Исмаилом Гаспринским программа культурного возрождения (и одновременно единения) тюркского мира была актуальна именно для России, говоря его языком, для "русских мусульман". В Турции эти идеи были восприняты и позднее, и иначе. Во всяком случае не из Турции в Россию, а из тюркских регионов России в Турцию распространялась новая идеология. Но российским авторам как начала 20 века, так и многих последующих десятилетий это казалось невероятным, и "презумпция экспансии" (из Турции в Россию) надолго повисла над тюркизмом довольно мрачной тенью – в российской интерпретации этого феномена.

Российской общественности оставалось практически неведомым то обстоятельство, что проникновение и развитие идеологии пантюркизма в Турции с самого начала (не говоря уже о последовавших после Первой мировой войны драматических перипетиях) встречало жесткое сопротивление и правительственных, и многих влиятельных кругов, а если сведения о таком сопротивлении и доходили до России, то многие российские авторы предпочитали их игнорировать, упрямо настаивая на версии турецкого происхождения пантюркизма. О том, насколько эта версия была далека от реальности, можно судить из известного по дипломатической переписки и европейским изданиям

¹⁴³ Там же.

эпизода: немец Мольтке, привлеченный на службу в Османскую империю в качестве военного инструктора, не раз указывал туркам на те преимущества, которые представляет для Турции пантюркистская политика. "Мольтке советовал обратить внимание на Азию, на миллионы туранских народов и объединить их в одно могущественное государство. Он убеждал перенести столицу из Константинополя куда-нибудь...дальше к востоку, доказывая, что лишь на этой почве может возродиться Оттоманская империя", – пишет в этой связи Зареванд ¹⁴⁴. По его данным, высокомерный отпор эта идея получила в османских кругах и при попытке Г. Вамбери развить и аргументировать это предложение. "Но надеемся, вы нас не ставите в один ряд с киргизами и бездомными кочевниками Туркестана", – отвечали ему в стамбульских салонах" ¹⁴⁵.

Критический анализ автором статьи "Пантюркизм в России" работы Дж. Валидова "Наш народ и наше племя" показывает, как актуальна была проблема этнической идентификации (в соотношении с тюркской общностью) для татарской общественной мысли и как внимательно выявляла эти различия современная российская публицистика и историография. Понятие нация" наполнялось в это время новым содержанием, не совпадавшим с границами религиозной общности. Дж. Валидов спрашивает: "Миллет"- что это?...Потомство Авраама...или это община Мухаммеда..., или это только правоверные сунниты, или весь тюркский народ, или русские мусульмане, или только татары?" ¹⁴⁶.

Валидов отмечает, что "субъектами" выражения объективных закономерностей явились так называемые "новые люди, новый социальный слой или класс", который дополнил, а в какой-то мере и разрушил имевшуюся к тому времени традиционную общественную структуру мусульманского мира, состоявшую из духовенства и селян. Образ жизни этих новых людей: их одежда, речь, их образ мыслей, – ничем не напоминали "старые" сословия. Попытки "новых людей" разобраться в истинном значении слова "миллет" ("нация"), дать ему свое собственное звучание нельзя, однако, признать удачными. Причиной тому, в первую очередь, – неформальность самого сословия, или "класса", этих "новых людей". В суждениях большинства из них можно столкнуться больше с порывом, питаемым комплексом национальных чаяний, нежели с осознанными теоретическими выкладками.

¹⁴⁴ Зареванд. *Турция и пантюркизм*. Париж, 1930. С. 51-52.

¹⁴⁵ Там же. С. 52.

¹⁴⁶ Цитируется по публикации: *Пантюркизм в России // Азия и Африка сегодня*. 1992, № 7. С. 58-59.

Определяя "миллет", как нацию, "новые люди" в лице, к примеру, А. Агаева, относили к ее основным характеристикам: во-первых, язык; во-вторых, веру, обычаи, нравы; в-третьих, общность истории, родины, судьбы¹⁴⁷. Следовательно, от одной крайности – представления о единой мусульманской общности, в которой национальные различия несущественны, – они переходили в другую, охватив понятием "нация" сразу все тюрко-язычные народы.

Спор о сущности нации, со временем, приобретал форму научной дискуссии. Автор, под псевдонимом "Тюрк оглу", в статье "Мы - тюрки" доказывал, что установившийся обычай называть татар данным именем – есть просто результат научного недоразумения¹⁴⁸. Галимджан Ибрагимов в ответной статье "Мы – татары" пишет: "Упорное утверждение, что мы не татары, а тюрки ...противно логике. Ведь никто не отрицает, что мы тюрки. Тюрки – большая раса, делящаяся на много ветвей, из которых каждая получила свое особое название. Мы составляем одну из таких ветвей, и вот почему мы носим, помимо общего, еще и частное наименование – "татар"¹⁴⁹.

Журнал "Мир ислама" силами российских востоковедов пытается разобраться в запутанном вопросе о языке. Вывод однозначно неумолим: "единого письменного турецкого (тюркского) [языка] нет, а имеется несколько письменных языков у мусульманско-турецких племен"¹⁵⁰. "Единый письменный турецкий, – подчеркивают авторы статьи, – это только цель, к которой стремятся приверженцы всетурецкой идеи, а не факт, на который можно было бы опираться... Русские ориенталисты, во главе с академиком Ф.Е. Коршем и профессором Мелиоранским, условились употреблять укоренившиеся в русском языке термины "турок" и "турецкий", вместо отвергнутого термина "тюрк" и "тюркский" в общенациональном значении. Тогда же, "для обозначения...языка Османской империи, приняли термин "османлы", "османский"¹⁵¹.

Категоричность такого рода высказываний отражает характерное для российского востоковедения той поры стремление решать все вопросы за тюркские народы, навязывая свое мнение как единственно правильное и свою терминологию как бесспорную. В обзорах журнала "Мир ислама", таким образом, под турками

¹⁴⁷ *Мир ислама*. СПб., 1912. Том 1, выпуск 3. С. 490-491.

¹⁴⁸ Цитируется по публикации: Пантюркизм в России // *Азия и Африка сегодня*. 1992, № 8. С. 53.

¹⁴⁹ Там же. С. 55.

¹⁵⁰ *Мир ислама*. Журнал Императорского общества востоковедения. 1912. Том 1, выпуск 2. С. 258.

¹⁵¹ Там же.

подразумеваются тюрки мира. В последующем историки откажутся от этой "устаревшей" терминологии.

"Спор о языке, продолжавшийся несколько лет, был решен в пользу самостоятельности четырех тюркских наречий, – пишет Дж. Валидов, – [...] Решающее значение здесь имели не теоретические доводы, а жизненная практика и суровая необходимость" ¹⁵².

Поколение тюркских интеллектуалов, возросшее в лоне идей И. Гаспринского, придавало пантюркизму, в менявшихся условиях, новое значение. "Культурный пантюркизм" постепенно уходил вместе с ветеранами либерализма. Мировая война знаменовала начало новой эпохи, времени "классовых битв" и войн, "когда на поверхность вынесло всю ненависть и агрессивность, тлевших до того в недрах. Исмаил Бей ничего этого уже не узнал. Он тихо скончался в сентябре 1914 года, и "десятки газет оплакали его смерть" ¹⁵³.

5. Пантюркизм в Османской империи. Младотурки и пантюркисты

Распространение пантюркизма в Османской империи восходит к началу 20 века. Сначала замедленное и нерешительное, оно затем набирает значительный темп, достигая своего пика к концу существования империи. Создание Турецкой республики с ее новой государственной идеологией вытесняет пантюркизм на обочину, хотя и не совсем изгоняет его из турецкой общественной практики и мысли.

Подъем пантюркизма в Турции на завершающем этапе истории Османской империи был основан как на внутренних предпосылках, так и на активном влиянии извне, в частности, со стороны интеллигенции тюркских народов и собственно турецких групп, проживающих вне империи.

Уже в конце 19 века проблемы этнической идентификации, национального самосознания и национализма находили выражение в турецкой литературе – и в прозе, и в поэзии. Своеобразие ситуации заключалась в том, что эта литература имела более ярко выраженную светскую ориентацию, в то время как массы населения империи исповедовали ислам и панисламизм был официальной политикой султана Абдула Хамида II, да и до его царствования уже достаточно глубоко внедрился в государственную идеологию султаната.

¹⁵² Дж. Валидов. *Очерки истории образованности и литературы татар (До революции 1917 г.)*. Москва-Петроград, 1922. С. 53-54.

¹⁵³ А.И. Куркчи. *Исмаил бей Гаспринский // Дружба народов*, 1991, № 12. С. 229.

Большинство населения империи воспринимало термин "тюрок" как несколько уничижительное определение, и определенная часть интеллектуалов связывала турецкий национализм с "османизмом" ("оттоманизмом"), хотя другие предпочитали "тюркистское" направление¹⁵⁴.

Тем временем модернизация турецкого общества шла вперед, касаясь и образовательной системы, и других сфер жизни, и дебаты, продолжавшиеся в течение многих лет, затрагивали круг вопросов, представлявших тогда наиболее важными и политически острыми. Это были проблемы панисламизма, османизма ("оттоманизма") и тюркизма. Дискуссии такого рода разворачивались на страницах таких турецких газет, как "Türk Yurdu", "İctihad", "Mecmua-ı Ebuzyya", частично также на страницах газеты "Turan", которая сначала издавалась в Салониках, а после захвата этой территории греками в 1912 г. – в Стамбуле. (Разрозненные экземпляры этой газеты за 1914-1915 гг. находятся в Исторической библиотеке "Tarih Üs" в Стамбуле).

Сначала тюркизм, защитники которого преобладали среди авторов, выступавших в этих газетах, – тюркизм, наполнивший понятия "тюрок", "тюркизм" новым смыслом, вернувший этим словам утерянное достоинство, реабилитировавший их, – ограничивал поле действия этой идеологии пространством Османской империи. Собственно тогда и возникло различие между терминами "тюркизм" и "пантюркизм" (последний охватывал своими теориями тюркские народы и за пределами Турции, в то время как тюркизм был сосредоточен на проблемах турецкого национального самосознания и национализма). Хотя тюркизм и занимался, главным образом, проблемами "своего дома", это не значило, что он оставался глухим и равнодушным к страданиям тюркских народов и меньшинств за границами Османской империи, что проявилось, в частности, в реакции на такие события, как российское вторжение в Среднюю Азию в 1860-х годах или гонения на турок в Болгарии в 1870-х годах.

В таком давнем историческом контексте одним из первых идеологов тюркизма (тюркизма как духа общетюркской солидарности) может считаться известный по многим историческим описаниям Али Суави (1839 – 1878), "просвещенный теолог", как назвал его Э.Г. Мизэрс в своей книге "Современная Турция" (1924), который "подстрекал" население Стамбула в соответствии с концепцией тюркизма, за что и

¹⁵⁴ Подробно истоки этих направлений проследил Р. Дэвисон. См.: R.H. Davison. Turkish attitudes concerning Christian-Muslim equality in the nineteenth century // *The American Historical Review*, LIX (4), July 1954, pp. 844-864.

был в конце концов повешен. В турецкой историографической традиции уже в 1950-х годах началась "канонизация" Суави в качестве героя, "пионера" пантюркизма и "мученика", отдавшего свою жизнь за эту идею¹⁵⁵.

Но говорить о распространении тюркизма в Турции уже в 70-х годах 19 века – преждевременно, ибо тогда подобные высказывания, чувства, проявления общетюркской солидарности были эпизодичны и еще не определяли серьезного направления общественной мысли и деятельности.

По-настоящему интерес к тюркскому миру за пределами Турции начинает расти в Османской империи в начале 20 века, причем поначалу даже сам предмет этого интереса еще не имеет четких границ: не всегда ясно, идет ли речь о собственно турках, проживающих вне Турции, или о народах, которых турецкие авторы, ощущая их языковую и культурную близость к себе, также называют "турками", ибо между словами "тюрюк" и "турук" в турецком языке нет различия, например, о крымских татарах, азербайджанцах и т.д., обозначаемых как "крымские турки", "кавказские турки" и т.п. Во всяком случае, то представление о всей совокупности народов тюркской языковой группы алтайской семьи, какое положено в основу современной идеологии тюркизма, еще не было развито в турецкой литературе и публицистике конца 19-го – начала 20 веков: столь расширительно эта общность турецкими авторами того времени практически никогда не трактовалась. В то же время и само идеологическое течение обозначается (как в первых декларациях, утверждающих его принципы на рубеже 19-20 веков, так и в последующей турецкой историографии, исследовавшей этот период) двойко – как "тюркизм" и как "пантюркизм". Оба эти понятия находятся в своеобразной диффузии, при этом и "тюркисты", и "пантюркисты" по сути были проповедниками турецкого национализма.

Надо иметь в виду, что это направление могло опираться на уже весьма значительные к концу 19 века успехи и открытия научной мысли – тюркологии, которая интенсивно развивалась в Османской империи, отчасти под европейским влиянием, и накопила значительный багаж открытий в области археологии, исследований языка, фольклора, художественной литературы и т.д. Объединяло все эти исследования стремление ученых найти "корни" своего народа, турецкой национальной культуры в далеком прошлом, измеряемом даже не веками, а тысячелетиями.

Примером такого рода поисков может служить появившееся в конце правления Абдула Хамида издание, автором которого был

¹⁵⁵ См. например: H. F. Gözler. *Suavi'de zuhlme isyan duyugusu* // *Orkun, Istanbul. Nr. 33, 18 May 1951. P. 5.*

Неджиб Асим (1861 – 1935). Собственно, это был перевод с французского изданной в 1896 г. книги Леона Кахуна "Введение в историю Азии. Тюрки и монголы", к которому были добавлены особо важные разделы, развивающие концепцию Турана. Прославляя монголов и их империю, Неджиб Асим объявлял турок не только наследниками их славы, но народом, чье происхождение идет от монголов. Эта книга обрела широкую популярность в турецкой среде и оказала влияние на ряд общественных деятелей, ставших адептами пантюркизма, например на Назим Бея и других лидеров такой организации, как Комитет единения (союза) и прогресса (партия "Иттихад ве Таракки" – "Единение и Прогресс"). Представления о едином пространстве Турана и связи цивилизаций в его границах стимулировали интерес турецкой общественности к истории, языкам, культуре родственных народов, в частности, народов Средней Азии.

Так в самой Турции закладывались основы "культурного пантюркизма", и этот процесс в конце 19 – начале 20 вв. шел параллельно с формированием идеологии тюркизма у татар и других тюркских народов Российской империи. В этом контексте неудивительно такое событие, как появление в 1900 г. на страницах турецкой газеты "Âhenk" ("Гармония"), издателем и редактором которой был Мемет Шереф, своеобразного письма-манифеста, автором которого был писатель Мемет Неджип, утверждавший, что "идеи и чувства тюркизма станут объединяющими всех турок (тюрков)". Этот манифест можно считать исходным пунктом и хронологическим рубежом, совпавшим с последним годом уходящего 19 века, в дальнейшем развитии пантюркизма в Турции.

Важно подчеркнуть, что здесь имели место параллельные процессы: влияние извне, освоение турецким обществом тех вызовов, которые шли от тюркских народов России, и собственная трансформация турецкого национального самосознания, турецкого национализма, который "находил себя" в идеологии тюркизма. Собственные лингвистические, исторические, филологические исследования турецких ученых питали тюркизм новыми открытиями, дополняли его новыми аргументами. Среди таких ученых был, например, Шемсеттин Сами (1850 – 1904), создатель известного словаря "Kâmûs-i Türkî", который пришел к выводу, что не существует такого языка, как "османский". Понятием "тюрков" он определял крупную "нацию", местом исторического проживания которой является огромное пространство от Адриатического моря до Китая и Сибири. Ш. Сами прослеживал теснейшие языковые и культурные связи между турками Османской империи и тюркскими народами Туркестана. Эти высказывания ученого служили предметом многих дискуссий того времени и были тесно связаны с проблемами "что такое нация", "что

такое раса", "тюркизм и религия", волновавшими умы турецкого общества.

Широкое распространение в турецкой среде получили сочинения Умара Сейфеддина (или Сейфеттина) (1884 – 1920), писателя, воодушевленного идеями турецкого национализма и пантюркизма.

Сам он происходил из семьи "кавказских турок", но родился в Турции, в годы своей службы в армии проникся тем духом пантюркизма, который нашел выражение в его поэзии и публицистике, в частности, в появившейся накануне первой мировой войны статье "Практическая политика, исходящая из национального опыта"¹⁵⁶; в 1971 г. она была издана отдельной брошюрой на турецком языке¹⁵⁷. Он исходил из того, что население Османской империи включает всего около 30 миллионов человек, в том числе 16 миллионов турок, 9 миллионов арабов, 1,5 миллиона греков, 1,5 миллиона армян, около 500 тысяч евреев и другие этнические и религиозные группы. Он считал, что турки не мешают и не должны мешать другим народам жить по их законам и традициям, но именно турки должны управлять этим государством. Он особо подчеркивал возможность сближения и союза между турками и арабами на основе общей религии и культурных традиций.

Вскоре после этого появилась его статья "Завтрашний день Туранского государства" (датирована 1330 годом хиджры, то есть 1914 годом; в 1958 г. была переиздана латинским шрифтом и включена Сакином Юнером в собрание сочинений Сейфеддина). В этой статье он снова возвращался к важности тюрко-арабского сотрудничества, но главный акцент ставил на перспективности Тюркского союза, который сможет объединить народы и земли от Анатолии до Туркестана.

Надо сказать, что подход Сейфеддина разделяли далеко не все сторонники пантюркизма, которым не особенно нравилась идея тюрко-арабского сотрудничества. Арабские восстания и действия арабов в годы Первой мировой войны служили им для аргументации ненадежности и ненужности такого союза. Некоторые выступления пантюркистов имели явно выраженный или чуть замаскированный анти-арабский пафос. Примером может служить появившийся в годы первой мировой войны анонимный памфлет (опубликован на турецком

¹⁵⁶ Впервые эта статья была опубликована в 1912 г. в газете "Nafis", I (12). Р. 176-181.

¹⁵⁷ См. об этом: А.Д. Желтяков. Омер Сейфеддин и пантюркизм // Востокведение, Ученые записки Ленинградского Государственного университета, № 403 (LII), 1980. С. 180-188.

языке в Стамбуле, без даты) "Идеал пантюркизма – пособие для школьников" ("Mekteb çocuklarında Türklük mefkûresi"), подчеркивавший превосходство турецкого языка, преимущества тюркской культуры, господствующее положение турок в Османской империи; по мнению автора, не менее 100 миллионов человек составляют тюркоязычный мир.

Другой писатель того же поколения, оказавший сильное влияние на развитие турецкого национализма и пантюркизма в Турции, – поэт Мемет Эмин Юрдакюль (1869 – 1944). Его стихи и поэмы, появившиеся как до, так и во время Первой мировой войны, имели сильное влияние на турецкое общественное сознание. В 1918 году они были изданы отдельным сборником под вызывающим названием "На пути к Турану"¹⁵⁸. Он взывал к патриотическому сознанию турецкой нации и одновременно проповедовал концепцию общности "тюркской расы". Его поэма "Турок, проснись!", – собственно, "турок" и "тюрок" здесь неразличимы, – начиналась словами: "О, тюркская раса! О, дети огня и железа, основатели тысячи царств, носители тысячи корон!".

Поэма "Песнь о моей расе" начиналась словами "Мы тюрки огузской расы" ("Biz Oğuzlar soyu olan Türkleriz" – апелляция к "огузским" корням была широко распространена в раннем пантюркизме). Отдельная поэма была посвящена "дорогим женщинам", прекрасным девушкам Турана, а другая поэма, которая называлась "Ханский саз" ("Han'ın sazına") начиналась обращением "К моим татарским братьям".

Настроениями и идеями пантюркизма были проникнуты и многие другие произведения турецкой литературы, например, написанная в 1912 году повесть Халида Эдиба (1884 – 1964) "Новый Туран" ("Yeni Turan"). Эта повесть переносит читателя в условное будущее время, в котором разворачивается борьба между партией "Новый Туран", выступающей за сохранение и развитие тюркских традиций, тюркской оригинальной культуры, и сторонниками "османизма". В уста своего героя Эртугрул Бея, одного из лидеров "Нового Турана" Халид Эдиб вкладывает слова: "В мире сегодня живут от 80 до 100 миллионов людей тюркского происхождения. Они составляют могучий тюркский блок, обладающий исключительной жизненной силой, витальностью, и он будет расти и увеличиваться... Надо использовать его силу и энергию, исходящую из глубин

¹⁵⁸ Mehmet Emin Yurdakul. *Turana doğru*. İstanbul, 1334 /1918; в 1973 г. этот сборник был переиздан латинским шрифтом под тем же названием, к которому еще добавилось "Ey Türk uyan" – "Турок, проснись!".

народного духа, для создания вечной нации". Халид Эдиб был уверен в торжестве идеологии пантюркизма (он называл его туранизмом) и убежден в ее взаимосвязи как с социальным, так и с политическим прогрессом.

Не только литературные и научные труды готовили почву для распространения идей пантюркизма в турецком обществе. Военно-политическая ситуация, сложившаяся в годы Первой мировой войны, военные поражения Османской империи в Ливии и на Балканах, рост сепаратизма среди национальных групп нетюркского происхождения в самой империи, – все это толкало многих турецких интеллектуалов на позиции пантюркизма.

Понятие "Туран" входило даже в школьные учебники, причем этому способствовали тюркологи такого крупного масштаба и высокого авторитета, как Мемет Фуад Кёпрюлю, или Кёпрюлюзаде (Köprülüzade), который как раз и был автором учебника "Книга о Туране", впервые опубликованного в 1330 (1914) году.

Пантюркизм для турок не существовал вне турецкого национализма или "над" ним, не приходил в противоречие с национальными чувствами. Многие и не скрывали, что апелляция к пантюркизму нужна была для спасения империи, важна в национальных интересах Турции. Об этом писал, например, Мемет Иззет уже после войны на страницах выходившего в Анкаре еженедельника "Хайят", подчеркивая, что только через обращение к единству "тюркской расы" возможно успешное осуществление миссии турок, их "доминации"¹⁵⁹.

Термины "тюркизм" и "пантюркизм" имели в Турции одновременное хождение, при этом ни один из них не обрел одиозной окраски, а разница между ними, хотя и обозначалась в деталях, была не слишком существенной. В этом откровенно признался один из видных представителей этого направления, журналист Джелял Нури (1877 – 1939), заявивший, что он не видит большой разницы между тюркизмом и пантюркизмом¹⁶⁰. По-турецки: *Türklük* – тюркизм и *Türkçülük* – пантюркизм – слова похожие и никак не противоположные друг другу по смыслу.

Среди идеологов пантюркизма широкую известность приобрел Текин Альп (1883 – 1961): он был евреем из-под Салоников, его подлинное имя Мойша Кохен, Текин Альп – псевдоним, который стал

¹⁵⁹ *Mehmet İzzet. Türk'ün rolu // Haya, Ankara, Nr. 50, 10 November 1927, P. 3-4.*

¹⁶⁰ *Celal Nuri. Türkçülük ve halkçılık // Edebiyat-ı Umumiye Mecmuası, 11 May 1918 (1336). P. 36-37.*

его собственным именем. Талантливый журналист, он в своих политических взглядах и убеждениях перебрал всю гамму распространенных в Турции направлений – от османизма до кемализма. Пантюркизму он был привержен в годы перед Первой мировой войной и в период этой войны, и его обоснованию посвятил ряд своих статей и книг, которые появились не только на турецком, но и на европейских языках и поэтому более всего способствовали ознакомлению европейской общественности с пантюркизмом в его турецком варианте.

В 1912 году в Париже была опубликована на французском языке под псевдонимом его большая (35 страниц) статья "Турки в поисках национальной цели"¹⁶¹. Это было едва ли не первое крупное и детальное исследование ситуации в Османской империи с точки зрения последовательного пантюркизма, ставшее доступным европейской широкой публике, тем более что появилось оно не в специальном научном, а в популярном издании. Затем появилась его книга – сначала на турецком языке в (1330) 1914 году под названием "Что могут получить турки в этой войне", в следующем году она была переведена на немецкий язык в иной версии: "Тюркизм и пантюркизм"¹⁶², а спустя еще два года появилась на английском языке под названием "Тюркизм и пантюркистская идея" ("The Turkish and Pan-Turkish Idea", 1917). Это знаменовало определенный прорыв в обеспечении европейской историографии аутентичной информацией о целях и методах пантюркизма. Текин Альп объяснял неразрывность тюркизма и пантюркизма, исследовал этот тип турецкого национализма, его связи с османизмом и панисламизмом. Впервые тюркизм предстал в его интерпретации как вид ирредентизма, сам этот термин он использовал по аналогии с успехами политических движений своих итальянских и румынских соотечественников. При этом надо отметить, что Текин Альп, который воспринимался в Европе как главный авторитет в вопросах пантюркизма, в самой Турции был всего лишь одним из многих активных в тот период публицистов.

Очень активны были в Турции те представители национальной интеллигенции из тюркских народов России, которые появились здесь на протяжении десятилетия, предшествующего Первой мировой войне, – в качестве гостей, добровольных эмигрантов, учащейся молодежи, политических беженцев и т.п. Большая часть их (включая студентов) собралась в Стамбуле. Их объединяло резко отрицательное отношение к российскому самодержавию, по сравнению с которым режим

¹⁶¹ P. Risal [Tekin Alp]. *Les Turcs à la recherche d'une âme nationale* // *Mercure de France*, 16 Aug. 1912, Paris, P. 673-707.

¹⁶² Tekin Alp. *Türkismus und Pantürkismus*. 1915.

Османской империи был более либеральным. Здесь были выходцы из Крыма, из Татарстана, из Туркестана (из Бухарского Общества милосердия). Местные турки (османы) легко, охотно принимали их если не "за своих", то как равных, а наиболее известные из них, такие, как Гаспринский, Акчура или Агаоглу, становились членами организаций младотурок и других национальных организаций и кружков.

Разумеется, не все, кто приезжал в Турцию, были вовлечены в движение пантюркизма, но наиболее крупные и яркие фигуры из иммигрантов были как раз горячими сторонниками, активными пропагандистами этой идеологии и способствовали ее распространению как у себя на родине, так и среди турецкого населения.

Среди таких приезжих выделяется фигура Али Гусейнзаде (1864 – 1941). Азербайджанец по национальности, известный писатель, политик, ученый-физик, он был приглашен для чтения лекций в Военно-Медицинскую школу Стамбула. Его поэма "Туран" вскоре стала манифестом пантюркизма.

Другим известным деятелем был Амет Агаоглу (по российским документам Агаев, 1869 – 1939), также азербайджанский тюрк, получивший образование в Санкт-Петербурге и Париже. Вернувшись из Парижа в Россию, он посвятил себя журналистике, причем его более волновали проблемы ислама, нежели идеи пантюркизма. В тот период для азербайджанского общества была особенно актуальной проблема раскола между суннитами и шиитами, и Агаоглу стремился перебросить мост между ними, обеспечить конструктивный диалог в конфессиональной сфере и сохранить единство нации. Гонения на свободную печать в России и надежды, связанные с младотурецким движением и революцией 1908 года, заставили его эмигрировать в Турцию. Он стал подданным Османской империи и вскоре получил место инспектора просвещения в Стамбуле. В Турции он стал активным проповедником пантюркизма, развивая его идеи в своих статьях, которые печатались в "Türk Yurdu", "İctihad", "Halka doğru" и других периодических изданиях. Агаоглу утверждал единство тюркской цивилизации в исторической ретроспективе и важность объединения тюркских народов внутри и за пределами Османской империи, считая всех их народами-братьями.

Идеи, пропагандируемые приезжими (такими, как Гусейнзаде, Акчура, Агаоглу) находили отклик и понимание в турецкой среде, особенно после 1908 года, когда пришедшие к власти младотурки открыли полную свободу для националистической пропаганды. Местные, турецкие, и приезжие (из Азербайджана, Татарстана, Крыма) журналисты работали рука об руку, в частности, в таком пантюркистском издании, как выходивший в Стамбуле "Танин",

издателем и редактором которого был Гусейн Джахид.

При всем изобилии аргументации пантюркизм еще не был стройной системой и теорией. В первой четверти 20 века не раз предпринимались попытки его систематизации. Первым взял на себя эту роль Зия Гёкальп.

Гёкальп стал главным пропагандистом и теоретиком тюркизма в Турции. При этом количество его работ, посвященных этой проблеме, не так уж велико – несколько статей, поэм, буквально несколько страниц в его последней книге. Ниязи Беркес в своем исследовании "Турецкий национализм и западная цивилизация" (Нью-Йорк, 1959), вообще, считал, что в литературном наследии Гёкальпа всего два эссе посвящены теории пантюркизма, но это все же не так, ибо и в его поэтическом творчестве, и в его публицистике эти идеи находят свое выражение и обоснование. Главная его заслуга заключалась в самостоятельной интерпретации пантюркизма, в анализе эволюции от тюркизма к пантюркизму, в систематизации этой теории.

Зия Гёкальп (1876 – 1924) был родом из Диярбакира, самоучка, активный участник движения младотурок, был членом Центрального Совета Комитета единения (союза) и прогресса с 1908 по 1918 гг., затем проявил себя как соратник Мустафы Кемалю, способствовал его приходу к власти. Он преподавал социологию в Стамбульском университете, был популярен, имел постоянные контакты со многими активистами в Стамбуле и Салониках, часто выступал на собраниях. Но наибольшее влияние на общество имела его поэзия. Сборник его избранных (наиболее проникнутых духом патриотизма и пантюркизма) поэтических произведений под названием, почерпнутым из тюркской мифологии "Kızıl Elma" ("Красное яблоко", или "Золотое яблоко") стал своеобразным манифестом пантюркизма.

В этот сборник вошла его поэма "Туран", написанная в 1911 году, начинавшаяся обращением "к тюркам, чья Отчизна – не Турция, не Туркестан, а огромная, вечная страна – Туран":

"Vatan ne Türkiyedir Türklere, ne Türkestan,
Vatan büyük ve müebbet bin ülkedir: Turan!"

Через три года, когда уже началась Первая мировая война, появилась его поэма "Красный Дастан" (Kızıl Destan), в которой идея пантюркизма приобретает уже определенное политическое наполнение: он призывает к разрушению Российской империи в четких категориях пантюркизма. Не меньшее воздействие на умы современников имели его статьи, публиковавшиеся в разных периодических изданиях, а позднее изданные отдельной книгой. Всего полная библиография работ Гёкальпа, которую составили Исмет Бинарк и Нейят Сеферджиоглу, включает 436 наименований.

Все эти работы не так уж прямо относятся к литературе о

пантюркизме. К его обоснованию Гёкальп приходит через мотивы, проникнутые патриотическим, национальным пафосом, турецкой идеей, которая постепенно перерастает в тюркскую идею. Серьезное внимание в своих трудах он уделял терминологии, в частности определению термина "нация" ¹⁶³. Несомненно, под турецкой (= тюркской) нацией он понимал всех турок (тюрков), далеких и близких.

За год до своей смерти Гёкальп обобщил свои взгляды на национализм и пантюркизм в работе, которую можно считать краеугольным камнем его теории. Это трактат "Принципы тюркизма" (*Türkçülüğün esasları*). Впервые он был опубликован в Анкаре в 1923 г. и лишь спустя 45 лет появился в английском переводе ¹⁶⁴. В этой работе была предпринята попытка систематизации основных положений, высказывавшихся в прежних дискуссиях о тюркизме и пантюркизме.

Здесь же Гёкальп дает свое определение нации, которая, по его убеждению, является "не какой-либо расовой, этнической, географической, политической или произвольной группой, а состоит из индивидуумов, которые обладают общим языком, религией, моралью и эстетикой, иначе говоря, которые одинаково воспитаны, получили одинаковое образование" ¹⁶⁵.

На основе этого культурологического подхода Гёкальп исследует и понятие "тюркизм". Весь тюркский мир, объединенный языковой и культурной общностью, Гёкальп рассматривал как бы на трех уровнях консолидации:

1) высший уровень, или центральную группу составляли турки, непосредственно проживающие в Турции и обладающие всеми признаками единой нации;

2) за ними следовали тюрки-огузы, составляющие население так называемого Огузстана; рассеянные на территориях Азербайджана, Ирана, "Хваризма" (Хорезма), они тем не менее, в основном, имели

¹⁶³ Этой теме посвящена его статья: *Ziya Gökalp. Millet nedir // Yeni Mecmu, 1923 (1339), 15 Februar; Nr. 70.*

¹⁶⁴ *Ziya Gökalp. The Principles of Turkism. Translated by Robert Devereux. 1968.* Некоторые выдержки из него Р. Гартманн приводил уже в 1925 г. в своих немецких публикациях, так что в принципе он был известен европейцам и раньше. В отечественную, "советскую" историографию турецкие исследования попадали не столько в итоге их перевода на европейские языки, сколько через азербайджанскую литературу и литературу других тюркских народов СССР, которая обращалась непосредственно к турецким первоисточникам.

¹⁶⁵ *Ziya Gökalp. The Principles of Turkism. Translated by Robert Devereux. 1968. P. 15.*

общую с турками, проживающими в Турции, культуру, религию, язык, воспитание и т.д.

3) наконец, на более отдаленной дистанции находились тюркоязычные народы, такие, как якуты, киргизы, узбеки, кипчаки и татары, которых в силу их лингвокультурных традиций и генезиса можно считать родственными (но не идентичными) туркам и турецкой культуре.

Все они вместе формируют Великий Туран (в котором Гёкальп не отводил места ни финнам, ни венграм, ни другим нетюркским народам), объединяющий более 100 миллионов человек.

Соответственно данной триаде Гёкальп считал возможным говорить о "тюркизме" применительно к туркам Турции, "огузизме" по отношению к народам второй группы и "туранизме" по отношению к остальным тюркским народам.

Вслед за Текином Алпом, который в своей книге "Туран" уже лет 12 тому назад предложил нечто вроде программы минимум для "малого Турана" и программы максимум для "великого Турана", Гёкальп также разрабатывал дифференцированный подход к задачам общетюркского единения, увязывая его со стадийным подходом: для одних народов (турок-тюрков) такое объединение было делом нынешнего дня, для других – делом далекого будущего.

Эти позиции были связаны с историческими реалиями новой политической ситуации, сложившейся после падения Османской империи (1918) и в процессе формирования Турецкой республики. Туркам надо было прежде всего решать задачи реформирования и укрепления своего государства. Но Гёкальп ни в коем случае не хотел упустить из поля зрения и более широкую тюркскую общность, подчеркивал важность идеологии "огузизма" и "туранизма", которые подкрепляют и поддерживают "тюркизм", напоминал о единстве тюркского мира (в том числе и о государственном его единстве) во времена Чингисхана и Тамерлана и не исключал такую перспективу в будущем ¹⁶⁶.

¹⁶⁶ *Надо отметить, что в российской исторической науке советского периода, где довольно слабо было развито направление исследований турецкой общественной мысли начала 20 века, Гёкальпу, по сравнению с другими идеологами пантюркизма в Турции, можно сказать, "повезло". Ему посвящена серьезная работа, редкая и даже исключительная на фоне фальсификаторских и пропагандистских "разоблачений" пантюркизма, преобладавших в советской историографии, а именно защищенная в 1965 году в Москве диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук диссертация: Сафронова Е.А. Философские и социологические*

Между тем, тюркизм в Турции, во всяком случае после революции и победы младотурок (1908) ¹⁶⁷, получал распространение не

взгляды Зии Гёкальпа. Обоснование тюркизма (к вопросу о формировании идеологии турецкого буржуазного национализма). М., 1965. Оценивая Гёкальпа как "одного из выдающихся мыслителей Турции, оказавшего существенное влияние на моральные, религиозные и социальные взгляды современных турок", Е.А. Сафронова рассматривает идеологию тюркизма как закономерное и отвечающее национальным интересам Турции и турецкого народа явление. К сожалению, это научное исследование не стало книгой, доступной широкому читателю, и не смогло переломить ту тенденцию грубой фальсификации тюркизма и пантюркизма, которая доминировала в советской историографии послевоенного периода. Перелом этой тенденции наметился лишь в годы перестройки. Его знаменовала, в частности, монография: Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988. Анализируя турецкий опыт, автор акцентирует внимание на том, что Гёкальп "выступил за отделение религии от политики и объявление тюркизма идеологией возрождения турецкой нации на основе модернизации при широком заимствовании достижений западной цивилизации [...] Была сделана попытка объединить в непротиворечивую систему идею турецкой национально-этнической общности, западную идею секулярного государства и ислам"(С.155-156). З.И. Левину удалось последовательно проследить влияние теорий Гёкальпа на формирование кемализма.

¹⁶⁷ В нашу задачу не входит полное освещение той страницы в истории Турции 20 века, которая связана с младотурецким движением и эпохой правления младотурок. На эту тему существует весьма обширная литература на русском языке, отмеченная, впрочем, как правило, довольно четко выраженной тенденциозностью, особенно заметной в публикациях 1950-60-х годов. Таковы, например: Тверитинова А.С. Младотурки и пантюркизм // Краткие сообщения Института востоковедения. М., 1956, Вып. XXII. С.66-74; Алькаева Л.О. Очерки истории турецкой литературы 1713-1917. М., 1959; Гасратян М.А. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе // Проблемы современной Турции. М., 1963. С. 129-144; Новейшая история Турции. М.: Наука, 1968. Наиболее полный и объективный (насколько это было возможно в советских условиях) анализ младотурецкой революции дан в трудах А.Ф. Миллера: Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948; Миллер А.Ф. Младотурецкая революция // Первая русская революция 1905-1907 гг. и международное революционное движение. М., 1956. Часть II. С.313-348; Миллер А.Ф. 50-летие младотурецкой революции. М., 1958; Миллер А.Ф. Турция.

только в теориях, сочинениях, в литературе и публицистике, но и в практической деятельности определенных организаций, которые формировались как из местных турок, так и из эмигрантов из России. Не всегда "пантюркистская" окраска этих организаций была очевидна, но тем не менее они готовили платформу для политики в духе пантюркизма.

Одной из первых организаций такого рода была образованная в Стамбуле в декабре 1908 года, вскоре после победы младотурок, "Тюркская Ассоциация" (Türk Derneği). Согласно ее уставу, она объединяла ученых-тюркологов, концентрировала свои усилия на исследовании тюркского мира, включая все направления археологических, исторических, лингвистических, литературных, этнографических, социологических, географических исследований, и избегала политики. Несомненно идеи национализма и пантюркизма составляли платформу этой ассоциации. Среди ее основателей и руководителей были такие последовательные сторонники пантюркизма, как Неджиб Асим, Юсуф Акчура (он председательствовал на первом учредительном собрании "Тюрк Дернеги"), Велед Челеби, Риза Тевфик, Эмруллах Эфенди, Бурсали Тахир, Ахмет Мидат, Фуад Раиф, Ахмет Ферит. В то же время академический, научный характер этой ассоциации предполагал участие в ее работе и ученых нетюркского происхождения. Среди ее основателей был армянин Акоп Бояджан. Затем к ее работе подключились некоторые зарубежные ученые, и ее филиал (венгерская секция) появился в Будапеште. В работу "Тюрк

Актуальные проблемы Новой и Новейшей истории. М., 1983. "Обвинительная" тенденция по отношению к младотурецкому движению особенно ярко выражена в трудах армянских историков, причем эта эстафета последовательно переходит из 1960-х в 1970-е и 1980-е годы (сравним, к примеру: Петросян Ю.А. К изучению идеологии младотурецкого движения // Тюркологический сборник. М., 1966. С.221-227; Петросян Ю.А. Младотурецкое движение в документах исторических и мемуарах // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С.150-161; Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во "Наука", 1971; Петросян Ю.А. Османская империя : могущество и гибель. Исторические очерки. М.: "Наука", 1990). Сравнительно больший простор для объективных исследований младотурецкого движения был открыт в азербайджанской исторической науке. Об этом можно судить по изданной в Баку в 1966 году монографии Э.Ю. Гасановой "Идеология буржуазного национализма в Турции в период правления младотурок (1908-1914 гг.)", основанной на анализе материалов журнала "Тюрк юрду".

Дернеги" вскоре активно включились такие убежденные пантюркисты, как Исмаил Гаспринский, Ахмет Агаоглу, Али Гусейнзаде, Мемет Эмин Юрдакюль, Мемед Фуад Кёпрюлю, Фуад Сабит. "Тюрк Дернеги" выпускала журнал того же названия ("Türk Derneği"), он выходил раз в месяц, всего вышло семь его номеров. Там печатались статьи турецких и зарубежных ученых, отчеты о собраниях, дискуссиях, деятельности Ассоциации. Среди вопросов, которым были посвящены статьи, публиковавшиеся в этом издании, были: турецкий и тюркские языки; пословицы казанских татар; туркменское народное искусство и ремесла; история татарской литературы; открытие античных памятников в Турции ("турецкая античность").

Резиденция ("главная квартира") Ассоциации находилась в Стамбуле, кроме того ее отделения были открыты также в Русчюке, Измире, Кастамону, Будапеште. Число членов Ассоциации достигало (к 1911-12 гг.) 63, большинство их проживало в Стамбуле. Расформирована была "Тюрк Дернеги" в 1912 году. Подчеркнем еще раз, что это была не политическая организация, а скорее узкая группа научной элиты, ее деятельность представляла типичное направление культурного пантюркизма.

В основном, аналогичный характер имела другая организация, созданная летом 1913 года, а именно "Türk Bilgi Derneği" – Ассоциация тюркских знаний, нечто вроде Академии искусств и наук под патронажем руководимого младотурками Комитета единения (союза) и прогресса. Она пользовалась государственными субсидиями, имела свои отделения, как это было принято в академиях, издавала научный журнал "Bilgi Mecmuası" ("Журнал знаний") – шесть его номеров было отпечатано в Стамбуле. Еще более, чем "Тюрк Дернеги", эта Ассоциация была ангажирована идеологией пантюркизма. Ее президентом был Эмруллах Эфенди, секцию тюркологии возглавлял Неджиб Асим, ее членами в разные годы были Юсуф Акчура, Ахмет Агаоглу, Умер Сейфеддин, Мемед Фуад Кёпрюлю и другие активисты пантюркистского движения. В годы Первой мировой войны ее деятельность прекратилась.

В августе 1911 года в Стамбуле была образована ассоциация под названием "Тюрк Юрду" ("Türk Yurdu" – "Тюркский дом", или "Отчизна тюрков").

Такое же имя – "Türk Yurdu", иногда уточнявшееся как "Türk Talebe Yurdu", по-французски "Le Foyer des étudiants Turcs" – "Тюркский дом", "Тюркский студенческий дом", "Дом тюркской учащейся молодежи", – носила другая организация, объединявшая, в основном, турецких студентов, учащихся за границей – в Швейцарии, Франции, Германии и других странах; значительную часть ее состава (всего – 100 членов) формировали молодые люди из тюркских народов,

проживавших за пределами Турции (то есть крымские татары, азербайджанцы и т.д.). Деятельность этой организации продолжалась и в годы Первой мировой войны, и после ее окончания. Она была пронизана духом и идеологией пантюркизма. Именно в ее недрах родился известный политический памфлет, утверждающий значение новой Турции, изданный в 1919 г. в Женеве на французском языке от имени "Тюрк Юрду" (Turc Yourdou. La Turquie moderne. Geneva, 1919).

Отдельные издания "Тюрк Юрду" были посвящены экономическому положению Смирны (Измира), "зверствам греков" в Смирне и т.д. На английском языке выходил журнал (бюллетень) "Тюркай" ("Turkey" – "Турция", ежемесячный орган Тюркского Конгресса в Лозанне), в котором выражалась поддержка движения Мустафы Кемаля, а также борьбы за независимость от России Азербайджана и Крыма.

Что же касается ассоциации "Тюрк Юрду", которая развернула свою деятельность в Стамбуле, то среди ее членов были видные ученые, интеллектуалы, снискавшие известность на поприще пантюркизма. Среди них – Мемет Эмин Юрдакюль, Юсуф Акчура, Ахмет Агаоглу, Али Гусейнзаде, Али Мухтар, позднее в состав ее членов был кооптирован Зия Гёкалп. Ассоциация ставила своей целью просвещение, повышение культурного уровня тюркских народов, проведение съездов-встреч националистов (пантюркистов). Однако, уже через несколько месяцев после своего создания "Тюрк Юрду" распалась, ее члены перенесли свою энергию в "Тюрк Оджаги". Более длительную историю, чем сама ассоциация "Тюрк Юрду", имел ее журнал одноименного названия ("Türk Yurdu"), издание которого началось в конце 1911 года. В течение нескольких лет это был наиболее авторитетный орган пантюркизма в Османской империи. Его издателем и редактором был Юсуф Акчура.

Широким спросом пользовалось и приложение к этому журналу "Халка Доғру" ("Halka Doğru" – "К народу"), редактором которого был писатель Джелал Сахир (1883 – 1935), близкий к кругу идеологов пантюркизма. Когда это приложение было закрыто (в апреле 1914 года), Сахир начал издавать новое приложение к "Тюрк Юрду" под названием "Тюрк Сюзю" ("Тюркское слово"). Первый его номер появился в Стамбуле 13 апреля 1914 (1330) года. Его девизом было "Идти в народ и работать для народа".

Кроме того идеи пантюркизма находили отклик и выражение на страницах таких турецких периодических изданий, как выходивший в Стамбуле в 1913 году еженедельник "Бююк Дуйгу" ("Большое чувство"), а также печатавшиеся в провинции и за пределами Турции "Тюрк Или", "Туран", "Тюрк Дили" (последний выходил в Македонии) и др.

Наиболее прочной, активной и важной по своему значению из всех организаций пантюркистского направления этого периода оказалась "Тюрк Оджаги" ("Türk Ocağı" – "Тюркский очаг"), основанная в июне 1911 года медиками и другими студентами из полуподпольного клуба. Мемет Эмин Юрдаколь, Ахмет Ферит, Ахмет Агаоглу, Фуад Сабит, Юсуф Акчур, Мемет Али Тевфик получили приглашение присоединиться к деятельности этой организации и возглавить ее. Их участие определило кардинальную реорганизацию "Тюрк Оджаги", осуществленную уже в марте 1912 года. Из полутайного клуба она превратилась в респектабельную, авторитетную организацию со своим печатным органом – журналом "Тюрк Юрду". Ее поддерживали лидеры младотурок, она получила разного рода дотации. Не исключено, что в ее деятельности были заинтересованы те члены Комитета единения (союза) и прогресса, которые ориентировались на союз Турции с Германией (например, Энвер-Паша) и старались использовать ее в своих политических целях. Организация обретала все больший престиж, становилась авторитетным и широким сообществом. К ней вскоре присоединились такие известные фигуры, как Зия Гёкалп и Халид Эдиб. Зия Гёкалп осуществлял ее постоянные связи с Комитетом единения (союза) и прогресса. Халид Эдиб был инициатором решения о том, что женщины могут быть наравне с мужчинами членами этой организации.

В уставе этой организации было записано, что ее целями является развитие просвещения и образования тюркского народа (понятия турецкий и тюркский сливались в одном термине), подъем его интеллектуального, социального и экономического уровня, "совершенствование тюркского (турецкого) языка и расы". Подчеркивалось, что она не участвует в партийной борьбе, в политике. Главным считалось воспитание масс в националистическом духе. Нужно было открыть людям ценность того культурного наследия, каким располагает тюркский мир. Методами этого воспитания и просвещения были различные формы клубной работы, вечера, лекции, курсы, театральные представления, литературные встречи. Издавались книги и журналы. Студентам оказывалась поддержка в обеспечении их жильем и медицинской помощью. Оказывалось содействие спорту.

Одной из последних акций "Тюрк Оджаги" было приглашение в Турцию и оказание помощи беженцам из тюркских народов России после Октябрьской революции 1917 года. Судьбой этих беженцев занимался непосредственно президент "Тюрк Оджаги" Габдулла Суфи Танрювер (1886 – 1966).

Свой "очаг" эта организация уже вскоре после ее создания имела в каждом городе, да едва ли не в каждой деревне, в каждой школе, в различных учреждениях и институтах на территории

Османской империи. В 1914 году у нее было 16 отделений и свыше 3000 членов. Самое крупное отделение находилось в Стамбуле, оно объединяло 1800 человек, в том числе около 1600 студентов и бывших студентов, уже получивших высшее образование. Среди них были физики и молодые специалисты других научных направлений. В 1920-х годах в стамбульском "очаге" было уже около 3000 членов.

Параллельно и в тесной связи с "Тюрк Оджаги" функционировала организация скаутов "Изджи" ("İzci"), находившаяся под личным патронажем Энвера-Паши. Здесь большое внимание уделяли физической, военной подготовке юношей, при этом вся символика, имена, язык, термины и т.п. были чисто тюркскими, а не исламскими. Обычные "Али" и "Мемет" становились "Аксонкором" или "Тимурташем". Эмблемой "Изджи" был белый волк, легендарный прародитель и покровитель турок-огузов. Молились здесь не Аллаху, а Тенгри. Молодежи прививалось убеждение в том, что все "туранцы" – братья. Верховная власть в этом мире должна принадлежать не халифу или падишаху, а тюркскому "закону".

"Тюрк Оджаги" была организацией, ориентированной более на пропаганду националистических идей, нежели пантюркизма. Но с самого начала на ней лежал отпечаток пантюркизма. Она была открыта только для людей тюркского происхождения, другие, даже мусульмане, туда не имели доступа. Активная пропаганда идей пантюркизма шла через журнал "Тюрк Юрду", который формально не был органом "Тюрк Оджаги", но лидеры и многие члены "Тюрк Оджаги" были и постоянными читателями, подписчиками, и нередко авторами этого журнала, и это все продолжалось на протяжении 1920-х годов. Только в 1931 году, когда сменился правительственный курс, многие клубы и организации были закрыты, ситуация изменилась, но в 1920-х гг. успех пантюркистского движения был очевидным, националистическая доктрина тюркизма оказывалась в неразрывной связи с идеологией пантюркизма, и как говорил Зия Гёкалп, "все тюркисты встречаются и сотрудничают друг с другом, объединяясь вокруг "Тюрк Юрду" и "Тюрк Оджаги" ..." ¹⁶⁸.

Одной из ведущих фигур этого периода является Юсуф Акчура, или Акчураоглу (1876 – 1935). Борцом за идеи пантюркизма он проявил себя еще в России, как на страницах своего журнала (газеты) "Казан Мухбири", так и в других изданиях. Образование он получил в России, Стамбуле и в Школе политических наук в Париже, принимал участие в тюрко-мусульманских съездах в России, нередко играл в них ведущую

¹⁶⁸ Ziya Gökalp. *The Principles of Turkism*. Translated by Robert Devereux. 1968. P. 10.

роль. Уже в 1904 г. он предпринял попытку систематизации общественных течений, выделив пантюркизм и противопоставив его османизму и панисламизму. В 1908 г. он покинул Россию, накануне и во время Первой мировой войны развернул активную деятельность в различных организациях тюркских эмигрантов в Западной Европе. Однако главным полем его деятельности в защиту пантюркизма стала Турция, где он был активным членом многих организаций националистической и пантюркистской направленности. Главным его детищем был журнал "Тюрк Юрду" (еженедельник, но иногда выходил раз в две недели), который он издавал и редактировал с 1911 года. Этот журнал принес ему славу, и уже в 1913 г. известный востоковедческий печатный орган журнал "Ревю дю Монд Мюсюльман", издававшийся в Париже, ставил его вровень с Джамалом аль-Дин аль-Афгани – крупнейшим исламским мыслителем и борцом¹⁶⁹.

Россию он покинул в 1908 г. и потому, что ему там грозил арест, и потому, что он связывал большие надежды с новым режимом в Турции, установившимся после победы младотурок. В Турции он преподавал турецкую политическую историю в Дарюлфонюне и других высших учебных заведениях Стамбула и проявил себя как отличный организатор, писатель, лектор. Он был основателем или по крайней мере активным членом таких организаций, как "Тюрк Дернеги", "Тюрк Бильги Дернеги", "Тюрк Юрду", "Тюрк Оджаги" и других. Шесть лет своей жизни он отдал журналу "Тюрк Юрду" и сумел значительно поднять его уровень, престиж, популярность (у него были тысячи читателей) и сделать его ведущим печатным органом, пропагандирующим идеи пантюркизма.

Программа журнала "Тюрк Юрду" уже при его основании была изложена самим Юсуфом Акчура следующим образом: и язык, и содержание журнала должны привлечь к нему как можно больше читателей "тюркской расы", создать идеал, которые могли бы принять все тюрки, отобрать такие материалы, которые способствовали бы обогащению кругозора, знаний читателей и совершенствованию их морали (это считалось более важным, чем политическое направление), способствовать внедрению в тюркский мир таких ценностей, которые помогали бы всем, кто принадлежит к тюркской расе, жить в согласии и в любви друг к другу; защищать политические и экономические интересы тюркского населения Османской империи, не участвуя при этом во внутрипартийной борьбе, способствовать прогрессу и укреплению национального духа (турецкого патриотизма) среди всех

¹⁶⁹ *Le Panislamisme et le Panturquisme // Revue du Monde Musulman, Paris, 1913, XXII. P. 193.*

тюркских жителей Османской империи, во внешних сношениях во главу угла ставить защиту интересов тюркского мира. Таковы были главные цели журнала, последовательно развивавшего программу пантюркизма, сначала довольно мягко, но в последующие годы все более страстно, решительно, включая и призывы к солидарности, и призывы к совместным действиям. Эти идеи красной нитью проходят через все его книги, статьи, лекции и доклады.

Тюркский мир он представлял как цельную общность, единство которой зиждется как на культурных элементах (язык, история, традиции, нравы), так и на материальной основе ("кровь", "раса"). Само понятие "тюрк" (по-турецки оно идентично слову "турок") он распространял на всех, кто имеет тюркское происхождение, включая татар, азербайджанцев, киргизов, якутов и другие народы. Все эти группы Акчура объединяет термином "нация" (millet) и ожидает от ее представителей единства действий во имя общих целей.

Выступая от имени тюркских народов, проживающих за пределами Османской империи, Акчура выражал их надежды на объединение. Вместе с тем он резко критиковал позиции османизма и панисламизма, считая, что они могут нанести вред тюркскому миру.

Акчура настаивал на необходимости политической борьбы с Россией, с идеологией панславизма, видя в них главных врагов тюркского мира и турецкого государства как в прошлом, так и в будущем. Именно благодаря его деятельности культурный пантюркизм оказался в неразрывной связке с политическим пантюркизмом, и именно такая платформа и такая тактика, основанная на сочетании научных, культурологических аргументов с методами политической борьбы, обеспечила успех движения в целом.

В Турции для его развития была более благоприятная почва, чем за пределами Османской империи, где и организованы национальные движения тюркских народов были еще слабо, и национальная элита этих народов не была у власти.

В Османской же империи в последние годы ее существования – накануне и в период Первой мировой войны – пантюркизм представлял собой исторический шанс для спасения и укрепления государства, сливался с патриотическими чувствами, способствовал укреплению национального достоинства. Младотурки в известной мере разделяли идеи пантюркизма. Их политические организации, прежде всего Комитет единения (союза) и прогресса, проявляли озабоченность проблемами тюркских народов Крыма, Кавказа, Закавказья (Азербайджана), превращая это нередко в пропагандистскую кампанию (например, в 1906-1907 гг.). Это не значит, что пантюркизм стал государственной идеологией, но лидерам Комитета единения (союза) и прогресса он был несомненно ближе, чем панисламизм, на который

делал ставку их главный внутренний противник султан Абдул Хамид II. В то же время и от исламской идеи младотурки не могли отступить, они должны были считаться и с религиозностью масс, и с традициями, и с политической конъюнктурой, позволявшей, в частности, опираться на исламские силы в борьбе с Британией. Сначала младотурки предпочитали в качестве альтернативы панисламизму османизм, который, казалось бы, мог объединить всех подданных империи чувством и сознанием гражданского единства, принадлежности к общей Родине и т.п. Но реальные отношения власти и нетюркских национальных групп и меньшинств были настолько напряженными, политика тюркизации вызывала такое сопротивление этих меньшинств, что османизм оставался мифом, не имевшим перспективы стать реальностью. Только разочаровавшись в османизме и в эффективности политики, основанной на представлениях о гражданской общности всего населения страны, руководство младотурок обратилось к пантюркизму, но и от османизма, как и от исламизма, оно до конца не отказалось, и политика тюркизации проводилась этим руководством и далее.

И хотя министр иностранных дел Турции мог уверять иностранных дипломатов, что в Турции вообще больше не ведется исламская пропаганда, все в действительности было не совсем так, и все три идеологии оказывались задействованными попеременно – исламизм для укрепления связей с арабским миром и мусульманскими подданными империи нетюркского происхождения, османизм – для унификации различий между национальными группами народонаселения Турции, тюркизм и пантюркизм – для развития отношений с татарами и другими тюркскими народами за границами Турции.

Сочетание этих трех теорий порождало немало противоречий. Такими противоречиями насыщен, к примеру, написанный в 1910 году на турецком языке памфлет Шейха Мюриддина Уруси (псевдоним Ахмета Хильми), распространявшийся в десятках тысяч копий. Он содержал в себе призыв к единению всех мусульман, включая мусульман Бухары, Кашгара, Индии, Ирана, Китая, Казани, Крыма и Кавказа; сразу же за этим следовал призыв к объединению всех тюрков, что была как бы часть призыва к объединению мусульман, круг в круге.

Из всех трех идеологий пантюркизм был наиболее перспективным. Ни исламизм не помогал по-настоящему укрепить альянс с арабами или албанцами, ни османизм не усваивался такими подданными Османской империи, как, например, болгары, сербы, греки или армяне. Другое дело пантюркизм, тесно взаимосвязанный с этническим национализмом, который усиливался среди турецкого населения (в ходе Балканской и Ливийской войн) и находил поддержку

у тюркских народов Европы и Азии.

О том, что лидеры младотурок склонялись к пантюркизму и брали его на вооружение в качестве государственной идеологии, красноречиво свидетельствует речь Халил Бея, произнесенная им 19 мая 1914 года на заседании вновь избранной Верхней Палаты¹⁷⁰, в которой он призывал никогда не забывать о Салониках, Зеленом Монастыре, Косово, албанском Скутари, прекрасной Румынии и требовал от учителей, журналистов, писателей, поэтов и других представителей интеллигенции сделать все возможное, чтобы нынешнее и будущие поколения турок знали и помнили о необходимости освобождения своих братьев, находящихся за границами государства, и объединении с ними, ибо это единственный способ предотвратить тот ужас и кошмар, который уже обрушился на этих людей.

Другое свидетельство этой политики – резолюция, принятая на собрании Комитета единения (союза) и прогресса о значении турецкого языка в тюркизации нетурецкого населения империи и в стимулировании эмиграции тюркского населения Кавказа и Туркестана в Турцию. Хотя заседания этого Комитета проходили при закрытых дверях и его резолюции имели секретный характер, британские и французские разведки были неплохо осведомлены о том, что там происходит. На их отчеты и ссылается Якоб Ландау¹⁷¹. Уже на втором заседании этого Комитета, которое состоялось в Салониках в ноябре 1910 года, было решено, что турецкий язык будет преподаваться в обязательном порядке во всех школах империи в целях предотвращения национализма нетюркских групп населения и воспитания у них патриотизма по отношению к Турции.

Секретная резолюция Комитета, принятая на заседании, проходившем в Салониках в сентябре-октябре 1911 года, ставила вопрос еще более радикально – о всеобщем и повсеместном переходе на турецкий язык, об укреплении контактов с турками Болгарии, Румынии, Боснии и Герцеговины, о создании отделений Комитета во всех странах, где проживают турки-мусульмане, прежде всего в России и в

¹⁷⁰ Опубликована в переводе на французский язык в газете "La Turquie", Istanbul, 21 May 1914.

¹⁷¹ Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 48.

Иране. Предлагалось проводить ежегодные съезды представителей всех этих народов в Стамбуле ¹⁷².

Укрепление тенденций пантюркизма в Комитете было связано отчасти с тем, что в его составе оказались представители тюркской эмиграции, выходцы из тюркских народов России, в частности, Али Гусейнзаде стал членом Центрального Совета этого Комитета в 1911 году.

На сессии Комитета, состоявшейся в сентябре-октябре 1913 года, политика всеобщей тюркизации населения империи и идеология пантюркизма в качестве основы внутренней и внешней политики Турции были провозглашены, можно сказать, уже открыто, последовательно и официально, что не исключало, однако, и элементов политики панисламизма, в частности, по отношению к мусульманам Индии.

Одним из главных принципов, которым руководствовались идеологи пантюркизма в это время в своей теории и реальной политике, было убеждение в этнической идентичности турок Османской империи и восточных тюркских народов, а поскольку оказывалось, что эти народы, то есть половина тюркского мира, находятся под властью российского самодержавия, то и пропаганда пантюркизма естественно становилась частью антироссийской политики, и эта платформа сближала Турцию и Германию накануне и в период первой мировой войны. Характерно, что идеология пантюркизма пропагандировалась в эти годы одинаково как на страницах официальных изданий (таких, как "Тасвир-и Эфкар", "Сабах", правительственный орган "Танин"), так и в оппозиционной печати ("Икдам", "Заман"). В этом едва ли не все направления турецкой общественности были едины.

Еще одно любопытное обстоятельство: исконно пантюркизм находился в оппозиции к панисламизму, представлялся альтернативой ему. Надо было как бы решить, к какому же единству призывают и стремятся власти Турции и лидеры общественных движений: к единству всех мусульман (включая арабский, иранский мир, Индию и т.д.), в таком случае тюркизм только мешал таким призывам к объединению, – или всех турок (не по вере, а по "крови"). Но с укреплением позиций, с победой пантюркизма, выяснилось, что большинство тех турок, к которым он апеллирует, – мусульмане, поэтому некоторые аргументы панисламизма вполне можно

¹⁷² Эта информация, переданная болгарским генеральным консулом в Салониках в английскую миссию на Балканах, проникла в английскую печать: *The Times*, 3 Oct. and 27 Dec. 1911. См.: Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 49.

использовать и в политике и пропаганде на основе пантюркизма. Таким образом, сначала как бы взаимоисключающие (или одно, или другое) панисламизм и пантюркизм начали сближаться (и то, и другое).

Вполне естественно, что Комитет единения (союза) и прогресса стремился к распространению своей идеологии (пантюркизма) и тюркском мире за пределами Турции. Уже в 1911 году он имел свои отделения на территории Кавказа и Туркестана, семь таких отделений вели работу среди татар. В секретной резолюции Комитета, принятой на его сессии в 1911 году, указывалось, что необходимо увеличить число агентов, которые будут направлены к мусульманам Туркестана, Ирана, Индии, Кавказа и Египта. О действии такой "агентуры" в Азербайджане, Туркестане, в Китае и других регионах существуют конкретные данные, донесения британской и других разведок, которые относятся к периоду 1910 – 1914 гг.¹⁷³ Даже в Албанию, в Афганистан, где мусульман тюркского происхождения не так уж много, направлялись эти эмиссары. Так, известно, что в 1910 году три агента (офицера) были посланы в Афганистан для пропаганды пантюркизма, к 1913 г. их число увеличилось до 15. Генеральные консульства и посольства Османской империи в других странах нередко использовались как прикрытие для деятельности этих эмиссаров, агентов и пропагандистов пантюркизма. Этот факт обычно рассматривался в литературе других стран, прежде всего авторами, не скрывавшими своей враждебности тюркскому миру, как некое свидетельство экспансии, "экспорта" идеологии пантюркизма за рубежи Османской империи, создания "тайной агентурной сети", "вербующей" сторонников пантюркизма в России. Такого рода оценки носят тенденциозный характер и искажают истинное положение дел. В действительности, решения, принимаемые на ежегодно проводившихся сессиях Комитета единения (союза) и прогресса, как правило, не предназначались для печати и широкого разглашения, и в этом смысле их можно назвать "тайными" или "секретными". При этом в терминологии этих "тайных" решений встречалось понятие "агенты", ибо таков был рабочий инструментарий, практическая форма реализации намерений: для поддержания связей с отделениями необходимо было направлять туда людей, которые могли подвергнуться преследованиям на территории враждебных Турции государств, поэтому для их безопасности было просто необходимо обеспечить и секретность их передвижения, и прикрывающие их легенды. Но вся деятельность этой так называемой "агентуры" не имела ничего общего

¹⁷³ См.: Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 49.

ни с агрессивной против других государств, ни с разведкой, ни с каким бы то ни было "экспортом" идеологии пантюркизма, которая, как мы видели, с самого начала формировалась на российской почве и уж если откуда и "экспортировалась" в начале 20 века, то из России в Турцию, а не наоборот (хотя и для ее самостоятельного развития в Турции имелись все условия, ни от какого "экспорта" не зависевшие). Деятельность так называемых "агентов" была реальным проявлением солидарности, в необходимых случаях – материальной помощи и моральной поддержки, формой установления контактов и связей между тюркскими народами. Показательно, к примеру, что среди азербайджанцев и волжских татар так называемые "агенты" вели культурно-просветительскую работу, связанную с распространением и внедрением в практику турецкого языка.

В то же время те политические силы (например, армянские буржуазные круги, стремившиеся контролировать нефтеносные источники Азербайджана и извлекать из них максимальную прибыль) и те государства (прежде всего Россия, а также Великобритания и другие державы формирующейся Антанты), которые были заинтересованы в ослаблении и расчленении турецкого государства, в порабощении тюркских и мусульманских народов Балканского полуострова, Крыма, Кавказа и Средней Азии, больше всего боялись того, что эти народы и регионы окажутся под защитой Турции, поэтому всячески подчеркивали в своей пропаганде (перерастающей в прочную историографическую традицию) опасность, враждебность "турецкой агентуры" и, преувеличивая масштабы ее деятельности, создавали политические мифы о турецких "агентурных сетях", чуть ли не опутавших всю Европу и всю Россию. В то же время такие державы, как Германия и Австро-Венгрия, учитывая эти конфликты, стремились подтолкнуть младотурецкое руководство страны к еще более активным действиям против России, против Антанты: судьба тюркских народов на территориях обеих империй (Российской и Османской) интересовала их при этом не более чем повод для передела сфер влияния и всего мира в их собственных интересах. Как свидетельствует Халид Эдиб, который был одним из наиболее осведомленных обозревателей того времени, Германия стремилась заключить союз с Турцией не столько потому, что считала ее способной на что-либо значительное в военном отношении, сколько потому, что учитывала важность пропаганды пантюркизма и панисламизма как фактора, способного переломить ситуацию в мировой войне, если он будет направлен против Антанты.

Однако, следует иметь в виду, что не все члены Комитета единения (союза) и прогресса были едины в своем отношении к пантюркизму, некоторые считали его недостаточно практичным. Джемал-Паша говорил, например: "Лично я себя считаю прежде всего

"османлы", османином, но я не могу забыть и того, что я турок (тюрк), и ничто не может поколебать моей уверенности в том, что тюркская раса является краеугольным камнем Османской империи... В своих истоках Османская империя – это тюркское творение"¹⁷⁴.

Так или иначе, тот триумфизм, который определял политику Турции предвоенного и военного периода и в который входили Энвер-Паша, Талат и Джемал, в конечном итоге склонялся к пантюркизму. Наиболее последовательным в этом отношении был Энвер-Паша (1881 – 1922). В главе, посвященной событиям в России в 1917 – 1922 годах и тем испытаниям, каким подверглась идеология пантюркизма в ходе революции и гражданской войны на национальных окраинах бывшей Российской империи, мы еще вернемся к этому имени и попытаемся раскрыть ту роль, которую сыграл Энвер-Паша, как идеолог и организатор движения пантюркизма, военачальник и борец, в судьбе тюркских народов Закавказья и Средней Азии. Здесь же мы остановимся лишь на становлении личности, формировании взглядов Энвера-Паши и раннем этапе его государственной деятельности в Турции, который охватывает десятилетие между 1908 и 1918 годами.

Надо отметить, что в оценке этого человека долгое время существовали поразительные контрасты разных мнений – от высочайшего признания его заслуг до грубых нападок и злостных измышлений, превращающих его в чудовищного политического монстра. В последнем направлении особые старания прилагала советская печать. Не жалели черных красок для его характеристики армянские авторы, как работавшие в советской и постсоветской Армении, так и представляющие армянскую диаспору в Европе и в России. В Турции имя Энвера-Паши было окружено глубоким народным уважением, хотя после 1923 года это уважение было скорее скрытым, нежели явным, ибо политическая программа Кемаля Ататюрка не совпадала с воинствующим пантюркизмом Энвера-Паши и на высоком пьедестале государственного культа Энверу не было места рядом с Кемалем Ататюрком. Европейская общественность узнала многие подробности о жизни и деятельности Энвера-Паши только после издания в Париже в 1948 году книги французского писателя Андре Мальро¹⁷⁵. Отец Мальро, эльзасец, перед Первой мировой войной шесть лет работал в Германском посольстве в Стамбуле, был близок с Энвером и хорошо знал, какое сильное влияние на того имеет идея единства народов Турана. Еще до начала Ливийской войны (1911 –

¹⁷⁴ *Djemal Pasha. Memories of a Turkish statesman, 1913 – 1919. P. 252.*

¹⁷⁵ *Malraux Andre. Les Noyers de l'Altenburg. N.p. [Paris], 1948.*

1912) Энвер-Паша примкнул к кругу младотурок. Уже в тот период он был вдохновлен идеей родства и необходимого единения всех тюркских народов от Эдирны (Адрианополя) до Китая, проживающих в пространстве, соединенным Великим шелковым путем. Он считал, что ни Греция, ни Сербия не имеют права на свою независимость до тех пор, пока не будет создана Тюркская империя со столицей в Самарканде. Эмиссары Энвера имели контакты с бухарским эмиром, с правителями Афганистана, с ханами российского Туркестана. Мальро-отец после своей поездки в Афганистан сильно усомнился в реальном существовании единого Турана, но Энвер-Паша, для которого Туран стал идеей-фикс, и слышать не хотел ни о каких сомнениях. И хотя часть воззрений Энвера-Паши, например, мечта о Тюркской империи со столицей в Самарканде, выглядела явно фантастичной, он предпринимал и вполне конкретные шаги к реализации концепции пантюркизма. Текин Альп, приехавший в 1912 году из Салоник в Стамбул и установивший тесные связи с младотурками, сообщает, в частности, что Энвер вошел в прямой контакт с наиболее яркими фигурами тюркского мира за границами Турции, в частности, с Исмаилом Гаспринским, с Фатихом Керимовым и с Анифом Керимовым. Известно, что незадолго до начала первой мировой войны Энвер создал тайную организацию, действующую как служба внешней разведки и пропаганды – "Тешкилат-и махсуса" (Teşkilât-ı mahsusa – Специальная организация), которая до конца войны находилась под его контролем. Ее "агенты" – офицеры турецкой армии – были тесно связаны с организациями, представляющими национально-освободительные движения тюркских народов вели пропаганду пантюркизма и панисламизма за границами Турции, главным образом, среди тюркских народов. Деятельность этой организации отражена в мемуарах ее агентов и в исследованиях, опубликованных в конце 1960-х – в 1970-х гг. как на турецком языке в Стамбуле, так и на английском языке на страницах издававшегося в Салониках журнала "Балканские исследования" ("Balkan Studies", 1975, XVI, 2).

Эта организация действовала независимо от агентурной сети Талата, бывшего тогда Министром внутренних дел, а также во взаимодействии с ней. В период Первой мировой войны агенты, пропагандирующие пантюркизм, направлялись в Иран, Афганистан, Индию. Российские источники и советские авторы говорят о том, что ими "кише́ло" Закавказье¹⁷⁶.

¹⁷⁶ См., например: Е.К. Саркисян. *Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье*. Ереван, 1962.

Германская дипломатия всячески поддерживала пантюркизм как средство вовлечения Турции в войну против России. Германский посол в Турции фон Вангенгейм в доверительном письме Великому Визирю от 6 августа 1914 года прямо говорил, что Германия заинтересована (и будет тому содействовать) в расширении границ Турции на востоке, с тем, чтобы Турция оказалась в непосредственных контактах с родственными ей тюркскими народами – мусульманами России"¹⁷⁷.

Конечно, Германия была заинтересована в распространении пантюркизма в целях ослабления России, но было бы преувеличением и упрощением утверждать, будто пантюркизм был изобретением или орудием германской политики на Востоке. Пантюркизм давал идеологическое обоснование вступлению Турции в Первую мировую войну, выявлял в качестве цели этой войны освобождение тюркских народов и восстановление "естественных границ" Турции, охватывающих все регионы проживания "тюркской расы". Парадокс заключался в том, что и Россия считала своими "естественными" границами весь ареал тюркского мира и стремилась захватить Босфор и Дарданеллы или "освободить" Константинополь, также ссылаясь на аргументы лояльного самодержавию тюркизма.

Шейхуль-Ислам, объявляя "джихад" – войну против неверных, формально стоял на позициях панисламизма, но неслучайно и он особо упоминал среди мусульман, которые должны сплотиться в этой войне и выступить единым фронтом, народы Крыма, Казани, Туркестана, Бухары, Хивы. Далее шло перечисление других стран и даже континентов вплоть до Индии, Китая, Афганистана, Персии, Африки, но тюркские регионы стояли на первом месте¹⁷⁸. Таким образом, мы имеем дело с постоянными комбинациями пантюркизма и панисламизма.

Переходом от слов к делу было вторжение Турции в Закавказье (конец 1914 – начало 1915 гг.). Энвер, бывший тогда военным министром, играл ключевую роль в принятии этого решения, которое в полной мере соответствовало его убеждениям и общей идеологии пантюркизма. Последующее изгнание армян, сопровождавшееся жесткими мерами, было также мотивировано необходимостью "очистить" регион от нетюркского населения, обеспечить единство "тюркской зоны". Со своей стороны царское правительство еще до

¹⁷⁷ Текст этого письма Карл Мюльман приводит в своей книге "Германия и Турция в 1913-1914 гг.", появившейся в Берлине уже в 1929 г. : Carl Mühlmann. *Deutschland und die Türkei. 1913 – 1914*. Berlin, 1929

¹⁷⁸ La Turquie, 1914, 26 November.

войны поддерживало армянских "автономистов" с целью противодействия пантюркизму и борьбы с ним.

В 1914 и 1915 гг. тысячи специальных изданий, памфлетов, листовок пантюркистской и исламистской ориентации распространялись в Афганистане, в российском и китайском Туркестане.

Представители тюркских народов России обращались к своим "сородичам" – народам Китайского Туркестана – с призывом поддержать Турцию.

О том, насколько велико было значение пантюркизма для Турции в этот период, насколько эта концепция определяла и политику, и военную стратегию Турции в годы Первой мировой войны, свидетельствует тот факт, что когда в 1917-1918 годах верховное командование Османской империи оказалось перед выбором – сконцентрировать свои силы в Сирии и Месопотамии – на том фронте, где возникла серьезная угроза, или направить их в тюркский регион охваченной революционным кризисом России – в Азербайджан, турецкое руководство, по всей видимости по настоянию самого Энвера, приняло решение ввести войска (шесть турецких дивизий) в Баку. Эта кампания была проведена вполне успешно, но разгром ослабленных таким образом турецких сил в Сирии и Месопотамии поставил под вопрос существование самой Османской империи и предопределил ее крах. Можно сказать, что Османская империя пожертвовала собой ради поддержки тюркских собратьев, во имя реализации концепции пантюркизма.

6. Пантюркизм и национальные движения 1917 – 1922 годов в регионах бывшей Российской империи: испытание революцией и гражданской войной

Если свержение царского режима приветствовали практически все тюркские народы России, то в их отношении к Временному правительству (в условиях продолжающейся войны с Турцией, экспедиции российских войск на территории Азербайджана), к различным "сторонам" в последующей гражданской войне, в том числе и к советской власти и коммунистическому режиму не было единодушия и единства. Некоторые национальные группы и партии, представляющие тюрко-мусульманское население России, поддерживали большевиков. Цель новой власти заключалась в том, чтобы удержать нерусские народы, в том числе и многомиллионное тюркское население, в составе нового коммунистического государства, довольно

быстро, к 1922 году, перестроившегося из "Российской Федерации" в "СССР" с претензиями на всю Среднюю Азию и Закавказье. Тем не менее нельзя недооценивать стремления тюркских народов к свободе и их отчаянной борьбы за самостоятельность, которая разворачивалась повсюду – и на Волге, и на Урале, и в Крыму, и на Кавказе, и в Средней Азии, и имела трагические последствия в связи с поражением национальных движений.

Национально-освободительные движения всех народов России переживают огромный подъем в эпоху Февральской революции 1917 года. Падение монархии, бывшее практической (не всегда декларируемой прямо в условиях самодержавного гнета и тотальной цензуры) целью этих движений, не только не знаменовало их конца в связи с достижением этой цели или спада, но напротив, стало катализатором нарастающей активности. Перед активистами и лидерами национальных движений (а в условиях широкого вовлечения в эти движения трудящихся масс можно сказать: перед угнетенными народами бывшей империи, ощутившими реальную перспективу освобождения) встали сложнейшие вопросы дальнейшей социальной и политической организации государства-нации (свергнувшей самодержавие России) и каждой этнической составляющей этого гигантского целого (каждого этноса, народа) и/или отдельных регионов, территорий, как правило, населенных множеством этносов, но имеющих и некоторую общность культуры, "исторической судьбы", а также совокупных общностей нескольких народов, придающих особое значение своей лингвокультурной близости, генетическому родству, географическому соседству и т.п. Ясности в решении этих вопросов не было, каждая из влиятельных политических партий и сил, обладавших властью в России или стремящихся к власти в том или ином масштабе и с той или иной мерой применения революционного насилия, имела собственные подходы и программы нынешнего и будущего "обустройства" страны и решения "национальных вопросов". В этой ситуации диалог между идеологами пантюркизма, делавшими главный акцент на общности интересов и перспектив развития всех тюркских народов, на необходимости объединения их усилий в борьбе за свои права и на выработке моделей "общего пути", общетюркского в мировом масштабе или общетюркских в их региональных измерениях и вариантах (в Урало-Поволжье, в Средней Азии, на Кавказе и т.д.) государств или федераций, с одной стороны, и идеологами узких национальных движений, считавших возможным опираться только на собственные силы "своей нации" и не склонных преувеличивать шансы сплочения и солидарности разных народов, с другой стороны, приобрел новую остроту. Этот диалог развивался на фоне постоянно противостоящей обеим идеологиям (и пантюркизму, и национализму

отдельных направлений) "унитарной" концепции государственного устройства "единой и неделимой России", поглощающей все проживающие в ее пределах народы и претендующей на все их территории. Для сторонников прежнего режима, монархистов, участников и лидеров "белогвардейского движения", активно наступавшего на все районы "национальной периферии", включая и земли тюркских народов, в годы гражданской войны под знаменем восстановления самодержавия, эта концепция сводилась к защите статус-кво в административном устройстве разделенной на губернии России и в полном отказе ее народам в праве на самоопределение. В новом, большевистском варианте эта концепция означала создание единого государства (с перспективой его превращение в "мировую Республику Советов"), построенного по принципу жесткой властной вертикали, полного подчинения всех регионов "центру", но охотно допускающего при этом новую национальную окраску этих регионов, которые переставали быть губерниями и уездами (названными по именам их центров – российских городов), а становились разного рода и ранга советскими (впоследствии союзными), автономными республиками, федерациями этих республик, автономными областями, округами и так далее, что вносило изменения в государственную лексику, но несколько не меняло по сути унитарного устройства страны. На смену демагогии старого образца (о процветании великой России и благоденствии всех подданных российского самодержца) приходила новая демагогия, густо замешанная на лозунгах "пролетарского интернационализма", "равноправия всех народов" и даже "права наций на самоопределение", что не мешало новому, большевистскому режиму, установившемуся после октябрьского переворота 1917 года, вести жестокие кровопролитные войны против всех народов, попытавшихся воспользоваться этим правом, в том числе против финнов, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, украинцев, грузин, азербайджанцев и многих других, только к счастью одних и несчастью других с неодинаковым успехом.

Отсутствие у тюркских народов в этот период единого, общепризнанного лидера, их раздробленность по разным регионам, недостаточно тесно связанным друг с другом, соперничество их национальных элит, некоторое общее разочарование в эффективности того либерального тюркизма, который терял свои позиции еще задолго до революционных потрясений 1917 года, обусловили преобладание в этот период в тюркском мире бывшей Российской империи центробежных сил разных, не объединенных друг с другом национальных движений, пытавшихся решить собственные проблемы независимо друг от друга, а иногда и в явно обозначившейся конфронтации, фактически за счет (земель, престижа, уровня

государственного самоопределения) друг друга. В этом была главная причина слабости и того, что национально-освободительные движения тюркских народов той эпохи, что началась ранней весной 1917 года, одно за другим были сломлены, задавлены, объявлены враждебными народу явлениями "буржуазного национализма", и весь тюркский мир, входивший прежде в состав царской России, (за исключением крошечных колоний польских татар или татар, проживающих в Финляндии) был заново охвачен железными оковами новой, советской империи, получившей в конце 1922 года официальный статус Союза Советских Социалистических республик, которому была отмерена на огромных евразийских просторах почти 70-тилетняя история (до конца 1991 года). За 70 лет этот тюркский мир Советского Союза значительно вырос, составив весомую часть гигантской, простирающейся на шестой части земной суши державы (к естественному высокому приросту тюркского населения добавились и факторы советской экспансии, которые нашли выражение, в частности, в присоединении к Советскому Союзу в 1940 году бессарабских земель, населенных гагаузами, а в 1944 году – Тувинской Народной республики, ставшей сначала автономной областью в составе Красноярского края, а с 1961 года – Тувинской АССР).

Однако позиции пантюркизма, в целом, как уже сказано, заметно ослабленные, все же проявлялись и в общественной мысли, и в конкретной политической практике революционного (последовавшего за февралем 1917 года и охватившего все бури гражданской войны) периода. Многие важнейшие структуры общероссийского уровня, называвшиеся, впрочем, по сложившейся традиции не "тюркскими", а "мусульманскими" (мусульманские съезды, мусульманские гражданские и военные институты, коллегии, депутатские фракции, комитеты, органы печати), представляли собой тот реальный продукт идеологии и организационной практики еще дореволюционного пантюркизма, форма которого наполнялась новым содержанием революционной эпохи и иногда менялась, а иногда и ломалась под натиском этого нового содержания. Устойчивые представления о единстве тюрко-мусульманского мира оказывали также определенное влияние не только на внешнюю риторику, но и на политику тех сил, которые появились на революционной арене. Так, большевики и в 1917 году, и еще долго после захвата ими власти предпочитали обращаться к "трудящимся мусульманского Востока" в целом, предполагая наличие такого монолита и рассчитывая перетянуть его на свою сторону в политической борьбе. Еще сильнее некоторые стереотипы единения, братства, сходства тюркских народов, выработанные на идеологической основе пантюркизма, проявлялись на региональном уровне: и в моделях государственного строительства (например, объединенной Башкиро-

Татарской республики, объединенного Туркестана, объединяющей все народы Северного Кавказа Горской республики, и т.п.), и в некоторых теориях, и в политических актах и выступлениях, включая военные действия объединенных сил, не было жесткого национального размежевания, преобладали стремления выступать если не от имени всех тюрков (всех мусульман) мира или всех тюрков (всех мусульман) России, то по крайней мере от имени сплоченных групп тюрко-мусульманских народностей Юга, Урало-Поволжья, Средней Азии, Закавказья и других регионов, без дробного этнического членения этих регионов и блоков. В связи с этим многие государственные деятели и деятели культуры той поры, даже независимо от их политической ориентации и платформы, еще вписывались в историю не столько как представители одной этнической группы, сколько как духовные лидеры целой совокупности тюрко-мусульманских этносов нескольких или по крайней мере одного региона. Однако всем этим явным и скрытым объединительным тенденциям, восходящим по своей форме и содержанию к основам пантюркизма, сильнейший удар наносили разъединительные тенденции, размывавшие основы идеологии пантюркизма и уже явно преобладавшие в период революционных переворотов и гражданской войны.

Трудность анализа того периода заключается в том, что практически все национальные движения и партии, возродившиеся, созданные заново, заявившие о себе в 1917 году и в последующие годы во всех частях тюркского мира от Алтая и казахских степей до

Средней Азии, Башкирии, Татарстана, Азербайджана и Крыма, стали объектом идеологической атаки и государственного террора в годы сталинской диктатуры. В литературе советского периода они были представлены как "очаги" клерикально-феодалного, реакционно-консервативного национализма, панисламизма и пантюркизма. Тот факт, что на деле в этих партиях ведущую роль играли наиболее прогрессивные представители тюрко-татарской интеллигенции, воспитанные на лучших традициях джадидизма, совершенно не принимался во внимание и искажался системой фальсификаций и проклятий, обрушивавшихся на головы всех "националистов". Между тем, существенная разница обозначилась между теми из них, кто действительно принадлежал к "националистам" (в этот термин мы не вкладываем никакого одиозного звучания) и рассчитывал только на национальные силы собственного народа в борьбе за его права, и теми, кто решающее значение придавал солидарности, объединению этих народов на позициях пантюркизма, так же, как весьма заметной была разница между теми, кто был очень скромно и ограничен в политических претензиях, добываясь для своего народа (или своих народов) всего лишь некоторой культурной автономии, религиозной

свободы и равноправия в экономических условиях развития, и теми, кто уже очень рано выбрал радикальный путь сецессии, отделения от российского государства, и непримиримой борьбы с любой властью (Временного правительства, монархистских сил белогвардейского движения, большевистских комиссаров), препятствующей политической независимости тюркских народов.

Меняющаяся в наши дни историческая оценка этого периода, включающая признание определенной роли пантюркизма в новых, сложившихся после Февральской революции условиях, отражена в опубликованной в 2002 году (в двух номерах еженедельника "Звезда Поволжья", 2002, 28 марта – 3 апреля; 4 – 10 апреля) статье Д.М. Исхакова "Свет одинокой звезды (Размышления о судьбе татар)", включенной в сборник "Татарская нация: история и современность". Мы позволим себе привести пространную цитату из этой статьи, поскольку она чрезвычайно показательна как признак этой меняющейся оценки и поскольку она насыщена конкретным историческим материалом, подтверждающим динамичное развитие концепции пантюркизма в новых условиях.

"В исторических работах, – пишет Д.М. Исхаков, – общим местом является утверждение, что основоположник идеи тюрко-татарской нации (тюрко-татарского единства) И. Гаспринский [...] потерпел поражение в начале XX в., когда российские тюрки отказались от формирования общего литературного языка в пользу отдельных (национальных) литературных языков. В таком заключении доля правды есть, но оно отнюдь не исчерпывает содержания этого сложнейшего процесса [...] динамика самого тюрко-мусульманского сообщества России в начале XX в. была отнюдь не такой простой, как это зачастую трактуется. Скажем, когда после Февральской революции 1917 г. на I Всероссийском мусульманском съезде (Москва, май 1917 г.) была принята концепция "двойной автономии" (территориальной с элементами национально-культурной автономии), она предполагала не только создание местных (региональных, национальных) структур управления и власти, но и общего для всех тюрко-мусульман центрального органа. Последний должен был обеспечивать единство действий российских тюрко-мусульман, вести их духовно-культурные дела (религия, образование и т.д.), в пределах своей компетенции выполняя функцию своеобразного "мусульманского" парламента (предполагалось даже издание законов по определенным направлениям). Такой орган в зачаточном виде был создан – это Всероссийский мусульманский совет (шура) во главе с исполкомом [...] который, однако, в условиях революционной неразберихи, потери контакта с регионами не смог приступить к полноценной деятельности (в основном его до роспуска в мае 1918 г. большевиками финансово

поддерживали только татары). Тем не менее он определенное время выполнял функцию общего центрального органа для тюрко-мусульман. Об этом свидетельствует следующий пример. После того как на II Всероссийском общемусульманском съезде (Казань, июль 1917 г.), на котором большинство составляли татары, было принято решение о национально-культурной автономии для "мусульман внутренней России и Сибири", специальное "Обращение" по этому поводу (оно содержало юридический механизм реализации [этого] решения) в адрес Временного правительства было отправлено за подписью Председателя исполкома Всероссийского мусульманского совета А. Цаликова.

Приход большевиков к власти изменил ситуацию, но не во всем. Об этом говорит вынужденное формирование ими целой череды "перетекавших" друг в друга "мусульманских" структур (январь 1918 г. – Центральный мусульманский социалистический комиссариат; март 1918 г. – Центральный мусульманский социалистический комитет; июнь 1918 г. – Российская мусульманская коммунистическая партия; ноябрь 1919 г. – Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций).

Созывались и игравшие существенную политическую роль "Всероссийские съезды коммунистических организаций народов Востока" (1-й – в ноябре 1918 г., 2-й – в ноябре 1919 г.). Не говорит ли все это о том, что "тело" тюрко-мусульманской нации, несмотря на все трансформации, было тогда живо?"¹⁷⁹.

Напомним, что термин "мусульманский" для советской власти, не помышлявшей ни о каком возрождении мусульманской религии, так же, как понятие "Восток" ("трудящиеся Востока", "мусульмане Востока") были своего рода эвфемизмами, за которыми скрывалось совершенно четкое представление о единстве тюркских мусульманских народов России. Эта политика совершенно не затрагивала народы, не относящиеся к исламскому ареалу; что же касается "магометан", не имевших отношения к тюркской группе, то они на этих съездах и в этих организациях участвовали, но поскольку численно они составляли незначительное меньшинство (из всех мусульман Средней Азии – только таджики, из всех мусульман европейской территории России – только представители нескольких народов Северного Кавказа), это совершенно не меняло основного, "тюркского" характера данных съездов и организаций.

Национальная программа пришедшего к власти Временного правительства, в основном, определялась программой кадетов. "Вялая" политика в национальном вопросе толкнула в оппозицию даже тех

¹⁷⁹ *Татарская нация: история и современность. Казань, 2002. С. 180-182.*

представителей национальных движений, которые по остальным пунктам программы были с кадетами солидарны. Игнорирование Временным правительством элементарных национальных требований способствовало радикализации национальных движений.

Практически сразу же вслед за февральскими событиями в Петрограде образовалось "Временное центральное бюро российских мусульман", куда вошли члены мусульманской фракции четвертой Государственной Думы. Это бюро начало подготовку к созыву очередного съезда мусульман всей России, возобновив, таким образом, традицию проведения мусульманских съездов, которая была прервана после 1906 года.

В тюрко-мусульманской среде в этот период еще царила эйфория, вызванная стремительным свержением самодержавия. Проходили многочисленные митинги, на которых принимались приветствия Временному правительству. Единственное отчетливое требование, которое выставлялось на этих собраниях и в резолюциях, - заключалось в требовании гарантий обеспечения свободы совести и развития на этой основе национальной (мусульманской) школы. В остальном программы мусульманских движений были довольно расплывчатыми.

Созыву Всероссийского мусульманского съезда предшествуют уездные и губернские мусульманские съезды. Как и следовало ожидать, на них был провозглашен лозунг тюркского и мусульманского единства.

Всероссийский съезд мусульман состоялся в Москве 1-11 мая 1917 года. В его работе участвовало около 800 делегатов. Среди вопросов в повестке дня Съезда были просветительские, нравственные, религиозные (положение женщины-мусульманки, развитие школьной системы, продолжение реформ языка на основе теории Гаспринского и "тюрки" "Терджимана"). Однако в политических резолюциях, при их обсуждении и принятии, обнаружились серьезные противоречия и раскол съезда.

Самым жгучим вопросом, обсуждению которого депутаты уделили много времени, стал вопрос о будущей форме государственного устройства России.

Большинство делегатов были сторонниками "федералистской платформы", предусматривающей устройство России в качестве федерации разных территорий. Но были и сторонники других решений, верившие в возможность развития тюркских народов в России на основе призрачной "культурной автономии" (без права на территорию).

"Федералисты" представляли новое течение в национально-освободительном движении тюрко-мусульманских народов, которое традиционной программе "романтического" пантюркизма,

рассчитанной на "унитарную" цельность всего российского государственного пространства, противопоставили идею федерализма и тактику сотрудничества с демократическими силами революционной России, вместе с которыми они рассчитывали преобразовать бывшую империю в свободную федерацию, в рамках которой открывались перспективы для развития тюркских народов и их сосуществования с соседями в едином государстве, построенном на началах федерализма.

Впервые на съезде непривычно для многих прозвучало слово "автономия". Парадоксально, но о ней заговорил, еще в период революции 1905 года, панисламист Абдуррашид (Рашид-Казы) Ибрагимов. В книге "Автономия" он доказывал, что она может стать одной из форм решения национального вопроса в России. Тогда это встретило возражения многих лидеров национальных и объединенных программой пантюркизма движений. Так, редактор газеты "Вақыт" ("Время") Фатых Каримов писал: "Если же нас насильно заставят принимать автономию ...нужно отказаться от нее, потому что у нас нет ни одного из условий, необходимых для ее осуществления и использования ..." ¹⁸⁰. Появление таких условий после Февральской революции заставило политиков тюркского мира пересмотреть свое отношение к автономии, и все же у многих из них оставались сомнения в том, сможет ли национально-культурная автономия (без расчленения России на земли по принципу права наций на территориальное самоопределение) обеспечить права тюрков-мусульман в едином (унитарном) российском государстве. Однако, и к развитию событий по сценарию "самоопределения вплоть до отделения", и даже "самоопределения территорий с последующим объединением их в общую федерацию" далеко не все были готовы. Так, например, Ахмед Цаликов высказывал опасения: "Территориальный федерализм ведет к полной децентрализации мусульман" ¹⁸¹. Полемика на съезде все же завершилась победой федералистов.

В резолюции, предложенной М.Э. Расул-Заде и принятой съездом, было записано: "Всероссийский мусульманский съезд [...] постановил признать, что формой гос[ударственного] устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских

¹⁸⁰ Цитировано по книге: Ибрагимов Галимжан. *Татары в революции 1905 года.* Казань, 1926. С. 236.

¹⁸¹ Цитировано по книге: *Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России в XX в. Том 3, 1917 февраль-октябрь.* М., 1930. С. 295.

народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах" ¹⁸².

Данное решение делегаты съезда еще пытались увязать с традиционной платформой пантюркизма, строившейся из представлений об общих интересах и культурной близости тюркских народов, проживающих в одном государстве. Характерно, что на том же съезде по предложению Гаяза Исхакова (Аяза Исхаки) была принята резолюция "о языке", в которой говорилось, что "преподавание и последних классов средней, а так же высшая школа должны были быть построены на общетюркском языке" ¹⁸³. Федерация все еще мыслилась как единое государство, в котором предполагается действие общих для разных территорий законов и правил.

Вместе с тем идея федерации развивалась в этот период в сложном взаимодействии (столкновениях и компромиссах) с концепцией автономии, акцептированной российским пантюркизмом эпохи Февральской революции. Автономия внутри единого (унитарного) российского государства, казалось бы, давала меньше возможностей для обеспечения прав и интересов тюрко-мусульманских народов, для реализации программ отдельных национальных движений, но была ближе основополагающим принципам либерального пантюркизма, основанным на представлении об общности судьбы всех тюркских и мусульманских народов в составе российского государства, и политические деятели новой эпохи старались максимально наполнить концепцию автономии широкой демократической программой, рассчитанной на свободное развитие тюрко-мусульманских народов в России и их дальнейшее сплочение, во всяком случае в региональном измерении и в рамках отдельных автономий.

По сути, всероссийский съезд мусульман не смог выработать плана единых действий. Было решено создать Национальный Совет, который в будущем найдет компромисс и сформулирует общие решения. Однако диапазон влияния Национального Совета (в составе которого преобладали татары) оказался крайне ограниченным. Частные соглашения удавалось достичь между отдельными группами тюрко-мусульманских народов: весь тюркский мир они не охватывали, и каждый из народов все более уходил в собственные национальные проблемы, касавшиеся устройства его территории и взаимоотношений с

¹⁸² Там же. С. 295.

¹⁸³ Цитировано по источнику: Ожерельева З.Г., Петушкова М.А., Черная Н.И. Библиография Турции (литература на русском языке: 1976-1990) М., 1992. Депонировано в ИНИОН РАН. № 44199 // Восток, 1993. С. 206.

центральным правительством России. Механизмы общетюркского единения не действовали. Сказывалась как географическая удаленность разных тюркских групп друг от друга, так и различия конкретных интересов, стереотипов, представлений и целей национальных движений. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем это позволило "центру" (к тому времени уже большевистскому) разбить, поработить, обмануть тюркские народы по одиночке, ослепив их фейерверком игрушечных "советских автономий", обманув их сладостью обещаний, сыграв на личном самолюбии их лидеров, получивших "из рук Советской власти" престижный статус руководителей (тогда еще не Президентов) по сути бесправных и мелких республик, посыпавшихся, как из рога изобилия, на геополитическую карту страны и, главное, противопоставить их друг другу в изматывающей борьбе за права (между автономиями и республиками разного ранга), за кусочки разрезанной территории, за исправление провокационно проведенных границ, посеяв семена раздора и заложив долго действующие противоречия не только между народами разных лингвокультурных общностей или разных вероисповеданий (например, между азербайджанцами и армянами, таджиками и узбеками, кабардинцами и балкарцами, ингушами и осетинами), но и внутри единого тюркомусульманского мира (между татарами и башкирами, узбеками и киргизами, ногайцами и карачаевцами, ногайцами и кумыками и так далее – от латентных конфликтов, глухого постоянного раздражения, частных недоразумений до истребительного безумия трагических событий в Оше или в Ферганской долине конца 1980-х годов).

Бессилие съезда вызвало на местах разочарование в нем и рост местного патриотизма, в том числе в Азербайджане, Киргизии, Башкортостане.

2-й Всероссийский мусульманский конгресс, проходивший в Казани в июле 1917 года (одновременно с заседанием там же "Военного Совета магометан всей России" и с Всероссийским съездом мулл – представителей мусульманского духовенства) из-за отсутствия достаточного количества делегатов из Крыма, Кавказа и из Туркестана занимался главным образом вопросами, которые касались мусульман Поволжья, Урала и Сибири; он провозгласил национальную автономию мусульман (тюрко-татар) внутренней России (имелся в виду волжско-уральский регион с преобладанием татарского и башкирского населения) и Сибири и объявил, что выбор государственной формы для Туркестана, Кавказа и Крыма будет зависеть от решения местного, проживающего там, коренного населения. Съезд магометанского духовенства России открылся 18/31 июля 1917 года под председательством муфтия Идель-Урала Алимджана Баруди в присутствии 200 делегатов из Волго-Уральского региона, Кавказа,

Сибири, Туркестана и Крыма. Он принял решение, направленное на объединение религиозной жизни всех мусульман России. В нем, по свидетельству Аяза Исхаки, предусматривалась совместная встреча в Уфе муфтия Идель-Урала Алимджана Баруди, таврического муфтия Челеби Джихана и представителей высшего духовенства Туркестана. Они должны были обеспечить религиозное единство мусульман России.

Осенью в Уфе созывается первое "Национальное собрание мусульман" объявленной на 2-м съезде автономии. Менявшаяся на глазах ситуация вынуждает членов "Национального собрания" принять решение о необходимости организации теперь уже территориальной автономии тюрко-татар, населяющих области Волги и Урала, а именно провозгласить создание "Идель-Уральского штата (или штатов)".

Однако, с такой постановкой вопроса не согласились депутаты от башкир, начавшие борьбу с "общемусульманским движением" еще на первом съезде мусульман России. Их обращение о создании "башкирской автономии" в тот момент "было встречено лишь смехом". В ответ башкирские делегаты покинули форум и созвали Всебашкирский съезд, на котором был образован башкирский "Национальный совет". Действия башкир наглядно свидетельствуют о том, каким серьезным испытаниям в этот период подвергалась идеология пантюркизма, приходящая в противоречие с национальным эгоизмом, за которым стояли не только представления различных этнических групп о собственных задачах и путях исторического развития, но также интересы их политических элит, почувствовавших возможность обретения собственной власти и не желающих делить ее ни с кем из ближних или дальних соседей, в том числе братьев "по вере" и "по крови". Надо отметить, что на этом эгоизме прекрасно сумел сыграть, используя его в своих целях, коммунистический режим, уже начинавший свое "победное шествие советской власти" по тюрко-мусульманским регионам страны с осени 1917 года. "Разделяя" мусульман (татар и башкир, народы Северного Кавказа, народы Средней Азии), большевики создавали плацдарм для достижения и поддержания собственной власти над этими народами и регионами.

Особый интерес в этой связи представляет анализ тех национальных движений тюркских мусульманских народов России, которые оказались в большевистском идеологическом капкане: отказавшись от установки на солидарность и единение с другими тюрко-мусульманскими народами (и в общероссийском, и в региональном масштабе), рассчитывая в новой ситуации как можно больше получить лично для себя и преувеличивая внутренние разногласия (обиды, расхождения во взглядах, элементы недостаточного взаимного понимания) со своими соседями и в целом внутри тюрко-мусульманского мира, они, оказавшись в одиночестве,

вынуждены были капитулировать перед советской властью и ее национальной политикой. Некоторые лидеры таких движений встали на путь конформизма, превратились в послушных исполнительных функционеров – проводников политики "центра" в национальных регионах, из которой с каждым годом все более цинично изгонялась даже видимость заботы о национальных интересах тюркских (и других) народов "Страны Советов", о правах "трудящихся мусульман" (и других верующих). Иные из этих лидеров пережили (раньше или позже) горечь прозрения и раскаяния, и потеряв все, что открывала перед ними в 1917-1918 годах ими же отвергнутая перспектива общетюркского единения, уже в иных условиях, чаще всего в эмиграции, пытались объяснить свои ошибки и возвращались к запоздалому переосмыслению позитивного потенциала пантюркизма.

Этот процесс мы можем проследить на примере башкирского движения за автономию и подверженной противоречиям и смене парадигм позиции лидера этого движения Ахмеда-Заки Валиди.

Обладая выдающимися личными качествами организатора, идеолога, национального лидера и вождя, Валиди оказал сильное влияние на башкирское национальное движение переломного революционного периода. Современники характеризовали его как одного из тех "самородков", которые появляются раз в столетие: - "Человек без цельного воспитания и образования ... сумел встать во главе национально-освободительного движения целой народности"¹⁸⁴. В юности он самостоятельно изучал историю тюркских народов, был хорошо знаком с сочинениями Исмаила Гаспринского. Свой первый политический опыт он получил в работе мусульманской фракции Государственной Думы, к которой он был привлечен в качестве знающего эксперта. К 1917 году его авторитет среди собственных, башкирских соотечественников и среди соратников по общему тюрко-мусульманскому движению был уже весьма высок. В мае 1917 года, вернувшись из Москвы с Первого Всероссийского мусульманского съезда, Валиди и его единомышленники развернули пропаганду идеи национально-территориальной автономии башкир как составной части федеративной России. Съезды башкир, состоявшиеся в июне и августе 1917 года, рассматривали вопросы, связанные с организацией структур будущей автономии. Образовав "Башкирское центральное (областное) "Шуро" (Совет), с местом пребывания в Оренбурге, делегаты тем самым передали этому органу необходимые полномочия по обеспечению интересов башкирского народа.

¹⁸⁴ Цитировано по книге: Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман - тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1994 Книга 1, С. 381.

После Октябрьской революции, в соответствии с провозглашенным новой властью "правом наций на самоопределение", - "Шуро" издает декрет с оценкой обещаний Советского правительства и изложением собственных позиций. В середине ноября (по старому - стилю) было принято постановление о провозглашении "автономии Башкортостана". Проходивший 8-20 декабря 1917 года "Всебашкирский учредительный курултай" закрепил достигнутое, сформировав национальное правительство. Казалось, свершилось то, что еще недавно трудно было предположить в самых смелых прогнозах: "Автономный Башкортостан вошел в состав России как один из федеративных штатов" ¹⁸⁵. Однако, как показали события зимы 1918 года, а именно установление в Оренбурге советской власти, отнюдь не собиравшейся претворять здесь в жизнь какой бы то ни было проект "башкирской автономии", и арест А.-З. Валиди, который, как и следовало предполагать, пришелся этой власти "не ко двору", изменили настроения участников и лидера башкирского национального движения. Теперь им приходилось связывать свои надежды на башкирскую автономию уже не с большевиками и Советами, а с "белым движением", набиравшим силу на Урале под предводительством Колчака. Однако, к национальным надеждам и чаяниям башкир руководители этого движения были еще более глухи и равнодушны, хотя и не отказывались использовать башкирские вооруженные отряды в своих собственных тактических целях. В начале апреля казакам, действовавшим совместно с башкирскими отрядами, удалось отбить у Советов Оренбург.

А.-З. Валиди вновь выходит здесь на политическую арену и становится одним из министров "Временного Башкирского правительства", сформированного 7 апреля 1918 года и избравшего местом своей резиденции Челябинск.

Вскоре, однако, оказалось, что с белогвардейским движением "Башкирскому правительству" не по пути, и как пишет Ахмед-Заки Валиди в своих воспоминаниях, "...генералы, поддерживаемые союзниками, ставшие в то время хозяевами положения, начали пропаганду в целях установления диктаторского режима [...] 21 ноября он [Колчак] объявил указы о ликвидации Казахского и Башкирского

¹⁸⁵ См.: *Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. (Башкирское национальное движение). Составитель и ответственный редактор М.Н. Губогло. Том 2. М., 1992. С. 26.*

правительств и о роспуске войск ..." ¹⁸⁶. Подобные действия "Верховного правителя России" и усилившаяся агитационная работа большевиков, вновь расточающих обещания автономии для башкир, приводят к тому, что в колебаниях башкирского национального движения наступает новый поворот, и оно опять склоняется к возможности сотрудничества с советской властью. Такое решение было принято Башкирским правительством на заседании в селе Темясово 16 февраля 1919 года. С 18 февраля начинается пятнадцатимесячный период сотрудничества с большевиками. (В этот период А.-З. Валиди не раз встречался с Лениным, Троцким и Сталиным и возглавлял все переговоры с "центром" и всю работу по созданию Башкирской автономии). Было достигнуто "Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии"; началось формирование национальной армии, подготовка к выборам в парламент; при правительстве действовал отдел внешних сношений, то есть автономия строилась (во всяком случае, в идеале – в мечтах ее руководителей, в тех выводах, какие они делали из соглашений с "Центром") как демократическое государство самоопределившегося народа ¹⁸⁷. Совершенно по-другому, как оказалось, оценивали перспективы башкирской автономии в Москве. - Сначала там делали ставку на объединенную "Татбашреспублику": как ни странно, вытекающая из идеологии пантюркизма идея татаро-башкирского государственного объединения нашла на первых порах поддержку у советского руководства, и уже трудно сказать, сколько было в этой временной поддержке от сознательной спекуляции на лозунгах пантюркизма, сколько – от расчетов еще более обострить наметившиеся татаро-башкирские противоречия в рамках общей автономии, сколько – от незнания (плохого знания) ситуации, а сколько от влияния на Ленина, Сталина и их окружение татарских "товарищей", которые долгое время на совместной автономии настаивали. Ничего из этого проекта, однако, не получилось (поразительно, но Татбашреспублика в 1918-1919 годах существовала как некий фантом в сознании общественности, даже получивший отражение в литературе и журналистике того времени, но не имевший никакой юридической основы и реальных органов власти), идущее из Москвы (и поддержанное башкирами!) стремление "разделить" башкирский и татарский народы, раз и навсегда истребить перспективу создания

¹⁸⁶ Цитировано по книге: *История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность. (Первые Валидовские чтения): Материалы международной научной конференции, 22-24 сентября 1992г., Уфа. Уфа, 1992. С. 10.*

¹⁸⁷ Там же. С. 11.

каких бы то ни было "Идель-Урал штатов" окончательно приняло форму организации двух независимых друг от друга автономных республик – Башкирской и Татарской (первым было принято 19 мая 1920 года постановление "О государственном устройстве Башкирской АССР"¹⁸⁸, затем, 20 мая 1920 года, – о создании Татарской АССР). Разочарование наступило очень скоро (хотя для официальной критики "ленинских декретов" атмосфера в Советской России уже в 1920 году была мало благоприятной, не говоря уже об однозначно позитивной трактовке этих декретов в советской историографии и политологии последующих семи десятилетий). Только после 1991 года официальная башкирская историография обнаружила и объявила, что постановление от 19 мая 1920 года "О государственном устройстве Башкирской АССР" принималось без учета мнения башкир, перечеркивало "Соглашение" 1919 года, значительно сужало рамки суверенитета Башкортостана путем передачи ряда его полномочий в распоряжение Центра, а также вносило постоянный фактор раздражения в татаро-башкирские отношения в результате такого проведения административных границ между этими республиками, при котором многие "татарские территории" оказались в составе Башкортостана, "башкирские земли" оказались в составе других областей и республик, башкирский этнос оказался в населении Башкирской АССР в численном меньшинстве и были туго закручены еще многие другие узлы экономических, демографических, национальных противоречий.

А.-З. Валиди был одним из тех, кто понял этот обман и не желал с ним мириться, хотя и ощущал свое бессилие, и горько переживал крах надежд на возможность "решения" национального башкирского вопроса в советской стране и на создание полноценной государственной автономии башкирского народа. Вместе со своими единомышленниками и соратниками по работе в "Башкирском правительстве", продолжавшейся с февраля 1919 по май 1920 года, он подал в отставку, и вскоре вынужден был уехать из Башкортостана в Туркестан. Хотя этот отъезд выглядел еще вполне легально (ни арестовать, ни задержать Валиди советское руководство не решилось), по сути он уже означал начало его долгой, пожизненной эмиграции.

¹⁸⁸ Это постановление не означало создания Башкирской АССР, которая считалась реально существующей уже в 23 марта 1919 года (эту дату отмечали впоследствии как юбилейную в истории башкирской государственности), но определяло ее статус и границы, причем в такой форме, которая на долгие годы оставалась раздражающим фактором, вызывая нарекания и со стороны башкир, и со стороны татар, и со стороны русского населения, проживающего в этом регионе.

Советская власть в Туркестане тогда еще прочно не установилась, и Валиди фактически оказался вне той зоны, на какую распространялась юрисдикция Советской России и ее карательных органов. В сентябре 1920 года во время работы Съезда народов Востока в Баку (где к тому времени силами Красной Армии уже была "восстановлена" советская власть) Валиди тайно приехал сюда и инкогнито присутствовал на заседаниях этого съезда. Лишившись, однако, всяких надежд на перемену курса центральных властей, он вернулся в Туркестан, где участвовал в басмаческом движении, которое стало важнейшей формой вооруженной борьбы, сопротивления тюрко-мусульманских народов большевизму, их политического объединения.

Здесь деятельность Валиди была тесно связана с Тураром Рыскуловым, начавшим формирование партии (тайной организации) "Ерк" (или "Ирк", "Воля"), в программе которой Туркестан рассматривался как независимая от России политическая единица – возможный центр будущего грандиозного "Туранского государства" ¹⁸⁹. Уже сам по себе общетуркестанский характер этой организации свидетельствовал о возвращении ее лидеров к принципам пантюркизма и торжестве этих принципов после того, как попытки реализовать "национальную автономию" и программу одного, изолированного национально-освободительного движения потерпели крах. В апреле 1922 г. в глубоком подполье состоялся съезд мусульманских антибольшевистских организаций, одной из его важнейших резолюций было предложение создать временное правительство Независимой Тюркской республики Туркестан ¹⁹⁰. Партия "Ерк" ("Ирк") заявляла о себе как "политическая организация, которая объединяет революционных рабочих и дехкан" всего Туркестана, то есть широкого тюрко-мусульманского сообщества ¹⁹¹. Свою цель эта партия видела в построении "социализма". Однако, опыт русской революции, говорилось в ее программе, показал, что "пролетариат империалистической нации не может скоро освободиться от взглядов на

¹⁸⁹ См. об этом : Joseph Castagné. *Le Turkestan depuis la révolution russ* (1917 – 1921) // *Revue du Monde Musulman*, Paris, 1922, L. P. 28-73; Baymirza Hayit. *Some Problems of Modern Turkism History*. Düsseldorf, East European Research Institute, 1963.

¹⁹⁰ Я.М. Ландау сообщает об этом факте, ссылаясь на английский перевод этой резолюции в секретном отчете английской разведки от 28 августа 1922 года: Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]. P. 17, 26.

¹⁹¹ Полностью программа партии "Ерк" опубликована в книге: Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). Оксфорд, 1985. С. 106-124.

колонии [...] То поколение пролетариев метрополии, которое унаследовало власть от буржуазии, несмотря на официальное признание прав колоний, на практике ничем не отличается от своей буржуазии"¹⁹². Исходя из этого, социалисты Туркестана, формирующие партию "Ерк", провозглашали необходимость борьбы на два фронта – с империалистами извне, с феодалами и реакционным духовенством внутри Туркестана – и видели свою задачу в создании Туркестанской демократической республики¹⁹³.

Это была та политическая модель, в которой могли быть реализованы в начале 1920-х годов идеалы и программные положения пантюркизма если не во всемирном, то в среднеазиатском масштабе. Военное поражение басмачества, не имевшего в тех трудных (особенно трудных для Турции) условиях достаточной поддержки извне и задавленного в итоге интервенции Красной Армии в Среднюю Азию, не оставило шансов для практического осуществления этой модели.

Подводя, однако, итог той эволюции, какую претерпели и взгляды, и практические дела лидера башкирского национального движения А.-З. Валиди за период с 1917 по 1922 годы (в 1923 году, после поражения басмаческого движения, он вынужден был бежать из Туркестана, и дальнейшая его деятельность протекала уже в "далеком" зарубежье, в Западной Европе и в Турции, в контексте тех обстоятельств, которые предопределяли там функционирование идеологии пантюркизма), можно сказать, что он, хотя и с запозданием, расстался с иллюзиями национального освобождения и государственного самоопределения (наполненной реальным суверенитетом автономии) одного народа без опоры на широкий фронт тюрко-мусульманского единения и, пережив всю горечь поражения в Башкортостане, оказавшемся, и не без его вины, вне волго-уральского тюрко-мусульманского монолита в политической изоляции, вернулся к идеологии объединительного пантюркизма и принял участие в вооруженной борьбе за создание Туркестанской республики как демократического государства всех тюрков-мусульман Средней Азии. К сожалению, военное поражение в этой борьбе к рубежу 1922-23 года было предопределено расстановкой сил между Туркестаном и Советским Союзом, а также вынужденным отстранением Турции от этой борьбы.

Другой исторический пример безнадёжности национально-освободительного движения тюркских народов вне парадигмы объединительного пантюркизма в конкретных политических условиях 1917 – 1922 годов представляет собой судьба так называемых

¹⁹² Там же. С. 118.

¹⁹³ Там же. С. 123-124.

"алашордынцев" – лидеров и членов казахской партии "Алаш-орда", – возникшей в марте 1917 года и названной именем мифического предка казахского народа (возглас "Алаш!" использовался и как его боевой клич). Создателями этой партии были представители казахской интеллигенции начала 20 века (Али Хан Букейханов, Ахмед Байтурсун, Мир Якуб Дулатов, Н.Досмухамедов), близкие по своим политическим взглядам к кадетам (впрочем, проявлявшие симпатии также к социал-демократам – эсерам и меньшевикам), совершенно равнодушные к мусульманской религии (панисламизму) и задачам общетюркского единения (пантюркизму). Их вдохновляла программа "возрождения казахской нации", причем вынашивали они эту программу (без всякой связи с идеологией пантюркизма) еще задолго до Февральской революции, о чем можно судить по историко-публицистической статье Али Хана Букейханова "Киргизы" (так, по старой российской этнографической традиции называли казахов), включенной в сборник, изданный в 1910 году¹⁹⁴. В 1917 году партия "Алаш-орда" провозгласила автономию казахского народа (одноименную с названием этой партии). Пытаясь опереться исключительно на силы казахского народа и не имея никаких "национальных союзников" в тюркском мире (а также никаких "союзников по вере" в мире ислама), творцы молодой автономии очень скоро столкнулись с жестокой постимперской реальностью и драматическими коллизиями гражданской войны. Не имея ни малейших шансов сохранить в этой разрушительной войне "национальный нейтралитет" или уцелеть в одиночку, лидеры "Алаш-орды" были поставлены перед необходимостью встать на ту или иную российскую сторону, сделать выбор между "белыми" и "красными" (одинаково далекими от идеалов национально-освободительной борьбы казахского народа). Сначала они отдали предпочтение "белым" в лице "Комуча" (Комитета членов Учредительного собрания), представленного в этом регионе оренбургским казачеством, с которым в ту пору вступило в альянс и башкирское национальное движение во главе с Ахмедом-Заки Валиди. Большие расстояния казахских степей предопределили создание здесь двух правительств: одного для западных районов, с резиденцией в ауле Джамбейту, которым руководил Н. Досмухамедов; второго – для востока, с местом пребывания в Семипалатинске; его возглавил Али Хан Букейханов. Союз с "белыми" несколько не содействовал, однако, достижению целей "казахского национального возрождения" или

¹⁹⁴ Букейханов А. Киргизы // *Формы национального движения в современных государствах. (Под редакцией А.И. Костелянского). Санкт-Петербург, издание товарищества "Общественная польза", 1910. С. 575-600.*

"казахской автономии", и так же, как башкиры, казахи вскоре разорвали этот временный союз, причем их переход на сторону большевиков сопровождался еще более демонстративной пропагандистской манифестацией со стороны советской власти, объявившей о "неприкосновенности" деятелей "Алаш-орды". Такой манифест подтолкнул этих деятелей к принятию в декабре 1919 года решения о том, чтобы сдаться советской власти. Это была не просто "сдача", но и проведенные в доказательство своей лояльности военные операции: казахи бросили свои регулярные части против своих недавних союзников и помогли Красной Армии выиграть решающие сражения на этом фронте. Это, однако, в дальнейшем не спасло ни казахскую автономию, в которой после всех советских перестроек ничего не осталось от демократических основ "Алаш-орды", ни лидеров этого движения, которых после физической расправы над ними советская историография, по горькой иронии судьбы, рисовала как вожаков "контрреволюционного, пантюркистского и националистического" ¹⁹⁵ движения, ставя все эти три обвинения в один ряд и не обращая внимания на то, что именно с пантюркизмом алашордынцы, может быть, как раз на свою беду не имели ничего общего.

Еще более яркий пример несовпадения концепции пантюркизма с идеологией и практикой национально-освободительного движения в период, открывшийся Февральской революцией (1917) и завершившийся созданием СССР (1922), дает история крымских татар. Молодые лидеры этого движения, выдвинувшиеся на историческую арену в 1917 году (Нуман Челеби Джихан, Джафер Сейдамет и другие), придавали первостепенное значение собственным силам, революционной энергии и организации крымских татар (крымских мусульман), оказавшихся в силу этой политики (а отчасти также в силу особенностей географического положения Крыма и хода гражданской войны в России и Украине) еще более оторванными от других тюркских народов России и вынужденными принимать на себя всю ответственность за государственное переустройство своей родины, освободившейся от самодержавного гнета. Собственных сил для победы как с белогвардейским движением, стремившимся вернуть Крым в лоно прежней "единой и неделимой России", так и с большевистским террором, в конце концов воцарившимся в Крыму, залитом кровью его коренного народа, оказалось недостаточно, а все попытки договориться, защитив интересы крымских татар, с теми, кто представлял иные (русское, украинское) национальные движения,

¹⁹⁵ См.: Бочагов А.К. *Алаш - Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919гг. Кызыл-Орда, 1927.*

чужие государственные интересы (оккупационные власти кайзеровской Германии), международную социал-демократию и коммунистическую диктатуру в ее московском варианте, срывались из-за полного пренебрежения со стороны потенциальных партнеров национальными интересами крымских татар. Даже представители тюркских народов, выдвинувшиеся в эти годы по стечению исторических обстоятельств на первые роли государственных мужей и правителей Крыма (караим Соломон Крым, литовский татарин Сулейман Сулькевич), не проявили себя в качестве последовательных союзников крымских татар, да никогда и не рассматривались в таком качестве ни лидерами крымскотатарского национального движения, ни его участниками, оставаясь совершенно независимо от языковой близости (с караимами) или общности религиозного вероисповедания (с литовскими татарами) чужими крымскотатарскому народу. Эта изоляция, во многом ставшая следствием разрушения "единства в языке, делах и вере", отказа нового поколения лидеров национального движения крымских татар от этой классической парадигмы пантюркизма, оказалась одной из решающих причин поражения этого движения на данном историческом этапе (хотя это поражение произошло не сразу, сопротивление возобновлялось в разных формах, и лидеров "национальной борьбы крымских тюрков" ¹⁹⁶ большевики уничтожали или изгоняли из страны друг за другом, по одиночке, на протяжении многих лет), что, конечно, не помешало потом идеологам советского режима объявить, посмертно и при жизни, всех героев и мучеников этого национального движения не только "буржуазными националистами", но и "пантюркистами", и даже "агентами турецкого империализма", хотя именно в отходе от пантюркизма и в отсутствии эффективного взаимодействия с Турцией заключалась в то время их главная беда.

Напомним в этой связи некоторые факты.

Развернувшаяся по всему Крыму после Февральской революции 1917 года деятельность мусульманских комитетов ("мускомов") завершилась всеобщими выборами в Курултай (Съезд, или Национальное Учредительное собрание всех крымских татар), которые состоялись 17/30 ноября 1917 года. Газета "Миллет" опубликовала в этот день обширную статью своего редактора Асана Сабри Айваза, который раскрывал значение выборов и Курултая и подчеркивал, что крымские тюрки должны теперь создать собственное

¹⁹⁶ Так назвал это движение в своем исследовании, увидевшем свет в Германии уже после Второй мировой войны, историк Едиге Кырымал: Kirimal Edige. *Der nationale Kampf der Krimtürken, mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917 - 1918. Emsdetten, 1952..*

правление и конституцию. Также Центральный женский комитет крымских мусульманок обратился к населению с призывом дать возможность женщинам – крымским татаркам – участвовать в выборах наряду с мужчинами, и в состав Курултая было избрано четыре женщины-делегатки, среди них дочь Исмаила Гаспринского Шефика Гаспралы. Выборы в Курултай, на основании разработанного Мусульманским Исполнительным комитетом закона о выборах, были проведены как всеобщие, прямые, равные выборы с тайным голосованием, при этом все тюркское население полуострова, достигшее 20-летнего возраста, участвовало в этих выборах. Было избрано 76 делегатов (депутатов) в Курултай, которые следующим образом представляли отдельные округа Крыма: Ялта – 24 делегата, Симферополь – 19, Феодосия – 16, Евпатория – 11 и Перекоп – 6.

Подготовка помещений для проведения Курултая в Ханском дворце Бахчисарая была поручена специальной комиссии, которая выбрала для этого исторический зал Диван-и Али (Верховного суда) и решила, что во дворце состоятся только первое и последнее заседания Курултая, чтобы избежать лишнего ущерба памятнику архитектуры. Над местом, предназначенным для Президиума Курултая, были повешены три знамени: светлоголубое, зеленое и красное. Они последовательно символизировали нацию, религию и революцию. Под ними располагалась золотая тамга Гиреев - символ крымской независимости. Также и над главными воротами, ведущими во дворец, развевались голубые и красные флаги, которыми был украшен и весь город, охраняемый патрулями национальной кавалерии.

Торжественное открытие Курултая состоялось 26 ноября/9 декабря 1917 года в присутствии национальных вооруженных сил, а также представителей народов, живущих в Крыму, представителей прессы и многочисленных жителей Бахчисарая. Торжества начались в полдень с богослужения и общей молитвы делегатов в ханской мечети. Отсюда делегаты в торжественной процессии, во главе которой были Челеби Джихан и Джафер Сейдамет, направились в зал верховного суда через дворцовый парк, в котором собрались тысячи людей и выстроились шпалерами воинские части вместе с представителями молодежных организаций. Прибыв в зал верховного суда, делегаты стоя выслушали следующую речь Челеби Джихана, которой он от имени Мусульманского Исполнительного комитета открыл первое заседание Курултая:

"Мои глубокоуважаемые господа делегаты!

Сегодня начинается возрождение нашей политической жизни, которое было прервано полтора столетия тому назад. Собравшийся в зале верховного суда Курултай позволит восстановить уничтоженную российским абсолютизмом татарскую национальную

государственность. Татарская нация рождается сегодня заново. Нанесенные нашей общественной жизни угнетением и тиранией русского абсолютизма раны кровоточили вплоть до сегодняшнего дня. Поднятое 28 февраля 1917 года кроваво-красное священное знамя революции принесло всем народам свободу. Проживающий на Крымском полуострове татарский народ передает вам, уважаемые депутаты, роль вождя отчизны, чтобы осуществить это священное право.

Татарский народ, признавая равенство всех людей, поднял на этом Курултае свое собственное национальное знамя и начиная с сегодняшнего дня будет строить свою конституцию только на основе братских законов..."¹⁹⁷.

После этого Курултай принял многочисленные поздравления, пожелания успеха и счастья. Первым выступил от имени православного населения Крыма (русских и греков) член городского правления Бахчисарая Хаджеватов. За ним последовали выступления представителя иудейской части населения Амалинского и представителя крымского кавалерийского полка. Затем состоялась особая церемония выступления от имени Украинской Центральной Рады трех ее членов, которые наряду с поздравлениями от имени своего правительства объявили о признании Курултая и заверили крымских татар в вечной дружбе со стороны украинцев. При этом были переданы также персональные приветы и поздравления от Симона Петлюры. Курултай получил также телеграмму от Украинского комитета в Севастополе, подписанную его председателем Величко, в которой приветствовалось "возрождение независимости татар" и выражались пожелания процветания "Крымскотатарской Республики". На открытии Курултая присутствовала и делегация матросов Черноморского флота, которая приветствовала "свободу и самоопределение крымских татар". Завершилась церемония открытия исполнением национального гимна крымских татар на слова Нумана Челеби Джихана "Я клянусь" ("And etkenmen").

Уже сама по себе эта красочная церемония открытия показывает, насколько изолированным был крымский Курултай от остального тюркского мира: никаких контактов с Турцией, ни единой приветственной телеграммы или делегации из Казани, Уфы, Баку, из Казахстана или из Туркестана. Те же "близкие соседи", кто в тот день были рядом, в дальнейшем ничего не сделали (не смогли или не захотели предпринять) для поддержки Курултая, для реализации его постановлений, для защиты его первых руководителей или сами оказались в числе его злейших врагов (никто иной, как севастопольские

¹⁹⁷ Там же. С. 100-101.

"красные" матросы уже в феврале 1918 года казнили, подвергнув зверским пыткам и издевательствам, Нумана Челеби Джихана).

Надо подчеркнуть, что Курултай в своей политике исходил из принципа абсолютного равенства всех народов, всех этнических групп полуострова и стремился к созданию демократического государства, вовсе не представляя его моноэтническим государством одних только крымских татар. Вместе с тем национальные интересы крымских татар составляли главный объект заботы Курултая, и его постановления были направлены на реформирование и свободное развитие всех областей национальной духовной жизни крымских татар, на укрепление независимости Крыма, на восстановление той государственности, которая была уничтожена в результате российской аннексии 1783 года.

Наряду с центром (большинством депутатов) Курултая существовало правое и левое крыло. Оба были немногочисленны и не играли в деятельности Курултая решающей роли. Правое крыло насчитывало 8-9 депутатов из среды того духовенства, которое было недовольно религиозными реформами, а также из представителей крупного землевладения. Левое крыло насчитывало 11-13 депутатов, которые были привержены идее социализма; среди них находилось несколько младотатар, например, Мустафа Курти, Селим Меметов и Сулейман Идрисов. Они занимали места, отделенные от рядов других депутатов, и составляли в Курултае своего рода оппозицию.

Джафер Сейдамет дает в своих мемуарах следующую картину, характеризующую политические воззрения и взаимоотношения данных трех групп: "Центр Курултая был глубоко национальным; он базировался на историческом прошлом крымских тюрок и их национальной трагедии. Этот центр был инициатором созыва самого Курултая. Его стремлением было по возможности скорейшим образом превратить Крым в Народную республику и образовать национальный парламент. Противовес этому составляла левая группа Курултая, образованная из духовных наследников крымскотюркской молодежи периода революции 1905 года; она находилась под сильным влиянием русской революционной партии и ставила на первый план дело защиты революции и решение социальных проблем. Левая группа, которая была против отделения Крыма от остальной революционной России, возлагала свои надежды на Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было конституционным путем создать федеративное демократическое государство; поэтому она занимала негативную позицию по вопросу о созыве Учредительного собрания в Крыму. Центр же был того мнения, что большевики не допустят созыва Всероссийского Учредительного собрания, и выдвигал требование созыва Учредительного собрания в Крыму, которое он считал нужным провести даже в случае созыва Всероссийского Учредительного

собрания, чтобы осуществить право крымского населения на самоопределение. При этом стремления центра были связаны с задачей отделения Крыма от России. Наконец, центр считал необходимым действовать заодно со всем мусульманско-тюркским населением России и выполнить решения Первого Всероссийского мусульманского съезда о территориальной автономии. Это также противоречило позиции левого крыла. Данное принципиальное различие позиций и подходов было причиной страстной полемики на заседаниях Курултая между представителями центра и левого крыла. Однако по вопросу о социальных и общественных реформах центр и левое крыло были совершенно едины и согласны друг с другом, даже центр проявлял большую радикальность, чем левое крыло..."¹⁹⁸.

Важнейшим итогом работы Курултая было принятие основного Закона – Национальной Конституции крымских татар. Ее проект был разработан специальной комиссией Курултая и затем предложен на рассмотрение депутатам. Они обсуждали каждый параграф проекта по отдельности, что сопровождалось горячими дебатами. По ходу этих дебатов Челеби Джихан и Джафер Сейдамет, как главные докладчики, должны были часто по несколько раз в день защищать свой проект, чтобы преодолеть жесткое сопротивление правой группировки. Ее представители особенно рьяно выступали против положения о полном равноправии мужчин и женщин, однако сраженные аргументами и доказательствами Челеби Джихана, которые он черпал в сокровищнице мусульманской теологии, вынуждены были замолчать и отступить. При этом Челеби Джихан показал себя не только как глубокий эрудит и знаток ислама, но также как серьезный мыслитель, который умело, творчески выступал за прогресс мусульманского общества.

Принятый 13/26 декабря 1917 года текст Конституции гласил:

"Статья 1. Курултай признает право каждого народа на формирование своей национальной жизни и своей государственности (самоуправления).

Статья 2. Курултай считает, что законы, регулирующие жизнь каждого народа, и решение его национальных проблем могут быть гарантированы и обеспечены в первую очередь на пути национального самоуправления, и для предоставления такой возможности татарскому народу постановляет учредить постоянный парламент (Meclis-i Mebusan), который избирается всем населением (мужчинами и женщинами) посредством свободных, равных, прямых и тайных выборов.

Статья 3. Курултай полагает, что законы, регулирующие общественную жизнь, могут быть плодотворны только в том случае,

¹⁹⁸ Там же. С. 104-105.

если они рождены из бытия и духа нации, и по мере изменений, которые происходят в жизни наций, они также должны изменяться или отменяться [...]

Статья 6. Парламент (Меджлис) обязан издавать законы, которые касаются научных, религиозных, юридических, военных, финансовых, политических и , при необходимости, коммерческих, сельскохозяйственных, промышленных проблем татарского народа [...]

Статья 7. Курултай признает независимость законодательной, исполнительной и судебной властей и считает, что они на равных началах должны рассматриваться в системе национального самоуправления [...]

Статья 8. Для упорядоченного и систематического управления национальными делами татарского народа необходимо образовать по отдельным национальным задачам особые управления (даиры) и издать для них особые законы.

Национальное Правительство татар состоит из следующих дирекций (Mudurluk Daireleri): 1. Просвещения (образования), 2. Религиозных дел, 3. Финансов и вакуфного имущества, 4. Юстиции, 5. Иностраннных дел (внешних сношений) и 6. Президиума Совета директоров (Bas Mudurluk) [...]

а) Управление просвещения (образования) (Maarif Idaresi)

определяет разумное отношение татарского народа ко всем школам, медресе, и находящимся в компетенции Демократической Республики Крым научным и просветительским учреждениям и совместно с избираемыми научными советами разрабатывает проекты автономизации (самостоятельности) всех научных учреждений.

б) Управление религиозных дел (Diniye Idaresi)

имеет своей задачей, опираясь на магометанское религиозно-культовое право - шариат (Seriati-i Muhammediye), решать вопросы веры и укреплять религию татарского народа.

в) Управление финансов и вакуфного имущества (Maliye ve Vakif Idaresi)

обязано собирать все национальные налоги, а также устанавливать бюджет всего Национального Правительства и представлять его в Парламент. В Управлении финансов учреждается отдел, который занимается вакуфной реформой и мерами по улучшению экономического положения татар, проживающих в деревнях на вакуфных землях [...]

Статья 12. Курултай считает, что форма правления в любой стране определяется решением конституционного органа, который избирается абсолютным большинством народа на основе свободных, тайных, равных и прямых выборов, и заявляет, что форма правления Крымом (форма государственности в Крыму) может быть установлена

только на пути созыва такого конституционного органа - Учредительного собрания - всеми жителями Крыма. Курултай обязывает Татарский Парламент (Меджлис) в кратчайший срок обеспечить созыв Всекрымского Учредительного собрания.

Статья 13. Курултай признает, что все касающиеся жизни края хозяйственные, финансовые, аграрные вопросы и проблемы межнациональных отношений могут быть решены только Всекрымским Учредительным собранием.

Статья 14. Курултай считает, что его представители должны принимать участие во всех решениях, которые затрагивают политическую судьбу Крыма, и выступать с инициативами постановлений Всекрымского Учредительного собрания и Крымского парламента относительно формы правления.

Статья 15. Курултай признает за основу принцип, по которому судьбу любой страны и любого края в первую очередь и в большей мере, чем заключения мирных конференций и дипломатов, должна решать воля живущего в этой стране народа, его голос; поэтому Курултай настаивает на участии представителей заинтересованных стран и народов в мирных и прочих конференциях.

Статья 16. Курултай исходит из убеждения, что необходимая для общественной жизни свобода личности, передвижения (выбора места жительства), свобода слова, совести, религии, союзов, собраний, свобода печати, а также безопасность жизни, защита национальных и политических прав национальных меньшинств и осуществление принимаемой Курултаем в качестве Основного закона национальной жизни татар Конституции могут быть обеспечены лишь в Демократической Республике. Поэтому Курултай признает и провозглашает Демократическую Крымскую Республику (Демократическую Республику Крым).

Статья 17. Курултай аннулирует существовавшие в Крыму у татар титулы Мирза, Бей, Челебей, Князь и другие сословные звания дворянства, духовенства, буржуазии и крестьянства и связанные с ними правовые привилегии.

Статья 18. Признавая в качестве основного принципа равенство всех людей, Курултай провозглашает абсолютное равноправие между мужчиной и женщиной и поручает Парламенту (Меджлису) принять в связи с этим специальный закон¹⁹⁹.

¹⁹⁹

Из многократных публикаций этого документа на крымскотатарском, турецком, немецком и других языках мы взяли за основу настоящего перевода на русский язык текст оригинала, включенный в книгу Едиге Кырымала: Там же. С. 110-114.

Сформированный в соответствии с данной Конституцией из депутатов Курултая Национальный Парламент (Meclis-i Mebusan - Меджлис) незамедлительно приступил к формированию предусмотренного Конституцией национального Правительства, которое получило название "Директории". Его главой (председателем Совета директоров) был избран Нуман Челеби Джихан. Он составил кабинет директоров, который был предложен Парламенту для вынесения вотума доверия. После бурных дискуссий сорока голосами "за" против двадцати голосов "против" Парламент выразил доверие этому кабинету, в состав которого вошли Президент национального Правительства (Председатель Совета директоров) и директор юстиции Челеби Джихан, Директор внешних сношений (иностранных дел) и военных сил Джафер Сейдамет, Директор по делам религии Сейдамет Шюкрю, Директор просвещения Ибрагим Озенбышлы, Директор финансов и вакуфного имущества Сейджелил Хаттат.

Парламент уполномочил Правительство и поручил ему созвать Всекрымское Учредительное собрание в феврале 1918 года.

14/27 декабря Кабинет директоров перенес свою резиденцию в Симферополь, где он 18/31 декабря 1917 года опубликовал полный текст Национальной Конституции и приводимое ниже правительственное обращение (декларацию) на крымскотатарском (тюрки) и русском языках:

"Граждане! Национальный Курултай крымских татар с принятием Конституции преобразован в Крымскотатарский парламент (Меджлис). Крымскотатарское национальное Правительство, получив от Меджлиса вотум доверия, приступает с сегодняшнего дня к исполнению своих обязанностей.

Татары и все жители Крыма счастливы тем, что в то время когда во всех областях России царят мятежи и анархия, нам успешно удалось образовать парламентским путем национальное правительство. Национальное правительство крымских татар считает своей священной обязанностью не только заботиться о счастье и благополучии татарского народа, но также защищать честь, жизнь и достоинство всех граждан Крыма и охранять их от несчастий, разбоя, анархии и беспорядка.

Вместе со всеми другими жителями Крыма страдали крымские татары под бременем деспотии и прежнего российского центрального правительства, и вместе с ними проливали они кровавые слезы, мечтая вырваться из этой большой, мрачной темницы.

После всего этого будут они с теми же благородными, высокими, братскими и земляческими чувствами, с готовностью к самопожертвованию сотрудничать со всем демократическим миром, чтобы вырваться из кровавых когтей того мятежа, который уничтожает

произведения искусства, разрушает памятники, сжигает дворцы и храмы и угрожает превратить в пепелище цветущий Крымский полуостров.

Крымскотатарское национальное Правительство исполнено твердого намерения обеспечить в Крыму покой и порядок. Оно предотвратит голод и недостаток товаров и помешает грабегам и мародерству.

Крымскотатарское национальное Правительство заявляет о своем уважении прав личности и национальных прав каждого субъекта и требует от других такого же уважения своих национальных прав"²⁰⁰.

Уже 6 декабря 1917 года телеграфное агентство в Женеве, опираясь на сообщения французских корреспондентов из Петрограда, информировало всю европейскую общественность о том, что "в Крыму образована независимая татарская республика". Одновременно это сообщение было передано агентством Рейтер, а также использовалось некоторыми средствами массовой информации нейтральных и союзнических стран. 20 декабря 1917 года стамбульская газета "Тюрк Юрду" сообщила о провозглашении независимости крымских татар. Показательно, что одновременно с сообщением о независимости Крыма те же источники сообщали об отделении от России Кавказа и Сибири, на что большевистское правительство в Петрограде незамедлительно резко реагировало и по своим каналам телеграфных агентств уже 9 декабря 1917 года поспешило опровергнуть эти сообщения, но в опровержении речь шла только о Кавказе, Крым же был обойден молчанием.

В этот период наметился военно-политический союз и тесное, равноправное сотрудничество между Крымом и Украиной. Уже в июле 1917 года делегированные Мусульманским Исполнительным комитетом Джафер Сейдамет и Амет Озенбашлы предприняли поездку в Киев, чтобы завязать с Центральной Радой Украины более тесные связи и изучить положение дел в украинском национальном движении. В Киеве они проводили официальные встречи и переговоры с председателем Центральной Рады профессором Хрушевским и его ближайшими сотрудниками - председателем генерального секретариата (кабинета министров) Винниченко и руководителем департамента внешних сношений Шульгой. Обе стороны признали необходимость совместной борьбы против российского "централизма". Делегаты Крыма на правах гостей приняли участие в заседании Центральной Рады, имели многочисленные встречи с представителями украинской интеллигенции и при возвращении в Крым привезли с собой изданную в Киеве и Львове литературу, касающуюся Украины и ее национальных

²⁰⁰ Там же. С. 119-120.

проблем. Представители Мусульманского исполнительного комитета и Украинской Центральной Рады обещали друг другу взаимопомощь и обоюдостороннее уважение национальных прав и стремлений. В соответствии с этим III-й Универсал Центральной Рады объявил Крым находящимся за пределами границ Украинской Республики. Одновременно Центральная Рада телеграфно уведомила Мусульманский Исполнительный комитет о том, что со стороны Рады никаких претензий на Крымский полуостров не существует и подниматься такие вопросы не будут.

Центральная Рада приветствовала решение о созыве Курултая и послала на его открытие официальную делегацию, а когда Курултай принял Конституцию, официально уведомила о признании ею Демократической Республики Крым. В ходе украинских мирных переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске Крым рассматривался как находящийся вне границ украинского государства. На заседании 1 февраля 1918 года член украинской делегации на этих переговорах Севрюк указал на то, что российская делегация не имеет права представлять Крым, Донскую область и Молдавию, ибо последние не признали большевистского правительства в Петрограде.

Точно так же и Мусульманский Исполнительный комитет, а позднее национальное Правительство в Крыму (директория) занимали дружественную позицию по отношению к своему северному соседу - Украине. Крымские татары, вопреки сопротивлению русской общественности Крыма, выступили за признание Украинской Народной Республики. На специальном заседании представителей революционных и военных организаций Крыма, которое было созвано "Советом народных представителей" 7/20 декабря 1917 года в связи с ультиматумом петроградского правительства от 4/17 декабря 1917 года Украинской Народной Республике, русские представители не пошли далее объявления о своем нейтралитете в этом вопросе. Представители крымских татар, напротив, сочли необходимым встать на сторону Украины и говорили о необходимости совместной вооруженной борьбы против большевизма. Однако, союз крымских татар с Украиной оказался все же непрочным и недолгим. Уже в апреле 1918 года обозначился крымско-украинский конфликт, за которым стояло стремление националистических сил Украины подчинить себе Крым. В самых трудных испытаниях гражданской войны под ударами "белых армий" и "Красной Армии" национальное движение крымских татар оказалось без поддержки ненадежных союзников, что привело в конечном итоге к гибели Демократическую республику Крым, провозглашенную татарским Курултаем в декабре 1917 года.

Беда этой республики заключалась также и в том, что отношения между Крымом и Турцией, которые до начала мирных

переговоров в Брест-Литовске, то есть до самого конца 1917 года были разделены линией фронта, не были налажены. Правда, Национальное правительство сумело передать (через турецкого посла в Москве Галиба Кемаля Бея) главе Турецкого государства Талат-Паше во второй половине декабря 1917 года меморандум (muhtıra), в котором руководители Директории информировали турецкое правительство о национальном движении крымских татар и их связях с соседней Украиной и предлагали свою помощь Турции. Меморандум был подписан Председателем Совета директоров Челеби Джиханом и директором управления внешних сношений Джафером Сейдаметом. Однако, Талат-Паша, который с 7 января 1918 года находился в Брест-Литовске, не сумел использовать крымский фактор в переговорах с большевиками; турецкие мирные условия и предложения, выдвинутые в Брест-Литовске, связанные с проблемами Черноморского региона, сначала касались только признания Россией русско-турецкой границы 1914 года. Объясняя причину своего пассивного поведения в крымскотатарском вопросе в январе 1918 года, Талат-Паша спустя три месяца с глубокой горечью и волнением говорил о том, что он не имел правильного, адекватного представления о серьезности национального движения в Крыму и полагал, что оно состоит лишь из маленькой группы воодушевленных молодых татарских идеалистов. Позднее Талат-Паша осознал свою роковую для судьбы Крыма ошибку и всеми средствами старался снова ему помочь, но к тому времени благоприятная ситуация была уже безнадежно упущена. Еще более пагубные последствия имела изоляция крымских татар от других тюркских народов России. Далекое эхо тюркской солидарности и поддержки едва доходило до Крыма в самые трудные дни обрушившихся на него испытаний. Так, еще до созыва Курултая, когда местными представителями Временного правительства был арестован таврический муфтий Челеби Джихан (это случилось 23 июля/5 августа 1917 года), заседавший как раз в это время (с 21 июля/3 августа по 31 июля/13 августа) в Казани "Военный Совет мусульман всей России" (Umum Rusiya Musluman Harbi Surasi - Харби Шуро) поддержал требования крымских мусульман и потребовал "немедленного признания 1-го крымского батальона в качестве особого воинского подразделения". Эта резолюция стала моральной поддержкой и помогла как в освобождении Нумана Челеби Джихагна, так и в осуществлении важнейших военных требований крымских татар, в частности в возвращении на родину двух кавалерийских полков, без опоры на которых трудно было бы осуществить созыв Курултая и провозглашение независимой республики.

В середине ноября 1917 года после провозглашения принципа "Крым – жителям Крыма!" Мусульманский Исполнительный комитет

получил многочисленные приветствия от представителей мусульманских народов, в том числе телеграмму от Национального комитета магометан Дагестана и от представителей тюркских федералистов в Киеве, а незадолго до созыва Курултая национальная пресса волжско-уральских тюрков с воодушевлением сообщала о событиях в Бахчисарае, выражая при этом свою солидарность с ними и сравнивая предстоящий Курултай с собственным Национальным конституционным собранием (Millet Meclisi - "миллет-меджлисом"). Последний состоялся в Уфе в период с 22 ноября/5 декабря 1917 по 11/24 января 1918 года.

Как видно из высказываний и действий Челеби Джихана, крымские татары стремились по мере их сил и возможностей поддержать национальные движения тюркских народов Кавказа, Идель-Урала и Туркестана. В начале декабря 1917 года в Крыму стало известно, что национальное правительство Идель-Урала (Milli Idare) испытывает материальные трудности, находится в бедственном положении. Ведущие круги крымских татар тотчас организовали перевод телеграфом 200 000 рублей ²⁰¹. Другим примером может служить поездка группы крымскотатарской молодежи в Туркестан: после того, как в Крыму была принята Национальная Конституция, эта молодежь решила своими знаниями и опытом помочь национальному движению в Туркестане ²⁰². Всего этого было, однако, крайне недостаточно для единения национальных движений тюркских народов России.

Национальное Правительство Крыма не ограничивало свою деятельность исключительно делами крымских татар, но с первых же дней энергично взялось за то, чтобы взять в свои руки судьбу всего полуострова. Однако осуществить эту задачу было нелегко, ибо значительная часть русской общины Крыма (в первую очередь ее правые круги) крайне негативно относилась к национальной инициативе крымских татар; правая русская пресса часто выступала против Курултая, против принятия национальной Конституции и против образования Национального Правительства, ибо видела в возрождении татарского Крыма опасность для имперской целостности российского государства.

Между тем политическая атмосфера в Крыму с каждым днем все более накалялась. Местные большевистские организации, которые имели все права демократических институтов и до сих пор не

²⁰¹ Этот факт упоминался в публикации на страницах крымскотатарского журнала "Эмель Меджмуаси", издававшегося в 193- - 1940 годах в Румынии: *Emel Mecmuası*, 1934, Nr. 7. С. 24.

²⁰² Там же.

проявляли большой активности, начали в середине ноября и особенно в декабре 1917 года подготовку к захвату власти на полуострове. Зачинщиком и инициатором этой идеи был большевистский Военно-революционный комитет Севастополя во главе с Гавеном, Мокроусовым, Сапроновым и Богдановым. Этот комитет опирался, главным образом, на русский пролетариат в городах Крыма, а также на матросов дислоцированных в Севастополе военных кораблей Черноморского флота. В подготовку переворота также включились сравнительно небольшие группы большевиков в городах Симферополь, Ялта, Феодосия и Евпатория. Матросы с военных кораблей в Севастополе, чьи политические взгляды в первые месяцы революции были сравнительно умеренными, подверглись в декабре сильнейшей большевистской пропаганде и встали на сторону петроградского большевистского Совета народных комиссаров. Под влиянием этой пропаганды матросы военных кораблей в Севастополе расстреляли многих офицеров и послали военные отряды на Дон и на Украину, чтобы поддержать там местных большевиков, которые вели борьбу против Украинского правительства. Власть в Севастополе уже к 15/28 декабря фактически перешла в руки большевистского Революционного комитета. Последний развернул пропаганду во всех городах полуострова и даже организовал в Симферополе встречи-совещания большевиков. Это представляло серьезную угрозу для всего Крыма и делало неизбежным военное столкновение между национальным Правительством и большевиками.

Ввиду такого положения Правительство поручило Военному штабу приступить к немедленной организации правительственных вооруженных сил и 20 декабря 1917/2 января 1918 года обратилось к ним со следующим воззванием:

"К оружию! В стране поднимается волна анархии. Жизнь и честь нашего народа и всех сограждан в опасности. Тень наших братьев-солдат, которые своей кровью вписали многие славные страницы в военную историю, требует от Вас, чтобы Вы эту историю не запятнали. Наши отцы, братья и все наши соотечественники ожидают установления в стране безопасности и порядка. Сплотите прочнее, чем когда-либо, Ваши ряды и подчинитесь дисциплине и Вашей Родине"²⁰³.

17/30 декабря военные части приносили присягу Национальному Правительству. Торжественная церемония присяги состоялась в Симферополе. Директор по военным делам Джафер Сейдамет в присутствии Председателя Парламента Асана Сабри

²⁰³ Воззвание было опубликовано на русском языке в газете "Голос татар", Симферополь", 1917, № 51 (20 декабря).

Айваза, членов Парламента, офицеров Крымского штаба и тысяч собравшихся людей принял от имени Национального Правительства эту присягу. В своем ответном обращении к воинским частям он подчеркнул: "Впервые воины Крыма дают торжественный обет верности собственному народу, собственной Родине и собственной Конституции.

Все прежние присяги вплоть до сегодняшнего дня приносились чужим властям, ибо Крым после потери им независимости должен был служить русскому царскому правительству, приносить ему присягу и нести жертвы, нужные тиранам и империалистам. Впервые клянемся мы сегодня служить мусульманскому Крыму, собственному народу и защищать свою отчизну, клянемся в верности ее Конституции и в готовности пожертвовать собой во имя собственной нации [...] В то время как Россия горит в огне анархии, крымские мусульмане сохраняют в Крыму покой и порядок и не забывают о своих обязанностях перед населением [...] Татарский народ уже спасен, и он никогда не отдаст то, чего он достиг [...] Какие бы изменения ни произошли в России, Крым и крымские мусульмане никогда не отступят с избранного и определенного их волей пути. Пусть услышит об этом весь Крым, вся Россия и даже весь мир [...] Крымские татары не эгоистичны. Наши славные предки не задумываясь жертвовали собой в битвах за счастье других. Так и сегодня крымские татары будут стоять на страже безопасности не только собственного счастья и собственных интересов. Они защищают все население Крыма. Они думают о колыбели тюрко-татарского мира, о великом Туркестане, о Поволжье и мечтают принести и туда новую жизнь и воодушевление [...] Никому не удастся перечеркнуть путь, предначертанный нашему народу его Конституцией. Пусть будет отсечена рука, которая на это поднимется"²⁰⁴.

Приведенные к присяге национальные части включали кавалерийскую бригаду с двумя полками, две полевые батареи и полк пехоты, в который был реорганизован мусульманский батальон. Эскадроны Кавалерийской бригады были разосланы для защиты порядка во все города Крыма (Ялту, Феодосию, Симферополь, Бахчисарай, Евпаторию, Алушту и другие). Это вынужденное распыление национальных вооруженных сил оказалось их ахиллесовой пятой и привело впоследствии к поражению. Пехотный полк был расквартирован в Симферополе и состоял из четырех рот, имевших около 700 солдат, среди них также были в качестве добровольцев

²⁰⁴ Речь Джафера Сейдамета была опубликована в журнале "Кырым Межмуаси" в Стамбуле: *Kırım Mecmuası, İstanbul, 1918, Nr. 3*

учащиеся татарской гимназии в Симферополе. Кроме регулярных войск, имелись еще вооруженные отряды местной национальной милиции. Наконец, в распоряжении Национального Правительства находилась особая воинская часть из 2000 русских офицеров. Однако служба русских офицеров Национальному Правительству продолжалась недолго. В итоге возникшего 3/16 января 1918 года конфликта между Правительством и русской общественностью в Симферополе большая часть офицеров ушла из подчинения Военному штабу и вовсе не принимала участия в борьбе с большевиками.

С противоположной стороны Военно-революционный комитет в Севастополе обладал военными судами Черноморского флота, крепостной артиллерией, а также в его распоряжении находились рабочие отряды и направленные в пехотную службу матросы, общее число которых в семь-восемь раз превышало национальные силы крымских татар.

Вооруженный конфликт Национального Правительства Крыма с большевиками начался со столкновения 22 декабря 1917/4 января 1918 года между вторым маршевым эскадром крымского резервного кавалерийского полка, который нес сторожевую службу в городе Александровске (на Украине) и прибывшим туда на бронепоезде отрядом матросов, пытавшихся захватить город. Бои продолжались несколько дней и закончились большими потерями и отступлением матросского отряда. После этого второй эскадрон по приказу Национального Правительства вернулся в Крым и занял позиции в Ялте. Через четыре дня, 26 декабря 1917/8 января 1918 года, разразился конфликт, на этот раз уже непосредственно на территории самого Крыма, между Национальным Правительством и севастопольским Военно-революционным комитетом. Большевики требовали от Национального Правительства разоружить служивших в Военном штабе Крыма русских офицеров и получили в ответ на это требование категорический отказ главы Правительства Челеби Джихана. Через несколько дней (3/16 января 1918 года) в Симферополе разгорелся острый конфликт между главой Национального Правительства Челеби Джиханом и русскими общественными организациями города – конфликт, который для обеих сторон оказался фатальным и подорвал силы Военного штаба.

Севастопольский Военно-революционный комитет не замедлил использовать этот конфликт, и 5/18 января 1918 года направленный из Севастополя торпедоносец "Хаджи Бей", чья команда прославилась убийством своих офицеров, совершил нападение на берег города Ялты, охраняемый национальными эскадронами. По заранее согласованному сговору в тот же час зашевелились местные группы большевиков в Кореизе, Гурзуфе и других соседних с Ялтой поселках южного

побережья. Десантные войска с "Хаджи Бея" напали на эскадроны, силы которых не превышали 700 человек. Битва развернулась на участке между Ялтой и Гурзуфом и продолжалась несколько дней, причем город Ялта дважды переходил из рук в руки и непрерывно расстреливался артиллерией торпедоносца. Большевики нанесли по городу 2000 артиллерийских ударов. Сражение кончилось отступлением эскадронов в горы, однако потери большевиков при этом были также значительными.

Одновременно, 6/19 января, матросы Черноморского флота высадили другой десант в городе Феодосия, который охранял 5-й эскадрон, имевший в своих рядах 120 бойцов. Местная городская управа пыталась поддержать национальные силы за счет ополчений добровольцев из рядов польской, еврейской и русской молодежи, но эта помощь пришла слишком поздно. Такое же ополчение тюркской молодежи из соседнего поселка Отуз не получило своевременно оружия, так что эскадрон под натиском десантников должен был отступить сначала в город Иски Крым (Старый Крым), а затем в Симферополь.

За этим последовали нападения военных частей Черноморского флота на Евпаторию и Керчь.

Эта агрессия севастопольского Военно-революционного комитета сначала ограничивалась только линией побережья. 9/22 января 1918 года симферопольские большевики распространили воззвание следующего содержания: "Севастополь в опасности. Разоружение гарнизона в Евпатории, официальное заявление о занятии крепости в Керчи, события в Феодосии, Ялте, - все это подготовительные шаги к удару на Севастополь. Нам угрожает военная диктатура татар"²⁰⁵.

Между Военным штабом Крыма и Центральной Радой существовал договор о том, чтобы не выпускать из Крыма с оружием никакие враждебные Украине силы. Согласно этому договору, в ночь с 9/22 на 10/23 января находившийся в Бахчисарае эскадрон разоружил на местном вокзале поезд с солдатами и матросами, которые с оружием направлялись из Севастополя на Украину. В ту же ночь национальные конные патрули подошли к границам севастопольского укрепленного района и взяли под свою защиту железнодорожный пограничный мост в местечке Камышлы, расположенного вблизи большого татарского поселка Дюванкой.

²⁰⁵ *Воззвание было опубликовано в севастопольской газете "Прибой", 1918, 10 января.*

Для Севастопольского Военно-революционного комитета это явилось достаточным основанием для того, чтобы выступить против города Бахчисарая. 12/25 января 1918 года на Бахчисарай был брошен матросский отряд в 800 человек с двумя орудиями, за которыми на Бахчисарай наступала сильная большевистская ударная группа почти в 3000 человек. Против них Бахчисарай мог выдвинуть только один эскадрон силой в 120-130 сабель под командованием известного своей храбростью Нафе Бекташа, который немедленно выступил на защиту города и принял бой. Через четыре часа численное превосходство наступающих матросов было уже столь очевидно, что эскадрон начал оттягиваться в город. К тому времени в городе появились первые раненные, а к четырем часам пополудни жители Бахчисарая с городской окраины могли собственными глазами наблюдать за ходом сражения. Все свидетели утверждают, что эскадрон при защите родного города проявил исключительное мужество. И все же, отступая под ударами врага, эскадрон должен был к вечеру оставить город и выйти к реке Алма, где к тому времени сосредоточились главные военные силы Национального Правительства.

На следующий день, 13/26 января 1918 года, состоялось решающее сражение на реке Алма, которое определило судьбу Крыма. Битва была для обеих сторон была кровопролитной и окончилась поражением правительственных войск. К этому поражению добавилось то, что одновременно местные большевики в Симферополе подняли восстание, русские железнодорожники объявили забастовку, а еще один отряд матросов захватил вокзал в Джанкое в северном Крыму. Это отрезало путь к отступлению национальным воинским частям. После проигранной битвы, когда правительственные войска были оттеснены к Симферополю, Джафер Сейдамет отпустил солдат и отдал на словах последний приказ уходить небольшими группами в горы и там рассеиваться по деревням. Части из них удалось создать в горных местностях Крыма базы и пункты сопротивления, которые действовали вплоть до освобождения Крыма от большевиков в апреле 1918 года.

14/27 января 1918 года военные отряды севастопольского Военно-революционного комитета вступили в Симферополь, объединившись там с восставшими большевиками и организованными ими отрядами красной гвардии. Последний национальный опорный пункт, защищаемые симферопольским гарнизоном пехотные казармы, был взят штурмом. Правительство, члены Парламента и Военный штаб были вынуждены покинуть город и искать временного убежища в горах и деревнях Крымского полуострова. При этом часть из них, в том числе и Челеби Джихан, была арестована матросами. В момент ареста Челеби Джихан, будучи уже в окружении вооруженных матросов, сумел обратиться через их головы с речью к своим землякам, сказав, что

"достойные славы и готовые к жертвам сыновья Крыма никогда не прекратят служить национальному делу, что если он сам падет жертвой кровавого террора, все равно Крым выдвинет еще многих Челеби Джиханов и что Крым, как раньше принадлежал крымчанам (крымским татарам), так и в будущем будет принадлежать им" ²⁰⁶.

После захвата Симферополя большевики установили свою власть 17/30 января в Ялте и Евпатории, 18/31 января в Джанкое и стали хозяевами положения на всем полуострове. Тогда во всех городах Крыма и особенно в Симферополе поднялась первая волна большевистского массового террора, который по своим ужасам далеко превзошел все, что видел Крым за последние столетия. Террор был в первую очередь направлен против офицеров и тех, кто служил в национальных кавалерийских эскадронах. Их расстреливали на месте на улицах, в тюрьме и на вокзале. Некоторым из них, по свидетельствам очевидцев, отсекали головы, которые насаживали на колья и выставляли в окнах симферопольского вокзала для обозрения. По сообщениям турецкой прессы и свидетельствам очевидцев только в один день в Симферополе было убито 150 офицеров. На южном побережье и в Севастополе жертвы или расстреливались, или топились в море. Убийства сопровождались грабежами и мародерством.

Глава национального Правительства, муфтий Челеби Джихан после ареста был доставлен в севастопольскую тюрьму и вместе с офицерами и национальными политиками Крыма 23 февраля 1918 года зверски замучен матросами Черноморского флота. В тот же день были уничтожены 125 офицеров, которые попали в руки матросов-большевиков. Террор, обрушенный на крымскотатарское население, и убийство муфтия Челеби Джихана вызвали резкие протесты во всем тюркском мире. Национальные мусульманские организации России и Сибири, "Мусульманский союз в Петрограде" и "Союз татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины" опубликовали по этому поводу совместный протест, направив его по телеграфу центральному большевистскому правительству. Одновременно содержание этого протеста стало достоянием русской, польской и украинской прессы. Этот высказанный от имени всего мусульманского мира протест жесточайшим образом осудил большевистский террор в Крыму и выразил требование "наказать убийц Челеби Джихана" ²⁰⁷. Также Национальный совет Уфы и "Военный совет мусульман всей России"

²⁰⁶ Эти слова в пересказе очевидцев были опубликованы в берлинском журнале "Дер Нойе Орьент": *Der Neue Orient, Berlin, 1918, Nr. III, S. 84.*

²⁰⁷ Полностью опубликован в Стамбуле в газете "Танин": *Tanin, 1918, 31 мая (№ 3403).*

выступили с аналогичными протестами. Протест мусульман европейской России и Сибири поддержали также мусульмане Туркестана в своей прессе. Так, например, ташкентская газета "Улуг Тюркистан" опубликовала статью, посвященную крымскому Курултаю, борьбе национального Правительства с большевиками, большевистскому террору и трагическому концу Челеби Джихана. Примечательно, что эта статья две недели спустя, а именно 23 апреля 1918 года была опубликована во второй раз на другом конце тюркского мира – в газете "Икдам" в Стамбуле ²⁰⁸. Вероятно, под воздействием этих протестов даже газета "Ал байрак" ("Красное знамя"), издаваемая в то время в Симферополе крымскими большевиками, выразила свое глубокое сочувствие по поводу смерти Челеби Джихана, заключив его словами: "Он не умер и до самого дня воскресения из мертвых будет жить в сердцах народа" ²⁰⁹.

Агрессия большевиков в Крыму не прошла мимо внимания тогдашней турецкой прессы. Турецкие журналисты в марте 1918 года писали, что большевики отняли у крымских тюрков свободу точно так же, как сделала это царская Россия, и что действия большевиков в Крыму противоречат заявленному ими принципу права народов на самоопределение ²¹⁰. Турецкая печать обращалась к мировому сообществу с призывом оказать помощь крымским татарам и положить конец большевистскому террору в Крыму.

В результате большевистской агрессии в Крыму национальное движение крымских тюрков временно было подавлено, но не уничтожено. Закончилась только одна – яркая и плодотворная эпоха в истории крымскотатарского национального движения. За ней следовали иные этапы этого движения, и чем активнее была поддержка со стороны зарубежного тюркского сообщества, тем больше были его достижения.

В последующем Джафер Сейдамет, возглавивший после гибели Нумана Челеби Джихана национальное движение крымских татар, отказался от идеи территориальной автономии Крыма в добровольном союзе с демократической (не большевистской) Россией и с демократической (не Радянской) Украиной и пришел к убеждению о необходимости полного отделения от метрополии, полной независимости татарского Крыма.

Политическим институтом, задачей которого стало бы проведение в жизнь идей национального самоопределения, должна

²⁰⁸ *Ikdam, İstanbul, 1918, № 540.*

²⁰⁹ *Эта статья была перепечатана в Турции: Tasviri Efkâr, İstanbul, 1918, 29 марта.*

²¹⁰ *Sabah, 1918, 22 марта; Ikdem, 1918, 23 апреля; Tanin, 1918, 4 мая.*

была статья созданная в июле 1917 г. партия "Милли Фирка" (Национальная партия), программа которой предполагала создание в Крыму демократического государства в виде парламентской республики, где были бы обеспечены права всего населения "без различия религии, секты, нации, класса ..." ²¹¹. И эту партию, несмотря на ее ярко выраженное социал-демократическое направление, ждала трагическая судьба: большевики использовали ее поддержку в борьбе за власть, но придя к власти, уничтожили партию, объявив ее националистической и "пантюркистской", и завершили расправу с ее лидерами и рядовыми членами арестами, судебными процессами и расстрелами, продолжавшимися с конца 1920-х до конца 1930-х годов.

В отличие от других тюрко-татарских регионов, фактам крымской истории советская историография начиная с середины 1920-х годов уделяла пристальное внимание. Разумеется, в интерпретации этих фактов уже тогда преобладала фальсификаторская тенденция, основанная на стремлении очернить "националистические иллюзии крымских татар", представить их "агентами пантюркизма". Первую попытку такого рода содержала статья В. Елагина "Националистические иллюзии татар в революционные годы", опубликованная в журнале "Новый Восток" в 1924 году. По мнению автора, "...перенеся ряд жестоких ударов и разочарований, крымские татары поняли антинародную сущность обособленных националистических устремлений и осознали свое единство с братским русским пролетариатом" ²¹². На самом деле, "единство с братским русским пролетариатом" означало для крымских татар, как и для других тюркских народов Советской России общее порабощение и несправедливое в тоталитарном государстве, включавшем в широкую палитру своей политической демагогии постоянное заигрывание и с рабочим классом, объявленным "гегемоном" общества, и с национальными чувствами различных народов, которым было обещано равноправие, а в ряде случаев предоставлена иллюзорная видимость национальной автономии в виде советских республик, одной из которых стала образованная в октябре 1921 года Крымская АССР.

Ни одна из "тюркских" (псевдо-тюркских, ибо на самом деле советская политика не считалась с интересами тюркских народов и общностью тюркского мира) автономий, созданных большевиками в начале 1920-х годов, а также более поздних союзных и автономных

²¹¹ Цитировано по книге: Бочагов А.К. Милли-Фирка. Национально-буржуазная контрреволюция в Крыму: Очерк. Симферополь, 1930. С. 27.

²¹² Елагин Вл. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Новый Восток, 1924, № 5. С. 190.

республик, которые постоянно перекраивались на карте Советского Союза, нередко срачивались в противоестественном симбиозе с автономиями нетюркских народов (Карачаево-Черкесская АО, Кабардино-Балкарская АССР), а порою даже в своих названиях никак не соответствовали этнонимам проживающих на их территории тюркских народов (Дагестан не был полноценной автономией кумыков или ногайцев, Таджикская ССР не была "титულიной республикой" проживавших на ее территории узбеков, туркмен, киргизов, уйгур), не обеспечивала тюркским народам подлинной свободы самоопределения, эффективных возможностей самоуправления собственной территорией, доступа к богатствам родной земли, всестороннего развития национальной культуры и традиционной религии. Безусловно имея некоторые преимущества по сравнению с губернским делением самодержавной России (преимущества, буквально вырванные у коммунистического режима народами российских "национальных окраин", без поддержки которых этот режим не смог бы победить белогвардейское сопротивление), установившаяся многоступенчатая система административного устройства РСФСР, а затем и СССР на самом деле в качестве важнейшей своей функции осуществляла задачу расчленения тюрко-мусульманского мира, изоляции тюркских народов друг от друга, возбуждения враждебного соперничества между ними и раздражения из-за несправедливо перекроенных границ, неточно определенных "этнических территорий", произвольно распределенных "уровней" (в силу такого произвола Татарстан, к примеру, оставался автономной республикой, Казахстан превращался из автономной в союзную, ногайский народ не получал никакой, даже минимальной автономии в виде национального округа и так далее).

Один из своих последних, "решающих" ударов советская система, стабилизирующаяся в начале 1920-х годов, наносит по движению общетюркской солидарности, получившему массовое распространение в Азербайджане, и по тюркской партии "Мусават", получившей к тому времени уже определенный позитивный опыт государственного строительства.

Оказавшись в условиях гражданской войны между "Сциллой и Харибдой" "белого" и "красного" противостояния, многие национальные движения, их лидеры и партии приняли решение встать на сторону большевиков, чья национальная программа и политика представлялись им как "меньшее зло" по сравнению с реставрацией империи. Некоторые из тюркских национальных партий даже коллективно вступили в РКП (б), образовав в ней на недолгое время свои бюро и фракции, разгромленные до основания в ходе последующих "чисток" и акций борьбы с "правым", "национально-демократическим" уклоном.

Одной из немногих партий, сумевших избежать этого драматического выбора, была политическая организация "Мусават", сформировавшаяся в Азербайджане.

В 1917 году в Закавказье, как и во всей России, начались революционные преобразования и встал вопрос о будущем государственном устройстве этого многонационального края, в истории и этносоциальной структуре которого были заложены мины сильнейших противоречий и возможных межэтнических конфликтов, которые уже в 20 веке не раз умело разжигало царское правительство, провоцируя "армяно-татарскую резню" в Баку и других городах. Временное правительство придерживалось намерения сохранить прежнее губернское устройство Закавказья и его подчинение "центру". С этой целью в марте 1917 года был создан Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ), имевший свое представительство в Азербайджане в виде Бакинского Совета общественных организаций. Большевики противопоставили ему свой Бакинский Совет рабочих и военных депутатов, входивший в Кавказский краевой центр Советов рабочих и военных депутатов. Таким образом была создана система двоевластия, с помощью которой большевики надеялись со временем взять всю власть в свои руки. Имея совершенно различные, противоположные социальные и политические установки, обе эти силы, однако, поразительным образом сближались в "национальном вопросе". И в ОЗАКОМе, и в Советах рабочих и военных депутатов преобладали представители армянской диаспоры (как буржуазной, так и социалистической ориентации), их лидеры находились под сильным влиянием эсеро-меньшевистско-дашнакского блока и меньше всего были озабочены решением "национального вопроса" с учетом каких-либо интересов азербайджанского народа и всех мусульман Закавказья. Не подумали хотя бы о формальном провозглашении азербайджанской автономии и новые "хозяева" региона, получившие возможность распоряжаться здесь после установления 2(15) ноября 1917 года Советской власти в Баку. Возглавлявший Бакинский Совет Степан Шаумян заявлял, "автономия будет означать передачу власти бекам"²¹³. 19 апреля 1918 года был образован знаменитый своими комиссарами Бакинский Совнарком во главе с Шаумяном, собиравшийся править Азербайджаном без малейшего учета национальных стремлений и достоинства азербайджанского народа.

²¹³ Цитировано по автореферату: Насиров Т.М. Исторический опыт строительства национальной государственности Азербайджана (1918-1920) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1991. С. 13.

Однако, общая политическая ситуация в Закавказье складывалась не в пользу "комиссаров". ОЗАКОМ был упразднен, на его место занял выбранный по спискам делегатов Всероссийского Учредительного собрания Закавказский Сейм. 10/23 февраля 1918 года в Тифлисе Сейм начал свою работу и объявил об образовании Закавказской Федеративной республики и о полной ее независимости от России.

Существованию новой федерации помешали возникшие внутренние разногласия. 26 мая 1918 года Сейм заявил о самороспуске. Закавказская Федерация распалась на суверенные Грузинскую, - Азербайджанскую и Армянскую республики. 27 мая мусульманская фракция Сейма объявила себя национальным Советом и провозгласила независимую республику Азербайджан, образовав при этом первое азербайджанское правительство. Обнародование акта о независимости новой тюркской республики произошло 28 мая 1918 года, а уже в июне правительство переехало из Тифлиса в Гянджу. Заключение с Турцией договора о мире и дружбе (напомним, что все еще продолжалась первая мировая война, в которой Турция сражалась на стороне Германии) позволило Азербайджану обратиться к турецкому правительству за военной поддержкой. Пришедшие на помощь турки в конце июня 1918 года остановили продвигавшиеся вглубь страны войска "Бакинской коммуны" (к вопросу о том, чего это стоило Турции, мы уже обращались в главе, посвященной пантюркизму в Османской империи). В сложившейся ситуации, в связи с "турецкой угрозой", эсеро-дашнакский блок на заседании Бакинского совета 25 июля 1918 года добился принятия решения о приглашении в Баку английских войск, находившихся в Персии: никакие опасения "буржуазной интервенции" не помешали принять такое решение армянским националистам, более всего опасавшимся укрепления тюркской солидарности и Азербайджано-Турецкого союза. Бакинский Совнарком во главе с большевиками вынужден был, соблюдая приличия, после такого решения уйти в отставку, власть в Баку перешла к эсеро-дашнакскому блоку, который образовал так называемую "Диктатуру Центрокаспия". "Бакинская коммуна", державшая власть с апреля по июль 1918 года, пала, ее руководители были арестованы, вывезены в пески Закаспия и 20 сентября того же года расстреляны.

Новое правительство не смогло изменить ситуацию на фронтах: турецкие войска 15 сентября 1918 года вошли в Баку, а через два дня сюда переехало национальное правительство, образованное лидерами партии "Мусават". При этом ни это правительство, ни его лидер М. Расул-Заде, ни идеологи партии "Мусават" не только не вели дело к "объединению" Азербайджана с Турцией, но даже не допускали такой мысли, видя главную свою задачу в укреплении самостоятельного

азербайджанского государства и принимая помощь Турции как проявление солидарности братского народа и государства, не выдвигавшего никаких политических претензий на территорию Азербайджана и не собиравшегося ее "оккупировать" ²¹⁴. На первый взгляд парадоксальное, удивлявшее поверхностных наблюдателей положение дел (у власти "националисты", а власть эта держится на поддержке идеологов "пантюркизма", ни с каким азербайджанским национализмом не связанных) на самом деле отражало реальную диалектику той эпохи, когда пантюркизм вовсе не противоречил задачам национального самоопределения народов тюркского мира и государственного строительства: истинным врагом новых тюркских государств были отнюдь не идеологи пантюркизма, а те политические силы, объявившие себя носителями "пролетарского интернационализма", которые стремились смести эти государства с лица земли, бросить их в пожар "мировой революции", заменить их самостоятельность имитацией национальной автономии, которой советская власть собиралась оделить ("наградить") наиболее заслужившие ее расположение народы страны.

После поражения в Первой мировой войне турецким войскам пришлось оставить Азербайджан. На некоторое время турок в Азербайджане заменили англичане. Несмотря на присутствие представителей союзного командования Антанты, ставших практически "хозяевами" в регионе, правительству молодой Азербайджанской республики удавалось делать шаги в сторону достижения реальной

²¹⁴ Основной критический запал сочинений, появившихся в последующие годы в Советской России и в Армении, заключался в постоянных обвинениях в адрес руководителей партии "Мусават" и правительства независимого Азербайджана, якобы собирающихся объединить Азербайджан с Турцией. Таких намерений в Баку не было. Критики нередко ссылаются при этом на то, что турецкая пантюркистская организация "Тюрк оджаги" в конце апреля 1920 года выразила свою поддержку Азербайджану в его борьбе за независимость и объединение с Турцией. Совершенно очевидно, однако, что руководство независимого Азербайджана не несет никакой исторической ответственности за резолюции, принятые без его участия организацией, по-своему интерпретирующей перспективы государственного строительства в Закавказье. К тому же конец апреля 1920 года был уже периодом крушения национальных надежд. 28 апреля Демократическая Республика Азербайджан прекратила свое существование. Но до этого конца, все два года своей истории (1918 – 1920), она не предпринимала ничего для объединения с Турцией де-юре или де-факто.

независимости. Открытие 7 декабря 1918 года в Баку "Азербайджанского парламента" явилось весомым свидетельством успеха в этом направлении. Заключительная фраза выступившего на открытии парламента М.Э. Расул-заде "Однажды взвившееся в небо знамя не опустить!" стала путеводной звездой для многих интеллектуалов, мечтавших о независимости страны.

Однако, удержатъ знамя азербайджанской независимой государственности в тот период надолго не удалось. Трудности, вставшие перед молодой республикой, усугублялись ее оторванностью от других регионов российского тюркского мира, ослаблением Турции, а также повышенным "интересом" к "нефтеносному Баку", который оказался в центре внимания ряда западноевропейских стран-участниц Первой мировой войны (Англии, Франции, Италии, Германии и т.д.), а также "красной России" и "белого движения". Наконец, территориальные претензии к Азербайджану предъявили соседние Закавказские республики, прежде всего Армения, которая не желала войти в состав Кавказской Конфедерации и поддерживала тесные отношения с "белым движением", стоявшим в национальном вопросе "за единую и неделимую" Россию. В этом "котле противоречий" Азербайджану пришлось искать наименее пагубное для него решение, которым казалось создание Закавказской Федерации, способной остановить безмерные аппетиты и претензии как входящих в нее субъектов, так и других государств.

Партия "Мусават" на своем втором (и последнем) съезде в 1919 году приняла резолюцию: "Исходя из действительных интересов, как национальных, так и экономико-политических и осознавая, что только путем тесного объединения кавказских республик легче добиться международного признания и гарантии их политической и территориальной целостности [...] съезд [...] постановляет признать объединение Кавказских республик в свободный союз Кавказской Конфедерации желательным и призвать всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик [Грузии и Армении] способствовать осуществлению этой идеи"²¹⁵.

Дальнейшие события советская историография традиционно освещала как победоносное вступление Красной Армии в Баку, которой якобы деморализованная армия мусаватистов не могла оказать никакого

²¹⁵ Цитировано по книге: Расул-Заде М.Э. О Пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С предисловием Н. Жордания. Оксфорд, 1985. С. 76.

сопротивления ²¹⁶, а также как "восстание" бакинского пролетариата против "антинародной политики" правительства мусаватистов ²¹⁷. О том, насколько далеки от исторической истины такие упрощенные версии, начинают понимать и с нарастающей убедительностью говорить современные историки Азербайджана. Ясно, что опыт Демократической республики Азербайджан, краткая героическая история которой оборвалась 28 апреля 1920 года, основанный на национальной программе партии "Мусават", был важнейшим в истории тюркского мира начала 20 века практическим опытом построения демократического независимого тюркского государства, опирающегося на широкую общетюркскую солидарность и ищущего пути конструктивного взаимодействия с государствами, политическими силами и широкими массами населения иных этнических общностей и немусульманских ареалов. Единственно чего остро не хватало в таком опыте – это иммунитета против интернационалистской демагогии, взятой на вооружение большевиками, которые пытались оказывать постоянное давление на руководство ДРА и при малейшей открывшейся возможности перешли от внешнего давления к прямой агрессии и захватили Баку.

Сложной оказалась судьба Председателя Национального совета ДРА М.-Э. Расул-Заде. Он был отправлен в Москву, где некоторое время работал в Комиссариате по делам национальностей РСФСР (Наркомнаце) и даже вел споры со Сталиным по поводу значения национализма в процессе становления суверенных государств. Нетрудно представить себе, чем должны были завершиться эти дискуссии, если бы Расул-Заде вовремя не осознал безнадежности решения национальных проблем под сталинским руководством и опасности, грозившей лично ему. В 1922 году он бежит из СССР, сначала в Финляндию, оттуда перебирается в Турцию, и до конца своих дней остается борцом за суверенитет Азербайджана. Его перу принадлежит множество сочинений, которые по сей день остаются важнейшим источником объективных сведений по истории Демократической Республики Азербайджан.

К сожалению, этой объективности крайне не доставало историческим трудам, появившимся в советское время. Большинство из них, вообще, обходили молчанием всю двухлетнюю историю существования Демократической республики Азербайджан, выделяя

²¹⁶ См., например: *Стеклов А. Армия Мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.*

²¹⁷ См.: *Токарежеский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.*

крупным планом лишь предыдущую историю "Бакинской коммуны", а также советское "строительство", последовавшее за "освобождением" Баку 28 апреля 1920 года. Лишь отдельные эпизоды периода 1918-1920 годов оказались в поле зрения советских историков, в частности, В.А. - Гурко-Кряжина – автора статьи "Английская интервенция 1918-1919 гг. в Закаспии и Закавказье"²¹⁸, а также разделов "Азербайджан"²¹⁹ и "Армянский вопрос"²²⁰ в Большой Советской Энциклопедии издания 1926 года.

Пожалуй, единственным исключением, свидетельствующим о стремлении в какой-то мере приблизиться к истине и понять происходившие в Азербайджане (до его советизации) процессы является появившаяся в 1923 году статья В.Н. Худадова "Современный Азербайджан"²²¹. В ней автор обращает внимание на сложный процесс эволюции религиозного и национального самосознания азербайджанского народа. "Армяно-татарские" столкновения 1905-1906 годов явились, по мнению Худадова, катализатором для пробуждения национального сознания тюрок Закавказья, "когда смутный панисламизм сменился вполне определенным пантюркизмом, одной из важнейших задач стало слияние тюрок запада и востока. Этому слиянию, конечно, мешал армянский клин. Устранение этого клина – вот цель националистически настроенного пантюркиста, цель, которая по своей сущности вполне подобна стремлению армянских шовинистов очистить определенную территорию от тюркских элементов для создания "национального очага" [...] И лишь "существование сильной русской власти, – по мнению Худадова, – мешало проведению в жизнь этих обоюдных вождений"²²².

Подтверждение, парадоксальной, на первый взгляд, мысли В.-Н. Худадова о том, что национализм следует за политической конфронтацией, а не наоборот, мы находим в статье американского ученого Р.Г. Суни "Нация и класс в революции: Азербайджан в 1917 году"²²³. Автор подчеркивает, что "мусульмане Закавказья мыслили

²¹⁸ Гурко-Кряжин В.А. Английская интервенция в 1918-1919 гг. в Закаспии и Закавказье // *Историк – марксист*, 1926, № 2. С. 115-139.

²¹⁹ Гурко-Кряжин В.А. Азербайджанская ССР. БСЭ. М., 1926. Т.1. С. 638-665.

²²⁰ Гурко-Кряжин В.А. Армянский вопрос. БСЭ. М., 1926. Т.3. С. 434-440.

²²¹ Худадов В.Н. Современный Азербайджан // *Новый Восток*. М., 1923, книга 3. С. 167-189; книга 4. С. 162-185.

²²² Там же.

²²³ Суни Р.Г. *Нация и класс в революции: Азербайджан в 1917 году* // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 1991, № 5. С. 25-32.

себя частью обширного мусульманского мира – "уммы", но в то же самое время тревога по поводу армянской угрозы, ощущение своей дистанции и враждебности к этому привилегированному элементу в своей среде и ощущение, что азербайджанцы [...] прочно связаны с остальными мусульманами, в частности, с турками, стали частью их самоощущения"²²⁴. Но если в сложных перипетиях 1917-1920 годов – "интеллигенция прошла эволюцию в быстрой последовательности от панисламизма к тюркизму, азербайджанизму, то массы оставались на уровне самосознания уммы с присущим ему равнодушием к светской власти, иностранной или отечественной. Идея азербайджанского национального государства не укоренилась среди большинства населения; термин "национализм" был ему или не понятен, или, что еще хуже, созвучен оскорблению, что коммунисты и использовали в своей пропаганде против Азербайджанской республики. Это могло бы прояснить, почему ниспровержение республики оказалось поразительно легким ..."²²⁵.

Из всех регионов тюрко-мусульманского мира России наиболее благоприятным для осуществления программы общетюркского единения оказался в первые революционные годы среднеазиатский регион. Несмотря на то, что не только к моменту свержения самодержавия, но и позднее, еще по меньшей мере в течение трех лет (1917 – 1920) он был расчленен даже не административными, а – во всяком случае формально признанными – государственными границами (значительная часть Туркестана считалась "российской территорией", по соседству с которой продолжали существовать Бухарский эмират и Хивинское ханство), в формировании национально-освободительных движений народов Средней Азии на данном этапе решающую роль играло их стремление к объединению общих усилий, основанное на ощущении общности исторической судьбы, культуры, религии, менталитета. Эти движения опирались и на традиции культурно-просветительского движения младобухарцев (оказавшихся именно в эти годы под наиболее жестокими ударами реакции: в 1919 году в Бухарском эмирате был казнен один из видных джадидистских реформаторов Махмуд Бехбуди; репрессии обрушились на известного философа и писателя Абдулрауфа Фитрата), и на опыт вооруженных массовых восстаний против царизма и колониального гнета, прокатившихся по Туркестану в 1916 году. Решающее значение для усиления этих движений и превращения их в широкий фронт национально-освободительной борьбы (так называемого "басмачества"), оказавшейся способной в течение нескольких лет

²²⁴ Там же. С. 30.

²²⁵ Там же. С. 31.

противостоять наступлению большевизма и потрясти самые основы колониального российского господства в Средней Азии, явилось то обстоятельство, что во главе этого движения оказались наиболее влиятельные лидеры пантюркизма, обладавшие опытом государственной деятельности, широтой взглядов, не ограничивавшие свои программы узкими национальными интересами какой-либо одной этнической группы и на своем личном опыте познавшие безнадежность борьбы вне объединительной парадигмы пантюркизма. Выше уже шла речь в этой связи об участии в руководстве туркестанской партией "Ерк" ("Воля") вынужденного уехать из Башкирии А.-З. Валиди. Однако главная роль не только идеолога и политического вождя, но и прекрасного организатора вооруженной борьбы народов Средней Азии за их свободу от колониального гнета выпала в этот период на долю известного турецкого общественного деятеля, одного из государственных и военных руководителей Турции в последние годы существования Османской империи и в период "триумвирата", установленного в конце Первой мировой войны – Исмаила Энвера-Паши.

Если до 1918 года деятельность Энвера-Паши целиком связана с историей пантюркизма и младотурецкого движения в Турции, то в новых условиях он оказывается одним из главных действующих лиц на том фронте национально-освободительных движений тюркских народов, который формируется на окраинах бывшей Российской империи. Именно его инициативе и принятому под его давлением в апреле 1918 года решению турецкого главнокомандования направить войска для поддержки братского азербайджанского народа в Баку во многом обязана своим существованием Демократическая республика Азербайджан (1918 – 1920). Дальнейшие усилия и последний этап жизни Энвера-Паши связаны с "басмаческим движением" в Средней Азии.

Начало революционных преобразований здесь было положено созданием Кокандской автономии, которая была провозглашена 26 ноября 1917 года на открывшемся в Коканде

Чрезвычайном краевом мусульманском съезде. В резолюции, принятой этим съездом, говорилось: "...Выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возведенных Великой Российской революцией, в единении с Федеративной Российской республикой, съезд объявляет Туркестан территориально автономным, предоставляя установление норм автономии Туркестанскому Учредительному собранию [...] и заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно

охранены" ²²⁶. Съезд избрал органы власти в лице Временного Народного Совета (парламента) и Временного правительства Автономного Туркестана. Руководство автономией осуществлялось из Коканда: организованная в Ташкенте манифестация в поддержку автономии расстреляна красногвардейцами. Возглавил Временное правительство Автономного Туркестана в Коканде молодой лидер национально-освободительного движения народов Средней Азии, убежденный сторонник их единения под знаменем пантюркизма Мустафа Чокаев (Чокай). Правительство Кокандской автономии объединяло представителей разных народов и племен тюркского Востока, Средней Азии. Кокандская автономия просуществовала недолго, уже в феврале 1918 года она была уничтожена большевиками, стремившимися установить по всему Туркестану Советскую власть. Мустафе Чокаю удалось бежать из "красного" Коканда; впоследствии, в эмиграции, он опубликовал свои мемуары и сочинения, содержащие политический анализ опыта Кокандской автономии и причин ее краха ²²⁷.

Одной из этих причин была раздробленность туркестанского освободительного движения. Последователи младобухарцев и энтузиасты джадидских реформ раскололись после октябрьского переворота 1917 года на "правых" и "левых". Представители "левого крыла" рассчитывали на поддержку Советов, искали путей сотрудничества с большевистским руководством России, многие из них даже вступили в РКП(б) и активно содействовали установлению советской власти в Средней Азии. Наиболее известные из них – Файзулла Ходжаев, Акмал Икрамов – занимали впоследствии ответственные посты в руководстве Советским Узбекистаном. Никто из них не избежал сталинских репрессий, причем по горькой иронии судьбы основные обвинения, выдвинутые против них в 1930-х годах, заключались в их мнимой причастности к "пантюркизму" и "национал-уклонизму".

Между тем, реальный пантюркизм, с которым не имели ничего общего коммунистические функционеры Советского Узбекистана, был единственной преградой на пути большевистской агрессии и советизации Средней Азии. Он стал знаменем басмаческого движения, о формировании которого европейское общественное мнение узнало и

²²⁶ Цитировано по изданию: Абдуллаев Р. Хроника противостояния. Драммы "Красного

Востока" // Звезда Востока, Ташкент, 1995, № 11-12. С.194.

²²⁷ Mustafa Chokayev. The Basmaji movement in Turkestan // The Asiatic Review, London, XXIV, Apr. 1928, P. 273-288; Mustafa Chokayev. Turkestan and the soviet regime // Journal of the Royal Central Asian Society, XIII (3), 1931, P. 403-420, и др.

"из первых уст" — из публикаций Мустафы Чокая в английской, немецкой и французской печати 1920-х годов, и из исследований, наиболее ранним из которых была изданная в Париже в 1925 году книга Жозефа Кастанье "Басмачи: национальное движение коренных народов Средней Азии от Октябрьской революции 1917 года до октября 1924 года"²²⁸.

Решающую роль в руководстве этим движением сыграл Энвер-Паша.

Между его появлением в Средней Азии (1921) и заключительным этапом Второй мировой войны (1918), который он, как главнокомандующий объединенными войсками и военный министр Турции, переживает как горькое поражение своей страны, лежит довольно сложный и, по мнению некоторых биографов Энвера-Паши, "темный", до сих пор изобилующий неясными обстоятельствами период, когда он находился в Германии и предпринимал различные инициативы для спасения турецкой государственности и общетюркского единства. Существуют противоречивые свидетельства, касающиеся его попыток установить контакт с Кемалем Ататюрком, включиться в борьбу за возрождение Турецкой республики. Причину неудачи, постигшей его на этом пути, видимо, следует искать не столько в субъективных обстоятельствах, сколько в глубинных противоречиях между идеологией кемализма и уже недостаточно эффективными в новых условиях концепциями младотурецкого движения, с которым был связан весь прежний период деятельности Энвера-Паши, его слава и его поражение. Трудно сказать, какая мера пережитого отчаяния или, напротив, какая тонкость дальновидного расчета подвигла его в этот период на контакт с руководством Советской России. Сохранились сведения о его конспиративной встрече в Германии с Карлом Радеком, бывшим тогда членом ЦК РКП (б) и секретарем Исполкома Коминтерна, о содействии со стороны советского руководства его поездке в 1920 году в Баку на съезд народов Востока, о последующем его пребывании в Москве и данном ему советским правительством разрешении выехать в Бухару. Возможно, некоторые иллюзии по поводу того, что советская власть может содействовать освобождению тюрко-мусульманского мира от колониального рабства или во всяком случае окажется для этого мира меньшим злом, чем Российская империя в союзе с Антантой, еще сохранялись в этот период у Энвера-Паши. В какой-то мере это нашло отражение в той речи, с которой он выступил на съезде народов

²²⁸ Joseph Castagné. *Les Basmachis: Le Mouvement national des indigènes de l'Asie Centrale depuis la révolution d'Octobre 1917 jusqu'au Octobre 1924.* Paris, E. Leroux, 1925.

Востока в Баку и которая впоследствии особенно раздражала его противников, называвших эту речь ханжеской и "псевдореволюционной". "Товарищи, – говорил он тогда, – мир был разделен на два лагеря. В первом лагере участвовали ростовщическая царская Россия и ее союзники. Во втором принимали участие империалистическая Германия и ее союзники, которые преследовали захватнические цели. Из этих двух мы объявили войну лагерю, составленному из царской России, Англии, потому что их целью было задушить и стереть нас с лица земли. Мы перешли на сторону Германии, ибо Германия согласилась хотя бы сохранить нам наше существование. Для достижения своих целей немцы использовали нас [...] Нашей же целью [...] было сохранение независимости [...] Не было у нас другой цели и относительно Азербайджана, мы придерживались принципа: Азербайджан для азербайджанцев ..." ²²⁹.

Следует иметь в виду, что в этот период советское правительство, само оказавшееся в международной изоляции, придавало огромное значение установлению "добрых отношений" с Турцией (не забудем, что Турция была первым в мире государством, официально признавшим сначала Советскую Россию, а затем и Советский Союз), и пока расстановка сил в Турции была неопределенной и было неясно, кто победит, что получится после краха Османской империи, советское руководство перебирало различные варианты в поисках союзников с турецкой стороны и не исключало возможностей альянса ни с прежними лидерами младотурецкого движения и бывшего триумвирата, ни с новыми националистическими группировками, ни со сторонниками Кемаля Ататюрка.

Младотурецкие лидеры, оставшиеся не у дел и не найдя в Западной Европе сочувствия и поддержки, обратили свои взоры в сторону Советской России, которая в тот период была готова на любой союз в борьбе против своего главного врага в лице Антанты. Этим объясняется "гостеприимство" большевиков, пригласивших Энвера и его ближайшего соратника Талата в Москву. Лидеры РКП(б) дали согласие всячески поддерживать младотурок в лице Энвера и Талаата (здесь они уже в 1919 году создали "Лигу освобождения ислама" при мусульманской секции Восточного отдела Наркоминдела. Как предполагают некоторые авторы, в Кремле был разработан план, – который предусматривал, в случае неудачи движения Мустафы Кемаля,

²²⁹ Цитировано по рукописи: Оруджев М.Г. Борьба империалистических держав за Турцию в 1909-1914гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 1970. С. 607.

организацию "коммунистических полков" из турецких военнопленных под командованием младотурецких лидеров, с последующим их "прорывом в пределы Турции и объявлением там Советской республики" ²³⁰. РКП (б) в этот период колебалась, еще не зная, на ком остановить свой выбор: на Мустафе Кемале или на Энвере и его соратниках.

Только успешное развитие "анатолийского движения" во главе с Кемалем Ататюрком, которому способствовали нейтралитет Англии и выход из борьбы Франции и Италии и которое уже наглядно реализовалось в открытии в Анкаре нового Турецкого парламента в апреле 1920 года, дали возможность Москве определиться. Прибегать к помощи запасных вариантов не пришлось, ставка была окончательно сделана на союз с Мустафой Кемалем (взаимовыгодный в этот период для обеих сторон). Теперь нужно было как-то отделаться от Энвера-Паши и его соратников, которые оказались лишними в Москве. Вероятно, этим и объясняется данное им "разрешение" на выезд в Бухару. Возможно, со своей стороны советское правительство надеялось использовать авторитет и энергию Энвера-Паши в борьбе с не желавшими уступать своей власти старыми правителями среднеазиатских княжеств, прежде всего Бухарского эмирата, и новыми силами "британской интервенции", "английского империализма", способными вытеснить Советскую Россию из этого региона. Однако, расчеты такого рода провалились. Энвер-Паша не только не стал "агентом" или исполнителем указаний Кремля, но выступил против советской власти, предъявив ей 19 мая 1922 года дерзкий и решительный ультиматум. Направленный в Москву через Председателя Азербайджанского Совнаркома и Совета Закавказской СФСР Наримана Нариманова, этот ультиматум еще долго вызывал бессильную ярость советского руководства, диктовавшего своим холуйским борзописцам такие стереотипные оценки, надолго укоренившиеся в исторической литературе, как "самый наглый ультиматум" ²³¹. В этом ультиматуме Энвер-Паша выразил "непоколебимую волю народов Бухары, Туркестана и Хивы жить свободно и независимо", заявил, что "эта независимость должна быть признана Советской Россией" и потребовал вывода частей Красной Армии из Средней Азии.

²³⁰ Об этом пишет в своем очерке А.В. Сагадеев: *Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор./ Автор обзора А.В.Сагадеев. М., 1990. С. 116; 346-347.*

²³¹ См., например: *Сваранц Александр. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002. С. 589.*

Действуя решительно и умело, он создал в Средней Азии могучую военную группировку, численность которой, по некоторым оценкам военных специалистов, доходила до 50 тысяч человек. Эта армия объединяла тюркские народы Средней Азии и сражалась за их общие интересы. Участие значительной группы турецких офицеров, ближайших соратников Энвера-Паши, в качестве инструкторов и боевых командиров значительно повышало боеспособность этой армии, с которой долго не мог справиться советский режим. Уже появление Энвера-Паши в Бухаре вызвало огромный энтузиазм местного мусульманского населения. Его приветствовали лозунгами "Да здравствует ислам!", "Да здравствует Туран!", "Да здравствует Энвер-Паша!". За успешную организацию басмаческого движения ему был присвоен титул "эмира Туркестана" И та популярность, какой он здесь пользовался, и та массовость участия в басмаческом движении тюркских народов, какая была достигнута, были одной из форм реализации идеалов пантюркизма.

В это время Энвер стремился к объединению всех тюркских народов вокруг Бухары и к созданию таким образом центра будущего единого и свободного Тюрко-Турецкого государства. Для достижения этих целей Энвер всюду, где возможно, и не раз организовывал антибольшевистские мятежи и восстания под знаменами пантюркизма и панисламизма. До конца своей жизни он вел эту борьбу. Он пал на поле боя 4 августа 1922 года, но даже это не положило конец борьбе, которую его соратники и последователи продолжали еще некоторое время в восточной части Бухарского эмирата. Легендарная жизнь, подвиги и героическая гибель Энвера были воспеты в стихах бухарских и иных поэтов, о нем существует богатейшая литература на Западе и в Турции. Его помнили те, кто его знал, и к его романтическому образу время от времени обращались и политики, и историки новых поколений. В 1996 году его прах был перезахоронен в Турции на "Холме свободы" (в Стамбуле). Но так или иначе с его гибелью и с уходом из жизни его ближайших соратников (его друг Джемал вскоре был убит в Тбилиси) закончилась та эпоха развития пантюркизма, содержание которой определяли надежды на революционное освобождение тюркских народов от бывшей имперской и новой коммунистической диктатуры.

В советской историографии долгие годы культивировалось крайне негативное отношение к басмаческому движению, которое было объявлено разновидностью бандитизма (тогда еще не было в моде понятие "терроризм", которым нынешние "соловьи генштабов" российской военщины клеймят чеченских "боевиков"). Быстро были забыты и старательно вычеркнуты из всех списков рекомендуемой и дозволенной литературы ранние публикации 1920-х годов, в которых

наиболее честные ученые страны и наиболее объективные наблюдатели среднеазиатских событий еще пытались адекватно оценить масштаб и значение басмаческого движения (среди таких публикаций – появившаяся в 1921 году работа Г. Г. Сафарова "Колониальная революция (Опыт Туркестана)", в которой прослеживалась закономерность объединения басмачей и "крестьянской армии" ²³²). Абсолютно игнорировались рекомендации выдающегося русского ученого-востоковеда, крупнейшего знатока истории народов азиатского региона В.В. Бартольда, который в своей составленной в 1924 году "Записке" в категоричной форме возражал против передела Средней Азии по национальному признаку, подчеркивая общность народов этого региона и тот факт, что "национальный принцип чужд местным историческим традициям" ²³³. Из статьи в статью, из монографии в монографию, из диссертации в диссертацию на протяжении многих лет передавалась эстафета злобных проклятий, которые должны были деформировать сознание тюркских народов Средней Азии и вытравит память о героях басмаческого движения ²³⁴. Лишь в новых условиях "перестройки" оказались возможными сначала робкая дискуссия о сущности басмаческого движения, а затем и выводы о том, что оно не имело ничего общего с "бандитизмом", а представляло собой массовое народное восстание. Такие выводы, в частности, сделал Ю. Папоров на основе опубликованных им источников, среди которых доклад члена президиума Туркестанского ЦИКА и председателя СНК Туркестана К.

²³² Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921. С. 117.

²³³ Записка академика В.В.Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии, 1924. Цитируется по публикации: Бартольд В.В. Присягая идее достоинства // Азия и Африка сегодня, 1992, № 6. С. 56.

²³⁴ В длинном ряду исторических сочинений, фальсифицирующих басмаческое движение, находятся такие работы, как: Паскуцкий Н. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент: Политотдел печати ЦК КПТ., 1922; Ходжаев Ф. Басмачество. Ташкент, 1927; Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размеживания в Средней Азии. Ташкент, 1932; Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927; Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931; Бабаходжаев А.Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918-1924). М., 1962; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986; Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М., 1986.

Атабаева, который вынужден был признать, что "басмачество" пользовалось общенародной поддержкой²³⁵. Новые материалы и статьи, отражающие новые подходы узбекских ученых к этой проблеме, увидели свет в конце 1980-х и в 1990-х годах на страницах ташкентского журнала "Звезда Востока"²³⁶.

Однако до первой оттепели и наступления прозрения в Советском Союзе пролегла целая эпоха длиной в несколько мрачных десятилетий, наполненных драматическими потрясениями в истории тюркских народов, актами государственного террора, тотального наступления на их права, подавления их духовной свободы, разрушения их единства и другими горькими плодами преступной национальной политики, проводившейся под знаменем яростной борьбы с пантюркизмом и под завесой цветистой демагогии на темы "равноправия" и "дружбы народов".

**7. Пантюркизм в СССР (1922 – 1991) –
жупел устрашения,
объект идеологической атаки,
жества государственного террора**

После подавления басмаческого движения в Советском Союзе уже не осталось ни одного очага вооруженного сопротивления коммунистическому режиму.

Однако, отказ от вооруженных методов борьбы и революционных переворотов не означает идеологической капитуляции. Это относится к пантюркизму так же, как к другим антикоммунистическим течениям, правозащитным и национальным движениям, перемещающимся с полей сражений в диссидентский андерграунд, на трибуны партийных дискуссий, в программы оппозиционных движений и "уклонов", в научную и творческую, прежде всего литературную жизнь.

Трагедия тех общественных деятелей тюркского мира, которые после создания СССР оказались за тем "железным занавесом", что

²³⁵ Папоров Ю. "Белое солнце пустыни?" // Юность, 1990, № 1. С. 80-85.

²³⁶ См.: Ким П., Хасанов М. Басмачество: 1921-1924 годы // Звезда Востока, 1989, № 6. С. 141-150; Хаит Баймирза. Басмаческое движение // Звезда Востока, 1992, № 1 С. 97-105; Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока, 1992, № 7. С. 105-120; Абдуллаев Р. Хроника противостояния. Драммы "Красного Востока" // Звезда Востока, 1995, № 11-12. С. 190-201.

становился постепенно все более непроницаемым, отделяя советскую общественную мысль и политическую жизнь от эмигрантской и от всего внешнего мира, заключалась в глубоких внутренних противоречиях и долго (порою до конца жизни этих людей) не изжитых иллюзиях, связанных с их надеждами на возможность справедливого решения национальных вопросов в советской стране. О многих из этих деятелей даже нельзя сказать, что они "не успели" бежать из Советской России или из других республик, объединившихся в конце 1922 года в Советский Союз: они и не собирались эмигрировать, считали установление советской власти своей победой, принадлежали к коммунистической партии (а иногда и к высшей ее элите, формирующей "обкомы" автономных республик и областей и центральные комитеты национальных компартий союзных республик) и не просто были "готовы к сотрудничеству с советской властью", но сами и представляли эту власть на местах и даже в центральном государственном аппарате (в Наркомате по делам национальностей и т.п.). Почти все они были уничтожены (одни, если не физически, то морально уже в 1920-х годах, другие позже, в основном, в 1937 году, когда террор против национальной интеллигенции достиг своего пика) по обвинениям в "буржуазном национализме" и "пантюркизме", но далеко не все из них были на самом деле, своими действиями и помыслами, причастны к какому бы то ни было национализму (как в позитивном смысле этого слова, так и в его негативных оттенках и экстремальных крайностях), а уж тем более к пантюркизму как к идеологии, объединяющей тюркские народы и намечающей общие для них перспективы развития. Разобщенность между "национальными кадрами" тюркской интеллигенции в СССР была очень велика, и единого фронта солидарности здесь не существовало вплоть до самых последних лет долгой истории советской империи.

Важнейшая (и сложнейшая) задача современной гуманитарной науки, обращающейся к исследованию пантюркизма в СССР, заключается в том, чтобы среди множества жертв тоталитарного режима, — наших (в том числе представляющих тюркские народы) соотечественников, людей, в почтении памяти и восстановлении доброго имени которых заключается общий гражданский долг современников, — выявить те фигуры, которые на самом деле (а не только в диких обвинительных заключениях, густо замешанных, в основном, на подозрениях в шпионаже и в нахождении на службе всех возможных иностранных разведок) имели отношение к пантюркизму. В решении этой задачи наименее конструктивной представляется попытка оперировать определением "невинные" (в чем-то "виновные" или "ни в чем не виноватые") по отношению к этим жертвам. Обвиненные (сумбурными постановлениями партийных синклитов или

безжалостных трибуналов) в пантюркизме деятели, вплоть до крупных ученых, партийных или государственных функционеров самого высокого ранга, если они на самом деле ничего общего с идеологией пантюркизма и его концепциями, применимыми к советской действительности, не имели, кажутся нам не более "невинными" перед лицом истории, чем те немногие, кто, действительно, был озабочен проблемами единения тюркского мира и что-то старался предпринять для сохранения его единства "в языке, делах и вере". Более того, только эти немногие – среди огромного количества татар, узбеков, казахов, азербайджанцев, туркмен и людей других национальностей, облыжно обвиненных в причастности к пантюркизму, – должны привлечь наше внимание и занять место в исследовании, посвященном истории пантюркизма, совершенно независимо от того, что признавали (или что категорически отрицали, от чего "открещивались") люди, напуганные, обманутые, подавленные, доведенные до отчаяния, сломленные пытками и даже просто не понимавшие в те страшные времена, что такое пантюркизм, зависший над ними дамокловым мечом карательных органов.

Выделить такие фигуры и имена тем более сложно, что вся эта страшная ожоговая пена, состоящая из страха, отчаяния, непонимания, в чем их обвиняют, надежды на "оправдание", попыток отклонить чудовищные подозрения и в конце концов готовности признать все, что угодно, более-менее равномерно распространяется по той огромной деформированной поверхности, какую формирует травмированное и не всегда адекватное сознание людей той страшной исторической поры.

Наиболее яркий пример такой сложности обнаруживается при попытке выявить роль лидеров крымскотатарской "Национальной партии" ("Милли-Фирка") и роль легендарного руководителя (Председателя ЦИК) Крымской АССР Вели Ибраимова, ставшего одной из первых жертв сталинского террора (несмотря на личную дружбу с "Кобой"-Сталиным). По своей социальной программе и политической сути "Милли-Фирка" была социалистической партией²³⁶; в годы гражданской войны "милли-фирковцы" встали на сторону большевиков и во многом обеспечили их победу, а с 1921 года активно участвовали в государственном и культурном строительстве Крымской автономии. Что же касается Вели Ибраимова, то он был настоящим героем гражданской войны и партизанского движения (движения "красных" сил) в Крыму, а впоследствии большевистским руководителем

²³⁶ См. Программу "Милли-Фирка", опубликованную в оксфордском издании: *Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920)*. Оксфорд: Общество изучения Ср. Азии, 1985.

"красного Крыма", несущим – перед судом истории – ответственность если не за все, то за многие преступления, творившиеся в этом Крыму именем советской власти с осени 1921 года. Однако, можно ли считать случайным обстоятельством, игрой судьбы, прихотью кремлевского тирана или простым историческим парадоксом "революции, пожирающей собственных детей", то, что произошло с этими людьми уже к концу 1920-х годов? В декабре 1928 года коллегия ОГПУ вынесла приговор по "делу" "Милли-Фирка", инкриминировав бывшим ее членам участие в "контрреволюционной организации", "создание нелегальных пантюристских ячеек в Крыму" и "установление связей с Турцией"²³⁷. Особенно "громким" стало "дело" Вели Ибраимова, об "уголовных и политических преступлениях" которого власти решили широко оповестить общественность, опубликовав обвинительное заключение по этому делу²³⁸. Всё в этих обвинительных заключениях и приговорах было насквозь фальшивым и ложным, никаких тайных пантюристских ячеек, а уж тем более нелегальных "связей с Турцией" (напомним, вполне лояльной к Москве Турецкой республикой, руководимой Мустафой Кемалем) в Советском Крыму не существовало. Но все же было и нечто такое, что позволяет считать по-своему вполне логичными действия "центра", обрушившего именно на крымскотатарскую интеллигенцию и политическую элиту, обладавшую определенным авторитетом в народных массах и значительным культурным потенциалом, один из первых и самых сильных ударов в рамках развернувшейся политической кампании – борьбы с "нацдемовскими уклонами". Напомним, что до смертных казней партийных соратников тогда дело доходило редко, Ибраимов же был не просто смещен с высокого поста, а расстрелян, и за участие в пресловутой "вели-ибраимовщине" пострадало еще множество людей. Дело было, конечно, не в действительных или мнимых уголовных деяниях Ибраимова (среди руководителей советских республик и автономий 1920-х годов можно было бы найти немало людей, чьи руки были гораздо больше в крови), и не в "тайных пантюристских ячейках" милли-фирковцев. Дело было в том, что даже та мера относительной самостоятельности (автономии), которую пытался обеспечить для своей республики Вели Ибраимов, представлялась большевистскому центру недопустимой, а та забота о развитии татарской национальной культуры в Крыму, которую проявляли еще не совсем забывшие заветы великого

²³⁷ См. *Крымскотатарское национальное движение*.

Том 2. М., 1992. С. 281.

²³⁸ Дело Вели Ибраимова и других. Обвинительное заключение и речи государственного и общественного обвинителя. Симферополь, 1928.

Гаспринского интеллектуалы, создавшие "Национальную партию" ("Милли-Фирка"), казалась этому центру более чем подозрительной. Можно сказать, что своей нетерпимостью к действительному национально-культурному возрождению крымских татар и своей жесткой карательной политикой советская власть ("Москва") провоцировала ответные вызовы не только национального, но и казалось бы, совсем задушенного и истребленного к тому времени пантюркистского движения в Крыму. Во всяком случае те немногие деятели крымскотатарской политики и культуры, прямо или косвенно причастные к "Милли-Фирка" или к кругу соратников Вели Ибраимова, кому удалось пережить гонения 1920-х и террор 1930-х годов, выступили против советской власти в годы румынской и немецкой оккупации Крыма (1941 – 1944) и вспомнили тогда исходные лозунги и установки не только национального, но и объединительного пантюркистского движения. Это случилось, однако, гораздо позже, а 1928 год в Крыму был одновременно и чудовищным фарсом советского правосудия, каравшего и не тех, кто имел отношение к идеологии пантюркизма, и совсем не за то, и прологом будущих бедствий, кошмаров и комплексов "без вины виноватого" народа, отнюдь не случайно, однако, выбранного в качестве главного "козла отпущения" за все, чем действительно грозил настоящий, а не придуманный пантюркизм преступной коммунистической клике.

Первым серьезным опытом внутрисоветского и внутрипартийного сопротивления коммунистическому наступлению на тюркский мир была так называемая "султангалиевщина", которая являлась не только вымыслом следователей и верных "сталинскому курсу" пропагандистов, но и свидетельством реального проникновения идеологии пантюркизма в ряды членов самой Коммунистической партии. Среди татарских коммунистов была распространена (правда, в довольно узких кругах и весьма непродолжительное время, в 1920-х годах) идея образования независимого государства – Республики Туран – в центральной России; по их подсчетам получалось, что 75 % населения в границах этой республики будут представители тюркских народов и 80 % – мусульмане.

На личности Мирсанда Султан-Галиева (1892 – 1940) и всех обстоятельствах формирования "султангалиевщины" как политического мифа советской пропаганды и как реальной формы проявления пантюркизма в коммунистическом движении следует остановиться подробнее, поскольку именно здесь проходила, можно сказать, основная ось и собственных, внутренних противоречий пантюркизма, обреченного в советских условиях на уничтожение или вырождение, и яростной идеологической борьбы, которую "центр" последовательно направлял против любых проявлений и форм даже самого

"умеренного", лояльного к коммунистическому режиму, готового способствовать его укреплению пантюркизма.

Впрочем, последовательной эта борьба становится не сразу, и накал ее нарастает постепенно по мере укрепления тоталитарного режима. Еще в 1921 году X съезд РКП(б) рассматривал пантюркизм и панисламизм в контексте проявлений "буржуазно-демократического национализма", и советское руководство проявляло тогда если не снисходительность к идеям общетюркской солидарности, то во всяком случае некоторое безразличие к ним: пантюркизм оно еще не считало своим главным врагом и даже, как мы помним, пыталось привлечь на свою сторону и использовать в своих интересах некоторых его видных, в том числе и турецких, лидеров. Некоторый плюрализм мнений, еще допустимый в стране и в ее руководстве в эпоху НЭПа, оставлял довольно узкую, но все же не совсем безвоздушную нишу, в которой могли развиваться те идеи общетюркской солидарности "трудящихся Востока", к которым сводился ограниченный догматикой "классового сознания", "советский" пантюркизм. Та политика "коренизации", которую проводила в этот период Коммунистическая партия на местах, в республиках, активно привлекая к советскому государственному строительству "национальные кадры" и способствуя карьерному продвижению выходцев из "коренных народов" и "титulyных наций" всех, в том числе и тюркских союзных республик и автономий, создавала определенную почву для формирования кругов достаточно образованной, способной проявлять собственную инициативу и обладающей немалыми властными полномочиями (в организации научной, культурной жизни, в системе просвещения, в печати, в административных органах разного уровня) национальной интеллигенции, готовой освоить, переосмыслить и развивать прогрессивное наследие российского пантюркизма. XII съезд ВКП(б) (кстати, это был последний форум большевистской партии, на котором работала специальная секция по национальному вопросу ²³⁹), хотя и выявил уже существенные различия между декларациями большевиков о равноправии всех народов и реальной тенденцией к ограничению прав национальных меньшинств и сосредоточению всей полноты власти в "центре", все же формально еще поддерживал так называемую "ленинскую линию" в национальном вопросе, основанную на принципах уважения самостоятельности республик и учета их особенностей. Однако, последовавшие затем попытки некоторых руководителей республик наполнить формально провозглашенный

²³⁹ Подробнее об этом см.: Майстренко И. Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978.

суверенитет реальным содержанием, в частности, проводить самостоятельную политику в экономической сфере, вызвали острейшие конфликты с центральными органами власти, прежде всего с наркоматами, занимавшимися земельными вопросами (Наркомзем) и финансами (Наркомфин). Политбюро ЦК РКП(б) и секретариат во главе с И.В. Сталиным (занимавшим с 1922 года пост генерального секретаря), оказавшиеся как бы втянутыми в решение этих конфликтов, использовали их как повод для решительного формирования нового курса – наступления на так называемые "права народов" и остатки той фиктивной самостоятельности союзных и автономных республик, которую доверчивые лидеры этих республик принимали за чистую монету ленинской национальной политики. Ключевой фигурой, вокруг которой оказались завязанными эти конфликты и моральное уничтожение которой должно было стать символом торжества нового партийного курса и краха всех претензий и надежд "национал-уклонистов", стал Мирсаид Султан-Галиев, пользовавшийся к тому времени значительным авторитетом и влиянием внутри РКП(б).

Во многом это влияние было основано на его прежних заслугах "перед партией и революцией". В прошлом сельский учитель, он рано встал на путь национально-освободительного движения, революционной борьбы, причем сознательно связал свою судьбу с РКП(б) "вследствие непоколебимой веры в ее правоту", как отмечали авторы, первыми пытавшиеся еще в последние годы существования СССР реабилитировать Султан-Галиева, ставшего, как подчеркивал один из них, "первой жертвой" Сталина и проявившего организаторские способности и данные, которые сделали его "одной из наиболее крупных фигур в плеяде революционеров, участвовавших в национально-освободительном движении"²⁴⁰.

Большевики, действительно, были многим обязаны этому человеку, обеспечившему своими исключительными способностями и энергией победу над "контрреволюцией" в одном из ключевых национальных регионов "внутренней России" – в Татарстане – в 1917-1918 годах. Тогда его соратником в Казани был создатель "Мусульманского Социалистического Комитета" Мулламур Вахитов (1885 – 1918), впоследствии канонизированный советской пропагандой как "герой гражданской войны". Именно эти люди фактически сломали ту перспективу создания Волжско-Уральской Республики (Идель-Урал штата) в составе Российской Федерации ("буржуазной России"), которая казалась оптимальной лидерам татарского национального и

²⁴⁰ См.: Султанбеков Б.Ф. *Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время.* Казань, 1991. С. 12.

объединительного пантюркистского движения ("буржуазным националистам и реакционным пантюркистам") и еще не была безнадежно упущенной в начале 1918 года. Именно тогда в Казани проходил II Всероссийский мусульманский военный съезд, на котором решалась судьба этой республики. М. Султан-Галиев, представлявший интересы большевистского центра, уже совершившего переворот в Петрограде и делавшего ставку на установление советской власти во всей стране, отлично отдавал себе отчет в том, сам "акт объявления Татарского государства", как писал он позднее в своих воспоминаниях, "мог совершиться перелом в настроениях татарского населения в пользу националистов ..." ²⁴¹. Им же было принято решение "не допускать объявления националистами "штата" и в виде предупредительной меры, хотя бы на время, арестовать руководителей движения" ²⁴².

Таким образом, на его совести, если можно говорить о факторе совести в политической борьбе, были и те аресты, вызвавшие возмущение татарской общественности и восстание татарского населения Казани, и последующий лукавый компромисс – "Соглашение", которое большевики заключили с Мусульманским военным съездом и Военным Советом ("Харби шура"), потребовав от них передачи власти Мусульманскому комиссариату и пообещав, что в будущем будет создан "съезд Советов Поволжья и Южного Урала", которому и будет дано право провозглашения "Идель-Уральского штата". Султан-Галиев был вынужден освободить из-под ареста руководителей "Харби шура", взяв с них обязательство "не выступать против Советской власти", однако вскоре воспользовался тем, что они продолжали свою политическую деятельность, перенеся заседания съезда в татарскую часть города, за реку Булак, и провозгласили все-таки "Идель-Уральский штат" ("Забулачную республику"), и опираясь на силы "прибывших из Москвы матросов" (можно представить себе, что это были за силы – кровные "братишки" тех бандитов, которые как раз в те же самые февральские дни 1918 года глумились в Севастополе над вождем крымскотатарского Курултая), "покончил" с продержавшейся почти месяц "Забулачной республикой" ²⁴³.

Особое место в биографии Султан-Галиева занимает период с мая по июль 1919 года, когда он стал членом Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта. Не имея специальной военной подготовки, он быстро овладевает основами военного искусства и стратегического мышления и принимает непосредственное участие в разработке и

²⁴¹ Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 421.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С. 425.

осуществлении планов важнейших боевых операций, обеспечивших победы Красной Армии и потопление в крови белого движения в Поволжье и на Урале.

После этого по инициативе И.В. Сталина Султан-Галиев "отзывается" в Москву для работы в Наркомнаце и руководящих парторганах, объединяющих коммунистов восточных регионов.

В первые годы после окончания гражданской войны, будучи председателем Федерального земельного комитета, Султан-Галиев начинает активно защищать права национальных регионов России. "Грехопадение" Султан-Галиева, как считает исследователь его биографии Б. Султанбеков, началось в 1921 году, когда он выдвинул на коллегии Наркомнаца предложения, которые вели к большей самостоятельности республик²⁴⁴. С этого момента он превращается из самых доверенных лиц Сталина в его первейшего врага. "Создается впечатление, – подчеркивает Б. Султанбеков, – что [...] Султан-Галиев становится и не только для Сталина символом непокорности, который мог дурно влиять на поведение других. В высших эшелонах власти принимается решение" создать "дело Султан-Галиева [...] и использовать его для "укрощения" лидеров республик, в первую очередь мусульманских..."²⁴⁵.

На "совещании ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик" 9-12 июня 1923 года, на котором было поставлено и раскручено "дело Султан-Галиева", был опробован новый, формирующийся в высшем партийном и государственном руководстве метод борьбы с неугодными этому руководству взглядами, мнениями и "уклонами". Как отмечают исследователи, на этом совещании, проходившем под руководством Сталина, впервые был открыто использован "прием морально нечистоплотного оратора, знающего слабую доказательную силу имеющихся у него фактов, а потому сообщающего слушателям не сами факты, а собственное их толкование"²⁴⁶. В дальнейшем этот метод определил господствующую тенденцию советской историографии в исследовании проблем, связанных с пантюркизмом.

"Дело Султан-Галиева" во многом носило спекулятивный характер. Оно должно было оправдать репрессии, которым уже

²⁴⁴ Султанбеков Б.Ф. *Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время.* Казань, 1991. С. 13.

²⁴⁵ Там же. С. 6.

²⁴⁶ Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. (Автор обзора А.В.Сагадеев). М., 1990. С. 86.

подверглись или должны были подвергнуться в ближайшем будущем так называемые "национальные коммунисты", способные к самостоятельным действиям руководители республик и автономий, представители национальных движений социалистического направления, еще недавно служивших "опорой советской власти" на местах, объяснить исчезновение из страны или из ее общественной жизни, вытеснение в эмиграцию, объявление "врагами народа" таких фигур, как З.-А. Валиди, как многие видные и еще недавно вполне лояльные к большевикам "миллифирковцы", "алашордынцы", "младобухарцы".

Во всех этих спекуляциях доминировали очевидная фальшь, демагогия, грубые натяжки и подтасовки. В то же время тот главный стержень, на который было нанизано "дело Султан-Галиева" и обвинения всех, с кем совершенно произвольно или случайно связывали его имя, и который сводился к идее объединения тюркских народов ("для революционной и антиколониальной борьбы") и к созданию на их объединенной территории Туранского государства (как составной части мировой или евразийской "Республики Советов"), не был чисто фантастической конструкцией. Он соответствовал той реальной модификации, какую обретала платформа пантюркизма в условиях советской действительности и "социалистического строительства", в травмированном коммунистической идеологией сознании лидеров тюркских национальных движений, еще пытавшихся, уже в совершенно безнадежных условиях, как-то связать сакральную парадигму "единства в языке, делах и вере" с новыми императивами пролетарского интернационализма ("пролетарии всех стран, объединяйтесь!") и "дружбы народов Советского Союза". Надо подчеркнуть одновременно три обстоятельства: первое — это то, что такие попытки, действительно, имели место, а вовсе не были выдуманы и приписаны ни в чем не "повинным" и ни сном, ни духом об этом не ведавшим "жертвам"; второе — это то, что данные стремления и попытки именно этих деятелей из высшего советско-партийного клана, не только не носили характер "злого умысла" против советской власти и не только не означали какого-либо радикального намерения разрушить ее, но были составной частью их "марксистско-ленинского" мировоззрения, отвечали их самым искренним (и преступным по своей конечной сути) намерениям использовать механизмы общетюркского (пантюркистского) единения для разжигания "мирового революционного пожара"; наконец, третье — это то, что даже в таком, "умеренном" и явно искаженном по отношению к исходным позициям пантюркизма виде и даже в соответствии с такими, "благородными", коммунистическими целями пантюркизм оказался неприемлем для большевистского руководства СССР, приступившего к укреплению

своей диктатуры в союзном государстве и к цементированию тоталитарного режима. Ни с каким, даже робким, даже коммунистическим пантюркизмом этому режиму и этому государству было не по пути, и сталинизм фабрикует "султангалиевщину" как дело о "враждебных народу происках мирового империализма" и обрушивает это яростно-шипящее проклятие на всех, кто напрасно надеялся выступить выразителем и проводником интересов тюркских народов в коммунистическом движении.

Впервые открытые в конце 1980-х годов и использованные в качестве источников исторического исследования материалы Восточного отдела ГПУ позволили Б. Султанбекову сделать вывод, что "подготовка компрометации Султан-Галиева была поставлена профессионально". В орбиту операции чекистов были втянуты многие деятели восточных республик, не исключая членов ЦК и глав правительств, включая заместителя Председателя ВЦИКа СССР, главу Советского Азербайджана Н. Нариманова ²⁴⁷. После ареста Султан-Галиева, обвиненного в "связях" с З.-А. Валиди, было созвано то самое июньское совещание ЦК РКП(б) 1923 года, которое должно было знаменовать собой "победу сталинской тактической модели решения национальных проблем" ²⁴⁸.

Как отмечает историк А.П. Ненароков, который произвел тщательный анализ материалов этого совещания, оно должно было "взять своеобразный реванш за то, что XII съезд "недооценил" указания на опасность уклона к национализму на местах" ²⁴⁹. М. Султан-Галиев во время совещания подвергался допросам в восточном отделе ОГПУ. Обвинение основывалось на его письмах к местным работникам о политике партии в национальном вопросе, а также составленной им записке к комиссару просвещения БАССР А.Адигамову, в которой содержалось предложение установить связь с Валиди, предпринимавшим в 1923 году шаги по примирению с советской властью. В своем объяснении, написанном на имя Сталина и Троцкого, Султан-Галиев опровергал самое серьезное обвинение в поддержке им

²⁴⁷ Султанбеков Б.Ф. *Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время.* Казань, 1991.

²⁴⁸ *Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). М., 1992. С. 6.*

²⁴⁹ Ненароков А.П. *Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история, 1992, № 2. С. 5.*

басмачества и указывал, "что хотел воздействовать на Валидова, которого не считал потерянным для Советской власти"²⁵⁰.

В этой объяснительной записке Султан-Галиев излагает свою точку зрения на Туркестан как "плацдарм наступления на Восток". "Без предоставления региону элементарнейших основ государственности, – пишет он, – превращать его в таковой было нельзя [...] Мне будут, конечно, возражать, что это привело бы к "пантюркизму", к образованию Турана с [...] присоединением к нему остальных [...] тюркских территорий: Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, тюркских частей Афганистана и Персии. Но что тут страшного с точки зрения интересов международной социальной революции? Это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма, а для революции это не страшно"²⁵¹.

Свою программу Султан-Галиев формулирует как "самоопределение Туркестана, превращение его в самостоятельное Советское государство с самым широким привлечением к этому трудящихся туркестанского туземного населения" что по его мнению явилось бы "...одним из реальных средств нашего укрепления на Востоке и, следовательно, вовлечения его в орбиту начатой нами международной социальной революции"²⁵². Ошибки в данном вопросе, по мнению Султан-Галиева, "привели в полное расстройство хозяйственную жизнь Туркестана... , а с другой стороны, получили басмачество на нашей территории и сочувствие к нему отдельных стран Востока..."²⁵³.

Объяснения Султан-Галиева, конечно, не могли переломить негативного отношения к его действиям и намерениям со стороны советского руководства. Отпущенный на свободу после 45-тидневного заключения, он еще прожил некоторое время в этой стране в положении политического изгоя. В регионах повсеместно проводилась "разъяснительная работа" в духе выводов "Московского совещания", разоблачавшая "пронски пантюркистов". К концу 1920-х годов этого показалось недостаточным, и Султан-Галиев оказался в центре новой разоблачительной кампании по выявлению "национал-уклонистов". Теперь ему особенно настойчиво инкриминировали принадлежность к пантюркизму. Карательными органами в 1928 году против Султан-Галиева фабрикуется новое "дело", а в советской печати одна за другой

²⁵⁰ Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 433-434.

²⁵¹ Там же. С. 358-359.

²⁵² Там же. С. 359.

²⁵³ Там же.

выходят статьи и книги на русском и татарском языках, разоблачающие "преступную сущность султангалиевщины как одного из отрядов пантюркистского контрреволюционного движения".

Первым таким изданием явился сборник "Против султангалиевщины и великодержавности", открывавшийся резолюцией состоявшегося в ноябре 1929 года пленума Татарского Обкома ВКП(б), в которой говорилось: "... Идейный и организационный разгром султангалиевщины не означает прекращения борьбы против национализма. Пленум призывает всех членов партии разоблачать конкретных проводников султангалиевской идеологии, которые еще имеются в наших аппаратах" ²⁵⁴. Один из авторов сборника предлагает рассматривать "султангалиевщину" в едином ряду проявлений "татарского буржуазного национализма". "В дореволюционный период, — пишет он, — ряды буржуазного национализма были едиными, но в последующий период они распались на три части, три отряда. В условиях Татарии это, во-первых, отряд Гаяза Исхакова, который оказался самым непримиримым [...] из всех националистов [...] Второй отряд - это группа Заки Валидова [...] Таким образом, - султангалиевщина явилась тем третьим отрядом из буржуазных националистов, который оказался гораздо более гибким и раньше других понял необходимость сближения с партией и позже других пошел на разрыв с ней" ²⁵⁵.

История самой султангалиевщины делится также на три периода. "Первый период, — считает автор, — общий со всем буржуазным национализмом — период до революции. Второй период начинается с момента, когда султан-галиевская группа приходит к необходимости стать на время попутчиком нашей партии и заканчивается примерно в 1923 г., когда султангалиевщина перерастает в контрреволюционное движение... Потеря влияния в массах [...] должны были толкать Султан-Галиева на поиски новых союзников. Так начался третий период (до 1928 г.), когда султангалиевщина находит себе союзников в лагере злейших врагов [...] когда ставит задачу свержения советской власти [...] " ²⁵⁶. Следует обратить внимание на то, что здесь впервые упоминается "программа", которую якобы разработал Султан-Галиев осенью 1923 года под названием "Некоторые соображения об основах социально-политического и культурного развития тюркских народов".

²⁵⁴ *Против "султангалиевщины" и великодержавности. Сборник статей. Казань, 1929. С. 1.*

²⁵⁵ *Там же. С. 6-8.*

²⁵⁶ *Там же. С. 8.*

Впоследствии выдержки из этой "программы" приводятся в книге А. Аршаруни и Х. Габидуллина "Очерки панисламизма и пантюркизма в России" ²⁵⁷, а также в работе Л. Рубинштейна "В борьбе за ленинскую национальную политику" ²⁵⁸. Эта программа рассматривается на заседании комиссии ЦКК ВКП(б) 27 февраля 1929 года, которое проходит после ареста М.Султан-Галиева 28 декабря 1928 года и следует якобы из его признательных "показаний". В "программе" говорится о перспективе социалистической революции в России и в мире и в этом контексте дается конкретизация "тюркской проблемы в СССР". Мотивируя свои соображения о необходимости создания единой тюркской республики (в программе есть раздел "О создании Туранской республики"), Султан-Галиев исходит из следующих предпосылок: а) историческая неизбежность распада России как государственного организма на ряд самостоятельных государств, по примеру Римской империи, Арабского халифата, империй Чингисхана и Тимура, Османской империи и других прежних империй; б) историческая неизбежность объединения и консолидации тюркских народов СССР и сопредельных с ним восточных стран в единый организм ... Процесс этот, как отмечает Султан-Галиев, вызывается распадом патриархально-феодального строя и развитием феодализма в восточных странах. Социалистическое строительство в тюркских регионах России и в тюркских республиках СССР, по его мнению, усилило этот процесс и дало новые формы всему движению в этом направлении. "Нарождающаяся тюркская национальная буржуазия, рассуждает он, – стремится использовать этот исторический процесс в своих классовых интересах и противопоставляет лозунг "освобождения" тюркских народов СССР – Советской власти и социалистической революции. В этом сущность движения пантюркизма как буржуазно-националистического движения [...] Я же думал, что нарождающийся процесс консолидации тюркских народностей СССР и сопредельных с нею юго-восточных стран может и должен быть использован социалистической революцией в интересах укрепления ее экономических, политических и стратегических позиций на среднем Востоке." [...] И наконец, третьим фактором [...] является] революционная ситуация на Востоке, где подъем национально-освободительных революционных движений сменяется укреплением позиций международного империализма" [... что создает] "реальную угрозу

²⁵⁷ Аршаруни А., Габидуллин Х. *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. М., 1931.

²⁵⁸ Рубинштейн А. *В борьбе за ленинскую национальную политику*. Казань, 1930.

среднеазиатским и вообще тюркским районам СССР со стороны Китая и Индо-Афганистана, что придавало еще большую политическую актуальность тюркской проблеме ... Мне казалось, что партия [...] должна во всю ширь поставить эту проблему и пересмотреть свою политику расчленения тюркских районов по признаку племенной дифференциации, т.к. наступающей реакции значительно легче будет "скушать" тюркские национальные советские республики по отдельности, чем в целом [...] Я полагал, что возможному и ожидаемому наступлению на Советскую власть международной реакции со стороны Китая и Индии должно быть противопоставлено сильное и крепкое буферное государство-федерация тюркских советских республик с непосредственным вхождением последней в Союз на равных с Украиной правах" ²⁵⁹.

"Исходя из этих трех факторов, – подводит итог Султан-Галиев, – я выдвигал положение о необходимости подготовки образования так называемого Туранского государства как Федеративной Сов. Соц. - республики в состав Советского Союза, как народно-демократической республики на основе госкапитализма..." ²⁶⁰.

Разумеется, весь этот текст требует к себе осторожного, взвешенного отношения. Историки справедливо обращали внимание на то, что свои "объяснения" М. Султан-Галиев давал в заключении, через полтора месяца после ареста, а в те времена "органы уже не стеснялись в выборе средств для получения показаний" ²⁶¹. Трудно сказать, что из этой программы относится к 1923 году, что было дополнено позднее, что сформулировано самим Султан-Галиевым, "с его слов верно" или не совсем "верно". Думается, что сама терминология, опирающаяся на понятие "Туран" ("Туранская республика", "Туранское государство"), мало соответствовала исходным установкам "коммунистического пантюркизма" и больше служила для его компрометации в глазах советских людей, уже смутно представлявших себе к концу 1920-х годов, что такое "Туран", и не готовых к восприятию "Туранской республики" как дружественного им государства. Однако, каковы бы ни были издержки этого текста и наши сомнения в его подлинности и точности в качестве исторического источника, мы все же безусловно имеем здесь дело с последним всплеском коммунистического пантюркизма, пытавшегося интересами пролетарской революции оправдать необходимость общетюркского единения. Однако, в

²⁵⁹ Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 468-470.

²⁶⁰ Там же. С. 470.

²⁶¹ См.: Султанбеков Б.Ф. Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время. Казань, 1991. С. 20.

советской стране это направление общественной мысли уже было обречено на полное искоренение включая физическое уничтожение его представителей.

Вся последующая советская историография и пропаганда однозначно утверждала, что "султангалиевщина" в 1929 году оформилась как "контрреволюционная идеология воинствующего пантюркизма, непримиримого с пролетарским интернационализмом, и прикрывающаяся революционной фразеологией"²⁶². Можно сказать, что в Советском Союзе по отношению к пантюркизму в 1928-1929 годах был реанимирован миф, доставшийся новой власти со времен старорежимной монархии.

Особенно старательно способствовали распространению этого мифа авторы уже называвшихся книг "Очерки панисламизма и пантюркизма в России" – А. Аршаруни и Х. Габидуллиним и "Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина" – Г. Касымов. Выполняя конкретный политический заказ советского руководства по "разоблачению" "вражеской деятельности" Султан-Галиева, они в то же время грубо фальсифицировали и всю прежнюю историю пантюркизма в России, подчеркивая его "классовый характер" (служение интересам татарской буржуазии), называя Исмаила Гаспринского "верным слугой дома Романовых" и допуская множество других фактических ошибок и теоретических искажений.

Завершая печальную историю "султангалиевщины", отметим, что несмотря на очевидные сдвиги в советской исторической науке и тюркологии, которые произошли после XX и XXII съездов КПСС и Всесоюзного совещания историков, ни первая "оттепель" конца 1950-х годов, ни общественное движение "шестидесятников" никак не коснулись наследия и имени М. Султан-Галиева, на котором до самого конца советской эры лежало грозное государственное проклятие. Уже был осужден "культ личности Сталина", открыт более свободный доступ к историческим архивам, отменены "спецрежимы" для депортированных народов, реабилитированы многие жертвы сталинских репрессий, включая советских государственных и общественных деятелей тюркского мира, обвиненных в свое время в различных "национальных уклонах" (среди них – Ф. Ходжаев, Акмал Икрамов, Галимжан Ибрагимов, Турар Рыскулов), но официальная оценка "реакционной султангалиевщины" не менялась.

"Бывший член коллегии Наркомнаца Султан-Галиев, – утверждали авторы многотомной "Истории КПСС", – и его сторонники

²⁶² Против "султангалиевщины" и великодержавности. Сборник статей. Казань, 1929. С. 18.

в Татарии, Башкирии, Крыму, Туркестане вели работу по созданию пантюркистской националистической организации. Проповедуя примат национальной борьбы над классовой, они отрицали классовое расслоение среди тюркских народов, призывали к соглашению с мусульманским духовенством и тюркской буржуазией, клеветали на советскую власть и политику партии в национальном вопросе. С целью создания "единого фронта борьбы против Советской власти и Коминтерна Султан-Галиев предпринял попытку установить контакты с буржуазными деятелями Турции и Персии. Преступные действия Султан-Галиева поставили его вне рядов партии" ²⁶³.

Последние штрихи к портрету М.Султан-Галиева в советской литературе мы находим в книге М. Абдуллина и С. Батыева "Татарская АССР: Реальность и буржуазные мифы", изданной в 1977 году. И ее авторы также не выходят из парадигмы "реакционной султингалиевщины", подчеркивая, что "борьбу Султан-Галиева за создание Татаро-Башкирской республики следует рассматривать как промежуточную ступень на пути к образованию Туранской республики, которая должна включать в свой состав Поволжье, Урал, Казахстан и Среднюю Азию" ²⁶⁴.

Лишь на переломе 1980-90-х годов, в эпоху "перестройки" и в первые годы после крушения СССР, в татарской историографии происходит решительный сдвиг в сторону последовательной реабилитации Султан-Галиева. Если сначала эта реабилитация идет под знаком восстановления доброго имени "славного революционера" и "верного сына Коммунистической партии", подвергшегося "незаконным" репрессиям, инициатором которых был И.В. Сталин, и сопровождается эйфорией, вызванной ощущением наконец-то наступившего торжества справедливости и ставшего возможным возвращения татарскому народу его национального героя (эта кампания достигает своего наивысшего подъема к 100-летию юбилею Султан-Галиева в 1992 году), то впоследствии определяется более взвешенная, свободная от полемических крайностей оценка деятельности и личности Султан-Галиева с учетом всех его противоречий, личной причастности к советской и партийной элите, ответственности за ту национальную политику, которую эта элита проводила и в Татарстане, и во всей стране (во всяком случае до 1923 года, пока Султан-Галиев еще не был лишен возможности влиять на эту политику) и той его

²⁶³ *История Коммунистической партии Советского Союза. Том 4. Книга 1. М., 1970. С. 282.*

²⁶⁴ *Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977. С. 130.*

глубокой драмы, которая была предопределена несостоятельностью его программы и объективной невозможностью "приспособить" гуманные и либеральные принципы объединительного пантюркизма к коммунистической идеологии, основанной на ригоризме классовой борьбы.

После разгрома "султангалеевщины" сопротивление тюркских народов советской политике выражалось в иных формах, в частности, в сопротивлении казахов и других тюркских народов навязанной сверху реформе письменности. Хотя наибольший ущерб этой письменности наносил перевод на кириллицу, осуществленный в 1938-1939 годах, но тогда протестов уже почти не было – некому было сопротивляться, а внедрение яналифа – алфавита на латинской основе, теперь представляющееся как дело вполне разумное (многие тюркские народы хотят к нему вернуться, ссылаются на успешный турецкий пример), в 1928-1929 гг. шло с большим трудом, в обстановке дискуссий, которые тогда еще были допустимы, резких и решительных возражений со стороны части интеллигенции, в том числе таких еще не пошатнувшихся "советских авторитетов", как председатель Татарского Академического Центра Галимжан Ибрагимов. (Известно, что получив в Кремле четкое указание, равносильное приказу и сопровождавшееся прямой угрозой, произнести на съезде, куда отправлялась руководимая им татарская делегация, всего одну фразу "Татарская делегация не возражает против перевода тюркской письменности на яналиф", Галимжан Ибрагимов на этом съезде поднялся на трибуну и сказал: "Татарская делегация не возражает против перевода тюркской письменности на яналиф... но считает для нас, татар, это неприемлемым". Семь последних слов, продливших запланированное выступление главы татарской делегации на несколько секунд, в конечном итоге стоили Галимжану Ибрагимову жизни).

Советская власть попыталась в 1929 году провести это решение "руками" и от имени самих тюркских народов на очередном Тюркологическом съезде в Баку. Материалы этого съезда чрезвычайно интересны в контексте истории мобилизованного тюркизма. С одной стороны, это был примечательный опыт – попытка со стороны правящего режима взять общетюркское движение под свой контроль, создать нечто вроде просоветского тюркизма, органом которого и должен был стать этот съезд. Нельзя сказать, что это была первая попытка (съезды трудящихся мусульман, на которых естественно преобладали тюрки-мусульмане, проводились в Советской России еще в годы гражданской войны), но по масштабу это была наиболее крупная акция, проводившаяся в общегосударственном масштабе и под контролем не только бакинских властей, но самого Кремля, где получали инструкции сформированные и посылаемые на съезд

делегации. В известном отношении это был пролог того, что попытались повторить и взять на вооружение чиновники из российского Госкомнаца, готовившие съезд тюркских народов России, проведенный в 1995 году. Показательно, что как тогда, так и в новых условиях центральная власть не смогла взять тюркское движение под свой контроль и подавить сопротивление тюркских народов, так или иначе прорывавшееся в отдельных инициативах и выступлениях на этих съездах, и отказалась от дальнейшего созыва такого рода общетюркских съездов: слишком уж огнеопасной и неуправляемой оказывалась эта материя.

Естественно, что протесты против модификации тюркской письменности опирались на вновь актуализируемые позиции тюркизма, некоторые узбекские писатели, например, прямо указывали на то, что новый алфавит затруднит общение между народами тюркской общности²⁶⁵. Еще раньше, на Тюркологическом съезде в Баку 1926 года, татарские ученые выдвинули идею создания "Федерации тюркских языков" и даже заявили "Мы, тюрки, не можем изолировать себя от других тюркских народов".

Между тем советская пропаганда против пантюркизма и панисламизма принимала все более жесткие формы. В авангарде идеологического наступления на пантюркизм оказался журнал "Революционный Восток", который к началу 30-х годов поменял, как и практически все другие советские издания, направление своих публикаций с объективного научного анализа проблем на пропаганду партийных установок. Характерна в этом плане статья Х. Хасанова "Против буржуазного национализма в татарской исторической литературе", в которой обосновывалась необходимость решительной кадровой и идейной "зачистки" во всех областях формировавшегося в 1920-е годы советского востоковедения и татароведения. "Буржуазный национализм, — заявлял автор, — просачивается в область истории по трем линиям: 1) по линии отрицания классового расслоения среди "мусульман России"; 2) по линии популяризации идей пантюркизма и деятелей буржуазного национализма; 3) по линии популяризации идей буржуазной национальной культуры..."²⁶⁶. К представителям

²⁶⁵ Эдвард Оллуверд приводит эти факты в своем исследовании истории узбекской литературы и литературной политики в Узбекистане: *Edward Allworth. Uzbek Literary Politics. 1964*. Интересна в этой связи также появившаяся в 1925 году анонимная брошюра: *Национальное размежевание Средней Азии*. Б.м., 1925.

²⁶⁶ Хасанов Х. Против буржуазного национализма в татарской исторической литературе // *Революционный Восток*. Журнал научно-204

пантюркизма Х. Хасанов относит автора книги "Некоторые основы национализма" Газиза Губайдуллина, автора книги "Очерки образованности и литературы волжских татар" Дж. Валидова, а также Галимджана Ибрагимова и других представителей татарской советской интеллигенции, искренне стремившихся верой и правдой служить новому строю. Пантюркизм Губайдуллина он усматривает в данном им определении нации "как совокупности людей, связанных между собой "единым историческим прошлым, культурой и бытом..."²⁶⁷, а Дж. Валидова и Г. Ибрагимова объявляет "пантюркистами" на том основании, что они настаивали на сохранении "культуры, письменности и языка", в качестве необходимых условий для развития народа.

Вопрос о выборе алфавита для тюркских языков, чему советская власть придавала политическое значение, был теснейшим образом связан с судьбами тюркских народов СССР, с развитием их культур, с перспективами объединительных (пантюркизм) и национальных (названных "нацдемовскими уклонами") движений в Советском Союзе. Сложность ситуации заключалась в том, что уже первое решение, реализованное в 1926-1929 годах, а именно перевод письменности тюркских народов с арабской на латинскую графическую основу, не случайно вызвало многие сомнения и сопротивление со стороны части тюркской интеллигенции. Формально, казалось бы, это решение лежало в русле прогрессивного пантюркизма. Его сторонники неслучайно ссылались на турецкий передовой опыт, даже называли новый латинский алфавит ("яналиф") "алфавитом революции" и полагали, что его внедрение поможет прежде всего оторвать народы Востока от "панисламизма"²⁶⁸. Они подчеркивали, что отказ от арабской письменности продемонстрирует готовность мусульманских народов бывшей Российской империи (а также Турции) перейти к открытой политике, приобщающей их к западным ценностям, к достижениям западной науки, в целом, к модернизации: это было целое мировоззрение, глубоко адекватное прогрессивному пантюркизму начала 20 века. Сторонники этой модернизации рассматривали латинский алфавит как средство разрыва с тем, что они называли обскурантизмом, тиранией и отсталостью прошлых времен. В дискуссиях 1920-х годов приводились соображения и аргументы такого рода, что переход от арабского алфавита к латинскому станет средством

исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1931, № 11-12. С. 196.

²⁶⁷ Там же. С. 198.

²⁶⁸ На эту сторону проблемы обращал внимание Якоб Ландау в своем исследовании "Политика панисламизма": Landau J.M. *The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization*. Oxford, 1994. Chapter 3.

"борьбы с влиянием ислама", а также свидетельством выполнения определенных обязательств перед "мировой революцией", ибо латинская письменность была своего рода символом интернационализма ²⁶⁹. И тем не менее реформы, проведенные в Советском Союзе во второй половине 1920-х годов, не совсем соответствовали тем концепциям прогресса и модернизации, которые лежали в основе джадидизма и пантюркизма. Во-первых, проводились эти реформы слишком поспешно, без всестороннего научного исследования и конструктивного моделирования проблемы, под нажимом сверху, под диктовку из Кремля, без учета народного мнения, проводились так, что нельзя было не заметить определенного государственного пренебрежения к тюркскому миру (показательно, что алфавитная основа славянских языков, а также армянского и грузинского языка не подвергались изменения во имя "прогресса" и "идеалов мировой революции", ломка проводилась в сфере якобы "отсталых" культур, а такой подход неизбежно ранил чувство собственного достоинства тюркских народов и не соответствовал реальному положению их культур в общесоюзном окружении). Во-вторых, конфронтация между пантюркизмом и панисламизмом, весьма актуальная в иные времена и при иных обстоятельствах, теряла свой смысл в конкретных условиях Советского Союза, где уже в полную силу был раскручен маховик воинствующего атеизма, государственных гонений на ислам и мусульманское духовенство. Таким образом, переход на новый латинский алфавит в республиканской Турции и в Советском Союзе, хотя и совпадал по форме, по времени проведения этих реформ (в Турции переход на латинский алфавит был осуществлен в 1928 году) и по внешней риторике и аргументации в защиту этих реформ, все же был далеко не одинаковым там и здесь.

Однако, как уже говорилось, главный удар в этой области по тюркским культурам был нанесен спустя десятилетие, когда советское руководство стало форсировать на новые перемены – переход с латинского алфавита на кириллицу. Этот переход, повсеместно осуществленный в 1939-1940 годах, был еще менее подготовлен в научном плане, еще более грубо и насильно навязан сверху (без малейшего учета волеизъявления тюркских народов) и совершенно явно обнаруживал стремление к русификации тюркских культур (чем и объяснялся выбор кириллицы). При этом новые реформы явно обнаружили и нарастающую (с конца 1930-х годов) враждебность Советского Союза к Турции, его подозрительное отношение к так

²⁶⁹ См. об этом: Bernard Comrie. *Script Reform in and after the Soviet Union // The World's Writing Systems* (Editors P.T. Daniels and William Bright). New York, 1996. P. 700-726.

называемому "пантюркизму", оплотом которого якобы становилась Турция (как это было на самом деле, мы попытаемся выяснить в следующих главах), панический страх перед возможным сближением, взаимопониманием (в буквальном смысле, пониманием языка и печатного слова) между тюркскими народами СССР и их южным соседом. И хотя новые реформы сопровождались пропагандистскими кампаниями, призванными затуманить и скрыть истинные политические цели этих нововведений (особенный акцент делался на задачах борьбы с неграмотностью, как будто бы с неграмотностью было легче бороться на основе нового, совершенно непривычного для тюркских народов и не адаптированного к их языкам алфавита на основе кириллицы!), суть этой политики была совершенно ясна: изоляция "советских тюрков" от зарубежного тюркского мира (для ираноязычных народов – аналогичная изоляция от иранских соседей), так называемое "выбивание политического клина", образуемого мусульманскими тюрко- и ираноязычными народами в Советском Союзе и родственными им народами за рубежом, и дальнейшая русификация и ассимиляция²⁷⁰. В конечном итоге, кириллица стала своего рода символом советизации (и именно поэтому вызвала решительное отторжение в новых условиях, связанных с перестройкой и развалом СССР).

Реформами алфавитной системы, проведенными "в два приема" (в 1926-1929 и в 1939-1940 годах) дело не ограничивалось. Наступление на права и культуры тюркских народов Советского Союза особенно последовательным и жестким было в сфере языковой политики и охватывало все составляющие этой сферы. В 1920-х и даже до середины 1930-х годов в союзных и автономных республиках "Советского Востока" еще продолжалось обучение в школах на тюркских языках и на других "родных языках" проживающих здесь коренных народов. Всего в СССР в периоды, наиболее толерантные к "коренным" народам, более семидесяти языков были задействованы в школьном учебном процессе, при этом один только Узбекистан использовал преподавание

²⁷⁰ Надо сказать, что эти цели были хорошо понятны зарубежным исследователям и вскрыты в целом ряде советологических исследований и публикаций. В этом ряду: М.К. Adler. *Marxist Linguistic Theory and Communist Practice*. Hamburg, 1980; Michael Bruchis. *The Effect of the USSR's Language Policy of its Turkic Population // The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy* (editor Yacob Ro'i). London, 1984. P. 129-148; J.M. Landau. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. London, 1995.

на двадцати двух языках ²⁷⁰. Однако "родные языки" и "национальные культуры" коренных народов в 1930-х годах уже оказались под ударами сталинских "чисток", проводимых в кругах национальной интеллигенции, и разрушения исторических ценностей и сокровищ. Вскоре централистская политика стала господствующей, ее носители объявили, что латинские алфавиты создают трудности в борьбе с неграмотностью и в изучении русского языка, и категорическая русификация в языковой сфере распространилась на все народы Советского Союза, болезненно затронув весь тюркский Восток. В течение сравнительно короткого времени различные версии кириллицы были внедрены в качестве алфавитно-графической основы многих языков не только для того, чтобы выявить различия, особенности каждого из этих языков, но и для того, чтобы изолировать различные лингвистические группы друг от друга. На основании Указа от 13 февраля 1935 года, получившего развитие, подтверждение и еще большую силу действия в правительственном Постановлении от 13 марта 1938 года "Об обязательном изучении русского языка в школах в национальных республиках и регионах", изучение русского в качестве второго языка стало обязательным во всем Советском Союзе. Преподавание "родных" языков с каждым годом все более сокращалось и сводилось на нет. С 1938 года все граждане Советского Союза должны были изучать русский язык, поскольку Советский Союз, хотя формально и считался Федерацией, по сути был унитарным государством.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз в 1941 году советское руководство приостановило действие постановления об обязательном преподавании русского языка, отчасти потому, что оно не имело тогда достаточных средств для его реализации, но главным образом, потому, что не хотело вызвать оппозицию в так называемых "национальных" республиках. После победы во Второй мировой войне Советский Союз, значительно укрепивший свои позиции как во внутренней сфере, так и на международной арене, ощутивший себя Великой державой, вернулся к в высшей степени централизованной политике во всех сферах. В вопросах языка, как их представляли себе советские руководители, высоко индустриальная держава, стремящаяся внедрять в производство передовые технологии, нуждалась в едином языке общения, а эти задачи едва ли могло обеспечить равенство в использовании языков

²⁷⁰ Эти данные приведены в статье: I.T. Kreindler. *Soviet Muslims: Gains and Losses as a Result of Soviet Language Planning // The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy* (editor Yacob Ro'i). London, 1984. P. 187-203.

народов СССР. Далее, они решили, что Великая Держава не может допустить собственного ослабления за счет реализации внутренних тенденций к автономии, включая и языковую автономию; в частности, в связи с тем, что различные этносы имели родственные им группы, говорящие на тех же или родственных языках, за рубежами Советского Союза. И пока официально, *de jure*, повторялись декларации о равенстве всех языков народов Советского Союза, на самом деле, *de facto*, советское руководство сделало ставку на продвижение русского языка как в образовательной сфере, так и в административной системе, при этом примат русского языка был обеспечен и ощущим повсеместно в наиболее важных сферах деятельности и даже в повседневной жизни, на бытовом уровне. Публикации на русском языке оттесняли на второй план издания на других, в том числе на тюркских языках.

Крайние формы идеологического давления, направленного на закрепление за русским языком его исключительной роли, нашли выражение в многочисленных публикациях, таких, например, как изданная в Алма-Ате на русском языке книга, пропагандирующая русский язык как "самое могущественное из средств международных контактов", открывающаяся введением, имевшим название "Победа русского языка: объективная неизбежность" ²⁷¹. И хотя долгосрочная программа этой политики, нацеленной на "формирование нового человека", *homo sovieticus*, явно провалилась, ущерб, нанесенный ею национальным культурам и языкам был очень значителен, и тюркскую общность народов Советского Союза он затронул в очень большой степени.

К 1982 году примерно 70 % учеников в Казахстане учились в школах с преподаванием на русском языке (это очень высокий процент, даже если иметь в виду, что сюда включены и дети из довольно многочисленной в Казахстане русской общины). По данным переписи населения Советского Союза 1989 года, хотя 97 % казахов считали казахский язык своим первым, родным языком, 60,4 % из них воспринимали себя как носителей двуязычия, и многие из них предпочитали пользоваться русским языком, главным образом, это касалось жителей Алма-Аты. В 1990 году казахский писатель Ануар Алимджанов заметил, что почти 40 % казахских детей не говорят по-казахски. Узбеки с относительно большим успехом сохраняли свой родной язык, хотя осуществляемый сверху нажим, особенно с начала 1950-х годов, заставлял и их изучать русский язык, и изменения в этом плане происходили весьма существенные. В конце 1980-х годов

²⁷¹ Русский язык – могучее средство межнационального общения (Ответственный редактор Д.Т. Турсунов). Алма-Ата, 1984.

примерно 17 % часов занятий в узбекских школах отводилось на изучение русского языка²⁷².

Почти повсеместно в мусульманских районах и среди мусульманского населения переживала спад издательская деятельность на родных языках. По подсчетам Эдварда Олливора²⁷³, число наименований ежегодно появлявшихся книг на языках титульных наций в Средней Азии на протяжении 1958 – 1986 годов почти не менялось, хотя численность (читающего на этих языках) населения значительно увеличилась. Число всех публикаций на русском языке в Кыргызстане выросло с 36 % (по отношению к общей издательской продукции в республике) в 1970 году до 50 % в 1975 году, и от 93 до 95 % всей научной литературы, изданной здесь за десятилетие между 1967 и 1977 годами, было опубликовано на русском языке²⁷³. К концу 1980-х годов только 4 % книг, которыми располагала Национальная Библиотека этой республики, были изданиями на киргизском языке.

На этом фоне реальной антитуркской политики весь тон советской печати меняется в сторону еще большего ожесточения по отношению к пантюркизму и национализму. Речь идет о злом характере этих течений, об их связи с "феодално-байской реакцией", с происками английской разведки, "международного империализма". В послевоенный период критика пантюркизма в советской литературе низводится на уровень грубых памфлетов, истерических проклятий²⁷⁴. Этот тон проникает и в ангажированную, проникнутую духом тюркофобии науку, представленную как столичной, московской, школой, так и национальными школами союзных республик. Проявлением яростной тюркофобии является, к примеру, работа Е.К. Саркисяна "Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье", изданная в 1962 году на русском языке в Ереване под грифом Академии наук Армянской ССР. Через год в Грузии выходит

²⁷² Эти данные приводятся в книге: Jacob M/ Landau, Barbara Kellner-Heinkele. *Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States*. London, 2001.

²⁷³ Edward Allworth. *New Central Asians // Central Asia: 120 Years of Russian Rule*. Durham, 1989. P. 544-545.

²⁷³ I.T. Kreindler. *Soviet Muslims: Gains and Losses as a Result of Soviet Language Planning // The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy* (editor Yacob Ro'i). London, 1984. P. 197.

²⁷⁴ См., например: А.Х. Бабаходжаев. *Пантюркизм – орудие идеологической диверсии империализма // Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР*. 1954, вып. 2.; Ю.В. Марунов. *Пантюркизм и панисламизм младотурок // Краткие сообщения Института народов Азии, Москва, 1961, XLV, с. 38-56.*

похожая на нее, как родная сестра, книга грузинского автора Отара Гигинейшвили "Тюркизм и внешняя политика Османской империи"²⁷⁵, утверждающая, что не только в прошлом (в 1918 году) идеология пантюркизма с враждебными народам Закавказья целями импортировалась сюда из Турции, но и в наше время она остается опасным оружием в руках мирового империализма, намеренного вбить клин между народами Азербайджана, Армении, Грузии и оторвать Закавказье от Советского Союза.

Наглядным образчиком изменяющегося в СССР отношения к тюркизму, к его постулатам и его лидерам являются три последовательных издания Большой Советской Энциклопедии. Еще в первом издании (1947, том 55) есть понятие "туранские народы", которые обитают вокруг Туранского плоскогорья и образуют некую лингвокультурную общность. Во втором и третьем изданиях туранские народы исчезают, зато "пантюркизм", о котором раньше еще не было речи, определяется как "шовинистическая доктрина реакционной турецкой буржуазии, ставящей целью установление турецкого господства над всеми тюркоязычными народами". Все представления об общности и близости тюркских народов объявляются выдумкой, базирующейся на реакционных концепциях расизма.

Вслед за этой фальсификацией и теоретическим наступлением на "пантюркизм" советская власть осуществляет и практические меры по закабалению тюркских народов, подавлению их национальных стремлений, советизации их образа жизни, русификации их культуры. Под предлогом борьбы с пантюркизмом, панисламизмом и даже паниранизмом начинается террор против национальной интеллигенции, истребляются лучшие представители тюркских народов. Русский язык внедряется в школы, в делопроизводство, вытесняя тюркские языки из официальной, общественной, научной сферы. Репрессии против тюркской интеллигенции докатились до Алтая и Дальнего Востока: горно-алтайский художник Григорий Чорос-Гуркин, якутский писатель Алтан Сарин были уничтожены за "пропаганду пантюркизма". Особо жестокие формы все это приняло в 1930-х годах, когда значительная часть тюркской интеллигенции, включая и тех, кто с энтузиазмом принял Октябрьскую революцию и служил верой и правдой новому режиму, была физически ликвидирована, в том числе и по делам, сфабрикованным на основе обвинений в распространении пантюркизма и панисламизма²⁷⁶.

²⁷⁵ Отар Гигинейшвили. *Тюркизм и внешняя политика Османской империи (на грузинском языке)*. Тбилиси, 1963.

²⁷⁶ См. об этом: Walter Kolarz. *Russia and Her Colonies*. New York, 1952.

Сам Сталин призывал остерегаться пантюркизма как злейшего врага. Процессы шли и в Татарстане, и в Азербайджане, и в среднеазиатских республиках. Своего апогея это безумие достигло при массовом выселении в 1943-1944 годах карачаевцев, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев. Повсюду эти преступные акции сопровождались "разоблачениями" этих народов как проводников влияния "пантюркизма". С энтузиазмом официальная советская пропаганда и историография подхватила уже после войны версию духовной родственности "пантюркизма" и "фашизма", старалась показать сторонников тюркизма как "прихвостней" нацистского режима. Краеугольный камень в эту историографическую традицию заложила книга С. Шакибаева "Падение Большого Тюркестана", написанная сначала на казахском, затем переведенная на русский язык и изданная в Алма-Ате²⁷⁷. Пантюркизм был представлен в этой книге как орудие нацистского режима в войне против СССР.

О положении пантюркизма (его классического литературного наследия, его духовного потенциала) в Советском Союзе красноречиво свидетельствует отношение к Исмаилу Гаспринскому, претерпевшее характерные изменения на протяжении 1920-1980-х годов.

На первых порах советская власть, победа которой в итоге гражданской войны во многом была предопределена поддержкой народов, восставших против колониального имперского ига, вынуждена была считаться с популярностью Исмаила Гаспринского в массах "трудящихся Востока", и первое десятилетие (после образования по ленинскому декрету 1921 года) Крымской АССР (Автономной Советской Социалистической республики в составе РСФСР) было временем по крайней мере формального официального признания определенных заслуг Исмаила Гаспринского. Правда, коммунистическая пропаганда уже в 1920-х годах стремилась принизить, преуменьшить эти заслуги, редуцировать их до микроскопического дела "народного образования в Бахчисарайском районе"²⁷⁸, и довольно скоро, в соответствии с "классовым",

²⁷⁷ Сайерин Шакибаев. *Падение Большого Тюркистана*. Алма-Ата, 1972.

²⁷⁸ Характерна в этом отношении опубликованная в 1926 году в журнале "Крым" статья некоего Асанова (без инициалов, судя по контексту - одного из руководителей Крымского Наркомата просвещения), который называл Гаспринского исключительно школьным "учителем", "который ведет борьбу с царизмом" (Асанов. *Народное образование в Бахчисарайском районе* // Крым, 1926, № 2. С. 180).

марксистским подходом стала определять Исмаила Гаспринского как "идеолога татарской буржуазии" со всем вытекающими из этого штампа негативными последствиями²⁷⁹.

Однако, в 1920-х годах вожди-идеологи советского тоталитарного режима еще колебались, не зная, как им с именем и наследием Исмаила Гаспринского поступить, осудить ли его категорически или взять на собственное идеологическое вооружение, превратив Гаспринского в "борца с царизмом" и добавив к своим теориям "пролетарского интернационализма" его идею "тюрко-славянского согласия и союза", казавшуюся достаточно безобидной, а потому временно не мешали крымскотатарским энтузиастам "культурного фронта" играть в такие игры, как создание музея Исмаила Гаспринского в Бахчисарае, присвоение его имени некоторым культурным институтам²⁸⁰ и апелляция к его творчеству в обоснованиях социально-политических утопий и в разработках проектов развития крымскотатарской культуры, "национальной по форме, социалистической по содержанию".

В 1924 году татарская общественность еще могла, – правда, весьма скромно, – отметить 10-летие со дня смерти Исмаила Гаспринского (о проведении годом раньше 50-летнего юбилея газеты

²⁷⁹ Окончательный приговор такого рода был сформулирован в 35-м томе "Большой Советской Энциклопедии", где газета "Терджиман" была объявлена центром, вокруг которого "группировалась" "татарская националистическая интеллигенция и буржуазия Крыма" (Большая Советская Энциклопедия, том 35. Москва, 1937. С. 311). О том, насколько живучим и устойчивым в советском менталитете оказался сформированный таким образом вульгарный стереотип, свидетельствует изданная уже на закате советской эры, в 1988 году книга "Крым: настоящее и прошлое", написанная явно по "спецзаданию" тех сил, которые еще отчаянно пытались в 1987-88 годах остановить возвращение крымских татар на родину и "доказать" их предательство. Автор главы "Крым в период буржуазно-демократической революции в России" Г.Е.Трапезников представляет Исмаила Гаспринского кем-то вроде агента мирового империализма, подчеркивая: "Гаспринский, выражая идеи крымской, казанской, уфимской татарской буржуазии, призывал создать новометодную школу..." (Крым: настоящее и прошлое. М., 1988. С. 53).

²⁸⁰ В 1921 г. в Симферополе был открыт музей-читальня имени Исмаила Гаспринского; в 1922 г. было принято решение о превращении его дома в Бахчисарае в мемориальный музей. Оба они просуществовали до 1932 года.

"Терджиман", выход которой был прекращен в феврале 1918 года при установлении в Крыму большевистской власти, с которой отказались сотрудничать наследники Гаспринского, не было и речи), и украинский академик А.Е. Крымский еще имел в начале 1930-х годов последнюю легальную возможность оценить литературные и общественные заслуги Исмаила Гаспринского в своих "Крымских этюдах"²⁸¹ и в статье о тюркских литературах для "Энциклопедического словаря" издательства "Гранат"²⁸². Но к этому времени уже наступал суровый конец первой советской "оттепели". С растерянностью, неопределенностью суждений, либеральной терпимостью и плюрализмом мнений было покончено. Жестокая борьба с так называемым "нацдемовским" ("национально-демократическим") уклоном, превратившаяся в яростную политическую кампанию, ударила по всем тюркским культурам и развязала силы, которые должны были втоптать в грязь имя Исмаила Гаспринского. К концу 1930-х годов он уже числился "агентом империализма" и "врагом народа", а в 1944 году, когда "врагом" и "предателем" был объявлен весь крымскотатарский народ, над всем, что было связано с именем Гаспринского и с памятью о нем, навис смертельный приговор. Его учение было проклято, его сочинения изымались из библиотек и уничтожались, его имя было обречено на забвение. Цензура свирепствовала, не разрешая упоминать в советской литературе это имя даже в тех случаях, когда авторы, например, казанские историки – исследователи татарского книгоиздания и истории тюркской периодической печати – пытались только назвать "Терджиман" в ряду других изданий или что-то сказать о Гаспринском исключительно "в целях критики его буржуазных и националистических заблуждений". В Советском Союзе с его пятидесятимиллионным тюркским анклавом населения формировались на протяжении 1930-1950-х годов целые поколения людей, которые не только не читали сочинений Гаспринского, но никогда даже не слышали его имени.

Вспомним 1951 год – столетие со дня рождения Исмаила Гаспринского, отмеченное и в Турции, и в Америке, и в Европе, вызвавшее всплеск отчаяния и надежды в литературных и политических кругах рассеянной по миру татарской эмиграции. В СССР – гробовая тишина. Советская тюркология, советская историческая наука не отзывается на 100-летний юбилей крымскотатарского просветителя ни единой строчкой не только в центральной печати, но и в тюркских

²⁸¹ *Кримський А.Е. Студії з Криму. Київ, 1930.*

²⁸² *Крымский А.Е. Тюркские литературы // Энциклопедический словарь. Том 41. Москва, 1931. С. 370-371.*

республиках – в Узбекистане, где влачат свое рабское существование в "спецпоселениях" под надзором карательных органов почти триста тысяч крымских татар, в Казахстане, Киргизии, Татарстане. Все уничтожено, вычеркнуто из истории, находится под запретом, и во всем безмолвно-послушном советском обществе, в советском научном истеблишменте не находится ни одного человека, который решился бы нарушить политический запрет и оказался бы способным не участвовать в этом "заговоре умолчания".

Следующая дата – 1976 год. Прошло 25 лет, четверть века, огромный срок для любого развивающегося социума. И Советский Союз – уже не тот, что был при сталинской "вечной мерзлоте". Система дала трещины, хрущевская "оттепель" затронула верхние слои почвы²⁸³. В обществе появились силы, способные противодействовать

²⁸³ Робкая реабилитация имени и реанимация наследия Исмaиля Гаспринского была предпринята в едва зарождающейся (возрождающейся с середины 1950-х годов) крымскотатарской печати и журналистике именно на волне, а точнее на излете первой хрущевской "оттепели". Так, Ю.Б. Османов (в то время молодой, начинающий журналист, историк, впоследствии один из лидеров Национального движения крымских татар – НДКТ) и московский филолог Б.Г. Гафаров откликнулись на появившуюся в 1964 году в журнале "История СССР" (№ 3) статью известного государственного деятеля Советского Татарстана С.Г. Батыева "Татарский джадидизм и его эволюция" (абсолютно игнорировавшую роль Гаспринского в формировании позитивного потенциала джадидизма) и на вышедшую в том же году в Казани книгу Р.И. Нафизова "Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. 1895 - 1917" своими "критическими замечками", в которые они включили свой "краткий очерк творчества Исмaиля Гаспринского". Сохранившиеся в личном архиве журналиста Ю.У. Кандымова фрагменты этой рукописи (29 страниц) могут дать сегодня представление скорее о благородных намерениях, нежели о каких-либо конкретных результатах в преодолении заговора враждебного молчания и фальсификации наследия Гаспринского. До читателей рукописи такого рода не доходили. Между тем, в тайных канцеляриях ЦК КПСС накапливались материалы – так называемые "справки", к составлению которых привлекались отдельные ученые, группы ученых и целые институты, сообщавшие в "компетентные органы" необходимые сведения о Гаспринском и о том, какую опасность представляет его "реакционная идеология". Содержание одной из таких справок, направленной в 1963 году в ЦК КПСС за подписью директора Института востоковедения Академии наук

режиму. Пока это крошечный политический андерграунд, маленькая группа диссидентов, но именно оттуда идет движение сопротивления, там формируется его импульс. И весной 1976 года, как раз вскоре после 125-летия со дня рождения Исмаила Гаспринского, на закрытом судебном процессе в сибирском городе Омске один из диссидентов, политический узник советского ГУЛАГАа, крымский татарин Мустафа Джемилев впервые открыто бросает в лицо советскому суду имя Исмаила Гаспринского. "Да, я действительно долгое время, будучи на свободе, занимался исследованием творчества реформатора и просветителя Исмаила Гаспринского, и действительно его портрет висит у меня [... дома][...] Это было известно сотрудникам КГБ, которые ранее изымали у меня записи о Гаспринском [...] После беседы с сотрудником КГБ из Ташкента Дворянский [провокатор, на доносах которого строилось обвинение против Мустафы Джемилева на омском процессе] спрашивал у меня, кто такой Гаспринский, который воевал против России. И мне пришлось ему объяснить, что Гаспринский против России не воевал, потому что был штатским человеком, писателем и общественным деятелем, издавал газеты и журналы, открывал школы для мусульман Российской империи. Не совсем ясно, зачем понадобилось следствию упомянуть Гаспринского, который умер в 1914 году и, стало быть, ничего порочащего советский строй написать не мог"²⁸⁴. Не будем сейчас останавливаться в деталях на той интерпретации, какую дает Мустафа Джемилев в своей речи просветительской деятельности Гаспринского, на той убийственной иронии, которая звучит в этой речи ("Гаспринский против России не воевал, потому что был штатским человеком..."), на блистательно разыгранном ироническом недоумении ("Не совсем ясно, зачем..."), на издевательском презрении к чужой и неумной власти, которая, между прочим, отлично знала, зачем упоминать имя Гаспринского на процессе над Мустафой Джемилевым и как связать их круговой порукой общей "политической неблагонадежности", и Мустафа Джемилев это прекрасно понимал. Обратим внимание на самое существенное в эволюции

СССР, приводит в своей книге Энвер Байрамов: в ней говорилось о том, что Гаспринский "является проповедником панисламизма и пантюркизма", стремится "столкнуть татар, башкир и другие мусульманские народности России в кабалу турецкому султан-халифу" и поддерживает "захватническую политику Турции против России" (Байрамов, Энвер. Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский. Москва, "Экслибрис-Пресс", 2001).

²⁸⁴ *Российская Федерация против Мустафы Джемилева. Омский процесс. Апрель 1976 г. Киев, "Столица", 1998. С. 39.*

советского "гаспралыведения": сама аудитория, в которой могло быть произнесено имя Гаспринского, была тогда – не университетская аула, не академический лекторий, не школьный класс, а зарешеченное здание суда, в котором шел закрытый процесс над "особо опасным" политическим преступником, и речи о Гаспринском звучали не с научной трибуны, а со скамьи подсудимых. За изучение наследие Гаспринского и распространение сведений о его жизни деятельности в Советском Союзе в 1976 году давали не научные степени и награды, а "сроки" тюремного и лагерного заключения, и лишь немногие люди, обладавшие гражданским мужеством Мустафы Джемилева, решались тогда говорить о Гаспринском, вызывая самым упоминанием этого имени бешеную ярость судей, прокуроров и всех идеологических режиссеров политических судебных процессов той поры.

Прошло еще несколько лет, и в 1983 году небольшая группа проживавших в Москве казанских татар решила отметить 100-летие со дня выхода в свет газеты "Терджиман". Собрание было тайным, конспиративным, в московской квартире Е.М. Миначева на Ленинском проспекте. Характерно, что и в 1983 году в СССР о Гаспринском еще ни слова нельзя было сказать с официальной трибуны, в официальной печати, и на то московское собрание, как вспоминает Миначев, "не желая подвергать людей опасности, мы пригласили немногих тех, в ком были уверены"²⁸⁵. И все же даже за те семь лет, что отделяют это московское собрание от омского процесса Мустафы Джемилева, обстановка сильно изменилась, и теперь уже не один Мустафа – бесстрашный герой и мученик диссидентского андерграунда – говорит о Гаспринском. О нем говорят на "московских кухнях", в кругах московской интеллигенции, и власти уже не могут уследить за всеми, кто решается о нем говорить, и не могут пересажать и покарать всех непослушных. Ни один из членов московской группы, отмечавшей 100-летие "Терджимана", не был арестован и не пострадал. А в этой группе были и дипломированные советские ученые, в том числе филолог Басыр Гафуров, сделавший о жизни и деятельности Гаспринского обстоятельный доклад, отчасти основанный на зарубежных источниках и публикациях, и художник Урал Шарипов, создавший к этому дню и к этому собранию графический портрет Исмаила Гаспринского (рисунок карандашом), и активные деятели правозащитного движения, среди них одна женщина – татарка Диялфруз Хайруллина. Столетний юбилей

²⁸⁵ Миначев Е.М. Как мы отмечали 100-летний юбилей газеты "Терджиман" // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2001. С. 134.

"Терджиман" московские татары использовали как повод для выражения своей солидарности с братским народом – крымскими татарами, которые тогда еще не имели возможности вернуться на свою историческую родину – в Крым, для поддержки их национального движения.

В послевоенные годы в СССР уже не было проявлений тюркизма в каких-либо политических движениях открытого характера, в восстаниях, в деятельности каких-либо организаций – все было разгромлено, но продолжала биться тонким ручейком тюркистская идея в литературе, в общественной мысли. Тем более яростно велась борьба с такого рода "ересью" в литературе, в исторической науке (целые постановления ЦК КПСС принимались, например, против "идеализации" истории Золотой Орды, "ханско-феодального эпоса об Идееге" и т.п.), постоянно обнаруживались не только "националисты", но и носители опасной идеологии "пантюркизма" среди узбекских, казахских, татарских и иных тюркских писателей, которых не печатали, подвергали идеологической "проработке". Но натянута до предела нить в конце концов лопнула, и порвалась она именно в этом месте: казахский писатель Олжас Сулейменов, чья поэма "Аз и я", запрещенная советской цензурой, осужденная официальной критикой, ходила по рукам в машинописных копиях "самиздата", стал в конце 1980-х годов инициатором созыва первого съезда тюркских народов и создания ассамблеи – АТН, – превратившейся в опорный пункт возрожденного в новых условиях тюркизма.

Здесь, однако, начинается уже другая история и другая эпоха.

8. Кризис идеологии пантюркизма в Турецкой Республике и в Европе (1923 – 1939)

Поражение в первой мировой войне и развал Османской империи способствовали дискредитации той идеологии, которая была господствующей в последние годы существования этой империи. Османизм, вообще, утратил смысл, но панисламизм и пантюркизм, как оказалось, также не спасли империю. Последний к тому же перестал играть прежнюю роль как фактор внешней политики, поскольку новая Турция уже не стремилась использовать его в своих целях.

Отголоски пантюркизма еще звучали в некоторых посланиях, адресованных к различным правительствам и к Версальской мирной конференции от имени тюркских организаций, подвизавшихся на европейской арене в конце 1910-х годов и пытавшихся оправдать участие Турции в войне необходимостью "защиты своих братьев". Но эти аргументы уже не имели силы. По итогам Первой мировой войны

будущее Турции было окончательно определено в ее узких государственных границах, о расширении которых за счет внешнего тюркского мира уже никому из ответственных политиков не приходило в голову ставить вопрос всерьез. Политическая линия Мустафы Кемалья была нацелена на укрепление национального духа, патриотизма, на защиту отечества от внешних захватчиков, на победу в "войне за независимость", которая завершилась образованием Турецкой Республики в 1923 году. От курса на внешнюю экспансию эта Республика отказалась. Мустафа Кемаль объявил туранизм "вредной концепцией", и как точно заметил немецкий историк Лотар Крекер в своем исследовании "Германия и Турция во Второй мировой войне" (1964), "национализм Ататюрка заканчивался на границах Турции"²⁸⁶.

Однако от прежней идеологии общество обычно освобождается не столь быстро и легко. И в Турции не забыли идеологию пантюркизма, да и многие активисты этого движения не ушли с общественной арены. Есть данные о том, что некоторые из них в начале 1920-х годов поддерживали связи с Энвером²⁸⁷.

Среди интеллектуалов нового, более молодого поколения были люди, учившиеся у Зия Гёкальпа, да и в иных формах наследие младотурок развивалось в Турции 1920-х годов. Однако пантюркизм уже не был здесь господствующей идеологией. Господствующим был национализм нового типа. Эту доктрину Мустафа Кемаль Ататюрк сформулировал еще в разгар войны за независимость, в 1921 году, сказав в своей речи в Эскишехире: "Ни исламизм (мусульманское единение), ни туранизм не могут формировать нашу доктрину и определять нашу политику. Отныне правительственная политика новой Турции определяется теми ценностями, которые связаны с независимостью, суверенитетом Турции в ее национальных границах"²⁸⁸.

Истощенная войной, разбитая Турция нуждалась в концентрации всех общественных сил на решении внутренних проблем.

²⁸⁶ L. Kreker. *Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg*. Frankfurt/Main, 1964. S. 208.

²⁸⁷ Об этом упоминает в своем исследовании Якоб Ландау, ссылаясь на публикации, появившиеся в турецкой исторической литературе и периодике 1960-х гг. См.: Jakob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 74, 97.

²⁸⁸ Эту речь (в переводе на английский язык) не раз цитировал в своих исследованиях пантуранизма и пантюркизма Ч.В. Хостлер. См., например: C.W. Hoslier. *Trends in Pan-Turanism // Middle Eastern Affairs*, 1952, III (1). P. 3.

По сравнению с гигантской мультинациональной Османской империей новая Турция стала сравнительно маленьким и более гомогенным по национальному составу населением государством. Отказ от идеологии пантюркизма был важным моментом и во внешней политике Турции, одним из престижных направлений которой была нормализация отношений с Советской Россией, с Советским Союзом. Разумеется, эта нормализация строилась на прагматическом учете обоюдных интересов. Не имея непосредственных границ соприкосновения, РСФСР и Турция видели своего общего врага в Антанте и больше всего были обеспокоены замыслами англичан потворствовать армянской националистической партии "Дашнакцутюн" в создании "Великой Армении", которую Антанта, как формулировал это опасение М. Султан-Галеев, "намеревалась использовать как средство борьбы против надвигающегося большевизма Советской России и нарождающегося революционного движения в Турции"²⁸⁹. "Но если бы Армения выступила против Советской России, – писал в своей статье "Батум и Армения" М. Султан-Галиев, – она все равно потерпела бы поражение, потому что оказалась бы окруженной с трех сторон Советской Россией, Советским Азербайджаном и восставшей Анатолией"²⁹⁰. На начальном этапе международное положение этой "восставшей Анатолии" было настолько неустойчивым, что она была готова сотрудничать с Советской Россией и даже способствовать "советизации" ее национальных окраин. Если младотурки (прежде всего Энвер-Паша и его соратники) в начале 1920-х годов уже четко определили единственную для себя возможность стратегического союза с антисоветскими освободительными движениями и от короткого и неудачного, временного альянса с Москвой перешли на язык дерзких ультиматумов, то Кемаль Ататюрк в этот период еще обменивался приветственными телеграммами с В.И. Лениным и "с пониманием" относился к действиям Кремля. Историк А.Н.Хейфец в своей монографии приводит копию договора между Кавказским краевым комитетом РКП(б) и действующей от имени Временного правительства, возглавлявшего повстанческое движение в Турции (руководимого Кемалем), революционной организации "Каракол" (Застава). Наряду с общим сотрудничеством в этом договоре предусматривалась помощь Турции "в борьбе трудящихся Азербайджана за установление Советской власти"²⁹¹. Прямые и косвенные свидетельства,

²⁸⁹ Мурсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 121.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964. С. 94-102.

подтверждающие существование подобных соглашений, мы находим и в исследованиях советских историков, например, в работах Г.А. Галояна²⁹², и в изданиях, появившихся за рубежом, в частности в парижской монографии Зареванда "Турция и пантюранизм", к которой мы еще вернемся, и в новейших публикациях азербайджанских историков, пытающихся понять и оправдать действия турок и позиции Кемаля, как это делает, в частности, Г. Байкара в своей книге, изданной в Баку на азербайджанском языке, "История борьбы за независимость Азербайджана"²⁹³. "Основа нашей внешней политики, – провозглашал Кемаль Ататюрк, – укрепление братских связей с Российской Советской республикой, которая раньше всех, искренне, открыто признала нашу полную и подлинную независимость и протянула нам руку помощи"²⁹⁴.

Правда, на протяжении 1920-30-х гг. правительство Турции вело (точнее, продолжало) пропаганду за иммиграцию в Турцию турецкого населения из других стран и регионов, но и эта пропаганда прямо не была направлена против Советского Союза, а касалась, главным, образом тюркских и мусульманских меньшинств других стран и регионов, в частности, Кипра (в 1934-1936 гг.), Балканского полуострова и т.д., да и велась эта кампания не столько под лозунгами пантюркизма, сколько в целях увеличения народонаселения и укрепления экономики страны, подорванной как Первой мировой, так и последующей войной за независимость.

И хотя за пределами Турции вплоть до 1930-х годов действовали некоторые организации пантюркистской направленности, например, "Туран" и "Алтын Орду" ("Золотая Орда") в Болгарии, "Кардеш Оджаги" ("Общий очаг", или "Братский очаг") на Кипре, и турецкие газеты (например, "Сюз" – "Слово") поддерживали их деятельность, но нет никаких данных об официальной поддержке этих организаций турецким правительством. Более того, в 1930-х годах турецкие правящие круги весьма сдержанно реагировали на манифестации этих организаций. К однозначному выводу в этом вопросе приходили практически все исследователи политической истории Турции после 1923 года. Так, например, Д.Е. Еремеев

²⁹² См.: Галоян Г.А. *Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье 1900-1922*. Ереван, 1969; Галоян Г.А. *Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья*. М., 1977.

²⁹³ Baykara Huseyn. *Azerbaycan istiglal mubarizesi tarihi*. Bakı, 1992 (Байкара Г. *История борьбы за независимость Азербайджана*. Баку, 1992).

²⁹⁴ Цитировано по изданию: Васильев А.М. *Мост через Босфор*. М., 1989. С. 20-21.

утверждал: "При жизни Ататюрка пантюркистские идеи были осуждены политически и не играли в Турции заметной роли" ²⁹⁵.

Господствующей идеологией новой Турции стал кемализм, который впитал в себя некоторые концепции других, прежних идеологий, включая и пантюркизм. И люди, еще недавно бывшие активистами и идеологами пантюркизма, постепенно перестраивались в духе новой идеологии.

Так, например, Халид Эдиб Адивар, чей известный роман "Новый Туран" был в свое время манифестом пантюркизма, чье выступление перед огромной толпой в Стамбуле на гигантском митинге, организованном в начале 1920 года ассоциацией "Тюрк Оджаги", было проникнуто идеологией пантюркизма (он говорил, что независимость Азербайджана – это первый шаг в реализации программы пантюркизма, за этим должна последовать независимость Крыма, Хивы, Ташкента и Бухары) ²⁹⁶, – отказался от пантюркизма.

Зия Гёкальп издал в Анкаре в 1923 году (незадолго до своей смерти) книгу "Основы тюркизма", в которой особенно настаивал на том, что "тюркизм – движение не политическое. Это школа научно-философско-эстетическая. Другими словами это метод борьбы за культурное объединение [...] Тем не менее тюркизм не чужд и политическим идеалам [...] Тюркизм никогда и ни под каким видом, например, не может мириться с клерикализмом, теократией и реакцией. Тюркизм – это движение современное. [...] Мы – народники в политике, тюркисты – в культуре!" ²⁹⁷.

Мехмет Эмин Юрдакюль переиздал некоторые из своих стихотворений и поэм, заменив в них слово "Туран" словом "Ватан" ("Отчизна"). Ахмет Агаоглу занял в июне 1921 года официальный пост директора Пресс-центра в Анкаре, в 1923-1927 гг. он избирался в Великую Национальную Ассамблею; официальное положение государственного чиновника высокого ранга, а затем депутата обязывало его к лояльности по отношению к новому политическому курсу и государственной идеологии. Уже в 1923 г. в интервью одному французскому журналисту он говорил (выражая официальную позицию и мнение всего народа), что Турция отказалась от претензий Османской

²⁹⁵ Еремеев Д.Е. *Кемализм и пантюркизм (Обзор литературы)* // *Народы Азии и Африки*, 1963, № 3. С. 66.

²⁹⁶ *Репортаж с этого митинга появился в лондонской "Morning post" ("Morning Post", 9 February 1920).*

²⁹⁷ *Цитируется в русском переводе М.-Э. Ресул-заде по тексту его книги: Ресул-заде. М.Э. О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой. Париж, 1930. С. 30.*

империи, что "наша задача – построить новый турецкий дом в турецких этнографических границах", что нам "нужен мир, а не война"²⁹⁸.

И профессор Юсуф Акчура, ставший членом Великой Национальной Ассамблеи, занимавший в новой Турции престижное положение, будет одобрять новый курс и скажет в 1929 году, что Турецкая республика – это воплощение в жизнь всех мечтаний и идеалов пантюркизма. Таким образом, не осуждая пантюркизм, он попытается растворить его в новом режиме. "Тюркский ежегодник", изданный Юсуфом Акчурой в 1928 году, последующие историки, в частности Герхард Йешке (автор исследования "Туранизм и кемалистская Турция", 1944), назовут "самым последним выражением и отголоском пантюркизма в эпоху Мустафы Кемали Ататюрка"²⁹⁹.

Текин Альп также стал кемалистом и даже автором классического труда о кемализме.

Аналогичная эволюция произошла с организацией "Тюрк оджаги", которая в период Республики стала именоваться во множественном числе "Тюрк Оджаклари" – не "Тюркский очаг", а "Тюркские очаги". В прошлом это была наиболее мощная пантюркистская организация, имевшая свои филиалы в Туркестане и на Кавказе, развернувшая в годы Первой мировой войны пропагандистскую работу в различных регионах вплоть до Аравийского полуострова. После войны ее активисты, собравшись в Стамбуле 11 марта 1919 года, приняли резолюцию – обращение к Британскому Верховному комиссару (и через него – к объединенным силам Антанты), в которой они выражали протест против расчленения Османской империи и объясняли, что последняя вступила в войну с единственной целью борьбы со своим извечным врагом и врагом всех тюркских народов – с Россией. В последующие пять лет ее деятельность была заморожена и возобновилась только в 1924 году. На съезде, состоявшемся в 1927 году, был изменен устав этой организации, в первом параграфе которого теперь четко было обозначено, что сфера ее деятельности ограничивается государственными рубежами Турции и происходит только внутри страны. Именно в этот период и по этому водоразделу определяется ставшее впоследствии расхожим представление о том, чем отличается пантюркизм (претендующий на объединение всех тюрков планеты и готовый к действиям на международной арене) от тюркизма, замкнутого на национальных

²⁹⁸ Цитируется по книге: Berthe Georges-Gaukis. *La nouvelle Turquie*. Paris, 1924. P. 230-231.

²⁹⁹ G. Jäschke. *Der Turanismus und die kemalistische Türkei // Der Orient in deutscher Forschung*. (Hrsg. H.H. Schaeder). Leipzig, 1944. S. 251.

проблемах одной страны. Это представление активисты "Тюркских очагов" ("Тюрк Оджаклари") нового поколения пытаются согласовать с классическим наследием пантюркизма. Так, на одном из траурных собраний, посвященных памяти Зия Гёкальпа, умершего в 1924 году, его ученик, профессор Стамбульского университета Начметтин Садык "... доказал, что под абстрактным понятием "Туран" Зия-Бей конкретно всегда мыслил только "тюркскую Турцию", то есть Турцию национально себя осознавшую"³⁰⁰. Президент "Тюрк Оджаклари" Хамдуллах Суфи Танрювер никогда не был ведущим пантюркистом, хотя принадлежал к этому течению, высказывал свои симпатии его идеям и даже написал об этом статью в "Тюрк Юрду", напечатанную в 1915 году. Собственно, он всегда чувствовал себя турком, националистом, более тюркистом, нежели пантюркистом, что и отражает подавляющее большинство его статей и речей (их сборник – за период с 1912 по 1929 гг. – в репринтной печати появился в Анкаре в 1929 г.). Прекрасный оратор, он без труда смог перестроиться сам и перестроить деятельность "Тюрк Оджаклари" в том направлении национализма, которое стало господствующим в Турции с середины 1920-х гг. и которое было освящено авторитетом самого Мустафы Кемалю. На первом съезде новых "очагов", собравшемся в Анкаре в 1924 году (с участием представителей от 135 "очагов"), Танрювер провозгласил, что главной задачей "Тюрк оджаклари" является сохранение и развитие турецкой культуры и поддержка реформ Мустафы Кемалю. Организация стала сотрудничать с Республиканской народной партией и сосредоточила свои усилия на задачах модернизации, охватившей как крупные культурные центры, так и малые города и деревни Турции. "Тюрк Оджаклари" включились в решение всех повседневных задач, связанных с европеизацией, вестернизацией образа жизни, например, в работу по созданию читален, библиотек, в которых была представлена не только турецкая, но и французская, и английская литература и периодика; в проведение театральных спектаклей и вечеров, концертов западной музыки, спортивных мероприятий. К 1930 г. эта организация уже имела свою печатную прессу в Анкаре. Число ее членов не уменьшалось, а даже росло: 30000 (от 217 "очагов") в 1925 г., 32000 (от 257 "очагов") в 1930 г. Рассредоточены эти "очаги" были по всей Турции.

В Уставе организации, утвержденном в 1927 году, было записано (вероятно не без прямых указаний со стороны Правительства), что поле деятельности "Тюрк Оджаклари" ограничено границами

³⁰⁰ Расул-Заде М.Э. О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой. Париж, 1930. С. 31.

Турецкой Республики. И все же как ни лояльна была эта организация к новому режиму и его идеологии, старый дух пантюркизма там сохранялся, неслучайно в 1930 году там было поддержано "поступившее от тюркских групп из Азербайджана, Болгарии и Туркестана предложение создать "тюркские очаги" в этих важных регионах". Поэтому все же неслучайно эта организация была распущена (это случилось в марте 1931 года, попытка ее восстановления была потом предпринята в 1949 году, но успеха она уже не имела), и на ее месте возникла новая организация "Halk Evleri" ("Халк Эвлери" – "Народные очаги", или "Народные дома"), полностью адоптированная к новой идеологии и пропаганде.

И все же определенные элементы культурного пантюркизма были инкорпорированы в новую националистическую идеологию.

Она известна как кемализм. Кемалисты, как и тюркисты предшествующих поколений, обращались к славному турецкому прошлому и исследовали его, обращая внимание на изучение языка, истории, литературы и географии расселения турок. Турецкая нация должна была гордиться своим прошлым, своей историей. На основе прошлого предполагалось строить будущее. В области языкознания шло последовательное очищение турецкого языка от арабских и персидских заимствований, пантюркисты интерпретировали этот процесс как путь к созданию общетюркского языка (Мехмет Азим писал об этом в "Вақыте" в 1925 году). Историческая наука утверждала, что местом происхождения (этногенеза) всех турок (тюрков) является Алтай, Центральная Азия, откуда тюркская цивилизация распространилась по всему миру.

Писатели, продолжая предвоенную традицию, старались показать историческое единство всех тюрков. Так, например, в начале 1920-х годов появилась книга Джамии (псевдоним) под названием "Тюрки-христиане в Османской империи" (изданная в Стамбуле в 1338 году - по хиджре, она потом была переиздана уже латинским шрифтом и в европейском летосчислении в 1932 году). В ней ранняя история Турции рассматривалась в парадигме пантюркизма. Еще большее значение имело респектабельное четырехтомное издание по истории Турции, предназначенное для высших школ, подготовленное Турецким Историческим Обществом при поддержке Министерства образования. Первый том, изданный в 1932 году, содержал многие положения и стереотипы, соответствующие концепции пантюркизма, вплоть до понятия "тюркской расы".

В то же время понятие "раса" уже раздражало часть турецкого научного истеблишмента, и некоторые его представители (как называл их М.-Э. Расул-заде, "ревизионисты тюркизма"), например, историк Халил Мюкримин, все больше настаивали на том, что главным является

не расовое ("кровное") начало, а процессы "консолидации нации", при этом для определения турецкой нации (еще раз напомним, что в турецком языке слова "турецкий" и "тюркский" совпадают, так что невозможно понять, идет ли речь о турецкой или о тюркской нации) они предлагали термин "анатолийская нация". Под влиянием этих взглядов во второй половине 1920-х годов сложилась целая школа "анатолианцев", которые издавали журнал "Анадолу", утверждали, что турок следует называть анатолийцами и республику переименовать из Турецкой в Анатолийскую.

Подобные взгляды высказывались также в статьях на страницах ежемесячного журнала "Юлькю" ("Ülkü" - "Идеал"), который начал выходить в феврале 1933 года по инициативе новой организации "Народные дома", о которой говорилось выше, но его дух был уже ближе к официальной идеологии.

В самой Турции то ослабевающая, то снова усиливающаяся пропаганда пантюркизма ведется, главным образом, эмигрантами из тюркских народов СССР, имевшими возможность работать или публиковать свои сочинения в Турции.

Среди них наиболее крупной фигурой был казанский татарин Абдулла Баттал-Таймаз (1882 – 1969), автор книги "Казанские тюрки: печальные страницы тюркской истории"³⁰¹, которая была впервые издана в 1925 году в Стамбуле и переиздана в Анкаре в 1966 году.

Собственно, это была история (с древнейших времен до советской эры) казанских татар, которых он называл казанскими тюрками. В основе его исторической концепции – представление о единстве культуры тюркского мира, при этом прямой, декларативной пропаганды пантюркизма здесь нет.

К тюркам-эмигрантам, работавшим в Турции в 1920-х годах, в 1930-е годы присоединяются местные турецкие авторы, хотя они еще более осторожны в выражении своих симпатий идеям пантюркизма. Среди них, например, Ака Гюндюз (1886 – 1958), чья журналистская деятельность началась еще в годы первой мировой войны. Британские аналитики характеризовали его как "ярого националиста неотуранской школы"³⁰². В межвоенный период он писал новеллы, рассказы, пьесы, проникнутые отголосками идей и настроений пантюркизма.

Наиболее последовательным выражение пантюркистской идеологии в турецкой литературе этого периода можно считать книгу

³⁰¹ *Abdullah Battal-Taymas, Kazan Türkleri: Türk tarihinin hazin zaprakları. İstanbul 1925.*

³⁰² *См.: Jakob M. Landau. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. Hurst & Company, London [1995]: 2nd Edition, revised and updated, with a new bibliography. P. 84.*

Решита Саффета "Следы тюркизма и пантюркизма" (1930)³⁰³, в которой на археологическом и литературном материале прослеживались признаки общности культуры тюркского мира.

В соответствии с законом 2510, который был принят в 1934 году, намечались конкретные меры по ассимиляции проживающих в Турции национальных меньшинств нетюркского происхождения и по расселению в стране иммигрантов – турок из Болгарии и Греции, возвращение которых на родину всячески приветствовалось, только не с позиций прежнего пантюркизма, а как дело, имеющее значение в национальных интересах Турции.

Таким образом, пантюркизм в молодой Турецкой Республике оказался в совершенно ином климате, нежели тот, что существовал в эпоху правления младотурок, и лишь немногие оптимисты могли бы теперь согласиться с профессором Арином Энгином, который в одной из своих книг, посвященных пантюркизму, в 1934 году написал: "Ататюрк – не только отец всех турок Турции, но еще в большей степени отец всего тюркского мира, всех тюрков, в том числе и живущих вне Турции". Официальная политика турецкого руководства была весьма далека от этой максимы, столь близкой и желанной для сторонников пантюркизма.

Поэтому пантюркизм, если и продолжал развиваться в Турции после 1923 года, то происходило это в обстановке, отнюдь не слишком для него благоприятной. Постепенно уходили из жизни лидеры, игравшие ведущую роль в теоретическом и практическом развитии пантюркизма начала 20 века: Зия Гёкалп умер в 1924 г., в 1930-х годах не стало Неджиба Азима, Юсуфа Акчуры, Ахмета Агаоглу, в 1941 г. ушел из жизни Али Гусейнзаде, в 1944 – Эмин Юрдакюль.

А тем временем сам тюркский мир за пределами Турции становился сложнее, и если в поле забот пантюркистов до Первой мировой войны были турки, в основном, проживающие в России и в Китае (почти все остальные входили в Османскую империю), то теперь с распадом этой империи за границами Турции оказались многие тюркоязычные анклавы, проживающие и в Болгарии, и в Румынии, и в Югославии, и в Греции, и в азиатских странах – в Сирии, в Ираке, в Иране.

Деятельность приверженцев пантюркизма в Турции в это время была ограничена такими сферами, как литература, журналистика (не прямо связанная с политикой, а занимающаяся культурой, историческим наследием и т.п.), помощь туркам, приезжавшим в Турцию из других стран. Правда, на страницах журналов

³⁰³ *Reşit Saffet. Türklük ve Türkçülük izleri. Ankara, 1930.*

пантюркистской ориентации, издававшихся в Турции в 1920-30-х годах, время от времени звучали политические лозунги и призывы к единению тюркского мира и освобождению тюркских народов, оказавшихся под чужеземным игом; однако, такого рода периодические издания в Турции времен Кемаля Ататюрка не имели широкого распространения, выходили нерегулярно, их тиражи были ограничены, а издание часто прерывалось. Среди таких изданий, чаще всего иницилируемых оказавшимися в Турции эмигрантами из соседних стран, надо назвать издававшиеся в Стамбуле на турецком языке журналы "Ени Кафказия" ("Yeni Fafkasya" – "Новый Кавказ", 1923 – 1927); "Ени Тюркистан" ("Yeni Türkistan" – "Новый Туркестан", 1927 – 1931); азербайджанский "Одлу Юрт" ("Odlu Yurt" – "Теплый дом", или "Горячий край", 1929 – 1931) под редакцией М.-Э. Расул-Заде; "Атсыз Меджмуа" ("Atsız Mecmuası" – "Журнал Атсыза", 1931 – 1932) под редакцией Гуссейна Атсыза, печатавший материалы о культуре народов Средней и Центральной Азии; "Орхон" ("Orhun" – "Орхон", "ежемесячный пантюркский журнал", названный именем реки и воспетой в поэме Гёкальпа "Золотое яблоко" легендарной прародины всех тюрков, под редакцией того же Атсыза, 1933 – 1934 и после десятилетнего перерыва 1943 – 1944), "Чаглаян" ("Çağlayan" – "Водопад", издававшийся в отличие от большинства пантюркистских журналов не в Стамбуле, а в Анталье, 1935) под редакцией С. Текели. Среди турецких журналистов, связанных с этим кругом изданий, особенно выделяется Гуссейн Нигал Атсыз (1905 – 1975): за активную пропаганду пантюркизма он в 1936 году даже привлекался к суду, но был признан невиновным и освобожден. Уже в этот период за его легальным имиджем и работой в качестве учителя, писателя, поэта стояла другая, тайная деятельность – организация состоящей из засекреченных ячеек ассоциации, связывающей в единую сеть сторонников пантюркизма в Турции и на Кипре. Звездный час его активности наступил, однако, позднее, когда он в полной мере смог проявить себя как "расист, пантюркист и туранист" ("Irkcı, Türkçü ve Turancı"), как он сам характеризовал свои убеждения³⁰⁴.

Пространство, в котором мог развиваться пантюркизм легально, во всяком случае при жизни Мустафы Кемаля (который умер 10 ноября 1938 года), было ограничено культурно-просветительской сферой. Политический пантюркизм мог скорее проявить себя в каких-либо выступлениях, на страницах печати за рубежом, за пределами страны, чем в самой Турции. Там пантюркистская литература была

³⁰⁴ См.: Jacob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. London, P.96, 109.

более острой, более разнообразной по направлениям, более свободной, ибо она появлялась в странах, где не существовала цензура. Главным мотором ее энергичного развития была тюрко-татарская эмиграция из СССР – люди, которые связывали свои надежды на освобождение и возрождение их народов с программой пантюркизма, общетюркского единения.

Главными печатными органами этой эмиграции, проповедующими идеи пантюркизма, был "Туран Меджмуаси", выходивший в Будапеште с 1913 года, и антисоветский журнал "Прометей", печатавшийся сначала в Варшаве, затем в Париже.

"*Turan Mecmuası*" ("Журнал Туран"), строго говоря, не был изданием пантюркистской направленности. Скорее он пропагандировал пантуранизм в том смысле, в каком понимала его венгерская научная и политическая элита, связывавшая происхождение венгров с романтическим величием страны Туран и считавшая венгров частью "туранской расы". Многие его авторы были членами общества "Туран", созданного в Венгрии при поддержке правительства в начале 1920-х годов. Однако наряду с исследованиями "туранских языков", истории, фольклора, в этом журнале появлялись и материалы политического характера, выдвигались идеи создания Туранского государства на территории между Волгой, Каспийским морем, Ираном и Алтайскими горами. Горячим сторонником этой идеи был, в частности, один из постоянных авторов журнала профессор Бенедикт де Баратоши, сформулировавший свою позицию еще в 1921 году. Журнал стремился внушить своим читателям представление о величии гигантского Туранского мира, подчеркивая, что к нему принадлежат почти 610 миллионов человек³⁰⁵.

При этом туранисты обращали внимание не только на этническую близость и этнокультурные связи между народами, но и на экономические возможности и ресурсы этого богатого региона.

Журнал "Туран" издавался на венгерском языке, но несколько страниц в каждом номере печатались на турецком языке. Позднее к этому добавились статьи на немецком и французском языках. Со временем журнал приобрел статус ежемесячного журнала – органа Общества "Туран".

С 1924 года издание сопровождалось французской аннотацией, в которой подчеркивалось, что на страницах журнала освещаются "история, этнография, политическая ситуация и литература Туранских народов, их культурные стремления, а также исторические связи с

³⁰⁵ См., например: Alois v. Paikert. *Der turanische Gedanke //Turan*, 4-5: April-Mai 1917. S. 182 ff; 6-7: Junie-September 1917, S. 291-301.

западными странами". Несмотря на то, что авторы "Турана" часто декларировали свое стремление к потенциальному союзу и сотрудничеству с венгерским обществом, в целом, с западноевропейской культурой, нельзя сказать, что европейская общественная мысль принимала и разделяла эти идеи. Положение идеологов пантюрнизма в Венгрии было довольно сложным, по сути они часто оказывались в изоляции и, встречая непонимание своих соотечественников, сами рассматривали большинство населения этой страны (и других европейских стран) как некое враждебное окружение.

Еще в большей степени непонимание окружающих ощущали авторы и издатели "Прометей". Этот журнал был органом "Лиги Прометей" — полуконспиративной антисоветской организации, действующей в Польше в межвоенный период под покровительством Президента Пилсудского, Польского Министерства иностранных дел и Генерального штаба, призванной оказывать моральную и финансовую поддержку антикоммунистическим силам и политическим эмигрантам из СССР. Лидеры "Прометей" считали своими союзниками всех врагов советской власти, всех, кто пострадал от нее, и татаро-тюркская эмиграция в этом ряду занимала едва ли не центральное место. Журнал назывался (во французском уточнении) "орган национальной защиты народов Кавказа и Украины" (*Organe de Défence Nationale des Peuples du Caucase et de l'Ukraine*), он печатался в Париже и выходил ежемесячно с ноября 1926 по апрель 1938 года под названием "Prométhée". Со временем идея "защиты" распространилась и на народы Туркестана и журнал стал называться "органом защиты угнетенных народов СССР" (*Organe de Défence Nationale des Peuples Opprimés de l'U.R.S.S.*). Наиболее известные идеологи пантюркизма, такие, как Расул-Заде, Мирза-Бала и другие, публиковали на страницах "Прометей" свои статьи, пропагандировавшие идеи независимости от России Азербайджана, Туркестана, Северного Кавказа и тесной связи между народами тюркского мира.

Надо отметить, что польская финансовая поддержка пантюркистских организаций не прекратилась даже в период второй мировой войны.

Кроме "Турана" и "Прометей" в европейских странах в 1920-30-х годов издавались и другие периодические издания пантюркистской ориентации. Это "Yeni Turan" ("Новый Туран"), издававшийся группой "Туран" в Финляндии с ноября 1931 года (сначала в Тампере, затем в Хельсинки) на турецком и финском языках (редактор Абдуллах Ахсан; журнал имел четкую политическую антисоветскую направленность, на его страницах также отражалась повседневная жизнь тюрко-татарской диаспоры; многие статьи и даже поэмы были посвящены идеологии пантюркизма); "Kurtuluş" ("Освобождение", орган азербайджанской

мусаватистской партии, издававшийся на турецком языке в Берлине с ноября 1934 по июль 1939 года, его редакторами были Хилал Мюнши и Мехмет Эмин Расул-Заде); "Северный Кавказ" (название дублировалось на турецком, русском, французском и английском языках, текст – на русском и турецком языках), выходивший в Варшаве с мая 1934 по июнь 1939 года как орган "Партии народов Кавказа" (редактор Барасби Байтуган), пропагандировавший идеи пантюркизма и кавказского единства (от Кубани до Баку); "Yaş Türkistan" ("Молодой Туркестан") – орган Национального Совета Туркестана, выходил ежемесячно в Берлине с декабря 1931 по июль 1939 г., его душой был Мустафа Чокай; "Yeni Milli Yol" ("Новый национальный путь"), орган Комитета Идель-Урал, издавался в Берлине на татарском языке; "Emel Medjmuası" ("Журнал надежды"), издавался Крымскотатарским комитетом (Комитетом крымских тюрок) в Пазарджике, в Румынии, на крымскотатарском языке с января 1930 по 1941 год; его редактором был местный адвокат Мюстеджиб Фазиль (и это было не единственное крымскотатарское периодическое издание: в том же Пазарджике в 1921-1936 гг. выходила независимая газета "Романия", редактором которой был Кемаль Зандали); ежемесячный журнал "Türkistan" (выходил во Франции в 1934-1935 гг. на турецком языке арабским шрифтом), его редактором был Мустафа Чокай (Чокай-оглу), которому удалось бежать из Коканда до прихода туда в 1918 году Красной Армии. Все эти издания органично соединяли антисоветскую и пантюркистскую пропаганду, печатали материалы о тяжелом положении тюркских народов в Советском Союзе и статьи, содержавшие теоретическое обоснование необходимости их единения. Основной корпус авторского и издательского коллектива этих журналов формировался из рядов тюрко-татарской эмиграции из СССР.

Наряду с периодикой, выходили отдельные книги авторов того же эмигрантского круга, в которых концептуальные положения пантюркизма получали развитие в тесной связи с критикой советского режима. Среди таких книг и брошюр – "Туркестан под властью советов" Мустафы Чокай-оглу³⁰⁶.

К всеобщему исламскому Конгрессу в Иерусалиме, проходившему в декабре 1931 года, было приурочено издание двух буклетов (на арабском языке). Автором одного из них был глава Комитета национальной обороны Северного Кавказа Саид Шамиль,

³⁰⁶ Сначала она была издана в Париже на французском языке: *Mustafa Chokayoglu, Chez les Soviets en Asie Centrale. Paris 1928, 127 страниц*; через семь лет появилось ее переиздание на русском языке: *Мустафа Чокай-оглу. Туркестан под властью советов, 1935.*

автором другого – известный казанский ученый и общественный деятель Аяз Исхаки (1878 – 1954), который начинал свою деятельность в первом десятилетии 20 века, помогал Акчуре в издании "Казан Мухбере", участвовал в работе Всемусульманского съезда в 1905 году, печатал свои статьи на страницах "Тюрк Юрду", был горячим сторонником тюрко-татарского единения. В 1931 году он возглавил Независимый Комитет мусульман Идель-Урала.

Следует обратить внимание, что вслед за процессами над "национал-уклонистами" в СССР, на страницах эмигрантских газет возникла дискуссия о пантюркизме, пантуризме и тюркизме.

Толчок к этой дискуссии дали провокационные выступления русской белоэмигрантской печати, решившей взять на себя неблагодарную функцию "охранительницы" русского духа и "защитницы" неизвестно какой России (то ли старой, "которую они потеряли", то ли новой, большевистской, из которой их после революции выгнали) от якобы угрожающей ей тюрко-татарской идейной агрессии. Одним из первых прозвучало в 1929 году на страницах издаваемой А.Ф. Керенским газеты "Дни" выступление армянского "социалиста" А. Хондкаряна, которого М.-Э. Расул-Заде метко назвал в своей ответной статье одним из "добровольцев российского империализма". Свою статью А. Хондкарян озаглавил "На службе у Турции", открыв тем самым унылый ряд многократно повторяющихся впоследствии инсинуаций, связанных с тем, будто энтузиазм сторонников пантюркизма из числа тюрко-татарских эмигрантов из Советского Союза "оплачивается" турецким правительством (чушь тем более несусветная, что в то время само турецкое правительство всячески дистанцировалось от пантюркизма). Вскоре к Хондкаryanу присоединился и сам издатель и главный редактор "Дней" А.Ф. Керенский, выступивший со статьей под многозначительным названием "Диктатура над русским народом" ("Дни", 1929, № 60). В ней он рассказывал о "султангалиевщине", раскрытой агентами ГПУ (фактически в той самой версии, в какой ГПУ, выполняя сталинские указания, хотело представить "дело Султан-Галиева"), и с ужасом приходил к выводу о том, будто "султангалиевцы" ("татары") хотят "разделить русскую землю между так называемыми угнетенными народами", отдав Кавказ – грузинам, горцам и азербайджанцам, Малоросию – украинцам, Сибирь – якутам, бурятам и другим иногородцам, а "всю Россию за Волгой" до Памира – "пантюркистам, то есть союзу казанских татар с кемалистами". Он призывал русский народ не стать "навозом для чужой культуры" или "материалом для чужого государственного здания" и "воспламениться пламенем национальной страсти" (кажется, его призыв дошел спустя 70 лет до некоторых наших соотечественников, проводящих "зачистки" в

Чечне, устраивающих погромы в Царицыно и убивающих в пылу национальной страсти азербайджанцев, торгующих на московских рынках). Вся шумиха о "пантуранизме", поднятая на страницах русской эмигрантской печати, собственно, сводилась, как писал об этом М.-Э. Расул-заде "к двум возгласам: 1) Русский народ, опомнись, тебе грозит новое монгольское нашествие! 2) Народы Кавказа, остерегайтесь, отделившись от России вы попадете под власть Турции!" ³⁰⁷.

Свою лепту в нагнетание панического страха перед пантюркизмом внесла вышедшая в Париже в 1930 году брошюра некоего Зареванда (видимо, псевдоним) под названием "Турция и пантуранизм". Она отличалась от других статей и памфлетов претензией на "объективность" и попыткой, действительно, сохранить спокойный тон исторического очерка, во всяком случае в первых разделах, хотя и они были полны неточностей, вымыслов и подтасовок, таких например, как голословные утверждения, будто бы Юсуф Акчура произносил речи с призывами "уничтожать армян", а Исмаил Гаспринский был тайным членом ЦК младотурецкой партии "Единение и прогресс". Тем не менее Зареванд оказался одним из немногих авторов, вынужденных признать факт российского происхождения пантюркизма, вызванного к жизни бесправным и угнетенным положением тюркских народов в самодержавной России, пробуждением их национального самосознания и целями освободительной борьбы. "Национальное чувство... возникает и развивается раньше всего в народе, лишенном политической самостоятельности, — подчеркивает Зареванд. — Национальное пробуждение российских мусульман началось с противопоставления — в целях защиты — своих бытовых и культурных особенностей наступающей культуре господствующей нации ..." ³⁰⁸. В дальнейшем, однако, Зареванд старается создать видимость перерождения пантюркизма, нарастающей угрозы с его стороны для российской государственности. Проследивая развитие пантюркизма в России, он отмечает перемену тактики после поражения революции 1905 года. "Для российских пантуранистов, — пишет он, — стало ясно, что даже объединение силы всех российских тюрко-татар недостаточно для осуществления своих национальных целей, что без внешней помощи невозможно ни их освобождение от русского ига, ни объединение с соплеменными народами" ³⁰⁹. Такую помощь пантюркисты России стали искать в Турции. С этого момента Зареванд начинает обзор

³⁰⁷ Расул-Заде М.Э. *О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой.* Париж, 1930. С. 24.

³⁰⁸ Зареванд. *Турция и пантуранизм.* Париж, 1930. С. 37-38.

³⁰⁹ Там же. С. 50.

движения в самой Турции, начиная его историю с эмиграции "видных российских пантюркистов" и завершая ее разработкой "программы и основных принципов" пантюркизма в трудах Зия Гёкальпа. В завершении своего анализа Зареванд делает вывод о воплощении идей пантюркизма в кемализме современной Турции. По его мнению "пантуранизм является в настоящее время господствующей в Турции политической доктриной".

Резкую отповедь подобным фальсификациям дал М.-Э. Расул-Заде, включившийся в дискуссию сразу же вслед за появлением провокационных статей в "Днях" и выхода в свет "памфлета" Зареванда (свои ответы Расул-заде публиковал на страницах журнала "Олду Юрт", а затем объединил их в брошюре под названием "О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой", предисловие к которой написал Н. Жордания).

М.-Э. Расул-Заде утверждает, что ни в СССР, ни в Париже постановка вопроса о "грядущей опасности пантуранизма, задающего цель расчленить Российское государство, неправомерна". М.-Э. Расул-Заде призывает признать ту очевидную истину, что "отход Кавказа – азербайджанцам, грузинам, горцам вовсе не означает расчленения России". "Мы не можем понять, – восклицает он, – почему стремления этих народов к завоеванию своих естественных прав, достижение ими независимости и господства над своими же национальными территориями рассматривается как акт расчленения России?! Таковую ересь могут выразить только лица, которые допускают существование некоторых господствующих прав русского народа над всеми нерусскими народами, находившимися в пределах бывшей Российской империи"³¹⁰.

Зная сущность вопроса не понаслышке, а по глубокому личному опыту, пройдя с движением все фазы его развития, М.-Э. Расул-Заде делает вывод, что пантюркизм через ряд романтических периодов и иллюзий приходит к идее тюркизма, единственного "реального и здорового" направления, способного сформировать из тюркских народов самостоятельные нации. Реализацию идей тюркизма М.-Э.Расул-Заде видит в деятельности М. Кемаля (Ататюрка), который в своей знаменитой речи, произнесенной перед конгрессом Народной партии в 1928 году, следующим образом изложил свое отношение к пантюркизму:

"Собрать различные народы под общее название и управлять этими разрозненными элементами на основании одних и тех же правил

³¹⁰ *Расул-Заде М.Э. О Пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С предисловием Н.Жордания. Париж, 1930. С. 18.*

и законов – программа хотя и привлекательная, но обманчивая. [...] Идея создания единого государства, долженствующего охватить всех тюрков мира, есть также несбыточная мечта [...] Реальное состояние современного мира [...] и факты, которые веками закреплены в умах и характерах, не позволяют нам совершить недопустимый грех – быть утопистами в политике [...]. Когда я говорю о национальной политике, то имею в виду следующее: оставаясь в пределах своей национальной политики и базируясь на своих собственных силах [...] стараться] не подвергать народ разорению в погоне за несбыточной и утопической мечтой" ³¹¹.

М.-Э. Расул-Заде убедительно вскрыл не только очевидную недобросовестность таких "критиков" пантюркизма, как "доброволец российского империализма" А. Хондкарян, передергивающих высказывания своих оппонентов и искажающих сущность реального пантюркизма и реального кемализма, но и опасную шовинистическую суть программы, разрабатываемой идеологами армянской националистической организации "Дашнакцутюн" на страницах эмигрантского издания "Дрошак". Это расистская программа укрепления величия и мирового господства "арийской расы", очаги которой должны противостоять тюркским народам Евразии. Вокруг этих "арийских очагов" должны были объединиться "благородные персы, воинственные курды, храбрые белучи, лесные килаки, прозорливые армяне и даже афганцы, индусы и другие народы из индо-арийского племени" ³¹².

Сущность пантюркизма (Расул-Заде называл его "пантуранизмом") в новых условиях, сложившихся в 20 веке, Расул-Заде сформулировал следующим образом: "Пантуранизм, как идеология, революционизирующая народные массы тюркских племен и вызывающая их на арену активной борьбы за национальное самоопределение и утверждение своей независимости, объективно является идеей прогрессивной, в свою очередь своим острием направленной против русского империализма и идеи пресловутой "единой и неделимой России"..." ³¹³.

Заметную роль в этот период сыграла появившаяся в 1932 году книга Басры Бея (югославского гражданина тюрко-албанского происхождения) "Тюркский мир и возвращение его исторической миссии (московские иллюзии и турецкая реальность)" ³¹⁴.

³¹¹ Там же. С. 35-36.

³¹² Там же. С. 10.

³¹³ Там же. С. 62.

³¹⁴ Basry Bey, *Le monde turc et l'avenir de sa mission historique (l'illusionisme moscovite et la réalité turque)*. 1932.

Автор призывал к созданию Всемирной Тюркской Федерации. Свою книгу он завершал призывом к объединению всего тюркского мира: "От монгольских пустынь – через Самарканд, Бухару, Баку, Гянджу и Анкару – до Стамбула и Эдирны, все тюрки, вдохновленные новой надеждой, возьмитесь за руки!"

Внимание широкой европейской и турецкой общественности привлекают появившиеся в первой половине 1930-х годов публикации Джафера Сейдамета (выступавшего под литературным псевдонимом Кырымер): изданная в Стамбуле монография, посвященная автором своему великому земляку и учителю Исмаилу Гаспринскому³¹⁵, и пережившая несколько изданий (в Варшаве – на польском языке, в Лозанне – на французском и т.д.) книга "Крым"³¹⁶, не только подробно знакомящая читателей с этим уголком тюркского мира, с культурой и драматической историей крымских татар, но развивающая на примере этой истории ту идею общетюркской солидарности, с которой Джафер Сейдамет связывал перспективы спасения и возрождения своего народа. Надо отметить, что в этот период он вел активную общественную деятельность, выступая в качестве официального представителя крымскотатарского народа в различных международных организациях: он считал, что никто не снимал с него обязанностей, возложенных на него Курултаем и Директорией, и действовал как Министр иностранных дел Демократической республики Крым в изгнании.

Влиянием идеологии пантюркизма и стремлением связать воедино идеалы национального движения и общетюркской солидарности были отмечены многие выступления представителей азербайджанской эмиграции, лидеров мусаватистского движения. Одним из них был Мехмет (Мемет)-Заде Мирза-Бала (1898 – 1959), который в 1938 году издал на турецком языке книгу "Национальное движение в Азербайджане: история национальной азербайджанской народной партии "Мусават". Лекция, прочитанная М.-Э. Расул-Заде в 1938 году к 20-й годовщине Декларации о независимости Азербайджана (28 мая 1918 года), была издана на немецком языке "с целью приобщения европейцев к азербайджанским проблемам"³¹⁷.

Ряд монографий, посвященных представителями тюрко-татарской эмиграции положению дел в отдельных регионах тюркского

³¹⁵ *Seydahmet Cafer. Gasprali Ismail Bey (Dilde, Fikirde, Iste Birlik). Istanbul, 1934.*

³¹⁶ *Sejdamei Džafer. Krym. Warszawa, 1930.*

³¹⁷ *M.E. Resul-Zade. Das Problem Aserbeidschan. 1938; на обложке этой брошюры дан перечень азербайджанской эмигрантской литературы на турецком, иранском, немецком, русском, французском и польском языках.*

мира, был проникнут идеями пантюркизма, пониманием необходимости объединения усилий для освобождения угнетенных братьев и для защиты прав тюркских народов, особенно там, где эти права постоянно нарушаются. В этом ряду следует назвать такие книги, как "Азербайджан" А. Джафероглу³¹⁸, "Национальные движения Туркестана" Абдуллаха Реджеба Байсуна³¹⁹, "Тюрки Ирана" Санана Азера (псевдоним беженца из Тебриза М. Садыка Арана), который, обращаясь к турецкой общественности, взывал о помощи братьям – азербайджанцам (тюркам, или туркам) Ирана, составляющим, по его подсчетам 5 миллионов человек (значительную часть населения Ирана), подвергающимся постоянным преследованиям и ущемлению их прав в области языка и культуры³²⁰. Эти издания являются связующим звеном между историографической традицией, сложившейся в эмигрантской литературе 1920-30-х годов, и новым этапом развития пантюркизма, относящимся к началу Второй мировой войны.

9. Пантюркизм и нацистская тень: эпоха Второй мировой войны

После смерти Кемаля Ататюрка в 1938 году новый Президент Турецкой республики Исмет Иноню, хотя и не отказываясь от по-прежнему господствующей в стране идеологии кемализма и даже всемерно способствуя посмертному "культу личности" Кемаля Ататюрка, на практике все же избирает политический курс, несколько отличный от курса своего предшественника. Во внешней политике это выражается в заметном "охлаждении" отношений с Советским Союзом, который Турция, все более подавленная поступающей информацией о сталинском терроре, не пощадившим ни крестьянство, ни интеллигенцию, ни мусульманское духовенство тюркских республик, о нарастающей советской агрессии на всех границах от Дальнего Востока до Финляндии и Бесарабии, уже никак не может, в соответствии с заветами внешней политики Кемаля Ататюрка, считать своим "добрым соседом" и надежным партнером. Новые угрозы, нависшие над тюркскими народами в условиях кровавого разгула сталинской диктатуры, требуют адекватной реакции от турецкой общественности.

С конца 1930-х годов в Турции постепенно устанавливается внутренний режим, более благоприятный для идеологов пантюркизма. Показательно, что один из ведущих идеологов этого направления, башкирский эмигрант Ахмед-Заки Валиди именно в 1938 году

³¹⁸ *Caferoğlu A. Azerbaycan. İstanbul, 1940.*

³¹⁹ *Baysun, Abdullah Receb. Türkistan milli hareketleri. İstanbul, 1943.*

³²⁰ *San'an Azer. İran Türkleri. İstanbul, 1942.*

возвращается в Турцию, в то время как в годы правления Ататюрка он не мог там свободно работать и вынужден был шесть лет (1932 - 1938) находиться как бы во "второй эмиграции", в Германии (в конце Второй мировой войны он был привлечен к следствию по делу "пантюркистов" и несколько месяцев пробыл в тюрьме). В 1940 году Валиди написал свой памфлет "Ситуация в Туркестане между 1929 и 1940 годами", в котором с глубокой горечью описывал положение тюркских народов Средней Азии, резко обвинял советское правительство и призывал к борьбе за освобождение и независимость единого Туркестана.

Одним из учеников Валиди, сыгравшим заметную роль не только в оживлении, "возрождении" идей пантюркизма в Турции рубежа 1930-1940-х годов, но и в определенной радикализации, трансформации этих идей в сторону расизма был Реха Огуз Тюрккан. Он родился в 1920 году в Стамбуле, получил университетское юридическое образование (окончил факультет права университета в Анкаре), совсем молодым человеком начал блестящую карьеру в республиканском Министерстве юстиции. Однако, уже с 16-ти лет он посвятил свою жизнь пропаганде пантюркизма, занялся созданием подпольных обществ и других организаций, ставивших своей целью внедрение своих сторонников в правительственные структуры и изменение политики Турции в пользу пантюркизма. С 10 ноября 1938 года в Анкаре под его редакцией начинается издание "литературно-социального" журнала "для молодых и мыслящих" "Эргенекон" ("Ergenekon" – по названию знаменитой поэмы Зия Гёкальпа, опубликованной в первом номере этого журнала, которое ассоциировалось с понятием страны Туран). В отличие от тех (обычно нерегулярных и непродолжительно издающихся) пантюркистских журналов, которые появлялись в Турции при жизни Ататюрка обычно на периферии страны (в Стамбуле, Анталье) и робко ставили политические проблемы, ограничиваясь, в основном, культурно-историческими аспектами пантюркизма, "Эргенекон" был столичным изданием, определившим свое политическое лицо четко, резко, даже с полемическим вызовом. Именно на его обложке появилось переходящее из номера в номер изображение "бозкурта" (серого степного волка), которое так пугало и раздражало впоследствии противников пантюркизма. Именно на его страницы был вынесен лозунг (в формулировке, которая принадлежит перу Гуссейна Атсыза) "Тюркская раса превыше всего!" ("Her şeyin üstünde Türk ırkı!"³²¹; в другой редакции – "Тюркская раса превыше всех других рас!" – "Her ırkın üstünde Türk ırkı!"³²²). В том международном контексте, в каком

³²¹ *Ergenekon*, 1938, № 1 (10 ноября), обложка.

³²² *Ergenekon*, 1939, № 3 (10 января), обложка.

обретала свое право на жизнь подобная (разумеется, совершенно нетерпимая и немислимая в демократическом обществе) терминология, она имела не столько, действительно, расистский (направленный против других рас и народов) смысл, сколько дерзкий вызов в адрес германского нацизма, уже провозгласившего к тому времени Германию "превыше всего" и искавшего в античной Греции корни "высшей" арийской расы: пантюркизм создавал своего рода противовес гитлеровскому направлению расизма (пангерманизму). Главной же целью журнала, которую декларировали его авторы, была критика коммунистического режима, и все его выступления пронизывал последовательный (или, как это обозначалось в советской историографии, "воинствующий" антикоммунизм.

Свои взгляды Тюрккан изложил в своеобразном манифесте "Введение в пантюркизм"³²³, в котором он утверждал, что 20 миллионов турок, живущих в Турции, должны объединиться со 100 миллионами тюрок, проживающих в других странах и имеющих общие расовые признаки.

С мая 1939 года Р. Огуз Тюрккан начинает издавать в Стамбуле другой радикальный журнал пантюркистской направленности – "Бозкурт" ("Bözkurt"). (До июля 1942 года, с перерывами и изменением периодичности, вышло в свет 17 номеров этого журнала). Участие некоторых видных ученых, например, профессора Абдулкадира Инана, придавало ему значительную научную респектабельность. Главная направленность журнала определялась пропагандой пантюркизма, при этом границы тюркского мира ("Турана") растягивались чрезвычайно широко, включая и венгерский, и эстонско-финский, и другие финно-угорские анклавы, создавался особый культ древних героев-воинов (например, Аттилы), возглавлявших этот мир, обосновывалась необходимость создания единого общетюркского государства, в котором будут проживать, как минимум, 65 миллионов человек. Пантюркизм на страницах "Бозкурта" был адаптирован к морали и политике эпохи военного противостояния: его главный нравственный посыл был связан с воспитанием воинской доблести, активности, бесстрашия, моральной безупречности воина, его главный противник был четко обозначен как коммунистический режим, а тюркские народы, оказавшиеся под гнетом этого режима, призывались к исполнению роли

³²³ [Türkkan, Reha Oğuz]. *Türkçülüğe giriş. İstanbul, 1940. Содержание этого манифеста было изложено в статье Ф. Ронненбергера "Тюркизм и Туранизм", появившейся в конце 1942 года в венском издании "Фолькстум им Зюдостен": F. Ronnenberger. *Türkismus und Turanismus // Volkstum im Südosten, Wien, 1942, Dezember. S. 197-203.**

"воинов пятых колонн", как прямо писал об этом в сентябрьском номере 1940 года один из авторов журнала Неджет Санчар (брат Гуссейна Атсыза). Ему же принадлежит афоризм, представляющий собой цепочку из трех слов "Тюрк (турок) – армия – война" ("Türk, Ordu ve Savaş"), составляющих, по его убеждению, неразрывное целое³²⁴.

В начале Второй мировой войны появилась работа Х.М. Ахмада "Борьба за пустые пространства: Туран – Туркестан – Тибет"³²⁵. Пантюркизм Ахмад трактует в расширительном плане, как пантуранизм, утверждая, что тюрки и монголы принадлежат к одной расе. "Объединив свои усилия, – заявляет автор, – они смогут достичь всего, что они желают"³²⁶.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз дало толчок к более активным выступлениям праворадикальной пантюркистской печати, пытавшейся склонить правительство Турции отказаться от провозглашенного ею нейтралитета и вступить в войну. Так, на обложке журнала "Бозкурт" 11 июля 1941 года была напечатана карта расселения тюркских народов в СССР, и открывался журнал патетическим призывом, адресованным Президенту страны Исмету Инёню: "О, Инёню, избранный историей ради этого великого дня! Мы готовы отдать нашу кровь во имя священной независимости тюркского мира! Весь тюркский мир ждет сигнала!"³²⁷. В последующих номерах эти призывы повторялись во все более категоричных формах, и приводились аргументы такого типа: "Права, которые не дают, должны быть взяты! Посредством войны? Да, если необходимо, то путем войны!" ("Hak verilmez, alınır. Savaş mı? – Evet! Gerektiği anda, savaş!")³²⁸.

Естественно, что в условиях подготовки войны против Советского Союза и после начала этой войны нацистская Германия, не терявшая надежды как можно активнее втянуть Турцию в эту войну, могла опираться на такого рода выступления, и не всегда находя общий язык с официальным руководством Анкары, делала ставку на те круги, приверженные идеям пантюркизма и пантуранизма, которые группировались вокруг "Эргенекона", "Бозкурта" и других подобных изданий и внутри Турции составляли своего рода "правую" оппозицию правительственному курсу. Впрочем, дистанция между этой

³²⁴ Несмотря на тесное сотрудничество на страницах "Эргенекона", "Бозкурта" и издававшегося в Стамбуле с ноября 1942 года журнала "Гёк Бёрю" ("Gök Börü" – другой вариант символа "Боз

³²⁵ H. M. Ahmad. *Kampf um leere Räume: Turan – Turkestan – Tibet*. 1940.

³²⁶ Там же. С. 44.

³²⁷ *Bozkurt*, 1941, 11 июля. С. 249.

³²⁸ *Bozkurt*, 1942, 5 марта. С. 6.

оппозицией и линией официального руководства после смерти Атаюрка постепенно (в конце 1930-х – начале 1940-х годов) все более сокращалась.

Характерно, что когда германский посол фон Папен прямо спросил Президента Турции Исмета Инюню, что тот думает о программе пантюркистов и их территориальных притязаниях к Советскому Союзу, то получил ответ, что "Президент желает говорить об этом только тогда, когда русский поход германской армии даст действительно заметный результат" (происходил этот разговор 28 августа 1941 года)³²⁹. 6 апреля 1942 года министр иностранных дел Турции (будущий Премьер-министр) Сараджоглу заявил тому же фон Папену, что турецкое правительство не может официально поддержать Германию в решении "пантуранистского вопроса", но оно разрешило неофициальным лицам, представляющим пантюркистское движение, держать прямые связи с Германией по этому вопросу. Тогда же он сказал: "Само собой разумеется, что Турция не может не быть заинтересованной в судьбе 40 миллионов человек тюркского происхождения в России. Из географических соображений, в будущем переустройстве России вряд ли возможно объединение этих областей с Турцией. Может быть, однако, они могли бы получить самоуправление с сильным турецким влиянием. Затем было бы необходимо отправить тысячи молодых людей из этих областей в Турцию, чтобы формировать тюркское самосознание у угнетенного населения"³³⁰.

Историк Р.С. Корхмазян, наиболее тщательно исследовавший турецко-германские отношения накануне и в ходе Второй мировой войны, считает, что внешнеполитический курс турецкого правительства претерпевал определенную эволюцию и включал в себя четыре этапа. Первый этап продолжался с октября 1939-го по июнь 1940 года. Подписав 19 октября 1939 года договор о взаимопомощи с Англией и Францией, Турция стала в тот период "субъектом усиленной политической и дипломатической активности противоборствующих группировок стран "Оси" и Западных держав"³³¹. Ее выбор тогда еще не был определен, и чаша весов колебалась. Однако, поражение Франции заставило Турцию переориентироваться на союз с Германией.

³²⁹ Об этом пишет немецкий историк Л. Крекер в книге "Германия и Турция во Второй мировой войне" (Krecker L. *Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg*. Frankfurt am Main, 1964. S. 211).

³³⁰ Там же. С. 215.

³³¹ Корхмазян Р.С. *Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны (1939-1945)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1974. С. 182.

Этот второй этап уточнения внешнеполитического курса страны и интенсивных переговоров с Берлином продолжался с момента "падения Парижа" и завершился 18 июня 1941 года подписанием германо-турецкого договора "О дружбе и ненападении", определивший за турками позицию "благожелательного нейтралитета". Этот договор во многом развязывал Гитлеру руки для агрессии против Советского Союза, начавшейся буквально через несколько дней. Третий период продолжался с июня 1941 года до середины 1943 года. Именно в эти два года наблюдалась особенная активность идеологов пантюркизма, оказавшихся в плену иллюзий и надежд на то, будто с поражением Советского Союза в войне будет достигнуто освобождение тюркских народов. С этой целью пантюркисты готовы были оказать давление на правительство Турции, настаивая на том, чтобы перейти от "благожелательного нейтралитета" к совместным с нацистской Германией военным действиям против Советского Союза. (Наряду с журналом "Бозкурт" подобные взгляды пропагандировал издававшийся в 1942 году в Стамбуле еженедельник "Танридаг", названной именем "горы богов" – родины древних тюрков в Тянь-Шане, редактором которого был известный ученый Риза Нур ³³²). В Берлине и Анкаре проходили неофициальные и полу-официальные встречи и консультации, в которых с немецкой стороны участвовали посол Германии в Турции Франц фон Папен, сотрудники Министерства иностранных дел, а с турецкой стороны – генералы Али Фуад Эрдем, Х.Э. Эркетет, Нури-Паша (брат Энвера-Паши) и другие деятели, близкие пантюркистским кругам. Однако, дальше частных инициатив, смутных намерений и советов (даже не всегда высказываемых категорично) дело в этот период в Турции не зашло. Именно поэтому руководство нацистской Германии высказывало крайнее раздражение тем, что официальный политический курс нейтральной Турции не совпадает с программами пантюркистов. Впрочем, в то же самое время это нацистское руководство, опьяненное эйфорией первых побед,

³³² Риза Нур (1879 – 1942) в молодости был убежденным османистом, в период правления младотурок – депутатом национального парламента, затем активным участником кемалистского движения; в последние годы жизни и в своих научных трудах, и в своих политических убеждениях он все более склонялся к концепциям пантюркизма. Эта печать лежит на основанном им журнале "Ревю де Тюркологии" ("Revue de Turcologie" – "Тюркологическое обозрение", 1931 – 1937), который он издавал на французском языке сначала в Париже, затем в Египте, Александрии. На страницах "Танридага" эта печать была выражена еще более резко.

приведших к оккупации значительных советских территорий, уже достаточно определенно и цинично сформулировало собственное отношение к будущему устройству тюркских регионов и судьбе тюркских народов. Ни об их независимости, ни о каких-либо прерогативах Турции в контроле над этими территориями не допускалось и мысли. Вместо поддержки собственных планов лидеры пантюркистских организаций, совершавших в начале войны свои неофициальные визиты в Берлин, получили "Меморандум", в котором однозначно говорилось, что "после поражения Советского Союза территории бывшей Российской империи должны попасть под влияние Германии, но не других государств. С точки зрения [...] нефтяных интересов [...] передача территорий Батуми и Баку в турецкие руки должна быть полностью исключена...". Лишь в Туркестане считалось возможным "одобрить создание тюркских государств, союзных Турции"³³³. Это вызвало настоящий шок у тех, кто еще возлагал надежды на помощь Германии, глубокое разочарование в турецких политических кругах и предопределило полную невозможность стратегического союза между нацизмом и пантюркизмом как в идеологическом, так и в военном, практическом плане. Официальная Анкара уже после поражения немцев под Москвой и вступления в войну США стала проявлять еще большую осторожность и осмотрительность в отношениях с Германией. "Дружба" ограничивалась некоторыми заявлениями общего плана, ни к чему не обязывавшими турецкое руководство. Правда, на советско-турецкой границе в Закавказье в эти годы с обеих сторон наблюдалась значительная концентрация вооруженных сил, но это было продиктовано больше соображениями собственной государственной безопасности каждой из держав, нежели агрессивными намерениями. На четвертом этапе, который начался в середине 1943 года и продолжался до конца войны, окончательно определяется расхождение между Турцией и нацистской Германией и сближение Турции с союзнической коалицией, прежде всего с Великобританией и США. Это сближение завершается тем, что уже 22 февраля 1945 года Турция единогласным решением всех депутатов Великого Национального собрания заявляет о присоединении к коалиции союзников и объявляет с 1 марта 1945 года войну нацистской Германии и Японии (советская историография долгое время предпочитала замалчивать этот исторический факт, а если и вынуждена была его признать, то старалась, – как это делал тот же Р.С. Корхмязян в своей диссертации, – представить его как чисто формальный, "символический" жест, "не

³³³ Там же. С. 116.

имевший практического значения"³³⁴ на театре военных действий, и как хитрую политическую уловку Турции, обеспечившей себе таким образом место в послевоенной Организации Объединенных наций).

Между тем, уже с середины 1943 года начинается наступление на идеологию пантюркизма и его лидеров, представленных как в самой турецкой политике, науке и журналистике, так и в базировавшейся в Турции тюрко-татарской эмиграции из СССР. Сигналом к этому наступлению послужила резкая речь в парламенте депутата Нежмеддина Садака 7 июля 1943 года. "Турецкая внешняя политика, – говорил он, – не имеет никаких расистско-империалистических целей. Подобное свойственно лишь примитивным обществам, которые базируются на племенной или религиозной принадлежности. Хотя Турция – националистическая страна, но она не настроена ни пантюркистски, ни панисламистски. Стремиться к объединению всех тюрков или мусульман – это не только утопично, но и против основных принципов турецкой внешней политики". За этой речью последовало издание брошюры Ф. Эрмана "Самая большая опасность", в которой прямо назывались имена таких деятелей, как Ахмед-Заки Валиди, Аяз Исхаки, Мухаррем Февзи Тогай и другие татарские и азербайджанские сторонники пантюркизма, которые, как говорилось в брошюре, "своей пантүранистской пропагандой наносят огромный вред нейтральной политике Турции"³³⁵.

Уже с 1944 года в Турции начались государственные гонения на пантюркистов "второй волны", и советская печать немедленно откликнулась на эти события, одновременно злорадствуя и провоцируя соседнее государство, негодуя по поводу недостаточно жестких мер, нагнетая обывательский страх и преувеличивая реальные и мнимые угрозы "заговорщиков". Так, журнал "Большевик" сообщал, ссылаясь на свои источники, что в Турции "раскрыта тайная организация пантюркистов"; что "на основании обнаруженных при обыске документов, секретных кодов, шифров, лозунгов, корреспонденций и программ следственные органы пришли к убеждению, что расистско-пантюркистская деятельность опасна, ибо противоречит конституции и несет уголовно-преступный характер"³³⁶.

Собственно, весь "заговор" выражался в двух открытых обращениях к Премьер-министру страны Шюкрю Сарачоглу,

³³⁴ Там же. С. 184.

³³⁵ Подробный анализ этих событий и выступлений дан в монографии: Önder Z. Die türkische Aussenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1977. S. 151 и далее.

³³⁶ Крымский В. Пантюркисты - фашистская агентура в Турции // Большевик, 1944, 10-11. С. 79.

опубликованных 20 февраля и 21 марта 1944 года на страницах "Орхона" (их автором был Гуссейн Атсыз), содержавших требования более решительной антикоммунистической и более последовательной пантюркистской политики в Турции. 3 мая 1944 года в Стамбуле и Анкаре состоялись мощные антикоммунистические демонстрации, включавшие лозунги протеста против уже состоявшихся в СССР и планируемых на ближайшее время (до 18 мая оставалось всего две недели) акциях поголовной депортации тюркских народов – карачаевцев, балкарцев, крымских татар. Во главе этих демонстраций стояли Атсыз, Тюрккан и впервые появившийся тогда на политической арене молодой капитан Алпарслан Тюркеш.

Сначала растерявшееся турецкое правительство, под жестким давлением советской дипломатии вынуждено было перейти к наступлению на оппозиционеров и арестовать более тридцати ведущих "пантюркистов", включая таких деятелей, как Ахмед-Заки Валиди, Абдулкадир Инан, Мухаррем Февзи Тогай, Гуссейн Атсыз, Санчар, Огуз Тюрккан, генерал Хюсюн Эмир Эркилет, Алпасаран Тюркеш и другие³³⁷.

Президент Турции Исмет Иненю, выступая 19 мая 1944 года с речью по случаю праздника молодежи, официально осудил пантюркизм (пантуранизм), подчеркнув: "Мысли о Туране вредят нам. Со времени нашего национального освобождения нас связывает дружба с Советами. Наша национальная политика далека от мысли искать приключения вне пределов страны. Туранисты являются бессовестными подстрекателями и совратителями молодежи. Против их мыслей, которые могут привести нас только к несчастью, мы будем защищаться со всей силой"³³⁸. Президент призывал турецкую молодежь к "бдительности" и говорил: - "Туранистские концепции – это болезнетворное и вредное явление последнего времени ... В целях внесения раздора и интриг расисты и туранисты прибегали к тайным комбинациям и организациям [...] Кому и какой цели служат те, кто заявляет, что при нынешнем международном положении Турция должна стать расистской или туранистской? Ясно, что те, кто выдвигает подобные идеи, могущие принести лишь бедствия и несчастье, не могут оказать никакой услуги турецкому народу..."³³⁹.

³³⁷ См.: Wiesband E. *Turkish Foreign Policy 1943 – 1945. Small State Diplomacy and Great Power Politics*. Princeton, 1973. P. 243-246.

³³⁸ Цитируется в нашем переводе с немецкого по книге: Jäschke G. *Der Turanismus und die kemalische Türkei*. Leipzig, 1944. S. 251.

³³⁹ Эту информацию с явным удовольствием доводил до сведения советских читателей главный партийный журнал СССР. См.: 245

Итак, в Турции шли аресты, затронувшие турецких наиболее радикальных лидеров пантюркизма и многих эмигрантов из Советского Союза, пантюркистские издания были закрыты, пантюркистские организации – распущены, их активисты предстали перед судом (наиболее громкие судебные процессы состоялись 11 сентября 1944 и 29 марта 1945 года, при этом Валиди был осужден на 10 лет, Атсыз – на 4 года принудительных работ); официальная печать объявляла "туранизм" (этим эвфемизмом предпочитали заменять пантюркизм, все еще пользовавшийся широкой популярностью) "расизмом"³⁴⁰, а страх перед Советским Союзом (относительно не беспочвенный, как показали события периода 1939-1945 годов, когда советское руководство, не считаясь с нейтралитетом своих соседей, будь то Финляндия, Румыния, прибалтийские государства, а в конце войны – Япония, не раз переходило к агрессии и аннексии их территорий) сковал политическую волю Турцию и надолго сделал эту страну относительно не благоприятной "климатической зоной" для развития пантюркизма.

В гораздо большей степени, чем официальная Анкара и турецкая общественность, в активизации действий против Советского Союза в годы Второй мировой войны были заинтересованы представители тюркской эмиграции. Взаимоотношения между ними и руководством нацистской Германии были в этот период довольно сложными и относительно не сводились к простейшим комбинациям такого типа, как "пособничество немецко-фашистским захватчикам", в котором обвиняла эту эмиграцию советская пропаганда, не допускавшая даже мысли о каких-либо добрых намерениях, о надеждах на освобождение своей родины со стороны "буржуазных националистов" – "фашистских прихвостней". На самом деле, все было очень непросто, и высокий порог взаимного недоверия и взаимного разочарования с самого начала ощущался во всех переговорах и попытках наладить сотрудничество между официальным Берлином и представителями тюркской эмиграции. Собственно, это была уже не только та "старая гвардия" первой, послереволюционной эмигрантской волны, какая была рассеяна в европейских странах (от Румынии и Польши до Франции) и служила в 1920-30-х годах едва ли не единственной опорой пантюркизма, истребленного в СССР и

Крымский В. Пантюркисты - фашистская агентура в Турции // Большевик, 1944, 10-11. С. 79.

³⁴⁰ Об издании по свежим следам событий, арестов и судебных процессов, "разоблачительного" сборника "Расизм-туранизм", разъясняющего вредность "туранистских" утопий см. в книге: Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.

полупарализованного в республиканской Турции. Разумеется, эти люди тоже включились в борьбу, постарались объединить свои силы: посол Германии в Анкаре фон Папен, тщательно отслеживавший их деятельность, доносил в Берлин, что в Турции в начале 1940-х годов привлекают к себе внимание Заки-Ахмед Валиди, Мемет-Эмин Расул-Заде, Мирза-Бала, Амет Джафероглу, крымский татарин Мюстеджип Юлькюсал, или Улькюсал; в поле внимания германского руководства постоянно находилась деятельность казанского татарина Аяза Исхаки; после смерти Мустафы Чокай-оглу (27 декабря 1941 года) другие представители народов Средней Азии, например, Вели Каюм Хан, продолжали работать, образуя связующее звено между уцелевшими руководителями басмаческого движения 1920-х годов и новыми поколениями деятелей 1940-х годов. Однако, в этот период, между 1941 и 1945 годами, ряды старой эмиграции пополнились новыми людьми – казанскими и крымскими татарами, карачаевцами, балкарцами, азербайджанцами, узбеками, киргизами, казахами, каракалпаками и представителями других тюркских народов СССР, которые оказались в лагерях для военнопленных или среди беженцев, покидавших оккупированные территории вместе с отступающими частями вермахта. Собственно, именно из них, молодых людей – солдат и офицеров, предполагалось и происходило в действительности формирование военных частей ("восточных легионов"), сражающихся против Советского Союза на стороне Германии. Именно со стороны этих людей, включая молодежь, имевшую смутное представление о дореволюционном пантюркизме и искаженное советской пропагандой представление о расстановке сил в гражданской войне, зато не понаслышке, а на собственном горьком опыте и опыте своих родителей представлявшей, что такое коммунистический режим, исходили надежды на освобождение своей родины, отнюдь не совпадавшие с планами гитлеровских оккупантов. Далеко не сразу налаженный, постоянно прерывавшийся и заходивший в безнадежный тупик "диалог" между гитлеровской Германией, с одной стороны, и этими разноликими, одновременно и объединенными, и разъединенными силами тюрко-татарской эмиграции, с другой стороны, строился на внутреннем напряжении и диссонансах. Очень часто официальный Берлин не желал прислушиваться к их голосам, проявлял недоверие к их лидерам, тормозил или пренебрежительно отклонял инициативы, которые на самом деле могли бы изменить ход военных действий в пользу Германии, тупо настаивал на осуществлении того грабительского оккупационного режима и тех послевоенных планов расчленения и "германизации" тюркских территорий, которые отталкивали тюркские народы и делали невозможным какой бы то ни было союз между ними и нацистской Германией. Столь же часто и

непоследовательно Берлин, напротив, проявлял нетерпение, форсировал формирование "мусульманских легионов", с помощью провокаций и насилия подталкивал к вступлению в эти легионы военнопленных, узников лагерей и жителей оккупированных территорий и безжалостно использовал этих легионеров как пушечное мясо, особенно в завершающих сражениях Второй мировой войны.

Разыгрывая "тюркскую карту", идеологи нацизма в Германии рассчитывали привлечь на свою сторону тюркские народы Советского Союза и оказать давление на Турцию, вынудив ее к вступлению в мировую войну. В конечном итоге эти намерения остались не реализованными, однако значительная активность нацистского режима в направлении оживления пантюркистской идеологии надолго бросила мрачную тень на историю пантюркизма и позволила противникам тюркского единения еще долгие годы после Второй мировой войны спекулировать на мнимой идентичности пантюркизма фашизму и расизму.

Уже в апреле-мае 1941 года МИД Германии рассматривал вопрос о кандидатурах лиц, ответственных за работу в СССР (после его оккупации) с кавказскими и среднеазиатскими народами, с крымскими и поволжскими татарами, с калмыками. Предусматривалось создание при Министерстве иностранных дел Комитета по России. 28 апреля 1941 года о своем согласии сотрудничать в этом Комитете заявили известные ученые-востоковеды профессор Герхард фон Менде и Оскар фон Нидермайер²⁴¹. С началом войны Германии против СССР первый из них начал работать в Восточном министерстве, а второй позднее стал командующим 162-й Тюркской дивизией.

Надо отметить, что по вопросу о том, насколько реальным и эффективным окажется участие тюркских народов СССР в борьбе против коммунистического режима и насколько можно будет при этом использовать аргументы и идеи пантюркизма (пантуранизма), в германских правящих кругах с самого начала не было единства и полного взаимопонимания. Некоторые авторитетные дипломаты скептически высказывались по этому поводу. Бывший до 22 июня 1941 года послом Германии в СССР граф Вернер фон Шуленбург и советник посольства Густав Хильгер предупреждали: "Вызывает сомнение, что в СССР под влиянием немецких военных успехов "автоматически" возникнет пантуранистское движение, так как здесь отсутствуют предпосылки для этого. В широких массах мусульманского населения в

²⁴¹ *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA), Bonn, Pol. XIII, R. 105196.*

СССР пантуранистская идея не имеет притягательной силы" ²⁴² . 25 июля 1941 года Г. Хильгер высказался еще более резко: по его мнению, среди тюркских народов СССР пантурнаизм никакой перспективы не имеет; "разве что азербайджанцев может привлечь пантуранистская агитация, а казанские и крымские татары, хотя и являются мусульманами, из этой сферы выпадают, потому что соответствующие идеи им чужды" ²⁴³ . (Время показало, что в этом своем анализе он был не совсем прав, но важно подчеркнуть, что сомнения в том, насколько откликнуться тюркские народы на призывы к объединению, в Берлине изначально были очень серьезные).

С другой стороны, однако, в работу включились люди, в высшей степени (в том числе и из собственных карьерных соображений) заинтересованные в том, чтобы в Германии максимально были раскрытены и пропагандистская работа "по линии пантуранизма", и практическая, военная организация тюркских вооруженных сил (из добровольцев и военнопленных), способных сражаться с "большевизмом" как составная часть вермахта. Одной из таких фигур был татарин Алимжан Идрис (Идрисов) – человек с темным прошлым и еще более темным будущим (после войны он исчез, и следы его так и не удалось где-либо обнаружить), который своей авантюристической деятельностью и сотрудничеством с нацистской тайной полицией немало способствовал в конечном итоге дискредитации пантюркизма, который он пытался поставить на службу нацизму, одновременно сочиняя доносы на самых видных идеологов этого движения и деятелей тюрко-татарской эмиграции, с которыми у него были, мягко говоря, весьма натянутые отношения. Так, по его секретным донесениям, лигу "Прометей" следовало считать крайне подозрительной организацией, а в составленный им в 1941 году "черный список" лиц, которым германское командование и руководство ни в коем случае не должны были доверять попали Мехмет Эмин Расул-заде, Гаяз Исхаки, Мустафа Чокай, Ахмед-Заки Валиди-Тоган, Джафер Сейдамет и другие виднейшие представители тюркских народов, формирующие эмигрантские круги рубежа 1930-40-х годов.

В своей справке "Тюрко-татары в России" ²⁴⁴ , написанной по заказу Министерства иностранных дел Германии и датированной 25 июня 1941 года, когда война на территории СССР только набирала свои первые обороты, А. Идрис сообщал, что "тюркский народ",

²⁴² *Bundesarchiv – Potsdam (BA-Potsdam). Auswärtigen Amt. Nr. 61174, Bl. 27.*

²⁴³ *PA AA. Ut. St. S. Panturan (R 29900). Bl. 311698.*

²⁴⁴ *BA-Potsdam. Auswärtigen Amt. Nr. 61174, Bl. 42-44.*

насчитывающий, по его подсчетам 27-30 миллионов человек, получит, наконец, возможность создать свое единое государство. Автор убеждал германское руководство в том, что все тюрки в СССР составляют одно целое (разница между их языками, с его точки зрения, не больше, чем между саксонским и баварским диалектами немецкого языка), что этот народ совершенно искусственно был разделен на союзные республики и теперь с энтузиазмом "воссоединится". Идрис особо подчеркивал, что "все тюрки пылают ненавистью к евреям" (??). По его мнению, "тюркский народ" почти совсем не затронут коммунистическим влиянием, и даже та ничтожная, примерно трехсотая его доля, которую составляют около 100 тысяч коммунистов во главе с их республиканскими лидерами – ставленниками Сталина, не окажет серьезного сопротивления делу создания единого тюркского государства, если Германия за это дело возьмется. Он предлагал создать в МИД единое подразделение по вопросам будущего устройства тюркского народа (себя он, естественно, видел во главе этого подразделения), срочно организовать обращенные на восток радиопередачи на всех тюркских языках ("диалектах"), немедленно доставлять всех плененных в ходе боевых действий тюрко-татар в Берлин, где с ними будет вестись целенаправленная работа, и ни в коем случае не слушать никаких других советчиков по тюркскому вопросу, прежде всего "гнать в шею" "сепаратистов", ратующих за независимые Азербайджан, Туркестан, Идель-Урал и Крым (таких "сепаратистов" среди эмигрантов он тщательно отслеживал и называл поименно, не щадя самые высокие авторитеты).

Мы столь подробно останавливаемся на этом документе, давно утратившем какое бы то ни было практическое и теоретическое значение, да и для своего времени не представлявшем ценности, ибо слишком много в нем было подтасовок и прямой дезинформации (и высшие чины германского внешнеполитического ведомства вполне отдавали себе в этом отчет и достаточно пренебрежительно относились к рекомендациям А. Идриса), чтобы показать, каким жестоким испытаниям и грубым деформациям подвергалась идеология пантюркизма, оказываясь под коричневой тенью фашизма. Самые отъявленные авантюристы, карьеристы, доносчики и провокаторы спекулировали на этой идеологии и неизбежно компрометировали ее, приписывая пантюркизму никогда не свойственный ему антисемитизм, упрощая сложные процессы дифференциации тюркской общности на самостоятельные этносы-нации, доводя идеалы романтического пантюркизма до трагикомического фарса. Та интерпретация пантюркизма, примером которой является записка А. Идриса "Тюрко-татары в России", преступна и несостоятельна, ибо она не только игнорирует национальное достоинство, сильнее национальные

чувства и патриотизм, присущий тюркским народам, но извращает и саму суть идеологии прогрессивного пантюркизма, никогда национальную идею и перспективу национального государственного строительства не отрицавшего. Разумеется, такая интерпретация не нашла опоры и поддержки ни в просвещенных кругах тюрко-татарской эмиграции, ни в тех "народных массах", к которым относились и терроризируемое население первых оккупированных территорий, и истерзанные военнопленные в лагерях, мало соответствующих нормам европейской цивилизации и человечности, и которые, уже давно в своих советских республиках ни о каком пантюркизме ничего не ведавшие, с содроганием и отвращением узнавали (не узнавали!) его в карикатурном эсэсовском облики.

Нацистский режим вовсе не искал союза с прогрессивным пантюркизмом, в той или иной мере выражавшим чаяния тюркских народов Советского Союза. Нацистскому режиму нужно было холопское, "идрисовское" издание пантюркизма, подозрительное к собственным соратникам, безразличное к судьбе собственных народов, зараженное смертельными бациллами славянофобии, антисемитизма и другими проявлениями античеловечности. История уже давно свершила над этим изданием свой суд, выбросив на мусорную свалку и его стряпчих, и его заказчиков. Тревожно и печально, однако, то, что именно истлевшие останки этого издания разыскивают сегодня на мусорных свалках давней истории современные "борцы с пантюркизмом", пытаясь убедить общественность, будто это и есть истинный пантюркизм, навсегда запятнавший себя альянсом с фашизмом.

В действительной истории все было гораздо сложнее. В какой-то мере нацистская пропаганда попыталась задействовать пантюркистский идеологический фактор в надежде расчленить народы СССР и выделить тюркскую общность в качестве своей опоры, а нацистская военная политика включала элемент организации тюркских подразделений вермахта. Однако, эта мера была весьма незначительной, во-первых, потому, что такая политика и пропаганда приходила в противоречие с глубинной идеологической сущностью самого нацизма, с его стремлениями к мировому господству, в котором не было места никаким свободным и независимым государствам тюркских народов СССР, с его расистскими теориями, утверждавшими превосходство арийской (германской) расы и неполноценность других, в том числе и тюркских народов и "рас"; во-вторых, потому, что даже в чисто тактических целях нацистское руководство не решалось сделать ставку на общетюркскую солидарность и единение, проявляя брезгливое высокомерие к тюркскому миру, не доверяя его лидерам, не полагаясь ни на какой последовательный союз с его организованными

структурами, не желая даже в малой степени делиться с ними своей властью, создавать видимость их самостоятельности, а главное, еще не решив (так до конца и не решив) для себя вопрос, что лучше и эффективнее в этих тактических целях использовать, на что опереться: на призрачный монолит единого тюркского мира, или на отдельные националистические силы и движения, никаким суперэтническим единством не связанные и готовые вырвать (и рвать друг у друга из горла) свой "национальный кусок", или "национальный паек" (впрочем, и его вряд ли, по мнению германских стратегов, заслуживающие), или, может быть, на единый, прежде всего арабский, многомиллионный исламский мир, с духовными лидерами которого гитлеровский режим, как известно, заигрывал, отлично отдавая себе отчет в его, мягко говоря, несовпадении с контурами и интересами тюркского мира. (Известно, что Гитлер лично встречался с Верховным Муфтием мусульман Саидом Амином Аль-Гуссейном, находившимся в весьма натянутых отношениях и с руководством Турции, и с лидерами пантюркизма³⁴⁵).

Вернемся, однако, к фактам, характеризующим политику нацистской Германии и ту действительную (весьма взвешенную, весьма осторожную, половинчатую) меру активности, которую она проявляла в "пантюркистском направлении".

27 июня 1941 года крупный чиновник германского МИД Вернер Отто фон Хентиг представил своему руководству рапорт, из которого следовало, что он в первые дни после начала войны против СССР имел встречи с представителями тюркских народов – татар, башкир, узбеков и казахов, находящимися в Центральной Европе. Он отмечал, что эти народы до сих пор сохранили свои организации, действующие "в изгнании" и имеющие определенные контакты ("надежных людей") в СССР и в Турции. Никаких прямых выводов о необходимости сотрудничества с этими организациями или о необходимости поддержки тюркских народов в их национально-освободительной борьбе этот рапорт не содержит³⁴⁶.

Более настойчив в этом отношении германский посол в Турции Франц фон Папен, который в своем донесении в МИД от 25 июля 1941 года обращает внимание на активизацию сторонников пантюранизма в

³⁴⁵ "... Фюрер принял в присутствии Министра иностранных дел Фон Риббентропа великого Муфтия Палестины Саид Амин аль-Гуссейна. Состоялась дружеская беседа, имеющая большое значение для будущего арабских стран" (Муфтий на приеме у Фюрера // Голос Крыма, 1941, № 4, 21 декабря. С. 2).

³⁴⁶ BA-Potsdam. Auswärtigen Amt. Nr. 61174, Bl. 48.

Турции и советуется расширить пропагандистскую кампанию среди тюркских народов СССР, а также срочно начать работу по отделению всех военнопленных тюркского происхождения для их подготовки к участию в военных действиях против СССР³⁴⁷.

Тот же Папен подготовил и направил 5 августа 1941 года в Берлин развернутую справку о пантюранистском движении в Турции³⁴⁸. Среди его наиболее заметных активистов он называл следующие имена: Шюкрю Ембагче, Гури Киллигиль (или Нури-Паша, брат героя басмаческого движения, погибшего в Средней Азии Энвера-Паши), Ахмед-Заки Валиди, Ахмед Джафер, Мемдух Шефкет, генерал Хюсюн Эмир Эркилет. По его мнению, Турция поддержит создание независимого Тюркского государства на востоке под своим влиянием. Он особо отмечал, что в войне с Советским Союзом Германии не следует опираться на Украину (и восстанавливать независимое украинское государство), ибо украинцы, как славяне, в любой момент могут вспомнить о своих корнях и встать на сторону русских, с тюрками же подобная вероятность исключается.

Турецкий посол в Германии Герде, довольно откровенно высказавшийся в своей беседе с государственным секретарем германского Министерства иностранных дел Вайцеккером 5 августа 1941 года за создание к востоку от Каспия самостоятельного Туранского государства, довольно скоро изменил тон своих заявлений, видимо, получив по этому поводу указания из Анкары. Уже 19 августа 1941 года на встрече с министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом он подчеркнул, что его страна не имеет никаких амбиций вне ее настоящих границ, добавив при этом: "По крайней мере не в своей официальной политике"³⁴⁹.

Не рассчитывая на официальную Анкару, германские власти проявили более заметный интерес к действовавшим в Турции "пантюранистским" группировкам и их лидерам. Особенно заинтересовал их брат Энвера-паши Нури-паша (Киллигиль), который в начале войны между Германией и СССР заявил о своей озабоченности судьбой тюркских народов Советского Союза и готовности отправиться в Берлин, чтобы консультировать германское правительство по

³⁴⁷ Об этом сообщает в своем исследовании "Германия и Турция во Второй мировой войне" немецкий историк Л. Крекер: *Krecker L. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt-am-Main, 1964. S. 210.*

³⁴⁸ *BA-Potsdam. Auswärtigen Amt. Nr. 61174, Bl. 66-69.*

³⁴⁹ *Krecker L. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt-am-Main, 1964. S. 210-211.*

тюркскому вопросу. Такое же намерение высказал и Заки-Ахмед Валиди, подавший уже в июле 1941 года заявление о выдаче ему германской визы ³⁵⁰.

В отличие от Валиди Нури-Паша визу получил и в сентябре 1941 года прибыл в Берлин. Тогда ему было за 50 лет, и он считался в Турции преуспевающим фабрикантом. Из подробных и обстоятельных бесед, которые у него состоялись в том же сентябре 1941 года с государственным секретарем германского МИД Эрнстом Верманном последний составил подробный отчет ³⁵¹, который является документом, наиболее полно характеризующим складывающееся в германских верхах отношение к пантюркизму (в лексиконе чиновников и журналистов той поры он постоянно и упорно именовался "пантуранизмом", хотя ни о каком выходе за пределы чисто тюркской проблематики речь не шла).

Для Верманна было очевидно, что образование самостоятельных тюркских государств, во всяком случае на европейской территории Советского Союза (а речь в его беседах с Нури-Пашой шла об объединениях Азербайджана и Северного Кавказа, а также Поволжья и Крыма), абсолютно не соответствует ни планам, ни интересам Германии, которая совершенно иначе предполагает распорядиться этими стратегически важными регионами и их природными ресурсами. Создание таких государств он считал "политически невыгодным" для Германии, и его вовсе не вдохновляла перспектива их будущей протурецкой ориентации и потенциального укрепления Турции в союзе с такими государствами. Германия, с его точки зрения, вообще не должна была содействовать усилению Турции и заботиться о ней, тем более с учетом политической нестабильности внутри этой страны, ее внешнеполитической пассивности (политики нейтралитета, вызванной страхом перед Советским Союзом) и неясностью намерений ее руководства. Он согласен был с целесообразностью всячески поддерживать антисоветские настроения среди тюркских народов СССР и любые их движения под националистическими лозунгами или лозунгами общетюркского единства, при этом на данном этапе не только не разрушить, но по возможности поддержать у участников этих движений некоторые иллюзии о возможности создания после освобождения от большевистской диктатуры своих собственных тюркских государств (об их числе, наименованиях и границах речь конкретно не шла),

³⁵⁰ Henderson A. *The Panturanism-Myth in Turkey Today* // *Asiatic Review*, 1945, Nr. 41. P. 88.

³⁵¹ *Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP)*.

использовать этот фактор для морального давления на Турцию и изменению ее внешней политики от нейтралитета к союзу с воюющей Германией, но даже не допускал мысли о реальном появлении новых турецких государств на востоке Европы.

Несколько иначе формулировал он свое отношение к перспективе государственного преобразования в Средней Азии. Поскольку эта зона не входила в ту сферу, которая мыслилась как территория будущего великого рейха, можно было допустить создание здесь независимого Туркестанского государства, которое находилось бы под влиянием германии и могло бы самым своим существованием значительно ослабить позиции Великобритании в центрально-азиатском и ближневосточном регионе.

В ходе переговоров Нури-Паша выдвинул конкретные предложения, важнейшие из которых сводились к тому, чтобы как можно скорее начать работу по отбору тюрко-мусульманского контингента среди советских военнопленных, создать для этого контингента особый лагерь, подобный тому, который существовал в годы первой мировой войны (и еще несколько лет спустя после ее окончания) в Вюнсдорфе под Берлином, приступить к формированию тюрко-мусульманских военных подразделений и проверить их боеспособность, создать в Берлине единый "туранский пропагандистский центр" (сам он был готов переехать в германию для работы в этом центре и руководства им), а по мере "освобождения" германской армией территорий, заселенных тюркскими народами (осенью 1941 года было уже ясно, что первыми из этих территорий станут Крым и Северный Кавказ) создавать там органы правления, которые были бы сосредоточены в руках самих тюркских народов.

Трудно сказать, что ответили на это Нури-Паше в Берлине, но Верманн отмечал в своем отчете, что возвращался он в Турцию "заметно разочарованным".

Тем не менее игра началась. Ее смысл заключался в том, что нацистская Германия стремилась вовлечь в войну, которую ее фюрер вел за свое "мировое господство", и нейтральную Турцию, и тюркские народы Советского Союза, и максимально используя их силы, оставить их в конечном итоге ни с чем, не исполнив ни одного из туманных или явных обещаний, которые давались по ходу этой игры.

В начале октября 1941 года при поддержке германского посла фон Паппена была организована поездка двух турецких генералов – начальника Военной Академии Турции Фуада Эрдена и ветерана турецких вооруженных сил Хюсюн Эмира Эркилета – на Крымский полуостров, где еще продолжались военные действия, на передовую советско-германского фронта. Оба они, как отмечал позднее в своих мемуарах сопровождавший их в этой поездке Вернер Отто фон Хентиг,

проявили особый интерес к намерениям Германии относительно политического обустройства Крыма и обеспокоенность судьбой крымских татар и других тюркских солдат и офицеров в лагерях для военнопленных, созданных в Крыму, не стесняясь выражать свое возмущение по поводу тяжелого положения этих военнопленных ³⁵². По мнению Герхарда фон Менде, этот визит стал решающим толчком к формированию так называемых легионов ³⁵³.

10 октября 1941 года ответственным за "пантуранистское движение" в Министерстве иностранных дел Германии был назначен Вернер Отто фон Хентиг. Свою работу он начал с составления справки "О пантуризме" ³⁵⁴, в которой четко определил, как Германия может использовать силы тюркских народов в текущей войне и что она должна сделать: вести радиопропаганду, распространять листовки, начать издание журнала для мусульманских военнопленных латинскими буквами "на диалекте Гаспринского", усилить заброску агентов в районы с тюркским населением. Главное внимание уделялось отбору тюрков-мусульман в лагерях для военнопленных, их военной переподготовка и включение в ряды вермахта, создание особых школ для офицеров. С помощью А. Идриса фон Хентиг намеревался установить тесные контакты с лидерами тюркской эмиграции в Турции и европейских странах.

Началом таких контактов была состоявшаяся в октябре 1941 года в Берлине, организованная с помощью А. Идриса встреча фон Хентига с турецким предпринимателем татарского происхождения Ахмедом Вели Менгером, который обещал свою помощь при работе с тюркскими военнопленными, при установлении их личности, регистрации и т.п., а также выразил готовность поставлять для них через турецкое Общество Красного Полумесяца продовольствие, одежду и медикаменты ³⁵⁵.

³⁵² Hentig W.O. *Mein Leben – eine Dienstreise*. Göttingen, Zürich, 1962. S. 351. Об этом писал также П. Мюлен в своей известной книге "Между свастикой и пятиконечной красной звездой. Национализм советских народов Востока во Второй мировой войне" (*Mühlen Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg*. Düsseldorf, 1971. S. 84).

³⁵³ Mende G. von. *Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges // Vielvölkerheere und Koalitionskriege*. Darmstadt, 1952. S. 25.

³⁵⁴ BA-Potsdam. *Auswärtigen Amt*. Nr. 61174, Bl. 154-157.

³⁵⁵ BA-Potsdam. *Auswärtigen Amt*. Nr. 61174, Bl. 195.

Надо сказать, что в высших эшелонах власти нацистской Германии не было единства и взаимопонимания по поводу того, как далеко может простираться сотрудничество с "пантуранистами", какую выгоду можно из него извлечь, на кого конкретно в первую очередь следует опираться. Вернер Отто фон Хентиг считал нужным прежде всего обратить внимание на поволжских татар. "В этой работе, – писал он, – мы не должны упускать возможности сотрудничества с поволжскими татарами, потому что из всех тюркских народов СССР они являются наиболее образованными, деятельными и политически наиболее ценными элементами"³⁵⁶. В начале 1942 года в своем письме Верманну он повторял: "По вопросу о пантуранизме лучше всего иметь дело с поволжскими татарами"³⁵⁷. Одновременно он выражал сомнение в правомерности распространения на идеологию и движение тюрко-татарской солидарности термина "пантуранизм". "Туран, – писал он в 1942 году, – так и остался [для тюркских и финно-угорских народов] страной мечты, и от него сохранились разве что какие-то следы в Венгрии да певческие праздники в Эстонии и Финляндии"³⁵⁸. Он считал, что Германия должна прежде всего опираться на те народы, которые можно считать составными элементами обширной страны "Татария" ("Tatarei"), всячески пробуждать и укреплять в них чувство принадлежности к одному единственному племени. Их движение он предлагал называть "тимуризмом" или "чагатаизмом", подчеркивая, что "тюркские племена к востоку от Волги, от Урала и до центра Монголии были завещаны Чингисханом своему второму сыну Чагатаю, а территории от Волги до Великой Китайской стены следовало бы, как и на старых картах, называть Татарией"³⁵⁹. Термин "татары" он предлагал употреблять по отношению ко всем "восточным тюркам", включая узбеков и даже таджиков (видимо, о принадлежности таджиков к совершенно иной, а именно иранской группе индоевропейской языковой семьи он не знал или не придавал этому значения), и в справке, составленной им в 1942 году и озаглавленной "Три термина – две проблемы", фон Хентиг уточнял: "Туран – это страна мечты. Туркестан – географическая территория, но такой страны и языка нет, татары же – реальный тюркский народ, обладающий особыми духовными силами, который уже выступал на арене истории"³⁶⁰.

³⁵⁶ PA AA. U. St. S. Panturan (R 29900). Bl. 311643-311645.

³⁵⁷ BA-Potsdam. Auswärtigen Amt. Nr. 61175, Bl. 12.

³⁵⁸ Hentig W.O. von. Turan – Tatarei // Zeitschrift für Politik, 1942, Band 32. S. 185–188.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ BA-Potsdam. Auswärtigen Amt. Nr. 61175, Bl. 154.

Наряду с подразделением фон Хентига в составе Министерства иностранных дел на руководство "пантюранизмом" и практическую работу по вовлечению тюркских народов в борьбу с "большевизмом" в Германии претендовали также Восточное министерство, занимавшееся "устройством" оккупированных территорий, под руководством А. Розенберга, национал-социалистическая партия, имевшая специальные структуры, занимавшиеся "внешнеполитической" деятельностью, руководство СС и руководство вермахта. Менее всего озабоченные действительным положением и интересами тюркских народов, все эти конкурирующие между собой инстанции "тянули одеяло на себя" и старались использовать потенциал пантюркизма исключительно в захватнических целях фашистской Германии, не собираясь ни в чем существенном идти навстречу ни лидерам отдельных национальных тюркских движений, ни сторонникам утопического "пантюранизма", ни Турции, которая могла бы обрести союзников в лице новых тюркских государств ³⁶¹. Об этом со всей очевидностью свидетельствует, к примеру, провал относящейся к декабрю 1941 – январю 1942 года миссии крымских татар, отправивших в Берлин свою делегацию (в нее входили редактор крымскотатарского эмигрантского журнала Мюстеджеп Юлькюсал и Едиге Кырымал) и вручивших Министерству иностранных дел меморандум, содержащий памятную записку по истории крымских татар и выражение "желания и надежды", что "впредь крымские татары сами будут решать судьбу своей родины" и смогут осуществить национальное самоуправление в Крыму: в Берлине эта миссия не нашла понимания и поддержки, что вызвало глубокое разочарование как в эмигрантской крымскотатарской среде, сосредоточенной, в основном в Турции и в Румынии, так и среди активистов формирующихся мусульманских комитетов в оккупированном Крыму (о чем дальше еще пойдет речь подробнее) ³⁶².

³⁶¹ *Эту сущность "фатальной политики Гитлера" на востоке, в основе которой лежало полное игнорирование собственных стремлений и требований тюркских народов, уже после войны четко выявил в своей книге "Между Гитлером и Сталиным" Петер Клейст, бывший в 1941-1943 годах сотрудником Министерства иностранных дел, а позднее сотрудником Восточного министерства (Рейхсминистерства по вопросам восточных оккупированных территорий): Kleist Peter. Zwischen Hitler und Stalin. Bonn, 1950.*

³⁶² *О неудачных результатах поездки в Берлин сообщали в своих воспоминаниях оба участника крымскотатарской делегации: Kirimal Edige. Der nationale Kampf der Krimtürken... Emsdetten, 1952. S. 306; Ülküsal M. İkinci dünya savaşında 1941-1942 Berlin hatıraları. İstanbul, 1976.*

Нури-Паша, побывавший в Берлине в июне 1942 года и вновь (правда, гораздо более осторожно) поднимавший перед МИД Германии вопрос о желательности реализации государственной независимости Крыма и Кавказа (при этом подчеркивалось, что влияние Турции на эти государства и другие мусульманские области СССР ограничится чисто культурной и моральной сферой и ни к какому расширению границ Турции не приведет), также уехал ни с чем, не получив даже обещания германского руководства всерьез рассмотреть эти предложения. Наконец, 12 сентября 1942 года Гитлер дал указание германскому послу в Турции фон Папену полностью прекратить все контакты и переговоры с турецкой стороной и с пантюркистскими организациями по вопросу о будущем государственном устройстве Закавказья и других тюркских регионов. Практически это означало, что нацистская Германия отказывалась от дальнейшего сотрудничества с пантюркизмом, выдвигавшим свои концепции самостоятельности тюркского мира, и полностью переключалась на методы насилия по отношению к тюркским народам, грабежа оккупированных территорий, использования тюркских вооруженных частей в качестве пушечного мяса в интересах рейха. Вся работа по "тюркской линии" перешла в руки Восточного министерства и вермахта, командование которого приступило в 1942 году к формированию так называемых "восточных батальонов", ставших братской могилой для многих тысяч людей, представителей тюрко-мусульманских народов России, принужденных вести безнадежную войну за чужие политические интересы.

Основной толчок к созданию "восточных батальонов" дал Германии провал планов молниеносной войны на востоке. Этому способствовало также огромное количество военнопленных, в том числе и красноармейцев и офицеров из различных тюркских народов СССР, оказавшихся в распоряжении германского командования, а также давление, оказываемое на Берлин со стороны некоторых нейтральных государств и даже потенциальных союзников, требовавших более гуманного обращения с этими людьми. По некоторым данным, уже к концу 1941 году в немецких лагерях для военнопленных находилось 3,6 миллионов ³⁶³, а к весне 1944 года общее число советских военнопленных составляло 5163381 человек, из них погибло и было казнено в плену 2420000 человек ³⁶⁴.

³⁶³ См.: *Mühlen Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg.* Düsseldorf, 1971. S. 57.

³⁶⁴ *Streim Alfred. Sowjetische Gefangene im Hitlers Vernichtungskrieg. Berichte und Dokumente. 1941 – 1945.* Heidelber, 1982. S. 175-178.

Первым шагом к формированию восточных батальонов, на который германское руководство решилось не сразу, исходя из первоначальных указаний фюрера, о том, что никто, кроме немцев, в вермахте не имеет права носить оружия, был приказ, отданный верховным командованием вермахта (№ 6577/41) 14 октября 1941 года, об отделении тюрков-мусульман от других военнопленных красноармейцев и размещении их в специальных лагерях. Крупным сборным пунктом этого контингента стал "шталаг" ("основной лагерь") в Хайдекруге (само его расположение на территории Восточной Пруссии свидетельствовало об определенном исключении для этих военнопленных, ибо перемещать их с оккупированных территорий на земли "рейха" вплоть до конца 1942 года строго запрещалось). Кроме него было создано еще несколько сборных лагерей вдоль линии фронта, где собирались "туркестанцы" (в лагере Ромны, с июня 1942 года). азербайджанцы (в Прилуках), представители северокавказских народов (в Миргороде) и другие нерусские военнопленные (были лагеря для армян – в Лохвице, для грузин – в Гадяче и др.). С конца августа с тюркскими военнопленными начали работать специальные комиссии, в состав которых входили чиновники Восточного министерства и немногие облаченные доверием нацистов тюркские эмигранты. Однако, работа по регистрации и подготовке будущих легионеров двигалась медленно, как из-за сопротивления самих военнопленных, так и из-за разногласий в нацистском руководстве, о чем речь шла выше. Надо подчеркнуть, что это руководство ориентировалось отнюдь не только на тюрков и мусульман, не в меньшей мере оно рассчитывало на привлечение к боевым действиям на своей стороне армян, грузин и представителей других национальностей. При этом, несмотря на все консультации, какими могли пользоваться германские чиновники и военные, они плохо разбирались в народах СССР и вопреки неким общим установкам пантюркизма не столько объединяли тюркские народы, сколько разъединяли их по разным признакам, прежде всего отделяли военнопленных "туркестанской принадлежности" от военнопленных "кавказской принадлежности" (уж не к тому ли времени восходит представление о "лицах кавказской национальности"?), причем, как свидетельствует история одного из первых "туркестанских полков", созданных осенью 1941 года на Украине (позднее он назывался "тюркским 444-м батальоном"), к "туркестанцам" малограмотное германское командование относило монголов, татар, калмыков, туркмен, турок, узбеков, киргиз, эстонцев, казахов и башкир, а к "кавказцам" – адыгов, азербайджанцев, осетин, ингушей, карачаевцев, грузин, лезгин, всех дагестанцев, армян и опять же

башкир. Некоторые народы при этом оказывались забытыми, другие попадали в тот или иной круг случайно, иногда под искаженными, неузнаваемыми этнонимами. Никакой последовательной, строго обоснованной теорией пантюркизма политики при формировании легионов не проводилось. Командование военными формированиями из советских военнопленных находилось в руках немецких офицеров. Так, упомянутым выше 444-м тюркским батальоном командовал оберлейтенант фон Таубе, созданным осенью 1941 года 450-м туркестанским пехотным батальоном майор Андреас Майер-Мандер, "кавказским" батальоном "Бергман" ("Горец") оберлейтенант Теодор Оберлендер³⁶⁵.

Приказом германского главнокомандования от 22 декабря 1941 года было оформлено создание на территории Польши четырех легионов из "восточных" народов : Туркестанского, Армянского, Грузинского и Кавказско-мусульманского (позднее разделенного на Азербайджанский и Северокавказский). Параллельно "восточные" подразделения формировались в составе 162-й пехотной дивизии под командованием Оскара фон Нидермайера, расквартированной на территории Украины. Общее командование Восточными легионами с лета 1942 года находилось в Радоме.

Следующий приказ, последовавший 24 апреля 1942 года, регламентировал положение легионеров, подчеркивая, что никто из них ни в коем случае не может командовать немецким персоналом, напротив, начальниками всех легионеров должны быть немецкие офицеры. Эта регламентация, ставящая легионеров в положение военнослужащих второго сорта, сочеталась в то же время с весьма напыщенной риторикой и демагогией. В приказе говорилось, что "легионы – это соединения добровольных борцов за освобождение своей родины от большевизма и за свободу своей веры". Легионеры должны были носить униформу германского вермахта, которую лишь дополняли отличительные знаки национальной символики на каске, воротнике и рукавах кителя и шинели. При вступлении в легион необходимо было произнести на немецком и на родном языке текст присяги по стандартному образцу: "При Боге я клянусь этой святой клятвой, что я в борьбе против большевистского врага моей родины буду бесприкословно верен высшему главнокомандующему германского вермахта Адольфу Гитлеру и как храбрый солдат готов в любое время пожертвовать своей жизнью...". Только в присяге

³⁶⁵ Hoffmann Joachim. *Die Ostlegionen 1941 – 1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1976. S. 26-28, 30-32.*

легионеров из батальона "Горец", действовавшего достаточно автономно, отсутствовали слова о личной верности Гитлеру.

К осени 1942 года на территории Польши были сформированы шесть батальонов: 1) Туркестанский, к которому были приписаны узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, белуджи, дунгане, иранцы (персы), кашгарцы, представители народов Памира; 2) Кавказско-мусульманский (азербайджанский), 3) Северокавказский, в котором числились абхазы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, кумыки, ногойцы, курды, осетины, талыши, таты, аварцы, кубачинцы и многие другие представители малых народов Дагестана, 4) Грузинский, к которому были причислены грузины, осетины Южной Осетии, и как казалось немецкому командованию, отличающиеся от собственно грузин аджарцы, гурийцы, имеретинцы, лазы, мингрельцы, сваны, 5) Армянский (в основном, укомплектованный армянами из Горного Карабаха), 6) Волго-татарский, в который входили "уфимские и казанские татары, башкиры, говорящие по-татарски чувашы, марийцы, удмурты, мордва" ³⁶⁶. Как видим, и на этой стадии этническая путаница не прекращалась, и соотношение принципов формирования этих батальонов с какими бы то ни было концепциями пантуранизма, или пантюркизма было весьма отдаленным, относительным и сомнительным. Очевидно также, что последующие кары, обрушенные сталинским режимом на так называемые "народы-предатели", никак не соответствовали ни активности, ни количественной доле участия подвергнутых депортации народов (карачаевцев, балкарцев, крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, турок-месхетинцев) в этих подразделениях, в которых было гораздо больше армян, грузин, кабардинцев, черкесов, адыгов, осетин и других нетюркских народов, никаким обвинениям после войны не подвергнувшихся. Тюркские и мусульманские народы также по сталинской логике оказались "виновными" не все, а по выбору; азербайджанцев, волжских татар, башкир и народы Средней Азии этот "выбор", к счастью для них, не коснулся. Общая численность, наименования, структура восточных батальонов и представительство в них различных народов по ходу войны постоянно менялись.

По данным, которые суммировали чиновники Восточного министерства на 10 октября 1944 года, основной национальный контингент военных и гражданских лиц, используемых вермахтом и на "трудовом фронте" составляли 1) поволжские татары, из которых примерно 11000 человек составляли 12 батальонов, а еще многие тысячи входили в состав русской освободительной армии (РОА), служили в рабочих батальонах, сидели в лагерях для военнопленных и

³⁶⁶ Там же. С. 33.

т.д.; 2) "туркестанцы" (всего около 75000 человек); 3) крымские татары (официально в состав восточных батальонов они не входили, имея собственные подразделения); 4) азербайджанцы (в батальонах служило около 20000 человек); 5) армяне (в батальонах 18000, среди рабочих-добровольцев 7000); 6) грузины (в батальонах 20000); 7) народы Северного Кавказа (в батальонах 20000); 8) калмыки (в батальонах 6000)³⁶⁷. Автор наиболее полного послевоенного исследования истории восточных легионов Иохим Хофманн считает, что всего на протяжении 1942-1943 годов было создано 14 туркестанских, 8 азербайджанских, 7 северокавказских, 8 грузинских, 9 армянских и 7 волго-татарских батальонов общей численностью в 53 тысячи человек³⁶⁸. Если учесть, что общее число советских граждан, включая русских ("армию Власова"), украинцев, белорусов, выходцев из Прибалтики, оказавшихся "на той стороне" – в тех или иных вооруженных формированиях, подчиненных германскому главнокомандованию, колебалось от 0,8 до 1 миллиона человек, станет очевидным, что так называемый (порою вынужденный жесточайшими условиями плена) "коллорабационизм" тюркских народов с гитлеровской Германией, во всяком случае в численном выражении, был незначителен. Однако, по отношению к общей численности тюркских народов, прежде всего к численности боеспособного мужского населения, призванного в армию в годы войны, эти десятки тысяч легионеров, среди которых довольно крупной была прослойка образованных людей, представляли собой явление, заслуживающее серьезного внимания и исторического анализа. Надо понять не только всю меру отчаяния этих людей, определившую их переход "на сторону врага", но и то крайне неблагоприятное положение тюркских народов в СССР, которое никак не могло способствовать укреплению монолитного "советского патриотизма", а также всю ту сложнейшую смесь (неточно и не обоснованно, но все же упорно и неслучайно ассоциируемую с "пантюркизмом"), которую формировали их несбыточные надежды на освобождение, несостоятельные расчеты на чью-то помощь и солидарность и холодные спекуляции нацистского руководства, использовавшего этих людей в своих эгоистических и преступных целях.

Мы хотели бы более подробно проследить и крупным планом представить эту трагическую ситуацию на примере крымских татар, над историей которых в годы Великой Отечественной войны наиболее рано нависла и наиболее сильно сгустилась страшная нацистская тень (Крым был первой оккупированной фашистами тюркской республикой и

³⁶⁷ BA-Potsdam, NS 31/41, Bl.5.

³⁶⁸ Hoffmann Joachim. *Die Ostlegionen 1941 – 1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer*. Freiburg, 1976. S. 38-39.

дольше всего оставался под оккупацией) и которым пришлось заплатить 18 мая 1944 года самую жестокую цену и за свою несуществующую вину, и за свои несбывшиеся надежды, и за свою попытку вернуться к высоким идеалам прогрессивного пантюркизма, и за невозможность такого возвращения под пятой захватчиков не менее жестоких и циничных, чем довоенные советские хозяева Крыма, бросившие полуостров на произвол судьбы.

История участия крымских татар во второй мировой войне трижды меняла свое отражение в зеркале отечественной и мировой историографии.

Первым ее крайне негативным образом была тотальная фальсификация, предпринятая советской историографией для идеологического обеспечения и оправдания депортации крымских татар и всего развязанного сталинским режимом по отношению к крымскотатарскому народу геноцида и политического остракизма, продолжавшегося с 1994 по 1957 год и имевшего свои длительные последствия до самого конца существования СССР и вплоть до нашего времени³⁶⁹.

³⁶⁹ Образцами самой разнузданной, проникнутой яростной татарофобией исторической фальсификации проблемы участия крымских татар во второй мировой войне (как, впрочем, и всей их истории) могут служить "Очерки по истории Крыма" П.Н. Надинского (части 1-2. Симферополь 1954-1957). Впрочем, за этими выступлениями стояли вполне "солидные", кристаллизовавшиеся в сталинский период, коллективные позиции советской академической науки, обобщенные и однозначные выводы которой были в свое время изложены в статье: Альтман В. Сессия по истории Крыма // Вопросы истории, 1948, № 12. С. 179-184. Преодолеть инерцию обвинительного уклона в вопросе об участии крымских татар в войне советские историки были не в состоянии до самого конца существования СССР, и даже авторы подготовленной Институтом истории СССР книжки "Крым: прошлое и настоящее" (Москва, 1988), создававшейся вроде бы в целях реабилитации репрессированного народа, с унылой настойчивостью продолжали твердить о преступлениях "националистических приспешников" фашистских оккупантов и лишь снисходительно соглашались допустить, что не все крымские татары поголовно были втянуты в эти "преступления". Составитель "Крымскотатарской энциклопедии" профессор Рефик Музафаров приложил к статье "Антикрымскотатарская литература" целый список работ, фальсифицирующих проблему участия крымских татар ("предателей") в войне. Одно только перечисление этих публикаций за 1947-1989 годы занимает четыре страницы (Крымскотатарская

Согласно основным постулатам этой фальсификации, крымские татары (поголовно все) были "предателями", "изменниками", "прислужниками" фашистских оккупантов, "палачами", сжигавшими живыми советских людей в каких-то мифических печах, горевших по всему Крыму, "карателями" и т.п. Отзвуки этих чудовищных фантазий, возведенных в ранг псевдоисторических исследований и политических обвинений, звучали вплоть до 1990-х годов, обретая форму то официальных заявлений информационных агентств, то частных журналистских измышлений и провокаций³⁷⁰.

Второй и прямо противоположный имидж крымскотатарского народа как участника Великой Отечественной войны стал формироваться силами активистов национального движения еще со времен ссылки (в коллективных петициях инициативных групп, в подпольных "Хрониках" правозащитного движения), перешел в демократическую (татарскую, украинскую, русскую) журналистику и историческую литературу 1990-х годов. Согласно основным положениям этой теории крымские татары, за исключением какой-то ничтожной группы "отщепенцев", о которых не стоит и вспоминать, героически защищали свою социалистическую Родину в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах, мужественно сопротивлялись фашистским оккупантам, страдали вместе со всеми жителями Крыма от этой оккупации, радовались освобождению Крыма

энциклопедия. Автор-составитель Рафик Музафаров. Том 1. Симферополь, "Ватан", 1993. С. 55-58).

³⁷⁰ Под благовидным предлогом публикации подлинных документов "Военно-исторический журнал", служивший рупором реакционной советской военицины, уже буквально накануне распада СССР, в 1991 году, успел опубликовать тенденциозную подборку обвинительных против крымских татар ("предателей") материалов (Крымскотатарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал, 1991, № 3). Провокационный характер такого рода публикаций вызывает сегодня противодействие не только в крымскотатарской среде, но и в кругах демократической украинской и русской общественности, среди многих крымских ученых. Достойный отпор фальсификаторам дал, в частности, Д.В. Омельчук в своем докладе на конференции 1995 года (Омельчук Д. Коллаборационизм и проблемы межнациональных отношений в Крыму // Проблемы межнациональных отношений в Крыму в XX столетии (Материалы республиканской научно-практической конференции). 25 мая 1995 г. Проблемы политической истории Крыма. Выпуск первый. Симферополь 1996. С. 26-27).

в апреле 1944 года, перед родной Советской властью и Коммунистической партией были абсолютно ни в чем не виноваты и восприняли как чудовищную несправедливость ("нарушение ленинских норм", "нарушение социалистической законности") или как необъяснимое недоразумение нанесенный им 18 мая 1944 года удар – депортацию всего народа и последующую ликвидацию Крымской АССР. Последователи этой исторической версии до сих пор прилагают максимум усилий, чтобы подсчитать, сколько крымских татар сражалось и пало смертью героев в рядах Советской Армии, в партизанских отрядах, в антифашистском подполье в Крыму, и стараются подключить и задействовать все возможные исторические и моральные аргументы для того, чтобы доказать полную "невиновность" крымскотатарского народа и несостоятельность каких бы то ни было обвинений в адрес его представителей в коллаборационизме с фашистскими оккупантами, в связях с тюрко-татарской эмиграцией, какой бы то ни было причастности к идеологии "пантуранизма". Любой намек на коллаборационизм такого рода они воспринимают как заведомую ложь и провокацию в целях разжигания межнациональной розни.

Наконец, третья историческая платформа, формирование которой началось с рукописных заметок и устных свидетельств крымских татар, бывших фронтовиков, сражавшихся на стороне вермахта, интернированных после войны в австрийском лагере Альбершвенде; с публикации в Турции в 1948 году "Выдержек из отчета" крымскотатарской миссии, направленной в Крым из Берлина в 1943 году, и других материалов из личного архива Джафера Сейдамета³⁷¹; с исследований 1950-х годов Мюнхенского Института по изучению истории и культуры в СССР, с исторических трудов Едиге Кырымала, прежде всего с его книги "Национальная борьба крымских тюрков", изданной на немецком языке в Эмсдеттене в 1952 году, заключалась в попытке представить достаточно широкое и массовое участие крымских татар в борьбе с советским режимом, во второй мировой войне на стороне германского рейха (в "зеленых батальонах", в политических структурах, искавших формы сотрудничества с оккупационными властями Крыма в 1941-1944 годах) как форму национально-освободительного движения и вскрыть ту трагедию и то глубокое разочарование, какие постигли лидеров и участников этого движения в

³⁷¹ *Auszüge aus Berichten der Vertretung der Krimtürken aus Berlin an Cafer Seydahmet Kirimer aus dem Jahre 1943 und aus Urkunden, die sich auf die Ereignisse von 1941 – 1946 beziehen und im persönlichen Archiv Kirimer's aufbewahrt sind. Istanbul 1948.*

связи с тем, что нацизм оказался несостоятельным союзником, а точнее не менее жестоким врагом крымскотатарского народа, чем коммунистический режим. К этой исторической версии в последнее время склоняется и руководство современного организованного национального движения крымскотатарского народа (Курултай – Меджлис), руководство которого, прежде всего его лидер Мустафа Джемилев, все чаще берет на свое идеологическое вооружение, особенно в области внешнеполитической деятельности, в международных переговорах и в выступлениях с международных трибун, в частности, на съездах, организованных Федеральным Союзом народов Европы, оправдательную концепцию вынужденного в условиях жестокой альтернативы участия крымских татар в войне на стороне гитлеровской коалиции – участия, которое вовсе не означало поддержки нацизма³⁷². За этим следует программа примирения ("Versöhnung"), толерантного отношения к соотечественникам (к их памяти, к уцелевшим ветеранам войны, к их живым потомкам), волею истории оказавшимся по разным сторонам линии фронта, стремление понять глубину трагедии и тех, и других, а также дифференцированный подход, взвешенный учет сложности ситуации, понимание того, что *не все* крымские татары оказались на той или другой стороне и, главное, что не они несут главную тяжесть вины и ответственности за ужасы второй мировой войны, а обе тоталитарные системы (Советский Союз и нацистская Германия), которые вовлекли крымскотатарский народ в эту войну, превратив его в заложника и жертву.

На современном этапе все более четко обозначается перелом общественного мнения от однозначного осуждения "предателей" или восхваления "героев" к стремлению понять, что не было "предателей" и не было настоящих "героев" среди крымских татар – участников этой войны, какую бы военную форму они ни носили и на каком бы поле боя, далекого изгнания (зарубежной эмиграции или внутренней ссылки) ни сложили они голову, в каком бы застенке – нацистского гестапо или советского НКВД-КГБ – ни оборвалась их жизнь. Все они в той или иной мере были жертвами трагически сложившихся для крымскотатарского народа в середине 20 века обстоятельств.

Крымский полуостров был оккупирован немецкими войсками к началу ноября 1941 года. 12 декабря 1941 года вышел 1-й номер газеты "Голос Крыма" ("Die Stimme der Krim"), которая открывалась словами

³⁷² *"To say that we supported the Nazis is totally unjust. Most of our men were at the front", insists Mustafa Jemilev, the leader of the Crimean Tatar resettlement effort. "We were neutral!" (Crimean Tatars: Repatriation and Conflict Prevention. New York, Open Society Institute, 1996).*

передовицы: "Граждане! Перед вами открывается новая свободная жизнь. Необходимо общими усилиями преодолеть временные затруднения"³⁷³.

По иронии судьбы и недостаточной грамотности редакции пропущенная между словами "новая" и "свободная" запятая стала символическим знаком. Оказалось, что "новая" жизнь под властью нацистских оккупантов для крымских татар (как и для всех жителей Крыма разных национальностей) остается столь же мало "свободной", как и прежнее их существование в коммунистической тоталитарной системе, а "временные затруднения", которые предлагалось "общими усилиями преодолеть", грозили затянуться до печальной бесконечности.

О том, каким социальным бедствием "новый порядок" с самых первых дней своего утверждения оборачивался для крымчан (и в том числе безусловно для крымских татар, составлявших в 1941 году почти четверть гражданского населения полуострова), красноречиво свидетельствует одно из первых распоряжений "Германского Верховного командования", опубликованное на страницах "Голоса Крыма"³⁷⁴. Согласно этому распоряжению, жители Симферополя были обязаны сдать ("для последующего распределения поровну") все "запасы и излишки", а именно зерно и муку, жиры (тут же педантично разъяснялось, что речь идет о любых видах растительного и животного масла) и сахар, если кто-то имел "свыше 2 кг жиров, свыше 2 кг сахара и свыше 40 кг зерна или муки из расчета до 30 апреля 1942 года". Из этого не совсем внятного "расчета" все же с достаточной очевидностью следовало, что речь идет о крайнем продовольственном минимуме, едва дававшем возможность продержаться до весны следующего года (что такое 2 кг сахара или 2 кг масла на пять месяцев жизни? – 14 грамм в день на человека – тюремная, почти смертельная норма!). Срок сдачи "излишков" устанавливался под Новый год – 31 декабря 1941 года, после чего, как следовало из данного распоряжения, "... кто после указанного срока будет иметь запас продуктов, превышающий установленную норму, или зная о существующих запасах продовольствия [своих соседей], не сообщит об этом, *будет наказан смертью*".

Чуть позже к этому добавилось новое распоряжение Германского главнокомандования: "Приказ. Всякое движение по дороге Симферополь – Карасубазар – Старый Крым для населения впредь до изменения запрещается. Нарушающие это распоряжение будут арестованы и на долгий срок заключены в лагеря. Ночью, то есть с

³⁷³ К новой жизни // Голос Крыма, 1941, № 1, 12 декабря. С. 1.

³⁷⁴ Голос Крыма, 1941, № 5, 21 декабря. С. 2.

наступлением темноты каждое лицо гражданского населения, встреченное на этой дороге или в 5 км в ее окружности, будет без оклика расстреляно"³⁷⁵.

Признаюсь, я долго не верила коммунистической пропУже из этих документов очевидно, что никаким раем, никаким "освобождением", никаким облегчением для крымских татар, уже достаточно измученных и доведенных до отчаяния предшествующим двадцатилетием большевистского террора в Крыму, "новый порядок", установленный на штыках германского вермахта и нацистского режима, не был и не мог стать. Составитель изданной в симферопольском издательстве "Таврия" на украинском языке книги "Оккупационный режим в Крыму 1941-1944 гг. По материалам периодической печати оккупационных властей"³⁷⁶ В.Н. Гуркович собрал и опубликовал еще десятки подобных распоряжений, приказов, мелочных регламентаций, превращавших жизнь гражданского населения Крыма, - не говоря уже о подлежащих более суровым карам военнопленных, партизанах ("бандитах"), участниках сопротивления ("злочинцах"), - в перманентный ад.

И все же некоторые иллюзии и призрачные надежды на то, что не столько с помощью оккупантов (какая уж там помощь!), сколько используя момент смены власти и смены политических парадигм крымским татарам удастся осуществить хотя бы часть своей давней, выработанной еще Первым курултаем 1917 года программы культурного, религиозного, национально-государственного возрождения, освобождения от установленного с момента российской аннексии Крыма в 1783 году колониального режима, превратившегося с исходом гражданской войны в ненавистной тоталитарный советский режим, безусловно оставались - и не только в начале войны, но вплоть до ее решающего перелома, до весны 1944 года, пожалуй, даже до последней развязки военной трагедии и краха гитлеровского рейха, на обломках которого до самого конца держались последние крымскотатарские батальоны, сражавшиеся под Берлином и в Альпах, но не за безумные идеи безумного фюрера, а за свой потерянный Крым.

Несколько обстоятельств способствовали рождению и укреплению этих иллюзий. Во-первых, это сильнейшая энергия антисоветского, антикоммунистического противостояния. В борьбу - гражданскую и вооруженную - были вовлечены тысячи крымских

³⁷⁵ *Голос Крыма, 1942, № 5 (11), 15 января. С. 2.*

³⁷⁶ *Окупаційний режим в Криму 1941-1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей. Упорядник В.М. Гуркович. Сімферо-поль, "Таврія", 1996.*

татар, еще помнивших кровавые погромы, чинимые в Крыму "победителями" на исходе гражданской войны³⁷⁷, переживших репрессии сталинского режима, кошмары коллективизации, раскулачивания, "борьбы с нацдемовским уклоном", с "велибригамовщиной" и с "националистической" партией Милли-Фирка, террор 1937 года. Во-вторых, это возможность хотя бы частичного самоуправления, которая была предоставлена крымским татарам в условиях немецкой оккупации и которой они были совершенно лишены в Советском Крыму. В-третьих, это авторитетное влияние ведущих деятелей крымскотатарской эмиграции, покинувших Крым с приходом большевиков и вернувшихся "на штыках" германского вермахта. Наконец, в-четвертых, это фактор исламского и национально-культурного возрождения, не слишком умело, не слишком последовательно, но все же включенный оккупационными властями в систему официальной риторики, демагогии и реальной религиозно-культурной политики в Крыму.

Народ, насильственно отлученный от своей религии в большевистском атеистическом государстве, за считанные годы и даже первые месяцы оккупации получил возвращенные общинам верующих и хотя бы частично отремонтированные после варварских разрушений мечети (по данным, опубликованным в послевоенном Берлине, в Крыму в годы оккупации было восстановлено 50 мечетей, закрытых и частично разрушенных в годы советской власти³⁷⁸), обрел утраченную возможность проводить традиционные мусульманские праздники, пятничные коллективные намазы, читать на родном языке запрещенные при советской власти стихи, молитвы, вспомнить старые гимны, знакомиться с классической поэзией и теорией пантюркизма. Все это имело огромное мобилизующее значение.

В городах и деревнях вновь открывались "народные школы" с преподаванием на татарском языке по методике Исмаила Гаспринского, уже подвергнутого остракизму советской идеологией. С 11 января 1942 года в Симферополе под редакцией М. Куртиева начала выходить на крымскотатарском языке газета "Азат Кырым" ("Свободный, или освобожденный Крым"), украшенная исторической эмблемой с тамгой

³⁷⁷ Одна из первых проблемных статей на страницах "Голоса Крыма" свидетельствовала "Бэла Кун – массовый убийца" и рассказывала "Как неистовствовали большевики в Крыму" (Голос Крыма, 1942, № 1 (7), 1 января. С. 1). Такие разоблачения соответствовали исторической правде, возмущали и объединяли национальное самосознание крымских татар, цементировали ненависть к большевизму.

³⁷⁸ Spuler, Bertold. Die Krim unter russischer Herrschaft // Blick in die Wissenschaft, 1948, Nr. 8. S. 357-358.

крымских ханов. С июля 1943 года началось издание крымскотатарского журнала "Ана Юрт" ("Отчий дом"). Возобновилась деятельность татарского национального театра ³⁷⁹, первой постановкой которого (весной 1942 года) был спектакль "Лейла и Меджнун" ³⁸⁰, а последующий репертуар включил пьесы В. Шекспира, Ф. Шиллера, произведения азербайджанской драматургии и казанских татар Ф. Бурнаша и К. Тенчурина ³⁸¹, и ансамблей песни ³⁸².

К художественному творчеству обращаются курсанты татарских добровольных воинских соединений (будущих батальонов) в Крыму, и их выставки, на которых демонстрируются музыкальные инструменты и декоративная резьба по дереву (шкатулки, деревянные чаши, блюда, шахматы, табакерки, украшенные резьбой, орнаментальные "доски" и художественные панно), пользуются успехом и освещаются в печати ³⁸³.

Народу возвращается литературное наследие писателей, репрессированных сталинским режимом ³⁸⁴; очень часто (с невиданной по сравнению с печатью довоенного периода, нарастающей энергией) публикуются стихи современных, в том числе молодых, прежде неизвестных поэтов, в которых звучит общетюркская и национальная романтика, призыв к этнической консолидации, мобилизации внутренних сил ("Проснись, татарин!" Джемиля Абдурешита, "Тебе

³⁷⁹ *Azat Kirim*, 1943, Nr. 6. В. 4.

³⁸⁰ *Azat Kirim*, 1942, Nr. 16. В. 1.

³⁸¹ Э. Грабов. *Кърым татар театрысынынъ тарихине ант базы бир санфелер* // *Azat Kirim*, 1942, Nr. 14. В. 3.

³⁸² Так, например, корреспондент газеты "Голос Крыма" из Ялты сообщал в феврале 1942 года, что "культурная жизнь города постепенно входит в нормальное русло", открывается библиотека и читальный зал имени А.П. Чехова, работают городской театр, кино, проводятся детские музыкальные утреники, на первом из которых состоялось "выступление татарского ансамбля" (*Голос Крыма*, 1942, № 15 (21), 19 февраля. С. 3). В симферопольской корреспонденции "Из концертного зала" ранней весной 1942 года рассказывалось о концерте, в первом отделении которого звучала симфоническая музыка, а во втором выступал татарский художественный ансамбль под руководством Усеина Баккала; в зале находились немецкие офицеры и солдаты (*Голос Крыма*, 1942, № 19 (25), 5 марта. С. 4).

³⁸³ *Голос Крыма*, 1944, № 28 (322), 3 марта. С. 4; 1944, № 37 (331), 24 марта. С. 4.

³⁸⁴ Примером такой литературной реабилитации может служить статья: А. Будеев. *Татарский поэт Чобан-Заде* // *Голос Крыма*, 1942, № 30 (36), 12 апреля. С. 2.

говору, сын татарина!" и "Я – татарин" Мемета Муедина, "Мы победим!" Черкеза Али и многие другие ³⁸⁵). В поэтических памфлетах Зия-эфенди утверждаются идеалы воинской доблести, единения нации в борьбе за свободу, возрождения Отчизны ("Миллетим - Ватаным!" – "Моя нация - моя Родина" ³⁸⁶; "Татарский джигит, выронивший из своих рук знамя свободы! теперь вся надежда моего народа – на Тебя! Зажги потухший, растоптанный очаг" ³⁸⁷).

Уже к началу лета 1942 года газета "Голос Крыма" могла констатировать: "При помощи германских властей культурная жизнь среди крымских татар постепенно возрождается. Разработаны программы для начальных татарских школ, вышли из печати правила орфографии на основе латинского алфавита. *Идет подготовка к переводу всей татарской письменности на латинский шрифт.* С 10 мая при мусульманском комитете работают курсы изучения немецкого языка. Действуют драматическая труппа и ансамбль песни и пляски крымских татар. По инициативе мусульманского комитета объявлен конкурс на лучшее литературное произведение из жизни крымских татар в форме сценария для кинофильма" ³⁸⁸.

Безусловно, нацистский оккупационный режим стремился обратить в свою пользу те немногие, неполные и весьма относительные свободы, которые он якобы даровал крымским татарам, надеялся привязать их таким образом к колеснице своих собственных преступных деяний, заставить их благодарить и славить берлинского фюрера так же, как еще недавно заставляли их прославлять великого московского "отца народов" и "кормчего коммунизма". Об этом наглядно свидетельствует тон и смысл публикаций военного времени. Приведем лишь один пример такой политической демагогии, процветавшей в годы оккупации.

"29 декабря впервые после ряда лет, магометанское население города Бахчисарая собралось в мечети старого ханского дворца на торжественную службу, посвященную большому магометанскому празднику Курбан-Байрам. После богослужения собравшиеся направились к помещению местной комендатуры и в молении на открытом воздухе благодарили Адольфа Гитлера и германское командование за освобождение от большевизма и за вновь предоставленную верующим магометанам возможность открыто молиться [...] При этом они заверили коменданта в том, что тысячи

³⁸⁵ *Azat Kirim, 1942, NN. 18, 23, 29 и др.*

³⁸⁶ *Azat Kirim, 1942, Nr. 21. В. 1.*

³⁸⁷ *Azat Kirim, 1942, Nr. 16. В. 1.*

³⁸⁸ *Культурная жизнь крымских татар // Голос Крыма, 1942, № 47 (53), 10 июня. С. 2.*

[татарских] горожан и крестьян всегда готовы стать с оружием в руках на защиту вновь завоеванной свободы" ³⁸⁹.

Мы убеждены в том, что никакие действия "с оружием в руках" не соответствовали национальным интересам крымскотатарского народа, более того, были для него самоубийственны в тот период, когда два самых чудовищных монстра 20 века - нацизм и коммунизм - в Восточной Европе с переменным успехом пожирали друг друга. И "благодарить Адольфа Гитлера и германское командование" у крымских татар было столь же мало оснований, как за что-либо благодарить Иосифа Сталина и командование Красной Армии. Обе эти силы были одинаково враждебны им. Но прозрение пришло не сразу и не ко всем, и это касается как тех, кто поверил нацистской пропаганде, так и тех, кто верой и правдой служил коммунистической доктрине, отблагодарившей его за этой депортацией в вагонах для скота и голодной смертью на местах "вечной ссылки" в песчаных пустынях, малярийных болотах и на хлопковых плантациях Средней Азии.

Надо признать, что наряду с вынужденным участием в войне крымских татар как на стороне Советов, так и на стороне нацистского тройственного союза, определяемым системой мобилизаций, при которой желания у мобилизуемых в армию никто не спрашивает, а также системой частичных принудительных депортаций, практикуемых – с обеих сторон – и до 1944 года (кого-то насильно "угоняли" в Германию, используя там в качестве подневольной рабочей силы, кого-то в обязательном порядке "эвакуировали" в советский тыл), имела место довольно широкая волна (хотя, впрочем, уровень ее подъема не следует преувеличивать) национально-патриотического энтузиазма и добровольного включения как татарской молодежи, так и людей с большим и трудным жизненным опытом в военные действия. С одной, советской стороны это вело к участию крымских татар в партизанском движении и в антифашистском подполье, в сопротивлении оккупантам, и эти объективные факты нельзя отрицать или недооценивать ³⁹⁰. С другой стороны, на безусловно добровольной основе и, пожалуй, даже с еще большим романтическим энтузиазмом, чувством своей

³⁸⁹ Празднование Курбан-Байрама // *Голос Крыма*, 1942, № 1 (7), 1 января. С. 2

³⁹⁰ По данным Р. Музафарова, который пользовался материалами научного архива Института истории, из 3472 партизан, сражавшихся в Крыму, о национальном составе которых имелись сведения к началу 1944 года, 598, то есть 17 % были крымскими татарами (*Крымскотатарская энциклопедия. Том 2. Составители Р. Музафаров, А. Короткая. Симферополь, "Ватан", 1995. С. 577*).

исторической правоты и национального единения формировались татарские отряды как местной "самообороны" от Красной армии, от советских партизан, так и регулярной армии, составлявшей определенный резерв, а на заключительном этапе войны даже брошенный в самое пекло авангард германских и румынских вооруженных сил на восточном фронте. Именно этот момент добровольности дал основание Едиге Кырымалу, который пользовался весьма солидным и обширным корпусом первоисточников, включая дневники, письма, воспоминания современников³⁹¹, утверждать, что угнетенный советским режимом татарский народ "встретил немецкую армию, которая в начале ноября 1941 года вошла в Крым, как освободительницу от российского ига и от большевизма, а когда зимой 1941-42 года большевики попытались отвоевать Крым, этот народ спонтанно взялся за оружие, чтобы не допустить советского десанта в татарских деревнях на южном берегу Крыма"³⁹².

Споря с советскими историками сталинской формации, определявшими такое поведение крымских татар как "предательство" и "измену", Едиге Кырымал утверждал, что назвать это предательством так же дико, как считать, к примеру, "предательством" стратегию поведения чехов и словаков по отношению к Австро-Венгерской империи в годы первой мировой войны или восстание Спартака по отношению к рабовладельческому Риму³⁹³.

Начавшееся зимой 1941-42 года вооруженное сопротивление крымских татар советским десантам получило продолжение в последующем развитии событий. 3 января 1942 года с разрешения германского верховного командования началось формирование татарских добровольческих отрядов. В значительной части эти

³⁹¹ Среди этих источников – практически уже не доступные нам рукописи и печатные раритеты татарских узников и обитателей послевоенных лагерей для перемещенных лиц и военнопленных, в частности, лагеря в местечке Альбершвенде в австрийских Альпах, например: Tikici, Ahmed. *Сеп defterimdem hatiralar. Alberschwende (Österreich) 1948; Krim und Krimtataren. Von der krim-tatarischen Leitstelle in Frankfurt/Oder 1944 als Manuskript gedruckte Broschüre; Tohtar, Kerim. Mein Lebenslauf in Kürze mit den wichtigsten Lebenserinnerungen. Manuskript. Alberschwende (Österreich), Juli 1948; Corgunli, Abdullah Hatip. Tagebuch der Ereignisse und Erinnerungen aus den Jahren 1941 – 1946. Alberschwende (Österreich) 1948.*

³⁹² Kirimal, Edige. *Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten (Westfalen), Verlag Lechte, 1952. S. 303-304.*

³⁹³ Там же. С. 304.

воинские подразделения рекрутировались из числа татар - советских военнопленных, находившихся в лагерях Симферополя, Николаева и Херсона, однако вступали в них и многие из тех татарских юношей, мужчин призывного возраста, а порою и стариков, которые, по разным причинам избежав советской мобилизации, находились в это время в городах и аулах Крымского полуострова. Таким образом в довольно короткий срок было сформировано 6 стрелковых батальонов: 147-й в Симферополе, 148-й в Карасубазаре, 149-й в Бахчисарае, 150-й в Ялте, 151-й в Алуште и 152-й в Джанкое ³⁹⁴.

По данным Джафера Сейдамета, число крымских татар, сражавшихся против Советов с оружием в руках в годы второй мировой войны, колебалось от 8 до 20 тысяч ³⁹⁵.

До апреля 1944 года эти батальоны действовали на территории Крыма против все еще многочисленных советских партизанских отрядов, в составе которых также были крымские татары, так что в известном отношении можно сказать, что шла гражданская война. Весной 1944 года (10 апреля части Советской армии заняли Перекоп) они отступили вместе с частями германского вермахта и остатками румынской армии на запад (морем – в Румынию, а оттуда в Венгрию). Показательно, что военные оккупационные власти не слишком доверяли этим батальонам, не допуская их превращение в полноценные самостоятельные военные подразделения, сформированные по национальному признаку, и не допускали самих татар до командования: во главе батальонов стояли немецкие офицеры, и только 20 декабря 1944 года, когда Крым для Германии уже был безвозвратно потерян и сам гитлеровский режим вступал в фазу агонии, Берлин дал разрешение на формирование офицерского корпуса из крымских татар ³⁹⁵.

³⁹⁴ *Nach brieflicher Mitteilung Yusuf Büyüksu's, Istanbul, den 30. August 1950; Armee-Museum Dresden, Film Nr. 5/12, 5289 und Nr. II/9, 5304. - In: Kirimal, Edige. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten (Westfalen), Verlag Lechte, 1952. S. 305.*

³⁹⁵ В личном архиве Джафера Сейдамета Кырымера, который хранится в Стамбуле в библиотеке Исмаила Отара, сохранились тексты отчетов возглавляемой им официальной крымскотатарской миссии 1943 года в Берлине, а также другие материалы, содержащие описание событий 1941-1946 годов.

³⁹⁵ "Kirim" gazetesinin 1945-nci yıl takvimi (Der Kalender der Zeitung "Kirim" für 1945. Berlin 1944. - Составленный в крымскотатарской газете "Кырым" календарь на 1945 год. Берлин 1944); Mirasbay, Ilyas. Die deutsche Besetzung der Krim 1918 und 1941-1942. Manuskript.

Показательно, что отнюдь не ангажированные советские историки, а объективные западные исследователи и сами представители побежденной Германии и ее сателлитов вынуждены были признать, что нацистское руководство Германии, как и верховное командование вермахта, недооценивало потенциала национально-освободительных движений нерусских народов России и вовсе не имело намерений содействовать осуществлению их сокровенных стремлений к независимости (или, говоря иначе, их сепаратистских тенденций), вело в отношении этих народов политику грубого насилия и игнорирования их интересов³⁹⁶.

Это игнорирование в полной мере проявилось и в отношении оккупационных властей к органам гражданского самоуправления крымских татар — так называемым "мускомам" ("мусульманским комитетам"), которые по образцу исторического периода, наступившего после февральской революции 1917 года, стали формироваться в Крыму с конца 1941 года. Поразительный парадокс заключается в том, что советская историография и коммунистическая пропаганда всегда рассматривали эти "мускомы" как козырь обвинительной по отношению к крымским татарам концепции, пытаясь доказать коллаборационизм крымскотатарского населения самым фактом существования "мускомов", якобы игравших роль "приспешников" оккупантов. Между тем, в действительности "мусульманские комитеты" (Müslüman komiteleri) возникали в городах, поселках и татарских аулах Крыма по инициативе крымских татар, к которой оккупационные власти относились довольно скептически, стараясь максимально ограничить деятельность, компетенцию крымскотатарских комитетов и свести на нет их значение в политической жизни Крыма, где не предусматривалось никакой автономии и самостоятельности для "коренного народа". Симферопольский "муском" (Akmescid Müslüman Komitesi), фактически исполнявший функции Центрального Комитета, так и не был признан оккупантами в качестве легитимного центрального органа самоуправления крымских татар.

Точно так же и религиозные инициативы крымских татар не получали поддержки, и хотя восстановление и возвращение верующим

Alberschwende (Österreich) 1948. S. 2.; и другие источники, использованные Едиге Кырымалом.

³⁹⁶ См. об этом: Kleist, Peter. *Zwischen Hitler und Stalin*. Bonn 1950; Schwarz, Peter. *Hitlers fatale Ostpolitik* // *ABN-Korrespondenz*, München, 1951, Nr. 3; Fisher, George. *Vlasov and Hitler* // *The Journal of Modern History*, 1951, Nr. 1; - и список такого рода свидетельств можно было бы дополнить множеством других публикаций.

мечетей так же, как возобновление традиций в проведении мусульманских праздников и обрядов демонстративно поощрялось и рекламировалось, более-менее серьезные вопросы мусульманского реформирования общественной жизни Крыма крымским татарам не удавалось решить, ибо ни сам Гитлер, ни его идеологический аппарат, ни его военная администрация не допускали и мысли о перспективном развитии тюрко-мусульманского Крыма. Нацистская пропаганда объявила эту землю, "родину готов", оплотом германского рейха, и сам Гитлер достаточно ясно сформулировал свое видение будущей перспективы для Крыма, заявив: "Крым должен быть очищен от всех чужеродных элементов и заселен исключительно немцами" ("Die Krim muß von allen Fremden geräumt und deutsch besiedelt werden")³⁹⁷. Данное намерение полностью согласуется и с фрагментом из беседы Гитлера с рейхсминистром Розенбергом 14 декабря 1941 года, запись которой также была приобщена к документам Нюрнбергского трибунала: "...Фюрер еще раз подчеркнул, что со временем он желает полностью очистить Крым. Я сказал ему, что в соответствии с его указанием уже подумал о переименовании городов Крыма и предлагаю назвать Симферополь Готенбургом, а Севастополь переименовать в Теодориххафен"³⁹⁸.

Ясно, что в таком "Готенбурге" не было предусмотрено места ни для мусульманских святынь, ни для резиденции крымского муфтия. В вопросе о возрождении крымского муфтиата (последний "муфтий таврический" Нуман Челеби Джихан был расстрелян большевиками в 1918 году, и с той поры Духовное управление крымских мусульман было практически ликвидировано) оккупационные власти продемонстрировали крайнюю недальнорзоркость своей политики. Фактически они запретили провести выборы главы Духовного управления мусульман Крыма и восстановить статус крымского муфтиата, хотя и подходящая на эту должность кандидатура в лице доктора Ахмеда Озенбышлы, одного из немногих уцелевших после сталинских репрессий представителей крымскотатарской интеллигенции, пользующегося большим авторитетом среди своих соотечественников, была предварительно согласована с Министерством

³⁹⁷ Эта цитата из речи Адольфа Гитлера, произнесенной 16 июля 1941 года, фигурировала среди обвинительных документов на Нюрнбергском процессе (документ № 221-L). Впоследствии на нее неоднократно ссылались многие авторы, писавшие о войне и Крыме.

³⁹⁸ Документ 1517- PZ, цит. по кн.: Kirimal, Edige. *Der natio-nale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten (Westfalen), Verlag Lechte, 1952. S. 310-311.*

по делам восточных оккупированных территорий; и чисто пропагандистская эффективность такого шага в контексте уже учрежденных в Советском Союзе – в Уфе, Ташкенте, Баку и Махачкале – муфтиатов была очевидна.

Бывшие вакуфные земли, национализированные еще большевиками, не были возвращены мусульманскому духовенству Крыма. По отношению к крымскотатарской печати действовала такая же система жестокой военной цензуры, как и по отношению к изданиям на русском и на немецком языках. Любое независимое суждение преследовалось, и крымские татары так же подвергались арестам, расправам, расстрелам, пыткам в гестаповских застенках, заключению в концлагеря, отправке в Германию в качестве "восточных рабочих" (безжалостно эксплуатируемых рабов), как и граждане других национальностей в оккупированном Крыму, на всей оккупированной территории России и Украины. Люди, которые могли бы стать подлинными лидерами национально-освободительного движения крымских татар, вынуждены были покидать оккупированный Крым, как это сделал в 1943 году Ахмед Озенбашлы.

Показательно, что все шесть пунктов требований, сформулированных в ноябрьском (1942) обращении Ахмеда Озенбашлы к татарскому народу Крыма, а именно: 1. Признание крымских татар коренным народом Крыма. 2. Признание прав крымских татар с учетом понесенных жертв и пролитой ими крови. 3. Свободное возвращение на Родину всех находящихся в изгнании или оказавшихся по другим причинам за пределами Крыма крымских татар. 4. Возвращение крымским татарам их земельных владений, национализированных при советской власти. 5. Восстановление вакуфных земель. 6. Создание легитимного, пользующегося народным доверием религиозного и национального центра крымских татар – Муфтиата и/или Центрального Мусульманского управления³⁹⁹, – остались без внимания и ответа со стороны оккупационных властей.

Своего апогея антитатарская политика оккупантов достигла в акциях декабря 1943 – января 1944 года, когда 128 татарских аула в горном Крыму и на южном берегу Крыма были планомерно уничтожены (сожжены) за мнимое или действительное "пособничество" их жителей советским партизанам. Десятки тысяч крымских татар оказались в результате этой операции без имущества, без крова и подвергались принудительному переселению в северные, степные районы Крыма⁴⁰⁰. После этого многие крымские татары,

³⁹⁹ *Azat Kirim, 1942, Nr. 29. B. 1.*

⁴⁰⁰ Среди многих источников, в которых запечатлены эти события, – дневниковые записи Якуба Хасана, систематизированные в 1948 году в
278

действительно, стали уходить в советские партизанские отряды, сражавшиеся в горах. Все это заставило Едиге Кырымала придти к печальному выводу о том, что оккупационный режим поставил крымских татар в ситуацию, когда они "оказались между Сциллой большевизма и Харибдой гитлеризма, что уже с конца 1942 года вызвало их глубокое разочарование и недовольство политикой Германии"⁴⁰¹.

Запоздалые меры, предпринятые администрацией нацистской Германии и военным командованием для того, чтобы удержать на своей стороне крымских татар (выделение в 1943 году из Министерства по делам оккупированных восточных территорий особого отдела - "Leitstelle" – по делам крымских татар; увенчавшийся успехом лишь в 1944 году проект выделения из массы "восточных рабочих" и уравнивания в правах с "западными рабочими" крымских татар, отправленных на работы в Германию, и выдачи им иностранных паспортов; возобновление деятельности крымскотатарской миссии во главе с Джафером Сеидаметом в Берлине; издание здесь – с 25 ноября 1944 года – национальной газеты "Кырым" ("Крым"), в первом номере которой была опубликована программа восстановления независимости татарского Крыма⁴⁰²; наконец, формирование осенью 1944 года крымскотатарского полка в составе дивизии СС "Восточнотюркское боевое соединение" ("Osttürkischer Waffenverband"), сформированной из азербайджанцев, поволжских татар и тюркских народов "Туркестана"⁴⁰³, и передача командования этим полком крымскотатарскому

Альбершвенде (Hasan, Yakub. Günlük defterimden hatıra. Alberschwende 1948), а также материалы стамбульского архива Джафера Сеидамета (Auszüge aus Berichten der Vertretung der Krimtürken aus Berlin an Cafer Seydahmet Kirimer aus dem Jahre 1943 und aus Urkunden, die sich auf die Ereignisse von 1941 – 1946 beziehen und im persönlichen Archiv Kirimer's aufbewahrt sind. Istanbul 1948. S. 10).

⁴⁰¹ Kirimal, Edige. *Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten (Westfalen), Verlag Lechte, 1952. S. 316.*

⁴⁰² Kirimin istiklali // Kirim, 1944, Nr. 1. B. 1.

⁴⁰³ Один из опубликованных им документов Федерального Архива в Потсдаме, а именно проект символики ВТБС, разработанный представителем Азербайджанского посреднического штаба Або Фаталибейли-Дудангинским осенью 1943 года, свидетельствует, что участие крымских татар в ВТБС предусматривалось с самого начала его формирования. "Голубой цвет, - писал А. Фаталибейли, комментируя эскиз боевого знамени, - цвет тюркской крови, полумесяц и звезда – исторические символы тюркских народов, пятиконечная

офицерскому корпусу) уже не могли изменить ситуацию, смысл которой заключался в безнадежно проигранной гитлеровской Германией войне.

Характер трагического фарса обретает в этой связи выданное рейхсминистром Альфредом Розенбергом 17 марта 1945 года – за 50 дней до полного крушения рейха – "официальное разрешение" на создание Крымскотатарского Национального Центрального Комитета в качестве "признанного полномочного представительства крымскотатарского народа"⁴⁰⁴. Свою "деятельность" этот Комитет под председательством Едиге Кырымала⁴⁰⁵ смог начать лишь в апреле 1945 года.

Провозглашенная им программа "национальной и государственной независимости" татарского Крыма в то время, когда в советском Крыму уже почти год как не было ни одного крымского татарина, звучала как трагическая насмешка истории или как безнадежная утопия, обращенная в будущее.

В истории пантюркизма в годы Второй мировой войны и в истории тюркских народов, втянутых в эту войну, особняком стоит так называемый "еврейский вопрос". Невежественные критики пантюркизма, подобные нашему современнику Александру Сваранцу, пытаются создать видимость некоего тайного союза, якобы связавшего лидеров пантюркизма и сионизма, возглавившего движение за создание государства Израиль. На самом деле ничего, даже отдаленно похожего на такой союз, – может быть, совсем не к чести и не к счастью лидеров пантюркизма, – не было. Правда, и те право- и леворадикальные арабские круги, которые объявили войну – мусульманский "джихад" и кровавый террор – еще даже не сформированному, а только задуманному израильскому государству в Палестине, никак не принадлежали к числу друзей Турции или тюркских народов Советского Союза. Но это размежевание между арабами и тюрками, за

звезда – пять тюркских государств – Туркестан, Азербайджан, Идель-Урал, Северный Кавказ и Крым". Планы создания таких государств, однако, далеко не во всем совпадали, с глобальной стратегией гитлеризма.

⁴⁰⁴ Этот документ, хранившийся в личном архиве Едиге Кырымала, полностью опубликован в его книге: Kirimal, Edige. *Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten (Westfalen), Verlag Lechte, 1952. S. 321.*

⁴⁰⁵ Его заместителем в этом Комитете был Абдулла Сойсал. Военные силы крымских татар в Комитете представляли гауптштурмфюрер Абдулла Карабаш и оберштурмфюрер Кемал Ортайлы.

которым тянулся длинный шлейф давних и новых взаимных противоречий и обид, не переросло ни в какое стратегическое или тактическое, теоретическое или практическое объединение тюркских народов и еврейского народа, чья судьба в годы Второй мировой войны была особенно трагична. В то же время и отсутствие такого союза никак не означало наличия каких-либо противоречий, тайной или явной вражды, вины друг перед другом. Между тем, в то время как одни провокаторы и невежи уверяют современных читателей, как это делает А. Сваранц, в причастности пантюркистов к тайным масонским ломам, заговорам "еврейских мудрецов" и к "паутине" мирового "сионизма", другие провокаторы (к сожалению, выдвигающиеся порою и из самой тюркской среды, как мы это видели на примере выслуживавшегося перед своими нацистскими хозяевами татарина Алимжана Идриса) пишут о ненависти тюрок к евреям и уверяют тюркские народы в "опасности", якобы грозящей им со стороны еврейского народа.

Ни пантюркизм как объединительная теория солидарности и единства всех тюркских народов, ни национализм как знамя отдельных национальных движений в тюркском мире никогда не имели ничего общего с антисемитизмом. Тем не менее, именно позорную тень антисемитизма пытаются бросить на него его враги, и первые попытки такого рода провокаций относятся как раз к периоду Второй мировой войны. Коснулись они и крымских татар и получили развития в темной истории, связанной с возникшими и энергично зондируемыми в конце войны, загадочными планами создания то ли Еврейской автономии, то ли Еврейской союзной республики, открытой для евреев всего мира и представляющей собой некую коммунистическую альтернативу формирующемуся в Палестине государству Израиль, в Крыму. Вокруг этого сюжета развивается сегодня и литературная беллетристика⁴⁰⁶, и научная литература⁴⁰⁷, причем не только выводы, но и фактографическая канва различных публикаций не имеют до сих пор единой и четкой верификации. Самое печальное заключается в том, что

⁴⁰⁶ Назовем в этой связи весьма увлекательно написанный роман Виктора Левашова "Убийство Михозлса" (в 1998 году он издан московским издательством "Олимп"), значительная часть которого посвящена "крымской провокации".

⁴⁰⁷ Сошлемся на доклад М. Чудновского, краткие положения которого опубликованы в сборнике, подготовленном Межвузовским центром "Крым" и Советом молодых ученых Симферопольского университета: Чудновский М. Уроки одной дезинформации (Крым и "дело ЕАК") // Тезисы к международной научно-практической конференции "Крымский полуостров в геополитических планах от античных времен до наших дней". Симферополь 1995. С. 62-63.

и сегодня среди крымских татар немало даже образованных людей, не говоря уже о людях, совсем не просвещенных, которые искренне убеждены в том, что именно евреи, задумавшие прибрать к своим рукам прекрасный Крымский полуостров, являются главными виновниками, склонившими Сталина к депортации крымских татар. Трудно представить себе более чудовищное измышление, ибо в действительности все было наоборот, и как выясняется, именно Сталин через Молотова и Абакумова пытался втянуть Еврейский антифашистский комитет в переговоры с финансистами Америки о предоставлении Советскому Союзу субсидий под предлогом обустройства евреев в Крыму, в то время как руководство ЕАК этому решительно сопротивлялось, особенно после депортации в 1944 году крымских татар. Ни одного "советского", европейского или американского еврея нельзя на самом деле упрекнуть в том, что он занял пустующий дом, оставшийся после того, как из этого дома изгнали крымских татар, или своим доносом навлек на крымскотатарский народ гнев державного тирана. Тем не менее определенные околонучные и журналистские круги, тесно связанные сегодня с силами имперского и коммунистического реванша, упорно стремятся, следуя завету "разделяй и властвуй", стравить народы в бессмысленной вражде и взрастить ядовитые семена антисемитизма в татарско-мусульманской среде. Поразительным образом эти люди повторяют на новом витке истории то, чем занимались нацистские провокаторы в годы первой мировой войны. Самые позорные страницы "Голоса Крыма", с подачи фашистских оккупантов, заполнялись в годы войны такими провокационными статьями, как "Большевизм - дело и оружие еврейства"⁴⁰⁸, "Масонство - враг всех народов"⁴⁰⁹, "Защита расы в Венгрии"⁴¹⁰ или "Еврейская республика в Крыму"⁴¹¹, в то время как крымские татары, не потерявшие своего человеческого, гражданского и национального достоинства, прятали в своих домах евреев, выступали в защиту исповедующих иудейскую религию крымчаков и исповедующих караимизм караимов, спасая эти тюркские этнические меньшинства от нацистского геноцида, и позволяли пользоваться своим этнонимом цыганам Крыма, которые, объявив себя крымскими татарами, избежали фашистских лагерей и газовых камер, но не сталинской депортации в 1944 году.

⁴⁰⁸ *Голос Крыма*, 1941, № 6, 28 декабря. С. 1 (редакционная статья).

⁴⁰⁹ *Голос Крыма*, 1942, № 30 (36), 12 апреля. С. 3.

⁴¹⁰ *Голос Крыма*, 1942, № 21 (27), 12 марта. С. 3.

⁴¹¹ Альфа. *Еврейская республика в Крыму* // *Голос Крыма*, 1942, № 31 (37), 16 апреля. С. 2.

Сложнейшие процессы развития и кризиса пантюркизма в тех трагических обстоятельствах, в каких оказалась тюрко-татарская эмиграция из СССР в Турции, Германии и других европейских странах накануне и в годы Второй мировой войны, не только не находили глубокого анализа, понимания и адекватной оценки в советской историографии того времени и последующих (вплоть до конца 1980-х годов) десятилетий, но крайне упрощались, грубо искажались и фальсифицировались. Прежде всего официальная политика Турции (как в последние годы правления Мустафы Кемалю Ататюрка, так и после его смерти, в частности, в период Второй мировой войны) совершенно ошибочно отождествлялась с идеологией пантюркизма, у советских читателей из года в год формировались ложные представления, будто все эмигранты – убежденные сторонники "пантюркизма" "свели себе гнездо" в кемалевской Турции и при жизни Кемалю, и после его смерти и чуть ли не диктовали турецкому правительству линию поведения во внутренней и внешней политике. Весь исторический процесс ставился "с ног на голову", и дело доходило до того, что само руководство Турецкой Республики обвинялось в продуцировании и распространении идей пантюркизма (уже совсем в карикатурной, фарсовой форме эта мысль излагается на страницах такого антитурецкого пасквиля, как сочинение Александра Сваранца "Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе: "Турция, ее государственные институты (прежде всего спецслужбы)" объявляются здесь "выразителем" "идеологии, политического движения и внешнеполитической доктрины пантюркизма" ⁴¹²). Доверчивые читатели подобных опусов сильно удивились бы, узнав, как непросто складывалась на самом деле судьба идеологов и последователей пантюркизма в Турции и при Кемале, и при его последователях, как сложно было "перестраиваться" одним из них, каким преследованиям подвергались другие, в какой обстановке нетерпимости проходили здесь суды над "пантюркистами" в конце Второй мировой войны. Глубинные, насыщенные сложной диалектикой противоречий процессы сближения пантюркизма и кемализма, постепенное освоение государственной практикой, национальной и культурной политикой демократической страны тех гуманистических ценностей и программ, которые были выработаны в русле либерального пантюркизма, подменялось в советской (и подменяется в современной армянской и русской националистической) историографии схематичными и упрощенными представлениями. Упомянувшийся нами выше журнал "Бозкурт", заинтересовавший в свое время

⁴¹² Сваранц Александр. *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе*. М., 2002. С. 3.

нацистские службы гитлеровской Германии, еще более интересовал советских пропагандистов, пытавшихся использовать этот журнал как иллюстрацию якобы совпадающей с его установками государственной политики Турции. Особенно частыми были спекуляции на опубликованной в этом журнале статье "Пантюркизм ждет", к которой была приложена карта "Туранской империи". Эта карта долгое время фигурировала в качестве главного доказательства "агрессивной" политики Турции по отношению к Советскому Союзу. Упрощенные, примитивные и крайне тенденциозные оценки турецкой политики, основанные на подмене и отождествлении разных понятий ("пантюркизм", "буржуазный национализм", "фашизм", "расизм" и т.д.), на попытках смешать в одну кучу явления разного масштаба и значения, еще несколько десятилетий прочно держались в советской историографии, и лишь во второй половине 1980-х годов появились первые проблески более тщательного и обоснованного анализа. К ним относится опубликованная в сборнике "Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока" статья Л.Г. Куртыновой, в которой едва ли не впервые за долгие годы исторической неразберихи довольно четко заявлено о несовпадении официальной идеологии, господствовавшей в Турецкой республике, с пантюркизмом. Правда, эту господствующую идеологию Л.Г. Куртынова не в состоянии отделить от той парадигмы "буржуазного национализма", которая формируется на основе стереотипов и канонов марксистско-ленинской вульгарной социологии, но все же она видит различия между этой идеологией и пантюркизмом, утверждая: "К этому времени [к первым двум десятилетиям в истории Турецкой республики] турецкий буржуазный национализм полностью сформировался как самостоятельная идеология и отделился от пантюркизма [...] официальной идеологией в национальном вопросе стал кемалистский национализм"⁴¹³. Оживление пантюркизма в Турции она относит к периоду Второй мировой войны, а новый его этап рассматривает начиная с 1965 года и связывает его с личностью Альпарслана Тюркеша и с деятельностью созданной и возглавленной им "Партии националистического движения" (ПНД).

⁴¹³ Куртынова Л.Г. *Исламские и националистические элементы в идеологии и деятельности Партии националистического движения в Турции // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С.115-126.*

10. Пантюркизм в послевоенной и современной Европе и Турции: стабилизация и новые перспективы

Между тем, ситуация в послевоенной Турции постепенно менялась. На судебных процессах, которые прошли в период между августом 1946 и мартом 1947 года, многие обвинения в адрес пантюркистов были сняты, лидеры этого движения оправданы и освобождены из тюрем, и в общественном мнении постепенно возобладало сочувствие к ним и понимание, что в их деятельности было больше патриотизма, или "чистого национализма", как они сами характеризовали свою позицию, нежели каких-либо агрессивных намерений. Заметную роль сыграли в конце 1940-х годов идеи пантюркизма в мобилизации турецкой общественности Кипра, которой необходимо было защищать свои позиции в борьбе с усилившимся движением греческих киприотов, выступавших под знаменем "эносиса" – "союза, или объединения с Грецией". При этом общественные организации Турции (студенческие и другие) поддерживали своих собратьев на Кипре, но отнюдь не под лозунгом объединения Кипра с Турцией, а под лозунгом обеспечения прав турецкого населения независимого Кипра.

Особую заботу турецкой общественности в 1950-х годах вызывало бесправное и угнетенное положение турецкого меньшинства в Болгарии. Однако, изменить эту драматическую ситуацию ни по дипломатическим каналам, ни под давлением общественного мнения не представлялось возможным вплоть до свержения коммунистического режима в этой стране.

Постепенно входила в послевоенную колею и обрела свои организационные формы деятельность тюркских эмигрантов из СССР новой, послевоенной "волны". Правда, не все из них пережили тот страшный год (последние месяцы Второй мировой войны и начало "мирного времени"), когда их жизнь в лагерях для "перемещенных лиц" на территории Австрии и побежденной Германии зависела от оккупационных властей, причем англо-американские союзники, не всегда разбираясь в том, кто есть кто, и не прислушиваясь к отчаянию многих, ни в чем не виноватых беженцев, сотнями и тысячами выдавали их советскому командованию, обрекая на физическое уничтожение⁴¹⁴. До 1947 года судьбой так называемых "перемещенных

⁴¹⁴ Эти драматические события нашли яркое отражение на страницах автобиографического романа карачаевского писателя Хамита Боташа (ныне гражданина США, в 1945 году – семнадцатилетнего юноши) "Проклятая поляна", с которым читатели, остававшиеся по

лиц" (Displaced Persons), среди которых были тысячи татар, азербайджанцев, узбеков, казахов, башкир и других представителей тюркских народов СССР, занималась (созданная по Вашингтонскому соглашению от 9 ноября 1943 года) международная организация "УНРРА" ("UNRRA" – United Nation Relief and Rehabilitation Administration), затем, в 1947-1952 годах, ее деятельность продолжала "ИРО" ("IRO" – International Refugee Organization). Их главной заботой и задачей была репатриация "перемещенных лиц" на родину, что для многих "советских тюрок", прежде всего представителей тех народов, которые уже подверглись сталинским тотальным депортациям и огульным обвинениям в "предательстве" (для карачаевцев, балкарцев, крымских татар, турок из Месхетии) практически означало смертный приговор. Всего из Германии и Австрии в 1945-1952 годах было подвергнуто депортации около 7 миллионов "советских граждан"⁴¹⁵, в том числе беженцев и военнопленных тюркского происхождения. Только после принятия Конгрессом США 25 июня 1948 года знаменитого "Закона о перемещенных лицах" ("Displaced Persons Act"), а затем "Закона о помощи беженцам" ("Refugee Relief Act") часть тех, кому удалось уцелеть, воспользовалась возможностью уехать из Европы в Америку, что в дальнейшем способствовало расширению кругов организованной национальной диаспоры тюркских народов (татар, башкир, крымских татар, карачаевцев, балкарцев и других) в Америке, активизации их издательской, благотворительной, экономической, политической деятельности и укреплению связей друг с другом на общетюркской основе. Некоторые тюркские организации, опираясь на поддержку демократического Запада и "третьего мира", развернули свою деятельность в Европе (среди них, например, "Общество эмигрантов из Восточного Туркестана" – "Doğu Türkistan Göçmenler Cemizeti", во главе которого в 1950-60-х годах стоял Иса Альптекин, пытавшийся наладить связи с Арабской Лигой и не раз обращавшийся к Президенту США Линдону Джонсону, к Чан Кайши и другим мировым политикам с воззваниями о бедственном положении тюркских народов Средней Азии) и вновь обращали свои взгляды к Турции (Иса Альптекин, например, считал ее единственной надеждой для тюркских народов).

Широкий общественный отклик получил меморандум, направленный участникам Второй конференции стран Азии и Африки (1965). Он был озаглавлен "Советско-российский колониализм и империализм в Туркестане как образец советского типа колониализма

советскую сторону "железного занавеса", смогли ознакомиться только в 1990-х годах.

⁴¹⁵ M. Proudfoot. *European Refugees 1939 – 1952. London, 1957.*

по отношению к исламским народам Азии" и принадлежал перу известного эмигрантского ученого и журналиста, проживавшего в Западной Германии, автора книг "Туркестан в 20 веке" (Дармштадт, 1956), "Туркестан и Восток" (Дюссельдорф, 1960) и других – Баймирзы Хайита, который был в те годы одним из самых неутомимых борцов за идеалы пантюркизма, за освобождение Советского Туркестана и Китайского Туркестана и их объединение друг с другом.

Американская радиостанция "Свободная Европа", начавшая в 1950 году свое вещание из Мюнхена на Советский Союз (с 1953 года – "Радио Свобода / Свободная Европа", "Radio Liberty / Free Europe"), а также другие радиовещательные корпорации вели передачи на языках тюркских народов Советского Союза; соответствующие национальные редакции объединяли тюркские эмигрантские круги, а позднее и доносившиеся сюда голоса представителей появившегося в СССР диссидентского андерграунда, прежде всего крымскотатарских активистов) и способствовали установлению контактов и сотрудничества между разными национальными группами тюркских политиков, журналистов и их потенциальных слушателей.

Наряду с устным словом, в Европе и Америке появлялись печатные издания на разных языках, иногда выходившие с регулярной периодичностью, иногда остававшиеся в единичном варианте, бывшие органами различных ассоциаций, землячеств, культурных центров и политических организаций тюркских беженцев-эмигрантов или европейских тюркологических институтов. Многие из этих изданий постоянно возвращались к ущемлению прав тюркских народов в СССР, к катастрофическому положению депортированных народов, к идеям пантюркизма и задачам освободительного движения. Мюнхенский Институт изучения Советского Союза (Institute for Study of the Soviet Union) издавал с 1958 года на английском языке "Ист-Тюркик Ревю" ("The East Turkic Revue" – "Восточно-тюркское обозрение"), среди постоянных авторов которого был известный пантюркист Абдулла Баттал-Таймаз. Печатным органом Комитета борьбы за независимость Кавказа, в котором преобладали азербайджанские политики, был издаваемый в Мюнхене с 1951 года на английском языке журнал "Юнайтед Коказус" ("United Caucasus" – "Объединенный Кавказ"); на русском языке под редакцией А. Авторханова в 1951-1953 годах выходил "Свободный Кавказ"; Азербайджанская Национальная ассоциация издавала свой "Азербайджан" (с 1952 года); проблемам народов Средней Азии был посвящен "Миллий Тюркистан" ("Национальный Туркестан"), издававшийся сначала в Женеве, а затем в Дюссельдорфе параллельно на нескольких языках с использованием латинского и арабского шрифта; органом Татаро-Башкирского Национального комитета был издававшийся с 1952 года журнал "Азат

Ватан" ("Свободная Отчизна"). И этим перечнем далеко не исчерпываются все зарубежные издания, на страницах которых в послевоенные годы могли выступать авторы, занимающиеся проблемами тюркского мира и в той или иной мере разделяющие идеологию пантюркизма. Это было резким контрастом по сравнению с тем полным молчанием, каким обходила советская наука в те годы проблематику пантюркизма, и уж тем более по сравнению с той вульгарной критикой и проклятиями, какие она обрушивала на него по указаниям "сверху".

Однако, все же не в Европе и не в Америке, а в Турции послевоенного периода, несмотря на все политические шатания, пережитые этой страной в военные годы, ощутимы наиболее весомые результаты, связанные с восстановлением идеологической основы пантюркизма в различных областях исторической науки, культурологии, общественной, философской, политической мысли.

Вскоре после войны в Турции возобновилось издание журнала "Танридаг". На его страницах в 1950 году увидело свет написанный еще в 1946 году трактат Тюрккана "Прогрессивный пантюркизм и партии"⁴¹⁶, в котором он пытается обосновать и ввести в контекст послевоенного времени цели пантюркизма как движения за освобождение и сближение народов, имеющих много общего в истории, традициях, религии и культуре. Он разъясняет при этом, что такие категории, как "раса", "кровь" ("кровное единство"), какие используются в теории пантюркизма, не имеют ничего общего с теми расистскими понятиями, какими оперировал фашизм для оправдания своих преступлений против человечества.

По его подсчетам, уточненным к концу войны (к 1944 году), тюркский мир объединяет 57 миллионов 460 тысяч человек одной общности (одной культурной "расы"), из которых 24 миллиона проживают в Советском Союзе, 15 миллионов в Турции, 8 миллионов в Китае, 2 миллиона в Афганистане, 1 миллион в Болгарии, 500 тысяч в Ираке, 500 тысяч в Югославии, 300 тысяч в Румынии, 120 тысяч в Греции и на греческих островах, 40 тысяч в Сирии⁴¹⁷ (Иран он в своих подсчетах почему-то не упоминает, а численность тюркского населения

⁴¹⁶ [Türkkan]. *İleri Türkçülük ve partiler* // *Tanrıdağ*, 1950, Nr. 2 (20 Nov.). В. 6.

⁴¹⁷ Эти расчеты Тюрккан приводит в брошюре, появившейся без указания места издания в 1944 году, под названием "На путях национализма: Эргенекон – Бозкурт – Гёк Бёрю (старые и новые публикации): *Milliyetçilik Yolunda: Ergenekon – Bozkurt – Gök Börü (yeni ve eski yazılar)*. S.l., 1944.

Турции значительно занижает, видимо, считая только "османских турок" – "османлы", которые составляют, по его расчетам, почти одну треть всего тюркского мира).

Такой же, не "расистский", не "фашистский" смысл слова "раса" и понятия "тюркская раса" стремится обосновать, подводя итог своим прежним выступлениям в трактате "Закон тюркизма" (1952) ⁴¹⁸, Недждет Санчар. Он пишет, что принадлежность к "тюркской расе" определяется не генетическим кодом, не происхождением, не рождением человека, а его самоощущением, поэтому любой человек, который чувствует себя тюрком и проявляет эту самоидентификацию, является частицей тюркской расы.

Гуссейн Атсыз во второй половине 1940-х – в 1950-х годах пишет ряд статей, объединенных общим названием серии "Тюркские идеалы" (или "Идеалы тюрков"), публикуя их в различных периодических изданиях. Особенно горячо защищает он в этих статьях "идеал величия", имея в виду не только моральное, но и численное величие тюркского населения в мире и обжитого им пространства. Тюркское государство, объединяющее, по его подсчетам, от 82-х до 99 миллионов людей одной общности (одной "расы"), никак не может быть размером с Панаму или Швейцарию. "Объединяться – значит расти, а расти – значит объединяться" ⁴¹⁹, – пишет он.

Атсыз обращает внимание на то, что в послевоенном мире отнюдь не одна Турция выдвигает (или могла бы выдвинуть при желании) претензии на возвращение собственных потерянных территорий: если Западная Германия не может примириться с потерей Восточной Германии, если Финляндия не забывает о Карелии, Югославия – о Македонии, Венгрия – о Трансильвании, то почему турки не имеют права надеяться на свое воссоединение в одном государстве? "Пантюркистом" он готов был считать того человека, "кто готов стать мучеником 20 века в борьбе за идеалы тюркской нации" ⁴²⁰.

В 1950-60-х годах в Турции уже открывается некоторый простор для научной и публицистической деятельности авторов, исследующих наследие пантюркизма в России, труды его видных представителей. Некоторые из этих авторов сами были выходцами из тюркских народов России, эмигрантами (или наследниками, потомками эмигрантов и беженцев) разных исторических периодов. В контексте оживления этой деятельности оказываются такие издания, как

⁴¹⁸ *Sançar Nejdēt. Türklük sevgisi. [Ankara], 1952.*

⁴¹⁹ *Atsız. Türk ülküsü. Ankara, 1973 [3-е издание]. P. 20.*

⁴²⁰ *Там же. С. 36.*

"Национальное движение в Туркестане и Мустафа Чокай" (1950)⁴²¹, автором которого был Асланапа Октай, регулярно выступавший в тот период с докладами на многих собраниях выходцев из Средней Азии в Анкаре, Стамбуле, Измире. Октай горячо поддерживал стремление народов Туркестана к независимости от России. Жесткой критикой советского режима был проникнут трехтомный труд Тахира Чагатая "Красный империализм"⁴²² (первые два тома вышли под редакцией А. Октая). В парадигме тюркской общности рассматривал судьбы народов Средней Азии Зияэтдин Бабакурбан в своей работе "Зарубежные тюрки и пример Туркестана", завершённой в 1962 году⁴²³.

Наряду со Средней Азией в поле внимания авторов, работавших в те годы в Турции, оставались также Кавказ (в 1961 году вышла в свет книга Ахмета Хазера Хызала "Северный Кавказ: проблемы свободы и независимости"⁴²⁴), Крыма (последние статьи Джафера Сейдамета и богатейшие материалы его личного архива, использованные его учеником Едиге Кырымалом в книге "Национальная борьба крымских тюрков", изданной в Германии в 1952 году⁴²⁵), а также общие теоретические проблемы пантюркизма. Преподаватель философии в Конийском университете Ходжаоглу Селяхаттин Эртюрк в своей работе "Что такое пантюркизм?"⁴²⁶ сопоставлял возникновение последнего с процессами арабской консолидации, подчеркивая, что, если народы Сирии, Иордании, Ирака, Саудовской Аравии, несмотря на то, что у них различные государства, входят в единый арабский мир, то и тюркские народы, проживающие в Турции, Закавказье, Средней Азии, Поволжье, имеющие общие или близкие между собой традиции, обычаи, язык, историю, религию, культуру, также могут естественно считаться представителями одной тюркской общности (он называл эту общность – "национальность"), несмотря на их принадлежность к разным государствам. Впрочем, наиболее желательной перспективой автор все же считал не разделение этой общности на разные государства, а объединение в одно. Многие авторы в своих общих трудах о пантюркизме обращали особое

⁴²¹ Oktay Aslanapa. *Türkistan milli hareketi ve Mustafa Çokay*. [İstanbul], 1950.

⁴²² Çağatay Tahir. *Kızıl imperyalizm. Volum 1, 1958; Volum 2, 1962; Volum 3, 1967*.

⁴²³ Babakurban Ziyaeddin. *Dış Türkler ve Türkistan davası*. [İstanbul], 1962.

⁴²⁴ Hızal Ahmet Hazer. *Kuzey Kafkasya (hürriyet ve istiklal davası)*. [İstanbul], 1961.

⁴²⁵ Kirimal Edige. *Der nationale Kampf der Krimtürken...* Emsdetten, 1952.

⁴²⁶ Ertürk H.S. *Türkçülük nedir?* [İstanbul], 1952.

внимание на его исторические параллели с панславизмом, с помощью которого осуществлялась стратегия объединения славянских народов, частично реализованная в создании Югославского государства на Балканах, Чехословакии, а также Советского Союза, объединяющего восточных славян. По сравнению с этими примерами и тенденциями стремление к объединению тюркских народов, составляющее основу пантюркизма, не должно и не может выглядеть вызывающим или исключительным явлением.

С апреля 1959 года в Анкаре возобновилось издание ежемесячного журнала "Тюрк Юрду" под редакцией профессора Османа Турана (оно продолжалось регулярно до 1965 года). Среди его авторов в этот период были такие идеологи пантюркизма, как Асланапа Октая, Недждет Санчар, Абдулла Баттал-Таймаз и другие известные авторы из собственно турецкой и из эмигрантской среды. Появлялись заново (иногда на недолгое время) или возобновляли свое прерванное раньше издание также другие турецкие журналы более или менее четко выраженной пантюрксистской направленности. Среди них – "Чаглаян" (издавался в Стамбуле), "Топрак" ("Земля", 1945 – 1947), "Тюркели" ("Страна тюрков", 1947), "Ени Бозкурт" ("Новый Бозкурт", с 1948), "Танридаг" (с 1950), "Оркун" (видоизмененное название "Орхона", издавался в Стамбуле с октября 1950 года), "Тюрк Дюньясы" ("Тюркский мир", начал выходить с февраля 1955 года в Стамбуле под редакцией Алтана Делиормана), научный журнал "Тюрк кюльтюрю" ("Тюркская культура", появился в Анкаре в 1962 году).

Это оживление научной и публицистической деятельности сторонников пантюркизма в Турции и оправдание тех лидеров этого движения, которые еще не так давно выступали в качестве обвиняемых на судебных процессах, подвергались преследованиям и арестам, не означало, однако, ни триумфального возвращения пантюркизма в страну, мучительно искавшую в послевоенные годы выхода из многих экономических трудностей и политических тупиков, ни благополучия в той ситуации, которая составляла главную область забот, интересов и тревог идеологов пантюркизма. Ни о каких реальных успехах освободительного и объединительного движения в 1950-х годах говорить не приходилось: подавляющее большинство тюркских народов Евразии проживало в этот период в странах, в которых господствовал тоталитарный режим или устанавливалась диктатура, крайне беспощадная по отношению к тюркским меньшинствам (в Болгарии, Греции, в СССР, Китае, в Иране, Ираке, Сирии и так далее). В самой Турции нарастали процессы инфляции, обнищания сельского и городского населения (именно тогда сотни тысяч турок были выброшены из страны в силу экономических бедствий и пополнили армию европейских "гастарбайтеров"), что приводило скорее, с одной

стороны, к росту популярности левых сил, с которыми пантюркисты, бывшие последовательными антикоммунистами, не могли иметь ничего общего, с другой стороны, к усилению религиозного фанатизма, "исламизма", с которым пантюркизму еще с начала 20 века было совсем не "по пути". И если в это время, как напоминает в своей книге Якоб Ландау, на заборах и стенах домов, в турецких городах и деревнях, чьи-то неизвестные руки чаще всего выводили лозунг "Rehber Kur'an – Hedef Turan!" ("Наш путеводитель – Коран, наша цель – Туран!")⁴²⁷, из этого вовсе не следует, что это было время, благоприятное для реалистического или романтического пантюркизма, ибо его вожди отнюдь не были склонны строить свой идеальный Туран под зелеными знаменами исламского движения.

Однако, критическая ситуация, в которой оказался пантюркизм в Турции, стала исходной позицией для его последующего постепенного усиления. Чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, пантюркисты, прежде слабо организованные, рассеянные по разным редакциям, научным, политическим центрам и городам, нередко не умеющие найти общего языка даже друг с другом и бурно выяснявшие в печати свои сложные взаимные отношения, теперь стали больше обращать внимания на организационную сторону дела и сплочение своих рядов.

Первыми стремление к организованности проявили проживавшие в Турции представители тюркской эмиграции, которые к середине 1960-х годов имели такие сплоченные и четко работающие организации, как Федерация беженцев и иммигрантов в Турции, Культурная Ассоциация Западного Туркестана, Национальный Центр по освобождению Восточного Туркестана, Ассоциация беженцев из Восточного Туркестана, Азербайджанское культурное объединение, Ассоциация азербайджанской молодежи, Культурное объединение Идель-Урал (все – в Стамбуле), Ассоциация культуры и взаимопомощи крымских татар, Северокавказская Ассоциация (обе – в Анкаре), а также ряд организаций за границами Турции. Со временем возникали новые центры, например, Крымско-татарский Национальный Центр в Стамбуле, Общество культуры и взаимопомощи тюрков Ирака; численность старых организаций увеличивалась: так, Ассоциация культуры и взаимопомощи крымских татар имела к концу 1970-х годов в своем составе около 3000 членов, отделения в Стамбуле, Анкаре, Бурсе, Эскишехире, Адане, Измире и других городах, тесно налаженные связи с соотечественниками в Нью-Йорке, Детройте и Чикаго.

⁴²⁷ Landau Jacob M. *Pan-Turkism...* London, 1995. P. 149.

В начале 1960-х годов первые попытки самоорганизации предприняли и турецкие интеллектуалы, представляющие различные направления пантюркизма. 16 сентября 1962 года состоялась их встреча в Стамбуле, результатом которой было создание Ассоциации пантюркистов (Türkçüler Derneği). Своими целями, записанными в Уставе, Ассоциация считала распространение идеологии пантюркизма среди турецкого (тюркского) населения, распространение в массах знаний по истории, культуре, языку, происхождению тюрков, укрепление тюркской нации на основах высокой морали, справедливости, свободы и дисциплины, содействие тюркской консолидации. Характерно, что само определение "пантюркиста", имеющего право быть членом этой организации, формулировалось как "человек, любящий Бога, Тюркизм и Отчизну", а лозунгом Ассоциации стали слова "Боже, спаси и защити тюрков!" ("Tanrı Türkü korusun!"), причем "Бог" обозначался не в соответствии с исламской традицией как "Аллах", а в парадигме древнего тенгризма как "Танри".

В 1964 году резиденция Ассоциации была перенесена из Стамбула в столицу, и 30 августа того же года там же, в Анкаре, состоялся съезд ее членов, на котором Ассоциация была преобразована в Союз националистов Турции (Türkiye Milliyetçiler Birliği), при этом прежняя программа осталась без изменений, в ней только добавилось требование оказывать поддержку тюркизму в Турции и за рубежом и обязательство поддерживать зарубежных тюрков. Вскоре Союз уже имел множество отделений в разных городах страны (в 1967 году – 16), а его центральное Правление – свои филиалы ("оджаклар" – "очаги") и первичные ячейки на местах ("обалар" – "палатки"). Первым Президентом Союза был избран Гуссейн Атсыз, а Вице-президентом – Хикмет Танью, преподаватель факультета теологии университета в Анкаре.

Этот Союз, однако, еще не стал основной базой консолидации сторонников пантюркизма. Рядом с ним формировались и другие объединения, иногда сотрудничающие, иногда конкурирующие друг с другом, однако совместными усилиями, через свои семинары, съезды, лекции, публикации и т.п., все более широко распространявшие в Турции и за ее рубежами идеи пантюркизма, тесно взаимосвязанные с чисто турецким патриотизмом и национализмом.

Их усилиями была подготовлена почва для формирования той политической организации, которая в 1960-х годах выходит на внутреннюю и международную арену и оказывается неразрывно связанной с именем и деятельностью Альпарслана Тюркеша. Несколько раз менявшая и уточнявшая свое наименование, она больше всего известна в тюркском мире как Партия национального (националистического) действия, характеризуемая противниками

пантюркистского движения, старательно пытающимися создать из нее устрашающий европейскую общественность жупел, как международная, чуть ли не тайная (хотя существование этой партии вполне легально и адаптировано к конституционному устройству Турции) организация "бозкуртов" ("серых волков").

К тому времени (июль 1965 года), когда Тюркеш возглавил Республиканскую Крестьянскую национальную партию (переименованную в 1969 году в партию национального действия, или Партию националистического движения – Milliyetçi Hareket Partisi), он имел уже и личный (детство и юность, проведенные на Кипре), и политический (участие в антикоммунистических демонстрациях 1944 года), и военный опыт (он был полковником турецкой армии, участником вооруженной интервенции 1960-61 года, впоследствии подвергшимся ссылке и получившим возможность вернуться в Турцию только в 1963 году) – опыт, определивший правый радикализм его деятельности. Эта деятельность никогда не пользовалась всеобщей, массовой поддержкой турецкого населения, но была все же достаточно популярна, чтобы обеспечить партии Тюркеша 11 мест на выборах в Национальную Ассамблею (парламент, состоящий из 450 депутатов) в 1965 году. После заметного спада (всего одно место для самого Тюркеша было отвоевано на выборах 1969 года, три места на выборах 1973 года) эта популярность к середине 1970-х годов снова возросла, что позволило Тюркешу занять пост Вице-премьера в коалиционном правительстве Турции 1975-1977 годов, а его Партии национального действия получить 17 мест в парламенте по итогам выборов 1977 года.

Основной стержень убеждений и политической деятельности Тюркеша определяется прежде всего национализмом – стремлением работать на пользу Турции и турецкого народа, содействовать укреплению турецкой государственности и авторитета⁴²⁸. В то же время освоенная им еще в юности пантюркистская идеология становится важным дополнением к этому национализму и отнюдь не сводится к одной лишь внешней риторике и декорации (эмблема "серого волка" на партийном знамени⁴²⁹, обычные завершения его выступлений формулой "Боже, спаси и защити тюрков!" – "Tanrı Türkü

⁴²⁸ Политические взгляды Тюркеша изложены в многочисленных его речах, статьях, а также книгах, из которых наиболее известна пережившая несколько изданий книга "Девять лучей": *Türkçeş Alparslan. Dokuz ışık. İstanbul, 1993.*

⁴²⁹ Впрочем, официальной эмблемой партии, утвержденной на ее Третьем съезде в 1969 году, было изображение трех полумесяцев, что было определенной уступкой настроениям людей, более склонных к привычной исламской символике.

korusun!", его собственный титул в партии и движении, обозначенный как "башбуг" – "başbuğ", верховный голова), но затрагивает важнейшие стороны его внутривнутриполитической и особенно внешнеполитической деятельности. В своей автобиографической книге, посвященной событиям 1944 года ("1944: дело национализма"), Тюркеш писал, разъясняя свое понимание "Турана": "Туран – это означает "союз тюрков", причем не только азиатских тюрков, но всех тюрков, союз по духу, по традициям, культуре и религии [...] то есть, как я понимаю, Туран распространяется также и на тюрков (турок) Греции, Болгарии и любой другой страны, где бы они ни проживали"⁴³⁰. В своей известной книге "Девять лучей света" ("Dokuz ışık"), впервые опубликованной в 1965 году, пережившей затем множество изданий и ставшей своего рода партийным катехизисом, он подчеркивает, что турецкий национализм неотделим от стремления оказывать поддержку всем тюркам мира. В последующих своих выступлениях и публикациях (брошюра "Наша внешняя политика и Кипр", 1966; сборник докладов и лекций "Проблемы Турции", 1969; статья "Пантюркизм и союз тюрков" в сборнике статей, изданном в 1979 году) он более подробно излагает свои представления о "Великой Турции", которая может охватывать 80-100 миллионов тюрков, обосновывает необходимость тесных связей с тюрками зарубежья, прежде всего Кипра и других территорий, принадлежащих Греции, подчеркивает враждебность коммунистической системы и идеологии всему тюркскому миру.

Последовательный антикоммунизм Тюркеша был главной причиной крайне негативного отношения к нему советской пропаганды и историографии. Эстафету этой вражды переняла современная националистическая печать России, Армении, Сербии и других стран, правящие элиты которых видят для себя опасность в том, что какая-то политическая сила соседней страны проявляет заботу и заинтересованность в судьбе тюркских народов и меньшинств на территории этих стран (в то время как те же элиты готовы весьма энергично вмешиваться во внутренние дела своих соседей под предлогом защиты собственных "соотечественников", о чем свидетельствует, к примеру, история российско-латвийских и российско-эстонских отношений последнего десятилетия).

При этом надо сказать, что практически судьбой угнетенных, в том числе депортированных тюркских народов Советского Союза

⁴³⁰ Цитируется по книге: Landau Jacob M. Pan-Turkism... London, 1995. P. 154. (В нашем переводе с английского языка, на котором Якоб Ландау излагает, в собственном переводе с турецкого, текст, принадлежащий Тюркешу).

Тюркеш не занимался, сосредоточив свое основное внимание на кипрской проблеме, и лишь в последние годы своей жизни, после распада СССР установил более прочные и прямые контакты с правительственными структурами и общественными организациями тюркских народов новых независимых государств, пригласив, в частности, на организованный им международный тюркский съезд, проходивший в июне 1993 года во Франкфурте-на-Майне, государственных деятелей Азербайджана, руководство ТОЦ (Татарского Общественного Центра), Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафу Джемилева и других представителей тюркских народов бывшего СССР.

После смерти Альпарслана Тюркеша его партия (ныне под руководством Девлета Бахчели) продолжала деятельность, предначертанную программой, основанной на симбиозе турецкого национализма и пантюркизма, однако, и масштаб ее деятельности, и авторитет нового руководства заметно уменьшились. На парламентский выборах, состоявшихся в Турции 3 ноября 2002 года, эта партия уже не смогла преодолеть необходимый десятипроцентный барьер (его преодолели только две партии – Партия справедливости и прогресса, АКР, во главе с Реджепом Тайном Эрдоганом, получившая 34 % голосов и соответственно 363 места в парламенте, где всего 550 мест, и Республиканская Народная партия, СНР, – 19 % голосов, 178 мест в парламенте).

Партия национального (националистического) действия является наиболее известной – в Турции и за ее пределами – и сплоченной организацией, представляющей силы мобилизованного пантюркизма. Однако, ни при жизни Тюркеша, ни после его смерти она никогда не претендовала на абсолютную монополию и не была единственной организацией, на которую можно было бы "замкнуть" всю историю современного пантюркизма в национальном (турецком) или в мировом масштабе.

В области культуры Турция выступила инициатором сотрудничества ее институтов и университетов с институтами, высшими школами и университетами новых независимых государств; она предложила ежегодные гранты, обеспечивающие возможность тысячам студентов из тюркских регионов (бывшего СССР) приезжать и учиться в университетах Турции, а также инициировала создание курсов для обучения на турецком языке учителей и студентов в новых мусульманских государствах. Она неоднократно субсидировала издание и отправляла большими тиражами учебники на турецком языке для школ в тюркских государствах, а также печатала учебники и другие пособия на языках этих новых тюркских государств в качестве помощи их развитию и даже создала ряд университетов, действующих как

совместные предприятия. Турция также приступила, уже в апреле 1992 года, к трансляции телевизионных программ на Азербайджан и Среднюю Азию, при этом часто передачи велись на упрощенном турецком языке с латинскими субтитрами в кадре. 1 февраля 1993 года на основе многостороннего соглашения был основан Международный Тюрко- (Турецко-) -Казахский университет в городе Тюркистан в Казахстане.

В течение нескольких лет политические и научные круги в Турции не теряли надежды, что можно довольно быстрыми темпами сформировать и распространить общий для всех народов этого мира турецко-тюркский язык. В 1992 году, при официальной поддержке, в Турции был создан новый институт, а именно Турецкая республиканская организация по вопросам образования, науки и культуры, сокращенно "ТУРЕСКО" (название, видимо, неслучайно должно было перекликаться с аббревиатурой "ЮНЕСКО"), среди проектов которого было создание научных центров для составления словарей и проведения исследований в области письменности и алфавитной структуры тюркских языков ⁴³¹. Это был тот год, когда можно было рассчитывать на поддержку такой идеи со стороны избранного Президентом Азербайджана Эбульфеза Эльчибея; тогда же в Узбекистане на страницах альманаха "Орта-Тюрк" (Orta-Türk), изданного в 1992 году в Ташкенте, появилась статья, защищавшая идею "общего турецкого языка" ⁴³².

Особенную активность Турция проявила в делах, связанных с идеей общего алфавита, который представлял собою главный аспект возможного *lingua franca*. Можно сказать, что эта деятельность развивалась в четырех направлениях, или на четырех основных уровнях: а) поставки в тюркские республики и регионы книг, пособий, учебников, пишущих машинок, печатных станков и других устройств для печати вместе с инструкциями по их использованию; б) исследования турецких специалистов и экспертов из других стран тюркского мира, направленные на выработку общего, единого алфавита

⁴³¹ См. об этом: Hasan Duman. *Türk Cumhuriyetleriyle kültürel işbirliği*. Ankara, 1993.

⁴³² На нее обратили внимание многие исследователи. См., например: В.М. Алпатов. Языковые проблемы в советском и постсоветском пространстве // *Цивилизации и культуры*. Научный альманах. 1996, № 3. С. 293-317; В.М. Алпатов. 150 языков и политика: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. С. 166.

на латинской основе из 33-х – 34-х буквенных знаков ⁴³³; в) специальные кредиты, ассигнованные на помощь в развитии культуры; г) официальные конференции и встречи между учеными и правительственными чиновниками, представителями власти.

В начале 1990-х годов состоялось множество таких встреч, конференций, консультаций с участием представителей политических кругов и ученых из Турции и новых тюркских государств. Первая конференция такого рода прошла 18 – 20 ноября 1991 года в Институте тюркских исследований Университета Мармара (Мраморного Университета) в Стамбуле; она рекомендовала новым тюркским государствам принять общий латинский алфавит на основе ныне действующего в Турции латинского алфавита с 29-ю буквенными знаками, дополнив его еще пятью буквами ⁴³⁴. За этим последовала встреча правительственных делегаций высокого уровня из Турции и пяти тюркских государств, состоявшаяся в Стамбуле 19 – 21 июня 1992 года. И на этой первой встрече, и на новой встрече в Анкаре, состоявшейся 8 – 10 марта 1993 года, Министры культуры Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Турции обсуждали, как первый вопрос повестки дня, проблемы единого, общего алфавита. Они приняли согласованную резолюцию, призывающую правительства пяти тюркских государств принять и одобрить на официальном уровне слегка исправленную версию алфавита, предложенного в 1991 году конференцией лингвистов. В последующие годы неоднократно предпринимавшиеся попытки провести подобные официальные встречи и добиться общего решения и согласованных действий в переходе на общий, единый алфавит потерпели неудачу.

Наряду с этим проходили встречи ученых из Турции и пяти новых тюркских государств (в Анкаре 4 – 8 мая 1992 года, в Мюнхене 22 июня 1992 года, в Анкаре 26 – 27 ноября 1992 года, в Анталье 21 – 23 марта 1993 года и другие), участники которых пришли к согласию относительно общего алфавита и орфографии ⁴³⁵; однако эти решения принимались не на официальном уровне и не имели обязательной силы.

⁴³³ См. об этом: A.B. Ercilasun. *Örneklere bugünkü Türk alfabeleri*. Ankara, 1996.

⁴³⁴ Текст резолюции, принятой на этой конференции, опубликован во многих периодических изданиях и монографиях. Наиболее полный анализ этого документа содержится в книге: Nadir Devlet. *Milletlerarası Türk alfabeleri sempozyumu*. İstanbul, 1992. P. 1-3, 67

⁴³⁵ Информация об этих решениях и комментарии к ним публиковались в журналах и газетах: *Milli Kültür*, 1992, № 92, июнь, с. 1 – 80; *Türk Kültürü*, 1993, № 31 (360), апрель, с. 193 – 215; и других.

Еще одна конференция по вопросам турецкого языка состоялась в Анкаре 4 – 8 мая 1992 года под эгидой вновь созданного форума, который назывался Постоянная Конференция по проблемам турецкого языка (Sürekli Türk Dili Kurultayı). Хотя никаких практических последствий она не имела, эта встреча в Анкаре получила высокую общественную оценку. Этот высокий международный научный форум исходил из того, что все варианты тюркских языков составляют единый язык. Работа конференции проходила в рамках трех комиссий, которые соответственно рассматривали вопросы алфавита, письменного языка и литературного языка. Делегаты из Турции, Азербайджана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, от казанских татар и из Турецкой Республики Северного Кипра пришли к единому согласию и рекомендовали "воссоединение" ("реинтеграцию") всех их языков в единый, общий язык с единым, общим алфавитом⁴³⁶.

Эта же организация созвала другую конференцию в Анкаре, состоявшуюся 22 – 26 сентября 1993 года. Более ста делегатов прибыли из Турции, из новых (бывших советских) государств и из других мест. Они обсуждали все плюсы и минусы единой, общей письменности. Участники конференции пришли к следующему согласованному решению:

" - Наиболее приемлемая и адекватная система письменности для всех тюркских языков и диалектов – это письменность на основе латинского алфавита. В рамках этого общего алфавита отдельные тюркские государства и автономные республики могут принять решения, связанные с приспособлением их языков и их особенностей к этому алфавиту на латинской основе.

- Национальные Ассамблеи (парламенты) Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана уже приняли решения о переводе их письменности на латинский алфавит. Более того, в Азербайджане уже началась реализация этого перехода.

- Участники Конференции из Башкортостана, Казахстана, Кыргызстана и Татарстана сообщили, что из политических и экономических соображений они могут несколько задержаться с переводом их письменности на латинский алфавит. Однако они выразили горячую надежду на то, что их страны и региону в ближайшем будущем пойдут по тому же пути.

- Увеличение количества схожих, одинаковых или подобных, слов и технических терминов как в письменных языках, так и в устной

⁴³⁶ Материалы конференции опубликованы в книге: *Kültür Bakanlığı. Sürekli Türk dili kurultayı. Ankara, 1992.*

речи в странах и регионах, где распространены тюркские языки, будет укреплять их связи друг с другом и взаимопонимание " ⁴³⁷.

Одним из наиболее ощутимых конкретных результатов этих встреч стало усилившееся сотрудничество в области науки, между академическим кругами. Показателем этого процесса являются билингвистические и мультILINGVISTические грамматические справочники и словари, изданные с начала 1990-х годов, например, научный словарь девяти главных тюркских языков (*Karşılaştırmalı Türk lehçeleri sözlüğü*, 1991 – 1992, под редакцией Эрчилазуна и др.) и новый Словарь тюркских языков, изданный в Лондоне и Нью-Йорке в 1996 году (Kurtuluş Öztopçu a.o., 1996).

В Турции статьи по этим вопросам до сих пор время от времени появляются в периодических изданиях, занимающихся языковыми проблемами. Правда, примерно с 1996 года и в самой Турции ученые все чаще стали признавать, что идея общего языка и единой письменности относится к области фантазии, и если это в принципе и достижимо, то только в довольно далеком будущем ⁴³⁸, хотя у этого проекта по-прежнему немало горячих сторонников среди турецких ученых – лингвистов и культурологов. Отдельные официальные и неправительственные турецкие организации и объединения продолжают кампанию за общий язык, как можно это видеть на примере собрания, организованного в Анкаре 13 марта 1998 года Обществом турецкого языка ("Türk Dili"), а также бороться за универсальный тюркский алфавит на основе турецкого языка, переведенного на латиницу. В Азербайджане, который наиболее близок к Турции, такого рода интерес встречает широкий отклик и понимание.

Большую работу по культурному сближению тюркских народов проводит общество "Тюрксой" ("Türksoy" – Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi). Выразительным свидетельством успешности этой работы может служить выставка художников тюркского мира, показанная летом 2001 года в городах Турции ⁴³⁹. Для экспозиции было отобрано 197 работ 41 художника из Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Татарстана, Башкирии, Тувы, Хакасии, Якутии, Чувашии, Крыма, Гагаузии, а также из туркменской диаспоры Ирака (Эсин Беятли). Стилистическое единство этой

⁴³⁷ Andras Bodrogligeti. *Turkish Language Conference September 22-26, Ankara // Azerbaijan International*, 1994, Nr. 2 (1, winter). P. 54-55.

⁴³⁸ См., например: Emine Gürsoy-Naskali. *Türk dünyası ve ortak dil // Yeni Türkiye*, 1997, Nr. 3 (15). B. 196-198.

⁴³⁹ *Türksoy Resim Sergisi. Türkiye – Çanakkale Ressamlar Buluşması (18-29 Ağustos 2001 Resimleri)*. Ankara, 2001.

выставки, усиленное сходством пейзажных (степных, горных, выжженных раскаленным солнцем пустыни), анималистических и бытовых мотивов, обращением многих художников к древним фольклорным истокам, к романтическим мотивам тюркской средневековой истории, к характерной знаковой символике тюркского мира, создавало впечатление духовной близости талантливых художников, сохраняющих в то же время свою яркую творческую индивидуальность (киргизка Гюльнара Мусабаева, казах Малик Дурсунбаев, азербайджанец Решад Мехдиев, турок Мехтап Улькючю, башкир Вақыф Шейхетдинов, крымский татарин Рамазан Уссеинов, казах Алексей Ултургасев, гагауз Федо Гугогло и другие).

В последующих главах мы еще вернемся к событиям, связанным с проведением в Турции различных выставок, конгрессов, конференций, научных и политических форумов, одинаково затрагивающих судьбы народов самой метрополии (если в этом отношении Турцию можно считать неформальной "метрополией") и других стран, проблемы развития пантюркизма в Турции и в Содружестве независимых Государств, включая Россию. Здесь же, завершая очерк истории пантюркизма в Турецкой республике послевоенных десятилетий, отметим, что формы его проявления, как и содержательная сторона деятельности пантюркистов и их деклараций, были очень различны – от массовых манифестаций, организации политических партий, международных инициатив, государственных акций, предпринимаемых на высшем уровне и связанных, в частности, с непосредственным участием Турции в решении кипрской проблемы, с визитами Президента страны в тюркские республики СНГ и в Крым (особенно активной в этом отношении была внешнеполитическая деятельность Сулеймана Демиреля, избранного Президентом Турции в 1993 году), до повседневной работы различных фондов, благотворительных организаций, издательских, научных центров, концентрирующих основное свое внимание на вопросах общетюркского единения или занимающихся пантюркизмом (как в пропагандистском, так и в аналитическом и критическом аспектах) время от времени, наряду с решением других политических, экономических, культурных и научных проблем. Единственная из этих многообразных форм, о которой мы, несмотря на широкий спектр доступных нам источников и достаточную осведомленность в том, как выглядит в Турции пантюркизм второй половины 20-го – начала 21 века, не имеем никаких сведений, данных и даже малейших признаков, подтверждающих ее существование, – это так называемая "активность турецких спецслужб", которой устрашают российских читателей нечистоплотные сочинители

такого типа, как уже упоминавшийся Александр Сваранц ⁴⁴⁰, и некоторые неразборчивые журналисты, обуреваемые жадной дешевых сенсаций или беззастенчиво выполняющие чисто финансовые заказы конкурирующих с турецким туристическим бизнесом фирм, рассчитанные на срыв очередного летнего сезона (такие кампании уже становятся удручающей рутинной, повторяясь каждую весну). Разумеется, мы готовы допустить, что турецкие спецслужбы (как и спецслужбы любых иных государств мира) могут иметь свои планы расширения собственной агентуры, хранящиеся в глубокой тайне (на то они и спецслужбы, чтобы такие тайны хранить и перспективные "линии" привлечения к своей стране потенциальных союзников разрабатывать), но с полной ответственностью людей, отнюдь не понаслышке знающих положение дел в современной Турции, неоднократно бывавших там и принимавших участие во многих научных и общественно-политических форумах в этой стране, мы обязаны констатировать тот факт, что все плохо придуманные и грязно сострепанные "страшилки", касающиеся пантюркизма как "агента" турецкой разведки, которыми густо пересыпаны, к примеру, все 600 страниц пухлого сочинения А. Сваранца (беззастенчиво рекомендованного, между прочим, российским читателям "научным рецензентом" Иваном Ивановичем Антоновичем, весьма странно, как нам кажется, понимающим и использующим свои обязанности "Чрезвычайного и Полномочного Посла" Белоруссии в России), являются ничем иным как плодом деформированного, ущербного сознания этого автора и патологической шпиономании.

Важнейшим центром современного пантюркизма, основанного на гуманистических принципах сотрудничества, культурного взаимодействия тюркских народов мира и ориентированного прежде всего на просветительскую и научно-исследовательскую работу в области тюркологии, становится основанный 29 июля 1980 года в Стамбуле Фонд исследований тюркского мира (ФИТМ) – Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı (TDAV). Бессменным президентом ФИТМ является известный ученый (экономист и востоковед), энергичный общественный деятель демократического направления профессор Туран Язган (1938 г. рождения). Более 20 лет ФИТМ ведет систематическую работу, обеспечивающую теснейшее сотрудничество тюркологических научных центров и тюркских общественных организаций всего мира, в

⁴⁴⁰ Сваранц Александр. *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе*. М., 2002. Читателя, которому доведется прикоснуться к этой грязной книге, мы обязаны предупредить: **Осторожно, Провокация!**

том числе политических, научных, творческих элит, молодежи тюркских государств СНГ и тюркских регионов России.

Эта работа имеет многопрофильный характер: она включает и издательскую деятельность, и организацию семинаров, курсов (по изучению турецкого языка, по подготовке учителей, менеджеров в различных экономических сферах, по истории тюркских народов и т.д.), и проведение фестивалей искусства и художественной самодеятельности тюркских народов, фестивалей детского творчества, конгрессов тюркских народов и съездов АТН (Ассамблеи тюркских народов, о которой более подробно мы расскажем в последней главе), и выделение грантов для научных исследований. Приоритетные программы этих исследований связаны с наследием Исмaила Гаспринского, проблемами тюркских языков, их современной алфавитной основы, лексической общности и дифференциации, с древними и современными культурами тюркских народов. Научной базой ФИТМ является университет – Медресе имени Мехмеда-Эффенди в центре европейской части Стамбула Беледий-Сарая. Его здания, расположенные по периметру сада-розария, включают аудитории для занятий, мастерские по развитию различных искусств и ремесел, традиционно присущих культурам тюркских народов, компьютерные классы, архив, библиотеку, музей, типографию, общежитие для учащихся из других городов и стран. ФИТМ не является политической организацией, тем не менее всё, что уже сделано и делается этим Фондом для развития и взаимодействия тюркских культур, можно назвать большой и благородной политикой, направленной на духовное возрождение и демократическое развитие современного тюркского мира.

Иллюстрацией такой политики могут служить научные труды, публикуемые на страницах издаваемого Фондом толстого журнала "Тюрк Дюньясы Араштырмалары" ("Türk Dünyası Araştırmaları" – "Исследования тюркского мира"), и популярные очерки, обзоры, портреты исторических деятелей, воспоминания, данные хроники текущих событий и другие материалы красочного массового журнала "Тарих" ("Tarih" – "История"). Оба эти издания соблюдают устойчивый баланс между современной проблематикой и прошлым (включая древнейшие пласты археологического наследия, ярчайшие страницы средневековой истории) тюркского мира, представляют его ценности и проблемы не в вакуумной изоляции, а в живых и теснейших связях с культурами других, не тюркских стран и народов, в частности, с современным европейским окружением ⁴⁴¹. Особой заслугой и

⁴⁴¹ Большой интерес в этом плане представляют исследования в области международных отношений, например, статья Месута

органичной, характерной чертой этих изданий является то, что в поле их зрения оказывается, действительно, весь тюркский мир, так что не только крупнейшие его народы и обширные зоны, давно находящиеся в ярком свете исследовательских и журналистских "юпитеров", но и самые дальние его уголки, самые древние его истоки, самые редкие формы его культуры (отнюдь не всегда относящейся к исламскому ареалу), самые малые тюркские народы, заслуживающие особого внимания, постоянно являются объектами научных исследований и репортажей, составляют широкий тематический тезаурус журналов ФИТМ. Доброе слово о себе здесь могут найти и уйгуры, и гагаузы, и хакасы, и коренные народы Горного Алтая, и чувашаи, и тувинцы. Основная суть пантюркизма, распространяющегося на все тюркские народы, здесь выявляется наиболее последовательно, и никакой иной, "агрессивной", "враждебной" другим народам, "опасной" для других народов направленности пантюркизм не имеет.

11. Возрождение пантюркизма на руинах СССР (намерения, надежды, реальность 1990-х годов)

Процесс переосмысления концепции пантюркизма глубоко затронул все российское общество уже с конца 1980-х – начала 1990-х годов, нашел выражение в современной исторической науке, политологии, общественных инициативах и мероприятиях как на региональном, федеральном (до 1991 года – всесоюзном), так и на международном уровне.

Этот процесс в его политическом аспекте был тесно взаимосвязан с начавшимся в эпоху перестройки и нараставшем к концу советской эры подъемом национальных движений тюркских народов. Каждое из них выдвигало свои требования, протекало в конкретных, неповторимо своеобразных обстоятельствах, часто совсем не похожих на то, происходило в других частях тюркского мира, где возникали свои проблемы, свои конфликты и драмы. Так, например, то, что пережил Азербайджан между 1987 – 1991 годами, включая

Янарсёнмеца о тюркской проблеме во внешней политике Турции и италяно-турецких отношениях в годы диктатуры Муссолини: Yanarsönmez Mesut. Türk Dış Politikasında İtalya (1923 – 1939 Türk-İtalyan ilişkileri) // Türk Dünyası Araştırmaları, 2000, Nr. 126. B. 19-34; а также публикации, освещающие положение турок в Германии, "маленькую Турцию" внутри Баварии и другие аспекты (см., например: Çelik Latif. Bavyera'da Türk Köyü // Tarih, 2001, Nr. 12 (180). B. 40-42).

кровавый январь 1990 года в Баку и последующее отторжение от республики почти трети ее территории, даже отдаленно не походило на течение жизни в те же самые годы в среднеазиатских республиках. Артикулированное активистами Татарского Общественного Центра стремление татарской общественности к "повышению статуса" республики (от автономной к союзной), потерявшее, впрочем, свою актуальность после распада СССР, если и имело параллели в других тюркских автономиях, добивавшихся большего суверенитета, то все же было особенным, отнюдь не зеркально похожим на то, что происходило в Башкортостане или Чувашии, Якутии или Туве. Задачи, которые приходилось решать в тот переломный период организованному крымскотатарскому национальному движению, возглавленному сначала (1987) Центральной Инициативной Группой, затем (1989) партией – Организацией крымскотатарского национального движения (ОКНД), наконец общенациональным съездом – Вторым Курултаем, состоявшимся через 74 года после созыва первого Курултая, в 1991 году, и созданным на этом съезде национальным самоуправлением – Милли-Меджлисом во главе с Мустафой Джемилевым, были совершенно исключительными по своей трудности (народ еще не вернулся после депортации из мест ссылки на свою историческую Родину – в Крым) и, конечно, отличались по форме и по сути от тех задач, которые в те же годы пыталось решить ногайское национальное движение "Бирлик", надеясь на создание единой территориальной автономии ногайского народа на Северном Кавказе, или карачаевское национальное движение "Джамагат", начавшее отчаянную борьбу за восстановление автономного Карачая (не соединенного административными узами с Черкесией), или балкарское национальное движение, провозгласившее своей целью отделение от Кабарды и создание Балкарской республики в составе Российской Федерации. Казалось, все тюркские движения были разделены, ограничены собственным кругом проблем, разведены по собственным национальным квартирам. Однако, это все же было не так, и не только потому, что в едином информационном пространстве страны не могло быть и речи об изоляции или полном неведении о том, что происходит у соседей. Тюркские движения подпитывали и взаимно стимулировали друг друга даже в тех случаях, когда они были очень различны по своим движущим силам и целям и не имели прямых, организационных связей друг с другом. Однако, и эти связи возникали, и взаимопомощь осуществлялась, и главное, каждое успешное национальное движение в тюркском мире в той или иной мере составляло вклад в общетюркское возрождение, способствовало укреплению широкой парадигмы пантюркизма, точно так же, как каждая национальная трагедия в этом мире находила отклик у других тюркских народов, способствовала

общетюркской мобилизации. Если в условиях тоталитарного режима было возможным уничтожение (геноцид, депортации, моральное унижение) тюркских народов поодиночке при подавленном молчании всех остальных и даже трусливом отречении от этих народов их собратьев, то в открытую перестройкой эпоху гласности и уже вполне возможного гражданского неповиновения при любом обострении политической, социальной, экологической, правовой, языковой или культурной ситуации в одной части тюркского мира все более свободно и решительно звучали голоса родственной поддержки, долетавшие порою издалека (например, из Баку и Казани в Алма-Ату, пережившую кошмар 1986 года; из Казани в Крым рубежа 1980-90-х годов; из Крыма в Азербайджан), выстраивался если не единый фронт, то для начала хрупкий ряд общетюркской солидарности, создавалась почва для возрождения пантюркизма на прогрессивных основах и традициях, восходящих к наследию Исмаила Гаспринского.

В то же время (и вся сложность исторического процесса заключалась в синхронном совпадении и переплетении противоположно направленных тенденций) выявлялись весьма сильные факторы, основанные и на объективных, и на субъективных обстоятельствах, противодействующие развитию пантюркизма в новых условиях. Окрепшие (значительно окрепшие по сравнению с тем, что было век тому назад, по всем экономическим, политическим и иным параметрам, включая эволюцию национального самосознания) национальные движения предпочитали ориентироваться на собственные силы и собственные, сепаратные цели, не слишком полагаясь на помощь других и не преувеличивая значение общетюркского "братства". Специально (более или менее успешно, с большими или меньшими издержками и трагическими последствиями) провоцируемые и разжигаемые конфликты внутри самой тюркской общности народов СССР разъедали концепцию тюркского единства. С трудом достигшие собственных целей (репатриации, суверенитета, независимости и т.п. – "каждому своё") национальные движения разных тюркских народов и правящие элиты тюркских республик не всегда хотели и не всегда могли взваливать на свои неокрепшие плечи заботу о других тюркских народах, вмешиваться во внутренние дела соседних государств, в границах которых эти народы оказались; да и между собой лидеры разных частей тюркского мира не всегда находили общий, в прямом и переносном смысле этого слова, язык.

К подробному описанию этих политических процессов, основанных на действии как центростремительных, так и центробежных сил одновременной тюркской консолидации и дезинтеграции мы еще вернемся далее.

Здесь же обратимся сначала к тем знаменательным событиям в

развитии общественной мысли (в исторической науке, политологической и этнологической теории, в публикациях, появившихся в российской печати), которые могут составить историографическую канву настоящего исследования и которые чрезвычайно показательны для меняющегося отношения к пантюркизму в научной литературе и публицистике.

В мае 1990 года газета "Правда" опубликовала результаты рассмотрения Прокуратурой СССР и Верховным судом материалов, связанных с реабилитацией лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности по делу, так называемой "султан-галиевской контрреволюционной организации". "Дело" это, как сообщал центральный орган еще правящей в стране КПСС, "возникшее на волне ... борьбы против "национал-уклонизма", было сфабриковано органами ОГПУ в конце 1928г. М. Султан-Галиев и другие 76 граждан ... были ложно обвинены в том, что принимали участие в контрреволюционной организации, ставившей своей задачей проведение террора и вооруженного восстания в стране. В действительности такой организации не существовало. Несмотря на это, по постановлениям коллегии ОГПУ, принятым в 1930 и 1931 гг., проходившие по этому делу лица подвергались лишению свободы и высылке, а позднее многие из них [...] были привлечены к более жестоким мерам наказания, вплоть до расстрела. Среди расстрелянных был и М. Султан-Галиев. Пленум ВС СССР отменил приговор военной коллегии ВС от 8 декабря 1939 г., по которому М. Султан-Галиев осуждался к высшей мере наказания, и дело на него прекратил за отсутствием состава преступления ..." ⁴⁴².

Казенные строки этого сообщения открыли плотину для публикаций современных татарских авторов, которые прежде всего ставили своей целью вернуть доброе имя своему соотечественнику, представить его как невинную жертву И.В. Сталина, положить конец многолетним инсинуациям, той фальсификации и вульгарной критике, которой подвергалась прежде "султангалиевщина". Среди таких публикаций следует прежде всего назвать научно-аналитический обзор А.В. Сагадеева "Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения" (1990) ⁴⁴³ и монографию Б.В.

⁴⁴² Цитировано по книге: Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 111-112.

⁴⁴³ Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. (Автор обзора А.В. Сагадеев). М., 1990.

Султанбекова "Первая жертва Генсека" (1991) ⁴⁴⁴. В 1992 году увидел свет сборник "Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы", в котором по крупицам собрана значительная часть его наследия ⁴⁴⁵. К этому добавилось множество статей в периодической печати Татарстана. Разрушая созданный в свое время сталинской пропагандой миф о Султан-Галиеве как "враге народа", авторы новых публикаций, однако, долгое время не решались последовательно реабилитировать ту линию его деятельности и теории, которую можно считать своеобразной советской версией пантюркизма. Главные их усилия были направлены на то, чтобы представить Султан-Галиева честным коммунистом, пламенным революционером, "патриархом" революционных движений стран "третьего мира", предтечей всей освободительной мысли угнетенных народов Востока, идеологом так называемого "мусульманского национального коммунизма", который предусматривал в первую очередь, освобождение угнетенных народов исламского ареала. Если о пантюркизме и заходила речь, то чаще всего это делалось для отрицания причастности Султан-Галиева к пантюркизму, в котором его, якобы, ни в коем случае нельзя "обвинять". Потребовалось немало времени для того, чтобы татарские историки и философы пришли к выводу о необходимости позитивной оценки прогрессивного пантюркизма и уже не смущенно, не с повинной головой, а с полным пониманием закономерности данного процесса вспомнили, как писал Д.М. Исхаков в своей статье "Свет одинокой звезды", "стремление М. Султан-Галиева создать Туранскую республику (вначале в рамках СССР) и Туранскую рабоче-крестьянскую социалистическую партию как правящую" ⁴⁴⁶.

Мы не случайно отмечали, что во всех этих случаях речь идет о книгах и статьях именно (почти исключительно) татарских авторов, о казанских изданиях 1990-х – начала 2000-х годов. Собственно русская наука, базирующаяся в академических институтах Москвы, Петербурга и других городов за пределами Татарстана, не спешила включиться в переосмысление и переоценку наследия М. Султан-Галиева даже после его политической реабилитации. Если идеологическим осуждением М. Султан-Галиева в свое время занималась сама Москва, не щадя издательских мощностей центральных органов печати и издательства,

⁴⁴⁴ Султанбеков Б.Ф. *Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время.* Казань, 1991.

⁴⁴⁵ Мирсаид Султан-Галиев. *Статьи, выступления, документы.* Казань, 1992.

⁴⁴⁶ Исхаков Д.М. *Свет одинокой звезды (размышления о судьбе татар)* // *Татарская нация: история и современность.* Казань, 2002. С. 182.

распространяя свои проклятия в адрес "султангалиевщины" на всю страну, то научный пересмотр проблем, связанных с наследием М. Султан-Галиева, вроде как бы было решено считать "внутренним делом" Татарстана, что само по себе свидетельствует о недостаточной последовательности и глубине "перестройки" российской исторической науки.

Шел уже 1989-й год, а в московских институтах соискатели ученых степеней в области исторических и философских наук еще выходили на защиту с такими диссертациями (и успешно защищали их!), как "Идеология буржуазного национализма в республиканской Турции: генезис и роль в политической борьбе" Л.Г. Дерлугьяна и "Критика современного пантюркизма" В.А. Надеина-Раевского. В них повторялись и пережевывались безнадежно устаревшие дефиниции, излагались основанные на примитивном "классовом" подходе к "идеологической настройке" представления (Л.Г.Дерлугьян: "Реакционная национальная политика младотурецкого правительства, представляющая собой практическое воплощение доктрины пантюркизма, - отмечает автор, - была закономерной реакцией турецкой буржуазии, [...] стремящейся сохранить свое господство и одновременно ликвидировать конкуренцию инонационального капитала" ⁴⁴⁷) и на весь пантюркизм навешивались обличительные ярлыки (В.А.Надеин-Раевский: "Современный пантюркизм стал составной частью программных установок Партии националистического движения, лидер которой Альпарслан Тюркеш сумел объединить под идеей создания "Великого Турана", на базе крайнего шовинизма и расизма, неприятия всего "нетурецкого", с популистскими лозунгами мелкобуржуазных "революционеров", создав, тем самым, современную неофашистскую доктрину" ⁴⁴⁸; "[...] Процесс превращения пантюркизма в неофашистскую доктрину можно считать завершенным" ⁴⁴⁹).

Если бы такого рода диссертациями исчерпывалось исследование проблемы пантюркизма в отечественной науке рубежа 1980-90-х годов и последующего десятилетия, можно было бы с горечью воскликнуть: "А воз и ныне там!". Однако, этот воз,

⁴⁴⁷ Дерлугьян Л.Г. *Идеология буржуазного национализма в Республиканской Турции: Генезис и роль в политической борьбе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989. С. 52.*

⁴⁴⁸ Надеин-Раевский В.А. *Критика современного пантюркизма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М. 1989. С. 148.*

⁴⁴⁹ Там же. С. 152-153.

перегруженный предрассудками, стереотипами, штампами прошлых десятилетий, все же постепенно приходил в движение, освобождаясь от старого идеологического хлама. Отношение к пантюркизму менялось, и эти изменения происходили одновременно в общественной жизни, в политике и в науке, исследующей и оценивающей прежние доктрины и современные процессы, при этом расстояние между "словом" и "делом" все более сокращалось, научные мероприятия политизировались, а политические действия и решения обретали научное обоснование.

Данная ситуация характерна и для 1990-х, и для начала 2000-х годов.

В библиотеках российских университетов, на книжных полках ученых, работающих в странах СНГ, еще стоят не потерявшие своей содержательной актуальности философские словари, политологические справочники и монографии не слишком уж большой хронологической давности, в которых грозному проклятию и категорическому ostrакизму подвергается само понятие "тюркизм" (иногда полностью поглощенное термином "пантюркизм", иногда робко от последнего отделенное и позволяющее предположить, что "пантюркизм" – совсем страшное идеологическое преступление, а "тюркизм" – тоже грех, заблуждение и ересь, но все же поменьше)⁴⁵⁰.

Но сегодня на тех же полках уже появляются и обретают научную легитимность, подтверждаемую и академическим грифом на книгах, и присуждением ученых степеней за диссертации соискателей, издания иного типа, напоминающие о рациональном ядре идеологии тюркизма, о различных тюркизмах "либерального" и "реакционного", об историографическом богатстве отечественной и зарубежной литературы, исследовавшей феномен тюркизма на протяжении 20 века, а также манифесты обновленного современного тюркизма, будь то программы и декларации молодых организаций, речи лидеров⁴⁵⁰ или аналитические обзоры и исторические обобщения⁴⁵¹. Не только

⁴⁵⁰ См., например, речь профессора Турана Язгана на 4-м Курултае Ассамблеи тюркских народов в Измире 26 августа 1997 года (на русском языке опубликована полностью в московской газете "Заман" ("Время"), издателем которой является межрегиональная общественная организация "Лига казачевского народа": 1998, № 1 (4), февраль. С. 2-3.).

⁴⁵¹ Среди них – книга одного из основоположников движения тюркизма в современной России Рафаэля Мухамметдинова (Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская*

классические работы идеологов тюркизма начала и середины 20 века и его позднейших интерпретаторов, но и исторические сочинения авторов, пользовавшихся понятием "тюрки" для определения цельного культурного или политического феномена, извлекаются из забвения, претерпевают новые издания и переводы, обретают популярность среди читателей⁴⁵² особенно чуткого к этим нюансам тюркского мира бывшего СССР.

Тюркизм (или "пантюркизм") становится предметом повышенного интереса, темой научных исследований, реальным фактором общественно-политической жизни в России и других республиках СНГ – наследниках бывшего Советского Союза.

Особое значение тюркизм как идеология и практика сближения, политического единения и солидарности тюркских народов в национально-освободительной борьбе приобретает для тех этносов, национальных групп и меньшинств, чьи права ущемляются, чьи надежды на свободное самоопределение, на восстановление своей государственности, далеки от воплощения в жизнь. Прежде всего это касается депортированных при сталинском режиме народов (а как известно, среди всех депортированных в 1940-х годах в СССР преобладали именно тюркские народы, вызывавшие у коммунистического режима особую подозрительность и раздражение). Карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, пережившие трагедию массовых депортаций, до сих пор в полной мере не восстановлены в своих политических, социальных, моральных правах, и развивающиеся контакты, крепнущая солидарность между этими народами, в том числе и на платформе тюркизма, позволяет

империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, 1996). В 1999 году она была издана в Стамбуле в переводе на турецкий язык.

⁴⁵² *Престижными направлениями современной исторической науки в "тюркских" республиках России становятся исследования в области тюркской общности, тюркского этногенеза, тюркской истории и культуры. Назовем в качестве примеров такого рода исследований книги: К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993; Х.Х. Биджиев. Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. Это воспринимается как новое веяние, поскольку в советской подцензурной исторической литературе было весьма проблематичным даже вынесение эпитета "тюркский" в название работы, если, разумеется, речь не шла о "враждебных идеологических вылазках пантюркистов".*

каждому из них ощутить братскую помощь далеких и близких "сородичей", усиливает позиции отдельных национальных движений. Даже если согласиться с теми, кто скептически считает идею общетюркского единения (так же, впрочем, как финно-угорского, славянского и любого иного "суперэтнического" конгломерата, выстроенного на базе лингвокультурной общности, принадлежности народов к одной языковой группе или семье) современным политическим мифом, надо признать, что сам по себе этот романтический миф, обретая плоть и кровь исторических реалий, активных действий, вызывая сильнейшие эмоции и формируя убеждения уже не одиночек, а широких масс, становится общественной силой, с которой нельзя не считаться.

Один лишь политический аспект, определяемый программами различных национальных движений тюркских народов и сложными, порой драматичными взаимоотношениями этих народов с "Центром" (в условиях России – с Москвой, но данная парадигма может повториться и во взаимоотношениях крымских татар с Киевом, турок-месхетинцев с Тбилиси, этнических узбеков Таджикистана с официальным Душанбе, уйгур – с Пекином), наглядно убеждает в том, что с отелными, еще по-прежнему угнетенными, не реабилитированными в своих правах малыми тюркскими народами и этническими группами может справиться без труда даже дающая заметные сбои и имеющая явные следы коррозии старая машина имперского военно-политического насилия. С гигантским, вновь провозгласившим доктрину своей солидарности ("Единство в языке, вере, мыслях и делах") тюркским миром ослабевшая Российская Федерация (как и Украина, Грузия и любая посткоммунистическая держава), если она вступит с ним в конфронтацию, справиться уже не сможет.

Возрождение пантюркизма в современном тюркском мире Евразии, на развалинах СССР, – это одновременно миф и реальность. Ни в коем случае не следует переоценивать действенную силу этой идеологии, масштабы ее распространения, глубину ее проникновения в массовое сознание, результативность практической деятельности, направленной на сплочение всех тюркских народов. Хрупкие институты тюркского объединения, возникшие в конце 1980-х – в 1990-х годах, не прошли серьезного испытания на прочность. Некоторые из них практически уже распались, их деятельность сошла на нет, другие существуют чисто номинально, их функции реализуются на уровне намерений и деклараций, не имеющих серьезного влияния ни на международную политику, ни на внутреннюю социальную организацию, культуру и духовную жизнь тюркских обществ. За этими институтами нет серьезной финансовой, а тем более государственной поддержки. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что "ни

мощность финансово-материальной базы, на которую могли бы опереться современные идеологи тюркизма за рубежом и внутри Российской Федерации, ни степень активной мобилизации масс, вдохновленных идеями тюркизма, не следует преувеличивать. Все здесь довольно хрупко, многие институты находятся только в стадии становления, а декларации силы и единства "великого" тюркского мира, если они исходят от идеологов тюркизма, нередко выдают желаемое за действительное, а если они формулируются противниками тюркизма, используются как жупел для устрашения славян и христиан, причем за разговорами о "тюркской угрозе" и "подпитке" ее какими-то тайными, гигантскими ассигнованиями много откровенных спекуляций и преувеличений, за которыми нет документального обоснования и серьезного анализа реального расклада сил на международной арене и внутри России"⁴⁵³.

Существенным отличием современного пантюркизма в России от ранних этапов его развития в дореволюционной Российской империи заключается в отрыве этой идеологии от ислама и в религиозной дезинтеграции тюркской общности. Классический тюркизм ("пантюркизм") формировался в конце 19 – начале 20 веков на основе триады, сформулированной Исмаилом Гаспринским "Единство в языке, делах и вере". Правда, последнюю составляющую этой триады трактовали (и переводили на разные языки мира) в более многозначном смысле – не как "вера" (религиозная вера), а как общее мировоззрение, мысли, идеи: "Единство в языке, делах и мыслях". Так или иначе, идеология тюркизма изначально предполагала духовное единство представителей тюркской общности, их солидарность и взаимопонимание отнюдь не только на основе языковой близости и этнокультурного сходства, но на базе общих мировоззренческих ориентиров, поведенческих норм, нравственных постулатов, что практически означало единство веры – принадлежность тюркских народов к исламу, главным образом, к исламу суннитского направления. Разумеется, и во времена Гаспринского не все тюрки были мусульманами, и сам он отлично знал, что близкие ему, крымскому татарину, по языку и месту проживания крымчаки являются иудаистами, караймы исповедуют караймизм, а обитающие в дальних регионах Поволжья, Урала, Сибири, Центральной, Северной и Восточной Азии народы и племена (тоже "тюрки") могут оказаться

⁴⁵³ Swetlana Tscherronnaja. *Die Karatschaier und Balkaren im Nordkaukasus. Konflikte und ungelöste Probleme. (Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 32-1999). Köln, 1999. S. 8.*

язычниками, христианами или буддистами. Но для идеологии и практики тюркизма конца 19-го – начала 20 века наличие на Земле малого или даже большого количества людей тюркской языковой общности, не принадлежащих миру ислама, не имело существенного значения. Все концептуальные положения тюркизма (пантюркизма) были адресованы тюркам-мусульманам. Границы того мира, внутреннюю цельность которого формировали и пропагандировали идеологи тюркизма, проходили по ареалам тюрко-исламской общности, не включая в этот мир ни тех, кто не был тюрками, ни тех, кто не был мусульманами. Неслучайно тюркизм (пантюркизм) и возник, и развивался в постоянном тандеме с исламом (панисламом), и даже беспощадная советская критика, которая должна была обеспечить идеологический разгром этих течений общественной мысли и этих движений, всегда ставила их рядом. Было понятно, что тюркизм ставит лишь более сильный акцент на тюркской (языковой, этнической, "кровной") общности, исламизм – на общности мусульманской, на "единстве в вере", но речь не шла о тюркском единении вне единения мусульманского.

К концу 20 века ситуация изменилась, и возрождение тюркизма в 1980-90-х годах как в СССР и в постсоветском пространстве, так и за пределами бывшего СССР (с опорной базой в Турции) происходило без обязательной жесткой привязки к исламскому возрождению. Много обстоятельств способствовало этому расхождению путей развития нового, современного тюркизма и исламизма. Среди них – и колоссальный прогресс общечеловеческой культурной секуляризации, десакрализация политических движений и партий, успехи атеистической пропаганды (к началу "перестройки" в СССР сотни тысяч советских граждан тюркского происхождения и исламского исторического ареала не были и не чувствовали себя верующими мусульманами), заложенная еще Мустафой Кемалем Ататюрком структурная перестройка всей общественной жизни Турции, которая давно стала светским демократическим государством и ни в коей мере не была тем исламским султанатом, на который турки конца 19 – начала 20 веков могли ориентироваться. В самом Советском Союзе, где начиналось в конце 1980-х годов возрождение тюркизма, некоторые тюркские народы, не имеющие в своей истории и культуре исламского прошлого, играли теперь несравненно большую роль, чем их предки и предшественники столетней давности, и именно эта роль (в частности, чувашей, якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов), предопределенная демографическими, экономическими факторами, культурными сдвигами, особенностями геополитического положения (причем не только позитивными моментами, но и критическими, драматическими ситуациями, привлекающими к ним общественное внимание) не

позволяла игнорировать их весьма весомое присутствие в современном тюркском мире, в новейшей отечественной истории. Поэтому возрождавшийся тюркизм, стремившийся опереться на весь этот тюркский мир, привести в движение все его силы, уже не мог иметь мусульманской окраски и ориентации – ни в качестве единственной, ни в качестве преобладающей конфессиональной направленности. Однако именно это отсутствие общей веры, – при том, что образовавшийся вакуум не заполнялся какой-либо иной достаточно эффективной и популярной идеологией, – грозило движению тюркизма, оборачивалось его слабостью. Из "трех китов", на которых держался классический тюркизм ("единство в языке, делах и вере/ или в мыслях"), третья, важная точка опоры оказалась утраченной, ибо не было больше единства в вере, и не могло быть единства в мыслях у людей, поклонявшихся разным богам или вовсе не признававших над собой единого Бога.

История организационного оформления возрождающегося тюркизма восходит к проведению Первого съезда народов Востока СССР, созванного по инициативе известного казахского поэта и общественного деятеля Олжаса Сулейменова летом 1990 года в Москве. Даже в названии этого съезда первоначально никак не была обозначена идея общетюркского единения (в сознании людей еще сохранялся чудовищный фантом созданного советской пропагандой, опасного "пантюркизма", и сказывались воспитанный десятилетиями беспощадного террора страх, компрометация самого понятия, ощущение невозможности открыто выступить под знаменем общетюркской солидарности). Однако реальное содержание работы этого съезда, подготовку к которому возглавили казахские и татарские активисты (Олжас Сулейменов, Алмаз Естеков, Марат Мулюков и другие), да и состав его делегатов, среди которых преобладали казахи, узбеки, азербайджанцы, казанские и крымские татары, башкиры, кумыки, карачаевцы, балкарцы, якуты, чуваша, гагаузы (в то время как представители нетюркских народов Востока, в частности, осетины и чеченцы, были в меньшинстве), позволяют считать этот съезд фактически первым съездом тогда еще не существующей Ассамблеи Тюркских Народов (АТН).

Проверкой общетюркской солидарности на этом съезде стало единодушно поддержанное требование делегации из Татарстана о придании Татарской АССР статуса союзной республики (борьба за повышение статуса, за преобразование Татарстана из автономной республики в союзную красной нитью проходит через всю историю татарского национального движения конца 1980-х – начала 1990-х годов; до реализации этой идеи, может быть, не хватило последнего волевого усилия или последнего месяца перед распадом СССР; в новых

условиях, когда Татарстан оказался в составе независимого Российского государства, исключившего из своей Конституции право выхода из его состава субъектов Федерации, эта реализация стала уже невозможной). Важным было то, что чисто национальная проблема, затрагивающая статус Татарстана и до сих пор, казалось, волновавшая только татар, стала на Первом Съезде народов Востока предметом общей боли, заботы, гражданской инициативы и защиты со стороны всех тюркских народов, фактически пробным камнем их крепнущей солидарности.

Съезд провозгласил создание Ассамблеи народов Востока (до преобразования ее в Ассамблею Тюркских Народов должно было пройти еще девять месяцев – это стало возможным лишь в апреле 1991 года), декларировал необходимость сотрудничества национально-демократических организаций, наметил формы координации их деятельности в сфере развития языков и культур. И хотя формально во всех документах съезда речь шла о языках и культурах "народов Востока СССР", имелись в виду прежде всего тюркские языки и культуры, так что уже первый съезд начал действовать как орган общетюркского общественного движения, еще не решавшегося назвать "тюркизм" своим знаменем, своей идеологией.

К этому решению уже вплотную подошли участники состоявшейся в начале сентября 1990 года в одной из ленинградских гостиниц неофициальной встречи, представлявшие тюркские общественные организации и народы, съехавшиеся сюда на Международную конференцию по правам человека "Вильнюс – Ленинград 1990". Было решено созвать первое совещание, или съезд тюркских народов Советского Союза, и председателем-координатором, возглавившим подготовку этого съезда, был избран татарский ученый, научный сотрудник казанского Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова, в прошлом выпускник Восточного факультета Ленинградского университета, горячий энтузиаст татарского и общетюркского возрождения, в то время председатель весьма радикальной Татарской партии национальной независимости "Иттифак" Рафаэль Мухамметдинов.

Следующим важнейшим событием, приблизившим организационное оформление движения тюркизма и фактически впервые снявшим с самого понятия тюркизма много лет тяготевшие над ним запреты и идеологические заклęcia, стала состоявшаяся в марте 1991 года в Симферополе под эгидой ЮНЕСКО Международная научная конференция, посвященная 140-й годовщине со дня рождения Исмаила Гаспринского ⁴⁵⁴. Официальный характер этой конференции,

⁴⁵⁴ См. подробный отчет об этой конференции и анализ ее материалов в статье: Червонная С.М. "Исмаил Гаспринский – выдающийся

возглавленной партийным и советским руководством недавно воссозданной Крымской АССР, и ее международный масштаб обеспечили легитимность и необратимость той, наконец, состоявшейся полной общественной реабилитации, которая естественно касалась и личности Гаспринского, и его литературного и научного наследия, и его педагогического метода, и его главного детища – общетюркской российской газеты "Тэрджиман", и всей его деятельности, важнейшей составной частью которой было идеологическое обеспечение либерального пантюркизма и панисламизма. Тюркизм переставал быть жупелом, устрашающим советских людей.

В апреле 1991 года, когда в Казань съехались делегаты Второго съезда Ассамблеи народов Востока, уже при обсуждении повестки дня встал вопрос о переименовании съезда и организации, о преобразовании ее в Ассамблею Тюркских Народов СССР. Это предложение было принято большинством голосов (представителей нетюркских народов на этом съезде не было), и таким образом, проведенная под руководством Председателя Татарского общественного Центра (ТОЦ) Марата Мулюкова подготовка к этому съезду и проведенная под руководством Председателя Татарской партии национальной независимости "Иттифак" Рафаэля Мухамметдинова подготовка к первому съезду тюркских народов дали общий эффективный результат, оба русла слились в одно, и съезд Ассамблеи Тюркских Народов состоялся в Казани 19-21 апреля 1991 года (официально он назывался Вторым съездом, ибо отсчет велся от Первого съезда Ассамблеи народов Востока 1990 года).

В работе съезда приняли участие представители 42-х организаций (движений, политических партий, культурных объединений) тюркских народов СССР, причем казанские татары, взявшие на себя главную роль в возрождении движения тюркизма, были представлены 19-ю организациями, узбеки – шестью, азербайджанцы – тремя, казахи, башкиры и якуты имели по две организации, остальные тюркские народы – по одной ⁴⁵⁵.

Съезд принял 20 резолюций, 9 обращений и важнейшие документы – Программу и Устав АТН, определившие принципы

крымскотатарский просветитель и гуманист" // Этнографическое обозрение, 1992, № 1. С. 158-165.

⁴⁵⁵ Эти данные приводятся в книге: Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 233.*

тюркизма, цели и методы общественного движения. Председателем АТН был избран Рафаэль Мухамметдинов.

В качестве гостя на съезд был приглашен Секретарь Посольства Турции в СССР Эрхан Озсой, и это был едва ли не первый демонстративный жест, обозначивший стремление лидеров движения тюркизма к политическому выходу за пределы СССР, к установлению контактов с Турцией. Уже с осени 1991 года (18-20 ноября в Стамбуле состоялся первый научный симпозиум, организованный Институтом тюркологических исследований Мраморного университета при финансовой поддержке Фонда по исследованию и развитию тюркской культуры "Тек-Есин", посвященный созданию основы унифицированных латинских алфавитов тюркских языков) эти контакты стали систематическими и постоянными, и в кругах турецкой политической, финансовой и научной элиты выявились фигуры (Президент Фонда по изучению тюркского мира профессор Туран Язган, профессор Института тюркологических исследований Мраморного университета Надир Девлет и другие), активно участвующие в общем движении тюркизма, оказывающие ему моральную и материальную поддержку, тесно связанные с лидерами АТН, которая до конца 1991 года еще считалась и называлась Ассоциацией Тюркских Народов СССР.

С распадом Советского Союза стали неизбежны структурные преобразования АТН, обновление ее Программы (2-я Программа АТН была принята на Третьем съезде в Чебоксарах в сентябре 1993 года), изменение форм ее деятельности. С одной стороны, она безусловно могла претендовать теперь на роль Международной организации, объединяющей тюркские народы Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. И то, что на третьем съезде АТН присутствовали делегации Азербайджана, Турции, Турецкой Кипрской республики, Узбекистана и тюркских народов из других независимых государств, как будто бы наглядно убеждало в росте престижа АТН и расширении интернационального поля ее влияния. Но с другой стороны, созданная и выпестованная прежде всего лидерами татарского национального движения, АТН оставалась и в новых условиях организацией не столько всемирного, сколько межрегионального уровня. Ее подход к проблемам тюркского мира был предопределен менталитетом, интересами, положением тюркских народов, находившихся в бывшем СССР и теперь оказавшихся в составе Российской Федерации. Неслучайно авторами 1-й, и 2-й Программы АТН были исключительно казанские татары (в первом случае в более расширенном авторском коллективе: Рафаэль Мухамметдинов, Рашид Амирханов, Рафаэль Хакимов, Рифат Садыков; во втором случае – более узкая группа: Рафаэль Мухамметдинов и Рашид Амирханов), представители других тюркских

народов в разработке этой Программы не участвовали, и хотя обе Программы были приняты на съездах АТН большинством голосов, они не были и не могли быть в полной мере согласованы с теми конкретными (слишком различными) задачами, перед которыми оказались в новых условиях, скажем для примера, азербайджанцы независимого Азербайджана, втянутого в войну с Арменией, узбеки независимого Узбекистана, все более погружавшегося в тень полуфеодальной-полукоммунистической диктатуры, крымские татары, уже вернувшиеся и еще не вернувшиеся на свою историческую Родину – Крым, становившийся яблоком раздора между Россией и Украиной, татары, составляющие большинство населения уверенно защитившего свой внутренний суверенитет Татарстана, или балкарцы, по-прежнему составляющие бесправное и угнетенное меньшинство Кабардино-Балкарии, ведущие отчаянную и неравную борьбу за свои права. Ограниченная казанско-татарская "оптика" политического видения и мышления лидеров АТН не позволяла этой организации стать "своей" для всех тюркских народов и взять на себя роль единственного, универсального лидера и организатора всего движения тюркизма.

В этом отношении не могла помочь делу и система ротации руководства АТН, обеспеченная последовательными выборами на очередных съездах новых председателей – представителей разных тюркских народов (на Третьем съезде в Чебоксарах в 1993 году Председателем АТН был избран чуваш Вячеслав Тимофеев, а на Четвертом съезде, проходившем 25 августа – 1 сентября 1997 года в Турции, в Измире, его сменил на этом посту крымский татарин Ильми Умеров). Интерес к деятельности АТН проявляли не все тюркские народы, а некоторые из них уже не могли (как, например, туркмены) или не хотели, имея иные установки собственных национальных движений (как, например, тувинцы или башкиры), участвовать в ее деятельности.

Можно сказать, что АТН теряла прежнюю свою активность, энергию и монополию на руководство движением и на разработку теоретической платформы современного тюркизма: съезды ее собирались все реже, манифесты утрачивали радикальность и грозную звучность, сотрясавшую основы позднего советского режима. Но в этом процессе выявлялась и обратная сторона. Разбуженный, вернувшийся в мир в конце 20 века, обновленный и модернизированный тюркизм жил уже независимо от самочувствия организации, бывшей его первой колыбелью и легальной структурой.

К середине 1990-х годов стало ясно, что отнюдь не только АТН с ее съездами-курултаями и совещаниями лидеров (оперативной формой управления между съездами), но и многие другие институты, организации, различным образом оформленные проекты и инициативы

разного профиля, разного происхождения, разного статуса и масштаба, разных адресов не безосновательно претендуют на объединение единомышленников, вдохновленных идеями тюркизма, на научное наполнение и практическое претворение этих идей, на расширение международного сотрудничества и углубление тюркского единения в различных измерениях – от глобального до локальных.

Собственно, и на первых порах АТН не была единственной организацией, способствующей развитию тюркизма. Она охотно выступала в союзе с международными демократическими организациями, использовала их "крышу", принимала совместные с ними решения, направленные на укрепление сотрудничества тюркских народов. Вспомним, что еще в сентябре 1990 года важнейшие решения по подготовке съезда тюркских народов принимались в ходе Международной конференции по правам человека "Вильнюс – Ленинград 1990". Еще более важным оказалось участие лидеров АТН в работе Международного Конгресса по правам человека в столице Казахстана Алма-Ате 17-18 декабря 1991 года, состоявшегося в переломный для истории уже обреченного Советского Союза период. Именно на этом Конгрессе было принято программное "Обращение" к Президентам Казахстана, Азербайджана и Республик Средней Азии с предложением создания Содружества Тюркских Государств (СТГ), которое могло бы, наряду с Балтийской Ассамблеей, определить совершенно иную перспективу постсоветской интеграции, нежели аморфная, бездарная система СНГ.

С 1992 года начала формироваться своеобразная фракция тюркских общественных организаций в Федеральном Союзе народов Европы, имеющим консультативный статус при Евросовете и ООН. Первым (из бывшего СССР и из всего тюркского мира) в его состав – на Конгрессе народов Европы в Котбусе в мае 1992 года – был принят Меджлис крымскотатарского народа, через год (на Конгрессе 1993 года во Фленсбурге) – демократическая организация карачаевского народа "Джамагат", в 1994 году (на Конгрессе в Данциге) – Национальный Совет балкарского народа и Союз польских татар, в 1995 году (на Конгрессе в Сан-Моритце в Швейцарии) – межрегиональное объединение ногайского народа "Бирлик", в 1996 году (на Конгрессе в Темишоаре, в Румынии) – международное общество турок-месхетинцев "Ватан", в 2000 году (на Конгрессе в Комарно, Словакия) – объединение турок-месхетинцев "Ватан" в Азербайджане. Это мощное (и заметим в скобках, далеко не случайное) представительство в ФСНЕ тюркских делегаций, действующих, как правило, по всем принципиальным вопросам солидарно, обеспечило необходимый в некоторых случаях противовес греко-славянской солидарности и повышенное внимание к болевым точкам и нерешенным проблемам тюркского мира на

ежегодных конгрессах народов Европы.

В 1990-х годах число организаций, в той или иной мере участвующих в развитии тюркизма, претендующих на идейное руководство этим движением, более или менее активно и последовательно поддерживающих его или включающих его наряду с другими общественными движениями в свою деятельность, измерялось уже десятками, причем престиж этих организаций, история их создания, национально-географическая привязка к той или иной стране, содержание их деятельности и их цели были настолько различны, что даже затруднительно выстроить какой-либо четкий ряд и представить цельную картину их функционирования. Среди них были организации "взрослые" и молодежные (Международное объединение тюркской молодежи – МОТМ, имевшее свои опорные пункты – офисы Исполкома – в Казани и Набережных Челнах); "конституированные" (имеющие свой устав, постоянное название, зарегистрированные Министерством юстиции той или иной страны) и неуловимые, как "летучий голландец", нигде официально не зафиксированные, существующие то ли нелегально, то ли в виде несостоявшегося намерения, то ли в виде единичной, хотя порою и очень существенной, инициативы; сосредоточенные в тюркских регионах Российской Федерации, в новых независимых государствах, в Турции, в других странах, в частности, в Германии (где сложилась широкая сеть "Тюрк-Ислам Бирлиги" – "Тюрко-исламских объединений"), в Соединенных Штатах Америки; имеющие давнюю историю⁴⁵⁶ и возникшие совсем недавно; массовые и очень немногочисленные по своему составу, ограниченные узким кругом одиночек-энтузиастов, проповедующих идеи тюркизма. Некоторые из этих организаций (и не оформившихся в организации выступлений) носили политический характер, при этом то политическое содержание, которое пытались придать тюркизму лидеры и идеологи разной ориентации, было далеко неоднозначным. Так, руководство АТН видело политическую цель движения тюркизма (о чем наглядно свидетельствуют и первая, и вторая Программы АТН) в решительном противодействии имперским силам, исходящим из российского "Центра", в борьбе против российской "державности", в конечном освобождении всего тюркского мира из-под российского

⁴⁵⁶ В США уже с 1979 года регулярно проходили различные акции Ассамблеи тюрко-американских ассоциаций (АТАА). Однако только с начала 1990-х годов эта деятельность, прежде отрезанная "железным занавесом" и даже неизвестная тюркским народам СССР, становится сопричастной движению тюркизма в постсоветском пространстве.

протектората, в каких бы формах последний ни осуществлялся, в достижении независимости всех тюркских государств от России и в создании их тесного политического союза – Содружества Тюркских государств. В то же время и внутри АТН, и вне ее формальных структур было немало сторонников тюркизма, склонных трактовать его сущность и политическую направленность в духе либеральных и конформистских (еще по отношению к царской России) установок Исмаила Гаспринского, готовых искать компромисс с российской властью (старым советским и новым, "ельцинским" и "путинским" руководством), осуждающих сепаратизм и верящих в возможность и необходимость духовного союза и государственного объединения между тюркским и восточнославянским миром.

В середине 1990-х годов концепцию тюркизма попытались взять на свое вооружение российские власти, поручившие своим чиновникам из бывшего Министерства по делам национальностей (его название и руководство постоянно менялись) подготовку и проведение Съезда тюркских народов России – съезда, который по их замыслу должен был стать флагом лояльного к российскому государству тюркизма, демонстрацией общетюркского единства во имя поддержки кремлевской политики.

В преддверии съезда началась разработка Государственной программы Российской Федерации "Возрождение и развитие тюркских народов России". К этой работе были привлечены не только московские чиновники, но и некоторые видные специалисты – этнологи, историки, социологи, тюркологи различных научных направлений – из республик Российской Федерации. Характерным памятником тех надежд, которые связывали некоторые представители научной интеллигенции из тюркских народов и республик с этой Программой, с государственной помощью Российской Федерации тюркским народам, может служить проект, разработанный в 1994 году в Уфе на кафедре социологии Башкирского государственного университета ⁴⁵⁷. Согласно этому проекту, концепция будущей Программы, базирующаяся на основополагающих идеях таких документов, как Устав ООН, Всеобщая Декларация прав человека, Хельсинский Заключительный акт, Конституция Российской Федерации и ее законы, должна была отвечать таким задачам и целям, как "создание максимальных условий для этнического возрождения и развития тюркских народов; содействие тюркским народам в реализации права на самоопределение и в осуществлении принципа равенства народов и граждан всех

⁴⁵⁷ Концепция Государственной программы Российской Федерации "Возрождение и развитие тюркских народов России". Проект (Автор – Дж.М. Гилязетдинов). Уфа – Москва, 1994.

национальностей; оказание помощи тюркским народам России в выполнении своего национального долга перед этническими группами, живущими за пределами своего основного этнического массива [...], в осуществлении многостороннего сотрудничества с тюркскими народами стран СНГ, Прибалтики и дальнего зарубежья..."⁴⁵⁸. Даже тени этих намерений не осталось в выхолощенных итоговых документах, подготовленных чиновниками Министерства к съезду тюркских народов. Съезд состоялся в 1995 году в обстановке внешней парадности, внутренней пустоты. Трибуна была предоставлена ораторам, главным образом, из числа старой коммунистической и советской номенклатуры автономных областей и республик и нового, послушного Кремлю депутатского корпуса, которые соревновались друг с другом в выражении верноподданических настроений по отношению к центральной власти. Об истинных проблемах и драмах тюркских народов России в такой обстановке вести речь было трудно. Попытки сказать что-либо заранее не согласованное с хозяевами съезда (например, предложение выразить солидарность с чеченским народом и потребовать прекращения войны в Чечне) грубо пресекались. Тем не менее даже этот контролируемый съезд не только не удовлетворил заказчиков данного политического шоу, но встревожил их перспективами возможного тюркского единения. Можно сказать, что в целом эта затея провалилась, во всяком случае от дальнейшего проведения тюркских съездов Москва отказалась, и свою энергию бывший Министр по делам национальностей Рамазан Абдулатипов во второй половине 1990-х годов направил на создание Ассамблеи народов России, полагая, что управлять такой гетерогенной организацией будет значительно легче, нежели иметь дело с выборными органами тюркских съездов. Однако, сам по себе опыт проведения этого съезда показателен, ибо дает представление о том, насколько широк разброс политических ориентиров и целей так или иначе организованного, современного тюркизма – от решительного противостояния российской державе до послушного и раболепного служения ей. Столь же велики различия в социально-политических программах различных организаций, декларирующих свою причастность к объединительной идеологии тюркизма, и в тех случаях, когда отношения с Россией отступают для лидеров этих организаций на второй план перед более важными для них целями глобальной (мировой, европейской) или национальной (внутри различных независимых государств Евразии) политики.

Сегодня среди активистов, разделяющих идеологию тюркизма и проповедующих ее в разных странах Европы, Азии и Америки, можно

⁴⁵⁸ Там же. С. 4-5.

встретить и последовательных демократов, даже "радикальных" демократов, близких в России к Демократическому Союзу Валерии Новодворской, и людей, недалеко ушедших от стереотипов коммунистической пропаганды, и умеренных либералов, и воинствующих националистов, и вместе с этим круто меняющимся политическим вектором настроений различным оказывается их культурный и духовный потенциал – в широком диапазоне от прогрессивного современного мышления до консерватизма, обскурантизма и фанатизма различной окраски.

Наряду с тюркизмом политической направленности развивается, если можно так сказать, культурный тюркизм, декларирующий свою аполитичность, концентрирующий все усилия на просветительской деятельности, на научной разработке проблем тюркских языков и алфавитов, тюркского исторического прошлого, художественного наследия, современного творчества народов тюркского мира. В этом случае мы имеем дело со своеобразным общественным движением, обеспечивающим моральную и финансовую поддержку различных научных направлений тюркологии, издательской деятельности, педагогической работы по подготовке специалистов-тюркологов, по обмену кадрами ученых внутри тюркского мира.

Впрочем, "чисто" просветительскую, научную, культурную деятельность порою не так уж просто отделить от политической работы и вычленить из политической программы тюркизма, поскольку тюркизм придает этой культурной деятельности ангажированный характер. Археологи, исследователи архитектуры, искусствоведы, филологи и лингвисты не просто занимаются древними памятниками тюркской культуры и письменности, историки и этнографы не просто исследуют процессы этногенеза, этнической и государственной истории тюркских народов, но воодушевлены при этом сверхзадачей утверждения особой, исключительной ценности, автохтонности и порою явно преувеличенной древности, тюркских культурных приоритетов в любом региональном и континентальном контексте. Пафос защиты и открытия ценностей тюркских культур, вполне понятный в постсоветском историческом ракурсе, с учетом того, как долго, упорно и предвзято эти ценности в советской науке игнорировались, как глубоко фальсифицировались здесь целые эпохи расцвета тюркских культур (например, вся история Золотой Орды), какое актуальное и непосредственное значение для современного положения народов обретали выводы, касающиеся их происхождения и времени появления в том или ином регионе (например, на территории Нагорного Карабаха для азербайджанцев, в Крыму для крымских татар и т.п.), все же неизбежно оборачивался политическими спекуляциями, в конечном итоге наносящими ущерб и науке, и самой идее тюркизма.

Это было особенно очевидно в различных сочинениях, выступлениях и публицистических опусах дилетантского характера, например, в довольно популярных, но совершенно несостоятельных, псевдоисторических "трудах" Мурада Аджиева⁴⁵⁹ или в таких "исследованиях" с заранее декларированным итогом, как книга А.М. Байрамкулова "Карачаево-балкарскому народу – 2000 лет"⁴⁶⁰ (вероятно, сейчас, через семь лет после выхода в свет этой книги, уже 2007 лет?). Однако, и на серьезные общенсторические труды, а также археологические, этнологические, искусствоведческие, филологические публикации, исследования в области тюркской эпиграфики, топонимики и ономастики и в других научных дисциплинах, особенно на многие издания, появившиеся в последние годы в Казани, Уфе, Баку, Ташкенте, концепция тюркизма наложила свою печать политической ангажированности.

Надо признать при этом, что сами методы, результаты и даже темы тюркологических исследований на глазах политизировались отнюдь не случайно, не по произволу авторов, предпочитающих заниматься политикой, а не наукой. Дело в том, что в советской стране, в условиях тоталитарного режима, в соответствии с давними традициями имперской политики, разделявшей народы, и с глубоко укоренившимися позициями тюркофобии, насаждаемая государственными директивами фальсификация проникла во все сферы и направления тюркологии, и для пересмотра и преодоления ложных концепций, представлявших тюркскую культуру бедной, неполноценной, не имеющей древних традиций, необходимо было определенное гражданское воодушевление, поднявшееся на волне общественного движения тюркизма и в какой-то мере неизбежно порождавшее некоторые крайности и полемические издержки.

Неслучайно политика и такая, казалось бы, далекая от политики гуманитарная наука, как лингвистика, теснейшим образом сплелись воедино на поле тюркизма, безжалостно сокрушаемого в СССР в 1920-х

⁴⁵⁹ См.: Мурад Аджиев. *Мы – из рода половецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев.* Рыбинск, 1992; Мурад Аджи. *Полынь половецкого поля. Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его.* Москва, 1994; Мурад Аджи. *Европа, турки, Великая Степь.* Москва, 1998.

⁴⁶⁰ А.М. Байрамкулов. *Карачаево-балкарскому народу – 2000 лет.* Черкесск, 1996.

годах и возрождающегося в постсоветском мире в 1990-х годах. К началу 1990-х годов прошло уже более полувека с той поры, когда были приняты разрушительное для тюркских языков и культур решения о переводе этой письменности на кириллицу, оказавшуюся совершенно непригодной к специфике тюркских языков, надолго затормозившую их естественно-историческое развитие. Неудивительно, что с этой лингвистической сферы началось и движение возрождающегося тюркизма в 1990-х годах. На Втором съезде Ассамблеи Тюркских народов в Казани в 1991 году была принята резолюция в поддержку создания единого унифицированного тюркского алфавита (на базе современного турецкого алфавита) для всех тюркских языков. Отказ от кириллицы, насильно навязанной тюркским языкам, не соответствующей их природе, обретал при этом значение определенного политического манифеста, и из решений съезда АТН вскоре перешел в законы, принятые парламентами независимых тюркских государств (пальма первенства в этом принадлежит Азербайджану) и в постановления национальных курултаев и милли-меджлисов (первым "Постановление о переходе на латинскую графику" принимает 30 июня 1991 года Второй курултай крымскотатарского народа, отмечая при этом в преамбуле, что "принятая в 1938 году и используемая до настоящего времени письменность на основе кириллицы не соответствует специфике крымскотатарского языка и способствует его деформации", а также "учитывая стремление других тюркоязычных народов к переходу на латинскую графику" ⁴⁶¹).

Неудивительно, что Первый научный симпозиум по созданию основы для унифицированных латинских алфавитов тюркских языков, состоявшийся в ноябре 1991 года в Стамбуле, проходил при активном участии лидеров АТН, ее председателя Р.Ф. Мухаметдинова, и интерпретировался как событие политической важности. Итоговый документ симпозиума, в котором подчеркивалось, что "идея перехода с кириллицы на латинский шрифт уже охватила все тюркские народы", и утверждалось, что "единый унифицированный латинский алфавит тюркских народов будет самым важным элементом укрепления их взаимопонимания и культурного единства" ⁴⁶², рассматривался как основополагающий камень возрождающегося тюркизма.

⁴⁶¹ *Постановление о переходе на латинскую графику // Крымскотатарское национальное движение. Том 2. Документы. Материалы. Хроника. Москва, 1992. С. 117-118.*

⁴⁶² Документ цитируется в переводе на русский язык и в изложении, данном в книге: Р.Ф. Мухамметдинов. *Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической*

И в дальнейшем на тех общественных форумах (съездах, конференциях), которые можно считать важнейшими формами тюркизма как организованного массового движения и как способа выражения основных идей этого течения общественной мысли, чисто политические акции (декларации, резолюции, обращения к руководителям государств, например, к Президенту и Конгрессу США с просьбой о помощи в признании Татарстана в качестве суверенного государства) не просто соседствовали, но теснейшим образом переплетались с включенными в повестку пленарных заседаний и различных секций научными тюркологическими проблемами, которые выносились таким образом на широкое обсуждение. Это были проблемы тюркских языков, культурного наследия, этногенеза, исторического опыта, государственного строительства, современного экономического положения, социального развития, миграционной динамики, религии тюркских народов мира. Такова, в частности, была широкая программа Второй Всемирной тюркской конференции, состоявшейся в Нью-Йорке 6-7 июня 1992 года, Международной Конференции "Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность", проходившей в Казани 9-13 июня 1992 года⁴⁶³,

мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 247.

⁴⁶³ Труды этой Конференции изданы в трех томах на татарском, русском, турецком и английском языках в Москве в 1997 году (Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Июнь 9-13, 1992, г. Казань. Москва, 1997). В отличие от собственно политических всемирных или региональных тюркских конференций она готовилась как чисто научное мероприятие, первоначально планировавшееся как Шестая Всесоюзная тюркологическая конференция (в СССР до его распада было проведено пять тюркологических конференций, носивших чисто академический научный характер), однако в новых исторических условиях ей не только был придан необычный статус Международной конференции, но все ее содержание, ее характер, ее близость к идейным концепциям тюркизма предопределили ее сходство с политическими форумами под знаменем возрождающегося тюркизма. В итогом документе этой конференции, озаглавленном как "Рекомендации участников", была намечена широкая программа сплочения и возрождения тюркских культур, включающая такие компоненты, как постепенный переход всех тюркских языков на латинскую графику, подготовку "Истории тюркской литературы" и введение этого предмета в школах и вузах всех "тюркских республик",

Третьей Всемирной тюркской конференции, состоявшейся 4-5 декабря 1993 года в Вашингтоне. Между чисто политическими (Всемирными тюркскими) и научными тюркологическими конференциями было много общего в настроениях, проблематике, направленности интересов, в составе участников, в общих выводах, уже почти независимо от того, проводились ли они в далекой Америке при содействии Ассамблеи тюрко-американских ассоциаций и турецких фондов или в Казани "под грифом" Академии наук.

Аналогичное взаимопроникновение политической, научной и культурной проблематики ощутимо на Съездах Дружбы, Братства и Сотрудничества тюркских государств и народов. Традиция проведения таких съездов сложилась в Турции в 1993 году. Первый съезд был проведен 21-23 марта 1993 года в Анталье, Второй – 19-21 октября 1994 года в Измире. В обоих случаях в рамках съезда шла интенсивная работа комиссий – 1) по языкам и алфавитам, 2) по культуре, 3) по образованию и науке, 4) по экономике и технологиям, 5) по политике и праву тюркских государств и народов. Разработка научной основы и культурной программы тюркизма шла все время параллельно и рука об руку с принятием политических деклараций и заявлениями лидеров "тюркских государств" и общественных организаций. Манифестом такого рода можно считать принятую от имени 18-ти общественных организаций тюркских народов СНГ на Первом съезде в Анталье "Декларацию тюркских общественных организаций".

"Многополярность" современного тюркизма по центрам его активности, организационным формам, политическим и научным направлениям все же не должна заслонить того основного идейного ядра и организационного эпицентра, которые формировались прежде всего усилиями волжских татар, казанской научной гуманитарной интеллигенции, казанской радикальной оппозиции к советскому режиму и к российскому "центру". Лозунги и концептуальные положения, включенные в Первую (1991) и Вторую (1993) Программы АТН, в "Манифест-обращение АТН к президентам, Верховным Советам, правительствам, общественно-политическим организациям и

объединение "усилия тюркских ученых для создания объективной истории тюркских народов", "восстановление тюркских топонимов по всей территории бывшего СССР" (Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Июнь 9-13, 1992, г. Казань. Москва, 1997. Том 3. С. 231).

народам тюркских республик" от 15 сентября 1991 года ⁴⁶⁴, в "Обращение конференции лидеров АТН к президентам Казахстана, Азербайджана и республик Средней Азии", принятое в декабре 1991 на Конгрессе по правам человека в Алма-Ате, остаются основополагающими для идеологии современного тюркизма, и те трансформации, которые претерпевает эта идеология на протяжении 1990-х годов, и те "другие силы", которые присоединяются к движению тюркизма, пытаются повлиять на него и взять его под свой контроль, все же не меняют пока основного вектора и содержания этого движения, определенных теоретическими разработками и практическими действиями лидеров АТН.

Напомним главные из этих положений, которые, незначительно меняясь и уточняясь, практически переходили из одного документа в другой.

1. "Откуда идет угроза?" называлась вводная часть в Первую программу АТН. "Сумерки империи" называлась изданная спустя два года книга одного из авторов этой Программы Рафаэля Хакимова ⁴⁶⁵.

И названия, и сами тексты красноречиво определяли главного противника, представляющего опасность для свободного развития и самого существования тюркского мира. Это российский империализм, чья внешняя мимикрия – от самодержавия к коммунистической империи, а после ее развала к так называемому "российскому федерализму", по-прежнему основанному на концепции "сильного центра" и на стратегии насильственного удержания и подчинения Москве "национальных окраин", – ничего не меняет в его сути. Смена рухнувшей союзной власти новым российским "демократическим руководством" не должна ввести в заблуждение тюркский мир, для которого угроза по-прежнему исходит от ближайшего северо-западного соседа, от русской мессианской идеи, от панславизма в его новых ипостасях (российско-белорусский государственный союз) и в его традиционном тандеме с Православной церковью, возобновившей свою миссионерскую деятельность на Востоке.

2. В "столкновении цивилизаций", в культурном и религиозном противостоянии Запада и Востока, которое определяется все более четко, вытесняя в сознании масс обанкротившийся "формационный" подход к мировой истории и представления о классовой солидарности и делении человечества на классы, тюркский мир должен осознать свою роль в глобальной политике и занять свою особую нишу, не сливаясь ни

⁴⁶⁴ Опубликован в татарской газете "Татарстан яшьләре", 1991, № 116, 26 сентября.

⁴⁶⁵ Рафаэль Хаким. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993.

с мусульманским Востоком, ни с христианским Западом, не подчиняясь ни тому, ни другому, защищая собственные интересы и извлекая все возможные выгоды из своего срединного географического, культурного и геополитического положения. Именно срединный Тюркский мир может стать стабилизирующим фактором в отношениях между Западом и Востоком. Путь к этому лежит через создание Содружества независимых тюркских государств, которое сможет обеспечить поддержку и тем тюркским народам, которые еще не имеют своей национальной государственности.

3. Тюркизм, как идеология стратегического союза и объединения тюркских народов и государств, ни в коем случае не противоречит программам национального возрождения, идеалам национальной свободы и государственности, целям национально-освободительной борьбы. Тюркизм не находится в противоречии с национализмом, который по сути своей есть идеология угнетенной нации, идеология ее освобождения, реакция на национальное угнетение, на великодержавный шовинизм.

4. Вместе с тем тюркизм делает значительный акцент на этнокультурной общности тюркского мира, который упорно пыталась разрушить советская власть, разрезая его искусственно проведенными государственными и административными границами, вводя систему разных уровней и рангов, фальсифицируя историю тюркских народов, нанося ущерб их языкам переводом на чуждую им алфавитно-графическую основу (кириллицу), разъединяя тюркские культуры и запугивая советский народ призраком враждебного "пантюркизма". Тюркский мир сложился как особая историческая реальность, пережил драматическую историю и вошел в новейшее время, обнаруживая живую способность адаптации к новым общественным условиям и требованиям прогресса.

5. Желательной перспективой развития тюркского мира является его консолидация, имеющая свой политический аспект (создание Содружества тюркских государств, взаимная поддержка тюркских общественных организаций и партий), свой экономический аспект (экономическое содружество, взаимопомощь, эффективное использование колоссальных природных богатств и трудовых ресурсов, которыми обладает тюркский мир и которые должны быть обращены для его процветания), культурный (освоение достижений мировой культуры, сохранение собственных традиций) и религиозный аспект (возрождение духовности, возрождение традиционных для Востока, для народов тюркского мира религий при критическом отношении к негативным влияниям, идущим с Запада).

Главной проблемой, которая встает на пути возрождения тюркизма и с которой справиться молодое современное движение

практически до сих пор не может, заключается в том внутреннем противоречии, что возникает между тюркизмом как общественной идеей и силой, интегрирующей различные национальные движения тюркских народов в единый поток, и самими этими движениями, стремящимися к самостоятельности и автономности. Безусловно, противоречие такого рода существовало изначально не только между классическим тюркизмом ("пантюркизмом") и национальными движениями народов тюркского мира начала 20 века, но также, аналогично, к примеру, между панславизмом и различными национальными движениями славянских народов, ставившими собственные цели, имевшими собственных лидеров, не всегда готовых договориться друг с другом. Однако, в условиях, когда национальные (национально-освободительные по отношению к угнетенным народам) движения еще недостаточно развиты, во всяком случае не перешли в политическую стадию, объединенное движение лингвокультурной общности как бы компенсирует эту недостаточную развитость и зрелость, помогает национальным движениям, опирающимся друг на друга, достичь целей, не противоречащих интересам данной общности (тюркской, славянской и т.п.) в целом. Об этой роли раннего, восходящего к концепциям Исмаила Гаспринского "пантюркизма" нам уже приходилось говорить на первой конференции (в марте 1991 года в Симферополе), фактически реабилитировавшей концепцию "пантюркизма", и писать, подчеркивая: "Пантюркистская концепция Гаспринского в известном смысле была зародышем программы ставящей целью единение всех общественных сил ... заинтересованных в возрождении и свободном развитии культуры, в социальной защите, в обеспечении демократического равноправия народов Российской империи, входящих в тюркоязычный и исламский ареал. Любому из сравнительно небольших народов, истощенных многовековой неравной борьбой за свою землю, в той или иной степени отторгнутых от этой земли, рассеянных по огромной стране или уцелевших на небольших островках; выталкиваемых в эмиграцию, – в одиночку такие задачи были (или во всяком случае казались идеологам демократического национально-освободительного движения) непосильны. Только объединившись могли тюркоязычные мусульманские народы противостоять имперской политике культурного нивелирования и ассимиляции. Именно эту опасность "пантюркизма" (задолго до распространения самого термина в его одиозной окраске) как силы, способной объединить многие народы в антиколониальной, антиимперской борьбе, ощущали носители державной, шовинистической идеологии как времен старорежимной монархии, так и эпохи сталинского террора. С "пантюркизмом" носители имперского мышления всегда вели гораздо более жесткую борьбу, чем с

проявлениями 'буржуазного национализма'" ⁴⁶⁶.

Положение, однако, кардинально меняется в эпоху, когда отдельные национально-освободительные движения достигают той степени зрелости и политической радикальности, которая создает для любого имперского режима гораздо более реальную угрозу, чем объединенное аморфное движение под лозунгом любого "пан-изма". У последнего в таком случае остается единственный выбор: либо подменить в своей программе разнонаправленные интересы различных национальных движений интересами и целями фактически одного, наиболее сильного и крупного национального движения и выдавать в дальнейшем интересы одной нации за интересы всей лингвокультурной общности (именно так, к примеру, функционировал панславизм в период развитых и целеустремленных к своим идеалам национальных движений польского, украинского и других народов славянской общности: претендуя на представительство интересов "всех славян", он практически защищал только определенные русские национальные интересы), либо сойти с исторической сцены, во всяком случае ограничить свою роль выражением некоторых общих, может быть, даже второстепенных культурных потребностей родственных этносов, передав все функции политической борьбы отдельным окрепшим национальным движениям.

Именно перед таким выбором оказался тюркизм в конце 20 века в евразийском, прежде всего постсоветском пространстве. Сначала, как это видно из самой истории формирования и функционирования АТН, он фактически совпадал с татарским национальным движением. Те же лидеры, что задавали тон в ТОЦ – Татарском Общественном Центре – и в партии "Иттифак", формировали и возглавляли АТН, те же лозунги и цели, что определяли на рубеже 1980-90-х годов содержание татарского национального движения, включались в программы АТН, татарский вопрос оказывался главным в общетюркском движении, и общетюркская солидарность должна была служить лишь подспорьем и прикрытием в тактике татарского национального движения. Однако, это неизбежно порождало неудовлетворенность у других групп тюркских этносов и лидеров их национальных движений, если и не претендовавших на собственную руководящую роль в движении тюркизма, то уж во всяком случае не желавших играть вспомогательную роль при татарском руководстве.

⁴⁶⁶ М.В. Иордан, С.М. Червонная. *Идея тюрко-славянского согласия в наследии Исмаила Гаспринского // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Выпуск 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. Москва, 1994. С. 241-242.*

Это относится и к крупным "титulyным" нациям, образующим теперь независимые "тюркские государства" и далеко обогнавшим в достижении этой цели так и не обеспечивших своего государственного суверенитета татар, и ко многим российским тюркским народам (прежде всего к башкирам), нередко имеющим с казанскими татарами свои противоречия, свои "счеты", свои претензии на ведущую роль. С другой стороны, и татарские активисты АТН испытывали явное разочарование, ощущая сужение круга представительства на своих курултаях, конференциях и встречах лидеров, где организации казанских татар превалировали настолько, что уже было неясно, насколько правомерно считать эти встречи общетюркскими собраниями.

Надо признать, что уже с начала 1990-х годов лидеры АТН предприняли немало усилий, чтобы если не перенести центр тяжести в другие части тюркского мира, то по крайней мере более активно вовлечь эти части и регионы в общетюркское движение. Этой цели должна была служить и уже отмеченная выше система ротаций на посту председателя АТН (казанский татарин – чуваш – крымский татарин – далее возможны и другие кандидатуры); и постоянные, настойчивые обращения АТН по различным вопросам к народам и правительствам "тюркских государств" – прежде всего Азербайджана, Казахстана, Турции; и проведение встреч, конференций и съездов в разных регионах и "столицах" тюркского мира; и что особенно важно, повышенное внимание к локальным проблемам, к конкретным ситуациям в том или ином регионе тюркского мира, периодически оказывающимся в фокусе интересов и забот АТН, что можно объяснить интенсивными поисками союзников в лице лидеров различных национальных движений. Так, уже в декабре 1991 года на Конгрессе по правам человека в Алма-Ате АТН инициирует и принимает специальную резолюцию "О положении кумыкского народа", в которой выражается поддержка кумыкскому народу в его борьбе за свою этнокультурную и этнополитическую самостоятельность, за свои права, далеко не всегда соблюдаемые и гарантированные в нынешнем Дагестане. В январе 1992 года АТН проводит выездное заседание руководства в Махачкале, в селениях Коркмаскала и Хасавюрт, где организует митинги и принимает резолюции в поддержку требований национального движения кумыков. В Коркмаскале Совет лидеров АТН принимает решение о признании Кумыкского народного движения (КНД) "Тенглик" ("Равенство") в качестве единственного правомочного органа, представляющего интересы кумыкского народа. На митинге в селении Хасавюрт принимается резолюция в поддержку азербайджанского народа с осуждением сепаратистской провокации, организованной вокруг Нагорного Карабаха. В марте 1992 года АТН

совместно с лидерами балкарского национального движения организует в Нальчике научно-практическую конференцию "Тюркизм: прошлое и настоящее" (проведена 13-15 марта), к участию в которой стремится привлечь как можно больше представителей тюркских народов Северного Кавказа, в том числе представителей делового мира, бизнесменов, предпринимателей (одна из резолюций этой конференции намечает создание ассоциации тюркских бизнесменов). В феврале 1993 года АТН проводит совещание своих лидеров в Крыму, в апреле 1993 года – в Москве. Таким образом, в поле ее деятельности постоянно попадают различные группы тюркского населения и их проблемы.

И все же неполное, недостаточное совпадение интересов, целей, тактических средств, идейных ориентиров между движением тюркизма, с одной стороны, и множеством по-разному окрашенных национальных движений в тюркском мире, с другой стороны, с каждым годом все более очевидно, и при любом ослаблении контактов, а тем более при любых противоречиях, трениях и соперничестве чаша весов непременно склоняется в пользу лидеров национальных движений, которые опираются на поддержку своего народа и не намерены уступить своей руководящей роли людям из АТН и других общетюркских институций, всегда остающимся по отношению к местной ситуации "чужаками", недостаточно разбирающимися в делах "нашего дома". Выражение причастности национальных движений к общему движению тюркизма нередко остается на уровне формальных ритуалов и слов, не наполненных конкретным содержанием. Неслучайно (за исключением казанских татар) признанные лидеры национальных движений (например, Мустафа Джемилев – с 1991 года бессменный Председатель Меджлиса крымскотатарского народа) вовсе не стремятся войти в руководящие структуры АТН, поручая роль делегатов на съездах и конференциях АТН и даже очередных ее председателей, если можно так сказать, "запасным игрокам", фигурам из второго политического эшелона, а порою, как это было в Чувашии, людям в собственном национальном движении мало известным и не имеющим особых заслуг. (Отметим для контраста, насколько иначе выглядела ситуация в начале века, когда "отцом" "пантюркизма" был самый крупный, самый яркий, самый популярный в своем народе представитель крымскотатарской общественной мысли и культуры, да и в дальнейшем турецкие, татарские идеологи и организаторы движения "пантюркизма" обладали ореолом национальных героев и играли первостепенную по значимости роль в национальных движениях собственных народов).

Популярность идеологии тюркизма в современной тюркской среде также относительна. В новых и старых независимых государствах (Турции, Азербайджане, Казахстане и т.д.) ее вытесняет "национальная

идея", поднятая на высокий государственный пьедестал, центростремительная сила в этническом самосознании, направленная на поиск эпицентра всех достижений, богатств и ценностей в собственном народе, в своей земле (буквально по формуле примитивного советского шлягера "Не нужен нам берег турецкий"). В национальных движениях тюркских народов России также превалирует комплекс, грубовато названный одним из ведущих московских политологов профессором М.Н. Губогло "своя рубашка ближе к телу"⁴⁶⁷.

Действительно, проведенные нами социологические опросы в ходе экспедиционных исследований 1996-1999 годов среди крымских татар, карачаевцев, балкарцев и ногайцев, а также интервью с общественными деятелями и записи развернутых бесед с информаторами из тюркской среды дали поразительно противоречивые, двойственные результаты.

Крымские татары (в своем большинстве и в четкой политике Меджлиса крымскотатарского народа) более ориентированы на дружбу с Турцией (включая и последовательную поддержку с их стороны официальной турецкой политики даже по столь сложным в этическом плане и неоднозначным вопросам, как курдская проблема и осуждение на смертную казнь курдского лидера); в то же время диалог Меджлиса с руководством современного Узбекистана, на территории которого проживает еще значительная часть крымских татар, носит настолько напряженный и конфронтационный характер, что никакими нормами общетюркской солидарности он, конечно, никак не регулируется. Не раз выступал крымский Меджлис в защиту турок-месхетинцев, выражал свой протест против политики Грузии, тормозящей их возвращение на Родину, и против их этнической дискриминации в Российской Федерации, в Краснодарском крае, но ни разу, к примеру, не высказался тот же Меджлис в поддержку гагаузов, начавших сложную борьбу за свою автономию в независимой Молдове и едва не оказавшихся в союзе с сепаратистами из Приднестровья. В принципиальных вопросах современной политики никакая тюркская солидарность не действует, и оказывается, к примеру, что украинцы-славяне из демократического движения украинского народа "Рух" крымским татарам ближе и нужнее как стратегические союзники, чем говорящие с ними чуть ли не на одном языке и исторически

⁴⁶⁷ Михаил Губогло. *О парадоксах этнической мобилизации [Предисловие от редактора] // С.М. Червонная. Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. Москва, 1999. С. 15.*

разделяющие с ними общее пространство причерноморских степей гагаузы, караимы или ногайцы.

Активисты татарского национального движения в Казани очень много сделали для поддержки крымских татар, особенно в тот трудный период, когда, преодолевая упорное сопротивление агонизирующего советского режима, первые волны репатриантов возвращались в Крым: из Казани и Набережных Челнов в Крым шли машины с гуманитарной помощью, добровольцы из Татарстана – в отпуск, в студенческие каникулы – ехали в Крым строить дома и мечети для возвращающихся на Родину крымских татар; в молодежной республиканской газете Татарстана были опубликованы самые первые правдивые и сочувственные статьи о крымских татарах казанской журналистки В. Якуповой⁴⁶⁸; в Казани была издана книга "Забвению не подлежит"⁴⁶⁹ и появился сборник долгое время находившихся под идеологическим запретом сочинений Исмаила Гаспринского с сопроводительной статьей профессора Казанского университета М.А. Усманова "О триумфе и трагедии идей Гаспринского"⁴⁷⁰; в альманахе "Идель" была опубликована программная статья "Крым – Татарстан. Возрождение былых связей"⁴⁷¹, – и эти примеры, наверно, лишь малая толика того, что по своей инициативе, по зову сердца, по чувству тюркской солидарности сделали для своих собратьев, крымских татар, казанские татары за последнее десятилетие в области культуры, образования, науки, политики, социально-экономической помощи и в других сферах.

В то же время в отношениях между ближайшими соседями – тюрками волго-уральского региона: башкирами и татарами, языковая, географическая, историческая близость между которыми так велика, что советская власть поначалу даже не видела между ними различия, собираясь строить объединенную "Татбашреспублику", провозгласив ее

⁴⁶⁸ Венера Якупова. *Крымские татары, или привет от Сталина // Комсомолец Татарии, 1989, 8 ноября; Венера Якупова. Родина или смерть! Иного не дано, считают крымские татары, решившие вернуться на земли своего исторического проживания в Крым // Комсомолец Татарии, 1989, 17 декабря.*

⁴⁶⁹ *Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Составитель Нариман Ибадуллаев. Казань, 1992.*

⁴⁷⁰ *Исмаил Гаспринский. Россия и Восток. Казань, 1993.*

⁴⁷¹ *Д. Албат. Крым – Татарстан. Возрождение былых связей // Идел (Казань), 1994, № 11-12. С. 70-73.*

создание в 1918 году, – отношения далеко не так безоблачны: и из проекта "Татбашреспублики" ничего не получилось, ибо против него были и татары, и башкиры, стремившиеся создать свои собственные автономии; и все новое национально-государственное развитие Татарстана и Башкортостана – и при советской власти, и после ее падения – сопровождалось многими трениями, заметными даже поверхностному наблюдателю татаро-башкирскими противоречиями, проходило в атмосфере ревностного соперничества, взаимных обид и претензий, этнопсихологической несовместимости.

Пожалуй, единственно, в чем безусловно един весь тюркский мир на современной планете от гигантских "тюркских государств" до микроскопических анклавов и рассеянных диаспор тюркского населения в разных странах мира – это в измерении той воинствующей тюркофобии, которая концентрируется сегодня в шовинистических кругах. Не разбираясь в истинной природе современного тюркизма, не отличая ни в идейном, ни в организационном плане его силы от слабости, даже не давая себе труда заглянуть в ту бездну нерешенных политических, социальных и культурных проблем, из которой пытаются выбраться современные тюркские народы – объединенными усилиями или поодиночке, носители этой воинствующей тюркофобии обрушивают на тюркизм все мыслимые и немыслимые идеологические обвинения, отчасти почерпнутые из старого арсенала коммунистической непримиримой борьбы с "пантюркизмом", отчасти обновленные и отточенные на оселке новейших националистических и неонацистских программ, и формируют из всех тюркских народов образ "врага", якобы угрожающего всей христианской цивилизации (а с точки зрения исламских фанатиков и экстремистов, "предающих" интересы всей мусульманской цивилизации), и упорно распространяют на бытовом и псевдонаучном уровнях вымыслы и "версии" недостаточной развитости, неполноценности, неадекватности мировым стандартам тюркской культуры, якобы не имеющей глубоких корней, достойных традиций и самого права на существование на земле, где "настоящими хозяевами" будто бы являются народы любой другой этнокультурной общности (славянской, иранской, арабской, "арийской", как называют армянскую "расу" ее националистические идеологи), но ни в коем случае не тюркской. До какого трагикомического фарса доходит эта тюркофобия, наглядно свидетельствует уже упоминавшаяся выше книга-провокация "Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе", автор которой, Александр Сварянец, договаривается до прямых обвинений в адрес целого ряда демократических общественных организаций (межрегионального общества турок-месхетинцев "Ватан", нргайского национального движения "Бирлик", демократического движения карачаевского народа "Джамагат", балкарской партии "Тёре")

в том, будто они выполняют тайные задания турецкой разведки, финансируются "спецслужбами" Турции, занимаются "сбором разведывательной информации о положении дел на Кавказе"⁴⁷². От такой лжи, агрессии и нетерпимости тюркским народам, естественно, приходится защищаться, в частности, и на пути организационного и идейного возрождения тюркизма, и усилия в этом направлении, как нам кажется, еще далеко не исчерпаны, а последняя точка в истории современного тюркизма не поставлена с исходом века и тысячелетия.

12. Пантюркизм в Российской Федерации: региональное измерение (Северный Кавказ)

Перспективы пантюркизма как движения солидарности, как программы социально-культурного возрождения, сближения и взаимодействия тюркских народов, как объединительной идеологии национальных движений в постсоветском пространстве, прежде всего в Российской Федерации, могут быть выявлены только на основе конкретного анализа той социальной, политической и культурной ситуации, того психологического климата, в которых находятся эти народы на современном этапе.

Нам хотелось бы провести этот анализ на примере тюркских меньшинств Северо-Кавказского региона, выделив крупным планом процессы политической, экономической истории и национальных движений последних десятилетий, попытаться найти те болевые точки складывающейся здесь этнополитической ситуации, которые обретают значение определенных исторических вызовов, надежд и ожиданий, обращенных в идеологии пантюркизма.

Тюркский мир Северного Кавказа, формируемый четырьмя "коренными" этносами⁴⁷³ этого региона, к которым относятся кумыки

⁴⁷² Александр Сваранц. *Пантюркизм в геостратегии Турции на кавказе*. М., 2002. С. 247.

⁴⁷³ При всем несовершенстве того терминологического инструментария российской этнологии, который включает в себя понятие "коренной", или "индигенный" народ ("Stammvolk", "Indigenous People"), мы все же вынуждены им пользоваться в качестве рабочего аппарата, оставляя при этом в стороне дискуссионные проблемы, связанные с относительностью любых претензий на "коренной" статус и с незитичностью противопоставления "коренных" и "пришлых" народов. Известно, что в процессе исторических миграций многие народы, в том числе и турки юго-востока Европы, претендующие ныне на статус "коренных" жителей, когда-то

(277,2 тыс. человек), карачаевцы (150,3 тыс.), балкарцы (78,3 тыс.) и ногайцы (73,7 тыс.)⁴⁷⁴, и рядом проживающих здесь тюркских этнических групп, включая азербайджанцев (75,5 тыс. в одном лишь Дагестане), ахалцихских турок (свыше 13 тысяч в Краснодарском крае, около 6 тыс. в Кабардино-Балкарии), туркмен, крымских татар, нечасто привлекает внимание российских политологов и недостаточно известен зарубежным исследователям. Между тем, тот узел нерешенных проблем, который мы обнаруживаем в карачаево-балкарском эпицентре кавказского тюркского мира и в Ногайской степи, - это не просто очередная "горячая точка", не заметная до сих пор и дополняющая еще одним примером картину кипения страстей и динамику диалога между российским центром и регионами, но сюжет, способный коренным образом изменить перспективы федеральной политики и самого российского присутствия на Кавказе. Количество острых противоречий при добавлении к ним нерешенных проблем Карачая и Балкарии, ногайского, кумыкского народов, ахалцихских турок и проживающих на Северном Кавказе крымских татар переходит в иное качество приближающегося обвала. Обнаруживается неспособность российского центра удержать под своим контролем и многонациональный Дагестан, и вайнахский мир (Ичкерия и Ингушетию), и адыго-кабардинскую "линию фронта", и всю неспокойную границу с Грузией и Азербайджаном по Кавказскому хребту, а теперь еще и обширные оазисы проживания тюркских народов Юга.

Затрагивая тюрко-исламский мир Кавказа и вызывая своей политикой его раздражение и сопротивление, создавая почти невыносимые условия существования для ногайского, карачаевского,

выступали в роли "новых пришельцев", и этими ролями неоднократно менялись группы населения всех регионов. Тем не менее, мы все же пользуемся сложившейся еще в советской историографии системой понятий и выделяем "коренные" народы по двум основным признакам: 1) это те группы населения, чей этногенез завершился на данной территории; 2) это те народы, которые проживали здесь до начала российской экспансии и колонизации края.

⁴⁷⁴ *Приведенные цифры соответствуют численности данных народов в Российской Федерации, зафиксированной переписью населения 1989 года. Эти статистические данные включены в энциклопедию "Народы России" (Москва 1994). Для более точного представления о демографической ситуации на Северном Кавказе к концу 1990-х годов необходимо иметь в виду и высокие темпы естественного прироста населения в этих тюрко-мусульманских регионах и сложные миграционные процессы последнего десятилетия.*

балкарского народов, для турок-месхетинцев, оказавшихся в бесправном положении (прежде всего на территории Краснодарского края), Россия неизбежно входит в противоречие с мощной силой общетюркской солидарности, имеющей свои опорные пункты за пределами Российской Федерации и свое идеологическое обеспечение в виде теории тюркизма (пантюркизма), опирающегося на более чем столетний организационный опыт и богатый моральный багаж и переживающего свое обновление и возрождение в конце 20 века.

К тому же, уязвленные интересы карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев и крымских татар вызывают цепную реакцию раздражения со стороны всей общности "репрессированных народов", хотя и утративших свои прежние весьма эффективные рычаги влияния на государственную политику, которыми располагала к началу 1990-х годов ныне фактически распавшаяся Конфедерация репрессированных народов бывшего СССР, но все же представляющих собой объединенную крупную политическую силу.

Именно в контексте с широкой проблематикой "репрессированных народов" вопросы, касающиеся тюркских этносов Кавказа, обретают значительную масштабность, в концентрированной форме выявляя непоследовательность, кризис российской политики в этом направлении, недееспособность принятого еще Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 года "Закона о реабилитации репрессированных народов", включавшего статью о территориальной реабилитации (праве этих народов на территорию, которую они занимали до депортации) и не способного обеспечить реализацию этого права. В таком контексте отчаянная и до сих пор безуспешная борьба карачаевского и балкарского национальных движений под лозунгами права на территориальную реабилитацию и права на самоопределение и упорное стремление общенационального ногайского движения "Бирлик" к воссоединению ногайских территорий, к созданию Ногайской Автономии на Кавказе становятся мощным фактором противодействия консервативной политике федерального "Центра", ориентированного на выработанную им, как единственная панацея от всех бед, догму нерушимости существующих административных границ, моратория на какие-либо изменения и структурные перестройки в системе Северокавказских краев и республик. Вряд ли это можно расценить как рациональное решение и разумную реакцию на нарастающие вызовы этнополитической мобилизации тюркских народов. Статус-кво, вызывающий противодействие массовых национальных движений, вряд ли удастся сохранить.

В целом, то внутреннее брожение, которое идет, нарастая, в тюркской среде и создает опасные зоны потенциальной и активной конфликтности на Северном Кавказе, имеет четыре основных

составляющих, а именно:

- социально-экономическую (хозяйственная разруха, безработица, спад производства, финансовый кризис, обнищание масс);
- политическую (нерешенные проблемы политической реабилитации, статуса, территориально-административного устройства, противоречия важнейших законодательных актов и конституционных положений, вопросы реальной власти);
- этнопсихологическую;
- и духовную доминанты.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику данных направлений, остановимся на отдельных обстоятельствах, выбор которых определяется нашим представлением об их роли и желанием раскрыть мало известные моменты, часто искажаемые в средствах массовой информации, контролируемых местными властями и авторитетами. Для освещения этих обстоятельств нами использованы материалы, полученные в итоге комплексных научных экспедиций, проведенных нами в 1996-1999 годах в Крыму и на Северном Кавказе по программе "Тюркский мир Юга России: основные параметры этнокультурной общности и дифференциации"⁴⁷⁵.

Социально-экономическое положение ногойского, карачаевского, балкарского народов, турок-месхетинцев, заброшенных "второй депортацией", последовавшей за трагическими событиями 1989 года в Ферганской долине в Северокавказский край, можно характеризовать как национальное бедствие. И в Балкарии, и в Карачае нам не раз приходилось слышать от представителей тюркских народов: "По отношению к нашему народу продолжается политика геноцида, только физический террор, проводившийся при депортациях, сменился террором экономическим. Народ обречен на вымирание... Мы живем сейчас хуже, чем при Советской власти, хуже, чем в депортации, хуже, чем при фашистской оккупации в годы войны"⁴⁷⁶.

Отнюдь не только на уровне субъективных (как может показаться, "панических") высказываний, но и на уровне выводов ответственных правительственных структур федерального ранга констатируется тревожное положение в экономике и экологии этого кавказского региона, крушение социальной базы политической стабильности. "Затяжной экономический, социальный и экологический кризис, переживаемый Северным Кавказом, – говорится в проекте "Основных направлений государственной национальной политики

⁴⁷⁵ Экспедиции (под руководством С.М. Червонной) проводились при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ) и Фонда Д. и К. МакАртуров.

⁴⁷⁶ Здесь и далее приводятся записи из дневника нашей экспедиции.

Российской Федерации на Северном Кавказе", – стал результатом и следствием общероссийского кризиса и дезинтеграции... Падение производства и, как следствие, снижение уровня жизни основной массы населения... является существенным фактором обострения как межэтнических отношений, так и отношений между субъектами Федерации и Федеральным центром. Кроме того, все это порождает борьбу за ресурсы, финансы, доступ к ключевым постам в управлении экономикой, становится питательной почвой роста коррумпированности и криминализованности общества, которые зачастую приобретают ярко выраженную этническую окраску" ⁴⁷⁷.

Даже ориентируясь на явно смягченные статистические данные, преподнесенные в республиканском официозе – газете "Кабардино-Балкарская правда" (1998, 11 февраля) с расчетом на пропагандистский эффект "преодоления трудностей", "замедления темпов роста цен" и постепенного "прироста производства" (в 1997 году на 1 % по сравнению с 1996 годом!), С.А. Аккиева в своей брошюре "Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга" отмечает: "В 1997 г. 324,2 тыс. чел., или 41,5 % населения республики находились за чертой прожиточного минимума (41 % в 1996 г.)[...] Общий потенциал безработицы, включая лиц, работающих в режиме неполной занятости и активно ищущих работу, в 1996 г. оценивался в 89,4 тыс. чел. (29,5 % экономически активного населения) [...] По степени напряженности на рынке труда особо выделяются Черекский и Эльбрусский районы (места традиционного проживания балкарского населения). Здесь безработными фактически являются до 90 % трудоспособного населения" ⁴⁷⁸.

В субъективной интерпретации, в теории самого балкарского национального движения формируется концепция национальной катастрофы, абсолютной невыносимости того социально-экономического положения, в котором оказался балкарский народ. Характерное выражение этой позиции мы находим в Обращении Совета старейшин Балкарии к Чрезвычайному съезду общественно-политического союза "Кавказская конфедерация", состоявшемуся 24 мая 1998 года в селении Урус-Мартан и наметившему программу создания широкого фронта чечено-дагестано-тюркской солидарности на Северном Кавказе. "Мы являемся представителями той части

⁴⁷⁷ Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. Проект. Москва, 1998. С. 4.

⁴⁷⁸ Светлана Аккиева, Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. Москва 1998, С. 39-40.

балкарского народа, – говорится в этом Обращении, – которая считает, что современное положение нашего народа дальше совершенно нетерпимо[...] Руководство КБР, распространяя ложь о "процветающей республике", "островке стабильности и спокойствия", ввело строжайшую цензуру, стремясь не допустить разглашения правды о том, что[...] КБР является одним из беднейших субъектов России и занимает одно из последних мест по уровню жизни населения... что продолжается издевательство над беззащитным балкарским народом[...] Из-за отсутствия каких-либо предприятий в балкарских селениях здесь давно большая безработица, порой она достигает 80-90 процентов. От безысходности молодежь вынуждена ехать в город, скитаться по общежитиям, спиваться и пополнять ряды уголовников. Очень многие не имеют возможности обзавестись семьями... Скотоводство, всегда составлявшее основу экономики Балкарии, находится в полном упадке. Скот, принадлежавший колхозам и совхозам, большей частью разворован и продан республиканским и местным руководством... Средства, выделенные правительством России на восстановление потерянного в годы выселения, пошли не по назначению. В Балкарии не построен ни один объект..." ⁴⁷⁹

Аналогичное положение и в соседнем Карачае. "Социально-экономическое положение Республики вызывает особую тревогу, – говорил в своем докладе на съезде общественно-политических организаций карачаевского народа 14 марта 1998 года Президент Высшего Совета созданной на это съезде Ассоциации "Алан" А.А. Катчиев. – Производственные мощности сегодня используются от 10 до 40 %... транспорт используется на 16-22 %, военно-промышленный комплекс на грани остановки. ... Только по официальным данным Минсельхоза КЧР, в прошлом году поголовье овец составляло 396 тыс. Для сравнения в 1958 г. – 425 тыс. В 1997 г. всего овец и крупного рогатого скота было 439 тыс., в 1958 г. этот показатель составлял 507 тыс. голов. Цифры говорят сами за себя, по важнейшим отраслям животноводства Карачаево-Черкесия сейчас скатилась к уровню 40-летней давности! За этими сухими сводками – боль и отчаяние десятков тысяч оставшихся без работы и средств к существованию людей, приходящие в упадок поселки, аулы и станицы..." ⁴⁸⁰

⁴⁷⁹ Обращение представителей балкарского народа к ОПС Кавказской Конфедерации // Кавказская Конфедерация, Грозный, 1998, № 6, июнь, С. 1.

⁴⁸⁰ О ситуации в КЧР. Проблемы и пути возрождения карачаевского народа // Карачаево-балкарский мир, Нальчик, 1998, № 3 (27), март-апрель, С. 2.

В тяжелейшей экономической ситуации оказался в 1990-х годах ногойский народ, и прежде не слишком обеспеченный и уж во всяком случае не избалованный какими-либо льготами, но теперь буквально брошенный в пропасть нищеты, безработицы, социально-культурной стагнации.

"Переход к рыночной экономике, – отмечал в своем выступлении на Круглом столе общественных и национальных движений Северного Кавказа еще в начале 1993 года сопредседатель межрегионального объединения "Бирлик" Батыр-Султан Аджиниязов, – усугубил экономическое положение ногойцев. Рост безработицы, низкая заработная плата, отсутствие бюджетных средств на социальные программы, уменьшение доходов с личных подсобных хозяйств – в этих условиях будет проводиться приватизация, результат которой, нетрудно догадаться, будет не в пользу ногойцев: собственниками станут толстосумы из других регионов, так как сегодня еще рано говорить о появлении класса предпринимателей среди коренного населения"⁴⁸¹.

За десять лет, минувшие с той поры, когда прозвучало это выступление, ничего в положении ногойцев не изменилось к лучшему, а самые мрачные прогнозы относительно приватизации, которая приведет к массовому обнищанию ногойского населения, сбылись почти повсеместно. Это стало причиной распространенной в ногойской среде ностальгии по прошлому, прокоммунистических настроений. Не случайно на выборах Главы Республики Карачаево-Черкесии (1999) в первом туре почти все ногойские избиратели отдали свои голоса кандидату от Коммунистической партии РФ. Аналогичная ситуация прослеживается и по другим регионам компактного сосредоточения ногойского электората, и в ходе других избирательных кампаний местного, регионального и федерального уровней. Усиленная бедственным экономическим положением и бесправием моральная подавленность и деформация общественного сознания приводит к распространению в ногойской среде самых причудливых мифологем и представлений о том, когда ногойцам якобы жилось лучше ("при Ленине", "при Сталине", "при Брежнев" и т.д.): воистину, "сон разума рождает чудовищ".

Этот "сон разума" целенаправленно спровоцирован той этнокультурной ситуацией, в которой оказались ногойцы.

⁴⁸¹ Текст выступления Б.-С. Аджиниязова на Круглом столе общественных и национальных движений Северного Кавказа в Пятигорске в январе 1993 года (подписанный докладчиком оригинал) в распоряжении авторов.

Свои социальные беды и болевые точки экономической дискриминации обнаруживаются у ногайцев, проживающих в Дагестане. Только в одном его Ногайском районе около 600 тысяч гектаров земли (а это свыше 70 % территории всего района) передано в пользование предпринимательских структур (в том числе "зарубежного" происхождения – из Грузии, Ичкерии и т.д.), которые ничего общего не имеют с ногайским населением и не перечисляют в местный бюджет ни копейки. Стесненное положение ногайцев в этом районе усугубляет начавшаяся в 1992 году кампания по переселению в этот район 5 тысяч аварцев из Кварельского района Грузии. Неконтролируемые миграции с гор, "освоение нефтепромыслов", обнаруженных на горе ногайцев в местах их традиционного обитания, привели к сильным демографическим сдвигам в той части Ногайской степи, которая стала территорией Дагестана. Специалисты межрегионального объединения "Бирлик" в области экономики так оценивают эту ситуацию:

"Моноукладность экономики хозяйств региона, отсутствие инвестиций, слабо развитая инфраструктура при существующих диспропорциях цен на продукты животноводства и растениеводства, в том числе на корма, привели к разорению некогда сильных совхозов, сокращению поголовья скота у местного населения. Из-за многократной перегрузки пастбищ и вследствие климатических изменений резко сократилась их кормовая емкость, что грозит крушением всей животноводческой отрасли и экологической катастрофой региона... Резко снизился в степи естественный прирост ногайской части населения. Это связано с уменьшением рождаемости (сейчас в ногайских семьях 1-3 ребенка), низким уровнем жизни, высокой детской смертностью и оттоком в основном молодых людей в другие регионы России" ⁴⁸².

Но особенно тяжелым является положение тех ногайских аулов, тех зон проживания ногайского населения, которые входят непосредственно в административные структуры Российской Федерации – в Астраханскую область и Ставропольский край. Здесь не только ничего не делается для экономического и культурного подъема и выживания, но создаются поистине невыносимые условия, которые без преувеличения можно назвать экономическим и духовным геноцидом.

⁴⁸² Из аналитической справки, подготовленной Правлением межрегионального Общества "Бирлик" ногайского народа к съезду народов Европы, созванному Федеральным Союзом народов Европы в Сан-Моритце (Швейцария) в мае 1995 года (текст в распоряжении авторов).

Самый вопиющий пример такого рода - положение жителей ногайского села Канглы Ставропольского края. Безработица здесь достигла критической черты, приблизившись к 99 %: из 5 тысяч жителей постоянную работу имеют всего несколько человек, да и их заработок ниже прожиточного минимума. Еще страшнее безработицы для потомственных скотоводов безземелье. Власти (краевые - в Ставрополе, районные - в Минводах, местные - в русском проселке Побегайловка, где находится центр муниципального образования, или сельсовета) не дают жителям Канглы земли, не позволяют пользоваться для сенокосов и выпаса скота окрестными угодьями.

Скот приходится держать на приусадебных участках, на сельских улицах, что создает совершенно немыслимые и в санитарном, и в моральном, и в экономическом отношении условия. Альтернатива – забить весь скот и остаться без последних источников существования или перейти на криминальный режим (воровать сено, тайно пасти скот на "чужих" пастбищах), что мучительно и разрушительно и для нравственных устоев, и для самого физического существования ногайской общности, и возмутительно для национального самосознания ногайцев, не признающих насильственного отчуждения пастбищ, которыми испокон веков пользовались их предки (ногайский аул Канглы, зарегистрированный российской топографией в 1860 году, стоит на этой земле около 600 лет). Кто в этом виноват, кому это нужно, во имя чего все последние годы осуществляется планомерное уничтожение ногайского поселения, число жителей которого катастрофически уменьшается, – все эти вопросы упираются в бюрократический произвол на всех уровнях, в отсутствие последовательной, построенной на демократических и гуманистических началах российской государственной политики на Северном Кавказе, которая могла бы обеспечить если не фактически равное положение, то хотя бы моральное и юридическое равноправие всех народов.

В этнополитической ситуации можно выделить несколько основных узлов, в которых сплетаются нерешенные проблемы, горькие обиды и остающиеся без ответа и понимания этнические вызовы тюркского мира.

В Карачае – это нерешенная проблема "территориальной реабилитации", восстановления автономии Карачая.

Политический статус Карачая, определяемый в соответствии с правом карачаевского народа на самоопределение (или, напротив, при грубом игнорировании этого права), на протяжении 20 века менялся неоднократно, и в этих сменах отразилась драматическая история национальных стремлений и жестоких разочарований.

Завоеванный в прошлом веке и порабощенный народ (земли Карачая были присоединены к Российской империи после битвы 1828

года у горы Хасаука) попытался после Октябрьской революции 1917 года использовать тот шанс, какой давала ему ленинская политика "автономизации" национальных окраин, интенсивно проводившаяся в ходе гражданской войны. Как и другие народы центральной и западной части Северного Кавказа, карачаевцы сначала входили в состав Горской АССР, провозглашенной 17 ноября 1920 года со столицей во Владикавказе, имея при этом в рамках Горской АССР свой, образованный в конце 1920 года Карачаевский национальный округ с центром в Кисловодске. 12 января 1922 года, по решению московского "центра" (ВЦИК), без какого-либо волеизъявления карачаевского народа, этот округ был объединен с черкесскими территориями, в результате чего была образована Карачаево-Черкесская автономная область, просуществовавшая четыре года (1922-1926). 26 апреля 1926 года она была разделена на три части: Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Последний в 1931 году был ликвидирован, а его территория частично вошла в состав Карачаевской АО. Ее территория расширилась, включив также земли Усть-Джегутинской, Красногорской, Кардонинской и Зеленчукской станиц. Столицей Карачаевской автономии стал молодой, вновь построенный город (первоначально носивший имя Микоян-Шахэр, в 1944-1957 годах - Клухори, ныне – Карачаевск).

Время существования Карачаевской автономии (1926 - 1943) многими карачаевцами до сих пор воспринимается как "золотой век" "национальной государственности", а ликвидация этой автономии (по Указу от 12 октября 1943 года с последовавшей 2 ноября 1943 года насильственной депортацией всего карачаевского народа) – проявлением преступного государственного произвола. Территория Карачая была разделена на части между Грузинской ССР, Ставропольским, Краснодарским краями и Черкесской АО. Лишь через 13 лет карачаевцы смогли вернуться из ссылки на свою Родину. Однако прежняя Карачаевская АО так и не была восстановлена. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года Черкесская АО была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края. Неудовлетворенность карачаевцев своим положением внутри этой автономии и ее статусом красной нитью проходит через весь поздний советский период (разумеется, до "перестройки" лишь в форме скрытого, глухого протеста) и выливается в бурные манифестации и категорических требования крепнущего национального движения в конце 1980-х годов.

С февраля 1989 года разворачивается работа по формированию карачаевской общественной организации, создание которой провозглашается в мае 1989 года, а официальная регистрация в Карачаевске происходит в декабре 1989 года. Молодая организация

получает наименование "Джамагат"⁴⁸³ и разворачивает бурную деятельность, направленную на восстановление Карачаевской АО (в границах, существовавших до депортации карачаевского народа), определяя эту деятельность как программу возрождения карачаевской национальной государственности. Активисты "Джамагата" собирают в 1989-1990 годах свыше 70 тысяч подписей под воззванием о необходимости восстановления автономии Карачая.

8 октября 1989 года созывается первый конгресс народов Карачая, а 29 октября (впервые в советской истории) проходит открытый массовый траурный митинг, посвященный годовщине карачаевской национальной трагедии.

Второй конгресс народов Карачая 9 июня 1990 года, в работе которого принимает участие приглашенный из соседней Чечни генерал Дудаев, торжественно объявленный на этом Конгрессе "Сыном карачаевского народа", провозглашает Карачаевскую Республику. Это находит поддержку у Чрезвычайного съезда карачаевских депутатов всех уровней, который 17 ноября 1990 года принимает Декларацию о государственном суверенитете Карачаевской Республики. Гигантский народный митинг (с участием около 30 тысяч человек) требует реализации концепции Карачаевской Республики.

Преобразование (3 июля 1991 года) Карачаево-Черкесской АО в составе Ставропольского края в Карачаево-Черкесскую Республику в составе РСФСР является отвлекающим маневром местной администрации, пытающейся удержаться у власти в новых условиях. "Джамагат" вступает в конфронтацию с этой властью и находит поддержку у Конфедерации репрессированных народов, которая прерывает заседания своего первого, открывшегося в Москве 1 июля 1991 года съезда и выезжает в Карачаевск, чтобы оттуда обратиться к Президенту РФ Б.Н. Ельцину с призывом прекратить дискриминацию карачаевского народа. Созванный в Карачаевске 13 июля 1991 года Чрезвычайный конгресс карачаевского народа намечает конкретные меры по созданию Карачаевской республики, формирует Национальный совет как ее Временное правительство.

Своего наивысшего подъема движение за восстановление Карачаевской республики достигает в конце 1991 года. Торжественное траурное собрание на площади Свободы в Карачаевске, посвященное

⁴⁸³ На первом этапе "Джамагат" назывался "общество". На конференции 23 марта 1991 года "общество" было переименовано в "демократическую организацию". Ее коллективное руководство, утвержденное на Президиуме 3 апреля 1991 года, составили пять сопредседателей: Исмаил Байрамуков, Азрет-Али Кечеруков, Казим Лайпанов, Нюр-Магомед Лайпанов и Казбек Чомаев.

48-й годовщине депортации карачаевского народа (ноябрь 1991 года), превращается в бессрочный митинг, в котором участвует практически весь карачаевский народ. Под мощным общественным давлением открывшаяся 3 декабря 1991 года в Черкесске сессия Областного Совета, депутатский корпус которого формировался еще из старой номенклатуры, вынуждена была принять решение о разделении Карачаево-Черкесии на две самостоятельные автономии. Никогда еще победа карачаевского национального движения не была столь близка, а вынашиваемая десятилетиями идея "национальной государственности" не казалась столь реально осуществимой. 5 февраля 1992 года Б.Н. Ельцин представил в Верховный Совет законопроект о восстановлении Карачаевской автономии в составе Российской Федерации. Принятие такого Закона знаменовало бы один из первых шагов реального действия в России Закона о реабилитации репрессированных народов.

Однако в России было слишком много сил, заинтересованных в том, чтобы этот Закон не действовал. "Джамагат" упустил свою победу. Воспользовавшись разногласиями на разных уровнях власти, старое руководство Карачаево-Черкесии, отлично отдававшее себе отчет в том, что в новых структурах Карачаевской и Черкесской республик оно не найдет себе место, предприняло беспрецедентную атаку на уже готовый законопроект и добилося отсрочки его рассмотрения под предлогом необходимости проведения в Республике "общественного опроса". Все силы и средства искушенного в политических интригах аппарата были брошены на подготовку этого "опроса" в нужном направлении. В ход шли и откровенные провокации (в казачьих районах распространялись дикие вымыслы о том, будто "Джамагат" собирается заселить эти районы турками, передать их во владение Турции и изгнать казаков), и грубые угрозы (к избирательным пунктам в карачаевских селах в день опроса стягивались отряды ОМОНа), и подтасовки результатов, и сбивающие с толку иезуитские формулировки самого опроса ("Согласны ли Вы - при условии реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов" на принципах равноправия всех народов - сохранить единую Карачаево-Черкесскую Республику?"). Национальное карачаевское движение не сумело противопоставить этому натиску достаточно гибкую и продуманную тактику; не нашло способа разъяснить людям, что при отрицательном ответе они не ставят под сомнение правильность Закона "О реабилитации..." и принципы равноправия всех народов. В результате опрос состоялся 28 марта 1992 года, и 78,5 % принявших участие в голосовании (прежде всего русские, черкесы, абазины, в чьи руки была передана судьба карачаевского народа) ответили на вопрос положительно.

Законодательная машина Российской Федерации дала сбой и закрутилась в обратном направлении. Б.Н. Ельцин отозвал из

Верховного Совета свой законопроект, и вопрос о восстановлении Карачаевской автономии был практически закрыт. В Республике началась тотальная обработка общественного мнения, нацеленная на то, чтобы впредь никто и никогда не смел вернуться к этому вопросу.

Бывшая советская номенклатура сумела мастерски использовать неопытность и доверчивость лидеров национального движения, растерянность и неосведомленность русского населения, амбиции казачества, запуганность карачаевцев, которым фактически пригрозили войной и второй депортацией, если они будут настаивать на отделении, и многие другие факторы. Вопрос о разделении Карачаево-Черкесии практически снят сегодня с повестки дня политической жизни Российской Федерации. Ныне в Республике мало кто из карачаевцев надеется, что самостоятельный Карачай можно возродить. Люди боятся новых потрясений, не верят в успех демократических начинаний, а социальное положение значительных групп интеллектуальной, научной, технической, политической карачаевской элиты, оказавшихся в Черкесске, где еще существуют более-менее нормальные условия, в то время как в заброшенном, разрушающемся, погибающем от безработицы Карачаевске жить просто невозможно, заставляет их уже в эгоистических интересах забыть о национальных идеалах.

Сегодня карачаевский народ, составляющий относительное большинство населения Карачаево-Черкесии (около 40 %) ⁴⁸⁴, вынужден довольствоваться менее чем четвертью прав, льгот (например, если судить по представительству в органах власти, в научных и культурных центрах, по количеству принадлежащих карачаевцам министерских портфелей, по расходам, выделяемым из бюджета на нужды карачаевских районов, по итогам приватизации, в результате которой карачаевцы получили только 15 % ценностей), деля всё, чем богата (а по нормальным меркам, не богата, а бедна Республика, занимающая едва ли не последнее место по уровню социально-экономического развития в Российской Федерации), с "национальными меньшинствами", к которым здесь относятся русские, черкесы, ногайцы, абазины. Практически карачаевцы, в массе своей, с этим смирились, и хотя на вопрос нашей анкеты "Удовлетворены ли вы современным политическим статусом Вашего народа?" 98 % опрошенных карачаевцев ответили отрицательно, но при выяснении их позиции стало очевидно, что эту ситуацию они не надеются изменить и не считают нужным предпринимать что-либо для изменения

⁴⁸⁴ Динамика численности карачаевского населения в Республике очень велика и не всегда учитывается экспертами, полагающимися на данные переписи населения 1989 года.

"политического статуса" Карачая⁴⁸⁵. Пусть так, лишь бы не было хуже, – таков основной рефрен аргументации нынешней политической пассивности практически всех слоев карачаевского населения.

Иное положение – в Балкарии, где осознанная и элитой (прежде всего творческой интеллигенцией), и массами невозможность, невыносимость дальнейшего существования балкарского этноса в рамках Кабардино-Балкарской государственности, под "гнетом" подавляющего кабардинского большинства толкает людей на крайние, решительные меры и легальной, и подпольной политической борьбы. Развитие событий проходит при этом достаточно драматично. Современный период (1997-1999 годы) можно характеризовать как этап глубокого поражения, глухой обороны, в которую вынуждено было перейти национальное движение, выдвигавшее требования самоопределения балкарского народа (отделения от Кабарды), как период жестокого преследования его лидеров и активистов. Тем не менее нам кажется это поражение временным, ибо никакого политического равновесия не достигнуто, никаких эффективных средств, которыми можно было бы или успокоить, или отвлечь, или хотя бы насмерть запугать балкарский народ, не найдено, борьба продолжается, и требования свободного самоопределения нарастают.

В ходе научной экспедиции, проведенной нами в Балкарии в 1998 году, буквально в каждом районе, на каждой заранее запланированной или стихийно возникающей встрече с балкарцами разного возраста, разного социального и образовательного статуса – от пастухов в далеких горах до известнейших художников, писателей, журналистов в Нальчике – нам говорили одно и то же – о невозможности, о противоестественности, о безнадежности самого существования балкарского народа "под кабардинским диктатом". Лишь в нескольких кабинетах избранных, высокопоставленных балкарских чиновников мы слышали дежурные фразы о дружбе народов и о том, что все нормально и спокойно в Кабардино-Балкарии, где "реабилитация балкарского народа идет опережающими темпами".

⁴⁸⁵ Анкета экспертного социологического опроса научной экспедиции Института этнологии и антропологии РАН (июль 1998) по программе "Тюркский мир Юга России: параметры этнической общности и дифференциации". Опрошено 200 человек (выборка среди жителей Черкесска, Карачаевска, Карачаевского и Малокарачаевского районов). Оригиналы заполненных анкет и материалы их компьютерной обработки хранятся в Центре по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН в Москве.

История вопроса о "балкарской автономии" гораздо в меньшей степени, чем в соседнем Карачае, способна "работать" на идею отделения Балкарии от Кабарды. Дело в том, что обособленная от Кабардинской Балкарская автономия существовала очень недолго, очень давно (в рамках Горской АССР в 1921 году были два отдельных национальных округа – Балкарский с центром в Долинске и Кабардинский с центром в Нальчике; 1 сентября 1921 г. на основе выделенного из Горской АССР Кабардинского округа была образована Кабардинская АО, 6 января 1922 года Наркомнац принял решение о выделении из Горской АССР Балкарского округа и образовании на его основе Балкарской АО, однако уже через три дня - 9 января 1922 года это решение было отменено, и 16 января 1922 года ВЦИК принял декрет об образовании Кабардино-Балкарской АО, которая в 1936 году была преобразована в АССР), так что под восстановление Балкарской автономии никак нельзя подвести Закон "О реабилитации репрессированных народов", поскольку к 8 марта 1944 года – к печальной дате депортации балкарцев - никакой отделившейся от Кабарды Балкарской автономии на карте Российской Федерации уже более 20 лет не было, а Кабардино-Балкарская АССР, преобразованная Указом Верховного Совета СССР 8 апреля 1944 года в Кабардинскую АССР, была восстановлена (в точном соответствии с прежним названием и внешними границами) 9 января 1957 года.

Тем самым проблема своей незавершенной "территориальной реабилитации" балкарцы ощущают еще более остро, чем карачаевцы, поскольку в Кабардино-Балкарии не были восстановлены те "национальные районы", в которых традиционно проживало, занимая предгорные ущелья, балкарское население. Болезненное ощущение своего неравноправного положения в качестве дискриминируемого меньшинства (балкарцы составляют всего 10 % населения Кабардино-Балкарии и почти в 5 раз уступают по численности кабардинцам⁴⁸⁶); воспоминания о том историческом периоде, когда разработанное в 1922 году "Положение об объединении Кабарды и Балкарии" включало принцип паритетности этнического представительства в органах власти (1/3 от балкарцев, 1/3 от кабардинцев и 1/3 от русских); надежды на изменение положения к лучшему в условиях перестройки и даже первые достигнутые на пути к "разъединению" договоренности с кабардинским национальным движением "Адыгэ Хасэ" - все это вдохновило лидеров балкарского движения на довольно решительные шаги и смелые инициативы, возможно, прямо или косвенно

⁴⁸⁶ По данным на 1994 год, в Кабардино-Балкарии проживало 789 тыс. человек, из них 366 тыс. – кабардинцы и около 78 тыс. – балкарцы.

санкционированные теми силами российской политической элиты, которые (во всяком случае, до перелома ситуации в конце 1992 года) не знали, чем обернется тенденция к укреплению адыго-кабардино-черкесской солидарности, и искали способы уравновесить ее сопротивлением тюркского мира. Первое заседание Съезда балкарского народа состоялось в марте 1991 года. Съезд обратился к Верховному Совету тогда еще Советской Социалистической Кабардино-Балкарской Республики с требованием восстановить существовавшее до депортации административно-территориальное устройство Республики (Эльбрусский, Черекский, Чегемский и Хуламо-Безенгиевский районы, в которых исторически всегда проживало балкарское население), создать двухпалатный парламент с паритетным представительством в одной из палат балкарского народа, обеспечить поочередное замещение должности главы Республики представителями разных народов, являющимися субъектами, образующими Республику. Как видим, вопрос о разделении Кабардино-Балкарии тогда еще не ставился, и если бы требования балкарского съезда были удовлетворены или хотя бы услышаны, возможно, не произошло бы дальнейшего обострения ситуации. Но руководство Кабардино-Балкарии проигнорировало обращение съезда. Тогда на втором своем заседании, созванном в ноябре 1991 года, Съезд балкарского народа принял "Декларацию о провозглашении Республики Балкария в составе Российской Федерации и национального суверенитета балкарского народа". Декларация еще не носила характер государственного постановления, демонстрируя лишь намерения, конечные цели балкарского движения, возглавленного Национальным Советом балкарского народа. Тем не менее некоторые практические решения Съезда, а затем и Совета свидетельствовали о начавшемся "снизу" претворении в жизнь требований обеспечения балкарского государственного суверенитета. Так, Съезд счел нецелесообразным для балкарского народа участие в выборах Президента КБССР, назначенных на 22 декабря 1991 года. В итоге в 28 избирательных участках выборы не состоялись, их бойкотировало балкарское население, и кабардинец В.М. Коков (бывший коммунистический партийный функционер), избранный Президентом Республики, не был избранником балкарского народа, в этих выборах не участвовавшего. Зато 29 декабря 1991 года состоялся референдум, проведенный среди балкарского населения Республики, на котором был поставлен вопрос "Поддерживаете ли Вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкария как субъекта РСФСР?". В референдуме приняли участие 85 % балкарцев, имеющих право голоса (38.411 граждан из 45.219, включенных в списки избирателей). Из них 36.404 человек, то есть 94,8 % участвовавших в референдуме ответили на поставленный вопрос

положительно.

Легитимность волеизъявления балкарского народа не вызывала сомнений, и на первых порах казалось, что оно, в принципе поддержанное и Верховным Советом Кабардино-Балкарии, не наносящее ни малейшего ущерба целостности Российской Федерации, будет реализовано. Однако властные структуры Республики, возглавленные Президентом В.М. Коковым, сумели уйти от решения этого вопроса, подменив однозначные результаты референдума волокитой комиссий и сомнительными результатами не предусмотренных конституционными нормами "опросов" и "региональных референдумов", которые выборочно проводились среди балкарского населения в 1994 году и итоги которых якобы означали, что народ "не признает никакого разделения и желает жить в единой Кабардино-Балкарской республике". Опрос, выданный постфактум парламентским Постановлением от 18 ноября 1994 года за "всенародное голосование (референдум)", и региональные референдумы с их чрезвычайно запутанными, перегруженными перечислением географических названий вопросами проводились с многочисленными нарушениями закона, при прямом давлении на голосующих, при подтасовках в подсчете голосов.

Ощущение бесправия, моральной, политической и экономической дискриминации балкарского народа нарастало на всем протяжении 1990-х годов.

17 ноября 1996 года продолжил свою работу Первый Съезд балкарского народа, который вернулся к рассмотрению Декларации "О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа". Нервозная обстановка, созданная властями Республики вокруг этого Съезда (хотя на его проведение было получено официальное разрешение, но делегатам не давали пройти в здание, целые автобусы и машины, следовавшие из балкарских районов в Нальчик с делегатами Съезда, милиция задерживала на дорогах), накалила атмосферу, в которой проходил Съезд, и подтолкнула к радикальным решениям даже наиболее осторожных участников процесса. Было принято Постановление по реализации прежней Декларации, определены границы новой Республики Балкария в пределах существовавших до депортации Эльбрусского, Черекского, Чегемского, Хуламо-Безенгиевского районов и населенных пунктов компактного проживания балкарцев - Кичималка, Хабаз, Ташлы-Тала; сформирован Государственный Совет Балкарии и образован его Исполком; приняты решения о предстоящих выборах Президента Республики Балкария и об обеспечении порядка на ее территории, в том

числе о формировании народных дружин, Обращение к Президенту РФ Б.Н. Ельцину, как гаранту прав и свобод человека и гражданина ⁴⁸⁷.

После закрытия съезда в Республике начались преследования его делегатов, аресты, допросы, обыски в квартирах. В Обращении делегатов Съезда в Палату по правам человека при Президенте РФ "в связи с теми гонениями, которым подвергались и подвергаются делегаты Съезда", указывалось на то, что руководство Кабардино-Балкарии избрало по отношению к балкарскому народу "путь запугивания, угроз и насилия" ⁴⁸⁸.

"От имени Национального Совета балкарского народа, который с 1994 года является членом ФСНЕ ⁴⁸⁹, – писал в декабре 1996 года Расул Джаппуев, – от имени созданного Первым съездом балкарского народа 17 ноября 1996 года Государственного Совета Балкарии обращаюсь в Президиум ФСНЕ, в Евросовет, ко всем правозащитным, демократическим организациям Европы с убедительной просьбой принять участие в судьбе нашей организации, которая подвергнута разгрому силовыми структурами Министерства внутренних дел Кабардино-Балкарии. В Республике развернуты преследования делегатов съезда и активистов Национального Совета балкарского народа. Заведены уголовные дела на членов Госсовета, проводятся незаконные обыски, много случаев избиений и издевательств над людьми балкарской национальности. Осуществляется политика террора против балкарского народа. Ему закрыт доступ к средствам массовой информации. Наскоро сформированные из послушных властям чиновников или запуганных обывателей собрания "представителей балкарского народа" фальсифицируют подлинную волю народа, выраженную на референдуме 29 декабря 1991 года и подтвержденную

⁴⁸⁷ Обращение Съезда балкарского народа к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину; Выступление Расула Джаппуева - Председателя Съезда балкарского народа; Постановление о мерах по реализации Декларации "О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета Балкарского Народа"; Правовое заключение по вопросу об образовании Республики Балкария в составе Российской Федерации // Балкарский форум, Нальчик, 1997, январь (спецвыпуск), С. 1-6.

⁴⁸⁸ Обращение делегатов I Съезда балкарского народа в Палату по правам человека Политико-консультативного Совета при Президенте Российской Федерации // Балкарский форум, Нальчик, 1997, январь (спецвыпуск), С. 7.

⁴⁸⁹ ФСНЕ – Федеральный Союз народов Европы (Föderalistische Union Europäischer Völker), имеющий консультативный статус при ООН и Евросовете, основан в 1949 г.

17 ноября 1996 года съездом балкарского народа о самостоятельной Балкарии в составе Российской Федерации. Ущемляются конституционные права балкарского народа. Наш народ терпит национальное бедствие..."⁴⁹⁰.

Практически все балкарские общественные организации в ноябре-декабре 1996 года были закрыты, их офисы опечатаны. Национальная балкарская партия "Тёре" была запрещена. Против членов избранного на съезде Государственного Совета, возглавленного Расулом Джаппуевым, были заведены уголовные дела. На скорую руку организованные политические фарсы типа "собрания балкарских депутатов всех уровней" или "собрания балкарской творческой интеллигенции" (куда настоящих представителей интеллигенции не пускали, а библиотекарей и клубных работников заставляли зачитывать заготовленные тексты, осуждающие решения национального съезда от имени интеллигенции) должны были осудить решения съезда.

Властные структуры Кабардино-Балкарии сумели с максимальной выгодой для себя, для укрепления своих позиций использовать сложившуюся в конце 1996 года ситуацию (шок, растерянность, страх перед новыми репрессиями значительной части балкарского населения, раскол в рядах руководства бывшего Национального совета, паралич всех де-юре или де-факто запрещенных балкарских общественных организаций, тень судебных преследований, нависшая над их лидерами; рост национализма и антибалкарских настроений в кабардинской среде).

12 января 1997 года состоялись выборы Президента Кабардино-Балкарии, которые имели безальтернативный характер: в бюллетени для тайного голосования была внесена одна единственная кандидатура действующего Президента В.М. Кокова. Результаты этих выборов, поразившие, как гром, демократическую общественность России, были подобны результатам "единодушных" выборов во времена советского застоя или сталинского террора. По официальным данным, в выборах участвовало 97,5 % избирателей, и за В.М. Кокова проголосовало 99,35 % принявших участие в выборах.

Все последующие отчаянные попытки активистов балкарского движения доказать немыслимость подобных результатов (составлялись перечни балкарских населенных пунктов, где избирательные участки в день президентских выборов даже не открывались; собирались свидетельства очевидцев о массовых изъятиях из урн бюллетеней и их замене) остались "гласом вопиющего в пустыне". Воля балкарского

⁴⁹⁰ Текст воззвания (рукописный оригинал) находится в распоряжении авторов.

народа к организованному коллективному сопротивлению была подавлена.

Укрепив свои позиции на посту Президента, В.М. Коков направил свои дальнейшие усилия на разработку нового проекта Конституции Кабардино-Балкарской Республики, на законодательное обеспечение своей диктатуры на долгие времена. В новой Конституции КБР, которая была принята Парламентом 1 сентября 1997 года (без народного референдума), исчез имевший место в прежних редакциях пункт о том, что одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более двух сроков подряд. Из этой же Конституции были изъяты всегда фигурировавшие в прежних Конституциях КБР наименования этносов, образующих Республику, прежде всего само упоминание балкарского народа, что чрезвычайно болезненно было воспринято балкарцами, которых вовсе не вдохновляла перспектива полностью раствориться в "народе Кабардино-Балкарии".

В политической жизни Республики балкарцы оказались дискриминируемым меньшинством, и исправить это положение никак не могли демонстративные меры по внедрению в депутатский корпус и в правительство Республики узкого круга послушных президентской воле чиновников балкарской национальности ⁴⁹¹.

Ногайцы не подверглись сталинским репрессиям и депортации в той форме, в какой эта беда обрушилась на родственные им тюркские народы Юга европейской части бывшего СССР - на карачаевцев, балкарцев, крымских татар, месхетинских турок, однако

⁴⁹¹ Как старательно объяснял нам на встрече, состоявшейся 30 июля 1998 г. в парламенте Кабардино-Балкарии, Председатель Палаты Представителей Ильяс Бечелов, "вопрос паритетного этнического представительства в органах власти Кабардино-Балкарии решен" следующим образом: Президент Республики – по национальности кабардинец, Вице-президент – русский, Председатель Кабинета министров – балкарец; в правительстве КБР русские имеют 3 министерских портфеля, балкарцы – 4, кабардинцы – 10; законодательную Палату парламента – Совет Республики – возглавляет кабардинец, Палату представителей – балкарец (он сам); в Совете Республики на постоянной основе работают 36 депутатов, в том числе 6 балкарцев; в Совете представителей из 36 депутатов – 8 балкарцев. С 1 сентября 1997 года при Парламенте действует Комитет по межнациональным отношениям, в составе которого 5 балкарцев, 5 кабардинцев и 5 русских (а во главе 3 сопредседателя – балкарец, кабардинец и русский), причем этот Комитет обладает правом вето на принятие решений, касающихся национальной политики, прав и интересов народов Республики.

совершившееся в 1957 году (по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР № 721/4) административное расчленение Ногайской Степи между Дагестанской, Чечено-Ингушской АССР и Ставропольским краем, включавшим тогда и Карачаево-Черкесскую Автономную Область, сами ногайцы воспринимают как государственную репрессию. "Ни один народ на Северном Кавказе не подвергался такой дискриминации, такому тотальному издевательствам, – говорил, оценивая последствия "расчленяющего" Указа от 9 января 1957 года, ногайский писатель и общественный деятель Иса Капаев. – Это были репрессии!"⁴⁹².

Тот факт, что репрессии такого рода обрушились на ногайский народ спустя 13-14 лет после сталинских репрессий, направленных против других, соседних народов, что во главе страны тогда стоял уже не И.В. Сталин, а Н.С. Хрущев, одновременно, как бы другой рукой, облегчивший долю депортированных и восстановивший структуру Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой и Карачаево-Черкесской автономий (но не желавший и слушать о восстановлении Крымской АССР), свидетельствует о перманентности такого рода репрессий в СССР, сменявших друг друга из года в год и лишь незначительно различавшихся между собой по формам и конкретным адресам очередных жертв. При некотором улучшении положения одних непременно наступало ухудшение положения других народов, ущемленных в своих правах, территориальных владениях или формах государственного устройства, что создавало и поддерживало разобщенность между ними согласно классическим принципам политики "Разделяй и властвуй".

В годы советской власти, когда в интенсивные процессы национально-государственного строительства были вовлечены многие "коренные народы" и этнические меньшинства, чью поддержку искали большевики, ногайцам не удалось использовать шанс автономного "самоопределения". В силу целого ряда причин, включая этническую раздробленность ногайцев на ряд субэтнических групп, неразвитость национально-освободительного движения в начале 20 века, отсутствие сильных лидеров и национальной политической элиты, пересечение эгоистических интересов соседних влиятельных группировок, определявших в разные годы сценарий административно-политического раскроя Северного Кавказа, явное пренебрежение к тюркским народам, усиленное опасениями тюркской солидарности

⁴⁹² Доклад писателя Исы Капаева на съезде кубанских ногайцев в Черкесске в 1996 году. Рукопись в распоряжении авторов (получена нами в ходе проведения экспедиции 1999 года от самого И. Капаева).

("пантюркизма"), со стороны союзного "Центра", никакой "советской, социалистической" Ногайской автономии не было создано, хотя объективных оснований для этого было вполне достаточно. Ростом такой автономии мог стать Кизлярский округ с абсолютным преобладанием на его территории ногайского населения. Однако 11 апреля 1922 года он был включен в состав Дагестанской АССР, и дальнейшие процессы формирования ногайской государственности оказались заторможенными. Многочисленные, в том числе весьма конструктивные варианты решения ногайской проблемы, которые обсуждал в 1922 году созданный в Ачикулаке объединенный съезд караногайской национальной общины, были в конечном итоге сведены к одному единственному пути развития ногайской национальной культуры в Дагестане. Значительные территории с ногайским населением к западу от Дагестана оказались оторванными и изолированными даже от призрачной, "коллективной" автономии, какой пользовались народы Дагестана.

И все же пока районы с преобладающим ногайским населением сохраняли некоторую компактную целостность в административном устройстве Северо-Кавказского края и в ряде случаев даже назывались в соответствии с ногайским этнонимом или традиционной топонимикой (Кизлярский, Ачикулакский), что рождало слабую иллюзию хотя бы районной автономии, положение казалось не безнадежным и некоторая перспектива равноправия ногайцев с другими народами Кавказа могла рассматриваться как нечто реальное.

Территориальный передел 1957 года, усугубленный переименованиями районов, не оставившими и следа ногайской этничности на карте Северного Кавказа (так, Ногайский район в Карачаево-Черкесии был переименован в Адыге-Хабльский, Каргалинский район со всеми его ногайскими аулами вошел в состав вновь образованного Шелковского района, включенного в Чечено-Ингушскую АССР, из Ачикулакского и Каясулинского районов был образован Нефтекумский район в составе Ставропольского края) перечеркнул все перспективы возможной консолидации и восстановления государственности ногайского народа. Это воспринималось особо острой несправедливостью в контексте с демонстративным восстановлением и даже расширением прав других народов кавказского региона и в явном противоречии с духовными потребностями, возможностями и стремлениями самого ногайского народа, чей демографический, экономический, интеллектуальный потенциал к тому времени был достаточно мощным для решения любых проблем автономного строительства.

В субъективной ногайской интерпретации акция 1957 года с каждым годом все более воспринималась как враждебная по

отношению к ногайскому народу, и ее значение выросло до размеров национальной катастрофы. Так, например, в "Обращении ко всем жителям Нефтекумского района", принятом 29 июля 1990 года на учредительной конференции ногайской общественной организации "Бирлик" в ауле Каясула, говорилось: "В 1957 году без согласия ногайского народа его этнотерритория и сам народ были расчленены на три части и включены в три административные образования. Шелковской район был подчинен ЧИАССР, Кизлярский, тарумовский и Ногайский – ДАССР, Каясулинский, Ачикулакский – Ставропольскому краю. Таким образом, искусственно были проведены границы между отдельными частями ногайской территории. [...] Народ был расчленен и потерял свое единство... Вдобавок к этому с 1957 года в ногайских школах перестали изучать родной язык... Сейчас нет квалифицированных учителей ногайского языка, нет учебной и методической литературы, нет единого регионального издательского центра. Все на нулевой отметке.

Дорогие сограждане. живущие с нами бок о бок в районе! Скажите, разве то, что произошло с нами, не есть катастрофа народа? Разве все это не может вызвать чувства сострадания у всех людей доброй воли? Разве мы не имеем права ставить вопрос о своей реабилитации, а значит жизни?..."⁴⁹³.

Расчленение затормозило процесс национального единения ногайского народа, способствовало консервации субэтнических групп на основе патриархальных клановых, родовых признаков, древних племенных объединений и вновь созданной искусственной территориальной изоляции разных групп ногайского населения друг от друга. Таким образом, до сих пор остаются различия и в диалектах, и в бытовой культуре, и в самосознании между такими группами, как караногайцы (наиболее крупная часть ногайского этноса, проживающая, главным образом, на территории Дагестана, где их численность, по данным 1989 года, достигала 28,3 тысяч человек), кубанские ногайцы (в Карачаево-Черкесской Республике их проживает свыше 13 тысяч), ачикулакские и кумские ногайцы (в Ставропольском крае), астраханские ногайцы (в Астраханской области).

Ни в одном из этих субъектов Российской Федерации ногайский народ не обозначен в названии. Формально ногайские национальные интересы можно считать хотя бы отчасти "учтенными" в республике Дагестан (где все народы поставлены в равное положение в

⁴⁹³ Обращение конференции ногайской общественной организации "Бирлик" ("Единство") ко всем жителям Нефтекумского района. 29 июля 1990 г. Документ (оригинал Обращения) в распоряжении автора.

том смысле, что ни один из них не выделен в титульном наименовании республики) и в Карачаево-Черкесии, последняя, действующая Конституция которой определяет здесь пять народов в качестве "государствообразующих" субъектов – абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов (по алфавиту). Однако на практике и в Дагестане, где государственная забота прежде всего распространяется на крупные горские народы, и в Карачаево-Черкесии, где традиционно значительные преимущества имеют черкесы, права ногайского народа значительно урезаны. Достаточно сказать для примера, что в Черкесске нет ногайского театра (ногайской театральной труппы), хотя есть и русский, и карачаевский, и черкесский театр, а в Махачкале чиновники, "руководящие культурой", даже выступления ногайских фольклорных ансамблей и художественной самодеятельности рассматривают как нечто чужеродное, ставят их выступления в концертах на последнее место или вовсе исключают из программы ⁴⁹⁴.

Особенно трудным и даже бедственным оказалось положение ногайцев, чьи земли по разделу 1957 года были включены в составе Шелковского района в Чечено-Ингушскую АССР. К 1989 году их проживало здесь 6,9 тысяч человек. Уже после провозглашения в 1991 году независимости Чечни ногайцы фактически оказались здесь в положении заложников. Тысячи разоренных, ограбленных, лишившихся и работы, и имущества, и крова людей, переживших все ужасы войны, террора, разрухи, устремились сегодня из обезлюдивших ногайских аулов Чечни к своим "соплеменникам" – в Карачаево-Черкесию и Ставропольский край. Ни политика краевой и республиканской администрации, которая и "своих"-то ногайцев десятилетиями в упор не замечала, ни экономическое положение этих регионов с их массовой безработицей и низким жизненным уровнем не позволяют обрести достойную жизнь ногайским беженцам и вынужденным переселенцам (далеко не всегда имеющим данный статус и лишенным поэтому всякой государственной помощи).

Таковы итоги горькой истории народа, оставшегося без той самой "национальной государственности", мифологизацию которой столь решительно осуждают и столь остроумно высмеивают противники этой идеи. Нам кажется, что печальный исторический опыт ногайского народа со всей очевидностью показывает, что даже советская социалистическая государственность (союзная республика, автономная республика) и административная система, включавшая

⁴⁹⁴ С горечью приводил такие факты в своем выступлении на втором объединенном съезде ногайцев в Махачкале художник С. С. Батыров (Половецкая луна, 1991, № 2. С. 10-11).

такие формы, как автономная область, округ, национальный район, при всей очевидной демагогии сопутствующих ей деклараций и крайне ограниченной самостоятельности, все же служила некоторым гарантом выживания этнических общностей, особенно когда речь шла о судьбе малых или в прошлом жестоко угнетенных народов. Отсутствие таких структур, расчлененность территории, невозможность самоопределения и самоуправления тяжелейшим образом сказались на судьбе ногайского народа, определив целый ряд невосполнимых политических, социальных, культурных, духовных утрат. Неудивительно, что ногайское национальное движение, зародившееся в условиях перестройки, окрепшее в начале 1990-х годов, оформившееся в виде межрегиональной организации "Бирлик", с самого начала во главу угла своей деятельности поставило задачу воссоединения ногайских земель и создания государственных структур (автономии), которые могли бы стать ядром, эпицентром ногайского этнокультурного поля, базой национального возрождения.

23 декабря 1989 года в ауле Червлёные Буруны Ногайского района Дагестана открылся Второй (отсчет велся с 1922 года) объединенный съезд ногайского народа. На этом съезде была учреждена общественная организация "Бирлик" ("Единство"), которая с той поры, несмотря на смену лидеров и неоднократные структурные преобразования, остается основной движущей силой ногайского национального движения.

Как было определено уже в одном из первых вариантов Устава, зарегистрированного Отделом юстиции Ставропольского крайисполкома 12 августа 1991 года, "Бирлик" - организация единомышленников, возникшая на основании свободного волеизъявления ногайского народа". "Цели и задачи" организации "Бирлик" были сформулированы в двух пунктах: "2.1. Восстановление территориальной целостности ногайского народа. 2.2. Создание (ногайского) национально-территориального образования в составе РСФСР"⁴⁹⁵.

В заявлении на имя Президента Федерального Союза народов Европы (ФСНЕ) Карла Миттердорфера о приеме межрегионального общества "Бирлик" в члены-корреспонденты ФСНЕ его Председатель Б. Кельдасов писал весной 1994 года:

⁴⁹⁵ Устав ногайского общественного объединения "Бирлик". Зарегистрирован отделом юстиции Ставропольского крайисполкома 12 августа 1991 г. № 27. С. 1. (Заверенная печатью копия документа в распоряжении авторов).

"Основная цель нашей организации - поддержка и консолидация стремлений ногайского народа к демократизации общества, его моральному обновлению, созданию своего национального образования в составе Российской Федерации. Конечной целью "Бирлик" является объединение районов проживания ногайцев в Ногайской степи, разделенной административными границами между северокавказскими субъектами Российской Федерации, в одном государственном образовании и предоставление ногайцам самоуправляемой автономии на этой территории..."⁴⁹⁶.

При всей этнологической спорности понятий ("этнотерритория", "территориальная целостность ногайского народа" и др.), которыми оперировали активисты "Бирлик", и при всей сложности поставленной ими задачи воссоединения разорванных между разными субъектами Федерации земель, программа "Бирлик" не была абсолютно утопичной. В ней не было речи ни о моноэтничном ногайском государстве, ни о непременном объединении в одно административное целое всех земель, где когда-либо ступал конь ногайского всадника или где проживает хоть один ногаец. Это была довольно реалистичная программа объединения граничащих друг с другом земель, на которых компактно проживало и преобладало ногайское население. Эти земли соответствовали историко-географическому понятию "Ногайская степь" и могли бы составить цельную полосу, окаймляющую с севера Кавказские предгорья, протянувшуюся от Дагестана до Ставропольского края. Никаких существенных потрясений в структуре Республик, уступающих Ногайской автономии свои окраинные, периферийные, степные зоны (во всех случаях довольно узкие отрезки земли) план воссоединения ногайских земель не предполагал, хотя, разумеется, какие-то всплески национально-государственного эгоизма и в Махачкале, и в Грозном, и в Черкесске он мог вызвать, и это сопротивление предполагалось преодолеть с помощью механизмов народного волеизъявления, демократических опросов или референдумов, разъяснительной – среди всех жителей Северного Кавказа - работы. При этом "Бирлик" неслучайно акцентировал задачу "реабилитации" пострадавшего от государственного произвола ногайского народа, надеясь использовать в своих целях российский "Закон о реабилитации репрессированных народов" 1991 года с его статьей о "территориальной реабилитации" (к ногайскому народу он

⁴⁹⁶ Подлинный документ из архива ФСНЕ в распоряжении авторов. Заявление поступило в Генеральный секретариат ФСНЕ 31 марта 1994 года.

прямого отношения не имел, но все же, как казалось лидерам "Бирлик", подводил некоторую базу законности под их инициативы).

Что касается форм будущего национально-территориального образования, то "Бирлик" не настаивал ни на чем определенном, заранее соглашаясь и на Республику в составе РФ (оптимальный вариант), и на Автономную область, и даже на автономный округ, понимая, что главное - сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, а конкретные решения, вплоть до конфигурации границ и будущего столичного центра, (окажется ли он в Терекле-Мектеб или в Каясула), можно будет уточнить позднее.

Ни до каких уточнений дело не дошло, и ногайское национальное движение, нацеленное на воссоединение ногайских земель и создание Ногайской автономии, практически захлебнулось, столкнувшись с жесточайшим сопротивлением националистических сил в республиках, не желавших уступить ни одной пяди территории новому национальному образованию, а также с паническим страхом федеральных властей перед "перекроем границ" северокавказских республик (позитивный опыт в этой области ограничился созданием Республики Ингушетия в 1992 году; после вооруженных конфликтов 1992 года речь в Москве шла преимущественно только о моратории на пересмотр статуса краев, областей и республик). Более или менее благоприятное для реализации идеи Ногайской автономии время (самое начало 1990-х годов) "Бирлик" упустил, а позднее с каждым годом к этому вопросу возвращаться было все более безнадежно. Массовый энтузиазм ногайского населения, перекидывавшийся, как живое пламя, через границы, разделявшие ногайские аулы, стремительно улетучился в условиях той экономической разрухи и обнищания, которые все более нарастали к середине и к концу 1990-х годов и ассоциировались с "реформами" и, вообще, с "демократией". Разочаровавшись в той "демократии", которая оборачивалась нищетой простых тружеников, разгулом криминальной стихии, финансово-экономическим коллапсом и другими социальными бедами, пережив сильнейший шок утраты от близкой чеченской войны, ногайцы в своей массе к концу 1990-х годов уже ничего не хотели и не ждали от демократического национального движения, с которым еще недавно они связывали свои надежды, не слишком доверяли прежним лидерам и не выдвигали из своей среды новых "борцов за общее дело", боялись любых потрясений.

Определенную роль в том, что программа воссоединения земель и создания Ногайской автономии была сорвана и не смогла реализоваться, сыграла вовремя подброшенная идея национально-культурной (экстерриториальной) автономии, заимствованная из давно устаревшего "бундовского" политического арсенала в значительной мере и едва ли не в первую очередь для "успокоения" ногайских

амбиций (во всяком случае Рамазан Абдулатипов, бывший одним из инициаторов и разработчиков Закона о национально-культурной автономии, всегда иллюстрировал ее возможное действие на ногайском примере). Нельзя сказать, что на Северном Кавказе всерьез поверили, будто национально-культурной автономии ногайцам достаточно, но все же определенная растерянность в ряды национального движения была внесена.

Эта растерянность ощущается и ныне, что помогла выявить анкета экспертного социологического опроса, проведенного в ходе нашей экспедиции в 1999 году в районах компактного проживания ногайцев. 80 из 200 респондентов, заполнивших эти анкеты, ответили одновременно "да" и на вопрос "Считаете ли вы целесообразным/необходимым создание национально-территориальной автономии (Республики) ногайского народа в Российской Федерации?" и "Считаете ли Вы достаточной для удовлетворения интересов и духовных запросов ногайского народа национально-культурную автономию (без территориальной автономии и государственности)?".

Разумеется, тот факт, что все же 112 респондентов (еще 8 затруднились ответить) заявили, что не считают достаточной национально-культурную автономию, а 198 из 200 опрошенных однозначно ответили "да" на первый вопрос о целесообразности создания ногайской национально-территориальной автономии, свидетельствует о том, что резервы национального движения под лозунгами создания Ногайской автономии еще далеко не исчерпаны, хотя подчеркнем еще раз, что к концу 1990-х годов это движение выглядит заметно слабее, чем в начале этого десятилетия. За десять лет (1989-1999) "Бирлику" не удалось ни на йоту продвинуть вперед решение проблемы воссоединения ногайских земель.

Как показывает исторический опыт, подавление народной воли редко приводит к миру и согласию. Вряд ли исключением в этом плане окажется модель взаимоотношений тюркских народов Северного Кавказа с политикой федерального "Центра", игнорирующего их требования и интересы.

Единственно, на чем федеральный центр может держаться и рассчитывать на укрепление российского влияния в тюркском мире, это особенно развитый в карачаево-балкарской среде (ногайцы могут также оказаться в фарватере этой стихии) так называемый "антикабардинский" ("античеркесский") синдром. Реальную опасность для своей этнической идентичности, социально-экономического благополучия, реальную угрозу нарушения государственного равноправия, своих гражданских и человеческих прав подавляющая масса карачаевцев и балкарцев видит в кабардинской (черкесской) экспансии. Свои главные надежды карачаево-балкарское национальное

движение связывает с обособлением от соседнего, доминирующего кабардино-черкесско-абазинско-адыгского большинства и соответствующим образом формулирует свои практические задачи – от минимальных ("восстановите наши, балкарские районы в Кабардино-Балкарии!", "дайте нам возможность избрать нашего, карачаевского Президента!") до максимальных (провозглашение самостоятельных, отделенных и от Черкесии, и от Кабарды тюркских республик Северного Кавказа – Карачая и Балкарии или единой Карачаево-Балкарской Республики, безусловно сохраняющих при этом лояльность по отношению к Москве и даже "не помышляющих" о выходе из России). Здесь сложно переплелись и слились воедино и воспитанный десятилетиями комплекс собственной национальной неполноценности ("Без России мы не можем!", "Без России мы пропадем!"), и сохранившийся в исторической памяти народа страх (каждое – действительное или вымышленное – выступление карачаевцев и балкарцев против России, если вспомнить историю Кавказской, Крымской, гражданской, Великой Отечественной войны, кончалось настолько жестоким и кровавым подавлением и массовым геноцидом, что еще одного подобного удара маленький народ просто не вынесет), и искренняя примиренность подавляющей массы карачаевцев и балкарцев с их положением российских граждан и готовность к политической и культурной интеграции в состав России, в которой они видят экономические и культурные преимущества, а влияния других государств (от ближайшего соседа - Грузии - до дальней и почти абстрактной "Америки") боятся гораздо больше, чем уже знакомого и привычного российского господства; и – лишь в очень незначительной степени – тактический расчет немногих общественных деятелей, скрывающих свои истинные политические планы государственного "самоопределения" карачаево-балкарского народа по закавказским, среднеазиатским или чеченскому образцам под маской демонстративного дружелюбия к России и "единения на вечные времена" (последнее менее всего относится к избранному в 1999 году Президентом Карачаево-Черкесии бывшему главнокомандующему сухопутными силам и советнику российского Генштаба генералу В.М. Семенову, решительно заявляющему о том, что он пришел на этот пост для того, чтобы навеки закрепить принадлежность Северного Кавказа России).

Можно сказать, что эксперимент колониальной политики по "разделению" и разжиганию вражды между народами, оказавшимися в поле российской экспансии на Северный Кавказ, в зоне тюрко-адыгского пограничья, доведен до своего успешного, идеального завершения. Мы имеем здесь точно такую степень отчуждения, до какой дошло дело между ингушами и осетинами в соседнем

северокавказском регионе. До тех пор, пока национальные чувства балкарцев и карачаевцев будут пылать и питаться ненавистью (подозрительностью, ревностью, горечью накапливаемых обид, жаждой мести) к кабардинцам-черкесам, с которыми они принуждены жить в одном, "противоестественно" построенном государстве (одни - в Кабардино-Балкарии, другие - в Карачаево-Черкесии), Россия может не опасаться за свои прочные государственные позиции и устои в этом регионе Северного Кавказа. Неслучайно поэтому и в современных документах, формулирующих основные принципы российской национальной политики на Северном Кавказе, жестко звучат требования воспрепятствовать "разделу и дроблению" этих республик, закрепить на вечные времена нынешние государственные структуры.

В борьбе за свои права карачаевцы и балкарцы, ощущающие себя как единое целое (один народ), а также родственные им по языку, культуре и общим бедам, пережитым в давней и недавней истории, другие тюркские народы Северного Кавказа все более остро ощущают необходимость совместных действий и координации усилий. Однако, их сотрудничество все же до сих пор нельзя считать достаточно налаженным, а понимание единства тюркской общности еще недостаточно глубоко проникло в народное сознание и еще не может формировать стратегию национально-освободительной борьбы.

Один из лидеров карачаевского национального движения, сопредседатель демократической организации "Джамагат" Билал Лайпанов писал в этой связи:

"... Значение тюркской общности (и как идеи, укоренившейся в национальном сознании; и как достаточно эффективной и реальной, "действующей" политики) не следует преувеличивать. Во многих случаях эта система дает сбой. "Весна надежд", возлагавшихся тюркскими национальными меньшинствами России и тюркскими народами Закавказья и Средней Азии на то, что "Турция нам поможет", — эта весна, длившаяся с конца 1980-х по крайней мере до середины 1990-х годов, ныне уже миновала, столкнувшись с холодным прагматизмом и расчетливым эгоизмом в определенных кругах турецкой политической и предпринимательской элиты. Внутри России и даже внутри сравнительно небольшого северокавказского региона тюркские народы (может быть, точнее — лидеры национальных движений тюркских народов) не всегда находят общий язык. Так, например, нам (политическому руководству национального движения карачаевского народа, активу демократической организации "Джамагат") порою труднее бывает договориться с представителями ногайского межрегионального объединения "Бирлик" и с ногайскими общинами на территории Карачаево-Черкесии, в том числе и по принципиальным вопросам национально-государственного устройства,

чем с людьми, не понимающими язык и далекими от нашей (единой с ногайцами) тюркской общности. В целом, задачи национального карачаевского возрождения (связанные с решением всего комплекса социальных, административных, культурных проблем, непосредственно касающихся нашего народа) для нас несомненно более приоритетны, чем несколько расплывчатые цели тюркского единения"⁴⁹⁷.

В то же время в той же карачаевской среде мы встречали и горячих энтузиастов и пропагандистов идеологии тюркизма, уверявших нас в том, что даже принятое деление тюркского мира на этносы - искусственное изобретение и враждебная уловка российского "центра", что "все мы - турки", и перед лицом этой великой общности не имеет никакого значения, кто из нас - карачаевец, кто - татарин. Эта позиция ярко выражена в письме одного из самых последовательных в Караче энтузиастов пантюркизма Хасана Халкёча.

"Лет 20 назад, – пишет он, – после прочтения запретной тогда книги Олжаса Сулейменова "Аз и я" во мне пробудилась глубокая любовь к тюркскому миру, понимание наших общетюркских интересов. Мне кажется, эта книга просто разбудила то, что во мне было заложено самой природой. Я выписывал журнал "Советская тюркология", пока его не закрыли; собирал и изучал материалы по тюркологии. Душой и сознанием ощущаю, что мы – единый мир, единый народ, который лишь на время (на несколько веков) был раздроблен, и связи потеряны. Наверно, одним из первых в Карачае я услышал о движении тюркского возрождения и очень переживал, почему мой народ в нем не участвует[...] Впервые в августе 1993 года я участвовал в работе Всемирного тюркского фестиваля[...] Хотя я оказался тогда среди незнакомых мне людей (а они, в большинстве, уже знали друг друга по предыдущей работе), у меня было такое ощущение, что я нахожусь среди близких родственников. Их речи на родных языках были мне понятны и до боли знакомы, будто они говорили, читая мои мысли, и меня очень трогало, что мою речь они тоже понимали с полуслова[...] После этого были Конгресс лидеров тюркской молодежи (Казань), съезд Ассамблеи Тюркских народов (Чебоксары), Конференция тюркских народов (Вашингтон). Эта волна захватила и понесла меня[...]

Я – старший инициативной группы по созданию тюркской организации в Карачае. Эта организация, можно сказать, уже работает. В ее составе – ученые, писатели, предприниматели. В начале 1994 года меня делегировали в Стамбул, где я встречался с Президентом Фонда

⁴⁹⁷ Билял Лайпанов. *Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. Москва, 1998. С. 143-144.*

исследования тюркского мира (ФИТМ) Тураном Язганом, получил от него 10 приглашений для карачаевцев, желающих пройти стажировку и учебу в этом Фонде. Я роздал их преподавателям и студентам Университета в Карачаевске. Туран Язган с большим интересом выслушал мой рассказ о создающейся организации в Карачае.

[...] Когда я слышу, как мои соотечественники говорят: "Мы, карачаевцы, – маленький народ", – все во мне противится этому. Народ должен осознать, что мы, карачаевцы, – не маленький народ, мы – неотъемлемая составная часть двухсотмиллионного тюркского мира. Сегодня уже возрождается единый общетюркский литературный язык. Мы без переводов понимаем друг друга... Никто не сможет меня убедить, что я представитель маленького народа, ибо я ощущаю себя частицей величайшего и древнейшего тюркского народа. И это так же глубоко чувствуют многие татары, хакасы, алтайцы, с которым я держу постоянную связь, переписку, обмен литературой.

Необходимо избавиться от прежнего мышления. Это коммунисты нам внушали: мы – "маленький народ", у которого ничего не было в прошлом – ни письменности, ни государственности, все якобы дала нам советская власть. Эта ложь становится очевидной, когда прикасаешься к памятникам тюркской культуры, к шедеврам древнетюркской поэзии. Тувинская делегация привезла недавно в Стамбул, в ФИТМ, тюркские поэтические тексты полуторатысячелетней давности. Трудно описать, что я испытывал, когда выяснилось, что я могу читать их, что я их понимаю (лишь в некоторых случаях мне требовалась небольшая помощь специалистов). Я чувствовал, что это моя родная древняя литература [...]

Что удивительно, возвращаясь с каждого общетюркского форума и информируя о нем соотечественников, я нахожу у простого народа больше понимания [...] Число серьезно интересующихся проблемами тюркской общности растет на глазах. Люди быстро разбирают литературу, которую я привожу в Карачай из Турции и из других центров, с форумов тюркизма, внимательно ее читают... " 498 .

Анкета социологического опроса, проведенного в ходе экспедиции 1998 года в Карачае и Балкарии и в ходе экспедиции 1999 года в ногайских районах включала вопросы о знании корреспондентами языков и культур соседних тюркских народов, об их контактах с Турцией. Среди охваченных нашим социологическим опросом карачаевцев, балкарцев, ногайцев и крымских татар почти равное, паритетное пропорциональное представительство имеют, как оказалось,

⁴⁹⁸ Письмо Хасана Халкёча от 22 февраля 1994 года в личном архиве С.М. Червонной. Цитируется с разрешения автора письма.

люди, влюбленные в Турцию и связывающие с ней все свои надежды и идеалы, и люди, глубоко разочаровавшиеся в турецкой политике, в турецкой способности "прийти к нам на помощь" или вовсе не имеющие ясного представления об этой далекой стране.

На вопросы, включенные в анкету опроса общественного мнения по программе комплексной научной экспедиции "Тюркский мир Северного Кавказа: основные параметры этнической общности и дифференциации", проведенного летом 1998 года среди карачаевцев и балкарцев, ответы сельских и городских респондентов распределились следующим образом:

" Бывали ли Вы в Турции?

да, много раз - 2 % опрошенных

да, несколько раз - 5 % опрошенных

да, однажды - 27 % опрошенных

нет, никогда не бывал - 66 % опрошенных

Знаете ли Вы турецкий язык?

да - 15 % опрошенных

нет - 10 % опрошенных

очень слабо - 75 % опрошенных

Считаете ли Вы турецкую культуру близкой культуре Вашего народа?

да - 28 % опрошенных

нет - 12 % опрошенных

не совсем - 20 % опрошенных

затрудняюсь ответить - 40 % опрошенных

Знакомы ли Вы с идеями тюркизма (культурного и политического единения всех тюркских народов мира) и как Вы к ним относитесь?

не знаком, ничего об этом не слышал - 10 % опрошенных

знаком, сочувствую движению тюркизма, но сам в нем не участвую - 50 % опрошенных

знаком, глубоко разделяю эти идеи и сам активно участвую в движении тюркизма - 25 % опрошенных

знаком, но считаю эти движения ошибочными и отношусь к движению тюркизма отрицательно - 5 % опрошенных"⁴⁹⁹.

⁴⁹⁹ Материалы полевых исследований, социологических опросов, подвергнутых компьютерной обработке и систематизации, включая заполненные анкеты, и дневники экспедиции, проведенной на Северном Кавказе, хранятся в рабочем архиве автора и в Центре по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии Российской Академии наук.

В то же время при более конкретной постановке вопросов, как бы приближающей отвлеченный "тюркизм" к насущным делам региона и повседневным понятиям и предлагающим сопоставления не с далекой Турцией, а с ближайшими соседями тюркской общности, позитивная реакция была более очевидной.

Так, на вопрос распространяемой среди балкарцев и карачаевцев анкеты "Считаете ли Вы карачаевцев и балкарцев единым народом?" 100 % опрошенных ответили утвердительно: ни один из карачаевцев и балкарцев, получивших эту анкету, не дал отрицательного ответа и не затруднился с ответом, хотя подобные варианты были заранее предусмотрены (предлагалось три варианта ответов: "да, это один народ", "нет, это два разных народа" и "затрудняюсь ответить"). На вопрос следующей анкеты, распространенной летом 1999 года в ногойской среде (опрос проводился в селениях Эркен-Юрт, Эркен-Халк, Эркен-Шахар, Икон-Халк) Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской Республики и в поселке Канглы Минераловодского района Ставропольского края), "Ощущаете ли Вы культурную, языковую близость и духовную солидарность с Вашими соседями - карачаевцами ? (да / нет / затрудняюсь ответить)" мы снова получили стопроцентный положительный результат: все 200 распространенных нами и полученных заполненными анкет имели в этом месте обведенное или подчеркнутое "да" и зачеркнутые другие варианты ответов.

Однако, если таким образом и можно выявить некоторые уже довольно прочные узлы тюркского единения, то нельзя сказать, что эта тенденция равномерно распространяется на весь тюркский мир. Так, например, карачаевцы и балкарцы, постоянно поддерживающие друг друга во всех важнейших инициативах, направленных на восстановление прав депортированных народов, на защиту их социальных, политических и культурных интересов, гораздо более дистанцированы даже от своих непосредственных соседей - кубанских ногойцев и совсем смутно представляют себе, что происходит в тюркском мире Дагестана (у кумыков, караногайцев), Поволжья, Урала и Сибири, а тем более в независимых государствах Средней Азии и в Азербайджане — здесь контакты ослаблены и "тюркские связи" эфемерны.

1. Пантюркизм в новых "тюркских республиках" ***Содружества Независимых Государств: слово и дело***

Азербайджан, Казахстан и три среднеазиатских государства (Узбекистан, Туркменистан, Киргизия), образовавшиеся на карте мира в конце 1991 года после распада СССР из его союзных республик,

представляют собой не слишком благоприятную почву для развития пантюркизма как идеологии, массового движения или государственной политики.

Как уже говорилось выше, центростремительные тенденции (формирование собственных институтов власти, укрепление их авторитета, приоритеты внутренней политики, заботы о делах "собственного дома" "pro domo suo") явно преобладают здесь над действием центробежных сил (направленных на развитие внешних, интернациональных связей), способных активизировать поле общетюркского сотрудничества и идеи общетюркской солидарности и единения.

С той поры, когда для тюркских народов Средней Азии и Закавказья, составлявших основную многомиллионную массу всего тюркского населения СССР, отпала необходимость в формировании своей внутренней оппозиции по отношению к "Центру" (Москве), когда с советским прошлым было покончено и новые государственные границы отделили их от России, у молодых стран появилась возможность выработки собственной политики, которую, как оказалось, им вовсе не хотелось ограничивать тюркским миром, а тем более замыкать на партнерстве с Турцией, поскольку их экономические, стратегические интересы, соображения собственной безопасности, культурные, торговые потребности и субъективные представления о государственном престиже диктовали выход на более широкую арену, поиск разных союзников и партнеров, нежелание оставаться в тени Турции.

Турция со своей стороны, во всяком случае на уровне официальной политики, не проявляла гегемонистских амбиций и стремления держать в своем фарватере другие тюркские государства или тратить особые усилия на скрепление их единства, особенно если речь шла о таких далеких от ее геостратегического поля и культуры регионах, как Казахстан и Средняя Азия. Таким образом, можно сказать, что в отношениях между тюркскими государствами в 1990-х годах, действительно, была реализована модель "многополярного мира": ни одно из них не является признанным лидером или эпицентром тюркского единения, да и само это единение кажется не слишком важным перед лицом иных, первостепенных задач, решение которых требует максимальной мобилизации национальных сил внутри страны и поиска наиболее выгодных (при этом совсем не обязательно тюркских) союзников на внешней арене.

Такого рода выводы и оценка политической ориентации "тюркских государств", включая пять независимых государств, образовавшихся после распада СССР и входящих в систему СНГ, сделаны нами на основании анализа объективных данных –

заключенных договоров, практических шагов руководства этих стран по укреплению собственной власти и развитию международных контактов и связей. К этим объективным данным добавились сильнейшие личные впечатления, полученные одним из авторов (С.М. Червонной) от поездки в Азербайджан осенью 2000 года в составе делегации Федерального Союза народов Европы, бесед и встреч на высоком правительственном уровне и с представителями научной и творческой интеллигенции, политических партий, депутатского корпуса. Ни в одной из выслушанных нами речей не прозвучало ни малейшего намека на тюркскую солидарность, не высказывалось стремления к ее укреплению, не отразился сколько-нибудь повышенный интерес к тому, что происходит в других частях тюркского мира, и не ощущалось никакого пиетета в отношении к Турции. Было совершенно очевидно, что, к примеру, Грузия как ближайший сосед, реальный партнер и союзник, значит сегодня для Азербайджана гораздо больше, чем далекая Турция или какое-либо еще "тюркское государство". Идеологическая установка на полную самостоятельность и самоценность собственной, национальной, азербайджанской государственности, истории, культуры определяет активно формируемые стереотипы народного самосознания. Все ценное в культурном наследии называется здесь "азербайджанским", и даже памятники сельджукской архитектуры, образцы турецкого ковроделия в музейных собраниях рассматривается – как в стандартных экскурсиях, так и в высоко профессиональных комментариях приглашенных специалистов – исключительно сквозь призму истории азербайджанского искусства, в котором никому даже в голову не приходит искать какой-либо "турецкий след", турецкое влияние или общетюркскую основу и близость с соседними культурами. Во всей национальной политике Азербайджана явно преобладают центристские силы, направленные на выявление собственного этнического ядра всей древней и новой истории, всей республиканской культуры, в то время как центробежные тенденции, проявления интереса к тому, что находится за государственными границами, попытки ввести свою историю и культуру в более широкое тюркское поле и связать ее с традициями родственных народов практически атрофированы. Аналогично и в других "тюркских государствах" формируется сегодня круг приоритетов, мир ценностей, узел основных интересов – на собственной, четко выраженной национальной основе. По сравнению с ней аморфная и размытая, призрачно-романтическая "общетюркская солидарность", не отвечающая прагматическим интересам молодых государств, воспринимаемая как нечто архаичное, отступает на задний план.

Тем не менее было бы неправильно совсем исключить из поля

нашего внимания, как бы сбросить с исторического счета те процессы, которые идут исподволь, постепенно формируются (иногда прерываются и обретают дискретное, прерывистое, противоречивое развитие), озвучиваются в виде громких деклараций (иногда пустых, но нередко и наполненных актуальным содержанием) и свидетельствуют о возможных перспективах дальнейшего политического, экономического, культурного сближения этих государств, о претворении в жизнь в современной ситуации некоторых заветов и идеалов классического пантюркизма.

В знак проявления внимания к этим процессам мы представим в этой главе краткий исторический очерк формирования новых "тюркских республик" Средней Азии и Закавказья, в самих актах провозглашения сначала суверенитета, а затем и независимости которых заключались важнейшие сдвиги на пути освобождения этой части тюркского мира от долгой политической кабалы и экономической неволи (а именно такое освобождение и было всегда важнейшей целью движения пантюркизма), и остановимся далее более подробно на некоторых аспектах культурной, в частности, языковой политики новых "тюркских государств", заявленной и так или иначе реализованной на протяжении первого "десятилетия свободы" – с начала 1990-х до начала 2000-х годов. Именно в основных перипетиях и противоречиях этой политики, в республиканских Законах о языках, принятых в разные годы, нередко уточнявшихся, пересматривавшихся, исполнявшихся с большей или меньшей последовательностью, в попытках разработать совместную стратегию единой языковой политики, найти пути максимального сближения алфавитной основы и лексики родственных языков и в частых провалах, отказах от этих попыток нашли свое реальное воплощение современные формы развития пантюркизма, постоянно генерирующего в качестве идеальной максимы принципы общетюркского сближения и единства и не имеющего на нынешнем этапе достаточных сил для реализации этих принципов.

В освещении языковой политики пяти "тюркских государств" авторы имели возможность опираться на появившееся в 2001 году в лондонском английском издании исследование Якоба Ландау и Барбары Кельнер-Хайнкеле "Языковая политика в мусульманских государствах – бывших советских республиках"⁵⁰⁰, в которой с максимальной тщательностью собраны сведения, касающиеся республиканского законодательства в этой области и практической

⁵⁰⁰ Jacob M. Landau, Barbara Kellner-Heinkele. *Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States. Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan*. London, Hurst and Company, 2001.

реализации национальных и общетюркских идеалов в культурной и языковой сфере.

Новые "тюркские государства"⁵⁰¹, имевшие до 1991 года статус "союзных республик" СССР, собственно, уже тогда были своего рода "протогосударствами", или "квази-государствами", якобы созданными на основе "права наций на самоопределение", сакрализованного в парадигме "ленинской национальной политики". На самом деле это было далеко не так, территории, становившиеся поэтапно то автономными, то союзными республиками, "нарезались" по произволу, недомыслию или хитрому умыслу "центральной" бюрократии таким образом, что в их границах оказывались земли, считавшиеся исторической родиной других, соседних народов. Эти народы, не имевшие возможности как-либо выразить свою волю и реализовать свои права, становились бесправными меньшинствами в составе

⁵⁰¹ Разумеется, понятие "тюркское государство" в данном случае имеет чисто условный характер, ибо в народонаселении каждого из них наряду с преобладающим тюркским элементом представлены иные этнические группы и национальные меньшинства. Ни одно из этих государств не является моноэтничным. Мы все же будем пользоваться здесь и в дальнейшем понятием "тюркские страны" по отношению к Азербайджану, Казахстану, Киргизии, Туркменистану, Турции и Узбекистану, определяя их таким образом по подавляющему большинству проживающего в этих странах тюркского населения, составляющего в каждом из этих случаев "государствообразующую", "титულную" нацию (этноним соответствующего тюркского этноса – азербайджанцев, казахов, киргизов, туркмен, турок, узбеков – определяет название государства). При этом надо постоянно иметь в виду, как уточняющие обстоятельства, что в любом "тюркском государстве" проживают массы людей, не имеющих отношения к тюркской лингвокультурной общности, и в то же время носители тюркских языков и люди тюркского происхождения могут составлять весьма значительные по демографическим показателям, измеряемые тысячами и миллионами человек группы населения в странах, которые мы не можем назвать "тюркскими" в силу иного характера "государствообразующей", "титулной" нации, например, в России, в Китае, в Иране, в Таджикистане, на Европейском континенте – в Болгарии, Румынии, Польше, Литве, в Германии и так далее, причем в этих "нетюркских" странах тюркское население может быть и "коренным", и появившимся сравнительно недавно; и дисперсно расселенным, и сосредоточенным на определенной территории, которую турки этого края с полным основанием считают своей исторической Родиной, ареной их собственного этногенеза.

"чужих" республик, да и все совокупное население этих республик, включая "титульные нации" и их элиты, имело весьма ограниченный, скорее призрачный и чисто декларативный контроль над собственными материальными и духовными ресурсами и формальные, неполноценные, урезанные атрибуты государственности. И все же надо иметь в виду, что начинать новое государственное строительство и образование наций-государств ("Nation-building") приходилось здесь в 1990-х годах отнюдь не с нуля, не на пустом месте. От прежних союзных республик новым государствам осталось "нетронутое наследство" в виде именно таким образом (по советскому расчету и произволу) проведенных границ, названий, выделявших в качестве "государствообразующих" пять тюркских этносов – азербайджанцев, казахов, киргизов, туркмен и узбеков (стилистические преобразования наименований этих государств, в частности, официальное превращение Киргизии в Кыргызстан, Туркмении в Туркменистан, снимали некоторый налет русификации, но не меняли сути дела), а также в виде административного аппарата, прежних политических и культурных элит, о которых даже нельзя сказать, что они получили власть из рук прежних правителей этих республик: в большинстве случаев они и были теми самыми прежними правителями, партийными, государственными функционерами, представителями научного, литературного и т.п. советского "генералитета", весьма далекого даже от умеренной, а тем более от немногочисленной радикальной оппозиции, формировавшейся в "андерграунде" бывших союзных республик. Не приходится поэтому удивляться тому, что какие-либо решительные шаги, явные признаки ломки старой советской системы, кардинальные изменения всей политики новых "тюркских государств", в том числе и в плане реабилитации осужденного советским режимом пантюркизма и реализации его культурных программ, здесь не особенно заметны. Исключительная ситуация, сложившаяся в Азербайджане в краткий период, когда Президентом страны был вождем демократического Народного Фронта – Эбулфез Эльчибей, можно сказать, "исправлена" с приходом к власти бывшего коммунистического лидера советского Азербайджана Гейдара Алиева. И хотя ни в коем случае не следует ставить знак равенства между режимами, существующими сегодня в пяти новых независимых "тюркских государствах", все же некоторое типовое сходство в их политике, в реалиях их современной культуры, в крайне ограниченных возможностях развития здесь пантюркизма совершенно очевидно.

Во всех пяти "тюркских государствах" их лидеры пытались, хотя и в различной степени, поддержать чувства национализма, объединяющего и растворяющего в себе локальную, региональную, клановую, племенную и другие виды гражданской лояльности,

сформировать общую идентичность всех граждан страны, всей "нации", причем эта концепция "государственного национализма" не обязательно, во всяком случае не в первую очередь, была направлена на укрепления тюркской национальной идентичности и общетюркской интернациональной солидарности. Главным считалось единение граждан одного государства. К этому добавился еще один общий фактор, способствующий формированию такого "государственного национализма", или "патриотизма", в каждом из новых независимых государств, прежде, до провозглашения независимости, не столь заметный, а часто и вовсе отсутствующий: это было ощущение общей территории, так сказать, "территориальный мотив". В своей борьбе под флагом "нациостроительства" ведущие элиты титульных этносов вынуждены были считаться с доставшейся в наследство от Советского Союза полиэтничностью общества⁵⁰². А это означало необходимость искать и находить своего рода *modus vivendi* с контр-элитами других этнических групп, имеющими свои партикуляристские надежды и намерения, при этом живущими порою в непосредственной, иногда пограничной, близости от "их этнической родины".

Советские руководители (особенно Ленин) неоднократно подчеркивали свое желание сохранить и способствовать развитию культуры многочисленных народов (национальностей), образующих Советский Союз: по подсчетам 1924 года здесь значилось 194 таких народа, а по данным переписи 1979 года – 101. К достижению этих целей советское руководство шло путем распространения грамотности, вплоть до университетского уровня образования среди "коренных народов". В республиках Средней Азии и на Кавказе поощрялись разнообразные научные исследования и публикации по проблемам истории и культуры "коренных" (в большинстве случаев – тюркских) народов, составление и издание учебников и словарей на многих языках. Однако, советские представления о "национальных культурах" чаще всего сводились к выявлению внешних, формальных признаков, элементов архаики, таких, к примеру, как "народные костюма", традиционная пища, некоторые "народные обычаи", которым посчастливилось не быть причисленными к ряду "реакционных пережитков". Что касается литературного и лингвистического наследия разных народов, то оно могло оказаться и разными способами поощряемым, и самым жестоким образом искореняемым в процессе

⁵⁰² См. об этом: Rogers Brubaker. *Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: an Institutional Account* // *Theory and Society*, 1994, Nr. 1 (23). P. 47-78.

советизации и русификации, причем ожесточенное осуждение и "искоренение" случалось гораздо чаще⁵⁰³.

Тем не менее у тюркских народов Средней Азии и Закавказья было высоко развито чувство собственной этнической идентичности, причастности к тюркскому лингвокультурному миру и инстинктивный протест против русификации и ассимиляции. Как писал С.Д. Шенфилд в своем очерке "Алмаатинские наблюдения": "...Как бы ни были действительно русифицированы в лингвистическом и культурном отношении многие казахи и как бы ни были казахи, вообще, дезориентированы и не уверены в том, что может значить – "быть казахом", нам кажется, все прекрасно чувствуют и понимают, что русские и казахи принадлежат к разным культурам и цивилизациям, в отличие от той традиционной культурной общности, какая может связывать русских с другими народами славянского и православного мира"⁵⁰³. Эту характеристику в общих чертах можно применить, как нам кажется, не только к казахам, но и к народам всех пяти "тюркских государств" – бывших советских республик мусульманского ареала – при рассмотрении проблемы формирования новой всесторонней национальной идентичности в каждом из этих мультиэтнических обществ. В дополнение к тому, что им досталось как советское наследие, общим признаком этих государств является наличие мусульманского большинства в составе их народонаселения.

Вполне понятно, что народы новых "тюркских государств" обращаются к своему собственному прошлому в поисках таких культурных пластов и мотивов, которые игнорировались или подавлялись при советской власти. Они делают это в поисках аутентичности, подлинности своих характерных, отличительных черт и признаков, сознательно или неосознанно стремясь к формированию своей этнической идентичности. Особый акцент при этом переносится на соответствующие "национальные" языки: их развитие, повышение их статуса, переоценка их значения – все это включается в энергичные усилия, свойственные общей национальной мобилизации. Государственные лидеры в каждой из рассматриваемых нами пяти республик пытались использовать новую ситуацию и новый смысл "независимости" на определенной национальной территории в целях "нациостроительства", что означало не просто и не только

⁵⁰³ P.M. Carley. *The Legacy of the Soviet Political System and the Prospects for Developing Civil Society in Central Asia // Political Culture and Civil Society in Russia and the New States of Eurasia*. New York, 1995. P. 292-317.

⁵⁰³ S.D. Shenfield. *Almaty Observations // Central Asian Monitor*, 1994, Nr. 6. P. 10.

консолидацию их собственной ("титულიной") этнической группы в ее стремлении подняться, всплыть наверх, занять доминирующее положение в новом государстве, но также стремление включить в процесс преобразований вместе с собственным этносом все другие этнические группы данного государства, или по крайней мере большую их часть. Примером такого стремления может служить заявление, сделанное 12 ноября 1995 года Президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым, который сказал, что Азербайджан является Родиной всех, кто проживает на его территории, независимо от их национальности, религии, языка и происхождения, включая армян⁵⁰⁴. Несмотря на пафос таких заявлений, в общественном мнении новых государств довольно сильно выражено стремление к отторжению, исключению из монолита строящейся нации русских и представителей других ("чужеродных") национальных групп, причем причиной и поводом для усиления этого стремления часто является незнание этими людьми местных языков и их невежество в этих вопросах.

Вполне естественно, что родной язык самых крупных этносов становится в новых государствах важным средством "титულიной" идентичности и "нациостроительства". Другими словами, язык рассматривается не только как средство общения, но и как определенный знак, символ. Его часто воспринимают как одно из главных измерений национальной, или этнической идентичности, пожалуй, даже в качестве главного и единственного компонента, определяющего ее уникальность, формирующего и поддерживающего чувства национальной солидарности, при этом его часто рассматривали не просто как компонент культуры, но как дело политики, экономики и религии.

Законы и постановления о языках, принимаемые в разных республиках начиная с 1989 года и еще активнее после обретения независимости, свидетельствовали о растущей популярности языкового национализма, о стремлении преодолеть и изменить существовавшую здесь прежде языковую ситуацию путем превращения языка титульной нации каждого государства в язык обязательного изучения и общественного использования. Нерусские нации во все большей мере обретали роль гегемона в своих собственных республиках, как в языковой сфере, так и в других сферах, при этом язык часто становился самым мощным символическим выражением и проводником национализма, катализатором политических идеологий и движений, в которых связь между языком и нацией все чаще воспринималась как

⁵⁰⁴ В переводе на английский язык эта речь публиковалась в сборнике документов "Россия и Евразия" за 1995 год: *Russia and Eurasia Documents Annual. Volume 2. Gulf Breeze, 1995. P. 385.*

нечто бесспорное, данное Богом и само собой разумеющееся. Что касается титульных наций в государствах Средней Азии, то весьма показательны и характерны для этих государств результаты проведенного в 1996 году исследования в Казахстане. Из 1761 опрошенных по всей территории Казахстана больше всего казахов (20,7 % респондентов казахской национальности), а также славян (то есть русских и близких им этносов – украинцев, поляков), а именно 18 % опрошенных, поставили язык выше других критериев в качестве индикатора их национальной идентичности⁵⁰⁵.

Лингвистический национализм в пяти новых независимых (бывших советских) "тюркских государствах" еще мало исследован, а важность таких исследований тем более велика, поскольку другие индикаторы этнонационализма в этом регионе или слабо выражены, или, вообще, не существуют: религия, к примеру, едва ли может служить таким индикатором, ибо она является здесь общей для целого ряда народов (никак не разделяющей их по национальному признаку) и к тому же гораздо менее активной, чем в других регионах исламского мира из-за последствий продолжавшейся семьдесят лет атеистической интервенции и пропаганды; о расовых признаках (цвете кожи), вообще, бессмысленно говорить по отношению к данному региону. В таком контексте вопросы языка в среднеазиатских государствах и в Азербайджане оказываются определяющими, выступают на первый план, рассматриваются как решающие и не только для современного положения, но не в меньшей мере и для будущего этих государств. Некоторые из ведущих теоретиков и мыслителей этих стран рассматривают язык как аутентичное средство самоидентификации, или скорее ре-идентификации. Из этого вытекают те шаги, которые направлены на изменение алфавита и письменности, на осуществление языковой интервенции и на совершенствование системы образования.

Потерпевший поражение путч, связанный с попыткой свержения Горбачева в августе 1991 года, способствовал распаду Советского Союза, при этом линии этого разлома определились границами территорий пятнадцати наций, бывших союзными республиками, включая и пять "тюркских" союзных республик. Эти границы были очерчены в 1920-х и 1930-х годах с явным намерением к созданию, кроме всего прочего, ситуаций, облегчающих манипуляции и укрепляющих основы советской власти в полиэтнических сообществах. В 1991 году они стали границами независимых государств.

Процессы децентрализации нашли свое окончательное выражение в образовании Содружества Независимых Государств

⁵⁰⁵ М.М. Аренов, С.И. Калмыков. *Современная языковая ситуация в Казахстане* // Социологические исследования, 1995, № 12. С. 76-81.

(СНГ), которое было создано Россией, Белоруссией и Украиной 8 декабря 1991 года и к которому присоединились 21 декабря 1991 года на конференции в Алма-Ате другие бывшие советские союзные республики за исключением Грузии и Балтийских республик. Азербайджан в 1992 году вышел из СНГ, но снова вступил в него в 1993 году; Грузия также присоединилась к СНГ в 1993 году. СНГ представляет собой довольно слабую структуру, выполняющую функции экономической координации и обеспечивающую некоторые инструменты военного сотрудничества. Российская Федерация, хотя формально она является всего лишь одним из членов СНГ, бросает свою длинную тень на все пространство СНГ, выступая в качестве единственного естественного кандидата на роль гегемона в данном регионе. В различных государствах, входящих в Содружество, несмотря на заверения и декларации относительно "равных прав", титульная группа решительно стремилась стать "первой среди равных", чтобы "взять на себя ответственность за судьбу всей нации, всех сограждан".

Глубокий кризис и неудовлетворительное положение в экономике создали серьезные проблемы и угрозы, обычно взаимосвязанные и переплетающиеся друг с другом, в том наследстве, которое получили пятнадцать государств – преемников Советского Союза. Для того, чтобы деструктивный распад сменить на позитивные творческие процессы, новые независимые государства стремились к десоветизации так же, как к утверждению их собственной идентичности, созданию своих политических институтов и административной системы, к экономическим реформам и к решению проблем этнического и культурного возрождения способами, наиболее соответствующими каждому из образовавшихся в этих странах сообществ. Среди широких слоев населения в различных независимых (бывших советских), прежде всего "тюркских" государствах распространялось острое ощущение экономической и психологической нестабильности и инстинктивное стремление предотвратить сползание в хаотическое безумие при поддержке самых консервативных структур. Некоторые из них были ориентированы на постепенную модернизацию, нередко проводимую, парадоксальным образом, авторитарными методами (Бирюков, 1997, на материалах Узбекистана), гарантировавшую стабильность в непривычных условиях национальной независимости, когда правящие элиты в каждой республике стали принимать собственные решения по ключевым вопросам, вместо того, чтобы, как прежде, следовать поступающим из Москвы инструкциям

⁵⁰⁶ . Правители экс-советских восточных республик, оказавшись перед выбором, согласно выражению Элен Каррер д'Анкокс, между позициями "нация *против* демократии" или "нация *и* демократия" ⁵⁰⁷ , выбрали первую из них, не отдав предпочтения демократии.

До тех пор, пока они были частью Советского Союза, все пять тюркских республик отличались экономическим отставанием (несмотря на то, что большинство из них обладали богатейшими минеральными ресурсами) и консервативной политической культурой (что находило выражение в беспрекословном послушании московским инструкциями и директивам). Исключение составлял Азербайджан, где, подобно как и в других регионах Кавказа (главным образом в Грузии и в Армении с их длительными культурными традициями), национализм уже раньше был связан с определенными надеждами на независимость: азербайджанский язык уже в 1936 году получил особый статус. В советских тюркских республиках Средней Азии и в Азербайджане верхушка коммунистической бюрократии, несмотря на распространение антирусских настроений, в основном поддерживала стремление Горбачева сохранить Советский Союз, в рамках которого ей было легче ограничивать или подавлять собственную внутреннюю национальную оппозицию. 17 марта 1991 года на референдуме о будущем Советского Союза лидеры Азербайджана и всей Средней Азии убедили или заставили свое население проголосовать в пользу Советского Союза: в Азербайджане 93, 3 % (хотя только 75,1 % избирателей, имевших право голоса, приняли участие в референдуме), в Узбекистане 93,7 %, в Казахстане 94,1 %, в Киргизии 94,6 %, и в Туркмении 97,9 % голосовавших отдали свои голоса за сохранение Советского Союза ⁵⁰⁸ .

Когда стремительный распад Советского Союза практически вынудил "тюркские" республики, – не сделавшие ни единого шага на пути содействия этому распаду, – объявить о своей независимости в 1991 году, большинство правящих элит едва ли были готовы к новой ситуации и к тем вызовам, которым последовательно подверглась балансировка различных, порою противоположных интересов и воздействий. Они не ожидали происшедших перемен и во многих случаях, вероятно, не приветствовали их. Большинство деятелей,

⁵⁰⁶ Этот процесс на примере Узбекистана подробно описан в статье: С.В. Бирюков. Республика Узбекистан: модель авторитарной модернизации // *Восток-Orients*, 1997, № 1. С. 85-96.

⁵⁰⁷ Hélène Carrère d'Encausse. *The End of the Soviet Empire: the Triumph of the Nations*. New York, 1993. P. 231.

⁵⁰⁸ A.M. Khazanov. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States*. Madison, 1995. P. 140-141.

принимающих ответственные решения, продолжали предпочитать стабильность открытости; они полагались на авторитарные правительства "твердой руки", формируемые из бывших партийных кадров (коммунистов), военных и полицейских (представителей силовых органов), в то время как в той или иной мере запрещенные партии и группы, представляющие оппозицию, выступающую за проведение реформ (часто расколотые по идеологическим или по этническим границам) были жестко ограничены в их деятельности или поставлены вне закона. Оппозиционные партии, в той мере, в какой они, вообще, существовали, были скорее ослаблены внутренними раздорами; государственные лидеры успешно заимствовали и присваивали их националистические программы и лозунги и рекрутировали своих сторонников из определенной части лидеров оппозиции, которым предлагались выгодные посты и должности в новой бюрократии.

У всех пяти "тюркских республик" было много общих черт, по крайней мере отчасти сформировавшихся в ходе их совместного исторического существования в Российской империи, а затем в Советском Союзе⁵⁰⁹. На протяжении этого времени их не разделяли государственные границы; даже по сей день, несмотря на тенденции к государственной централизации, пограничные земли отчасти остаются ареной интенсивного взаимопроникновения, миграций, прямых, непосредственных контактов и частых продвижений через границы, как легитимных, разрешенных, так и не контролируемых.

23 сентября 1989 года Азербайджан первым из "мусульманских" республик Советского Союза принял декларацию о суверенитете; 5 октября 1991 года он провозгласил свою независимость, что нашло отражение в новой Конституции, принятой в ноябре 1995 года. Азербайджан присоединился к СНГ 21 декабря 1991 года, но после избрания Эбулфеза Эльчибея Президентом в июне 1992 года вышел из состава СНГ. Он вновь вступил в СНГ 19 сентября 1993 года по решению своего нового Президента Гейдара Алиева, который пришел к власти в результате государственного переворота в июне 1993 года, устранившего про-турецки ориентированного Эльчибея⁵¹⁰. Руководство Азербайджана избрало президентскую систему правления, при которой Президент государства назначает Премьер-министра и формирует Совет министров. Состоящий из 125 депутатов однопалатный парламент формируется следующим образом: 100

⁵⁰⁹ Подробно эту историю исследовал турецкий ученый Мемет Сарай. См.: Mehmet Saray. *Yeni Türk Cumhuriyetleri tarihi*. Ankara, 1996.

⁵¹⁰ Подробнее об этом в книге: Suzanne Goldenberg. *Pride of Small Nations: the Caucasus and Post-Soviet Disorder*. London, 1994.

депутатов избираются в одномандатных округах и 25 мест распределяются пропорционально среди представителей политических партий, которые набрали на выборах как минимум 8 % голосов. Самой многочисленной является партия Президента Алиева "Новый Азербайджан".

В 1989 году около 78 % населения республики в 7.019.739 человек (по данным 1998 года – 7.631.600 человек) составляли азербайджанцы, из которых примерно 54 % были городскими жителями; 75 % – шииты, около 11 % – христиане и остальные – сунниты (мусульмане суннитского вероисповедания). Столица республики, Баку, насчитывала в 1998 году 1.725.900 жителей. Хотя ислам в республике явно преобладает, принятый в 1992 году Закон о религии, гарантирующий гражданам свободу совести и вероисповедания, может рассматриваться как своего рода мягкая форма секуляризации. Наиболее значительные меньшинства в 1989 году формировали русские (5,6 % населения), и армяне (7,9 %); далее следовали лезгины и аварцы (каждая группа составляла менее 3 % населения Азербайджана) и более малочисленные группы, такие, как талыши и таты.

Армяне жили, главным образом, в Нагорном Карабахе, представляющем тогда армянский национальный анклав внутри Азербайджана. Усиленная напряженность стала возрастать с 1988 года, в 1989-1990 годах она уже сопровождалась физическим насилием, перераставшим в кровавую войну между Азербайджаном и Арменией, развернувшуюся в 1992 – 1994 годах. Война сильно затормозила развитие национальной экономики Азербайджана и травмировала азербайджанское население. Армянские вооруженные силы оккупировали Нагорный Карабах, а также коридор, отделяющий эту область от территории Армении. Эта утрата обширной территории привела к тому, что удельный вес азербайджанцев в Азербайджане резко вырос, составив более 90 % населения страны в 1998 году⁵¹¹, в то время как число русских сократилось, а число армян уменьшилось катастрофически, теперь, когда нагорный Карабах оказался оккупированным Арменией и уже не контролируемым со стороны Азербайджана. Согласно различным источникам, здесь происходили стихийные, незапланированные миграции (процессы обмена потоками населения): за 1988 – 1992 года около 270.000 армян покинули Азербайджан и около 217.000 азербайджанцев бежали из Армении в Азербайджан.

⁵¹¹ См.: Ариф Юнусов. Посткоммунистический Азербайджан: проблемы и возможные пути развития // Мировая экономика и международные отношения, 1998, № 11. С. 100-111.

На юг от Азербайджана расположена азербайджанская провинция Ирана, где азербайджанское население более многочисленно, чем во всем бывшем советском Азербайджане; о существовании этой провинции и этого населения азербайджанцы нового независимого государства Азербайджан очень хорошо осведомлены.

Азербайджанская патриотически настроенная интеллектуальная элита сосредоточила свои усилия на выявлении важности наследия азербайджанской литературы (отмеченной сильным влиянием иранской культуры) и на исключительном внимании к обогащению и продвижению азербайджанского языка. Параллельно этому здесь шло возрождение ислама, что нашло выражение в целой волне строительства новых, реставрации старых мечетей и создания религиозных школ.

Узбекистан объявил о своем суверенитете 20 июня 1990 года и провозгласил свою независимость 31 августа 1991 года, введя соответствующую декларацию в свою новую постсоветскую Конституцию, принятую 8 декабря 1992 года. Он вошел в состав СНГ 21 декабря 1991 года. По решению Президента Ислама Каримова республика приняла президентскую форму правления; Президент Каримов является одновременно также главой правящей Народной демократической партии. Время от времени свою активность проявляли и проявляют некоторые другие партии, такие, как "Бирлик" (Единство), "Эрк" (Свобода), "Адолат" (Справедливость), "Дехкон" (Крестьянская партия свободы), Партия национального возрождения, Зелёные, Партия прогресса Отечества, Партия независимости и некоторые другие группы. Хотя не все эти партии получили разрешение на регистрацию ("Бирлик" и "Эрк" оказались, в частности, среди тех, кто не прошел регистрацию), они все же продолжают существовать. Новый закон о политических партиях был принят в 1996 году; он устанавливает минимум членов для каждой партии в 5.000 человек и запрещает создание партий на религиозной или этнической основе. Запрещенная демократическая партия "Эрк", лидер которой Мухаммед Салих с 1993 года вынужден жить за границей, выступила 10 сентября 1998 года с заявлением, обращенным к мировой общественности, призывающим к легализации всех оппозиционных партий и к созданию благоприятного политического климата для участия оппозиционных партий в парламентских выборах ⁵¹². Однопалатный парламент ныне включает 150 членов (раньше было 250); он избирается всеобщим голосованием на срок пять лет. Вся реальная власть сконцентрирована в руках Президента. В апреле 1997 года парламент принял два закона – "О

⁵¹² Текст опубликован в журнале: *Central Asia Monitor*, 1998, № 5. Р. 38.

гарантиях свободы распространения и доступа к информации" и "О защите профессиональной деятельности журналистов". Однако, правительство решительно ограничивает свободу слова и прессы, а атмосфера репрессий подавляет общественную критику. Новый закон, принятый в январе 1999 года, усиливает правительственный контроль над средствами информации: продолжается цензура печати, и правительство ограничивает доступ граждан к иностранным изданиям

Из всех пяти новых независимых "тюркских" государств Узбекистан имеет самое большое по численности население, 23.867.400 человек на январь 1998 года, их них более чем 2,1 миллиона проживают в столице, Ташкенте. Около 1,6 миллиона узбеков живут в других странах СНГ и примерно 1,65 миллионов в Афганистане. В состав Узбекистана входит Каракалпакская республика (в советский период – Автономная ССР). Среди нетюркских национальных меньшинств Узбекистана особенно многочисленны и активны в своих национальных требованиях и выступлениях таджики. Ныне таджики в Узбекистане, главным образом в Бухаре и ее окрестностях, а также в Самарканде, заявляют, что их численность значительно больше, чем та, что указывается в официальной статистике, и выдвигают культурные и иные требования, наиболее радикальные из которых содержат предложения о включении Бухары и Самарканда в состав Таджикистана (в современном Таджикистане немало политических сил, поддерживающих эти программы). В то же время узбеки составляют почти четверть населения Таджикистана, и их вовлечение в гражданскую войну в этой республике создает дополнительные сложности в узбекско-таджикских отношениях в Узбекистане. Узбекское большинство в Узбекистане, напуганное сепаратистскими кампаниями, часто провозглашает лозунг "Каждый дюйм родной земли на вес золота!" Придание общему национальному языку исключительного статуса рассматривается как средство предотвращения распада страны; поэтому другой популярный лозунг, ярко выражающий эту позицию, звучит: "Любая независимость начинается с языка и зависит от него!"

В мае 1998 года Узбекистан, Киргизия и Таджикистан решили сотрудничать, чтобы ограничить продвижение исламского фундаментализма, в котором они видят серьезную опасность⁵¹³. Что касается Узбекистана, то судя по отчетам правительства решительные усилия Президента Каримова и узбекских властей остановить проникновение в республику исламистских групп, отличающихся политическим радикализмом, имели относительный успех. В то время как Ташкент изначально формировался как светский, секуляризованный

⁵¹³ *Central Asia Monitor*, 1998, № 3. P. 38.
386

город, а для Бухары и Самарканда, в общем, было характерно распространение умеренного, не радикального ислама, тенденции воинствующего ислама внедрились, как предполагается, более основательно в густо населенной Ферганской долине. В июне 1999 года один из ташкентских судов признал ряд "исламистов-радикалов" виновными в якобы организованной и предпринятой ими попытке покушения на Президента Каримова 16 февраля 1999 года⁵¹⁴. Учитывая мощный исламский фактор, оказывающий влияние на население республики, Каримов 7 апреля 1999 года издал декрет о создании Исламского университета в Ташкенте. Его основной замысел был в том, чтобы поставить под правительственный контроль как учебный, преподавательский процесс в проектируемом университете, так и проводимый здесь анализ идей ислама "в духе современности".

Общая политическая, экономическая и культурная ситуация в Узбекистане в значительной мере определяется здесь конкуренцией соперничающих кланов и групп – этнических, семейно-родовых, региональных, религиозных или отстаивающих какие-либо специальные интересы (например, профессиональные и т.п.). Такая конкуренция, а порою и кооперация между группами, стремящимися завоевать ведущие позиции и взять под свой контроль новые институты власти и экономики, формировала сложный и изменчивый процесс достижения солидарности, например, создания внутrigрупповых коалиций, проникнутых национальной лояльностью, испытывая таким образом природу национальной идентичности. Реакцией на это Президента Каримова можно считать то, что в качестве главной политической иконы Узбекистана он выбрал фигуру средневекового племенного вождя и завоевателя Тимура (Тамерлана), – который не был узбеком по национальности, – стремясь таким образом укрепить общенациональную идентичность с помощью нового исторического мифа.

Казахстан имеет гигантскую территорию в 2.717.300 кв. км (больше, чем Саудовская Аравия), это его наиболее заметная, выдающаяся особенность (он был второй по величине территории республикой в составе Советского Союза, следующей за РСФСР, и сохранил такое положение в системе СНГ). Он граничит с Россией, Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном. Можно согласиться с авторами, которые считают, что "Казахстан – это случайная, искусственно созданная страна, нация, выкроенная из Советской республики, границы которой никогда не мыслились как границы

⁵¹⁴ *Central Asia Monitor*, 1999, № 2. P. 20-21.

независимого государства" ⁵¹⁵. Хотя он обладает огромным потенциалом, ныне его экономика лишь медленно выбирается из того глубокого кризиса, который проследовал за распадом Советского Союза. Дело дошло до того, что в 1999 году власти Казахстана обратились с призывом к населению сдаться государству ювелирные изделия. Безработица остается здесь высокой, особенно в городах. Многое зависит от способности государства использовать значительные резервы нефти и газа и продвинуть их на рынок, так же, как и другое сырье. Всего лишь шестнадцать миллионов человек проживали в этой обширной стране к началу 1997 года. Общая численность населения постоянно сокращалась из-за отъезда русских, немцев и представителей других национальностей; она достигла всего лишь 15.048.500 согласно предварительным результатам переписи населения в апреле 1999 года. Та же перепись зафиксировала 1.120.700 жителей в прежней столице Алматы (в советское время она называлась Алма-Ата) и 319.300 жителей в новой столице Астана. Еще четыре с половиной миллиона казахов формируют казахскую диаспору за пределами Казахстана: в 1997 году около 2.477.000 казахов проживали в бывших республиках Советского Союза и примерно 2.023.000 – в двадцати пяти других государствах. Население Казахстана формировалось за счет волн иммиграции. В 1989 году основными этническими группами здесь были казахи (39, 7 %), русские (37,8 %), украинцы и белорусы (6,5 %) и немцы (5,8 %).

При Советской власти, которая проявляла постоянное стремление к распространению образования, выросли ряды казахской интеллигенции, а вместе с ней получило развитие казахское партикуляристское сознание. Оно получило выражение, к примеру, в студенческих демонстрациях в декабре 1986 года, направленных против отставки (снятия с должности) Динмухаммеда Кунаева, казаха, который долгое время был Первым Секретарем ЦК Компартии Казахстана, и назначением на эту должность не казаха по национальности, Геннадия Колбина. Кровавое подавление вооруженными силами "беспорядков" в Алма-Ате, которое было ответом Советской власти на эти демонстрации ⁵¹⁶, способствовало тому, что сознание собственной идентичности у казахов приобрело националистический характер, что получило наиболее яркое выражение в культурной сфере, главным образом, в вопросах, связанных с ролью языка. В августе 1989 года,

⁵¹⁵ M.B. Olcott. *Democratization and the Growth of Political Participation in Kazakhstan // Conflict, Cleavage, and Change in Central Asia and the Caucasus. Cambridge, 1997. P. 201-241.*

⁵¹⁶ См. об этом: А.Г. Здравомыслов. *Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С. 13-14.*

используя возможности, открывшиеся в связи с перестройкой, Верховный Совет Казахстана принял закон, придающий казахскому языку официальный статус государственного языка (вместе с русским, который был объявлен языком межэтнического общения).

Казахи приняли довольно мягкий закон, объявляющий о суверенитете республики, 25 октября 1990 года и откладывали принятие декларации о независимости вплоть до 16 декабря 1991 года, то есть того времени, когда Советский Союз уже окончательно распался (Казахстан, отнюдь не в силу случайного совпадения обстоятельств, оказался последней из советских республик, объявивших о своей независимости). Спустя пять дней вновь созданное государство вошло в состав СНГ. В декабре 1997 года правительство перенесло столицу республики из Алматы, находящейся на юге, в Акмолу (переименованную в Астану), расположенную значительно севернее, что было символическим жестом утверждения новой власти в регионе, где в составе населения явно преобладало русское большинство.

Обе Конституции Казахстана (как принятая в декабре 1993 года, так и принятая в августе 1995 года), а также повседневная практическая работа были направлены на создание основ для утверждения приоритета казахов в их республике. Уже в последнем составе Верховного Совета, сформированного в 1990 году, казахи преобладали, поскольку в 1990 году депутаты избирались не только по территориальным округам, но и от общественных организаций, руководство которых традиционно составляли казахи. Этот парламент функционировал и в независимом Казахстане вплоть до 1993 года. Президент Нурсултан Назарбаев, бывший первый Секретарь Коммунистической партии Казахстана, принудил парламент к самороспуску в декабре 1993 года и некоторое время правил, опираясь только на правительство, которое он сам назначал, и на ассамблею народов (национальностей) Казахстана, создание которой он же инициировал в 1995 году. Эта организация состояла из 260 членов, представляющих 102 признанные этнические общины, но на самом деле назначенных государством.

В декабре 1995 года был создан новый, двухпалатный парламент, состоящий из Сената (47 членов) и Нижней Палаты – Маджлиса (67 членов). В Сенате 40 человек избираются, а 7 назначаются президентом. Во всех трех парламентах представительство казахов было очень высоким, а представительство русских – ниже, чем их доля в составе населения Казахстана. В двухпалатный парламент, избранный в 1995 году, в общей сложности вошло 68 казахов, 31 русский, остальные места заняли представители других этносов: украинцы, уйгуры, немцы, корейцы.

Власти Казахстана пытаются укрепить и повысить казахскую

идентичность⁵¹⁷. Они не только явно содействуют поискам "корней" казахской культуры и языка, но также в вопросах распределения земель и доступа к земле отдают предпочтение казахам, затрудняя положение русских (в Казахстане – единственном среди новых тюркских государств – многие русские заняты в сельском хозяйстве), а также содействуют продвижению казахов почти во всех общественных сферах, на административные должности, в финансовом секторе, в юстиции – с определенным акцентом, который ставится при этом на родстве и клановых связях. Также предпринимаются шаги, способствующие возвращению представителей казахской диаспоры на родину. В период между 1991 и 1998 годами около 40.000 казахских семей вернулись в Казахстан, главным образом, из других стран СНГ и Монголии, многие из этих людей говорят по-казахски, но плохо знают русский или совсем не владеют русским языком. Поскольку правительство Казахстана пожелало урегулировать процесс "возвращения" (или "репатриации" казахов), так, чтобы государство и местные власти смогли оказать им помощь, президентский указ от 3 апреля 1998 года ограничил поток возвращающихся, установив лимит в 3.000 семей на 1998 год и 500 семей на 1999 год, обеспечив соответствующими квотами и поддержкой тех, кто возвращается из стран СНГ, Монголии, Китая, Ирана, Турции, Пакистана и Саудовской Аравии⁵¹⁸.

Киргизия объявила о своем суверенитете 5 декабря 1990 года и провозгласила независимость 31 августа 1991 года, присоединившись к СНГ 21 декабря 1991 года. 5 мая 1993 года было изменено ее наименование: из Республики Кыргызстан она стала Кыргызской республикой, что было сделано, вероятно, для того, чтобы поставить более сильный акцент на этничности. Горная республика Кыргызстан (ранее называвшаяся по-русски "Киргизия") имеет территорию в 199.500 кв. км и граничит с Китаем, Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Ее экономика, в основном, базируется на добыче золота, на гидроэлектрических станциях и на животноводстве. Почти две трети ее населения до недавнего времени были заняты в сельском хозяйстве: 66 % в 1959 году, 61 % в 1979 году и 62 % в 1989 году. Как и другие государства, о которых здесь идет речь, Кыргызстан оказался в трудной экономической ситуации после распада СССР, показателем чего являются снижение национального дохода, индустриального производства и производства товаров широкого потребления. До сих пор единственным из всех государств СНГ Кыргызстан является

⁵¹⁷ См. об этом: Shirin Akiner. *The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State*. London, 1995.

⁵¹⁸ *Казахстанская правда*, 1998, 4 апреля.

членом Всемирной организации "World Trade Organization". К январю 1998 года он имел население численностью в 4.634.900 человек, 34,2 % которых были городскими жителями и 665,8 % – сельскими, при этом около 606.000 из них проживали в столице, Бишкеке, при этом ежегодный прирост населения всей страны составлял в 1997 году около 1,3 % (то есть был ниже, чем в 1989 году, когда этот показатель составлял 1,9 % ⁵¹⁹). Население Кыргызстана включает более 80 этнических групп.

Новая Конституция была принята здесь 5 мая 1993 года. Парламент сначала был однопалатным, состоявшим из 350 членов, но в феврале 1995 года его сменил всенародно избранный двухпалатный парламент: 35 мест в нем занимает Законодательная Ассамблея, работающая на постоянной основе, и 70 мест – Ассамблея народных представителей, сессии которой созываются два раза в год. Всего из 105 депутатских мест 85 заняли киргизы, 8 – узбеки, 6 – славяне, и оставшиеся – представители других национальностей, что свидетельствует о сверхмощной репрезентации киргизов. Кыргызстан формально принял президентскую систему правления, при которой Акаев, несмотря на наличие раздоров и пререканий с парламентом, остается главной фигурой, принимающей политические решения. Он надеется поставить себя над партиями, которые (а число таких политических партий и групп около 20) развивают здесь свою деятельность с различной степенью активности, и ни одна из этих партий официально не может считаться партией Президента. Большинство из этих партий сами себя считают стоящими в оппозиции, и сам факт их оживленной активности и откровенных атак в прессе на Президента и правительство является показателем того, что внутренняя политика Кыргызстана гораздо более либеральна и плюралистична, чем в других республиках Средней Азии.

Сопrotивляясь советскому давлению и не желая принять навязываемую унификацию, киргизское национальное сознание в период до провозглашения независимости питало надежды на духовное возрождение народа на основе актуализации его фольклорного литературного наследия, национального эпоса "Манас". Здесь заметно возрос интерес к историческому и культурному наследию страны, сопровождаемый требованиями более широкой лингвистической автономии, с акцентом на необходимости более широкого преподавания киргизского языка, решения вопросов его орфографии и статуса. После провозглашения независимости правящие элиты Кыргызстана стремятся к формированию национальной идентичности на основе сочетания, переосмысления и открытия заново истории с

⁵¹⁹ *Кыргызстан в цифрах. Бишкек, 1998. С. 16.*

вновь складывающимися традициями. Их национализм, по крайней мере отчасти, является реакцией на языковую русификацию, политику которой проводили те "русифицированные (обрусевшие) киргизы", которые составляли элиту общества, воспитанную на русской литературе и на русском языке, а теперь оказались, можно сказать, в стороне, в культурной изоляции, отчужденные и от киргизского, и от русского лагеря. (Такая ситуация в равной мере и в то же время во многих отношениях характерна для Казахстана). В Кыргызской Республике имеет место также напряженность в отношениях между киргизами и третьим по величине этносом в Кыргызстане – узбеками, проживающими на юге этой страны, в Оше и Джалалабаде, где в 1990 году произошли кровавые столкновения. Это напоминает этническое соперничество между узбеками и таджиками в Узбекистане.

Туркменистан объявил о своем суверенитете 22 августа 1990 года и провозгласил свою независимость 27 октября 1991 года, присоединившись к СНГ 21 декабря 1991 года. В советские времена племенные, клановые, этнические связи сохраняли свою силу негласно, подпольно; после объявления независимости они стали возрождаться и активизироваться.

В 1995 году в этой стране на территории в 491.200 кв. км, большую часть которой занимает пустыня и границы которой выходят на Иран, Афганистан, Казахстан и Узбекистан, проживало 4.483.300 человек. 54,9 % этого населения были городскими жителями, остальные – сельскими, сохраняющими многие племенные и родовые традиции. Ашгабад, столица, теперь насчитывает около 500.000 жителей.

24 мая 1990 года в Туркменистане был принят закон о языке, по которому туркменский язык получал статус официального государственного языка. После достижения независимости здесь было инициировано проведение многих национальных праздников, служивших символом единения народа, возрождения традиций и отдачи дани обычаям или объектам, ассоциировавшимся с туркменской историей. Сейчас здесь официально утверждены девятнадцать нерелигиозных праздников – более, чем в каком-либо другом из пяти новых среднеазиатских государств, – из которых десять являются нерабочими днями. Другой аспект туркменского этнонационализма выявился в усилиях, вложенных начиная с 1990 года в дело установления тесных контактов с туркменской диаспорой, главным образом, в Иране и в Афганистане, но также и в Турции, и в Западной Европе. Общество под названием "Ватан" (Отчизна) особенно активно в

этом направлении деятельности, а также в содействии исследованиям в области туркменской истории и туркменского языка ⁵²⁰.

Новая Конституция этого государства, принятая 18 мая 1992 года, сосредоточила политическую власть в руках Президента, Сапармурата Ниязова, которого зовут "Туркменбаши", что означает "глава всех туркмен". В этой авторитарной президентской системе, с крайней формой культа личности, Ниязов контролирует абсолютно все государственные органы. Формально законодательным органом является состоящий из 50 членов, постоянно работающий парламент. Первые парламентские выборы были проведены в декабре 1994 года, когда 50 кандидатов вошли в него на безальтернативной основе: 45 из них были туркменами, 3 узбека и 2 русских. Это своего рода "сверхпредставительство" туркмен. Другим органом является Народный Совет, который собирается по меньшей мере раз в год и состоит из Президента, членов парламента, министров, главы судебной власти, генерального прокурора, а также избранной верхушки – представителей власти в областях и другой знати. Главная функция этого Совета – определять широкую политику и предлагать конституционные поправки и изменения. Единственная зарегистрированная здесь партия, бывшая Коммунистическая, переименована в Демократическую партию Туркменистана, и руководит этой партией сам Ниязов. В эту партию принято много новых членов. Санкционированная правительством оппозиционная партия, которая называется Крестьянская партия справедливости, также получила разрешение на существование. В середине 1992 года был объявлен шестилетний мораторий на многопартийность, и ни одна новая партия с той поры не была допущена к регистрации.

Ниязов твердо придерживается провозглашенной им политики нейтралитета во внешних делах. Решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в декабре 1995 года объявлен нейтралитет Туркменистана. Туркменистан воздержался от подписания пакта о коллективной безопасности СНГ, предпочитая получить прямые гарантии безопасности от России. В мае 1999 года Ниязов принял решение о том, чтобы заключить соглашение с Российской Федерацией, по которому ей разрешается сформировать 300 пограничных застав на границе с Афганистаном и держать суда военно-морского флота в том секторе Каспийского моря, который закреплен за Туркменистаном. Туркменистан также маневрирует в своей внешней политике между Ираном, Турцией и другими странами, избегая вступать в региональные

⁵²⁰ См.: David Nissman. *Turkmenistan: Searching for a National Identity // Nation and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993. P. 384-397.*

союзы и подписывать соответствующие пакты, стараясь присоединиться к более широким нейтральным структурам, таким, как Движение неприсоединения.

Характерные особенности внутренней, национальной и внешней, лишь отчасти определяемой установками пантюркизма политики новых "тюркских государств" проявляются в сфер языкового законодательства, языковых реформ и в практике функционирования здесь тюркских и других языков.

Трудности в этой области изначально определялись значительным количеством русских в пяти советских "тюркских" республиках, как в абсолютных числах, так и в процентном отношении ко всему населению, даже с учетом того, что их процент в доле населения на протяжении 1980-х годов несколько снизился. По данным переписи населения Советского Союза 1989 года, русские составляли 37,6 % всего населения Казахстана (по сравнению с 40,8 % в 1979 году), 21,4 % – населения Киргизии (по сравнению с 25,8 % в 1979 году), и между 5,6 % и 9,5 % в Туркменистане и Узбекистане, что было также ниже показателей на 1979 год ⁵²¹. По данным переписи населения Советского Союза, проведенной в 1989 году, русские были, в основном, городскими жителями: в Киргизии 70 % проживающих здесь русских были горожанами, в Казахстане – 77 %, в Азербайджане – 95 %, в Узбекистане и Туркменистане этот показатель колебался между 94 и 97 %. Особенно значительна была доля русских жителей в составе населения столиц, где, естественно, были сосредоточены центры власти и органы, принимающие ответственные решения. В 1989 году только в Баку русские составляли всего 16,5 % населения, в то время как в Алматы (тогда в Алма-Ате) их доля достигала 59,1 %, в Бишкеке (тогда Фрунзе) – 55,7 %, в Ташкенте – 34 %, в Душанбе – 32,4 % и в Ашгабаде (тогда Ашхабаде) – 32,3 %.

11 августа 1994 года Ельцин подписал президентский указ "Об основных принципах государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом". Он был дополнен принятым спустя двадцать дней постановлением российского правительства, которое называлось "О мерах поддержки соотечественников за рубежом". В обоих документах речь шла о помощи в различных областях, включая сферу культуры. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в обоих документах Российская Федерация представляла себя в качестве защитника всех своих соотечественников, то есть не только русских, но и представителей любых этносов, имеющих свои национальные центры и зоны в

⁵²¹ Michael Rywkin. *Post-USSR Political Developments in Former Soviet Central Asia // Nationalities Papers*, 1992, Nr. 2 (20). P. 97-106.

Российской Федерации (таких, как лезгины, татары, и другие). В мае 1996 года власти Российской Федерации приняли специальную программу помощи таким этническим общинам за рубежом⁵²². Позднее депутаты Российской Государственной Думы заявили о своей поддержке русского языка в государствах, являющихся наследниками бывшего Советского Союза⁵²³.

Недовольство тюркских народов тем положением, в каком оказались их родные языки, сначала, пока Москва держала ситуацию под своим жестким контролем, выразалось в полужавулированной форме; затем, во время перестройки, оно приобрело более откровенный и открытый националистический характер, и во все возрастающей степени в него оказывались вовлеченными местные элиты. Со временем протест обрел форму уличных демонстраций, как это было в Алма-Ате в декабре 1986 года. Центральные власти решили "выпустить пар" и допустили определенные "уступки", которые должны были успокоить "национальную периферию" в вопросах, касающихся языка. Так, в марте 1987 года Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана и Совет Министров этой республики приняли параллельные постановления о совершенствовании изучения как казахского, так и русского языка в Казахстане⁵²⁴. Эти меры, однако, не удовлетворили активистов национальных движений. Пример им показала интеллигенция соседнего Таджикистана, где в 1988 году группа писателей, журналистов и историков создала неформальную организацию под названием "Ёварони Боғзоғи" ("Помощники перестройки") которая, наряду с требованиями, касающимися демократизации общества и охраны окружающей среды, выдвинула требование придания таджикскому языку статуса государственного языка.

В Казахстане положение осложнялось тем, что русский язык занимал здесь доминирующие позиции, что было вызвано как наличием в республике значительного массива славянского и иного нетюркского населения, так и специальными усилиями, направленными на внедрение русского языка в широкую социальную сферу. В результате здесь резко уменьшилось число школ с преподаванием на казахском языке, а также число книг, издаваемых на казахском языке, а журнал "Казахский язык и литература" вовсе перестал издаваться.

15 октября 1988 года Центральный Комитет Коммунистической партии Киргизии принял Постановление "О дальнейшем развитии

⁵²² *Российская газета*, 1996, 30 мая.

⁵²³ *Зеркало*, 1998, 28 марта.

⁵²⁴ *Тексты были одновременно опубликованы в центральной газете республики: Казахстанская правда*, 1987, 5 марта.

национально-русского двуязычия и об улучшении изучения и преподавания киргизского, русского и других языков в республике ⁵²⁵. В этом документе очевиден более сдержанный, сбалансированный подход к проблеме, чем в более ранних постановлениях, принятых в других республиках.

На уличных демонстрациях почти всегда выдвигались требования и звучали протесты, связанные с положением национального языка, который рассматривался как важный компонент национального достояния. Жалобы касались качества преподавания национальных языков и снижения их значения в официальных делах до минимальной роли.

В марте 1989 года демонстранты в Ташкенте потребовали придания узбекскому языку статуса государственного языка; в этой демонстрации и в выдвижении этих требований в Узбекистане участвовали также казахи и киргизы, но таджики в этом не участвовали, что было знаком тюркской солидарности и узбекско-таджикского соперничества и противодействия таджиков тому, чтобы узбекский язык стал государственным языком в республике. Вскоре после этого, в октябре 1989 года, в Ташкенте состоялась мощная демонстрация протеста, организованная новым популярным движением "Бирлик", ее участники подвергла резким нападкам первый проект готовящегося в республике закона о языках, в котором заявлялось о поддержке двуязычия, что по сути однако более означало скрытое предпочтение русского языка и продолжение политики привилегий, какими пользовался русский язык, поставленный над узбекским.

Уже в годы перестройки и особенно активно после провозглашения независимости во всех тюркских республиках развернулись широкие дискуссии, связанные с необходимостью изменения алфавитной основы тюркских языков. В этих дискуссиях рассматривались три основных варианта: 1) сохранение "статус-кво", то есть кириллицы, ставшей обязательной нормой с конца 1930-х годов (такое решение было наиболее простым в экономическом плане, не требовало перестройки издательских баз и школьной системы обучения, оно также было выгодным в прагматических расчетах на "удержание" в восточных республиках русского населения и стабилизацию отношений с Россией, но означало полную капитуляцию дела национального и духовного возрождения тюркских народов); 2) возвращение к арабской письменности, ликвидированной в конце 1920-х годов (что было практически наиболее трудным решением и мало соответствовало модернизационным процессам и программам пантюркизма, однако имело и свои преимущества в плане возвращения

⁵²⁵ Советская Киргизия, 1988, 20 октября.

народам национальных литературных ценностей и религиозных источников, от которых эти народы были искусственно оторваны при советской власти); 3) возвращение к латинице, переход на которую был осуществлен в 1920-х годах, что знаменовало бы одновременно и сближение с Турцией, и выход на более широкую арену мировой культуры (наиболее прагматичный в условиях широкой компьютеризации), и открывало перспективы органичного приспособления латинских знаков письма к фонетическим особенностям разных тюркских языков.

В эти дискуссии уже на раннем этапе активно включились идеологи и энтузиасты панарабизма, которые быстро сориентировались в том, что единая арабская письменность является и фундаментом, и важнейшей составной частью их идеологии, их общего дела, позволяя к тому же объединить различные арабские диалекты. Некоторые пропагандисты ислама также доказывали, что арабский алфавит служит важной связующей нитью между арабами, персами, афганцами, пакистанцами и другими народами, традиционно приверженными исламу. Сторонники тюркской (и одновременно adeptы турецкой) ориентации, с одной стороны, и иранские (персидские) пропагандисты, с другой, вели споры, выдвигая противоположные аргументы: одни, соответственно, настаивая на том, что латинская письменность (на которую переведен турецкий язык) становится мостом, соединяющим народы Востока с современной (западной) цивилизацией, другие – заверяя, что арабский алфавит служит средством аккумуляции и постижения культурного наследия, а также объединения исламского мира.

Как реакция на усилившуюся в последние годы советской власти лингвистическую русификацию, в тюркских республиках, в среде их интеллектуальных и культурных элит, стали очевидны симптомы возрастающего и крепнувшего национального самосознания. В своих поисках этнического партикуляризма или национальной идентичности представители этих элит сосредоточили внимание на собственных лингвистических традициях своих народов, вступив также в развернувшиеся дискуссии о кириллице как признаке советского правления.

Законы о языках, принятые незадолго до конца существования Советского Союза, или вообще не упоминали о возможном изменении алфавита, или касались этого вопроса в расплывчатой форме, без каких-либо определенных и обязательных установок. После объявления тюркскими республиками независимости в конце 1991 года впервые оказалось возможным обдумать переход с кириллицы на другой алфавит, без опасения каких-либо репрессий. Вопросы, связанные с изменением алфавита, в определенных кругах рассматривались и

воспринимались в аспекте решения задачи "деколонизации" или "десоветизации". Развернулись энергичные дебаты, касавшиеся, в основном, двух вопросов: нужно ли отказываться от кириллицы, а если да, то каким алфавитом заменять ее. В то время как практически все русские и русскоговорящие других национальностей в мусульманских государствах были против каких бы то ни было изменений алфавита, рассматривая такие изменения как признак "русофобии", среди представителей местной национальной интеллигенции также встречались такие деятели, которые тоже не хотели этих перемен, поскольку они сами были воспитаны и получили образование на русском языке и могли выразить свои мысли по-русски лучше, чем на родном языке, хотя таких людей было сравнительно немного. Более того, в этих государствах, как показали полевые исследования Б.Э. Бехара ⁵²⁶, проведенные в середине 1990-х годов, возражения против какого-либо изменения алфавита высказывали в своем большинстве также самые обычные, средние люди (не относящиеся к элитам), среди которых проводился опрос: 52,2 % в Азербайджане, 82,6 % в Узбекистане, 80,6 % в Казахстане, 79,95 % в Кыргызстане. Среди тех опрошенных, кто поддержал переход на другой алфавит, 89,6 % респондентов в Азербайджане и 7 % в Кыргызстане высказались в пользу перехода на латинский алфавит.

Те, кто выступал за переход на латинскую письменность, доказывали, что это облегчит студентам, бизнесменам и другим кругам населения изучение западных языков, что это отвечает вызовам и требованиям времени и что это упростит связи с Турцией, в которой некоторые из них видели идеальную модель вестернизации, секуляризации и демократического общества. Дополнительным и широко распространенным, убедительным аргументом служило также и то мнение, будто знаки латинского алфавита лучше, чем арабская система письма, приспособлены для отражения звуковых, фонетических особенностей тюркских языков.

Идея турецко-тюркского *lingua franca* с общим алфавитом для Турции и всех тюркских народов мира, появившаяся еще в 19 веке, получила новое ускорение и обоснование в начале 1990-х годов. После того, как мусульманские государства (бывшие республики Советского Союза) обрели независимость, самые горячие сторонники и последовательные пропагандисты этой идеи обнаружили в Турции ⁵²⁷,

⁵²⁶ B.E. Behar. *Türk Cumhuriyetleri kültür profili araştırması*. Ankara, 1995; B.E. Behar. *Türk Cumhuriyetlerinde Latin alfabeleri // Cumhuriyet dönemi Türkiye ansiklopedisi*. İstanbul, 1995. Volume XII. B. 396-398.

⁵²⁷ A.B. Ercilasun. *Türk dünyası üzerine incelemeler*. Ankara, 1993; A.B. Ercilasun. *Örneklere bugünkü Türk alfabeleri*. Ankara, 1996.

но даже там были учетные, которые предупреждали о том, какие серьезные трудности возникнут на этом пути, в частности, о том, как сильно будет отличаться искусственный общий тюркский язык от реально существующих языков, на которых говорят тюркские народы⁵²⁸.

Со временем и в Азербайджане, и в Узбекистане, и в Туркменистане заново введенная латинская письменность все более охотно принимается и активно используется, с учетом национальных особенностей языков этих стран; что же касается Казахстана и Кыргызстана, то вопросы изменения алфавита здесь до сих пор остаются лишь предметом словесных баталий и дискуссий в научных и официальных кругах.

В Азербайджане, который стал лидером латинизации, дискуссии в кругах интеллигенции о необходимости реформирования или отказа от письменности на арабской алфавитной основе восходят еще ко второй половине 19 века. В начале 1920-х годов сторонники перевода письменности на латинский алфавит окончательно победили, и после 1924 года новый алфавит (латиница) стал уже официальным и обязательным, его распространение диктовалось директивами из Москвы. Он был введен в школах, с 1 января 1929 года на него была переведена вся официальная корреспонденция, вся система образования, вся печать. Новые директивы, определяющие проводимую сверху политику советской интеграции, заставили перейти в 1940 году на новый алфавит, на основе кириллицы; это сопровождалось широкой пропагандистско-разъяснительной работой и мотивировалось стремлением азербайджанского народа иметь алфавит, общий с алфавитом большинства народов Советского Союза и еще более четко отделить Советский Азербайджан от иранского Азербайджана (который продолжал пользоваться письменностью на арабской алфавитно-графической основе) и от Турции (которая переключилась в 1928 году на латинскую письменность).

После прихода к власти Горбачева в 1985 году и с распространением гласности в азербайджанской печати появилось большое количество статей, в которых разоблачалась колониальная суть распространения письменности на основе кириллицы и звучали призывы к восстановлению досоветской письменности на арабской основе. Поэт Бахтияр Вахабзаде был одним из пламенных борцов, выдвигавших такие требования. В то же время другой представитель азербайджанской интеллигенции, Зия Буньядов, одним из первых, в 1989 году, призвал к переходу (возвращению) на латинский алфавит. В

⁵²⁸ *Fikret Türkmen. The Issue of a Common Turkish Script // Eurasien Studies, 1994, Nr. 1. P. 85-90.*

Баку на протяжении 1989-1990 годов состоялись демонстрации в поддержку и той, и другой позиции. Азербайджанская интеллигенция скоро раскололась по этому вопросу на два лагеря, что политически было связано с ирано-турецким противостоянием, при этом каждая сторона "тянула одеяло на себя" и представляла собственную модель развития как единственно правомерную. Сторонники иранской ориентации подчеркивали, что арабская письменность является ключом к азербайджанской литературе и науке всего того длительного исторического периода, который продолжался до 1920-х годов и которому принадлежит это огромное национальное культурное наследие; сторонники турецкой ориентации доказывали, что латинский алфавит — это мост, который свяжет Азербайджан с Западом, с процессами модернизации; в то же время местные коммунисты предупреждали, что резкий отказ от кириллицы обострит ситуацию и приведет к печальным последствиям.

После длительной подготовительной работы парламент Азербайджана принял 25 декабря 1991 года Закон, по которому алфавит на основе кириллицы заменялся модифицированной версией латинского алфавита, применявшегося для азербайджанского языка в 1920-30-х годах. Этот закон поддержало своими голосами даже коммунистическое большинство, заседавшее тогда в этом парламенте. Еще до этого проходили постоянные консультации с общественностью, подготовленный проект Закона был вынесен на широкое общественное обсуждение. Закон определял проведенное советской властью изменение азербайджанской письменности (перевод на кириллицу) как "репрессивную меру" и формально отменял это решение. Был одобрен сходный с прежним вариантом латинский алфавит из 32-х букв, при этом он не был абсолютно таким же, как алфавит турецкого языка⁵²⁹, хотя и был создан на основе "Общего алфавита тюркских языков", рекомендованного (впоследствии) конференцией в Анкаре 1993 года.

Закон от 25 декабря 1991 года содержал также программу мероприятий, которые следовало осуществить в школах и в общественной жизни в 1992 и 1993 годах. Эта программа начиналась с самых скромных дел и элементарных задач. В 1991-92 учебном году латинская письменность должна была быть введена в программу первых классов всеобщего школьного обучения; в старших классах этих школ, в профессиональных училищах, в институтах и университетах открывались дополнительные классы и проводились дополнительные занятия для изучения новой письменности; специальные курсы создавались для учителей, которым предстояло преподавать новую

⁵²⁹ Опубликован в газетах: "Xalq Qəzeti", 1992, 1 января; "Бакинский рабочий", 1992, 11 января.

письменность во всех учебных заведениях; все служащие и работники общественного сектора обязаны были предпринять соответствующие шаги для перехода на новую письменность; в газетах и других периодических изданиях на первом этапе предусматривалось параллельное использование кириллицы и латинского алфавита; все общественные и государственные институты должны были провести ревизию своих печатей, штампов, бланков и начать изменение их в соответствии с переходом на латинскую письменность; географические карты, названия городов и улиц, а также уличные знаки и вывески нудно было перевести на латинскую графику; то же самое касалось всех видов официальной документации; по государственному телевидению шли специальные уроки обучения латинской письменности и все тексты в кадрах, анонсы, заголовки выполнялись теперь на основе латинской графики; во всех общественных институтах создавались курсы для желающих освоить новый алфавит; все учреждения культуры и науки должны были перевести свое делопроизводство, а также научную и творческую продукцию на латинский алфавит; был издан новый орфографический словарь азербайджанского языка на основе латиницы. Программа предусматривала издание к 1993 году всех необходимых учебников для высших школ, профессиональных училищ и академических институтов на основе латинского алфавита; вся азербайджанская пресса и вся основная политическая и научная книжная продукция должны были к тому времени издаваться на основе латинской письменности⁵³⁰.

Споры с уже известными нами аргументами относительно достоинств и недостатков различных алфавитов шли в Узбекистане как до, так и после провозглашения независимости примерно по тому же самому сценарию, какой мы рассматривали в Азербайджане Движение "Бирлик", представлявшее собой наиболее крупную и влиятельную (после правительства) политическую силу (впоследствии было распущено и запрещено), высказалось, хотя и не единодушно, в пользу письменности на основе арабского алфавита. Это решение поддержали также таджики, представляющие собой наиболее крупное национальное меньшинство в Узбекистане и проявляющие склонность к Ирану в соответствии с их пониманием своего культурного наследия.

И все же тот аргумент, что возвращение к письменности на основе арабской каллиграфии откроет доступ и узбекам, и таджикам к ценнейшим пластам их литературного, а значит и всего культурного наследия, принимался не слишком всерьез. Литературная элита отлично понимала, что доступ к средневековым текстам окажется возможным лишь в том случае, если все население будет обучено на классическом

⁵³⁰ *Xalq Qāzeti*, 1992, 1 января.

языке Средней Азии – чагатайском, по советской терминологии "старо-узбекском"; арабский алфавит был необходим для такого обучения, но сам по себе, без чагатайского языка, он не решал проблемы доступа к средневековому наследию. И по сути, дело здесь было не столько в пробудившейся любви к культурному наследию, сколько в политической потребности демонстративно встать на путь, отличный от того, какой был указан и навязан советской властью, другими словами речь шла о дерусификации и о формировании новой идентичности, которую можно было с успехом конструировать из элементов прошлого.

Президент Каримов назвал воинствующий ислам угрозой для государства и общества, что предопределило дальнейший выбор республики в пользу не арабского, а латинского алфавита. Интересно, однако, что и принятая три года спустя "Программа реализации Закона о государственном языке" снова указывала на необходимость создания условий для изучения "узбекского алфавита на основе арабской письменности".

Были еще и другие мотивы и обстоятельства, влияющие на формирование политики, отдающей предпочтение латинской письменности при выборе алфавита. Часто повторявшимися аргументами в пользу перевода узбекской письменности на латинский алфавит были рассуждения о необходимости приобщения Узбекистана к единой компьютерной сети, приспособления к компьютерным программам и создания базы для изучения иностранных, западных языков; однако, большую роль играла и забота о национальной идентичности. В этом вопросе Президент мог даже рассчитывать на поддержку оппозиционной партии, действовавшей в то время, а именно "Эрк" (Erk – "Свобода"): это было политическое движение, отколовшееся от "Бирлика" и зарегистрированное как партия в 1991 году, сторонники которого выражали большую симпатию и доверие Турции и выступали за политику "открытых дверей на Запад".

Закон "О введении узбекского алфавита на основе латинской графики" был принят парламентом Узбекистана 2 сентября 1993 года после широкой правительственной кампании в его поддержку, развернутой в средствах массовой информации.

К Закону прилагалось Постановление из десяти пунктов, в которых излагались детали введения и реализации данного Закона. Важнейшими из этих пунктов были следующие: а) с 1 сентября 1995 года начать в первых классах школ обучение латинской письменности и чтение на ее основе и продолжать эти занятия каждый год в последующих классах; б) остальное население должно овладеть новой письменностью постепенно, и процесс этот должен быть завершен к 1 сентября 2000 года;

К концу 1993 года новый алфавит, "Alifbo", был отпечатан в количестве 100.000 экземпляров и распространен в республике. Учебники, пособия для учителей и другие издания, связанные с внедрением нового алфавита, стали выходить только с 1994 года. Рреальное обучение на латинской алфавитной основе началось в дошкольных заведениях и в начальных школах с первого класса лишь в 1996-97 учебном году, то есть с 1 сентября 1996 года

Менее чем через два года в Узбекистане было объявлено о том, что будет произведена некоторая ревизия и поправка знаков нового алфавита. 6 мая 1995 года парламент Узбекистана (Olii Mazhlis – Олий Меджлис) принял с этой целью специальный закон³³¹. В результате утвержденных этим Законом изменений алфавита значительно увеличилась дистанция между алфавитной системой Узбекистана и той, что принята в Турции, Азербайджане и Туркменистане. Если введенный в 1993 году алфавит имел 31 буквенный знак (шесть из них имели специфический характер, соответствуя особым звукам узбекской речи) и кроме того еще один апостроф, обозначающий голосовую паузу, то измененный алфавит, утвержденный в 1995 году, состоял из 26 буквенных знаков (два из них носили комбинированный характер, то есть представляли букву в сочетании со специальными знаками), трех сдвоенных букв – обозначений дифтонгов и опять же одного апострофа. Теперь из алфавита были исключены специфически узбекские буквы, что делало алфавит более практичным

Несмотря на весь энтузиазм, продемонстрированный многими представителями тюркских республик на лингвистических конференциях, состоявшихся в Турции в 1991 – 1993 годах, новый узбекский алфавит ясно показывает, что ни малейших усилий не было предпринято для того, чтобы сделать его согласованным или совпадающим с алфавитами Туркменистана, Азербайджана или с тем Единым тюркским алфавитом, о котором речь шла выше.

Латинский алфавит был также введен и в Каракалпакии, с очень незначительным отличием от узбекского алфавита на латинской основе.

Закон об алфавите, принятый в Узбекистане 6 мая 1995 года, установил (точнее, перенес) срок окончательного перехода на латинскую письменность в республике на 1 сентября 2005 года, что было согласовано и с текстом Закона о государственном языке, также исправленного и уточненного в 1995 году. Речь шла о том, что в 2005 году, когда завершится переход на латинскую письменность, будет полностью реализован и Закон о государственном языке.

³³¹ Опубликован в газете "Правда Востока", 1995, 7 июня, а также в сборнике "Новые законы Узбекистана", 1996, № 11.

Хотя в Казахстане в последние пять лет Советской власти уже проходили относительно свободные общественные дискуссии по вопросу языка и алфавита, выражавшие потребности восстановления национальных ценностей и собственного национального достоинства, однако лидеры Казахстана в этом вопросе проявляли осторожность, которая сохраняется в их политике и по нынешний день. Алфавитная реформа считалась тонким и сложным делом в стране, где проживало больше славян, чем казахов, и где число русскоговорящих преобладало над числом лиц, владеющих казахским языком. И после провозглашения независимости власти Казахстана постоянно сталкивались с имплицитной, скрытой до поры до времени (а порою и эксплицитной, явно проявившейся) опасностью, связанной со стремлением шовинистических сил в России и на севере Казахстана отторгнуть от Казахстана часть территории, включив ее в состав Российской Федерации. Относительно несложно оказалось изменить географические названия и названия улиц, а также тексты на денежных банкнотах, переведя их исключительно на казахский язык, который, однако, по-прежнему сохранял графическую систему письменности, основанной на кириллице. Закон о языках, принятый здесь в августе 1989 года, не упоминал ничего, что касалось бы алфавита.

Во всяком случае, Казахстан принимал участие в тех конференциях на высоком уровне представителей тюркских государств, которые проходили в Турции в 1992 – 1993 годах и на которых в конце концов было достигнуто соглашение о принципах адаптации латинского алфавита для тюркских языков (об этом речь шла выше). Казахские лингвисты и тюркологи проявляли устойчивый интерес к этим вопросам. Одним из таких специалистов был тогдашний директор Института языкознания Академии наук Казахстана и председатель Общества казахского языка ("Qazaq Tili") Эбдуали Кайдаров, выступивший в 1992 году с инициативой введения латинского алфавита и выдвинувший серьезные аргументы в его защиту. В 1993 году он сделал следующий шаг, предложив новую, исправленную версию этого алфавита, ориентированную на Единый тюркский алфавит. Другая важная инициатива исходила в 1995 году от известного тюрколога К.М. Мусаева, который предложил комбинацию из элементов казахского латинского алфавита, используемого в 1930-х годах, и современной турецкой письменности на латинской основе. Кампания за введение нового латинского алфавита была активно поддержана специалистами Института языкознания Академии наук Казахстана.

Тем не менее общую ситуацию в Казахстане до сих пор не удалось переломить. Совершенно очевидно, что латинизация, по сути, представляет собой дело политического выбора и политических решений, часть более широкой языковой политики, принятой в стране.

Султан Оразалинов, казах по национальности, руководивший различными общественными комитетами по разработке и координации языковой политики, подчеркивает, что, несмотря на все трудности, латинизация в широкой и отдаленной перспективе станет мостом, который соединит Казахстан с мировой цивилизацией в будущем ⁵³². Такова же точка зрения Олжаса Сулейменова, знаменитого казахского писателя, который сам, однако, пишет свои сочинения по-русски ⁵³³. И тем не менее, решение, проводить ли реформу нынешнего казахского алфавита, основанного на кириллице, или переводить казахскую письменность на латинскую основу, на государственном уровне до сих пор окончательно не принято.

Тот факт, что даже принятое в 1996 году первое официальное решение Государственного Комитета по делам национальной политики о введении латинской письменности не было одобрено Президентом Назарбаевым и было возвращено на доработку ⁵³⁴, позволяет понять, каково истинное положение дел в этой области в современном Казахстане; примечательно, что государственная программа "Казахстан – 2030" не включает в себя никаких конкретных положений по вопросу об изменении или сохранении нынешнего алфавита.

В 1992 – 1993 годах Кыргызстан, так же, как Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, участвовал в конференциях, проходивших в Турции, на которых было достигнуто соглашение о применении к тюркским языкам латинской письменности ⁵³⁵. Однако, дебаты относительно перехода на латинский алфавит в Кыргызстане понемногу продолжались и позднее, закручиваясь, в основном, вокруг трех главных положений: во-первых, не вызовет ли это раздражения в русской общине Кыргызстана, важной для нормального функционирования его экономики; во-вторых, как преодолеть дефицит необходимых для этого учительских кадров и средств; в-третьих, как быть с тем, что многие киргизы считают нынешний алфавит на основе кириллицы хорошо приспособленным к фонетическим особенностям киргизского языка и не видят никаких преимуществ в восстановлении связей с письменным наследием, созданным более 70 лет тому назад ⁵³⁶. Тем не менее, 8 сентября 1998 года здесь была официально зарегистрирована Министерством юстиции организация, приступившая к разработке и реализации компьютерного проекта латинизации киргизского языка.

⁵³² *Казахстанская правда*, 1998, 19 февраля.

⁵³³ *Казахстанская правда*, 1996, 13 марта.

⁵³⁴ *Независимая газета*, 1996, 5 июля.

⁵³⁵ *Бишкек шамы*, 1993, 18 марта.

⁵³⁶ *Наша газета*, 1998, 31 января.

Национальная комиссия по вопросам государственного языка при Президенте, созданная 20 января 1998 года, вернулась к рассмотрению вопросов о переводе киргизского языка на латинский алфавит, хотя эта задача и не была официально сформулирована в Постановлении о создании этой комиссии. Однако, работа этой комиссии продвигается медленно, и если учесть оппозицию переходу на латинский алфавит, существующую в Кыргызстане, можно предположить, что никаких конструктивных решений в ближайшее время принято не будет.

Общественные дискуссии по вопросу об изменении алфавита развернулись в Советской Туркмении вместе с общими дебатами по поводу Закона о языке ⁵³⁷. (ТИ, 1990, 16 мая). Вскоре после принятия 27 октября 1991 года Декларации о независимости и последовавшей за этим, в ноябре 1991 года в Стамбуле, конференции об алфавите тюркских языков, туркменская пресса стала активнее вести дискуссии о переходе на латинский алфавит. Туркменистан отличался от других новых независимых "тюркских государств" тем, что здесь практически не было сторонников арабской письменности, в то время как число сторонников латинской письменности, в противоположность тем, кто защищал кириллицу, постоянно и быстро возрастало. Новое периодическое издание "Türkmen Sesi" ("Туркменский голос"), которое появилось в октябре 1991 года в Ашхабаде, сначала выходило на алфавите, основанном на кириллице, но очень скоро перешло, следуя примеру других изданий на латинский и арабский алфавит ⁵³⁸. Позднее, три сборника произведений туркменской поэзии было издано в Турции на основе латинского алфавита ⁵³⁹.

Когда Президент Турции Тургут Озал прибыл 12 апреля 1993 года с официальным визитом в Ашхабад, Ниязов преподнес ему оригинальный подарок – президентский Указ о введении в республике латинского алфавита, который называется здесь "Täze Türkmen elipbiîi" ("Новый туркменский алфавит"): латинская письменность стала, таким образом, графической основой туркменского языка. Туркменский парламент утвердил этот Указ в мае 1993 года ⁵⁴⁰, установив срок, – а именно 1 января 1996 года, – к которому повсеместно должен быть завершён переход на латинский алфавит, состоящий из 32-х букв (этот алфавит был опубликован в "Туркменской искре" ⁵⁴¹). Следующим президентским Указом, от 25 июня 1993 года, была приведена в

⁵³⁷ Туркменская искра, 1990, 16 мая.

⁵³⁸ Туркменская искра, 1991, 9 октября.

⁵³⁹ Туркменская искра, 1992, 12 августа.

⁵⁴⁰ Правда Востока, 1993, 15 мая.

⁵⁴¹ Туркменская искра, 1995, 10 января.

движение развернутая программа, направленная на достижение этой цели. 23 апреля 1993 года еще один президентский Указ объявил о создании Государственного Организационного Комитета, состоящего из 14 членов и призванного обеспечить переход на новый туркменский алфавит; возглавил этот Комитет сам Президент Туркменистана.

Следуя новому президентскому Указу, от 29 сентября 1994 года, называвшемуся "О переходе на новый алфавит в образовательных учреждениях Туркменистана", с 1995-96 учебного года все школы начали преподавание туркменского языка на основе латинского алфавита, пользуясь учебниками для начальных классов (букварями), которые были отпечатаны тиражом в 22.000 экземпляров. Не приходится удивляться, что самая первая книга в Туркменистане, напечатанная на туркменском языке на новом латинском алфавите в начале 1995 года, была книгой о Президенте этого государства. Она называлась "Türkmenbaşı – Türkmenlering ukbaly" ("Туркменбаши – самый достойный из туркмен"), ее автор – журналистка Акбиби Юсубова.

Необходимо отметить сто комиссия по реализации нового туркменского алфавита придерживалась принципов, согласованных на конференциях представителей тюркских государств в Стамбуле и Анкаре, выраженных формулой "одна буква для одной фонемы", но игнорировала принцип "одна буква для тех фонем, которые являются общими во всех тюркских языках". Таким образом, новый туркменский алфавит (в его версии 1999 года), состоящий теперь из 30 букв, оказался весьма далеким как от турецкой модели латинской письменности, так и от Единого тюркского алфавита, одобренного на конференциях и рекомендованного в 1993 году, хотя и сделано это якобы в целях упрощения туркменского алфавита: он использует ряд букв, которые заметно отличаются от тех, что внесены в список, рекомендованный общетюркскими конференциями, и аналоги которым трудно найти в международных компьютерных программах (а ссылки на совместимость с условиями компьютеризации всегда были готовым аргументом в арсенале сторонников перехода на латинскую алфавитную систему).

Все это показывает, насколько сложным делом является реализация важнейших принципов культурного пантюркизма в конкретных условиях развития постсоветских тюркских государств. Однако, работа в этом направлении ведется, и перспективы в этой области отнюдь не безнадежны.

Заключение

Возвращаясь мысленно к истории пантюркизма, как учения и как общественного движения, обратим внимание на некоторые его особенности.

Во-первых, он никогда не был только "нашим детищем", в каком бы смысле частной этнической собственности ни произносили бы мы это слово "наше" (скажем на волжско-татарском "безнен", или на турецком "bizim", или на языке литовских татар "musu"). Он не принадлежал одной этнической группе, одной культуре, какой-либо одной зоне тюркского мира. Он имел значение для всего тюркского мира, и его опорные пункты постоянно менялись, перемещаясь из Бахчисарая и Симферополя в Стамбул и Анкару, из Казани в Ташкент, из Уфы в Баку, в западноевропейские центры средоточия тюркской эмиграции из России (а это и Париж, и Берлин, и румынская Констанца, и Варшава между Первой и Второй мировыми войнами), в Америку, на Балканы, и снова возвращались на Урал, в Поволжье, в Сибирь, в Закавказье и на Северный Кавказ, в Казахстан и в Среднюю Азию, в столицы бывших автономных, союзных республик и нынешних независимых государств, то более, то менее открытых, чутких, прислушивающихся к голосу тюркизма, готовых воспринять его импульсы. С самого начала и на всем протяжении своей истории тюркизм не только апеллировал ко всей тюркской общности народов Евразии, но и питался философской и поэтической мыслью, культурными традициями, научными достижениями всех этих народов вместе и каждого из них в отдельности. Механической равнозначности, однообразия в этом мире, конечно, не было, и можно сказать, блуждающие огни тюркизма обретали разную светосилу, едва мерцая или ярко пылая на туманных или безоблачных, ночных или полуденных небосводах разных стран, и контуры пантюркизма по-разному вписывались в национальную историю разных тюркских народов. Но тюркизм никогда не был локально замкнутым или провинциально ограниченным делом одного народа, одного государства и всегда оставался интернациональным, международным явлением по крайней мере континентального (евразийского), а по мере активного включения тюркской диаспоры в общественную жизнь других континентов - мирового масштаба.

Во-вторых, он никогда не был закрытым, предназначенным только для тех, кого можно назвать "соплеменниками", понятным только тем, для кого один из тюркских языков является родным, материнским, и кому на основе только этого лингвистического родства понятна иная близкая, созвучная тюркская речь. Тюркизм не был "cosa nostra" - "нашим делом" только тюркских народов, тщательно скрытым

от постороннего взгляда, чем-то вроде тайного ордена, в делах которого не мог бы разобраться не посвященный в его тайны человек. Тюркизм развивался на глазах всего мира, во многом как течение европейской общественной мысли (хотя не противопоставляющее себя ни азиатскому, ни американскому менталитету), встречал интерес и отклик в культуре народов и стран, не имеющих прямого отношения к тюркскому миру, а обширная англоязычная, франкоязычная, немецкая, венгерская литература, публикации на славянских языках (польском, украинском, русском, сербохорватском и других) отнюдь не всегда были фальсификацией или примитивной трансляцией основных положений тюркизма, но и дополняли, и развивали его концептуальную основу своими творческими интерпретациями.

Третьей особенностью пантюркизма, определившейся на основе уже его раннего опыта и выдержавшей испытание последующими десятилетиями, было органичное соединение теории и практики, слова и дела. История тюркизма - это не только история научной и литературной мысли, появление различных сочинений в разнообразных жанрах и формах философских трактатов, исторических эссе, политических памфлетов, поэтических манифестов и монологов (заметим в скобках, что ранний тюркизм особенно тяготел к романтическим формам самовыражения и самоутверждения в стихах, поэмах, в произведениях художественной прозы и драматургии, а также в журналистской публицистике). Это история организованного сопротивления режимам, подавлявшим свободу тюркских народов, история ирредентизма (там, где ирредентизм мог обеспечить защиту прав и интересов тюркских народов), история антиколониального и освободительного движения (там, где тюркские народы оказались под колониальным игом или в условиях оккупации), история политического подполья, партий, съездов, народных восстаний, важнейших акций государственной и народной дипломатии, правозащитных инициатив. Не ограничиваясь нравственными проповедями своей правоты, бесполезными, когда они обращены к тем, кто не способен понимать силу слова и убеждения, тюркизм всегда был средством активной самозащиты тюркских народов, наступающей и вооруженной (в прямом и переносном смысле этого слова) силой и доставлял немалую головную боль врагам тюркского мира, как огня, боявшимся именно общетюркского единения, общетюркской взаимной поддержки и солидарности. Даже если бы нам очень захотелось переписать историю тюркизма, подогнав прошлое к нормам современного гражданского общества и его конституционным основам, нам все равно никогда не удалось бы представить тюркизм безобидным ягненком или певчей птичкой, чья миссия ограничена робким щебетанием. Тюркизм был вызван к жизни драматическим положением тюркских народов,

вынужденных сражаться и за свою родную землю, и за свои элементарные человеческие права, и именно готовность и умение сражаться составляют основу действующего тюркизма.

Подводя краткие выводы, обобщая изложенный в главах этой книги материал, еще раз уточняя спорные вопросы, которые возникают в дискуссиях вокруг пантюркизма, и отметая ложные измышления, которые в этих дискуссиях из года в года (и уже можно сказать, из века в век) с упрямой настойчивостью повторяются, выделим следующие положения.

1. Возникновение пантюркизма как течения общественной мысли и как гражданского движения в конце 19 века явилось исторически закономерным явлением, вполне естественным в контексте аналогичных и современных ему течений (панславизм и т.п.), адекватным определенному этапу развития, дифференциации и консолидации этнических групп (этносов-наций) и многонациональных государств (государств-наций), предопределенным всем ходом экономического, политического, культурного развития тех регионов и стран Евразийского континента (прежде всего Российской империи и Османской империи), где проживали десятки больших и малых народов (в общей сложности десятки миллионов людей) тюркской лингвокультурной общности и где начинались и бурно нарастали интеграционные процессы капиталистического развития, с которыми приходила в неизбежное противоречие та резкая неравномерность социального и правового положения, в какой находились эти народы, расчлененные и сочлененные границами разных государств, во многих случаях остававшиеся под чужеземным игом или колониальным гнетом. Кардинальное представление об исторической закономерности и исторической оправданности появления пантюркизма определяет методологические основы его исследования и исключает, к сожалению, часто встречающиеся и в старой, и в новейшей литературе спекуляции и утверждения, будто пантюркизм имеет наносный, случайный характер, никак не обусловлен объективными этнокультурными и этнополитическими процессами, сводится к чьему-то субъективному враждебному замыслу или вражеским проискам, становится искусственным предметом идеологического экспорта-импорта и распространяется таинственными "агентами влияния".

2. Хотя истоки представлений о близости, общности судьбы тюркских народов и основы теорий, выдвигающих категорические императивы их единения, уходят в давние пласты культурного наследия и в глубины формирующегося самосознания, этнической психологии тюркских народов, а почва для формирования и распространения идей пантюркизма готовится постепенно в разных регионах тюркского мира, так что у пантюркизма нет какой-либо одной, точной "даты рождения"

и нет одного, точного "места рождения", тем не менее в силу конкретного стечения исторических обстоятельств "центр тяжести" процесса творческих поисков в период становления пантюркизма оказался в России, в сферах активной деятельности татарской интеллигенции (в Волго-Уральском регионе, в Крыму), а его выход на историческую арену связан с именем и деятельностью крымскотатарского просветителя, реформатора татарских школ, издателя первой в России общетюркской газеты "Терджиман" Исмаила Гаспринского, сформулировавшего основные принципы пантюркизма в классической триаде "Единство в языке, делах (трудах, действиях) и мыслях (убеждениях, в вере)" - "Dilde, Fikirde, Iste Birlik". Из этого факта вовсе не следует, будто пантюркизм был "привязан" к одной стране, к одному краю. Он стремительно распространился во всем тюркском мире и нашел не просто "отклик", но самостоятельные варианты и собственные ресурсы интенсивного развития в других странах, прежде всего в Турции. Однако, то обстоятельство, что пантюркизм исторически сформировался в России чрезвычайно важно для правильного понимания этого феномена как органической части российской истории, который вовсе не был навязан народам России откуда-то извне, но соответствовал глубинной исторической логике их развития, их духовным потребностям и интересам.

3. Пантюркизм не перечеркивает значение отдельных национальных движений тюркских народов, не подменяет их, не вытесняет их с исторической арены и не исключает возможности гибкого сочетания тех методов, которые соответствуют формам национальных движений, и тех задач, которые входят в программы этих движений, с собственными, более широкими установками и ориентирами. Он выступает по отношению к отдельным национальным движениям тюркских народов как объединительное движение, усиливающее их совместный потенциал, укрепляющее взаимодействие между ними, открывающее новые перспективы и возможности. Это не значит, однако, будто между пантюркизмом и отдельными национальными движениями не существует никаких противоречий. Диалектика исторического развития такова, что в определенных условиях и на определенных этапах обозначается явное несовпадение и расхождение целей, ориентиров, избираемых приоритетов между пантюркизмом, с одной стороны, и проявлениями национализма (не обязательно в негативном смысле этого слова), местного патриотизма, изоляционизма, этнического эгоизма или этноцентризма, с другой стороны, не говоря уже о возможном личном соперничестве между лидерами, возглавляющими столь различные направления. В экстремальных случаях дело может пойти (и не раз доходило в истории) до конфликтных ситуаций, резких столкновений, судебных

преследования и альтернативной постановки вопроса перед теми, кто должен был выбирать свое место в общественной жизни и в национально-освободительной борьбе, свою принадлежность к конкретной партии или организации (или узко националистического, или пантюркистского толка). Особенно явно такая конфликтная ситуация обозначилась в Турции, когда на смену пантюркизму, доминировавшему в ведущих политических кругах первых двух десятилетий 20 века (в идеологии и политике так называемых "младотурок", бывших правящей в стране силой в 1908 - 1918 годах), пришел кемализм как новая государственная идеология, более приспособленная к политической ситуации в Турецкой республике, провозглашенной в 1923 году, и более близкая к концепциям турецкого национализма. Не менее явно расхождение путей заметно и в современной организации национальных движений тюркских народов бывшего СССР, в деятельности партий, группировок и отдельных политиков, склонных или к концепциям пантюркизма, или к тому, чтобы опираться исключительно на собственные национальные силы своего народа и решать свои, национальные, а не общие с другими тюркскими народами задачи. Это различие ни в коем случае не следует игнорировать при анализе исторических процессов, тем более что именно такое игнорирование и примитивное отождествление разных явлений лежит в основе вульгарной критики пантюркизма, густо замешанной на шовинистической тюркофобии и готовой сваливать "в одну кучу" всё, что так или иначе связано с тюркским миром: и национализм, и пантюркизм. В то же время диалектическая природа противоречий и сложной взаимозависимости между пантюркизмом и отдельными национальными движениями тюркских народов (отдельными концепциями национализма) такова, что одно проникает в другое, впитывает идеи, использует опыт и теоретический багаж "противника", и отрицая его правоту, затем приходит к отрицанию данного отрицания. В этом смысле и кемализм немислим без пантюркизма - без его исторического опыта, без нравственного и политического спора с ним, без конечной перспективы согласия и примирения; и некоторые современные национальные движения или программы государственного строительства тюркских народов (тюркских республик), формально никак не связанные с пантюркизмом, содержат в себе порою рациональное зерно пантюркизма.

4. Терминологическая несогласованность и путаница позволяет разным авторам давать собственную субъективную интерпретацию таким понятиям, как "пантуризм", "пантюркизм", "тюркизм", и устанавливать различия или совпадения между ними. Единой конвенции, которая позволяла бы всем рассуждающим о пантюркизме однозначно понимать друг друга, здесь просто еще не выработано.

Поэтому при обращении к конкретным источникам, при анализе текстов (манифестов, программных заявлений, уставных положений разных организаций) и существующей на разных языках обширной литературы, всегда отмеченной стилистической печатью своего времени и отражающей своеобразие лексики и мышления того или иного автора, необходим тщательный анализ и учет того, какой смысл именно данный автор и именно в данном случае вкладывает в то или иное понятие, поскольку эти понятия до сих пор еще не приведены к единому знаменателю, к единой норме. В то же время наше собственное (согласованное с мнением многих специалистов) стремление упорядочить и уточнить эту терминологию проходит через всю работу и вкратце сводится к тому, что "пантуранизм" - это теория общности (и практика объединения) всех народов огромного евразийского пространства, условно обозначаемого словом "Туран", причем народов, относящихся не только к тюркской группе алтайской языковой семьи, но и к монгольской, а иногда и к тунгусо-маньчжурской группам этой семьи, а также (что еще более расширяет границы такого гетерогенного мира) народы финской (финно-угорской) группы уральской языковой семьи. По сравнению с "пантуранизмом" "пантюркизм" - более узкое понятие, соответствующее программе политического единения и теории культурной общности народов тюркской группы алтайской языковой семьи. Геополитическое пространство соответствующего такому выбору "Тюркистана" значительно меньше гигантского "Турана", это всего лишь его часть, может быть, его основное ядро. Частица "пан" в слове "пантюркизм" не содержит никаких "опасных признаков" претензий на мировое господство или преобладание над другими народами; она означает, соответственно смыслу этого греческого слова, "всё", или "все". Это значит, что данная теория общности и объединения распространяется на все тюркские народы мира без каких-либо исключений, безотносительно к численности, степени концентрации или дисперсности, уровню экономического и культурного развития, господствующему вероисповеданию и другим отличительным признакам этих народов. В этом смысле понятия "пантюркизм" и "тюркизм" абсолютно тождественны, ибо тюркизм как теория и политическая программа тоже ориентирована на весь тюркский мир и не проводит внутри него никакой селекции. Все это было бы достаточно ясно и просто, если бы, повторим еще раз, в сложившейся историографической традиции и политической риторике не существовало бы множество разночтений и субъективных подходов разных авторов (и целых общественных групп), придающих данным терминам различное наполнение и значение. "Пантуранистами" нередко называют (называли) себя люди, абсолютно не интересовавшиеся ни финно-угорским, ни монгольским анклавами и частями "Великого

Турана" и представляющие этот "Туран" только и исключительно как тюркский мир. В таком случае, естественно, "пантуранизм" (их "пантуранизм") полностью совпадает с пантюркизмом и ничем от последнего не отличается. Особенно много недоразумений и разночтений накопилось при сопоставлении терминов "пантюркизм" и "тюркизм". Одни авторы придавали им значение аксиологических категорий и противопоставляли таким образом "хороший" (прогрессивный, либеральный, "культурный") тюркизм "плохому" (реакционному, агрессивному, "расистскому", претендующему на "мировое господство") пантюркизму. Другие авторы и политики, прежде всего те, что работали в Турции, в очень своеобразных, специфических условиях смены и эволюции господствующих в этой стране режимов, разницу терминов "пантюркизм" и "тюркизм" (в турецком языке "Turkculuk" и "Turkluk") ощущали как дистанцию между политикой (и теорией), обращенной вовне, ко "всем тюркам мира", и неизбежно сопряженной с "вмешательством в дела других государств" или планами государственной экспансии, присоединения к Турции чужих территорий, с одной стороны, и собственно внутренней, чисто турецкой политикой (и идеологией), являющейся органичной составной частью кемализма, нацеленной на возрождение и сплочение турецкой нации в Турецкой республике, то есть фактически поглощаемой понятиями "турецкий национализм" и "турецкий патриотизм", с другой стороны. Во всех этих противоречиях, однако, не так уж сложно разобраться, если внимательно следить за тем, что именно данный автор (включая и авторов настоящей книги, и тех, кого они цитируют) в каждом конкретном случае имеет в виду под терминами, до сих пор имеющими разное измерение и толкование.

5. Пантюркизм советская пропаганда чаще всего представляла в идеологической связке с панисламом. На самом деле это совершенно разные и по своему генезису, и по дальнейшей эволюции, и по содержательному наполнению и объему вещи. В Турции становление пантюркизма в начале 20 века, вообще, проходило в конкурентной борьбе с панисламом, представлявшего собой (так же, как "османизм") альтернативный вариант "выбора пути", формирования господствующей идеологии. Очевидное различие между пантюркизмом и панисламом заключается и в том, на какой основе (лингвокультурной или религиозной общности) мыслится или реально формируется объединение определенной группы народов; и в том, каким образом этот круг вычерчивается: ясно, что не все тюркские народы исповедуют ислам и не все мусульманские народы принадлежат к тюркской языковой группе. Даже внешняя символика, эмблематика, традиционная поэтика собственных имен, легендарных образов в исламе и тюркизме совершенно различны. И все же недостаточно

сказать, что пантюркизм и панисламизм - это совсем не одно и то же. Дело в том, что какими бы добрыми или злостными намерениями ни были обусловлены попытки как-то сблизить и сопоставить пантюркизм и панисламизм, нельзя сказать, что это чистейшее недоразумение и полный нонсенс. Многие идеологи пантюркизма, прежде всего его классики, в том числе такие крупные и знаковые фигуры, как Исмаил Гаспринский,

придавали огромное значение широкому распространению ислама в тюркском мире, видели в мусульманской религии и этике основу духовного единения тюркских народов ("Fikirde Birlik" - единство в мыслях, знаниях, убеждениях, в вере), и их представления о том "материале", из которого строится некий идеальный Туран-Тюркистан, если не ограничивались понятием "тюрко-мусульманские народы Евразии" и не сводились к нему, то все же исходили из того, что именно "тюрко-мусульманские народы" (с равным акцентом на обе составляющие этого сложного эпитета), а не какие-нибудь турки-христиане, турки-буддисты, турки-язычники, турки-иудаисты или турки-безбожники составляют основной контингент, нравственную и культурную опору этого мира.

6. Пантюркизм, исторические корни которого, восходящие к деятельности Исмаила Гаспринского, тесно переплетены с джадидизмом (реформированием на основе "нового метода", "усул-и джадид" – "usul-i cedid" татарской школы, а вслед за ней и всего образа жизни "российских мусульман", прежде всего татарского населения России), неотделим от широкой системы модернизации, секуляризации, европеизации тюркского мира, от перестройки всей его культуры на светских началах, от последовательного освоения тюркскими народами Востока ("Ориента") научно-технического прогресса своего времени, от идеалов социального раскрепощения, равноправия народов, демократического устройства общества. В этом смысле пантюркизм является прогрессивной, просветительской, а не реакционной, не обскурантистской и не консервативной идеологией. Разумеется, из этого правила бывали отдельные исключения, и может быть, не каждый энтузиаст пантюркизма был последовательным проводником прогресса в своей практической деятельности и в своем мировоззрении. Однако, подводя итоги и делая общие выводы, мы должны прежде всего говорить не об исключениях, а о самой сущности пантюркизма, и эту прогрессивную сущность особенно важно подчеркнуть в контексте постоянных нападок и фальсификаций пантюркизма, противники которого стараются прочно привязать к этому феномену определение "реакционный".

7. Особые сложности вызывает вопрос об отношении пантюркизма к расизму. Дело в том, что на страницах пантюркистской

печати и в выступлениях идеологов этого направления (что особенно характерно для некоторых полулегальных и находившихся в оппозиции к официальному руководству Турции кружков и изданий конца 1930-х – начала 1940-х годов), действительно, речь идет о "тюркской расе" и даже о ее прерогативах ("тюркская раса превыше всего"). Однако, прежде чем делать опрометчивый вывод о "расистской" сущности пантюркизма, надо принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, такого рода тенденции не проходят через всю историю пантюркизма, а выявляются лишь на небольшом отрезке времени и чаще всего в маргинальных кругах, отнюдь не формирующих теоретическую основу и классику пантюркизма (в сочинениях Исмаила Гаспринского, Юсуфа Акчуры или Зия Гёкальпа нет и тени какого-либо расизма). Во-вторых, само понятие "раса", которым неосторожно жонглировали некоторые авторы, отнюдь не имело ни в их личной интерпретации, ни в общественном понимании того смысла и значения, который определяется современными дефинициями антропологической и этнологической науки. В различных журналистских кругах и в разные времена, особенно в первой трети 20 века, словом "раса" пользовались для обозначения национальности ("татарская раса", "русская раса") или групповой, суперэтнической общности ряда народов ("славянская раса", "угро-финская раса", "тюркская раса" и т.п.), вовсе не приписывая при этом представителям такой "расы" определенных антропологических признаков. (Аналогичные пертурбации происходили и с термином "племя", которому авторы конца 19 – начала 20 веков, когда Гаспринский писал, к примеру, о великом "русском племени" и великом "татарском племени", придавали совершенно иное значение, чем это делают современные историки или археологи, изучающие древние "племена"). Такова была общественная конвенция той эпохи, и оценивать что-либо, сказанное тогда, следует с учетом того значения, которое тем или иным словам придавалось в то время, а не применительно к современному их звучанию. В-третьих, следует иметь в виду и полемический контекст того времени, когда "тюркскую расу" идеологам тюркизма приходилось защищать от агрессивного, наступательного расизма разработчиков концепции "арийской расы", которой фашистские теоретики отводили роль "высшей" расы, призванной господствовать над всем человечеством. Различные конструкции на базе априорных представлений о "неполноценности" тюркской (так же, впрочем, как и славянской, еврейской и других) "расы" и претензий "арийской расы" на все великое наследие древних культур (от Шумерского царства и Урарту до античной Греции и древнего Рима) возводили тогда, в различную меру собственной наглости и фантазии, немецкие, итальянские, греческие, армянские, иранские и иные расисты, пользовавшиеся государственным

покровительством в странах, где устанавливались диктатуры фашистского типа. В таком контексте лозунг "Тюркская раса превыше всего!" (далеко не безупречный сам по себе и особенно в современном его звучании) служил все-таки скорее целям защиты, нежели агрессии, орудием противодействия теориям, выступавшим под лозунгом "Арийская раса превыше всего!", получавшим, как известно, свое практическое осуществление в холокосте, уничтожении цыган, славян и других кровавых преступлениях нацизма. За пантюркистским "расизмом" не тянется никакого кровавого следа. Из этого, разумеется, не следует, будто постановка вопроса о превосходстве тюркской "расы" правомерна с научной, политической, нравственной, гуманистической точки зрения. Та страница в истории пантюркизма, на которой запечатлен этот дикий, вынужденный, вымученный, выброшенный в вихре национального отчаяния лозунг ("Тюркская раса превыше всего!"), никак не относится к лучшим, не вызывающим смущения и стыда страницам этой истории. Важно, однако, иметь в виду, что к этой странице вся история пантюркизма и его идейная сущность никак не сводится.

8. Старательно формируемый и выращиваемый советской, коммунистической пропагандой и шовинистической литературой разных стран миф об агрессивности пантюркизма, о его враждебности соседним государствам, о его значении в качестве "идеологического оружия" "турецких спецслужб", загадочных "иностранных разведок", мирового империализма, фашизма, "сионизма", "международного терроризма" и всех прочих мыслимых и немыслимых, как-то причастных и совсем никак не причастных к пантюркизму "врагов" был и остается откровенной клеветой и грубой фальсификацией действительности. В организованном пантюркизме, как уже говорилось выше, безусловно заключена мощная энергия и сила, которая в зависимости от обстоятельств может оборачиваться не только силой слова, но и силой "действия" (в полном соответствии с наименованием пантюркистской "Партии национального действия", сформировавшейся в 1960-х годах), выражаться в вооруженной борьбе, массовых манифестациях, акциях военной интервенции и гражданской войны, к которым чаще всего приходится прибегать не от хорошей жизни. Те степные, "серые волки" ("бозкурты"), с которыми в соответствии с древнетюркской мифологической романтикой ассоциируют себя представители пантюркизма, никак не выглядят ни беззубыми, ни бессильными. Однако, их энергия направлена не на агрессию против соседей и всего внешнего мира, а на самозащиту тюркских народов от наступления на их свободы, на их человеческие права, на их земли, на само их существование. Задачи активной самозащиты тюркского мира определяют всю стратегию пантюркизма, и на вопрос "Кому угрожает

пантюркизм?" существует одновременно два дополняющих друг друга ответа: 1) никому – ни одному народу, ни одному государству, ни одному близкому или далекому соседу, если эти народы, эти государства, эти соседи не посягают на права, свободы (включая свободу самоопределения), этничность, культуру и само существование тюркских народов; 2) всем (включая и самые грозные империи, шатающиеся на глиняных ногах или встающие на новые опоры баллистических ракет и атомных вооружений), кто проводит политику геноцида тюркских народов. Пантюркизм делает тюркский мир не беззащитным перед реалиями или угрозами такого геноцида.

9. Пантюркизм находится в парадигме национально-освободительной борьбы угнетенных народов (народов поработанных, оказавшихся на аннексированных, оккупированных территориях, в колониальной зависимости от чужеземного "центра" и власти, не желающей считаться с их правами и интересами), проявляющих солидарность друг с другом и рассчитывающих на помощь своих братьев, раньше прошедших важнейшие этапы этой борьбы и достигших освобождения и стабилизации в независимых государствах или суверенных республиках, входящих в равноправную федерацию, созданных на основе реализованного права народов на национальное самоопределение. Вопрос об объединении всех этих стран и республик в некое единое тюркское государство (Туран или Тюркистан), который так или иначе поднимался и рассматривался в романтических утопиях раннего пантюркизма, ни в коем случае не является актуальным политическим требованием или категорическим императивом всего пантюркизма как учения или народного движения. Это не значит, что пантюркизм вовсе исключает перспективу возможного объединения и ориентируется на одну единственную форму самоопределения в виде независимых тюркских государств. Именно здесь и проходит водораздел между пантюркизмом и национализмом. Реалистически мыслящие политики, как и стремящиеся к объективным оценкам политологи и историки пантюркизма в полной мере оценивают и целесообразность, и конструктивность, и определенную демографическими, экономическими, культурными и иными факторами неизбежность иных форм самоопределения и добровольного существования тюркских народов в составе различных европейских и азиатских государств, учитывают непростую динамику интеграции, допускают широкое разнообразие федераций, конфедераций, союзов, гомогенных и гетерогенных государственных систем, подверженных неизбежным историческим переменам и перестройкам.

10. Пантюркизм, как и любое другое знамя национальных и гражданских движений, может оказаться (и не раз оказывался на протяжении 20 века) в разных, в том числе не всегда достаточно

энергичных или не всегда достаточно чистых руках. Субъективный момент никак нельзя сбрасывать со счета при общем анализе и историческом исследовании пантюркизма. В его истории очень многое зависело и от личного авторитета, интеллекта, культуры, популярности людей, оказывавшихся во главе этого движения или примыкающих к нему на разных этапах, и от тех спекуляций, которые вокруг него разрастались и сплетались в целую паутину шарлатанских фальсификаций, идеологических ловушек, государственных преследований и "разоблачений", выгодных противникам пантюркизма, руководствовавшимся карьерным расчетом, стремлением к уничтожению соперников в борьбе за власть, своими националистическими предрассудками, химерами собственных страхов и невежественных представлений и прочими соображениями (в крайнем случае импульсами чистой шизофрении в духе "лысенковщины" и грязной "сваранцящины", не имеющей никакого рационального обеспечения). Случалось, что высокими лозунгами пантюркизма не лучшие его представители пытались прикрыть свои политические авантюры и неблаговидные дела. Случалось, что запуганные, замученные физически или морально, сбитые с толку неистовой пропагандой, отлученные от знания собственной народной истории и культуры люди, исповедовавшие идеалы пантюркизма, отрекались от них, жили в паническом страхе быть обвиненными в причастности к пантюркизму. Чаще всего бывало так, что пантюркизм (истинный и созданный воображением провокаторов, очерченный пером ученых и неученых авторов политических доносов, выбитый с кровью, под пытками, в застенках, в "признательных показаниях" турецких и японских "шпионов") становился собственным неузнаваемым призраком, жертвой идеологического террора.

Поэтому "отделить семена от плевел", восстановить подлинные контуры, живую историю, правдивую летопись пантюркизма, исторические портреты людей, стоявших у его истоков и оказавшихся на трудных переломах и витках его развития; соединить нити, оборванные разрывом международных связей, провалами исторической памяти, капитуляцией национальной воли; вернуть пантюркизм в лоно культурного наследия тюркского мира – задача актуальная и отвечающая вызовам времени. Настоящая книга – только первый шаг, первый подступ к ее решению в наступающем 21 веке.

Библиография

1. A memorandum concerning Great Turkistan. Istanbul, Şehir Matbaası, 1967. 27 pp.
2. *Adamanov Osman*. Kirim'dan surulenlerin donusu: cozum ve problemler // Emel, 996 (Rasim-Aralik). B. 1-7.
3. *Ağaoğlu Ahmed*. Türk Medeniyeti Tarihi // Türk Yurdu, 1339, Nr. 4. B. 292-297.
4. *Ağaoğlu, Samet*. Babamdan hatıralar. Ankara, Zerbamat Basımevi, 1940; 213 pp.
5. *Ağaoğlu, Samet*. Babamın arkada iları. 3rd edn. Istanbul, Baha Matbaası, 1969; 215 pp.
6. *Ahmad, Feroz*. The Young Turks: the Committee of Union and Progress in Turkish politics. 1908-1914. Oxford, Clarendon Press, 1969; 205 pp.
7. *Ahmad H. Mazooruddin*, Kampf um leere Räume: Turan –Turkestan –Tibet. Leipzig, Wilhelm Goldmann, 1940; 154 pp.
8. *Akansel Mustafa Hakkı*. Türkün kitabı. Türk ırkı hakkında tetkikler. Istanbul, Kenan Matbaası, 1943; 63 pp.
9. *Akçura Yusuf*. (ed.), Türk yılı. Istanbul. Yeni Matbaa, 1928.
10. *Akçura Yusuf*. Türk yılı. Istanbul, 1928.
11. *Akçura Yusuf*. Türkçülük. Istanbul, 1978.
12. *Akçura Yusuf*. Türkçülük. Türkçülüğün tarihteginimi. Istanbul, 1978.
13. *Akçura Yusuf*. Türkçülük ve Dış Türkler. Istanbul, 1990.
14. *Akçura Yusuf*. Üç Tarz-i Siyaset. Ankara, 1998.
15. *Akiner Shirin*. Islamic Peoples of the Soviet Union. London, 1983.
16. *Akiner Shirin*, Islamic peoples of the Soviet Union. London, Kegan Paul, 1993. 462 pp.
17. *Alder Lory and Richard Dalby*. The dervish of Windsor Castle: the life of Arminius Vambéry. London, Bachman and Turner, 1979. 512pp.
18. *Aleksandrowicz M.* Islam a nacionalism // Pszegład Islamski, 1935, № 1-2.
19. *Alexander M., Kämpfer F., Kappeler A.* (Hrsg.). Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1991.
20. *Ali Wijdan [Editor]*. Problems of Art Education in the Islamic World. Amman, 1992.
21. *Ali Patria R.* 'Enver Pasha: his status in modern Turkish history' // Egyptian Historical Review (Cairo), 1975, XXXI. P. 3-36.
22. *Ali Shaukat*. Pan-movements in the Third World. Lahore, Publishers United Ltd., n.d. [1976], VIII, 398 pp.
23. *Allworth Edward (Editor)*. Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival. Durham and London, 1988. 396 pp.
24. *Allworth Edward*. Central Asia. 120 Years of Russian Rule. Durham – London, 1989.
25. *Allworth Edward*. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford, 1990.
26. *Alp Tekin* (pseudonym of Moïse Cohen). Türkismus und Pantürkismus. Weimar, Kiepenheuer, 1915. 112 pp.
27. *Alp Tekin* (pseudonym of Moïse Cohen). The Turkish and Pan-Turkish idea. London, 1917.

28. *Alp Tekin* [Moïse Cohen]. Turan. Istanbul, Türk Yurdu Kitaphanesi, 1330/1914; 143 pp.
29. *Alptekin Erkin*. Uygur Türkleri. Istanbul, Bogaziçi Yayınevi, 1978; 174 pp.
30. *Alptekin İsa*. Dogu Türkistandâvası. Otag Yayınları, 1975; 318 pp.
31. *Alptekin İsa*. Dogu Türkistan insanlıktanyardımlı istiyor. N.p. [Istanbul], Otag, 1974; 213 pp.
32. *Altstadt A.L.* The Azerbaijani Turks: power and identity under Russian rule. Stanford, CA, Hoover Institution Press, 1992. 333 pp.
33. *Ankan Yaman*. Türklük gurûr ve fuûru. Istanbul, Uyanış Yayınları, 1976. 235 pp.
34. *Antes Peter*. (Hrsg.). Ethik und Politik im Islam. Stuttgart-Berlin, 1982.
35. *Antes Peter*. Die Religionen der Gegenwart. Geschichte und Glauben. München, 1996.
36. *Arnakis G.G.* "Turanism: an aspect of Turkish nationalism?" // Balkan Studies (Salonica), 1960, 1. P. 19-32.
37. *Artam Atila*. Türk tarihinde meseleler. Ankara, Afşın Yayınları, 1966; 160 pp.
38. *Artam Atila*. Türk ülküsü. Istanbul, Burhan Yayınevi, 1956; 146 pp.; Ankara, Afşın Yayınları, 1973; 120 pp.
39. *Aslanapa O.* Turkish Art and Architecture. New York – Washington, 1971.
40. *Aslanbek Mahmut*. Karaçay ve Malkar Türklerinin faciası. Ankara, 1952.
41. *Athanassopoulou Ekavi*. Ankara's Foreign Policy Objectives after the End of the Cold War. Making Policy in a Changing Environment // Orient, Hamburg, 1990, Nr. 4. S. 269-280.
42. *Atılğan Canan*. Die mittelasiatischen Republiken und Aserbaidshan im Zuge der Unabhängigkeit. Essen, 1993.
43. *Atsız Nihal*. Türk Ülküsü. Istanbul, 1992.
44. *Auch Eva-Maria*. "Ewiges Feuer" in Aserbaidshan: Ein Land zwischen Perestrojka, Bürgerkrieg und Unabhängigkeit // Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche Studien (Köln), 1992, № 8. P.1-53.
45. *Auch Eva-Maria*. Aserbaidshan—Wirtschaftsprobleme, soziale Verwerfungen, politischer Nationalismus // Vierteljahresberichte: Problems of International Cooperation (Bonn), 1992, № 129: Sep. P. 255-264.
46. *Avtorkhanov A., Bennigsen A., Broxup M.* The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. London, 1992.
47. *Ayer Sanan*. İran türkleri. Istanbul, 1978.
48. *Aydın Mehmet*. Türklerin Felsefe Kültürüne Katkıları. Ankara, 1985.
49. *Aydın Sayılı*. Turkish Contribution to Scientific Work of Islam. Ankara, 1997.
50. *Aytar Nail*. Kırım Tatarlarının Kırım'daki son Durumu // Emel, 1995 (Temmuz-Agustos). B. 1-7.
51. *Azer San'an* [M. Sadık Aran]. İran Türkleri. Istanbul.
52. *Babakurban Ziyaeddin*. Dış Türkler ve Türkistan dâvası. Istanbul, Dogan Güneş Yayınevi, 1962; 30 pp.
53. *Bacon Elisabeth E* Central Aisians under Russian Rule. A Study of Cultural Change. New York, 1966.
54. *Bacqué-Grammont J.L.* Turan: une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après un document Ottoman. // Cahiers du Monde Russe et Soviétique (Paris), 1972, № 2. P. 192-231.

55. **Baldauf Ingeborg.** Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Rußland- und Sowjettürken (1850 – 1937). Budapest, 1993.
56. **Baljon J.M.S.** Modern Muslim Koran Interpretation (1880 – 1960). Leiden, 1961.
57. **Basry Bey.** Le monde turc et l'avenir de sa mission historique (l'illusion moscovite et la réalité turque). Geneva, Editions du Foyer Turc, 1932; 236 pp.
58. **Battal-Taymas Abdullah.** Kazan Türkleri, Tırk tarihinin hazin yapıkları. Ankara, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1966; 239 pp. (İstanbul, 1925).
59. **Baykara Hüseyn.** Azərbaycan istıklâl tarihi. İstanbul, Azərbaycan Halk Yayınlan, 1975; 331 pp.
60. **Baykara Hüseyn.** Azərbaycan istiglal mubarizesi tarihi. Baki, 1992 (**Байкара Г.** История борьбы за независимость Азербайджана. Баку, 1992. 276 с.; на азерб. яз.)
61. **Baykara Tuncer.** Türk Adının Anlamı. Ankara, 1998.
62. **Baykara Tuncer.** Türk Kültür Tarihine Bakış. Ankara, 2001.
63. **Baysun Abdullah Racab.** Türkistan milli hareketleri. İstanbul, 1943.
64. **Bayur Hikmet Yusuf.** Türk inkilabi tarihi. Volumes 1-2. Ankara, 1963-1964.
65. **Behar Büsra Ersanli.** İktidar ve Tarih. İstanbul, 1992.
66. **Behar Büsra Ersanli.** Turkism in Turkey and Azerbaijan in the 1990s // Eurasian Studies, 1996, № 3. P. 2-20.
67. **Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.** Les musulmans oubliés. L'islam en URSS aujourd'hui. Paris, 1981.
68. **Bennigsen Alexandre, Henze Paul B., Tanham George K., Wimbush S. Enders.** Soviet Strategy and Islam. London, 1989.
69. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal, Wimbush S. Enders.** Muslims of the Soviet Empire. London, 1985 (1986). 294 pp.
70. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** Islam in the Soviet Union. New York, 1967.
71. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** Le soufi et le commissaires. Les confreries musulmanes en URSS. Paris, 1986.
72. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le "Sultangalievisme" au Tatarstan. Paris and the Hague, Mouton, 1960; 265 pp.
73. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** L'Islam en Union Soviétique. Paris, 1968.
74. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** Sultan Galiev. Paris, 1986.
75. **Bennigsen Alexandre.** Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Straregy for the Colonial World. Chicago, 1979 (University of Chicago Press, 1979; XXII, 267 pp.).
76. **Bennigsen Alexandre.** The Muslims of European Russia and the Caucasus // Russia and Asia. (Hrsg. **Vucinich Weine S.**). Stanford, 1972. P.135-166.
77. **Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal.** La Presse et le mouvement national chez les Musulmanes de Russie avant 1920. Paris and the Hague, Mouton, 1964; 387 pp.
78. **Bennigsen Alexandre.** Ismail Bey Gasprinski (Gaspraly) and the Origins of the Jadid movement in Russia // Ismail Bey Gasprinski. Russian Islam.

Society for Central Asian Studies, Reprint series Nr. 6. Oxford, 1985. C. 24-25.

79. **Bérard Victor.** Le problème turc. Paris, E. Leroux, 1917. 272 pp.
80. **Berkes Niyazi.** The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964.
81. **Berkes Niyazi.** Turkish nationalism and Western civilization: selected essays of Ziya Gökalp. New York, Columbia University Press, 1959; 336 pp.
82. **Binder Leonard.** Islamic Liberalism: A Critique of Development Ideologies. Chicago, 1988.
83. **Bobrovnikoff Sophy.** Moslems in Russia // The Moslem World (London), 1911, № 1 (1): Jan. P. 5-31.
84. **Bräker H.** Nationalitätenfrage und muslimische Reformbewegung. Köln, 1970.
85. **Braune Walther.** Der islamische Orient zwischen Vergangenheit und Zukunft. Eine geschichtstheologische Analyse seiner Stellung in der Wertsituation. Bern-München, 1960.
86. **Bremmer Jan and Ray Taras** (eds). Nation and politics in the Soviet successor states. Cambridge University Press, 1993. 577 pp.
87. **Brockelmann Carl.** Das Nationalgefühl der Turken im Licht der Geschichte. Halle/S., Max Niemeyer, 1918; 22 pp.
88. **Browne Stephen.** Birlesmis Milletler Kirim Entegrasyon ve Kalkinma Programi // Emel, 1995 (Temmuz-Agustos). B. 8-11.
89. **Brunner Georg; Lemberg Hans** (Hrsg). Volksgruppen in Ostmittel- und Südosteuropa. Baden-Baden, 1994.
90. **Bülbüloğlu Polad.** Cultural Cooperation in the Turkic World // Eurasian Studies, 1996, № 3. P. 45-47.
91. **Büttner Friedemann.** Zwischen Politisierung und Säkularisierung – Möglichkeiten und Grenzen einer islamischen Integration der Gesellschaft // Religion und Politik in einer säkularisierten Welt. Baden-Baden, 1991. S. 137-167.
92. **Caferoglu A.** Azerbaycan. Istanbul, Cumhuriyet Matbaası, 1940; 47 pp.
93. **Çagatay Tahir.** Kızıl imperialism. Volumes 182. Istanbul, 1958B1962; Volum 3. Ankara, 1967.
94. **Capraz Kemal.** Kirim. Sürgünde. Yeseren. Vatan. Isanbul, 1995.
95. **Caroe Olaf.** Soviet Empire: the Turks of Central Asia and Stalinism. New York, St. Martin's Press, 1967. 308 pp.
96. **Castagné Joseph.** Les Basmatchis: Le Mouvement national des indigenes de l'Asie Centrale depuis la revolution d'Octobre 1917 jusqu'au Octobre 1924. Paris, E. Leroux, 1925. 88 pp.
97. **Castagné Joseph.** Le Turkestan depuis la revolution russe (1917-1921). // Revue du Monde Musulman, Paris, 1922, Nr. L: June. P. 28-73.
98. **Castagné Joseph.** Les organisations soviétiques de la Russie musulmane // Revue du Monde Musulman, Paris, 1922, Nr. LI: Oct. P. 1-254.
99. **Cay Haluk, Simsek Atilla.** Türk devlet ve topluklari dostluk, kardeslik ve isbiđigi vakfi (TUDEV). Ankara, 1998. (Съезды дружбы, братства, сотрудничества тюркских государств и ассоциаций).
100. **Červonnaja Svetlana M.** Das Vermächtnis Ismail Gasprinskijs im Kontext aktueller Probleme von Wissenschaft und Politik des postsowjetischen Raums // Orient, Hamburg, 2002, Heft 2. S. 239-280.

101. *Červonnaya Svetlana*. Kriz Bölgesi Olarak Kirim Yarımadası ve Günümüzdeki Kirim Tatar Milli Hareketi (1991 – 1994) // Emel, 1994 (Eylül-Ekim). B. 3-15.
102. *Çetinoglu Oguz*. Kirim Tatarları ve Kirim'in Ekonomik Durumu Hakkında Düşünceler // Emel, 1996 (Mart-Nisan). B.15-21.
103. *Charnay Jean-Paul*. Islamic Culture and Socio-Economic Change. Leiden, 1981.
104. *Chatelier A. Le*. Les Musulmans russes // Revue du Monde Musulman, Paris, 1922, Nr. 1 (2): Dec. 1906- P. 145-68.
105. *Chazbijewicz Selm.* Tatarzy krymscy // Rocznik Tatów Polskich. Tom VI. Gdańsk, Związek Tatarów Polskich, 2000. S. 168-186
106. *Červonnaya Svetlana*. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and Russian Shadow. London, 1994.
107. *Chokaieff Moustapha*. Chez les Soviets en Asie Centrale. Paris, Messageries Hachette, 1928; 64 pp.
108. *Chokayev Mustafa*. Turkestan and the Soviet regime // Journal of the Royal Central Asian Society (London), 1931, Nr. XVIII (3). P. 403-420.
109. *Colton T.J. and Robert Legvold* (eds). After the Soviet Union: from empire to nations. New York and London, W.W. Norton, 1992; 208 pp.
110. *Comins-Richmond Walter*. The Karachay Struggle After the Diaspora // Ак-Алан (Москва), 2002, № 1 (6). С. 84-109.
111. *Comneno Maria Adelaide Lala*. Le Caucase et l'Islam (VIIe-XVIIIe siècle) // Caucasicca. The Journal of Caucasic Studies. Volume 1. Tbilisi, 1998. P. 109-116.
112. *Conquest Robert*. The Nation Killers: The Soviet Deportation of the Nationalities. New York, 1970.
113. Crimean Tatars: Repatriation and Conflict Prevention. The Forced Migration Projects of the Open Society Institute. New York: [1996].
114. *Crüchlow James*. Nationalism in Uzbekistan: a Soviet Republic's Road to Sovereignty. Boulder, CO, Westview Press, 1991. 231 pp.
115. *Czaplicka M.A.* The Turks of Central Asia in history and at the present day: an ethnological enquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia.. 1918, new impression London, Curzon Press, and New York, Harper and Row, 1973; 242 pp.
116. *Czerwonnaja Swietlana*. Problem krymskotatarski i współczesna sytuacja etnopolityczna na Krymie // Rocznik Tatarów Polskich, Tom 2. Gdańsk, 1993. S. 121-170.
117. *Dağışan Dursun*. Türk Toplumunda Dini Tartışmalar ve Hoşgörü. Ankara, 1997.
118. *Darendelioglu, I.E.* Türkiyede milliyetçilik hareketleri. Toplantılar, mitingler, nümayişler, bildiriler, cemiyetler, basın. N.p., Toker Yayınları, 1968; 377 pp.
119. *Daulet Sh.* The First All Muslim Congress of Russia. Moscow, 1-11 May 1917 // Central Asian Survey, 1989, № 8. P. 21-48.
120. *Deliorman Altan*. Tanıdığım Atsız. İstanbul, Bogaziçi Yayınları, 1978; 375 pp.
121. *Deliorman Altan*. Üç Makale. İstanbul, 1989.
122. Developments in Crimea: Challenges for Ukraine and

- Implications for Regional Security. An International Conference... October 23-25, 1994. [Washington, 1995].
123. **Devlet Nâdir.** İsmail Bey (Gaspıralı). Ankara, Kültür ve Turizm Bakanlığı, 1988. 138 pp.
 124. **Devlet Nâdir.** Milletlerarası Türk alfabeleri sempozyumu. İstanbul, 1992.
 125. Die Garten des Islam. (Hrsg. **Hermann Forkl, Johannes Kalter, Thomas Leisten, Margareta Pavloi**). Stuttgart-London, 1993.
 126. Die Welt des Islam und die Gegenwart. Stuttgart, 1961.
 127. **Djaït Hichem.** Europe and Islam, Culture and Modernity. Berkeley, 1985.
 128. **Djemal Pasha.** Memories of a Turkish statesman 1913-1919. London, Hutchinson, n.d. [1992]. 302 pp.
 129. **Drzymalla Jürgen.** Die Krim zwischen der Ukraine und Rußland – Politische und wirtschaftliche Zustandaufnahme. // Arbeiten aus dem Osteuropa-Institut München. Working Papers, № 193. München, Juli 1996.
 130. **Dshemilev Mustafa.** The 42. Congress of Nationalities of the Federal Union of European Nationalities in Pörschach am Wörtersee (Austria) 7-11 of May, 1997 [Introductory speech] // Minority and Majority – Partners for Europe. Documentation. Pörschach 1997. Flensburg: 1997. S. 31-35.
 131. **Dumont Paul.** La revue Türk Yurdu et les musulmans de l'Empire Russe, 1911 - 1914 // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, XV/3-4, July-December, 1974. P. 315-331.
 132. **Dündar Gülsun.** Türkçülüğün alfabesi. İstanbul, Su Yayınları, 1979; 127 pp.
 133. **Dzabagi W.G.** Stosunek Zachodu do Islamu // Pszeglad Islamski, 1935, № 3-4.
 134. **Džafer Sejdamet [Kırmır].** Krym. Warszawa, 1930.
 135. **Edib Halide.** Das neue Turan: ein türkisches Frauenschicksal. Transl. by Friedrich Schröder, Weimar, Kiepenheuer, 1916; 94 pp.
 136. **Edib Halide.** Yeni Turan. İstanbul, 1924.
 137. **Elcin.** Mammad Amin Rasulzada (Ocerk). Baki, 1994.
 138. **Elçi Bey Ebülfez.** Azadlık ve demokrasi. İstanbul, 1993.
 139. Encyclopedia of Islam. Enzyklopädie des Islam. (Hrsg. von **Th. Houtsma** u.a.). Bd. 1-5. Leiden – Leipzig, 1913 – 1938.
 140. **Ende Werner, Steinbach Udo.** Der Islam in der Gegenwart. München, 1991.
 141. **Ende Werner.** Der Islam in der Gegenwart. Entwicklung und Ausbreitung – Staat, Politik und Recht – Kultur und Religion. München, 1989.
 142. **Ercilasun A.B.** Örneklere bugünkü Türk alfabeleri. Ankara, 1996.
 143. **Esin Emel.** Türk Kültür Tarihi – İç Asya'daki Erken Safhalar. Ankara, 1985.
 144. **Esposito John L.** Islam. The straight Path. New York, 1994.
 145. **Ess J. van, Halm H. (Hrsg.).** Das Vermächtnis des Islam. Bd. 1-2. Zürich, 1980.
 146. **Evin Ahmet (Hrsg.)** Modern Turkey. Continuity and Change. Opladen, 1984.
 147. **Ferdinand Peter.** The New Central Asia and Its Neighbours. London, 1994.
 148. **Fisher Alan W.** The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
 149. **Freitag Rainer.** Aserbajdschan und die Türkei: die internationale Dimension des Nationalitätenkonflikts im Transkaukasus // Orient, Hamburg, 1990, Nr. 4. S. 525-535.
 150. **Freitag-Wirminghaus Raiter.** Aserbajdschan: die nationalen und internationalen Auswirkungen des Krieges um Berg Karabach //

- Orient, Hamburg, 1993, Nr. 2. S. 245-255.
151. **Gammer Moshe**. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994.
 152. **Gankeviç Viktor**. 1991 sonrası Kırım Tatar Milli Hareketi'nde İslâm faktörü // Emel, 1997, Mart-Nisan. B. 1-9.
 153. **Gankeviç Viktor**. Faydalı Eglence: Kırım Tatar Milli Basınının İlk Adımı // Emel 1995 (Eylül-Ekim). B. 1-3.
 154. **Genç Reşat**. Türk İnancıları ile Milli Gelenklerinde Renkler ve Sarı-Kırmızı-Yeşil. Ankara, 1997.
 155. **Gibb H.A.R.** Studies on the civilization of Islam. Boston, 1962.
 156. **Gökalp Ziya**. Millet ve Vatan // Türk Yurdu, 1330, Nr. 6. B. 2179-2182.
 157. **Gökalp Ziya**. The Principles of Turkism. Translated by **Robert Devereux**. [London], 1968.
 158. **Gökalp Ziya**. Türkçülüğün esasları. Ankara, 1923. (İstanbul, 1996).
 159. **Gökalp Ziya**. Türklesmek, Islamlasmak, Muasirlasmak. İstanbul, 1996.
 160. **Goroshkov N.** Biz kurduq // Kur (Yevlax seherinin ictimai - siyasi qazeti), 1994, №№ 32, 33, 34, 36, 37.
 161. **Gottstein Klaus (Hrsg.)**. Islamic Cultural Identity and Scientific-technological Development. Baden-Baden, 1986.
 162. **Götz Roland, Halbach Uwe**. Politisches Lexikon Rußland. Die nationalen Republiken und Gebietseinheiten der Rußländischen Föderation. München, 1994.
 163. **Grobe-Hagel K.** Rußlands dritte Welt: Nationalitätenkonflikte und das Ende der Sowjetunion. Frankfurt/M., 1992.
 164. **Grunebaum G.E. von. (Hrsg.)**. Unity and Variaty in Muslim Civilisation. Chicago, 1955.
 165. **Güngör Harun, Kaçuk A.** Milli Bütünlüğümüzün Kaynakları Asya'dan Anadolu'ya Taşınalar. Ankara, 1997.
 166. **Hafızoğulları Zeki**. Türkiye Cumhuriyeti Devleti'nin Fikri Temelleri. Ankara, 2001.
 167. **Halbach Uwe**. Die Bergvölker (gorcy) als Gegner und Opfer: der Kaukasus in der Wahrnehmung Rußlands. // Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1991.
 168. **Halbach Uwe**. Islam in Rußland // Orient, Hamburg, 1997, Nr. 2. S. 245-255.
 169. **Haller Max**. Religiöse Ethik und der Geist des modernen Kapitalismus. Graz, 1993.
 170. **Hartmann Richard**. Die Religion des Islam. Eine Einführung. Darmstadt, 1992.
 171. **Hipler Jochen, Lueg Andrea (Hrsg.)**. Feindbild Islam. Hamburg, 1993.
 172. **Hoffman Martin**. Rußland und die Nationalitätenkonflikte im Nordkaukasus // Rußlands Zukunft. Berlin, 1994. S. 245-257.
 173. **Hoffmann I.** Die Ostlegionen. 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1976.
 174. **Hoffmann Murad Wilfried**. Der Islam als Alternative. München, 1992.
 175. **Hostler Charles Warren**. Turkism and the Soviets: the Turks of the World and Their Political Objectives. London, 1957; 244 pp.
 176. **Hunke S.** Allahs Sonne über dem Abendland. Stuttgart, 1960.
 177. **Islam a Europa // Pszeglad Islamski**, 1934, № 2.

178. Islam-Lexicon. Geschichte – Ideen – Gestalten. Bd. 1-3. Freiburg – Wien, 1991.
179. **Jankowski Henryk**. Tatarzy i Nogajowie w Turcii // Rocznik Tatarów Polskich. Tom VI. Gdańsk, 2000. S. 118-126.
180. **Jung Dietrich**. "Die Rache der Janitscharen": Der türkische Modernisierungsprozeß und seine Blockade // Orient, Hamburg, 1999, Nr. 2. S. 211-221.
181. **Kafalı Mustafa**. Anadolu'nun Fethi ve Türkleşmesi. Ankara, 1997.
182. **Kafalı Mustafa**. Turkification of Anatolia. Ankara, 1998.
183. **Kafeoğlu İ.** Türk milliyetçiliğinin meseleri. İstanbul, 1996.
184. **Kançal Nicole-Nur**. Osmanlı Topraklarında Qırım Hanları'nın İzleri // Qırım Sedasi, İstanbul, 1996 (1/17). B. 10.
185. **Kappeler Andreas, Simon Gerhard, Brunner Georg (Hrsg.)**. Die Muslime in der Sowjetunion und in Jugoslawien. Identität, Politik, Widerstand. Köln, 1989.
186. **Kappeler Andreas**. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1993.
187. **Karal Enver Ziya**. Osmanlı tarihi. Volum 8. Ankara, 1962.
188. **Karatay Zafer**. Gulsum'un cagrisi: "Evimizi geri verin!" // Emel, 1996 (Kasim-Aralik). B. 12-19.
189. **Karatay Zafer**. Kırım'da Son Siyasî Durum // Emel, 1993 (Kasim-Aralik). B. 1-12.
190. **Karatay Zafer**. Sürgün Faciasini Yasayanları Tanımak // Emel, 1994 (Mayis-Haziran). B. 1-5.
191. **Kellner-Heinkele Barbara**. Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Freiburg im Breisgau, 1975.
192. **Kellner-Heinkele Barbara**. Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Herausgegeben von **Michael Kempe, Anke von Kuegelgen, Dmitry Yermakov**. Berlin, 1996. P. 279-296.
193. **Kemper Michael; Kuegelgen von Anke; Yermakov Dmitriy (hrsg.)**. Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1996.
194. **Kence Resat**. İmdat Bank: Karadeniz'in Öte Yakasında. Bir Türk Bankası. //Emel, 1995 (Ocak-Subat). B. 10-12.
195. **Kence Resat**. İsadamlarına Çağrı Özelleştirilen Cennet – Kırım // Emel, 1995 (Mart-Nisan). B. 6-7.
196. **Khan Muhammad M.A.** Demographic Changes in the Muslim Population of Soviet Russia: Facts and Fictions // Journal Institute of Muslim Minority Affairs, 1988, № 9. P. 134-158.
197. Kırım Tatar Milli Meclisi Baskani Mustafa Abdulcemil Kırımoglu'nun II. Kırım Tatar Milli Kurultayı'nın II. Toplantisi'nda 27 Temmuz 1993 günü Yaptığı Konuşma // Emel, 1993 (Temmuz-Agustos). B. 8-28.
198. **Kirimal Edige**. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten, 1952.
199. **Kırımlı Hakan**. Kırım Tatar Arastımlarının Geçmişi ve Geleceği // Emel, 1994 (Eylül-Ekim). B. 16-17.

200. **Kırımlı Hakan.** Mustecib Ulkusal ve Kirim Hatıraları // Emel, 1996 (Ocak-Subat). B. 19-31.
201. **Kırımoglu Mustafa A.** Rusya'nın Cecenistan'ı Isgali // Emel, 1995 (Ocak-Subat). B. 1-4.
202. **Kırımoglu Mustafa Abdülcemil.** Kirim'daki Siyasi Güçler ve Kirim'in Geleceği // Emel, 1996 (Mart-Nisan). B. 1-13.
203. **Kırımoglu Mustafa Abdülcemil.** Rus Emperyalizmi Sonrası Kirim'in Geleceği ve Bölgesel Anlaşmazlıklar // Emel, 1994 (Kasım-Aralık). B. 4-8.
204. **Kolarz W.** Russia and Her Colonies. London, 1953.
205. **Kraemer J.** Das Problem islamischer Kulturgeschichte. Tübingen, 1959.
206. **Krisenherd Kaukasus** (Nationen und Nationalitäten in Osteuropa. Band 2; Hrsg.: Uwe Halbach, Andreas Kappeler). Baden-Baden, 1995. S. 216-237.
207. **Kryczyński Stanisław.** Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938.
208. **Kurat A.M., Turner A.** Rusya'da Türklük ve İslamiyet. Ankara, 1976.
209. **Kuzeyev Rail, Mukhamedyarov Shamil.** Ethnogenesis and Ethnocultural Relationship of the Turkic Peoples of the Volga and Urals: Problems and Tasks // Culture Incarnate: Native Anthropology from Russia. Edit. by M. M. Balzer. New York – London, 1995. P. 46-62.
210. **Landau Jacob M.** Pan Turkism. From Irredentism to Cooperation. London, 1995.
211. **Landau Jacob M., Kellner-Heinkele Barbara.** Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. London, 2001.
212. **Lazzerini Edward J.** İsmail Bey Gasprinskij and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914. Washington, 1973.
213. **Lemercier-Quelquejay Chantal.** İslam and Identity in Azerbaijan // Central Asian Survey, 1984, III/2.
214. Les aspirations politiques du monde musulman de Russie après la révolution de 1905 // Revue du Monde Musulman, Paris, 1923, Nr. LVI: Dec. 1923. P. 136-48.
215. **Löman Eskender.** Kirim İstatistiklerinde Kirim Tatarları // Emel, 1995 (Ocak-Subat). B. 5-9.
216. **Maksudoglu Mehmet.** Tatarlar kimdir? // Emel, 1996 (Mayıs-Haziran). B. 22-29.
217. **Malkhazouny I. de.** Le Panslavism et la question d'Orient. Paris, 1898.
218. **Mambet Ervin.** Kirim'daki Kirim Tatarlarının Sağlık Problemleri ve İstatistikler. // Emel, 1995 (Mart-Nisan). B. 2-5.
219. **Mark R.** Die Völker der ehemaligen Sowjetunion. Opladen, 1992.
220. **Mende G. von.** Der nationale Kampf der Rußlandstürken. Ein Beitrag zur Nationalenfrage in der Sowjetunion. Berlin, 1936.
221. **Mende G. von.** İsmail Bey Gasprinski – zur nationalen Bewegung der Russlandtürken // Osteuropa, 1934, Oktober, Nr. X.
222. **Monteil V.** Les musulmans soviétiques. Paris, 1957.
223. **Muhammedin Rafael.** Türkçülüğün doğuşu ve gelişimi. İstanbul, 1998.
224. Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Herausgegeben von Michael Kempe, Anke von Kuegelgen, Dmitry Yermakov. Berlin, 1996.
225. **Mustafa Abdülcemil Kırımoglu'nun** III. Kirim Tatar

- Milli Kurultayı I. Toplantısı'ni Açış konuşması // Emel, 1996 (Mayıs - Haziran). B. 1-21.
226. **Nagel Tillman**. Geschichte der islamischen Theologie. Von Muhammed bis zur Gegenwart. München, 1994.
227. **Öner Sakin**. Ülkücü hareketinin meseleleri. İstanbul, 1977.
228. **Orkun Hüseyin Namik**. Türkçülüğün tarihi. İstanbul, 1944.
229. **Osman Lutfi**. II. Kırım Tatar Milli Kurultayı III. (Olaganustu) Toplantısı. //Emel, (Kasım-Aralık). B. 13-15.
230. **Özenbaslı Enver**. Kırım Tatar Adları. Akmescit, 1992.
231. **Paret R**. Symbolik des Islam. // Symbolik der Religionen. Bd. II. Stuttgart, 1958.
232. **Pietzonka Barbara**. Ethnisch-territoriale Konflikte in Kaukasien. Eine politisch-geographische Systematisierung. Baden-Baden, 1995.
233. **Pinson Mark**. Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire. İstanbul, 1974.
234. **Pipes R**. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917 – 1923. New York, 1968.
235. **Rasonij, Laszlo**. Tarihte Türklük. Ankara, 1971.
236. **Ro'i Y. (ed.)**. Muslim Eurasia: Conflicting Legacies. London, 1995.
237. **Ro'i Y. (ed.)**. The USSR and the Muslim World. London, 1984.
238. **Rorlich A.A.** The Volga Tatars: a Profile in National Resilience. Stanford, 1987.
239. **Rotter Gernot**. Die Welten des Islam. Frankfurt/M., 1993.
240. **Roy Olivier**. L'echec de l'Islam politique. Paris, 1992.
241. **Sadr-ud-din**. Poczucie jedności islamskiej // Pszeglad Islamski, 1930, № 1.
242. **Saray Mehmet**. Azerbaycan Türkleri tarihi. İstanbul, 1993.
243. **Saray Mehmet**. Kazak Türkleri tarihi. İstanbul, 1993.
244. **Saray Mehmet**. Kirgiz Türkleri tarihi. İstanbul, 1993.
245. **Saray Mehmet**. Özbek Türkleri tarihi. İstanbul, 1993.
246. **Saray Mehmet**. Türkmén tarihi. İstanbul, 1993.
247. **Saray Mehmet**. Yeni Türk Cumhuriyetleri tarihi. Ankara, 1996.
248. **Saray Mehmet**. Türk dünyasında eğitim reformu ve Gaspralı İsmail Bey (1851 – 1914). Ankara, 1987.
249. **Saray Mehmet**. The Man who Awoke the Turkic World – Ismail bey Gaspirali // Emel, İstanbul, March-April, 1983.
250. **Sarkisyanz Emmanuel**. Geschichte der orientalischen Völker Rußlands. München, 1961.
251. **Saydam Abdullah**. Freedom Movements in Northern Caucasia // Eurasien Studies, 1995, № 1. P. 88-122.
252. **Sayılı Aydın**. Orta Çağ Billim ve Tefekküründe Türklerin Yeri. Ankara, 1985.
253. **Schulze Reinhard**. Geschichte der Islamischen Welt im 20. Jahrhundert. München, 1994.
254. **Schulze Reinhard**. Islamischer Internationalismus im 20. Jahrhundert. [Bamberg], 1990.
255. **Seewan Gerhard (Hrsg.)**. Minderheitenfragen in Südosteuropa. München, 1992.
256. **Simon Gerhard**. Die nationale Bewegung der Krimtataren. Köln, 1975.
257. **Spuler B**. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken.

- Handbuch der Orientalistik. Leiden, 1966.
258. **Stadelbauer Jörg.** Die Konflikte im Süden der ehemaligen Sowjetunion: der Kaukasus // Zeitgeschichtliche Hintergründe aktueller Konflikte, Heft 31. Zürich, 1994. S. 25-55.
 259. **Tchervonnaia Svetlana.** Les peuples musulmans en Russie contemporaine // Lo Straniero (Napli, Italy), 1996, № 24, app. 193.
 260. **Tekin Alp.** Türkismus und Pantürkismus. S.l., 1915.
 261. **Temir Ahmet.** Yusuf Akcura. Ankara, 1990.
 262. The Basmachis: the Central Asian resistance movement, 1918-24. // Central Asian Review (London), 1959, VII (3). P. 236-250.
 263. The Enciklopedia of Islam, *new ed.* Leiden – London, 1960.
 264. The World of Islam. Faith. People. Culture. (*Edited by Bernard Lewis*). London, 1992.
 265. **Togan Ahmed Zeki Validi.** Türklüğün mukadderati üzerine. İstanbul, 1977.
 266. **Tschervonnaja Svetlana.** Die Krimhalbinsel als Krisenregion und die gegenwärtige Lage der krimtatarische Nationalbewegung // Zeitschrift für Türkeistudien (Leverkusen), 1996, № 1. S. 75-90.
 267. **Tschervonnaja Svetlana.** Das islamische Antlitz der europäischen Kultur // Wege nach Europa. Berlin, 1995. S. 91-100.
 268. **Tschervonnaja Svetlana.** Die Karatschai und Balkaren im Nordkaukasus. Konflikte und ungelöste Probleme // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, № 32. Köln, 1999.
 269. **Tschervonnaja Svetlana.** In den Grenzen vor Stalins Säuberungen. Karatschai will selbstständig sein // Pogrom, 1993, № 172. S. 38-39.
 270. **Tschervonnaja Svetlana.** Schmerzen und Hoffnung des Karatschaj-Volkes // FUEV-Aktuell, 1994, № 47. S. 4.
 271. **Tschervonnaja Svetlana M.** Die Rückkehr des "Pantürkismus"? – Absichten, Mythen, Realität // Orient, Hamburg, 2000, Nr. 4. S. 593-615.
 272. **Tural Sadık.** Tarihten Destana Akan Duyarlılık. Ankara, 1998.
 273. **Tural Sadık.** Ermeni Meselesine Dair. Ankara, 2001.
 274. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı. İstanbul, 1995.
 275. Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976.
 276. **Türkeş Alparslan.** Dokuz ışık. İstanbul, 1993.
 277. **Unbehaun Horst.** Türkische Arbeitsmigration in den Nahen Osten, nach Osteuropa und Mittelasien // Orient, Hamburg, 1996, Nr 1. S. 87-92.
 278. **Validi Ahmedzeki (Ahmed Zeki Velidi Togan).** Die gegenwärtige Lage der Mohammedaner Russlands. Budapest, 1930.
 279. **Vozgrin Valeriy.** Kirim Tatar Kültürünün Yagmalanması // Emel, 1995 (Temmuz-Agustos). B. 12-17.
 280. **Weiner Myron.** The Macdonian Syndrom: an Historical Model of International Relations and Political Development // World Politics, Princeton, 1971, XXIII (4): July, pp. 665-683.
 281. **Williams Brian Glyn.** The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden - Boston - Köln, 2001
 282. **Wilson Andrew.** The Crimean Tatars. A Situation Report on the Crimean Tatars for International Alert. Sidney-Cambridge: [1993].
 283. **Wissmann H.** Bauer, Nomade und Stadt im islamischen Orient // Die Welt des Islam und die Gegenwart. Stuttgart, 1961.

284. *Yurdakul Mehmet Emin*. Turana doğru. İstanbul, 1334 /1918
285. *Zenkowski Serge*. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1967.
286. *Zenkowski Serge A*. Rusya'da Pan-Türkizm ve Müslümanlık. Ankara, 1971.
287. *Zwager Nicolaas De*. Kırım: Gelecek için bir program // Emel, 1996 (Temmuz-Agustos). B.1-27.
288. *Абдулгани Абдулла*. Мусульмане в условиях гласности, перестройки и нового мышления // На пути к свободе совести. Москва, 1989. С. 402-414.
289. *Абдуллаев Р.* Хроника противостояния. Драммы "Красного Востока" // Звезда Востока. – 1995.- № 11-12.- С.190-201.
290. *Абдуллаев Р.* Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. - 1992.- № 1.- С.106-113.
291. *Абдуллаев Рафит Турабхан оглы*. Тюркизм – идеология Турана. Баку, 1992.
292. *Абдуллаев Рита*. О статусе Крыма // Къасевет, 1990, № 3. С. 2-3.
293. *Абдуллин М., Батыев С.* Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань: Татар. кн. изд., 1977. -200 с.
294. *Абдуллин Я. Г.* Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. С. 91-117.
295. *Абдуллин Я. Г.* Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основные проблемы. Казань, 1976. 319 с.
296. *Абдуллин Я.Г., Амирханов Р.М., Мухаметшин Р.М., Султанов Ф.М.* Общественная и философская мысль в Татарии. Казань, 1990.
297. *Абдусалимов М.* Выбор – турецкий путь? // Звезда Востока, 1993, № 2. С.8-21.
298. *Аблаев Э.А., Измайлов А.Э.* Исмаил Бей Гаспринский – выдающийся просветитель народов Востока. Ташкент, 1994.
299. *Абул-Гази-Бахадур-хан*. Родословное дерево тюрков. Послесловие и примечания *Н.Ф. Катанова*. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Том XXI. Казань, 1905.
300. *Абрамзон С.М.* Кыргызы и их этногенетические и культурные связи. Фрунзе, 1991.
301. *Авакян В.Л.* Иностранная интервенция в Закавказье в 1918 г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1954.
302. *Аветисян Г.* К вопросу о "кавказском доме" и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ. М.. 1997. С. 130-158.
303. *Авксентьев А. В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984.
304. *Авксентьев А.В., Аксиев А.З.* Ногайцы Ставрополя. Ставрополь, 1998.
305. *Авторханов Абдурахман*. Империя Кремля. Минск – Москва, 1991.
306. *Агамалы-Оглы С.* В защиту нового тюркского алфавита. -Баку: Азгиз, 1927.
307. *Агамалы-Оглы*. К предстоящему тюркологическому съезду в Азербайджане // Новый Восток, 1925, Кн.10-11. С.216-217.

308. *Аджи Мурад*. Европа, тюрки, Великая Степь. Москва, 1998.
309. *Аджи Мурад*. Полюнь половецкого поля. Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. Москва, 1994.
310. *Аджиев Мурад*. Мы – из рода половецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск, 1992.
311. *Аджиев Мурад*. От Карачая до Махачкалы. Все против всех // Независимая газета, 1993, 30 июня.
312. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Составитель и комментатор *В.К. Гарданов*. Нальчик, 1974.
313. *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетугев А.Н., Чеченов И.М.* Черекская трагедия. Нальчик, 1994.
314. Азербайджан и Россия: общества и государства. (Редактор-составитель *Д.Е. Фурман*). (Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова "Мир, прогресс, права человека". Выпуск 4). М., 2001.
315. *Айбазова Е.С., Сикалиев А. И.-М.* Состояние и перспективы развития ногайской филологии // Советская тюркология (Баку), 1986, № 3. С. 61-68.
316. *Айзатуллин Т.* Между молотом Европы и наковальней Азии (Историческая память и самосознание) // Родина, 1993, № 5-6. С. 19-23.
317. *Айзенер Рейнхард*. Бухара в 1917 г. // Восток, 1994, № 4. С.131-141; № 5. С. 75-93.
318. *Айтмуратов Д.* Тюркские этнонимы. Нукус, 1986.
319. *Аккиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 68. М., 1994.
320. *Аккиева Светлана*. Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 1998.
321. Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Материалы научной конференции, г. Казань, 25 апреля 2000 г. Казань, 2000.
322. Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.
323. *Акчокраклы Осман*. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. Книга I. Симферополь, 1927. С. 32-47.
324. *Акмыш Али*. История Идель-Урала и советский империализм. Анкара, 1963.
325. *Албат Д.* Крым – Татарстан. Возрождение былых связей // Идель (Казань), 1994, № 11-12. С. 70-73.
326. *Александров Григорий*. Из тьмы веков – к свету жизни // Кыасевет, 1993, № 1/22. С. 1-7.
327. *Александров Григорий*. Истребление крымских татар // Социалистический вестник. Париж, 1950, март. С. 51-52.

328. *Александров Григорий*. Факел над Крымом. Бахчисарай, 1991.
329. *Александров Е. А.* Запад и Восток: размышления об особенностях экзистенциального менталитета. М., 1995.
330. *Александров Н. А.* Ногайцы. М., 1880.
331. *Алексян А.* Гегелевская всемирная история и пантюркизм // Тесакет. Информационно-аналитический бюллетень АНС (Армянского Национального Союза), 1994, № 25. С.12-16.
332. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. Краниологические исследования. М., 1974.
333. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-политического развития). М., 1971.
334. *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1964; М., 1993.
335. *Алексеева Людмила*. Из истории инакомыслия в СССР. Б.М., 1982.
336. *Алексеевков П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1931.
337. *Алексеевков П.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927.
338. *Алекторов А.Е.* Инородцы в России. Современные вопросы. (С предисловием и добавлением *А.С. Будиловича*). Санкт-Петербург, 1906.
339. *Алекторов А.Е.* Новые течения в жизни магометанских школ // Журнал Министерства народного просвещения, 1909, № 4. С. 187-202.
340. *Алиев А.Г.* Фапизация Государственного строя Турции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1954.
341. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908-1918). М.: Наука, 1972. 388с.
342. *Алиев Г.* "Кавказский дом": взгляд из Азербайджана // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ. М., 1997. С. 159-169.
343. *Алиев Нариман*. Не нужен нам берег турецкий...? // Авдет, 1996, № 11/150. С. 1.
344. *Алиев У. Д.* Карахалк (черный народ). Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов/Д., 1927.
345. *Алиева С.И.* Топонимы ногайцев на Кубани. Армавир, 1996.
346. *Алиева Светлана*. Карачай и Балкария в составе России // Ас-Алан (Москва), 1999, № 1. С. 198 – 212.
347. *Алимов А.А.* Революция 1908 года в Турции // Пробуждение Азии. 1905 г. и революция на Востоке: Сборник статей под редакцией и с предисловием *М.С. Годиеса*. Ленинград, 1935. С. 1-93.
348. *Алимов Аб.* Турция // Очерки по истории Востока в эпоху империализма. М.-Ленинград, 1934. С. 5-92.
349. *Алишев С.Х.* Среднее Поволжье в XVI – первой половине XIX века (о прогрессивном характере совместной жизни народов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 1988.
350. *Алкин Илмас*. Против национал-шовинистической контрабанды в татарской литературе (По поводу "Сборника татарской литературы") // Революционный Восток, 1932, № 1-2. С.386-396.
351. *Алов А., Владимиров Н.* Ислам в России. Москва, 1996.

352. *Алькаева Л.О.* Очерки истории турецкой литературы 1713-1917. М., 1959.
353. *Алькаева Л.О.* Тевфик Фикрет // Краткие сообщения института Востоковедения, 1956. Выпуск XXII. С.45-55.
354. *Амет Озенбашилы* – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы. Материалы международной научной конференции 24-25 апреля 1998 г. Симферополь, 1999.
355. *Амирханов Р.* Ислам в истории татарской общественной мысли // Татарстан, 1993, № 4. С. 82-88.
356. *Амирханов Р.М.* Духовные основы татарской национальной идеологии // Идел, 1993, № 4.
357. *Амирханов Р.М.* Татарская национальная идеология: история и современность // Панорама-Форум, 1996, № 1 (4).
358. *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997.
359. *Анчабадзе Г.З.* Эвлия Челеби о закубанских ногайцах // Половецкая луна, 1992, № 2 (4). С. 107-113.
360. *Анчабадзе З.В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI-XIV вв. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Материалы научной сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
361. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Народы Кавказа. Книга 1. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX века. Москва, 1993.
362. *Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата. 1922-1923. М., 1960.
363. *Арслан.* Современная Турция. М., 1923.
364. *Арсланов Л.Ш., Викторин В. М.* Кто такие астраханские ногайцы? // Политическая агитация, 1988, № 20. С. 11-15.
365. *Арсланов Л.Ш.* Язык карагашей-ногайцев Астраханской области. Набережные Челны, 1992.
366. *Арсланова А.А.* К вопросу об этнониме "татары" // Tatarica. Звездный час татарской истории, 1997/98, № 1. С. 30-41.
367. *Артамонов А.И.* История хазар. Л., 1962.
368. *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 1. Москва, 1990.
369. *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 5. Москва, 1990.
370. Архив полковника Хауза. (Подготовлен Чарльзом Сеймуром. Перевод с английского Н.К. Котова). М., 1937. Т.1-2.
371. Архив полковника Хауза. (Отв. ред. Л.И. Лазаревский. Пер. с англ. В.В. Прокунина). М., 1939 - 1944. Т.3- 4.
372. *Аршаруни А.* Кризис тюркской идеологии // Новый Восток, 1928, № 22. С. 249-253.
373. *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Изд-во "Безбожник", 1931. (Лондон, 1990).
374. *Асанов Каришал.* Правда о Перестройке в Казахстане, правда о декабрьских событиях 1986 г. в Алма-Ате или думы о судьбе

своего народа. Тома 1-2. Алма-Ата, 1991.

375. **Асланов Г. Г.** Духовные последствия распространения ислама в Дагестане // Религия и атеизм. История и современность. Махачкала, 1992. С. 137-149.
376. **Асланян А.Л.** Национальная проблема в государственно-правовой деятельности младотурок. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1989.
377. Астраханские татары. Казань, 1992.
378. **Афанасьев П.** Школы среди инородцев Казанского края до Н.И. Ильминского // Журнал Министерства народного просвещения, 1913, № 12. С.233-250.
379. **Ахмаджанов Гулямджан.** Советская историография завоевания Туркестана и установление господства России в Средней Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Автореф. Ташкент, 1991.
380. Ахмед Заки Валиди Тутан. Материалы к изучению жизни творчества. Уфа, 1990.
381. **Ахундов И.А.** Неоколониализм и Турция. Баку, 1990. 408с.
382. **Ахунов Ш.М.** Провал авантюры Энвера – ставленника англоамериканского империализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сталинобад, 1955.
383. **Аширов Н.** Ислам и нации. Москва, 1975.
384. **Аширов Н.** Эволюция ислама в СССР. Москва, 1972.
385. **Ашмарин Н.И.** Несколько слов о современной литературе казанских татар. Очерк // Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 9. С.1-32.
386. **Бабаходжаев А.Х.** Пантюркизм – орудие идеологической диверсии империализма // Труды института востоковедения Узбекской ССР. Ташкент, 1954. Выпуск II. С.25-48.
387. **Бабаходжаев А.Х.** Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918-1924). М., 1962.
388. **Бабич И. Л.** Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 45. М., 1993.
389. **Багров Н.В.** Крым – время надежд и тревог. Б.м., 1995.
390. **Бадалян Х.А.** Закавказье в период германо-турецкой интервенции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван, 1965.
391. **Байсова Лидия.** Конфликты в многонациональном обществе и возможности их прогнозирования // Половецкая луна, 1992, № 1. С. 38-42.
392. **Баишев Ф.Н.** Общественно-политические и нравственно-эстетические взгляды Ризы Фахреддинова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 1992.
393. **Байбулатов Дж.** Чагатаизм-пантюркизм в узбекской литературе. М.-Ташкент, 1932.
394. **Байрамкулов А.М.** И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь, 1998.

395. **Байрамкулов А.М.** Карачаево-балкарскому народу – 2000 лет. Черкесск, 1996.
396. **Байрамов Энвер.** Великий просветитель российских мусульман Исмаил гаспринский. М., 2001.
397. **Балаев А.** Азербайджанское национально-демократическое движение 1917-1920 гг. Баку, 1990.
398. **Балаев М.** Ислам и его роль в общественно-политической жизни. Баку, 1991.
399. **Балтанова Г.Р.** Ислам в СССР: анализ зарубежных концепций. Казань, 1991.
400. **Бартольд В.В.** Ислам и культура мусульманства. Москва, 1992.
401. **Бартольд В.В.** Культура мусульманства. Москва, 1998. (1-е издание: Петроград, 1918).
402. **Бартольд В.** Присягая идее достоинства // Азия и Африка сегодня. 1992, № 6. С.52-57.
403. **Бартольд В.В.** История Туркестана. Ташкент, 1922.
404. **Бартольд В.В.** Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Доклад сделанный на 2-ом заседании Первого тюркологического съезда – 27 февраля 1926 г. Баку, 1926.
405. **Баскаков Н.А.** Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. Москва, 1980.
406. **Баскаков Н.А.** Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. Москва-Ленинград, 1940.
407. **Баскаков Н.А.** Тюркские языки. Москва, 1960.
408. **Басирова Л.** Письма из каменного мешка (Драмы "Красного Востока"). // Звезда Востока, 1996, № 1. С.153-161.
409. **Батыев С.Г.** Татарский джадидизм и его эволюция // История СССР, 1964, № 4. С. 53-64.
410. **Баширов Л. А.** Мюридизм: история и современность // Вопросы научного атеизма, 1989, № 39. С. 44-62.
411. **Баязитов А.** Этика ислама // Время (Вақыт), 1993, № 1. С. 10-49.
412. **Бекизова Л.А.** Слово о ногайской литературе. Черкесск, 1971.
413. **Бекиров Надир.** Восстановление прав крымскотатарского народа – политико-правовые аспекты // Авдет, 1996, № 6-7/145-146. С. 3-5.
414. **Бекиров Надир.** Мост Казань – Крым // Авдет, 1990, 15 сентября.
415. **Бекиров Надир.** Потреби соціальної та правової інтеграції депортованих народів і осіб, що до них належать // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українського Бюро захисту прав людини. Випуск 17. Проблеми міграції. Київ, 1996. С. 51-62.
416. **Бекиров Надир.** Право крымских татар на самоопределение // Авдет, 1994, №№ 13/104. С. 3; 14/105. С. 3; 15/106. С. 3.
417. **Бекмаханова Н.Е.** К вопросу об этническом составе Ногайской Орды и Казахстана в XVI-XVII вв.// Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Москва – Терекли-Мектеб, 1991.
418. **Белинков С.** Турция во второй мировой войне // Новое время, 1945, № 11(21). С.6-11.

419. **Белова К.А.** Основные политические и идеологические течения в Турции после 1960 г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.
420. **Беллев И.** Ислам: религия и политика // Диалог, 1990, № 6. С. 89-96.
421. **Бендриков К.Е.** Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865 – 1924 гг.). М., 1960.
422. **Беннигсен А.** Исмаил Бей Гаспринский (Гаспсали) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое обозрение, 1992, № 6. С. 116-124.
423. **Беннигсен А.** Мусульмане в СССР. Париж, 1983.
424. **Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.** Султан-Галиев – Отец революции третьего мира // Татарстан, 1993, № 2. С. 80-85; № 6. С. 68-74.
425. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.
426. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Аддыгеи с древнейших времен по 1917 год. Составитель **Р.У. Туганов.** Нальчик, 1997.
427. Библиография Турции (1713-1917). Сост. **А.К. Сверчевская, Т.П. Черман.** Отв. ред. **Б.М. Данциг.** М., 1961.
428. Библиография Турции (1917-1975). Сост. **А.К. Сверчевская, Т.П. Черман.** М., 1982.
429. **Биджиев Х.Х.** Тюрки Северного Кавказа. (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993.
430. **Бобровников Н.А.** Русско-татарские училища, мектебы и медресе Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения, 1913, № 6. С. 189-241; № 7. С. 49-84.
431. **Богданович И.А.** Роль газеты "Терджиман" в пропаганде реформаторских процессов в мусульманском обществе Российской империи (1883 – 1905 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Запорожье, 2002.
432. **Боданинский У.** Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь, 1930.
433. **Боровиков А.** Узбекский литературный язык в 1905 – 1917 гг. Ташкент, 1940.
434. **Бороздин И.** Современный Татарстан // Новый Восток, 1925, Кн. 10-11. С. 118-137.
435. **Бочагов А.К.** Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919 г. Кызыл-Орда, 1927.
436. **Бочагов А.К.** Милли-Фирка. Национально-буржуазная контрреволюция в Крыму: Очерк. Симферополь, 1930.
437. **Бояджиев Т.** Крымско-татарская молодежь в революции. Симферополь, 1930.
438. **Брайнин С., Шафиро Ш.** Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935.
439. **Бройдо Г.И.** Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток, 1924, Кн. 6. С. 407-434.

440. *Брусина О. И., Осипов А. Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 20. М., 1991.
441. *Будаев Назир.* Западные тюрки в странах Востока // Ас-Алан (Москва), 2000, № 1 (3). С. 305-495.
442. *Бугай Н. Ф.* Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. М., 1994.
443. *Буджурова Л.* Судакская трагедия – "горячая точка" нашей боли // Авдет, 1995, № 12/127. С. 1-2.
444. *Букейханов А.* Киргизы // Формы национального движения в современных Государствах. (Под ред. *А.И. Костелянского*). Санкт-Петербург, 1910. С. 575-600.
445. *Булгарова М. А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.
446. *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917-1920 г.). Симферополь, 1927.
447. Бунт "молодых имамов" потряс советский ислам // Россия и мусульманский мир, 1993, № 8. С. 60-66.
448. *Бутаев Н.* Национальные движения на Востоке. Проблемы Турции. Ленинград, 1925.
449. Бухара в 1917 г. С предисловием *А. Шестакова* // Красный Архив, 1927, Том 20. С. 78-122.
450. Бухара и Хива (Хорезм). Сборник статей к десятилетию бухарской и хорезмской революции. (Воспоминания участников событий). Ташкент, 1930.
451. *Бушаков В. А.* Этноним "татар" во времени и пространстве // Сквозь века. Народы Крыма. Выпуск 2. Симферополь, 1996. С. 41-52.
452. *Бушаков В. А.* Тюркская этнонимия Крыма. Херсон, 1992.
453. *Валеев Д. Ж., Мадьяри А., Ураксин З. Г., Юлдашбаев А. М.* Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995.
454. *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980.
455. *Валеева М. Г.* Из истории Центрального духовного управления мусульман Башкирской АССР // Духовное наследие этносов и проблемы национального возрождения. Уфа, 1994. С. 222-225.
456. *Валиди Заки Тоган.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1994.
457. *Валидов А. -З.* К столетию со дня рождения татарского ученого историка Шигабуддина Марджани. Казань, 1915.
458. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар (до 1917 г.). Лондон, 1986 (первое издание: Москва-Петроград, 1922).
459. *Валиханов Ч.* О мусульманстве в Степи. Избранные произведения. Москва, 1986.
460. *Вамбери Г.* Культурное движение среди русских татар // Приложение к книге Гольдигер "Лекции об исламе". Санкт-Петербург, 1912.
461. *Василевский.* Фазы басмаческого движения в Средней Азии // Новый Восток, 1930, Кн. 29. С. 126-141.
462. *Васильев А. М.* Мост через Босфор. М., 1989.
463. *Васильев Л. С.* История Востока. Тома 1-2. М., 1994.

464. *Васильев Н.О.* турецком нейтралитете во 2-й мировой войне. М., 1951.
465. *Вахабов М.Г.* О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюция в период Великой Октябрьской Революции // История СССР, 1963, № 2. С.35-57.
466. *Вахабов М.Г.* Формирование Узбекской социалистической – 161 нации. -Ташкент: Гос. изд. Узбек. ССР, 1961. – 587с.
467. *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.
468. *Викторин В.М.* Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII – нач. XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1985.
469. *Владимирова Наталья.* К вопросу о Крымской автономии // Осаф (Оджакь), 1999, Симферополь, № 1. С. 24-25.
470. *Возгрин В.Е.* Империя и Крым – долгий путь к геноциду. Бахчисарай, 1994.
471. *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. Москва, 1992.
472. *Возгрин В.Е.* Этноконфликтная ситуация в довоенном Крыму (истoki, специфика, последствия) // Голос Крыма, 1996, № 42-44 (ноябрь).
473. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. Москва, 1974.
474. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1971.
475. Вопрос о мусульманской фракции Гос. Думы // Мир ислама, Санкт-Петербург, 1913. Т. II., выпуск 2. С.101-109.
476. Вопросы искусства народов Карачаево-Черкесии. Сборник научных трудов. Черкесск, 1993.
477. Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Выпуск 3. Симферополь, 1996.
478. Восстание 1916 г. в Средней Азии. С предисловием *П. Галузо* // Красный Архив, 1929, Т. 34. С.39-94.
479. *Выдрин А.* Фитрат, Поливанов, Сталин и другие. Языковая политика в Узбекистане. (Драмы "Красного Востока") // Звезда Востока, 1994, № 5-6. С.150-172.
480. Выступление Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на 42-м Конгрессе национальностей Федерального Союза европейских национальных меньшинств в г. Пертшах-ам-Вертерзее (Австрия) (7-11 мая 1997 г.). // *Üye İgilik* (Мир дому твоему), 1997, № 2 (52). С. 1-4.
481. *Габдрахманов Х.Г.* Татары древние и современные. Бишкек, 1993.
482. *Габидуллин Р.* Этнополитическая концепция Государственного возрождения Татарстана в программных положениях татарского национального движения. Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1998.
483. *Габидуллин Х.З.* Младотурецкая революция. Исторические очерки. М., 1936. 227с.
484. *Габриелян О.А., Петров В.П.* Крым. Депортированные граждане.

- Возвращение. Обустройство. Социальная адаптация. Симферополь, 1997.
485. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Москва, 1961.
 486. *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории, семьи и брака у ногайцев в XIX – начале XX вв. М., 1979.
 487. *Гаджиева С.Ш.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. Москва, 1979.
 488. *Гасе А.Б.* "Фанатизм" ислама и его отношение к немусульманам // Хазар (Баку), 1990, № 2. С. 154-160.
 489. *Гализ Г.* История татар. Москва, 1994.
 490. *Гайнетдинов Р.Б.* Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны, 1997.
 491. *Галоян Г.А.* Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977.
 492. *Галоян Г.А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье 1900-1922. Ереван, 1969.
 493. *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976.
 494. *Галузо П.Г.* Туркестан и царская Россия. (К вопросу о характере колониальной политики царского правительства в Средней Азии) // Революционный Восток, 1929, № 6. С.95-119.
 495. *Галузо П.Г.* Туркестан-колония. (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). Ташкент, 1935.
 496. *Ганиев Виль.* Татарская литература. 20 век // Ас-Алан (Москва), 2002, № 2(7). С. 455-498.
 497. *Ганиев Виль.* "Сабий садльга", или Поговорим снова о напих языках // Ас-Алан (Москва), 2002, № 3(8). С. 548-556.
 498. *Ганкевич В.Ю.* Великий крымскотатарский просветитель. К истории создания и развития периодических изданий Исмаила Гаспринского // Брега Тавриды, 1995, № 1. С. 241-260.
 499. *Ганкевич В.Ю.* Життя і діяльність І. Гаспринського (1854 – 1914). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Запоріжжя, 1995.
 500. *Ганкевич В.Ю.* И. Гаспринский – редактор-издатель первой крымскотатарской газеты "Переводчик-Терджиман" // Південний архів – Южный архив, Херсон, 1991. С. 67-81.
 501. *Ганкевич В.Ю.* (составитель). Исмаил Гаспринский (1851-1914). Сборник документов и материалов. Херсон, 1994.
 502. *Ганкевич В.Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования. Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX- начале XX века. Симферополь, 1998.
 503. *Ганкевич В.Ю.* Сокровище нашей духовности // Авдет, 1996, № 4/143. С. 4.
 504. *Ганкевич В.Ю.* На службе правде и просвещению. Симферополь, 2000.
 505. *Ганкевич В.Ю.* Крымскотатарские медресе (Курс лекций). Симферополь, 2001.
 506. *Ганкевич В.Ю.* Джадидистська реформа просвіти кримських

- татар (межа XIX -XX ст.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Київ, 2000.
507. **Ганковский Ю.** Персонажи с "той стороны". Ибрагим-бек Локай // Азия и Африка сегодня, 1994, № 4. С. 60-64.
 508. **Ганковский Ю.** Персонажи с "той стороны". Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня, 1994, № 5. С. 59-63.
 509. **Гасанова Э.Ю.** Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914). Баку, 1966.
 510. **Гасанова Э.Ю.** Об идеологических основах кемализма и их современном толковании в Турции // Народы Азии и Африки, 1968, № 3. С.25-34.
 511. **Гасанова Э.Ю.** Общественная мысль в Турции в период буржуазной революции 1908 г. // Современная философская и социологическая мысль стран Востока. М., 1965. С.216-241.
 512. **Гасанова Э.Ю.** Пантюркистская направленность идеологии буржуазного национализма младотурок (по материалам журнала "Тюрк юрду") // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук, 1965, № 1. – С.98-108.
 513. **Гаспринский (Гаспрылы) Исмаил Бей.** Русское Мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина(1881). В кн. "В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории общественной мысли XIX и XX в. Сост. Н.Г. Федоровский. М., 1994. Часть I. С.257-261.
 514. **Гаспринский И.** Русско-восточное соглашение // Дружба народов, 1991, № 12. С.199-207.
 515. **Гаспринский И.** Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Дружба народов, 1991, № 12. С.207-221.
 516. **Гаспринский Исмаил Бей.** Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881.
 517. **Гаспринский Исмаил Бей.** Русское мусульманство. Оксфорд: Общество исследования Средней Азии., 1985.
 518. **Гаспринский Исмаил Бей.** Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения // Этнографическое обозрение, 1992, № 5.С. 91-102; № 6. С.110-116.
 519. **Гасратян М.А.** О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе // Проблемы современной Турции. М., 1963. С. 129-144.
 520. **Гасратян М.А., Орешикова С.Ф., Петросян Ю.А.** Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983; 294с.
 521. **Гасратян М.А.** Национальный вопрос в Турции (1919-1939). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1956.
 522. **Гафаров С.** Библиография материалов помещенных в газете "Терджиман" // Ыылдыз, 1987, № 4. С.131-144.
 523. **Гейбулаев Г.А.** К этногенезу азербайджанцев. Баку, 1991.
 524. **Геллиер Э.** Ислам: иной взгляд на права человека // Век XX и мир, 1990, № 3. С. 17-22.
 525. **Геллиер Э.** Нации и национализм. М., 1991.

526. География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
527. *Гибадуллин Р.М.* Татарское национальное движение: политическая деятельность и влияние в Татарстане (1988 – 1992). Казань, 1998.
528. *Гилязетдинов Дж.М.* Концепция Государственной программы Российской Федерации "Возрождение и развитие тюркских народов России". Проект. Москва – Уфа, 1994.
529. *Гилязов И. А.* Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение, 1996, № 2. С. 92-103.
530. *Гилязов Искандер.* На другой стороне. (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998.
531. *Гилязов И.А.* Там, в иных краях (Татарская эмиграция в 20-40-е годы) // Татарстан, 1994, № 3-4. С. 52-55.
532. *Гилязов И.А.* Кто же он, профессор фон Менде? // Татарстан, 1996, ; 7. С. 52-61.
533. *Гилязов И.А.* Национал-социалисты и тюркские народы СССР: развитие представлений и планов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Панорама-Форум, 1997, № 16. С. 148-160.
534. *Гилязов И.А.* Контакты российских татар-мусульман с Западной Европой: поиск новых цивилизационных ориентиров? // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. М., 1998. С. 106-127.
535. *Гилязов И.А.* Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // Ab Imperio, Казань, 2000, № 1. С. 107-129.
536. *Гимади Х. Г.* Об употреблении названия "татары" // Вопросы истории, 1954, № 8.
537. *Гимбатова М. Б.* Роль половецко-кыпчакского компонента в формировании ногайского этноса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1998.
538. *Гинсбург С.* Басмачество в Фергане // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926. С.123-152.
539. *Глушак А.С.* Культурно-религиозные приоритеты в истории Крыма. // Международная научная конференция "Человек и этнос: история и современность". Киев – Севастополь: 1994. С. 78-79.
540. *Голишков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986.
541. *Голобородько И.И.* Турция. М., 1908.
542. *Голобородько И.И.* (Южанин). Старая и новая Турция. М., 1913.
543. *Гальден Питер Б.* Половцы дикие // Tatarica. Звездный час татарской истории, 1997/98, № 1. С. 13-25.
544. *Гордлевский В.А.* Идеология новой Турции // Избранные сочинения, Том 3. М., 1962. С. 492-506.
545. *Гордлевский Вл.* Из жизни современной Турции (Хроника) // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М.- Петроград, 1923, Кн.3. С.203-206.
546. *Гордлевский Вл.* Толстой в Турции // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М. -Ленинград, 1924, Кн.4. С.208-212.

547. *Горошков Н.П.* Журнал "Мир ислама" и пресса российских мусульман в начале XX века // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. М., 1993. С. 262-264.
548. *Горошков Н.П.* Процесс становления и развития пантюркизма (историко-политологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Воронеж, 1997.
549. *Горошков Н.П.* Исмаил Гаспринский, джаддиды и пантюркизм // Исторические записки (Научные труды исторического факультета Воронежского Государственного Университета). Выпуск 4. Воронеж, 1999. С. 118-152.
550. *Горошков Н.П.* Пантюркизм: новый подход к проблеме // Проблемы самоорганизации в условиях перехода к рыночным отношениям. Сборник тезисов. Воронеж, 1993. С. 188.
551. *Горошков Н.П.* К вопросу о "русско-восточном соглашении" // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Межвузовский сборник. Выпуск 3. Воронеж, 1995. С. 53.
552. *Горошков Н.П.* К вопросу о реформаторской деятельности Исмаила Гаспринского // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Сборник тезисов. М., 1997. С. 50.
553. *Горошков Н.П.* Пантюркизм в российской историографии 20 века // Версии и контroversы истории народов Советского Союза. Семь десятилетий "ужасного государства": Мифы. реальность. Тайны. Сборник тезисов Международной научной конференции. М. – Хайфа, 1998. С. 29-31.
554. *Горошков Н.П., Червоная С.М.* Идеология и практика тюркизма в контексте национальных движений репрессированных народов конца 20 века // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 390-391.
555. *Горошков Н.П., Червоная С.М.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии // Ислам в Евразии. М., 2001. С. 80-96.
556. *Готфрид.* Октябрьская революция в Средней Азии и контрреволюционный троцкизм // Революционный Восток, 1932, № 3-4. С.29-56.
557. Гражданские движения в Кыргызстане. Отв. ред. *А.Б. Элебаева*. Серия "Национальные движения в СССР". Отв. ред. *М.Н. Губогло*. М., 1991.
558. *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX вв. (Этнокультурные процессы). Ташкент, 1991.
559. *Губайдуллин Г.* Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. Доклад читанный 27 февраля 1926 г. на 2-м заседании 1-го Всесоюзного Тюркологического съезда. Баку, 1926.
560. *Губайдуллин Г.С.* К вопросу о происхождении татар // Вестник научного общества татароведения (Казань), 1928, № 8. С. 131-142.
561. *Губайдуллин Г.С.* К вопросу об идеологии И. Гаспринского // Известия Восточного факультета Азербайджанского Гос. Университета (Баку), 1929, № 4. С. 179-208.
562. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. Москва, 1998.
563. *Губогло М.Н., Червоная С.М.* Крымскотатарский вопрос и

- современная этнополитическая ситуация в Крыму // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Выпуск 1: Доклады 1993-1994 гг. Москва, 1994. С. 88-121.
564. *Губогло М.Н., Червоная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. Том 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992.
 565. *Губогло М.Н., Червоная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. Том 2. Документы. Материалы. Хроника. М., 1992.
 566. *Губогло М.Н., Червоная С.М.* Научное наследие Исмаила Гаспринского как инструмент современной национальной политики // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений к Международной научной конференции 16-17 ноября 1993 г. Уфа, 1993. С. 10-14.
 567. *Губогло Михаил.* Энергия памяти. М., 1992.
 568. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Ленинград, 1990.
 569. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993.
 570. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
 571. *Гумилев Л. Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1990.
 572. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.
 573. *Гурко-Кряжсин В.А.* Английская интервенция в 1918-1919 гг. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист, 1926, № 2. С. 115-139.
 574. *Гурко-Кряжсин В.А.* Ближний Восток и державы. М., 1923.
 575. *Гурко-Кряжсин В.А.* Возникновение национально-освободительного движения в Турции (Обзор источников) // Новый Восток, 1928, Кн. 23-24. С.268-275.
 576. *Гурко-Кряжсин В.А.* История революции в Турции. М., 1923.
 577. *Гурко-Кряжсин В.А.* Сумерки Востока. (Империализм на Востоке). М., 1919.
 578. *Гурко-Кряжсин В.А., Павлович М., Раскольников Ф.* Турция в борьбе за независимость. М., 1925.
 579. *Гусейнов В.И.* Внутренняя политика Турецкого Государства в годы второй мировой войны (1939-1956). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1966.
 580. *Гусейнов М.-Д.* Тюркская демократическая партия федералистов "Мусават" в прошлом и настоящем. Программа и тактика. Тифлис, 1927.
 581. *Гусейнов Р.* Очерки Революционного движения в Азербайджане. Революция 1905-1907 гг. Баку, 1926.
 582. *Даглетшин К. Д.* Нации и ислам. (Критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). Казань, 1986.
 583. *Даглетшин Т.* Москва продолжает русифицировать мусульман // Материалы Мюнхенского института по изучению СССР, № 478. Мюнхен, 1967.
 584. *Даглетшин Т.* Советские татары – непривилегированное меньшинство // Материалы Мюнхенского института по изучению СССР, № 489. Мюнхен, 1969.
 585. *Данилов В.И.* Турция и постсоветская Центральная Азия // Азия и Африка сегодня, 1994, № 2. С. 29-33.

586. **Данилов В.И.** Политическая борьба в Турции 50-е – нач. 80-х гг. (Политические партии и армия). М., 1985.
587. **Данилов В.И.** Средние слои в политической жизни современной Турции. М., 1985.
588. **Данилов В.И.** Турция 80-х: от военного режима до "ограниченной демократии". М., 1991.
589. **Данилов В.И.** Турция и постсоветская Центральная Азия // Азия и Африка сегодня, 1994, № 2. С.29-33.
590. **Данилов В.И., Корниенко Р.П.** Политическое развитие и основные политические партии Турции // Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981.
591. **Дашдамиров Афранд.** Национальная идея и идентичность. М, 1996.
592. Два течения // Азия и Африка сегодня, 1993, № 3. С.76-79.
593. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Том 1. М., 1957. С. 39-41.
594. Дело Вели Ибрагимова и других. Обвинительное заключение речи Государственного и общественного обвинителя. Симферополь, 1928.
595. **Денстеровиль.** Британский империализм в Баку и Персии 1917-1918 г. (Воспоминания). Перев. с англ. Б. Руденко. Тифлис, 1925.
596. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. *Составитель, автор предисловия, вступительной статьи и заключения Тебуге Р.С.* Черкесск, 1997.
597. **Дерлугьян Л.Г.** Идеология буржуазного национализма в республиканской Турции: Генезис и роль в политической борьбе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.
598. Деятели крымскотатарской культуры (1921 – 1944 гг.). Биобиблиографический словарь. (Составитель – **Дмитрий Урсу**). Симферополь, 1999.
599. **Джаббаров С.И.** Мифология Корана и ее земные корни. Ташкент, 1990.
600. **Джангиров А.С.** Борьба журнала "Молла Насреддин" против пантюкистов за чистоту азербайджанского языка в период 1906-1914 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1950.
601. **Джемаль Г.** Россия и исламский фундаментализм // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Выпуск 2: доклады 1994-1995 гг. Москва, 1995. С. 76-85.
602. **Джемаль Гейдар.** Инструмент единства уммы. Для преодоления противоречий российские мусульмане нуждаются в общем совете // Независимая газета, НГ-Религии, 1998, 18 марта. С. 12.
603. **Джемаль-паша.** Записки 1913-1914 г.г. Тифлис, 1923.
604. **Джемилев Мустафа.** Доклад на региональной конференции делегатов III Курултая крымскотатарского народа // Осаф (Оджак), 1999, Симферополь, № 1. С. 12-23.
605. Джизакское восстание 1916 г. С предисловием **А. Шестакова** // Красный Архив, 1933, Т.60. С.60-91.
606. **Джуртубаев Махти.** Духовная культура карачаево-балкарского народа // Ас-Алан (Москва), 1999, № 1. С. 102-197.

607. *Дзидзов Валерий*. Истоки проблемы ногайского народа //Половецкая луна, 1993, № 1-2 (5-6). С. 18-29.
608. *Диманштейн С.* Десять лет национальной политики партии // Новый Восток, 1927, № 19.С. I-XXII.
609. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.
610. Документы МИД Германии: Выпуск II: Германская политика в Турции (1941-1943). М., 1946.
611. *Дурдыева Я.К.* Исламская проблематика в деятельности западных советологических центров // Атеизм и религия в духовной жизни советского общества. Москва, 1990. С. 160-170.
612. *Дыхатов М.С.* О социальной природе среднеазиатского джадизма // История СССР, 1963, № 3. С. 40-49.
613. *Евстигнеев Ю.А.* Ногай и ногайцы // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Санкт-Петербург, 1995. С. 77-82.
614. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. Москва, 1985.
615. *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Новый Восток, 1925, № 5. С.190-216; 1925, № 6. С. 205-225.
616. *Елагин В.* Революция и гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927.
617. *Енукидзе Д.Е.* Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954.
618. *Ерасов Б.* Исламский путь: интеграция против развития? // Россия и мусульманский мир, 1993, № 4. С. 63-64.
619. *Еремеев Д.Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
620. *Еремеев Д.Е.* К семантике тюркской этнонимии. М., 1970.
621. *Еремеев Д.Е.* Кемализм и пантюркизм. Обзор литературы // Народы Азии и Африки, 1963, № 3. С. 58-70.
622. *Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М., 1980.
623. *Еремеев Д.Е.* Национальные процессы в Турции (1830-1960) // Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970. С. 11-85.
624. *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время: Учебное пособие. М., 1992.
625. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории) М., 1971.
626. *Ермаков И., Миккульский Д.* Ислам в России и Средней Азии. Москва, 1993.
627. *Ефимов А.В.* Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1994. С. 213-225.
628. *Ефимов Сергій, Мальгін Андрій.* До питання про політичні права кримських татар // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українського Бюро захисту прав людини.

Выпуск 17. Проблеми міграції. Київ, 1996. С. 43-50.

629. **Жаманкараев А.Б., Ботобекова А.Б.** Татарские школы и деятельность татарских просветителей в дореволюционном Кыргызстане // Татары в Кыргызстане. Бишкек, 1994.
630. **Жданов Н. В., Игнатенко А. А.** Ислам на пороге XXI века. Москва, 1989.
631. **Желтяков А.Д.** Газета "Стамбульские новости" о политике младотурок в национальном вопросе // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Ленинград, 1980. Выпуск 5. С.41-54.
632. **Желтяков А.Д.** Изучение истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде за 50 лет (1917-1967) // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 176-191.
633. **Желтяков А.Д.** Омер Сейфеддин и пантюркизм // Ученые записки Ленинградского Государственного университета, № 403, серия востоковедческих наук, выпуск 23. Л., 1980. С.180-188.
634. **Желтяков А.Д.** Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729-1908). М., 1972.
635. **Жириновский В.В.** Последний бросок на юг. М., 1995.
636. **Жирков Л.** К реформе алфавита восточных народностей // Новый Восток, 1925, Кн.10-11. С.223-235.
637. **Жирмунский В.М.** Тюркский героический эпос. Ленинград, 1974.
638. **Жмуда И., Морозова М.** Туркменистан: интеграция в мировой рынок // Азия и Африка сегодня, 1996, № 3. С.6-9.
639. **Журавский А.В.** Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М., 1990.
640. **Журавский А.** Своеобразие религиозной системы ислама // Россия и мусульманский мир, 1993, № 11. С. 65-71; № 12. С. 67-76.
641. Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской Государственности и Крыма). Составитель: **Нариман Ибадуллаев**. Казань, 1992.
642. Заблудившийся крик (Материалы ногайских съездов) // Половецкая луна (Специальный выпуск), 1991, № 2. С. 1-18.
643. **Зайгидуллин И.** Бунт. По страницам национально-освободительного движения // Идель (Казань), 1992, № 1-2. С. 50-55.
644. Западня пантюркизма. София, 1989.
645. Записка академика **В.В. Бартольда** по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии// Восток, 1991, № 5. С.165-166.
646. **Заргарян В.** Геополитические тенденции пантюранизма // Тесакет. Информационно-аналитический бюллетень АНС (Армянского Национального Союза), 1994, № 25. С.8-12.
647. **Зареванд.** Турция и пантюранизм. С "Введением" **А.Н. Мандельштама**. Париж, 1930.
648. **Зарубин А.Г.** К истории Милли-Фирка (Национальной партии) // Крымский музей, 1994, № 1. С. 39-46.
649. **Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.** Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997.
650. **Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.** Крымскотатарское

- национальное движение в 1917-1920 гг. // Новый град. Симферополь, 1995. С. 50-59.
651. **Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.** Крымскотатарское национальное движение в 1917 – начале 1918 гг. // История и археология Юго-Западного Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1993. С. 202-212.
 652. **Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.** Милли Фирка – национальная партия крымских татар // Известия Крымского Республиканского Краеведческого музея, 1994, № 7. С. 67-72.
 653. **Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1-2. М., 1967.
 654. **Зевелев А.И.** и др. Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М., 1986.
 655. **Земсков В.И.** Спецпоселенцы из Крыма // Крымский музей, 1994, № 1. С. 73-81.
 656. **Зияева Д.Х.** Народные движения в Средней Азии в конце XIX – нач. XX века в дореволюционной и советской литературе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1990.
 657. **Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.** Национальный вопрос в государственных думах России. М., 1999.
 658. И вчера, и сегодня... Из книги **Чалхушьяна Г.** "Красная книга" (события 1915-1919 гг. в Закавказье) // Армянский Вестник, 1994, № 4.
 659. **Ибрагимбейли Х.М.** Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета, 1994, 12 июля.
 660. **Ибрагимов Г.** Из истории движения татарских студентов. Казань, 1922.
 661. **Ибрагимов Галимжан.** Татары в революции 1905 года. Казань, 1926.
 662. **Ибрагимов Галимж., ан.** Без татармыз // Шура, 1911, № 8. Б. 236-238.
 663. **Иваненко С.И., Микельский Д.В.** Исламские партии в СНГ // Государственно-церковные отношения в России. М., 1993. С. 90-95.
 664. **Игнатенко А.А.** Халифы без Халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеологическая деятельность. М., 1988.
 665. **Идрисов Умар-хазрат.** Община в многонациональном городе // Ислам Минбэре, 1995, № 5. С. 5.
 666. Из истории национальной политики царизма. (Журнал особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае). С предисловием А. Аршаруни // Красный архив, 1929, Том 35. С. 107-127; Том 36. С. 61-83.
 667. Из истории общественно-философской мысли и вольнодумия в Средней Азии. Ташкент, 1991.
 668. Из истории российской эмиграции. Письма А.З. Валиди и М. Чокаева (1924 – 1932 гг.). М., 1999.
 669. Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Сборник статей. Черкесск, 1993.
 670. Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь. Черкесск, 1997.
 671. **Изидинова С.Р.** Современное состояние и проблемы изучения крымскотатарского языка. //Материалы по археологии,

- истории и этнографии Таврии. Выпуск III. Симферополь, 1993. С. 201-205.
672. **Измайлов Э.А.** Просвещение в республиках Советского Востока. М., 1973.
673. **Имамов Вахит.** Запрятанная история татар (Национально-освободительная борьба татарского народа в XVI-XVIII вв. за создание независимого государства). Набережные Челны, 1994.
674. **Ионова А.И.** Исмаил Гаспринский о судьбах мусульман России // Вестник Российской Академии наук, 1992, № 6. С. 88-97.
675. **Ионова А.И.** Современный ислам и панисламизм // Вопросы научного атеизма, 1989, № 39. С. 120-139.
676. **Ионова А., Султангалиева А., Юсупов П.** Современный ислам, человек и общество. Москва, 1991.
677. **Ионова А.И.** Исмаил Гаспринский о судьбах мусульман России // Вестник РАН, 1992, № 6. С. 88-98.
678. **Иордан М.В., Червоная С.М.** Идея тюрко-славянского согласия в наследии Исмаила Гаспринского // Цивилизации и культуры. Выпуск 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 239-249.
679. **Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червоная С.М.** Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. Москва, 2001. 515 с.
680. Ирандуст. Несколько слов о кемализме. (Ответ на критику З. Феридова) // Революционный Восток, 1930, № 8. С. 53-71.
681. Ислам и женщины Востока. Ташкент, 1990.
682. Ислам и культура ислама // Творчество, 1991, № 9.
683. Ислам и народная культура. *Ответственные редакторы выпуска В.Н. Басилов, Б.-Р. Логашиова.* М., 1998.
684. Ислам и проблемы междивизиационных взаимодействий. М., 1994.
685. Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986.
686. Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока. Сборник статей. М., 1991.
687. Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. Составитель **С.М. Червоная.** Под редакцией **М.Н. Губогло.** М., 1998.
688. Ислам, общество, культура. Материалы Международной научной конференции "Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)". Омск, 1994.
689. Ислам. Краткий справочник. М., 1986.
690. Ислам. Энциклопедический словарь. *Составители: Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский.* Москва, 1991.
691. Ислам: вопросы истории, культуры, философии. Нижний Новгород, 1995.
692. Ислам: историографические очерки. *Под ред. С.М. Прозорова.* М., 1991.
693. Ислам: основные направления, течения, секты, историческая хронология, праздники. *Составитель Т. Тожиддинов.* М., 1988.
694. Ислам: Традиции и новации. (Материалы IV Всесоюзного

- координационного совещания по проблемам советского исламоведения. Ленинград, 1989). М., 1991.
695. Исламо-христианское пограничье. Казань, 1994.
 696. Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. Материалы Международной научной конференции (Составитель и ответственный редактор *С.М. Червоная*). М., 2001.
 697. Исмаил-бей Мустафа-оглу Гаспринский. Библиография. Составители *В.Ю. Ганкевич и Наджие Ягья*. Симферополь, 1995.
 698. Исмаил Гаспринский – великий просветитель. (Составитель *Ферит Зиятдинов*). Симферополь, 2001.
 699. Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. (Сборник статей). Составитель *Д.С. Кидирнязов*. Махачкала, 1993.
 700. История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1-2. Ставрополь, 1975-1976.
 701. История и культура народов Евразии: древность, средневековые и современность. (Первые Валидовские чтения). Материалы международной научной конференции 22-24 сентября 1992 г. Уфа, 1992.
 702. История народов Северного Кавказа. Т. 1-2. Москва, 1988.
 703. *Исхаки А.* Идель-Урал. Париж, 1933.
 704. *Исхаки Гаяз.* Идель-Урал. Казань, 1991.
 705. *Исхаки Гаяз.* Идель-Урал. Набережные Челны, 1993.
 706. *Исхаков Д.М.* Джадидизм как нациестроительство //Иман нуры (Ислам журналы), 1996, № 4.
 707. *Исхаков Дамир.* О концептуальных проблемах татарской исторической науки и задачах журнала "Tatarica" // Tatarica. Звездный час татарской истории. Казань, 1997-1998, № 1. С. 2-11.
 708. *Исхаков Д.М.* От нации мусульманской к нации татарской //Татарстан, 1995, № 9-10. С. 77-83.
 709. *Исхаков Д.М., Закиров А.* Татары (популярный очерк этнической истории и географии). "Темные закоулки" российской истории (преступления империи). Набережные Челны, 1993.
 710. *Исхаков Д.М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997.
 711. *Исхаков Дамир.* О концептуальных проблемах татарской исторической науки и задачах журнала "Tatarica" // Tatarica. Звездный час татарской истории, 1997/98, № 1. С. 2-12.
 712. *Исхаков Дамир.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.
 713. *Исхаков Дамир.* Сеиды в позднелазоордынских татарских государствах // Tatarica. Звездный час татарской истории, 1997/98, № 1. С. 42-95.
 714. *Исхаков Дамир.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. Казань, 1997. С. 31-58.
 715. *Ишмамбетова З.А.* Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. Казань, 1979.
 716. *Йолджу.* Борьба вокруг алфавита. (Письмо из Константинополя) // Новый Восток, 1926, № 15. С. 293-301.
 717. *Йолджу.* От революции к контрреволюции // Новый

Восток, 1927, № 16-17. С.117-133.

718. К вопросу о панисламизме // Мир ислама, 1913, Т.П., вып.1. С.1-13.
719. Кабардино-Балкария. Этнополитическая ситуация. Тома 1-2. Москва, 1994.
720. Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Научные чтения. 24 апреля 1998 г. *Отв. ред. В.В. Черноус*. Ростов-на-Дону, 1998.
721. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995.
722. *Кадиев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.
723. *Кайзер Ж.* Европа и новая Турция. Под общ. ред. Ф. Ротштейна. М., 1925.
724. *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 3. Москва, 1990.
725. *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Ногайцы – проблемы национальных отношений и культуры // Советская этнография, 1990, № 2. С. 15-23.
726. *Калмыков И.Х.* О культуре и быте народов Советской Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1970.
727. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикашев А.И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
728. *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.
729. *Каракетов М.Д.* Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. Под ред. *В.Н. Топорова*. М., 1999.
730. *Каракетов М.Д.* Традиционная обрядово-культурная жизнь карачаевцев (образы и культ божества Чопа в Карачае). М., 1994.
731. Карачаево-Черкесская Республика в 1990-1997 гг. Статистический сборник. Черкесск, 1998.
732. Карачаевцы и балкарцы. Этнография. история. Археология. Отв. редактор *С.А. Арутюнов*. М., 1999.
733. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993.
734. Карачаевцы Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
735. *Каримуллин А.Г.* Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983.
736. *Каримуллин А.Г.* Татары: этнос и этноним. Казань, 1988.
737. *Касымов Г.* Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангабиевщина. Казань, 1931.
738. *Касымов Ф., Эргашев Б.* Дорогу выбрал курултай (Бухарская революция) // Родина, 1989, № 11. С.31-39.
739. *Катанчиев Султан.* Потомки половецкого хана Котьяна // Ас-Алан (Москва), 2000, № 1 (3). С. 496-513.
740. *Катанян Р.* Против Касымова – против касымовщины (Речь Государственного обвинителя по делу судебных работников Узбекистана). Ташкент, 1931.
741. *Катанян Р.* Бадретдиновщина (Речь Гос. обвинителя по делу прокурорско-следственных работников Узбекистана). Ташкент-Самарканд, 1933.

742. *Кемаль Атамюрк*. Избранные речи и выступления. Перевод с турецкого, редакция и вступительная статья *А. Ф. Миллера*. М., 1960.
743. *Керейтов Р.Х.* К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.
744. *Керейтов Р.Х.* Орда пашню пахала на Куме. Минводы, 1996.
745. *Керейтов Р.Х.* Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1973.
746. *Керейтов Р.Х.* Эволюция этнической истории ногайцев и их этнокультурные связи с тюркскими народностями Северного Кавказа // Вопросы советской тюркологии. Часть 2. Аппабад, 1988. С. 171-175.
747. *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999.
748. *Керейтов Рамазан*. Некоторые проблемы этногенеза ногайцев // Половецкая луна, 1992, № 1. С. 24-37.
749. *Керенский Ф.М.* Медресе туркестанского края // Журнал министерства народного просвещения, 1892, № 11. С. 18-52.
750. *Керим Исмаил Асан-оглы*. Библиографик сечмелер. Акъмесджит [Симферополь], 1994.
751. *Керим Исмаил Асан-оглы*. Гаспринскийнинг "джанлы" тарихи 1883 - 1914. (Къырымтатар тилиб эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги). Акъмесджит (Симферополь), "Тарпан", 1999.
752. *Керимов Г.М.* Ислам и мусульманские организации в современном российском Государстве // Государственно-церковные отношения в России. Москва, 1993. С. 63-69.
753. *Керимова Г.* Сколько стоят руины? //Авдет, 1996, № 22/161. С. 4.
754. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Махачкала, 1999.
755. *Кидирниязов Д.С.* Русско-ногайские отношения в XVIII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1988.
756. *Ким П., Хасанов М.* Басмачество: 1921-1924 годы // Звезда Востока, 1989, № 6. С. 141-150.
757. *Кини А.Г.* Динамика социально-политического действия в традиционном обществе (ислам). М., 1996.
758. *Кипкеева Зарема*. Карачаево-балкарская диаспора в Турции // Ас-Алан (Москва), 2001, № 1 (4). С. 237-243.
759. *Кирюшко М.І.* Роль ісламу в історичних взаєминах кримських татар та українців // Кримські татари: історія і сучасність. Київ, 1995.
760. *Киселев С.Н., Киселева Н.В.* Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994.
761. *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 72. Москва, 1994.
762. *Климов И.М.* Движение трудящихся татар за образование Татарской АССР. Казань, 1959.
763. *Климов И.М.* Образование и развитие Татарской АССР (1920 – 1926). Казань, 1960.
764. *Климович Л.И.* Борьба ортодоксов и модернистов в

исламе // Вопросы научного атеизма. М., 1966. С. 65-87.

765. *Климович Л.И.* Из истории литературы Советского Востока. М., 1959.
766. *Климович Л.И.* Ислам в царской России. Очерки. Москва, 1936.
767. *Климович Л.И.* На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете "Терджиман" и ее издатель И. Гаспринском // Звезда Востока, 1987, № 8. С. 173-189.
768. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
769. *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica, 1986. Ленинград, 1986.
770. *Кобицанов Ю.М.* Исламская цивилизация и Северная Евразия // Независимая газета, 1996, 9 апреля.
771. *Коблов Я.Д.* Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
772. *Коблов Я.Д.* Мечты татар магометан о национальной школе. Казань, 1908.
773. *Когоношвили К.* Краткий словарь истории Крыма. Симферополь, 1995.
774. *Козуля О.* Про історію і культуру кримськотатарського народу // Рідна школа, 1995, № 6. С. 54-55.
775. *Кондакян Р.П.* Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978.
776. *Конквист Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом (глава из книги: Средняя Азия) // Родина, 1989, № 9. С. 46-52.
777. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Статьи. Москва, 1972.
778. Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего МИД. Под ред. *Е.А. Адамова*. М., 1925-1926. Выпуски 1-2.
779. Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990-1992. Документы, материалы. (Составитель: *Исмаил Алиев*). Москва, 1993.
780. *Копелев Лев.* Мустафа Джемилев // Хроника защиты прав в СССР, Нью-Йорк, 1976, № 22. С. 60-64.
781. *Коренько В.А.* Ногайцы. Степь и народ // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1996, № 1 (4). С. 29-36.
782. *Коренько В.А.* Ногайцы: седьмой век истории // Восточный экспресс, 1993, № 1. С. 11-14.
783. *Коренько Владимир.* Сидящие у дверей // Утро России, 1995, № 36 (96), 7-13 сентября. С. 1.
784. *Королькова.* Латинский алфавит в Турции // Новый Восток, 1926, № 13-14. С. 457-458.
785. *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны. М., 1940.
786. *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.
787. *Корсун Н.Г.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914-1915 гг. М., 1937.
788. *Корсун Н.Г.* Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915-1916 гг. М., 1938.
789. *Корхмязян Р.С.* Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны (1939-1945). Автореферат диссертации на соискание ученой

- степени кандидата исторических наук. Ереван, 1974.
790. **Кочар М.Р.** Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX-начале XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван, 1990.
 791. **Кочарли Т.К.** Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980.
 792. **Кочекаев Б. Б.** Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1973.
 793. **Кочекаев Б.-А. Б.** Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988.
 794. Краткая хроника деятельности Меджлиса крымскотатарского народа. Июль 1991 г. – июнь 1996 г. Редактор-составитель **Эльведин Чубаров**. Симферополь, 1996.
 795. Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної конференції. Київ, 13-14 травня 1994 р. Київ, 1995.
 796. **Кричинский Арслан.** Очерки русской политики на окраинах. Часть 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919. Часть 2. Борьба с просвещением и культурой крымских татар. Баку, 1920.
 797. **Крушельницкий А.** Диктатура по телеграфу (Бухарская революция) // Родина, 1989, № 11. С.31-39.
 798. Крым в 1918-1919 гг. С предисловием **А. Гуковского** // Красный Архив, 1928, Т.28. С. 142-181.
 799. Крым и крымские татары (По поводу столетия присоединения Крыма к России). Киев, 1883.
 800. Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура. Материалы республиканской научно-общественной конференции. Симферополь, 1994.
 801. Крым многонациональный. Вопросы, ответы. Составитель **Н.Г. Степанова**. Симферополь, 1988.
 802. Крым: Настоящее и будущее. Сборник статей. Под ред. **Г.М. Фомина**. Симферополь, 1995.
 803. Крым: прошлое и настоящее. Отв. ред. **С.Г. Агаджанов, А.Н. Сахаров**. Москва, 1988.
 804. Крымские татары: возвращение и занятость. Справочно-аналитический материал. Симферополь, 1992.
 805. Крымские татары: проблемы репатриации. Отв. редакторы **А.В. Вяткин, Э.С. Кульпин**. М., 1997.
 806. **Крымский А.Е.** История мусульманства. Части 1-2. Москва, 1904.
 807. **Крымский А.Е.** Мусульманство и его будущность. Прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношение к европейской цивилизации. М., 1899.
 808. **Крымский В.** Пантюркисты – фашистская агентура в Турции // Большевик, 1944, № 10-11. С.79-85.
 809. Крымское краевое правительство в 1918-1919 гг. С предисловием **А.И. Гуковского** // Красный Архив, 1927, Т.22. С. 92-152.

810. Крымскотатарское национальное движение. Том 3. 1991-1993 годы. *Под ред. М.И. Губогло. Автор историко-аналитического очерка С.М. Червоная. Редактор-составитель Р.Ф. Аппазов.* М., 1996.
811. *Кряжсин В. (Гурко).* Ближневосточный вопрос. Черное море и СССР // Новый восток, 1924, № 5. С.44-50.
812. *Кряжсин В. (Гурко).* Политические группировки в Турции // Новый Восток, 1923, № 3. С. 35-66.
813. *Кудряцев А.* Солидарность на основе каких целей? // Азия и Африка сегодня, 1993, № 7. С.2-6.
814. *Кудусов Э.* "Крамольные" знания о нашей истории // Qasevet, 1994 [№ 1/23]. С. 8-17.
815. *Кудусов Э.* История формирования крымскотатарской нации. [Симферополь], 1996.
816. *Кудусов Э.* Этногенез коренного населения Крыма // Kasevet, 1995, № 1/24. С. 14-25.
817. *Кудусов Э., Курташьева Г.* Язык – оружие возрождения нации // Авдет, 1996 № 3 /142. С. 3.
818. *Кудусов Эрнст.* Хотим не выживать, а жить. 200 лет геноцида. // Иностранец, 1997, № 25 (9 июля). С. 14
819. *Кузеев Р.Г.* Единство и разнообразие тюркского мира (об общности и разнообразии в культурном развитии волго-уральских, западносибирских и среднеазиатских тюркских народов) // Международная конференция по этногенезу туркмен и туркменской Государственности. Ашгабад, 1993.
820. *Кузеев Р.Г.* Кыпчакско-золотоордынский компонент в составе тюркских народов лесостепной Евразии // Культурные традиции этносов Волго-Уральского региона. Саранск, 1993. С. 43-61.
821. *Кузеев Р.Г.* Об общности компонентов в этногенезе тюркских народов в лесостепном регионе Евразии // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
822. *Кузеев Р.Г.* Тюрки, башкиры в истории Евразии (к изданию двух исторических сочинений Ахмед Заки Валиди // Ядкар, 1995, № 2.
823. *Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф.* О культурных связях Волго-Уральского региона с Северным Кавказом (в связи с историко-этнографическим районированием Кавказа) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 94-101.
824. *Кузеев Раши, Мохаммедьяров Шамил.* Торки халыклар язмышында Алтын Урданын роле // Мирас (Казан), 1994, № 11. Б. 117-121.
825. *Кузнецова С.* Крах турецкой интервенции в Закавказье в 1920-1921 годах // Вопросы истории, 1951, № 9. С.143-156.
826. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. (По материалам международной научной конференции. 14-19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993.
827. Культурная революция в Татарии (1917 – 1937 гг.). Казань, 1986.
828. *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской А.С.Р. (1917-1920). Уфа, 1992.
829. *Куркчи А.И.* Исмаил Бей Гаспринский // Дружба

- народов, 1991, № 12. С. 222-230.
830. *Курмангулова Ш.А.* Ногайская советская литература (динамика формирования и развития). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала, 1986.
 831. *Куртиев Р.И.* Восточная война и крымские татары // Известия Крымского Республиканского Краеведческого музея, 1995, № 12. С. 16-21.
 832. *Куртиев Р.И., Когоношвили К.К.* Этнический термин "татар" и этнос крымские татары // Сквозь века. Народы Крыма. Выпуск первый. Симферополь, 1995. С. 6-23.
 833. *Куртиев Рефат.* Крымские татары: этническая история и традиционная культура. Симферополь, 1998.
 834. *Куртынова П.Г.* Исламские и националистические элементы в идеологии и деятельности Партии националистического движения в Турции // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С.115-126.
 835. *Кутищев Н.Е.* Русская пресса и публицистика о проникновении Германии в Турцию в послед. трети XIX века (Российская общественность и Восточный вопрос). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 1990.
 836. Къырым мусульманларынынъ 1 къурултаы // Хидает (Верный путь) (Симферополь), 1995, № 9. С. 1-2.
 837. *Кызласов Леонид.* Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология (Казань), 1997, № 1. С. 23-30.
 838. *Кырымал Е.* Положение мусульманской религии в Крыму // Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР, № 2. Мюнхен, 1955. С. 55-67.
 839. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград, 1978.
 840. *Лавров Л.И.* Происхождение балкарцев и карачаевцев. Москва, 1959.
 841. *Лавров Л.И.* Этнические и культурные связи Кавказа со Средней Азией и Казахстаном // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973.
 842. *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982.
 843. *Лайпан Билал.* Дуния намыс эмда ахрат азаб. В огне совести и веры. М., 2002.
 844. *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
 845. *Лайпанов Казий.* О государственности карачаевцев и черкесов // Ас-Алан (Москва), 2000, № 1 (3). С. 287-304.
 846. *Лайпанов Х.О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
 847. *Ланда Л.М.* Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане (к.ХІХ-1917). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1953.
 848. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995.

849. *Ланда Р.* Судьба Мирсаида Султан-Галиева // Азия и Африка сегодня, 1994, № 1. С. 48-52.
850. *Леванов Е.* Исламский фактор – угроза безопасности России? // Безопасность, 1993, № 6. С. 54-56.
851. *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988.
852. Литературы народов Карачаево-Черкесии // История советской многонациональной литературы. Том 6. М., 1974. С. 339-357.
853. *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914 – 1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966.
854. *Лысенко Н.* "Великий Туран" как новая претензия на мировое господство // Армянский Вестник, 1993, № 9. С. 1.
855. *М. Султан-Галиев* и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. Москва, 1990.
856. *Маггермаев Н.У.* Межпартийная борьба по национальному вопросу (март 1917 – сентябрь 1918). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994.
857. *Мажитов Пииз.* Всемирный Курултай башкир. Между I и II съездами (доклады, выступления, документы). Уфа, 2002.
858. *Майстренко И.* Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978.
859. *Малашенко А.В.* В поисках альтернативы. М., 1990.
860. *Малашенко А.В.* Ислам в нашем доме // Дружба народов, 1993, № 10. С. 151-159.
861. *Малашенко А.В.* Мусульманский мир СНГ. М., 1996.
862. *Малашенко А.В.* Мусульманское духовенство и политика // Россия и мусульманский мир, 1992, № 6. С. 49-51.
863. *Малашенко А.* Исламское возрождение: увиденное, но не оцененное // Азия и Африка сегодня, 1995, № 9. С. 28-37.
864. *Малашенко Алексей.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
865. *Малдобаев И.Б.* Эпос "Манас" и его значение для изучения этнокультурных связей кыргызов с бапкортами и татарами // Манас-1000. Бишкек, 1995. С. 16-29.
866. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Ленинград, 1951.
867. *Манатов III.* Башкирская Автономная Республика // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн.1. С.40-44.
868. *Мандельштам А.Н.* Введение. // Зареванд. Турция и пантурсанизм. Париж, 1930. С.1-35.
869. *Мандельштам А.Н.* Лекции по Государственному устройству восточных держав (читанные в Императорском Александровском Лицее в 1895/96 академическом году). Санкт-Петербург, 1896.
870. *Мандельштам А.Н.* Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915.
871. *Мансуров А.Н.* Влияния ислама на духовную культуру народов (социально-философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук.

- исторических наук. Ташкент, 1992.
872. *Маргулия М. П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII-XIII веках. М., 1998.
 873. *Марков Евгений.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь, 1995.
 874. *Марунов Ю.* Пантюркисты и их "откровения" // Международная жизнь, 1964, № 7. С.120-123.
 875. *Марунов Ю.В.* Пантюркизм – орудие антисоветской политики американского империализма // Против фальсификации истории Востока. М., 1961. С.98-103.
 876. *Марунов Ю.В.* Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908-1918) // Краткие сообщения Института народов Азии, 1961, Выпуск XXX. С. 161-172.
 877. *Марунов Ю.В.* Политика младотурок по национальному вопросу // Краткие сообщения Института народов Азии, 1961, Выпуск XLV. С.38-56.
 878. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905 – 1917 гг.). Составитель *Р.Р. Фахрутдинов*. Казань, 1992.
 879. Материалы научной сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
 880. *Медведко Л., Германович А.* Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988.
 881. Меерсон О. Национально-освободительное движение в России в конце XIX – начале XX века. М., 1930.
 882. *Меметов А.* Крымские татары (историко-лингвистический очерк). Симферополь, 1993.
 883. *Меметов А.* О происхождении крымских татар и их языка. //Qasevet, 1994 [№ 1/23]. С. 2-7.
 884. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. Москва, 1966.
 885. *Мизиев И.М.* Важнейшие этногенетические аспекты истории и традиционной культуры балкарцев и карачаевцев XIII-XVIII вв. Автореферат диссертации доктора исторических наук. Ереван, 1988.
 886. *Мизиев И.М.* История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик, 1996.
 887. *Мизиев И.М.* История рядом. Нальчик, 1990.
 888. *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
 889. *Мизиев И.М., Джуртубаев М.Ч.* История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги Тау (Нальчик), 1994, № 1.
 890. *Мизиев Исмаил.* История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // Ас-Алан (Москва), 1999, № 1. С. 2-197.
 891. *Микульский Д.* Мусульманский фундаментализм в СНГ – правомерна ли постановка вопроса? // Россия и мусульманский мир, 1993. № 12. С. 51-55.
 892. *Миллер А.Ф.* 50-летие младотурецкой революции. М., 1958.
 893. *Миллер А.Ф.* Младотурецкая революция // Первая русская

- революция 1905-1907 гг. и международное революционное движение. М., 1956. Ч. II. С. 313-348.
894. *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Ленинград, 1948.
 895. *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы Новой и Новейшей истории. М., 1983.
 896. *Миллер А. Ф.* Формирование политических взглядов Кемаля Ататюрка // Народы Азии и Африки, 1963, № 5. С. 65-85.
 897. *Милославский Г. В.* Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., 1991.
 898. *Милых М. К.* Об изучении карачаево-балкарских, кумыкских и ногайских говоров // Труды Первой диалектологической конференции. Ростов н/Д, 1939. С. 118-120.
 899. *Мингалеев Р. Р.* Советская историография революции 1905-1907 г. в Туркестане. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 1989.
 900. *Миндлин З.* Киргизы и революция // Новый Восток, 1924. С. 217-229.
 901. *Мирза-Ахмедова П., Рашидова Д.* Джадиды: кто они? // Звезда Востока, 1990, № 9. С. 137-141.
 902. Мирсаид Султан-Галиев. Статьи. Оксфорд: Общество исследования Средней Азии, 1984.
 903. Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. (Автор обзора *А. В. Сагадеев*, отв. ред. *С. И. Кузнецова*). М., 1990.
 904. Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.
 905. *Михайлова С. М.* Казанский университет и развитие духовной культуры народов Востока России (XIX век). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1985.
 906. *Музафаров Р., Короткая А. (авторы-составители).* Крымскотатарская энциклопедия. Том 2 (Л-Я). Симферополь, 1995.
 907. *Музафаров Рефик (автор-составитель).* Крымскотатарская энциклопедия. Том 1 (А-К). Симферополь, 1993.
 908. *Муравейский С.* Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1922.
 909. *Муртазин М. Л.* Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927.
 910. *Мусина Р. Н.* К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар. (По материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в республике Татарстан. Казань, 1992. С. 52-64.
 911. *Мустафаев А. Х.* Национальные отношения в СССР в трудах турецких авторов. (Критический анализ националистических концепций). Баку, 1990.
 912. *Мустафаева С. М.* Из истории взаимосвязей народов Азербайджана и Туркестана в борьбе против гнета Российской империи (90-е гг. XIX века – 1917). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1992.
 913. Мусульмане в постсоветском пространстве // ДИА-ЛОГос:

- Религия и общество. Альманах. Москва, 1997. С. 265-287.
914. Мусульманская печать в России в 1910 г./Составлено по распоряжению начальника Гл. управления по делам печати. Под ред. *Вл. Гольмстрема*. - Оксфорд: Общество по исследованию Ср. Азии, 1987.
 915. *Мутенин И.Т.* Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Известия Грозненского Областного Научно-исследовательского института и музея краеведения. Выпуск 1. Грозный, 1948. С. 129-135.
 916. *Мухаметшин Р.* Исламско-христианское пограничье. // Татарстан, 1993, № 12. С. 70-71.
 917. *Мухаметшин Р.М.* Ислам и национальное самосознание // Межэтнические и межконфессиональные отношения в республике Татарстан. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 9 июня 1993 года в г. Казани. Ч. 1. Казань: 1993. С. 149-152.
 918. *Мухамметдинов Р.Ф.* Юсуф Акчура и Зия Гекалп: Формирование идеологии тюркизма (70-е годы XIX века – 30-е годы XX века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1996.
 919. *Мухамметдинов Р.Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ. 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, 1996.
 920. *Мухамметдинов Р.Ф.* Нация и революция (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX века). Казань, 2000.
 921. *Мыльников А.Е.* Исламский фактор в исторических судьбах народов сопредельных с Россией Государств Среднего Востока (начало 50-х – конец 80-х годов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических в форме научного доклада. М., 1992.
 922. *Мыльников А.Е.* Исламский фактор и Россия // Государственно-церковные отношения в России. М., 1993. С. 86-90.
 923. *Надеин-Раевский В.А.* Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 4. С. 39-50.
 924. *Надеин-Раевский В.А.* Критика современного пантюркизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1989.
 925. *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. М., 1989.
 926. *Найт Э.Ф.* Революционный переворот в Турции (перев. с англ. В. Брадиса с предисловием В.Я. Богучарского). Санкт-Петербург, 1914.
 927. *Напсо Д.А., Чекунов С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.
 928. Народы Кавказа. Т. 1-2. Москва, 1960-1962.
 929. Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957.
 930. Народы России. Энциклопедия. *Главный ред. В.А. Тишков.* М., 1994.
 931. *Насиров Т.М.* Исторический опыт строительства

- национальной государственности Азербайджана (1918-1920). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1991.
932. **Нафизов Р.И.** Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли (Очерк истории 1895-1917). Казань, 1964.
 933. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. М., 1998.
 934. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. Нальчик, 1994.
 935. Национально-освободительное движение в России во второй половине XIX в. // История СССР, 1964, № 3. С.45-66.
 936. Национальные движения в период первой революции в России. (Сборник документов из архива бывшего Департамента полиции). Подготовлен к печати **И.Д. Кузнецовым**. Чебоксары, 1935.
 937. Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы. М., 1992.
 938. **Некрич А.** Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
 939. **Ненарокоев А.П.** Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история, 1992, № 2. С. 3-23.
 940. **Низамов Х.К.** Влияние печати на становление и развитие национального самосознания в Узбекистане (опыт исторического анализа). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992.
 941. **Никитин В.П.** Иран, Туран и Россия // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология, 1992. – с.61-90.
 942. **Никишенков А.А.** Н.С. Трубецкой и феномен евразийской этнографии. (предисловие к публикации) // Этнографическое обозрение, 1992, № 1. С. 89-92.
 943. **Никольский П.** От Крымского ханства до наших дней. Симферополь, 1929.
 944. Новейшая история Турции. (Ред. кол. **М.А. Гасратян, П.П. Моисеев, В.В. Цыбульский, А.М. Шамсутдинов**). М., 1968.
 945. **Новикова Марианна.** Святыни народов Крыма. Симферополь, 1991.
 946. **Новичев А.И.** Турция. Краткая история. М., 1965.
 947. Ногай халк йырлары. Составитель **С.А. Калмыкова**. Москва, 1969.
 948. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVIII -XVIII вв.). Махачкала, 1998.
 949. Ногайцы сегодня // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 44. М., 1993.
 950. **Озал Тургут.** Турция в Европе // Звезда Востока, 1992, № 11-12. С.140-153.
 951. **Озенбаши А.** Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. М., 1926, № 2. С.143-146.
 952. **Озенбаши Э.** Кърымтатар адлары. Крымскотатарские имена. Симферополь, 1992.

953. **Олимов М. В.В.** Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток, 1991, № 5. С.162-165.
954. **Омуралиев А.** Эпос "Манас" есть история кыргызов или тюркоязычных народов. Бишкек, 1995.
955. **Оруджев М.Г.** Борьба империалистических держав за Турцию в 1909-1914 г.: Дисс. доктора ист. наук. - Баку, 1970.-800 с.
956. **Осинов А.Г.** Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 17. М., 1991.
957. Основные аспекты историко-географического развития Ногайской орды. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. М. – Терекли-Мектеб, 1991.
958. **Остроумов Н.П.** К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетии // Мир ислама, 1913, Т.П, вып.5. С.302-326.
959. **Остроумов Н.П.** Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения, 1906, № 2. С.113-166.
960. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том 1. Ставрополь, 1967. Том 2. Черкесск, 1972.
961. **Павлович М.** Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времени Октябрьской революции (Доклад на Первом тюркологическом съезде в Баку. 6 марта 1926 г.) // Новый Восток, 1926, № 12. С. VI-XXI.
962. **Павлович М.П.** Восток в борьбе за независимость. Избранные труды. – М.: Гл. ред. восточной лит-ры, 1980. – 264с.
963. **Павлович М.П. (М. Вельтман).** Революционная Турция. Величие и падение Османской империи (старая Турция). Турция Энвер-Бей и Ахмед-Ризы. Турция Кемаль. Коммунистическое движение в Турции. М., 1921.
964. Памяти Насырова (Насыри). Сборник. Казань, 1922.
965. Панисламизм и пантюркизм // Мир ислама, 1913. Т.2. Вып.8. С.556-572.
966. Пантюркизм в России // Азия и Африка сегодня, 1992, № 7. С. 58-60; № 8. С. 53-55.
967. Пантюркизм в России // Мир ислама, 1913, том 2, выпуск 9. С. 596-620.
968. Пантюркизм и национальная безопасность России. Материалы 1-й международной научно-практической конференции 9-11 декабря 1994 г. М., 1994.
969. **Папоров Ю.** "Белое солнце пустыни?" // Юность, 1990, № 1. С.80-85.
970. **Паскуцкий Н.** К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922.
971. **Пашаев П.Г.** Отражение в закавказской периодической печати Иранской и Турецкой революций в период "пробуждения Азии". Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1987.
972. Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. 26 февраля-6 марта. (Стенограф. отчет). Баку, 1926.
973. Первый съезд народов Востока. Баку, 1-8 сентября 1920 г. Стенографический отчет. Петроград, 1920.

974. Первый тюркологический съезд в Азербайджане (Отчет) // Новый Восток, 1926, № 12. С. 334-341.
975. **Перепелкин Л.С., Руденский Н.Е.** Национальный вопрос и права народов в СССР: опыт социально-политического анализа // Российский бюллетень по правам человека. М., 1991. С. 97-130.
976. **Перепелкин Лев, Руденский Николай.** Этнополитические проблемы крымских татар в свете принципов международного права // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українського Бюро захисту прав людини. Випуск 17. Проблеми міграції. Київ 1996. С. 82-101.
977. **Петросян Ю.А.** Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции // Народы Азии и Африки, 1963, № 4. С. 184-188.
978. **Петросян Ю.А.** К изучению идеологии младотурецкого движения // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 221-227.
979. **Петросян Ю.А.** Младотурецкое движение (вторая половина XIX - начало XX в.). М., 1971.
980. **Петросян Ю.А.** Младотурецкое движение в документах исторических и мемуарах // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 150-161.
981. **Петросян Ю.А.** Османская империя : могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990.
982. **Петросян Ю.А.** Политическая сатира младотурок (По материалам малоизвестных сатирических газет) // Народы Азии и Африки, 1969, № 6. С. 136-143.
983. **Петросян Ю.А.** Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (к. XVIII - начало XX в.). М., 1985.
984. **Петросян Ю.А.** Турция // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX - начало XX в.) Очерки по истории общественной мысли народов Востока. М., 1973. С. 17-57.
985. **Писарев С.П.** Из истории крымских татар. Политический дневник 1964 – 1970. Амстердам, 1972.
986. **Плетнева С.А.** Кочевники Средневековья (поиски исторических закономерностей) М., 1982.
987. **Плетнева С.А.** Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 62). М.-Ленинград, 1958.
988. **Плетнева С.А.** Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. Москва, 1975. С. 250-300.
989. Под знаком ислама // Новый Восток, 1923, № 4. С. 72-97.
990. Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987.
991. Политическая жизнь русских мусульман. Оксфорд: Общество исследования Средней Азии, 1985.
992. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г. Предисловие проф. **Л.А. Камаровского.** М., 1896.
993. **Поляков Владимир.** Крымские татары // Дружба народов, 1994, № 4; Авдет, 1996, №№ 18/157. С. 3-4; 19/158. С. 3; 20/159. С. 3; 21/160. С. 3-4.
994. **Поляков С.П., Бушков В.И.** Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе // Исследования по прикладной

- и неотложной этнологии, № 108. М., 1997.
995. **Поляков Ю.А., Чугунов А.И.** Конец басмачества. М., 1976.
 996. Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения. М., 1998.
 997. Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология. М., 1991.
 998. **Поцхверия Б.М.** Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М., 1976.
 999. **Поцхверия Б.М.** Внешняя политика Турции в 60-х - начале 80-х гг. XX века. М., 1986.
 1000. **Поцхверия Б.М.** Турция между двумя мировыми войнами. (Очерки внешней политики). М., 1992.
 1001. **Почта Ю.М.** Мусульманское общество в европейской философии истории. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1995.
 1002. **Почта Ю.М.** Революционная Россия и мусульманский мир (советское исламоведение в 20-30-е годы) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, № 4. М., 1993. С. 81-93.
 1003. **Праздускас А.А.** О "Записке" акад. В.В. Бартольда // Восток. Афро-азиатские общества, 1991, № 5. С. 166-167.
 1004. **Прилуцкий Е.А.** Национально-государственное строительство в Советском Туркестане 1918-1920. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1991.
 1005. Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985.
 1006. Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. Сборник научных трудов. Черкесск, 1993.
 1007. Проблемы межэтнических отношений на Северном Кавказе. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (15-16 февраля 1994 г.). Ставрополь, 1994.
 1008. Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Научно-практическая конференция. 24-25 мая 1996. Материалы, Симферополь, 1996.
 1009. Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980.
 1010. Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). Оксфорд: Общество изучения Ср. Азии, 1985.
 1011. **Прокопович А.** Какого цвета пантюркизм? //Международная жизнь, 1968. С.119-123.
 1012. Просветители. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х. Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981.
 1013. Против "султангабиевщины" и великодержавности. Сборник статей. Казань, 1929.
 1014. **Пустарнаков В.Ф.** Мусульмане не чужие на Руси. Об исторической значимости тезиса Исмaила Гаспринского // Наука (Казань), 1991, 12 апреля.
 1015. **Пустарнаков В.Ф.** Идеология просвещения в культуре народов СССР // Методологические проблемы изучения истории общественной мысли

(На материале народов РСФСР). Казань, 1990. С. 11-20.

1016. *Пучков П. И.* География религий. Москва, 1975.
1017. *Пчелен Н.* Крестьянский вопрос при Мусавате (1918-1920 гг.) Очерки. Баку, 1931.
1018. *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л. В.* Карачай в контексте новой исторической реальности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 89. М., 1995.
1019. *Пясковский А.В.* Революция 1905-1907 годов в Туркестане. М., 1929.
1020. *Рашио Ж.-Р.* Типы национализма, общество и политика в Татарстане // Политические исследования, 1992, № 5-6. С. 42-58.
1021. *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.
1022. *Раевский А.* Английские "друзья" и мусаватские "патриоты". Баку, 1927.
1023. *Раевский А.* Мусаватское правительство на Версальской конференции. Баку, 1930.
1024. *Раевский А.* Партия "Мусават" и ее контрреволюционная работа. Баку, 1929.
1025. Развитие межэтнических отношений в новых независимых Государствах Центральной Азии. Учебное пособие для высших учебных заведений. Под редакцией *А.Б. Элебаевой*. Бишкек, 1995.
1026. *Раинов Р.М.* Революция 1905-1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье // Революция 1905-1907 гг. в национальных районах России. М., 1949. С. 657-716.
1027. *Расизаде А.* Азербайджан. Новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня, 1992, № 12. С.7-12 ; 1993, № 1. С.16-21; № 2. С.5-9.
1028. *Расул-Заде М. Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. Предисловие *Н. Жордания*. Париж, 1930.
1029. *Расул-Заде М.Э.* О Пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С предисловием *Н. Жордания*. Оксфорд: общество исследования Средней Азии, 1985.
1030. *Расул-Заде М.Э.* О Пантуранизме. (Отрывки из статьи) // Тюркский мир, 1991, № 1. С.14-17.
1031. *Ратгаузер Я.А.* Борьба за Советский Азербайджан. К истории апрельского переворота. Баку, 1928.
1032. *Ратгаузер Я.А.* Революция и гражданская война в Баку. Часть 1. Баку, 1927.
1033. *Рахимова Р.М.* Противоречия национальных отношений (На примере СССР и Татарстана). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992.
1034. Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков. Оксфорд: Общество исследования Средней Азии, 1985.
1035. Революция и народы России: Poleмика с западными историками (Редколлегия: *А.Н. Сахаров* и др.). М., 1989.
1036. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России в XX в. Под ред. *С.М. Диманштейна*. Т.3, 1917 февраль-октябрь. М., 1930.
1037. Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Тезисы докладов. Карачаевск, 1998.

1038. Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Материалы Международной научно-практической конференции 2-3 октября 1997 г. Казань, 1998.
1039. Религия и миротворчество. (Северный Кавказ). Материалы конференции. Под ред. А.Ю. Мельвиля. Федерация мира и согласия. Москва, 14-15 сентября 1995 г. Москва, 1996.
1040. Религия и политика в современной России. Москва, 1997.
1041. Религия, общество, государство в XX веке. Москва, 1991.
1042. *Ремпель Л.И.* Искусство Руси и Восток (как историко-культурная и художественная проблема). Ташкент, 1969.
1043. *Рзаев А.К.* Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. М., 1989.
1044. Российская Федерация против Мустафы Джемилева. Омский процесс. Апрель 1976 г. Киев, 1998.
1045. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений к международной научной конференции 16-17 ноября 1993 г. Уфа, 1994.
1046. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов к международной научно-практической конференции 14-16 декабря 1992 г. М., 1992.
1047. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
1048. *Рубинштейн А.* В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, 1930.
1049. Русская культура и Восток. Материалы III Крымских Пушкинских чтений. Бахчисарай. 13-19 сентября 1993 г. Симферополь, 1993.
1050. *Рустамов Ю.* Современная турецкая буржуазная социология. (Краткий очерк). Баку, 1967.
1051. *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Петроград, 1917.
1052. *Рыбаков С.* Новометодисты и старометодисты в русском мусульманстве // Мир ислама, Санкт-Петербург, 1914, Т. 3. вып.12. С.852-873.
1053. *Рыньков Л.Н.* Разоблачение пантюркистской сущности современной турецкой лингвистики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.,1951.
1054. *Рыскулов Т.Р.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 г. // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М.,1926.
1055. *Рыскулов Т.Р.* Казахстан. М.-Ленинград, 1927.
1056. *Рыскулов Т.Р.* Киргизстан. М.-Ленинград, 1929.
1057. *Рыскулов Т.Р.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925.
1058. *Рыскулов Т., Бройдо Г.* Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Лондон, 1989.
1059. *Саакян Р.Г.* Некоторые вопросы советско-турецких отношений 1920-1923 гг. в современной турецкой литературе // Краткие сообщения Института народов Азии. -М., 1963. -Вып.73. -С.234-241.
1060. *Сагадеев А.* "Исламский фундаментализм": жизненный факт или пропагандистская фикция? // Россия и мусульманский мир, 1993, № 10. С. 55-62.

1061. *Сагадеев А.В.* Мирсаит Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. Москва, 1990.
1062. *Сагадеев А.* Исламский фундаментализм: что же это такое? // Азия и Африка сегодня, 1994, № 6. С. 2-7.
1063. *Сазидуллин М.* Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. – Казань, 1927. – 74с.
1064. *Садур В.* "Исламский фактор" (Заметки и размышления российского мусульманина) // Диа-Логос: Религия и общество. Альманах. Москва, 1997. С. 224-248.
1065. *Садур В.Г.* Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917 года // Национальная культура и общение (Материалы конференции). Москва, 1977. С. 65-68.
1066. *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984.
1067. *Самойлович А. И.* Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926.
1068. *Самойлович А.* Новый турецкий (тюркский) алфавит. (Письмо из Азербайджана) // Новый Восток, 1924, Кн.5. С. 388-391.
1069. *Самойлович А.* Первое тайное общество младобухарцев // Восток. (Журнал литературы, науки и искусства), 1922, Кн.1. С.97-99.
1070. *Саркисов Е.К.* К вопросу о вступлении Османской империи в войну на стороне центральных держав // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1963. Вып.73. С.132-140.
1071. *Саркисян Е.К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван, 1962.
1072. *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI в. //Сборник научных работ Мордовского Педагогического Института. Саранск, 1949. С. 32-56.
1073. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
1074. *Сафаров Г.* Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921.
1075. *Сафронова Е.А.* Философские и социологические взгляды Зияи Гекальпа. Обоснование тюркизма (к вопросу о формировании идеологии турецкого буржуазного национализма). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1965.
1076. *Сахибов Ш.* Проблемы внешней политики Турции в годы Второй мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963.
1077. Сборник материалов по мусульманству. Составлен по распоряжению и указанию Туркестанского Генерал-Губернатора, генерала от инфантерии С.М. Духавского. Под ред. поруч. *В.И. Ярового-Раевского*. Том 1. Санкт-Петербург, 1899.
1078. Сборник материалов по мусульманству. Составлен по распоряжению и указанию Туркестанского Генерал-Губернатора, генерала от инфантерии С.М. Духавского. Под ред. *В.П. Наливкина*. Т. 2. Ташкент 1900.
1079. *Сваранц Александр.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.

1080. *Сверчковская А.К.* Обзор некоторых работ по истории Турции опубликованных в 1965-1966 г. // Страны Ближнего и Среднего Востока. (История и экономика). М., 1969. С.73-77.
1081. Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в 20 в. Москва, 1996.
1082. *Сейтмуратова Айше.* Преследование крымскотатарского народа // Хроника защиты прав в СССР, Нью-Йорк, 1978, № 31. С. 31.
1083. *Семена Николай.* Возможна ли в Крыму татарская Республика? //Авдет, 1996, № 10/149. С. 3.
1084. *Сеф С.Е.* Борьба за Октябрь в Закавказье. Тифлис, 1932.
1085. *Сиван Эммануэль.* Радикальный ислам. Причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik, 1997, № 8. С. 6-15.
1086. *Сикалиев А. И.-М. (Шейхалиев).* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
1087. *Сикалиев А. И.-М.* Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология (Баку), 1970, № 4. С. 131-135.
1088. *Сикалиев А. И.-М.* Ногайское устное народное творчество. Дореволюционная ногайская литература. Черкесск, 1990.
1089. *Ситнянский Г.* Аскар Ахаев – президент Киргизии //Азия и Африка сегодня, 1996, № 1. С. 4-11.
1090. *Ситнянский Г.* Киргизия. Независимость обретена...Что дальше? // Азия и Африка сегодня. 1995, № 6. С.6-12; № 7. С.26-31.
1091. *Скалов Г.* Хивинская революция 1920 года //Новый Восток, 1923, Кн.3. С. 241-257.
1092. Сквозь века. Народы Крыма. Выпуск 1. Симферополь, 1995.
1093. *Смирнов В.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Одесса, 1888.
1094. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство в XVIII веке. Одесса, 1889.
1095. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство до XVIII века. Санкт-Петербург, 1887.
1096. *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 48. М., 1993.
1097. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.
1098. Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Выпуск 1-2. Черкесск, 1983- 1984. Выпуск 3. Черкесск, 1990.
1099. Современный ислам: культура и политика. М., 1994.
1100. *Сойсал А.* Челеби Джихан, герой крымскотатарского народа // Идель (Казань), 1994, № 11-12. С. 68-69.
1101. *Сокольский Н.* Очерки современной Турции. Тифлис, 1923.
1102. *Салженицын А.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. Ленинград, 1990.
1103. *Соркин Г.З.* Первый съезд народов Востока. М., 1961.
1104. *Софиие М.М.* ЗСФСР в советско-турецких отношениях (1922-1936). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 1986.
1105. Союз мусульман России (СМР): становление и перспективы. (Записала *А. Мусаева*) // Исламские новости, 1997, № 1. С. 4-5.
1106. Стабилизация межэтнических и социокультурных отношений

на Кавказе. (По материалам "круглого стола" "Культурный диалог народов Кавказа в Москве", 1999 г.). Москва, 1999.

1107. **Старовский А.** Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М. -Ленинград, 1925.
1108. **Старченко Г.** Блеск и нищета суверенного Узбекистана // Азия и Африка сегодня, 1995. С.5-11.
1109. **Старченко Г.** Казахстан: взлет и падение // Азия и Африка сегодня, 1994, № 11. С.37-44.
1110. **Старченко Г.** Новосуверенные "мусульманские" республики: лавина проблем // Азия и Африка сегодня, 1993, № 7. С. 6-12.
1111. **Старченко Г.** Средняя Азия. На перекрестке интересов России и Турции // Азия и Африка сегодня, 1993, № 5. С.36-39.
1112. **Старченко Г.** Станет ли Каспий морем раздора? //Азия и Африка сегодня, 1994, № 11. С.15-18.
1113. **Старченко Г.** Турция. Параметры экономического чуда // Азия и Африка сегодня, 1992, № 9. С.9-14.
1114. **Старченко Г., Тураджев В.** Турция-94. Бегом – в XXI век // Азия и Африка сегодня, 1994, № 2. С.12-19.
1115. **Стеблева И.В.** Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
1116. **Стеблева И.В.** Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки, 1989, № 4. С. 51-56.
1117. **Стеклов А.** Армия Мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.
1118. **Стеклов А.** Красная армия Азербайджана. Баку, 1928.
1119. Стенографический отчет национального совещания членов Татобкома и ОКК, совместно с ответственными работниками райкомов г. Казани и кантонов АТССР от 19-21 июля. Казань, 1923.
1120. **Степанянец М. Т.** Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. М., 1982.
1121. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
1122. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995.
1123. Суверенный Татарстан. (Автор-составитель **Д.М. Исхаков**. Под редакцией **М.Н. Губогло**). Тома I-III. М., 1998.
1124. **Сулейменов О.** Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
1125. **Сулейманов Олжас.** Тюрки в доистории // Ас-Алан (Москва), 2002, № 3 (8). С. 249-547.
1126. **Султанбеков Б.Ф.** Башкирский "самородок" // Татарстан, 1993, № 5. С.61-67.
1127. **Султанбеков Б.Ф.** Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев. Судьба. Люди. Время. Казань: Тат. кн. изд.-во, 1991. -208с.
1128. **Султанбеков Б.Ф., Тагиров И.** Возвращение Мирсаида Султан-Галиева //Мирсаид Султан-Галиев. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.
1129. **Султанов Ф.М.** Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. Казань, 1999.
1130. **Султанов Ф.М.** Татарское национальное движение:

- история и современность. Казань, 2000.
1131. *Суни Р.Г.* Нация и класс в революции: Азербайджан в 1917 году // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность, 1991, № 5. С.25-32.
 1132. *Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Введение в топонимию Крыма. Часть 1. М., 1995.
 1133. *Суянова Насипхан.* И жизнь продлится... Художественный мир Исы Капаева. Ставрополь, 1999.
 1134. *Тадина Н. А.* Историческое значение Тюркского каганата в этногенезе тюркоязычных народов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Ч. 3. Омск, 1984. С. 85-90.
 1135. Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). М., 1992.
 1136. *Такош Л.* Антитатарский синдром как средство от политических болезней // Авдет, 1995. № 10/125. С. 2-3.
 1137. *Танлы Селиме.* Дорогу осилит идущий // Осаф (Оджаф), Симферополь, 1999, № 2. С. 14-23.
 1138. Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. (Составитель *Рафаэль Хакимов*). Казань, 1997.
 1139. Татары. (Ответственные редакторы *Р.К. Уразманова, С.В. Чешко*). М., 2001.
 1140. Татары и Татарстан. Справочник. Казань, 1993.
 1141. Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымскотатарского народа (1 июля – 5 августа 1969 г.) Сборник документов с иллюстрациями. Амстердам, 1976.
 1142. *Тверитинова А.С.* Младотурки и пантюркизм // Краткие сообщения Института востоковедения. М., 1956. Выпуск XXII. С.66-74.
 1143. *Темирбулатов-Хатуев Р.* Сколько лет исламу в Карачае? // Знамя ислама, 1997, № 1. С. 4.
 1144. *Тилавов А.* Становление и развитие Советской политической системы в Туркестане (1917-1924). Опыт и уроки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992.
 1145. *Тожиддинов Т.* Ислам, каким я его вижу // Евразия, 1993, № 2. С. 83-90.
 1146. *Токаржевский Е.А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.
 1147. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западносибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. Новосибирск, 1992.
 1148. *Трепалов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV-XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.
 1149. *Трепалов В.В.* Тайбуга. "На Мангытском Юрте третий Государь" // Tatarica. Звездный час татарской истории, 1997/98, № 1. С. 96-120
 1150. Третий Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906.

1151. *Трубецкой Н.С.* О Туранском элементе в русской культуре // Этнографическое обозрение, 1992, № 1. С.92-106.
1152. Тувган Еврим (Родные края). Составитель *Х.Э. Байрашев*. Махачкала, 1975.
1153. Турецкая революция 1908 – 1909 гг. С предисловием *А. Попова* // Красный Архив, 1930, Т.43. С.3-54; 1931, Т.44. С.3-39; 1931, Т.45. С.27-52.
1154. *Туркестанский Г.* Кто такие были джадиды? Ташкент, 1926.
1155. Турция. Развитие пантюркизма и установление диктатуры младотурецкого "триумvirата" // Новая история стран Зарубежного Востока. (под ред. *И.М. Рейснера и Б.К. Рубцова*). М., 1952.
1156. *Тыныстанов К.* Десять лет борьбы за новый алфавит // Литературный Кыргызстан, 1992, № 4. С. 188-198.
1157. Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.
1158. Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
1159. Тюркологический сборникю 2001ю Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
1160. Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
1161. Тюркский мир. Независимый журнал. 1991, № 1.
1162. *Тюрякулов Н.* К вопросу о латинизации тюркских алфавитов // Новый Восток, 1925, Кн.10-11. С.219-223.
1163. *Уарзиати Н.С.* Ислам в культуре Осетии // Эхо Кавказа, 1993, № 3. С. 18-19.
1164. Угрожает ли России панисламизм и исламский фундаментализм? (материал подготовлен Центром стратегического развития) // Азия и Африка сегодня, 1996, № 2. С.2-6.
1165. Удар по национальной контрреволюции. Приговор над Касымовым и К⁰. Ташкент, 1931.
1166. Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1-2. М., 1994-1995.
1167. *Уйсенбаев Арслан.* Вопросы Государственного строительства, этнокультурной и этнонациональной ситуации у ногайцев Ногайской степи // Половецкая луна, 1992, № 1. С. 42-49.
1168. *Уйсенбаев Арслан.* Традиционные и современные этнические и социокультурные процессы у ногайцев. Состояние проблемы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992.
1169. Указатель статей и материалов, помещенных в "Жизнь национальностей" за 1918-1922 гг. М., 1922.
1170. *Ульченко Н.* Турция. Новые приоритеты в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня, 1996, № 1. С.19-21.
1171. *Умеров И.* Партия национального возрождения. //Авдет, 1993, № 18/83. С. 2.
1172. *Умнов А.* Мшмимые противники.(Москва, Анкара, Тегеран, на бывшем советском Юге) // Независимая газета, 1996, 9 апреля.
1173. *Умнов Александр.* Россия и мусульманский мир: вчера и сегодня // Internationale Politik, 1997, № 8. С. 40-42.

1174. *Умняков И.И.* К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета, 1927, № 16. С.81-99.
1175. *Урсу Д.П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921 – 1941). Симферополь, 1998.
1176. *Усманов М. А.* О триумфе и трагедии идей Гаспринского // *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань, 1993. С. 13-15.
1177. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960.
1178. *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и Новое время. М., 1993.
1179. *Фадеева И.Л.* Концепция культуры и цивилизации турецкого философа Зии Гёкалпа // Народы Азии и Африки. – 1982.-№ 1.- С.106-114.
1180. *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм) XIX – начало XX в. М., 1985.
1181. *Фадеева И.Л.* Традиционализм и модернизация (идеи национального возрождения турецкого философа Зии Гёк Алпа) //Азия и Африка сегодня, 1994, № 2. С.42-47.
1182. *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Казань, 1955.
1183. *Фахрутдинов Равиль.* Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. Набережные Челны, 1993.
1184. *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995.
1185. *Фахрутдинов Р.Р.* Из истории становления татарской школы в период после 1-й российской революции // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С.107-115.
1186. *Федоров Е.* 1905 год и коренное население Туркестана // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926. С.13-44.
1187. *Федоров Николай.* Ислам – тоже наша судьба. "Национальные тайфуны" // Независимая газета, 1993, 30 марта. С. 5.
1188. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
1189. *Федоров-Давыдов Герман.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология, 1997, № 1. С. 88-100.
1190. *Федосов А.* "Тарих" как официальное выражение национал-шовинистической (пантюркистской) идеологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1949.
1191. *Феридов З.* Кемалистская Турция и фашизм(О "концепции" Ирандуста в кемалистском опыте // Революционный Восток. - 1929. – № 7. – С.56-69.
1192. *Феридов.* Некоторые вопросы современной Турции. (К критике работы Ирандуста) // Революционный Восток. – 1929. – № 6. – С.24-41.
1193. *Фитрат Абдурауф.* Рассказы индийского путешественника // Звезда Востока. -1990. – С.130-143.
1194. Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Жанр и образ. Черкесск, 1988.
1195. Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984.
1196. Фольклорно-литературные и языковые связи как фактор

- развития культур народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ч. 1-2. Черкесск, 1994.
1197. **Френкен З.** Как не нужно писать историю революционной Турции. (К критике "Истории революции в Турции" В. Гурко-Кряжина.) // Революционный Восток, 1928, № 4-5. С.126-133.
 1198. **Фукуяма Ф.** Конец истории? // Философия истории: Антология. М., 1994. С.290-311.
 1199. **Хабутдинов А.Ю.** Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1996.
 1200. **Хайт Баймирза.** Басмаческое движение // Звезда Востока, 1992, № 1. С.97-105.
 1201. **Хайрутдинов Р.Г.** Национальные политические партии и организации в Среднем Поволжье и Приуралье (1917 г., февраль – 1919 г.) // Политические партии и общественные движения в современных условиях. Выпуск 1. Чебоксары, 1992. С. 69-72.
 1202. **Хайрутдинов Р.Г.** Трудное возрождение. Казань, 1992.
 1203. **Хаким Рафаэль.** История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы // Панорама-Форум, Казань, 1999, № 19 (специальный выпуск).
 1204. **Хаким Рафаэль.** Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993.
 1205. **Хакимов И.М.** Пребывание мусульманского реформатора и политического деятеля Востока Джамаль Ад-дина Афгани в России // Страны Ближнего и Среднего Востока. (История и экономика) М., 1972. С.186-193.
 1206. **Хакимов Р.А.** Зарубежная историография истории басмачества в Средней Азии 1917-1932. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1992.
 1207. **Халфин Н.А.** Три русские миссии. Из истории внешней политики на Среднем Востоке во второй половине 60-х гг. XIX века. Ташкент, 1956.
 1208. **Ханатаров К.Х.** Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982.
 1209. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, № 1. С.33-38.
 1210. **Хасанов М.** Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока, 1992, № 7. С.105-120.
 1211. **Хасанов М.Х.** Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977.
 1212. **Хасанов Х.** Против буржуазного национализма в татарской исторической литературе // Революционный Восток. Журнал научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1931, № 11-12. С.193-214.
 1213. **Хасанов Х.Х.** Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
 1214. **Хейфец А.Н.** Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М., 1959.
 1215. **Хейфец А.Н.** Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964.
 1216. **Хидоятов Г.А.** Моя родная история. Ташкент, 1990.
 1217. **Хитрово.** Европейская Турция. М., 1909.

1218. *Ходжаев Ф.* Басмачество. Ташкент, 1927.
1219. *Ходжаев Ф.* Джадиды // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926. С. 5-12.
1220. *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии. Ташкент, 1932.
1221. *Ходжаев Ф.* Материалы к истории революции в Бухаре. Самарканд – Ташкент, 1926.
1222. *Ходоров И.* Национальное размежевание в Средней Азии // Новый Восток, 1925, Кн.8-9. С.65-81.
1223. *Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма. Симферополь, 1996.
1224. *Худадов В.Н.* Современный Азербайджан // Новый Восток, 1923, кн.3. С.167-189; кн.4. С.162-185.
1225. *Хузангай А.П., Тафеев Г.И., Мухамметдинов Р.Ф.* Ассамблея Тюркских Народов: истоки и перспективы. Чебоксары, 1993.
1226. Художественная культура Советского Востока. М. -Ленинград, 1931.
1227. *Цаликов А.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культуры. М., 1913.
1228. *Цаликов А.* Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Казань, 1917.
1229. Цивилизации и культуры. Выпуск 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. Москва, 1994.
1230. *Чарыев М.Б.* Роль и место ислама в межнациональных отношениях. (На материалах республик Средней Азии). Москва, 1990.
1231. *Червоная Светлана.* Исмаил Гаспринский: "пантюркистская" идея в контексте поисков межнационального согласия // Татарстан, Казань, 1991, № 6. С. 54-64.
1232. *Червоная С.М.* "И. Гаспринский – выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист" // Этнографическое обозрение, 1992 № 1. С.158-165.
1233. *Червоная С.М.* Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского // Отечественная история, 1992, № 1. С.158-165.
1234. *Червоная С.М.* Ахмед-Заки Валиди, Джафер Сайдамет: две концепции национальной автономии // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность. (Первые валидовские чтения): Материалы международной научной конференции 22-24 сентября 1992, Уфа. С.34-27.
1235. *Червоная С.М.* Искусство татарского Крыма. Берлин-Москва, 1995. (*Tschergwonaja, Swetlana.* Die Kunst der tatarischen Krim. Hrsg. von *Barbara Kellner-Heinkele.* Berlin-Moskau, 1995).
1236. *Червоная С.М.* Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. 1994 – 1997 годы. (Крымскотатарское национальное движение, том 4). Москва, 1997.
1237. *Червоная С.М.* Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы. //Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. Ответственный редактор *В.А. Тишков.* М.: 1997. С. 145-182.
1238. *Червоная С.М.* Крымскотатарское национальное движение (1994 – 1996) //Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 101. М., 1997.

1239. **Червоная С.М.** Крым'97: Курултай против раскола // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 113. М., 1998.
1240. **Червоная Светлана.** Карачаево-балкарское искусство перед лицом национальных потрясений и трагедий далекого и близкого прошлого // Ас-Алан (Москва), 1998, № 1. С. 415-456.
1241. **Червоная Светлана.** Карачаево-балкарский мир Северного Кавказа: современная этнополитическая ситуация // Ас-Алан (Москва), 1999, № 1 (2). С. 7-144.
1242. **Червоная С.М.** Карачаево-Черкесия – 1999: выборы Главы Республики // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 129. М., 1999.
1243. **Червоная С.М. Червоная С.М. Червоная С.М.** Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. Под редакцией М.Н. Губогло. Москва, 1999.
1244. **Червоная С.М.** Тюркский мир юго-восточной Европы: Крым – Северный Кавказ. (Hrsg. von Barbara Kellner-Heinkele.). Берлин, 2000.
1245. **Червоная Светлана.** Татарский Крым в пламени Второй мировой войны // Ас-Алан (Москва), 2000, № 1 (3). С. 259-286.
1246. **Червоная Светлана.** Единство в языке, делах и вере: испытание временем. Симферополь, 2001.
1247. **Червоная С.М.** Современное искусство тюркских народов России в парадигме возрождающегося тюркизма // Пунинские чтения-2000. Санкт-Петербург, 2001. С. 177-186.
1248. **Червоная Светлана.** Возвращение пантюркизма? // Ас-Алан (Москва), 2001, № 1 (4). С. 280-324.
1249. **Червоная Светлана.** К итогам Международной конференции "Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока" // Ас-Алан (Москва), 2002, № 3 (8). С. 225-248.
1250. **Череванский В.Л.** Мир ислама и его пробуждение. Историческая монография. Санкт-Петербург, 1901. Ч.1-2.
1251. **Чобан-Задэ Бекир.** Религиозная реформа и культурный переворот. Акмечеть (Симферополь), 1927.
1252. **Чокай-оглы, Мустафа.** Туркестан под властью Советов. Paris, Yaş Turkestan, 1935.
1253. **Чомаев К.И.** Наказанный народ. Черкесск, 1993.
1254. **Чочиев Г.В.** Борьба политических партий в Турции (1980-1987 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1990.
1255. **Чубаров Рефат.** Фракция Курултая – полгода в парламенте // Авдет, 1994, № 21/112. С. 2.
1256. **Чумалов М.Ю.** Каспийская нефть и межнациональные отношения. М., 2000.
1257. **Шабает Д. В.** Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994.
1258. **Шайдаева Г.М.** Исламская мораль: иллюзии и реальность. Махачкала, 1990.
1259. **Шакибаев Сайерин.** Падение Большого Тюркистана. Алма-Ата, 1972.
1260. **Шаманов И.М.** Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник,

№ 5. М., 1972.

1261. **Шамсутдинов А.М.** Мустафа Кемаль Ататюрк (к 25-летию со дня смерти) // Краткие сообщения Института народов Азии, 1964. Вып. 77. С. 93-100.
1262. **Шамсутдинов А.М.** Национально-освободительная борьба в Турции 1918-1923 гг. М., 1966.
1263. **Шамсутдинов А.М.** Советско-турецкий договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г. // Краткие сообщения Института востоковедения, М., 1958. Вып. XXVI. С. 72-83.
1264. **Шамсутдинов А.М.** Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г. // Ученые записки Института Востоковедения, 1956, Вып. XIV. С. 163-196.
1265. **Шаповаленко О.В.** Молодежь Туркестана в революционном движении начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1990.
1266. **Шарипова Р.М.** Концепции "национального просвещения" в мусульманских странах. Соотношение ислама и секуляризации. М., 1991.
1267. **Шахинлер Менгер.** Кемализм: зарождение, влияние, актуальность (Перевод с французского). М., 1998.
1268. **Шахназаров О.Л.** Особенности развития молодежного движения в Турции (60-е – 70-е годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1981.
1269. **Шендрикова С.П.** Крымские татары в либеральном движении мусульманских народов России начала 20 века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Запорожье, 2002.
1270. Шесть дней. Белая книга. Нью-Йорк, 1980.
1271. Шестидесят шестая годовщина Крымской АССР. Демонстрации и митинги крымских татар. 1987 г. Под редакцией **Мустафы Джемилева**. Лондон, 1989.
1272. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама 1913, Т. II., выпуск 3. С. 131-151; выпуск 7. С. 431-461; выпуск 8. С. 514-555; выпуск 9. С. 581-595.
1273. **Шпилькова В.И.** Младотурецкая революция 1908-1909 гг. М., 1977.
1274. **Шпилькова В.И.** Обзор французской литературы о младотурецкой революции // Народы Азии и Африки, 1967, № 2. С. 159-171.
1275. **Шукуров Шариф.** Культура Ислама в свете проблем метафизики // Творчество, 1991, № 9.
1276. **Щербак А.М.** Сравнительная фонетика тюркских языков. Ленинград, 1978.
1277. **Эбубекиров С.** Музей И. Гаспринского в Бахчисарае // Крымский музей, 1994, № 1. С. 128-129.
1278. **Эбубекиров С.** Проблемы топонимики и история Крыма // Kasevet, 1995, № 1/24. С. 2-4.
1279. **Эсенов Р.М.** Крушение великого "Турана" (повесть, рассказы и очерки). М., 1979.

1280. Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Части 1-3. Омск, 1984.
1281. Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
1282. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. (Контурсы этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах). Составитель и отв. редакт. *М.Н. Губогло*. Т.1. М., 1992.
1283. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. (Башкирское национальное движение). Составит. и отв. редакт. *М.Н. Губогло*. Т.2. М., 1992.
1284. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. (Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах). Составитель и отв. ред. *М.Н. Губогло*. Т.3. - М.:РАН.ЦИМО. ИЭиА., 1993. - 341с.
1285. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 50. М., 1993.
1286. *Эфендиев*. Политические течения среди мусульман // Жизнь национальностей, 1919, № 33 (41).
1287. *Юзеев А.* Мировоззрение Ш. Марджани и арабо-мусульманская философия. Казань, 1992.
1288. *Юлдашбаев А.М.* Историк, вошедший в историю (политическая и научная деятельность профессора Стамбульского университета Ахметзаки Валиди Туган). Уфа, 1992.
1289. *Юлдашбаев Б.* История формирования Башкирской нации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Воронеж, 1970.
1290. *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирского народа. Уфа, 1972.
1291. *Юлдашбаев Б.Х.* Учредительный курултай как вершина башкирского национального движения в 1917 году // Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. (Башкирское национальное движение). Составит. и отв. ред. *М.Н. Губогло*. Т.2.-М., 1992. С.18-27.
1292. *Юнусов Ариф*. Посткоммунистический Азербайджан: проблемы и возможные пути развития // Мировая экономика и международные отношения, 1998, № 11. С. 100-111.
1293. *Юнусов Ариф*. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку, 2000.
1294. *Юст К.* Кемализм. (Письма из Турции) // Красная Новь, 1926, № 9. С.165-177.
1295. *Юст К.* Письма из Турции // Красная Новь, 1926, № 5. С.174-186.
1296. *Юсупов М.Х.* Содружество Марджани и Фейзханова при разработке проблем истории и общественной мысли // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. С.79-90.
1297. *Язбердиев А.* Книжное дело в Средней Азии и Туркменистане. Автореферат диссертации на соискание ученой степени

- доктора исторических наук. Ашгабат, 1993.
1298. Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Июнь 9-13, 1992, г. Казань. Москва, 1997.
1299. **Яковлев Н.** Проблемы национальной письменности восточных народов // Новый Восток, 1925, Кн.10-11. С.236-242.
1300. **Ямсков А.Н.** Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Политические исследования, 1991, № 2. С. 75-85.
1301. **Ярлыкапов А.А.** Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала, 1998.
1302. **Ярлыкапов А.А.** Ислам у степных ногайцев в XX веке (историко-этнографическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999.
1303. **Ярлыкапов А.А.** Ногайская степь: этнос и религия сегодня // Этнографическое обозрение, 1998, № 3. С. 89-98.
1304. **Ярлыкапов А.А.** Этнические стереотипы в исламе: "плохие" и "хорошие" мусульмане в Ногайской степи // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998. С. 58-67.
1305. **Ярков А.П.** Татары и Башкиры в Кыргызстане. Историко-культурный портрет. Бишкек, 1996.
1306. **Яхин А.Г.** Система татарского фольклора. Казань, 1984.

**«Если Я гореть не буду,
Если Ты гореть не будешь,
Если Мы гореть не будем,
Так Кто ж тогда рассеет тьму?»**

Nazım HİKMET

МОЙ ОЛЖАС

У Марины Цветаевой есть «Мой Пушкин», у Олжаса Сулейменова есть «Мой Чокан». У меня есть «Мой Олжас», который еще не облачен в нужные слова, в верные глаголы,

потому что:

«... Олжас – пожар, ограненный в алмаз»

Д. Накипов

Потому что:

*Олжас – «конь надежды, конь времени, конь судьбы,
он передними в небо стучит
сквозь тяжелую облачность низкую».*

А.Ткаченко: «Конь встает на дыбы», О. Сулейменову

Потому что:

*«... О нет, его не победили все лепеты лже-Лебедей,
все их жестокие уловки, вся их обманчивая статья,
всех недомолвок, кривотолков сверкающая пустота...».*

Руфь Тамарина: «Лебедь», Олжасу Сулейменову

Потому что:

*«... Враги наши купят свечку.
Враги наши купят свечку
и вставят ее в зоб себе!
Мы живы, Олжас. Мы вечно
будем в седле...».*

А. Вознесенский

Потому что:

*«... И, по дорогам жизненным кружась,
Не уступая чьей-то укоризне,
Люблю тебя, как эту жизнь, Олжас,
Всем истинным в себе и в этой жизни».*

Р. Казакова

Потому что:

*«Окон – нет. Крыши – нет. Нет стен.
Есть пустынная дорога. И степь.
Есть холодный стекленеющий простор...»*

*Все написанное раньше – снег стер.
С этим фактом Ты заранее смирись...
Белый-белый лист вокруг. Чистый лист.*

.....
*Он молчит. Молчит и участи ждет.
Ты шагни и напиши на нем слова ... ».*

Р. Рождественский

Потому что: *о творчестве ОЛЖАСА Сулейменова писать можно много, но объять нельзя.*

ТИМУР Сулейменов – Президент Союза дизайнеров Республики Казахстан, талантливейший Мастер, прекрасный Человек, близкий Друг Олжаса Омаровича, однофамилец, издатель юбилейного эксклюзива «Олжас Сулейменов» пишет в слове «От издателя»: *«Перед Вами сотканный миллионами нитей божественного вдохновения кусок Эпохи. Через творения и совесть, через душу и мир, через познание истин и открытия их миру творец Олжас создает эту Эпоху, в которой мы имеем честь жить. Потери и стыд нации до Олжасового Поклонения Земли Человеку, стало Совестью и началом новой эры сознания каждого из нас с обратной связью совести Человека перед своей Землей. В потери дороги на пути к истине мы ищем маяк, чтобы вектор истины по дороге Совести определился через добродетель, благословения и признания памяти и совести наших предков. Именно в этом Олжас, именно в этом для меня нет потери Олжаса. Со всей своей возможностью сделать то малое, чтобы мое почитание и признание было бы каплей в море признания гения, я и мои друзья делаем этот подарок. Я люблю тех людей, кто любит Олжаса и думаю, все читатели будут благодарны моим друзьям, создававшим это издание».*

Знамя, поднятое ЧОКАНОМ, подхватил ОЛЖАС. *«Он был гениальным писателем своего народа, если бы имел читательскую среду», - писал о Чокане Валиханове Потанин. «Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам... »,- писал Чокану Ф.М. Достоевский, не сочинявший свои «Киргизские мотивы», а настоятельно советовавший ему писать о своем народе. Олжас Сулейменов продолжает вслед за Чоканом Валихановым сводить в духовной общности Степь и Поле, и весь мир. Он предлагает нам формулу жизни: «Весь мир – одна мирная страна!».*

Я могу сказать лишь, что я под этим Знаменем. Плебею слова чувствую себя перед Патрищем Его. Ищу слова, чтобы облечь в них,

то, что за именем ОЛЖАС таится. Это нужно мне. Моему сыну. Моим братьям и сестрам. Их детям. Детям наших детей.

Нам хотелось бы в своих мыслях, поступках, в наших жизнях сохранить ОЛЖАСА гордым.

«...Раздумывая над историей русского слова, я вышел на формулу, на мой взгляд, полно выражающую философию будущего: **«ЛУЧШИЙ СПОСОБ УНИЧТОЖИТЬ ВРАГА – СДЕЛАТЬ ЕГО ДРУГОМ»**. Эта универсальная формула применима в любых масштабах – от частных до планетарного, как своего рода обобщения христианских, толстовско-гандийских учений о путях к миру».

О.Сулейменов «Сотвори себе друга», 1996

«...Этносы узнают друг друга благодаря встречам отдельных личностей. Дружба народов – понятие абстрактное и неточное без дружбы и взаимоуважения конкретных людей.

... Отложившиеся в учебниках отрывочные сведения о прошлом настояны на обидах и войнах. Но подлинная история – это летопись мира, сотрудничества, взаимозависимости народов издревле. Вот эту бы летопись восстановить!»

О.Сулейменов «Сотвори себе друга», 1996

В 1962 году в эссе «Ты - мой герой», опубликованном в журнале «ЖУЛДЫЗ» (Алма – Ата) Олжас Сулейменов писал:

«...Мне двадцать шесть лет. Имею диплом геолога-разведчика и литературную специальность. Подхожу к изучению истории как геолог и как поэт. В последние годы перерыл сотни исторических книг. Гонорары использую для работы в крупнейших библиотеках Советского Союза. Ищу то, что мне еще не дали мои отцы из Академии наук. И это исследование грех порицать: знаю прошлое России, Китая, Америки, Греции, Франции, Грузии, Ирака, но еще не знаю истории казахов. Эпоха кочевников не проявлена. Имею смелость заявить сейчас, что многие темные места в истории книжных народов необъяснимы без знания истории турков. Убежден, что когда-нибудь появится подлинная, реалистическая книга «Истинная история», в рождении которой, надеюсь, будем повинны и мы. Только поэты могут объяснить значение слов, созданных древними языковтворцами. Знание родной истории – необходимое условие развития интернационального сознания.

...Наше поколение кристаллизуется. В народе происходят реакции чести. Униженным недоступна радость. Поэты обязаны

поставлять в народ энергию для реакций чести. Так я формулирую задачу социального стиха.

Мое самое первое стихотворение:

*«В нашей степи если ночи,
так ночи –
самых белых не видно камней.
В нашей степи, если солнце захочет, –
черные камни станут светлей.
Если радость согреет сердце,
солнце тенью будет на ней ...».*

Таким я вижу моего героя. Я гляжу на него сквозь увеличительное стекло поэзии. Мой человек не усмехается, а хохочет, не морщится, а свирепеет, не шепчет жалобно – орет. Он постоянно поднимает себя, ибо Революция – непрекращающееся восстание, восстание, восстание с колен. В моем герое раскованность чувства и голод ума, который еще не стал памятью.

Мое поколение написано плачем и пламенем, и черты его возвышены за пределы. Еще долго не будет тихо, и сердцу звучать барабаном на площадях справедливости. Мое поколение – щетина на рябом лице земли. Мы торчим, мы неприглядны, мы черны от страсти и колючи. Бритва не дает нам посветлеть. Мы находим свой народ не только в истории, но и на заводе, в трамваях, на зимовках Муюнкумов. Он поможет своим писателям. Будь активным, мой народ.

Каждый, если он человек, должен хотя бы раз выиграть. Будь скромным в быту. Будь нескромным в боксе, в науке, в работе, в войне. Разве были скромными в бою за Родину наши Алия, Манишук, Баурджан! Если сохранишь своих поэтов гордыми, я скажу, что ты велик, мой народ, мой герой!»

В 1976 году в своем «ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ» Члену Политбюро ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК КП Казахстана Д.А.Кунаеву, Членам Бюро ЦК КП Казахстана есть следующие строки:

«... Мне исполнилось сорок лет. Наступило время оценки и серьезных решений. Какие бы чудовищные молвы обо мне не ходили, я считаю недостойным их опровергать. Но теперь я вынужден опротестовать те, что напрямую касаются моего мировоззрения и важных черт личности.

В прожитые годы у меня были минуты и часы, которых я стыжусь.

Но в этом откровенном письме товарищам по партии хочу заявить:

Как человек и мужчина горжусь тем, что всегда был честен в поступках своих; никогда ни при каких обстоятельствах не предавал ни убеждений, ни дела, которому клялся в верности; ни слова данного человеку.

Более всего я страдал, когда из-за меня страдали другие, невинные люди, и порукой тому единственная моя собственность – жизнь.

Пишу эти слова с полным осознанием того, что с течением времени они будут восприниматься как человеческий документ нечастного значения. И эта ответственность заставляет меня быть искренним, не стесняясь опасности непонимания...

С искренним уважением Ваш Олжас Сулейменов».

Эти строки из письма, отражающие эмоциональный мир Олжаса Сулейменова, отчетливо слышатся в его стихотворении, датированном 1980 годом.

Черный лебедь в белой стае
массе противопоставлен,
будто стаю созвал на митинг
и оправдывается: «Поймите,
дорогие мои сородичи,
не по умыслу злому черен!»
А в это время в стаде вороньем
слезно кается

белый ворон.

С точки зрения гения,
согласно его прозрению,
перекрасить всех –
разом решить все вопросы:
все лебеди –

воронье!

Все вороны –

альбиносы!

Но, согласно закону природы
(«в племени не без уроды»),
появятся в новых выводах
по выродку,
и в силу отчаянья

все –

сначала:

белый лебедь в черной стае,

черный ворон в белом стаде ...

Налей-ка, отче, синего чая:

Истину разоблачаю.

Истина всегда нелепа –

Алый ворон, желтый лебедь.

В 1989 году Олжас Сулейменов в Послесловии к 2-му изданию «Аз и Я» писал: *«С той поры (со времени написания «Открытого письма») прошло тринадцать лет, и нынешний август не сравнить с тем памятным для меня летом 1976 года, но уверенность в том, что когда-то приведется самому готовить второе издание «Аз и Я» не оставляла меня никогда.*

Но вместе с радостью – чувство горечи. Обидно, что эти 13 лет прошли для этимологии не так продуктивно, как могло быть [в «Открытом письме» О.С. писал о новом методе этимологии, выработанном им в процессе нескольких тысяч этимологий]: не появилась книга «1001 слово», не продолжился диалог.

Внося изменения в книгу и готовя ее к новой встрече с читателями, я невольно подумал: поэмы о любви кончаются свадьбой, но истинность чувства познается после, когда и ссоры, и драки, и слезы возможны.

Отношения этносов так же сложны и неоднозначны. Судьбы Евразии тысячи лет назад во многом зависели от взаимодействия и взаимозависимости тюрков и славян. Отношения славян и тюрков будут и в перспективе но нарастающей определять жизнь общества на шестой части земной тверди.

Не осознавая прошлое, заблудимся в настоящем, как Иваны и Ахметы, не помнящие родства друг с другом...»

Олжас Омарович Сулейменов, безусловно, «повиновен» и «будет повинен» в появлении реалистической книги Истории. Он более других ученых мужей - тюркологов и славистов, историков и литераторов - неизмеримо много делает, чтобы «Истинная история» появилась.

Его знаменитая «Аз и Я» буквально ворвалась в нашу жизнь. Она утешала нашу печаль. Она рождала мужество. Рост нашего сознания немыслим без освоения такой культурной ценности, какой является «Аз и Я». Функция этой книги могущественна и незаменима. И если на время представить себе, что эта функция выпала из исторического процесса, опыт одного человека ссыхается, подобно шагреновой коже, до границ его переулков, а опыт одного народа и культуры до границ его территории.

Разительно то, что дал своей эпохе автор «Аз и Я». Мышление Сулейменова – поэта, ученого и восприятие действительности нами,

читателями стали единством законов. Убежденность в жизненной необходимости написать «Аз и Я» для О.Сулейменова - глубочайшая основа всего предыдущего и последующего процесса, воздействия его творчества на читателя. Десятки и сотни произведений серыми остаются по простой причине: они не нужны самому писателю. В своей жизни такие писатели спокойно обошлись бы без них. Любой усредненный читатель чувствует такие произведения с первых же строк. С первых же строк, приступая к чтению нового произведения, читатель чувствует его ритм и определяет этим свое доверие к писателю. Сулейменову удастся находить такие речевые средства языка, которые сразу выдают его душевное состояние. Он никогда не сможет писать в угоду кому-либо. Сама ткань изложения книги была выдающейся.

МУРАТ АУЭЗОВ яснее других, писавших о ней, определил ее жанр: *«Жанр книги не поддается традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность ее можно поставить в пример многим академическим трудам, также как широкий кругозор и профессиональную компетентность ее создателя. В то же время это, безусловно, художественное произведение и по степени воздействия на чувства читателя оно не уступает место лучшим образцам «мыслящей поэзии», мастером которой О.Сулейменов признан давно и безоговорочно. Проблема соотношения поэтического и научного начал в мышлении поднимается в книге неоднократно, и мы вряд ли ошибемся, назвав протест против их категоричного противопоставления одним из главных внутренних импульсов, побудивших автора создать ее такой, какой она явилась в мир.*

...Затем изложить содержание книги была бы равносильна попытке, уместить горный поток в аквариуме. О.Сулейменов представлен в ней многолико и простое перечисление его проявлений потребовало бы множества специальных гнезд: в одном – славист, тюрколог, шумеролог; в другом – историк, лингвист, литературовед, философ; в третьем – этнограф, палеограф, знаток летописей; в четвертом – поэт, драматург, публицист; в особой графе – гражданин, общественный деятель и т.д. Объединенные в одной личности эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времен, воскрешая в памяти образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения.

Проницательно с большой любовью к великому «Слову о полку Игореве» прочитаны в книге «темные» места гениальной поэмы. Меня, как казаха, согревает обнаруженная и обоснованная Сулейменовым причастность тюркского языка XII века к созданию

шедевра русской литературы, неоспоримо подтверждающая его подлинную древность.

Но в большей мере восхищает осуществленное им восстановление первоизданной поэтики «Слова», в ряде мест подвергшейся стерилизации под пером позднейших переписчиков и толкователей поэмы. Очищенное от наслоений «Слово» предстает монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет ее центральная, как показывает Сулейменов, нравственная проблема: «свой – неправ». Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ, как частицу рода человеческого.

В скальных породах славистики Сулейменов добывает истину, круша на своем пути все, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма. Но вот его исконное тюрко-логическое русло выходит на простор безмятежных равнин отечественной тюркологии. Боевой пыл сменяется досадой, язвительный сарказм – горькой иронией, утверждение истины – просвещением. Тяжелый вздох слышится в признании: «Как хотелось бы начать статью о шумерско-тюркских контактах с этой страницы, спокойно, не растекаясь мыслию по грустной современности нашей, но, к сожалению, в тюркологии невозможно решить самый частный вопрос, пока хотя бы не поставлены проблемы самые общие». Еще всхливают гневные молнии в части «Шумер-наме», разя «сапожников» от тюркологии, «молящихся, как буддисты ноге Будды, в тесной колодке индоевропейского сапога», но в целом интонация в корне изменилась. В ней улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков

... Книге суждена большая биография. Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности – шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, «Слово о полку Игореве», в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Еще остаются борющиеся за свое утверждение национальные культуры и остается проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической «науки» превращающей обзор пройденного народами пути в источник

шовинизма и национализма, книга «Аз и Я», в самом названии которого заложено представление об единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжесепантизмом и лженаукой».

Статья МУРАТА АУЭЗОВА «ОСЕНЕННЫЙ ВЫДОХОМ ВЕЧНОСТИ – СЛОВОМ» была написана в 1976 году в атмосфере развернувшихся гонений на книгу «Аз и Я». «Опубликовать ее ни на казахском, ни на русском не удалось. Сейчас, по прошествии двадцати лет, соглашаюсь со всем, что в ней сказано», - предваряет М.Ауэзов эту статью, которая помещена в издании, опубликованном к 60-летию Олжаса Сулейменова (Издатель – АО КАЗДИЗАЙН, 1996).

В Интернете в наши дни можно найти очень много материала, касающегося творчества Олжаса Сулейменова. Все более возрастающий интерес к изучению тюркологии не мыслим без обращения к книге «Аз и Я».

Одним из многих исследователей этой книги был Федюнькин Евгений Дмитриевич (1940–1999 гг.) В 1965 году он закончил физический факультет Московского государственного университета. Работал в ОИЯИ. Круг интересов - прикладная и вычислительная математика, экспериментальная физика частиц, прикладное и системное программирование. Публицист. Поэт. Правозащитник. Со студенческих лет писал стихи. При жизни в местной прессе опубликована лишь малая часть. В публицистическом эссе «Склока о полку Игореве», в 1997-98 годах опубликованной в дубненской газете "Вести Дубны", Е.Д.Федюнькин представляет свое отношение к «Аз и Я», к «ученым», клеймившим О.Сулейменова и не брезговавших плагиатом. (Эссе Е.Д.Федюнькина печатается с сокращениями).

СКЛОКА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Эта детективная история началась в 1975 году. Главные действующие лица: Дмитрий Сергеевич Лихачёв - академик, славист, бывший узник Соловецких лагерей и Олжас Омарович Сулейменов - казахский поэт, пишущий на русском языке. Во второй половине 80-х годов демократическая пресса называла Дмитрия Сергеевича совестью нации, знаменем культурного обновления страны. Главный стержень, вокруг которого развёртывается интрига, - памятник древнерусской литературы XII века "Слово о полку Игореве" (СПИ - принятое в науке сокращение).

История интересна сама по себе, поскольку позволяет по-новому

взглянуть на "Слово" и переосмыслить образы, пришедшие к нам из глубины веков. Попутно выяснится, какие события происходят в нашей славистике, как они переплетаются с текущей политикой и влияют на судьбы страны. Мы узнаем, что нам предлагают в качестве совести нации.

Возникающие по ходу дела проблемы заставят нас исследовать процесс возникновения великорусской нации, рождения и гибели Российской империи. Мы задумаемся о национальной идее, о столкновении Востока и Запада, о глобальных законах, определяющих эволюцию этносов, о судьбе человеческой цивилизации.

КУРИЦЫ ТМУТОРОКАНИ

В 1975 г. выходит в свет книга О. Сулейменова "АЗ и Я" [1]. Название можно прочесть и как "АЗИЯ". Это не стихи. Первая половина книги - профессионально выполненное исследование СПИ, посвященное, в основном, анализу его "тёмных" мест, которых немало. Вероятно, нужно сказать несколько слов об истории СПИ.

Список "Слова" XVI века найден А.И. Мусиным-Пушкиным не позже 1792 г., издан в 1800 г. Сохранилась копия, сделанная для Екатерины II. Оригинал погиб в московском пожаре 1812 г. То, что до нас дошло, подверглось как минимум двойному копированию: неизвестный переписчик в XVI веке перенёс текст с пергамента на бумагу, в XVIII веке бумажный список был скопирован Мусиным-Пушкиным. Последний, кроме того, произвёл разбивку на слова, расставил знаки препинания и заглавные буквы (исходный текст был сплошным, без интервалов между словами). Переписчики, встречая незнакомые (вышедшие из употребления) слова, заменяли их сходными по написанию словами современного им языка - вот один из источников "тёмных" мест.

Язык иногда изменяется парадоксально. Слово *"вещь"* в древнерусском значило *"мудрость"* (отсюда - *"вещий"*). Слово *"трудь"*, вероятно, значило *"война"*, поэтому, когда автор "Слова" предлагает начать *"трудныхъ повестий о тьлукъ Игореве"*, он имеет в виду *"военные повести"*. *"Позорище"* значило *"зрелище, представление"*, *"рота"* - *"клятва"*, *"юнецъ"* - *"бычок"*, *"клюка"* - *"хитрость"*. Древнерусское *"ночь"* значило *"тьма"*, а *"гроза"* - *"ужас"*. То, что мы называем *"грозой"*, по-древнерусски звучало *"громъ"*. Юридический термин *"задница"* значил *"наследство"*. Пример из "Пространной правды": *"Аже смерд умреть, то задницу князю..."*

Орфография СПИ подверглась сознательной архаизации, вероятно, в XVI веке. Например, слова *"плькы"*, *"пръсты"*, *"алькъ"*

(читается "полкы", "персты", "волк") написаны по старославянским правилам. В XII веке уже писали "пѣлкы", "пѣрсты", "вѣлкѣ".

Наверное, вы со школьных времён помните Бояна, который *"растекашется мыслию по древу, серымъ вѣлком по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы"*. Странный образ, не правда ли? Вверху - орлом, внизу - волком, посредине - "мыслию". Параллелизм требует, чтобы посредине тоже было животное. "Мысь" по-древнерусски значит "белка, мышь". А что, если переписчик, не поняв слова, добавил "л"? Возникают ассоциации со скандинавской мифологией: мировое дерево Иггдрасиль, соединяющее небо и землю, по которому бегает белка Рататоск (Грызозуб), осуществляя обмен информации между "верхом" и "низом"... Вот какие проблемы возникают при изучении СПИ!

Ещё один герой, который нам потребуется, - тюрки - этнос, обитавший на огромном пространстве от северных границ Китая до Днепра, известный под именами хазар, печенегов, болгар, кипчаков (последних в Киевской Руси называли половцами, в Византии - куманами). Современные потомки тюрков: казахи, узбеки, татары, каракалпаки, башкиры, ногайцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки, турки и др. Уже в VIII веке тюрки имели собственную руническую письменность (орхон-енисейские надписи). Кипчаки были полуоседлым народом и составляли значительную часть населения таких среднеазиатских городов, как Сыгнак, Туркестан, Мерке, Тараз, Отрар. Отрарская библиотека считалась второй в мире после Александрийской. Кипчак из Отрара Аль-Фараби (870-950 гг.) - основатель арабской философии. Отрар сожжен дотла в 1219 г. Чингизханом. Потомки кипчакских рабов основали государство мамелюков в Египте.

Повлияли ли тюрки на язык "Слова"? Явные и скрытые тюркизмы в СПИ обнаруживали еще в прошлом веке. В 1946 г. появилась первая специальная работа на эту тему. Но во второй половине нашего столетия о тюркском влиянии как-то забыли... Почему? Об этом - ниже.

Изучением "Слова" занялся Олжас Сулейменов, человек, для которого родным является один из диалектов тюркского языка. Этот простой факт имел далеко идущие последствия. Есть в СПИ такое место: князь Всеслав *"изъ Киева дорискаше до куръ Тматороканя"*. Переводилось: "до куриц", "до первых петухов" и т.п. Сулейменов замечает, что "кура" по-тюркски значит "стена", от корня "кур" - "воздвигай" (отсюда - "курган"). Оказывается, "тёмное" место переводится просто: Всеслав "от Киева дорыскивал до стен Тматорокани"!

Странное прозвище в "Слове" у князя Всеволода - *"буйтур"*.

Переводилось как "дикий вол", "буйвол". По-тюркски *"буй-туре"* значит "высокий господин", т.е. "высокородный". Дальнейшая эволюция этого титула: батур, боотур, богатур, богатырь. Высокородного Всеволода переводчики превратили в дикую говядину!

Наверное, вы помните странный сон Святослава, в котором вообще непонятно, что происходит, и, в частности, *"сыпахуть митыщи тулы поганых тлъковинъ великий женчугъ на лоно и негують мя"*. Переводилось: "осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня". Но "колчаны" на древнерусском будет *"тулИ"*, а *"тулЫ"* по-тюркски значит "вдовы". Поэтому правильный перевод: "сыплют мне тощие вдовы поганых язычников крупный жемчуг на грудь и нежат меня". (Кстати, любопытный факт: слово "жемчуг" пришло к нам из Китая через кипчаков: *"йенчу"* - *"женчугъ"* - "жемчуг"). Сулейменов обнаруживает, что непонятное *"дебрь кисан"* по-тюркски значит "железные пути", а *"босуви врани"* - это *"босуврмане"*, т.е. "басурмане"! Во сне Святослава Олжас находит целую ФРАЗУ на тюркском языке. Открывается поразительный факт: Святославу снится, что его хоронят по тюркскому (тенгрианскому) похоронному обряду! Обряд воспроизведён с точностью до деталей.

Ниже читаем в СПИ: *"Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса Дивъ на землю. Се бо готьскыя красныя дѣвы въспеша на брезе синему морю..."* Последнее предложение переводится: "И вот готские красные девы запели на берегу синего моря..." Сулейменов разбивает текст на слова иначе: *"...уже врѣжеса Дивъ на землю (се бог отский). Красныя дѣвы въспеша..."* Слова в скобках значат "это (т.е. Див) — бог предков". Мусин-Пушкин не понял вставку (пояснение) переписчика XVI века (выделять пояснение скобками придумали позже), но он хорошо знал, кто такие Готы!

Вот ещё одно "тёмное" место из СПИ: *"Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицѣ взбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду"*. *"Въ мытѣхъ"* значит "в линьке". Но, когда птица линяет, она беспомощна! Сулейменов замечает, что в древнерусском цифры обозначались буквами с титлом. По-древнерусски 1, 2, 3 будет: **Ѡ, Ѣ, Ѥ** (глаголическая система). Вероятно, первоначальный текст выглядел так: *"Коли соколъ Ѥ мытей бываетъ..."* Знак "титло", который ставился над буквой, чтобы превратить её в цифру, часто терялся, не замечался переписчиками в полустёртом письме. И переписчик добавляет к букве "веди" недостающий ей твёрдый знак, заменяет *"мытей"* на *"мытѣхъ"* для грамматического согласования... С учётом

сказанного "тёмное" место нужно понимать так: "Коли сокол 3 линек бывает,..". (т.е. трижды перелинявший -- в расцвете лет). "Автором" ошибки, вероятно, является Мусин-Пушкин: в древнерусском предлог не отделялся от последующего слова (например, "смотря") и "ъ" после предлога не ставился. Если предлог оканчивался на "с" ("з"), а последующее слово начиналось с шипящего, то "с" вообще опускалось (фонетический приём письма)! Например, "без щитов" писалось "бещитовь".

Есть в "Слове" место прямо-таки апокалиптическое: посреди поля, усеянного трупами дружинников, стоит кровать, на которой недорезанный Изяслав сын Васильков занимается противоестественным сексом, выкрикивая заодно прощальные слова павшим! *"Изяславъ ... подѣ чрълєными щиты на кроваве траве притрепанѣ литовскими мечи. И схотию на кровать и рекъ: 'Дружину твою, княже, птиць крылы приде, а звери кровь полизаша.'"* Подчёркнутый текст переводится следующим образом: "И с любимцем на кровать, и сказал:.." ("Хоть" по-древнерусски значит "любимец".) Сулейменов изменяет разбивку текста на слова: *"...притрепанѣ литовскими мечи исхоти юна кров. А ты рек:.."* Теперь подчёркнутый текст переводится так: "...притрепанный литовскими мечами исходил юной кровью. А тот сказал:.."

[1] Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.

ПРОЧЕСТЬ ПОЛОВЕЦКОЕ СЛОВО

На 504 строки "Слова" приходится больше 40 только ЯВНЫХ тюркских терминов. Поразительно их разнообразие: имена личные, названия племён, рек, городов, титулы, бытовые понятия. Автор СПИ помнит, что за сто лет до него Олег "Гореславич", злой гений молодой Руси, именовался каганом. Для него родные тюркские слова ортома (покрывало), япончица (плащ), телега, хоругвь, сабля, чага (рабыня), кошей, болван и т.д. Он не поясняет их, поскольку для читателя они неотделимы от повседневной жизни. "Кошей", например, происходит от тюркского "кош" - "кочевье" или "кощици" - "кочевник". На одном из диалектов современного русского языка "кочевник" звучит как "кошевник". Неведомый нам киевлянин уже в XII веке простодушно нацарапал на стене Софии Киевской: "Спаси, господи, кагана нашего!" Кстати, порядок престолонаследия - удельно-лествичную систему Русь восприняла от печенегов.

В современном русском тюркизмами насыщены прежде всего южные, казачьи говоры. Вот еще несколько слов, вошедших в литературный язык: ура, айда, орда, бунчук, караул, есаул, улан, атаман, курень, колымага, лошадь, капище, ковёр, алебарда, облава, ватага, кумыс. Вероятно, тюркские истоки у слов: сан, боярин, пшено, ткань, письмо, полк, охота, булат, молот, рать, колчан, явь, сон. "Каз ак" по-тюркиски значит "гусь белый", т.е. "лебедь". Тюркское "еблек" значит "женитьба", от "ебле" - "женись" (буквально - "обзаведись домом"). Таково наследие, доставшееся нам от поганых язычников! Кстати, "поганый" и "язычник" происходят от тюркских слов "паган" - "пастух" и "йязык" - "степняк".

В 1093 г. половецкая хатунь (госпожа, женщина - *тюрск.*) впервые стала великой княгиней киевской, женой Святополка II. Её отец - знаменитый Тугоркан, чьё имя вошло в былины. Почти все Рюриковичи породнились с половецкой знатью, пример чему подал Мономах, женив сыновей на половецких царевнах. Основатель Москвы Юрий Долгорукий (сын Мономаха) приваживал к своему двору "лепших" ханов половецких из волго-яицких орд, что сидели на Волжско-каспийском торговом пути. Андрей Юрьевич Боголюбский по внешности и повадкам был скорее половец, чем русский. У Александра Невского (правнука Юрия) половецкой крови было больше, чем славянской. Святослав Ольгович Новгород-Северский был сыном одной половецкой хатунь (дочери Тугра-хана) и мужем другой (дочери хана Аепы). У князя Игоря из "Слова", следовательно, половчанками были бабка и мачеха! С половецкими невестами приходила почётная охрана на вечное поселение (сотни воинов с семьями). Они селились вокруг княжеских дворцов и становились одним из компонентов смешанного городского населения.

Традиционная формула призвания князя на киевский престол: *"Хочет тебя вся русская земля и все чёрные клобуки"*. Что такое "чёрные клобуки"? Калька (буквальный перевод) тюркского "кара-калиак". Племя чёрных клобуков - гвардия киевских князей. Они постоянно жили в Киеве и активно участвовали в политике государства. Постоянно жили на Руси и половецкие племена берендеев, торков, ковуев.

В 1155 г. берендеи, состоявшие на службе у Юрия Долгорукого, захватили в плен много степняков. Уцелевшие подошли к Киеву и просили Юрия, чтобы он приказал вернуть пленных. Долгорукий развел руками, ибо берендеи отказались: *"Мы умираем за русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь"*. История сохранила имена вождей берендеев: Дудар Стамазович, Каракоз Мирзоевич, Кораз Кокей.

На стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском рядом с ликами святителей и архангелов можно увидеть изображения половцев в высоких остроконечных шапках, с кольцами в ушах, подкрученными усами и бритыми подбородками.

Пятью годами ранее своего неудачного похода Игорь, *"има с собою половец, Коньчака и Кобяка"*, пытался выгнать из Киева Рюрика Ростиславича. Против Игоря и его половецкой родни (юная Кончаковна уже тогда была просватана за Владимира Игоревича) Рюрик вывел в бой чёрных клобуков. Столкнулись две половецкие орды, ведомые в междоусобной войне русскими князьями. Степняки в окованных медью лубяных наголовьях и плоских ближневосточных шлёмках, которые на Руси звали *"мисюрками"* (от арабского *"Миср"*, т.е. *"Египет"*), в лёгких кольчугах, с дальнобойными составными луками, покрыли холмы у Киева. Навстречу им безмолвно выдвигалась построенная сотнями чёрноклобуцкая конница. На головах лошадей поблескивали стальные налобники, всадники были *"в брони, яко в леду"*, боевые хоругви кренились над строем, змеились по ветру тройные узкие языки. Своих степных сородичей чёрные клобуки знали вдоль и поперёк, не раз бивали их малым числом да большим умением. Так вышло и на этот раз. Игорь едва успел впахнуть в ладью свата своего Кончака и уплыть с места проигранной битвы к себе на Черниговщину...

Так постепенно складывалась русско-половецкая интеграция. Половцы вошли в систему русских княжеств как постоянный фактор. Чем дальше шло время, тем прочнее становилось переплетение русско-половецких государственных и торгово-экономических интересов. Вот почему русские князья по зову степных союзников выступили на их защиту против монголов в трагическом 1223 г. на реке Калке, хотя могли этого и не делать. Половецкими воинами в этой битве руководили Котян-хан и Юрий Кончакович - сын того самого Кончака из *"Слова"*. Там же и сложил голову.

Половецкий племенной союз был своего рода посредником между Восточной Европой и Передней Азией, через него шёл обмен как политический, так и культурный. Половцы выглядели своими на Суздальщине и в долине Нила, воспринимая и разнося по Евразии ремесло, поверья, сказания. Сохранился поздний список древнерусского описания половецкого календаря, построенного по центральноазиатским образцам с 12-ричным циклом. Половцам обязана Русь восприятием отдельных частей иранского эпоса, в частности, Рустемиды. В *"Повести о Еруслане Лазаревиче"* сохранились персидские имена действующих лиц: сам Еруслан Лазаревич и есть Рустем, сын Заля, царь Киркоус - легендарный Кей Кавус.

Чем глубже я погружаюсь в прошлое, тем больше убеждаюсь, что

национализм - изобретение новейшего времени. Древние не знали этой скверны. В XII веке понятия "свой" и "чужой" лишены этнической окраски. Летописи называют своими не только русских, но и чёрных клобуков, торков, берендеев, ковуев. Погаными летописи называют врагов. Однажды этого титула удостоился и князь Игорь, напавший на Ростиславичей.

Единственное исключение, пожалуй, - иудеи, и понятно почему: этническая обособленность была заложена в религии. Христианство, возникшее в недрах иудаизма, разорвало рамки национальной ограниченности. Мудрость, накопленная веками иудейской истории, стала достоянием двух универсальных мировых религий. Любопытно, что жёсткая этническая ориентация иудаизма не помешала ему стать официальной религией правящей верхушки Хазарского каганата.

На основании "суммы информации" Олжас Сулейменов приходит к двум крамольным выводам: 1) в XII веке Киевская Русь была двуязычной, т.е. русские в большинстве своём знали ещё и половецкий язык; 2) начался процесс конвергенции двух народов, который был остановлен монгольским нашествием. Держал бы эти выводы при себе, так нет: он опубликовал их в своей книге!

Когда две разные культуры приходят в столкновение, то, либо одна из них поглощает другую, либо обе получают импульс к ускоренной эволюции. Результатом такой эволюции может быть синтез культур.

Историю половцев делят на четыре периода: 1) с середины XI в. до 20-х гг. XII в. - военная демократия, таборное кочевье, нет закрепления территорий за ордами; 2) с 20-х до 60-х гг. XII в. - политико-административное разделение территории, закрепление за ордами постоянных зимовок и пастбищ; 3) вторая половина XII в. - интенсивное общение с Русью, действуют объединения орд (например, Донецкое во главе с Кончаком); 4) с конца XII в. до 1223 г. - полукочевое хозяйство, прекращение самостоятельных походов на Русь, возникновение раннефеодального государства. Менее чем за 200 лет половцы "пробежали" от родового строя до феодализма! Начался процесс христианизации степняков, сначала он затронул аристократическую верхушку. В летописях упоминаются по крайней мере пять половцев с русскими (христианскими календарными) именами: Глеб Тирпеевич - 1183 г., Роман Кзич - 1185 г., Лавр (Овлур) - 1185 г., Данила Кобыкович - 1203 г., Юрий Кончакович - 1223 г. Трое из них - сыновья ханов: Кобыка, Гза и Кончака.

В то самое время, когда выплеснутые в восточную Европу кипчаки-кочевники "бежали" к феодализму, погружаясь в стихию древнерусской культуры, их оседлые соплеменники в Отраре,

Гургандже, Самарканде, Бухаре, Сыгнаке поднимались на вершины наук и искусств. В XI-XII вв. там формируется литературный язык, распространившийся в XIII-XIV вв. в низовьях Сырдарьи и по территории Золотой Орды. Восточные источники именуют этот язык тюркско-хорезмским.

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Главный специалист по Киевской Руси Б. Греков пишет во вступлении к капитальному труду [2], обобщившему материал, накопленный летописями: *"Источник, какой бы он ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет"*. Из 600 страниц монографии тюркам отведено 3, из них 2 посвящены конфликтам Византии с печенегами. Половцам отведено полстраницы. История послушно открывает только то, чего от неё ждут! Основная "тюркская" мысль автора: Русь часто воевала с кочевниками, иногда покупала или захватывала у них скот, но НИКОГДА не вступала в культурные контакты. Кочевник представлен в единственной ипостаси - варвар.

Российская империя в XIX веке все еще испытывала комплекс неполноценности, связанный с 200-летним татаро-монгольским игом. К тому же, в XIX веке произошло завоевание Туркестана. Официальная история на примерах бывшего подтверждала правоту самодержавного государства, не позволяя себе даже намёка на возможность иных взаимоотношений в прошлом народов метрополии и колоний. Эта система взглядов перешла по наследству в СССР. И в XX веке мы мстили тюркам за иго!

В статье А.И. Попова "Кипчаки и Русь" (1946 г.) читаем: *"Следует сразу же сказать, что воздействие половцев на русских было ничтожным. В соответствии с этим число половецких слов, попавших в русский язык, ничтожно... Это показывает слабость культурного влияния половцев на Русь, что, разумеется, является вполне естественным. Если хазарские и болгарские отношения со славянами не оставили почти никаких следов в славянских языках и фольклоре, то что могли оставить половцы!"*

В обыденном сознании сложился следующий стереотип: белокурые, голубоглазые (настоящие арийцы!) славяне, которым противостоят чёрные, узкоглазые, коварные степняки. Есть в "Повести временных лет" такой эпизод. Когда печенеги впервые пришли на Русь, Святослав был в отъезде. Княгиня Ольга заперлась в Киеве со своими внуками. Необходимо было передать сообщение русичам на другую сторону Днепра. *"И сказал один отрок: 'Я проберусь', и ответили ему:*

'Иди'. Он же вышел из города с уздечкой в руках и быстро пробирался сквозь ряды печенегов, спрашивая на их языке: 'Не видел ли кто коня?'. И его приняли за своего." Выходит, печенеги не отличили отрока от своих ни по речи, ни по внешности? Выходит, контакты с печенегами были ещё ДО их прихода на Русь!

Цензура царской России, к счастью, не преследовала цели тотального контроля сознания подданных. Востоковед В.В. Григорьев (1816-1881 гг.) публикует: *"Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в неё отовсюду. Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов"*. Через век выводы Григорьева были "опровергнуты" в инспирированной идеологическим отделом ЦК КПСС статье П.И. Иванова [3]. И тут же появились труды, воплощающие в жизнь "ценное указание" ЦК [4]...

Политику царской России относительно исторической науки можно было, если не оправдать, то понять. То, что началось в СССР, поражало своей иррациональностью. Зачем? Как это согласуется с официальной пропагандой дружбы народов? Тюрки - второй по численности этнос страны после славян. Ты мне друг, но твои предки - варвары и засранцы, а мои - благородные идалго! Зачем увеличивать социальное напряжение? Чтобы, воспользовавшись эксцессами, умножить ряды рабов Гулага? Ход времени распорядился так, что подавляющее большинство славян - православные, а подавляющее большинство тюрков - мусульмане, поэтому возрастала и межконфессиональная температура. На верхушке пирамиды власти отнюдь не заблуждались по поводу того, что "религиозные предрассудки полностью изжиты". НАМЕРЕННОСТЬ фальсификации истории была достаточно очевидна, по крайней мере для интеллигенции.

У "руля" встал Никита Хрущев, наступила "оттепель". В 1962 г. в свет выходит "История Хазар" [5], обобщившая почти всю мировую литературу по этой проблеме. В предисловии читаем: *"Хазары создали обширное государство, в течение длительного времени вели ожесточённую борьбу с арабами и остановили их продвижение на север. С их помощью Византия выстояла в схватке с арабским халифатом. Одного этого достаточно, чтобы обеспечить хазарам прочное место на страницах всемирной истории и истории нашей страны и привлечь к ним внимание исторической науки... Хазарское государство было первым, хотя и примитивным, феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной*

варварской основе... Хазария вместе с тем была первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при её выходе на историческую арену. Это исторический факт, который невозможно опровергнуть и который необходимо учитывать в полной мере для того, чтобы правильно понять ход исторического развития не только Руси, но и всей Восточной Европы. Три века существования не могли пройти бесследно..." В Заключении книги читаем резко диссонирующие слова: "От итильских хазар русы не взяли ничего!" "Ценное указание" ЦК продолжало действовать, пришлось пойти на компромисс с цензурой!

В 1899 г. востоковед Г. Потанин писал в книге "Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе": "Пренебрежение учёных к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимствований мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива... Было время, когда история средневековой литературы в Западной Европе не пользовалась славянскими памятниками, считая их малозначительными; теперь важность славянской письменности оценена: некоторые факты средневековой литературы освещены только при помощи славянских памятников. Может быть, такой же поворот нужно ожидать и в отношении к степному преданию". Но и через полвека славист В.А. Пархоменко вынужден статью "Следы половецкого эпоса в летописях" начинать словами: "Наши летописи не оставляют сомнения в тесных, близких связях, существовавших в XII веке между социальными верхушками Руси и половцев. Идея извечной, принципиальной борьбы Руси со Степью явно искусственного, надуманного происхождения". Еще через двадцать лет читаем у Ф.П. Сороколетова [6]: "Татаро-монгольское влияние на формы организации русского войска и методы ведения войны, как отмечалось многими военными историками, было ничтожно... Как тюркская военная организация и военная тактика не затронули основ русского войска, так и лексические заимствования из тюркских языков не оставили сколько-нибудь заметного следа в русской военной терминологии".

В 1990 г. выходит в свет "Археологический словарь" [7]. Из предисловия: "При подготовке русского издания краткие сведения по археологии СССР было решено несколько расширить и дополнить словарь новыми статьями". В словаре имеется, например, статья "Финно-угры", но отсутствует статья "Тюрки"!

Общепризнано, что СССР был формой существования Российской империи. Очень странной формой. Где-то на подсознательном уровне шёл процесс, подготавливающий развал империи. В глубине общественного сознания шевелилось нечто тёмное,

похожее на страсть к самоубийству и как-то связанное с "таинственной русской душой".

[2] Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1945.

[3] Иванов П.И. Об одной ошибочной концепции. "Правда", 25 дек. 1951.

[4] Рыбаков Б.А. Русь и Хазария. Сб.статей. М., 1952.

[5] Артамонов М.И. История Хазар. М., 1962.

[6] Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970.

[7] Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. "Прогресс", М., 1990.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СВЯТЫНЯ

В конце 1975 г. книга "АЗ и Я" случайно попала ко мне в руки и произвела впечатление силой аналитического мышления автора. Я попросил своих друзей в Казахстане купить её для меня. Они долго молчали, в 1976 г. пришел ответ: книга изъята из продажи, нераспроданный остаток тиража уничтожен. Персон, пытавшихся купить книгу, начинали сопровождать люди в штатском. (В 90-х годах я узнал, что в 1976 г. компетентные органы интересовались моим этническим происхождением!)

Заинтригованный, я стал читать научную литературу о "Слове" и занимаюсь этим, по мере возможности, до сих пор. Вот что я выяснил. Наука о "Слове" монополизирована Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым и его школой. Чужаков там не любят. Если таковые появляются, на них набрасываются скопом и рвут в куски. Покоробил уровень аргументации. Во многих случаях дело заканчивалось переходом на личность. Если снять академический флёр, это выглядело так: "Ты же ничего не смыслишь, куда прёшь со своим суконным рылом в наш калашный ряд!" В мои руки не попало НИ ОДНОГО издания "Слова", в котором бы в том или ином качестве не присутствовал Дмитрий Сергеевич - либо переводчик, либо автор предисловия, послесловия, комментариев, либо редактор.

Вот credo Дмитрия Сергеевича [8]: *"Нередко болезненное стремление к значительным выводам и 'открытиям' без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффектным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, - больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников... Выпуск в свет того или иного поверхностного исследования не просто*

бесполезен - ОН ВРЕДЕН". Очевидно, что такое credo предполагает наличие персоны, способной оценить степень "поверхностности" конкретного исследования, и такая персона - сам Д.С., кто же ещё?! Иначе говоря, постулируется право академика разрешать или запрещать публикацию чужих трудов.

Не правда ли, запахло недоброй памяти академиком Т.Д. Лысенко, сессией ВАСХНИЛ, единственно верной марксистско-ленинской наукой? Есть существенная разница. В отличие от "народного академика" Дмитрий Сергеевич - настоящий учёный. Достаточно прочесть его статью [9], посвященную влиянию переписчиков на язык "Слова". Работа изобилует тонкими замечаниями, нетривиальными выводами, устранены некоторые ошибки разбиения текста СПИ на слова. Беда в том, что в середине нашего века наука о "Слове" испытывала кризис идей: все исследования вертелись на карусели древнерусской филологии. Книга Сулейменова на этом фоне оказалась настоящим прорывом.

Покоробил меня и следующий факт: оказывается Дмитрий Сергеевич относится к категории "бонз"! Если вы имели дело с наукой, то знаете, что это такое. Есть такие маститые лидеры научных школ, называемые бонзами, на труды которых молодой учёный ОБЯЗАН ссылаться в любой своей работе. Естественно, что чаще всего эти ссылки "не по делу", они играют роль символа верности - нечто вроде целования басмы (оттиска ханской ступни) во времена ига.

В предыдущем разделе я слегка коснулся ситуации в стране: официальная историческая наука не признавала тюркского культурного влияния на Древнюю Русь. Таков был идеологический фон, на который "свалилась" книга О. Сулейменова с её крамольными открытиями.

Произошло то, чего и следовало ожидать: началась яростная критическая кампания в центральной прессе. В кампанию включаются доктор исторических наук А. Кузьмин [10], доктор Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов [11], Ю. Селезнёв [12] и др. 13 февраля 1976 г. происходит экзекуция в Академии наук СССР, публикуется её стенограмма [13]. Среди экзекуторов оказался и Дмитрий Сергеевич Лихачёв, который счёл необходимым выступить также в широкой печати [14]. В самой резкой, отнюдь не академической форме отвергнуты сулейменовские реконструкции текста СПИ. (Должен сказать, что с некоторыми реконструкциями я не согласен, но большинство из них, на мой взгляд, - бесспорны.) 17 июля 1976 г. появляется постановление Бюро ЦК КП Казахстана "О книге О. Сулейменова 'АЗ и Я'". Объявлены санкции против издательства и лиц, не проявивших бдительности. Автору приказано признать свои ошибки печатно. Я читал в алма-атинском журнале "Простор" покаяние

Сулейменова, как потом выяснилось - фальсифицированное. Сулейменова печатно уподобляют *"скотине, допущенной в русские древности"*, требуют *"защитить от пакостника русскую национальную святыню"*. Оказывается, Сулейменов - злостный националист, который проповедует ПАНТЮРКИЗМ. Главное слово сказано! Тем более что вторая половина книги "АЗ и Я" посвящена тюркско-шумерским лингвистическим соответствиям! Ух, куда замахнулся! Парадоксально, но оказывается, что Сулейменов еще занимается СИОНИЗМОМ и ПАНСЛАВИЗМОМ. Из родного Казахстана приходят письма, уличающие в том, что он *"продался русским за комсомольские премии"*!

Все-таки со времён царствования Иосифа I ситуация в стране изменилась. В защиту Сулейменова выступают литературовед академик А. Новиченко, тюрколог академик М. Нурмухамедова, писатели Ч. Айтматов, Э. Межелайтис, Р. Рождественский, бывший представитель СССР при ООН редактор журнала "Иностранная литература" профессор Н. Федоренко и др. Их отказываются печатать. Из письма, полученного О. Сулейменовым: *"Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло - куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким..Ваш Константин Симонов, 21 сентября 1975 г."*

Олжас на 13 лет лишён права на публикации. Руководил охотой, дирижировал погромом "серый кардинал", член Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Кто-то должен был навести Суслова на след Сулейменова. Кто? Кто мог быть заинтересован прежде других? Наиболее резкой критике в "АЗ и Я" подверглись работы двух академиков - Б.А. Рыбакова и Д.С. Лихачёва. Рыбакова я в стае не обнаружил (может быть, проглядел?), а вот Дмитрий Сергеевич... Конечно же, у меня нет никаких доказательств!

[8] Лихачёв Д.С. Текстология: На материале русской литературы X-XVII веков. Л., 1962, 1983.

[9] Лихачёв Д.С. История подготовки текста "Слова о полку Игореве" к печати в конце XVIII века. ТОДРЛ, т. XIII, М.-Л., 1957.

[10] Кузьмин А. Точка в круге, из которой вырастает репей. "Молодая гвардия" № 12, 1975.

[11] Дмитриев Л.А., Творогов О.В. "Слово о полку Игореве" в интерпретации О. Сулейменова. "Русская литература" № 1, 1976.

[12] Селезнёв Ю. Мифы и истины. "Москва" № 3, 1976.

[13] "Вопросы истории" № 9, 1976; "Вопросы языкознания" № 9, 1976.

[14] Лихачёв Д.С. Гипотезы тёмных мест "Слова о полку Игореве".
"Звезда" № 6, 1976.

ЗАТРАХАННЫЙ ИЗЯСЛАВ

Через посредство Шамиля Сайфулина в мои руки попал толстенный "кирпич" посвящённых "Слову" Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) [15]. Ответственный редактор этого сборника - Д.С. Лихачёв. На стр. 291-295 обнаруживаю статью В.А. Захарова "Что значит '...до курь Тматороканя' в 'Слове о полку Игореве'?". В статье повторяются аргументы Сулейменова, местами имеется текстуальное совпадение, делается тот же вывод: "*до курь*" значит "до стен"! Открываю рот от удивления, сравниваю даты публикации "АЗ и Я" и сборника. Сулейменов -- раньше. У Захарова ссылки на Сулейменова нет... 100%-ный плагиат! Ну, ладно. Обнаруживаю на стр. 285-290 статью Л.А. Дмитриева "Два замечания к тексту 'Слова о полку Игореве'". Во втором замечании (стр. 287), озаглавленном "*Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбываетъ*", снова повторяются аргументы Сулейменова и делается вывод: титул потеряли! Ссылки на Олжаса нет. Тоже плагиат! Открываю рот еще шире... Л.А. Дмитриев - ближайший сотрудник Д.С. Лихачева, член редколлегии сборника. Желаящие могут сравнить указанные выше артефакты со стр. 59, 38 "АЗ и Я". Может быть, проходимец-пантюкист подслушал разговоры учёных мужей и быстренько тиснул свою книжечку, пока те готовили академическое издание? Его бы публично четвертовали: учёные мужи этому обучены! В случайные совпадения я не верю. Остается одно: откровенный, наглый плагиат. Ну какое значение в научных кругах может иметь ПОПУЛЯРНАЯ книжечка, вышедшая в свет где-то на задворках империи? Её как бы и в природе нет!

Сказанным загадки не исчерпываются. После 1976 г. "открытия" учёных мужей напрочь исчезают из обращения. Их как бы и в природе не было! В издании "Слова" [16] (вступительная статья, подготовка древнерусского текста и перевод -- Д. Лихачёв, составление и комментарии - Л. Дмитриев) на стр. 73 читаем: "Всеслав-князь... из Киева дорыскивал до петухов Тматороканя". Там же, на стр. 68: "Когда сокол линяет, высоко птицъ възбывает:..." Что бы всё это значило?! Зато обнаруживается ЛИЧНЫЙ плагиат Дмитрия Сергеевича -- исчезла пресловутая "*кровать*", соответствующий текст теперь выглядит так (стр. 44): "...*притрепанъ литовскими мечи и с хотию на кров, а тьи рекъ:...*", т.е. ЧАСТИЧНО использовано разбиение О.

Сулейменова, естественно, без ссылок на автора! Перевод звучит так (стр. 74): "...прибит литовскими мечами на кровь со своим любимцем-песнетворцем, а тот изрек:..." Разумеется, "песнетворец" тут притянут за уши и является гораздо большим произволом, чем те "домыслы", в которых Лихачёв обвиняет Сулейменова. В лихачёвском переводе 1978 г. "песнетворца" ещё не было. Дмитрий Сергеевич, к сожалению, лишён поэтического слуха и поэтому не понимает, сколь противоестественны его реконструкции. Представьте себе, "прибитый на кровь песнетворец", дринькая на гусях, запекает... Картинка немногим лучше нарисованной В.И. Стеллецким [17] (стр. 44-45): "Изяслав сын Васильков... с милою на ложе молвил:..."

Как можно объяснить все эти пертурбации с сулейменовскими реконструкциями? Сначала решили "приватизировать", а потом от этой идеи отказались. Тем более, что затравленный Суловым пантюрист вряд ли уже когда-нибудь высунется. К тому же, нужно и о вечном позаботиться: а ну, как где-нибудь сохранился недорезанный экземпляр "АЗ и Я" - что потомки подумают? Нехорошо! Иного объяснения я не нахожу.

В 1978 г. выходит в свет сборник Д.С. Лихачёва [18], в который включена погромная статья, опубликованная ранее в "Звезде". После чего Сулейменов был табуирован: запрещено ЛЮБОЕ упоминание его имени - и в популярной, и в научной литературе. С ним нельзя дискутировать, его нельзя даже ругать! Нельзя использовать сулейменовские реконструкции - наука от них отказалась. Умеют у нас делать историю! Был человек и весь вышел. Умер. Точнее говоря, даже и не рождался! Кто такой Сулейменов? Впервые слышу! И тут же косяком пошли статьи о том, как вольготно живётся учёным, изучающим историю и языки народов СССР...

В январе 1986 г. "Вечерняя Москва" рассказала о единственном (!) в СССР специалисте по половецкому языку, сотруднике Института языкознания АН СССР Али Ахметовиче Чеченове. Заветная мечта Чеченова - побывать в Венеции. Оказывается там, в Библиотеке святого Марка, хранится главный "учебник" половецкого языка - CODEX CUMANICUS. В СССР не было копии Кодекса Куманикус!

В 1985 г. указанный выше сборник Лихачёва выходит вторым, "дополненным" изданием [19]. Из предисловия узнаём, что *"исключены полемические главы как потерявшие в настоящее время свой интерес для широкого читателя"*, в том числе - полемика с О. Сулейменовым. Вот что от неё осталось (стр. 333): *"Прежде всего, исследователь должен доказать, что, то или иное место действительно нуждается в исправлении и существующий текст никак не может быть принят. Переиначивать ясный и простой текст, исходя из собственных*

предвзятых представлений о памятнике, недопустимо принципиально. Одному захочется... Другому захочется... Третий соберётся *увеличить в «Слове» весомость своего этноса*". Но настырный казах продолжал присутствовать в книге как некое воплощение мирового зла, как тайный невидимый враг, которого необходимо уничтожить любой ценой. Уничтожить - не называя имени! Уж слишком убедительно выглядели достижения Сулейменова. Похоже, школа Лихачёва поставила себе целью разработать презентабельные, но не совпадающие с сулейменовскими реконструкции "тёмных" мест СПИ. В этом смысле любопытны добавленные в сборник статьи.

В статье *"Летописный свод Игоря Святославича и 'Слово о полку Игореве'"* стр. 170-172 посвящены пресловутым *"готским девам"*, которые поют на берегу синего моря и *"лелеют месть Шароканю"*. Поскольку никаких готлов в южнорусских источниках нет, Лихачёв считает, что речь идёт о жителях скандинавского острова Готланд. Но что им за дело до битвы, проигранной Игорем в 1185 г.? Отчего они так любят Шарукана (деда Кончака), разбитого русскими в 1106 г. (победа Кончака - месть за Шарукана)? Оказывается оттого, что Готланд в 1188 г. (!) поссорился с Новгородом Великим. Но почему же именно девы? *"Ответ на этот вопрос состоит, очевидно, в том, что в Древней Руси в хоровом пении участвовали только женщины и девицы по преимуществу."* На основании сказанного делается *"научный"* вывод о том, что *"создание «Слова» не может быть отнесено ко времени ранее 1188 г."*

Статья *"Тип княжеского певца по свидетельству 'Слова о полку Игореве'"* посвящена обоснованию *"любимца-песнетворца"*. Как это делается? *"Напомню только, что рядом с Бояном на основании одного места 'Слова' реконструируется существование и другого княжеского певца - Ходыны."* Далее: *"Я думаю, что есть основание заметить в 'Слове' существование ещё одного певца - 'хоть' (любимого певца)".* Далее: *"Если моя догадка, что 'хоть' Изяслава Васильовича-- это его княжеский певец, верна, то перед нами ещё одно свидетельство о существовании при княжеских дворах певцов и среди них певцов-любимцев: княжеских 'хотей', очевидно принимавших участие в походах своих князей и отлично знавших военное дело"*. Наверное, вы обратили внимание, что в обоих рассуждениях присутствует слово *"очевидно"*... По свидетельству Сулейменова *"ходына"* - то же самое, что *"хатунь"*, т.е. *"баба"*.

Через год появляется сборник [20], ответственный редактор - Д.С. Лихачёв, предисловие - Л.А. Дмитриев. Сборник замечателен во многих отношениях. Инферальному пантюркисту удалось-таки оказать положительное влияние на развитие науки о СПИ! Во-первых,

для дешифровки "тёмных" мест "Слова" привлечены (наконец!) данные других славянских языков - польского, чешского, болгарского. Известно, что Пушкин, собираясь издавать "Слово" (незадолго до дуэли), обложился словарями и грамматиками славянских языков. Во-вторых, поскольку для целей уничтожения тайного врага собственного интеллекта оказалось маловато, произведена гигантская работа по систематизации всех известных интерпретаций "тёмных" мест. Резюме так оказался сенсационным. Об этом - ниже.

Меня заинтересовала статья Р. Манна "Заметки к тексту 'Слова о полку Игореве'". Автор достаточно убедительно доказывает, что в XII веке слово *"трепати"* значило "ласкать". *"Притрепати мечами"* значит "приласкать мечами" - метафора! Автор пишет: "В 'Слове'... Святослав 'ласкает' врага своими мечами. Толкуя глагол 'притрепати' как 'бить', мы нивелируем метафору, искажаем поэтический текст. 'Бить' - это переносное значение глагола, вытекающее из контекста, а 'ласкать' -- основное значение". Р. Манн приводит пример из "Задонщины": *"Уже намъ, брате, в земли своей не бывати, а детей своих не видати, а катунъ своих не трепати..."* Г-н Манн смущается и не высказывается до конца: глагол *"трепати"* значил то самое, что на современном жаргоне выражается словом *"трахать"*! Комментируя эпизод с Изяславом на кровати, автор говорит: *"Умирующий Изяслав лежит на окровавленной траве, под щитами. Трава, кажется, выполняет роль постели, а щиты -- балдахина... Свадебные мотивы, которыми завершается изображение гибели Изяслава, заставляют думать, что метафора 'притрепати мечами' основана на свадебном обряде..."* Я позволю себе перевести этот эпизод, учитывая "новейшие" данные: **"Изяслав сын Васильков прозвонил своими острыми мечами по плёмам литовским, трахнул славу деда своего Всеслава, а сам под красными щитами на кровавой траве затрахал литовскими мечами, и — с любимцем на кровать, и сказал:..."** Не правда ли, **"кровать"** здесь - очень даже кстати?!

Покончив с Изяславом, Р. Манн приступает к следующему князю: *"Уже неоднократно в литературе о 'Слове' указывали на параллели между сном Святослава и свадебными песнями о сне невесты, сновившимся ей накануне свадьбы... В контексте других свадебных мотивов, пронизывающих 'Слово', кажется вероятным, что сон Святослава - эпическая переработка подобных свадебных песен Киевского периода. Скорбь, испытанная русским народом при гибели русских войск, изображена посредством печальных лирических мотивов, связанных с уходом невесты из родительского дома... Метафорическое изображение Святослава как невесты продолжается в 'золотом слове' великого князя".* Наверное, пора привлекать к

толкованию "Слова" представителей сексуальных меньшинств...

Вернемся к сенсации. Несомненно, наиболее значительная статья сборника - "Проблема критического текста «Слова о полку Игореве»" И.А. Мещерского и А.А. Бурыкина. Здесь собрано толкование многих "тёмных" мест "Слова" многими авторами (за исключением О. Сулейменова). На стр. 100 читаем: *"Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... на кроваве траве притрепанъ Литовскими мечи. И сходи ю на кровать, и рекъ"*. Последняя фраза лишена какого бы то ни было смысла. Ссылки на то, что кровать здесь - символ брачного ложа, часто связываемого в фольклоре со смертью, не заслуживают серьёзного внимания, так как подобная аллегория противоречила бы поэтике 'Слова'. Считаем необходимым принять исправления М.И. Маньковского, Н.К. Грунского и М.В. Щепкиной: *исходи юна кровь, а тый рекъ*, нашедшие положительную оценку Л.А. Булаховского. Это чтение в наибольшей степени соответствует смыслу всего контекста". Статья Булаховского опубликована в 1955 г. в № 18 украинского журнала "Радянське літературознавство". Выходит, в данном (и единственном) случае Олжас Сулейменов изобрёл велосипед! Но отчего же тогда разгорелся сыр бор?! Эта реконструкция была забыта. Дмитрий Сергеевич, вероятно, о ней просто не знал. И опубликована она в сборнике всего лишь потому, что, оказывается, первым её открыл не Сулейменов.

Насколько далеки мы от правильного понимания СПИ, показывает следующий пример. Известно мнение А.С. Пушкина о начале поэмы. Он отрицал вопросительное значение частицы "ли" в словах: *"Не лепо ли ны бяшетъ, братие..."* Пушкин говорит: *"Во-первых, рассмотрим смысл речи. По мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам Игоря по-старому? Начнём же петь по былинам сего времени (то есть по-новому) - а не по замыслению Боянову (т.е. не по-старому). Явное противуречие. Если же признаем, что частица 'ли' смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слоном печальную песнь об Игоре Святославиче; начать же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна"*.

С учетом новейших (?) данных, начало поэмы в прозаическом переводе выглядит так: *"Нелепо нам, братья, начинать песнь о походе Игоря, Игоря Святославича, старым слоном ратных повествований. Пусть начнётся эта песнь не по замыслам Бояна, а по былям нашего времени. Мудрый Боян, если хотел кому-нибудь песнь воспеть, стался белкой по Дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Говорил он, что помнит ушибы начальных времён..."*

- [15] "Слово о полку Игореве" и памятники древнерусской литературы. ТОДРЛ т. XXXI, "Наука", Л., 1976.
- [16] Слово о полку Игореве. ХЛ, М., 1985, 1987.
- [17] Хрестоматия по древнерусской литературе. Изд-ие 3-е, исправленное и дополненное. ВШ, М., 1986.
- [18] Лихачёв Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. ХЛ, Л., 1978.
- [19] Лихачёв Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Изд-е 2-е, дополненное. ХЛ, Л., 1985.
- [20] Исследования "Слова о полку Игореве". "Наука", Л., 1986.

НА ЗАДВОРКАХ ИМПЕРИИ

11 марта 1985 г. к власти пришёл М. Горбачёв. Первый указ нового генсека - об отмене повышенной платы за электроэнергию для учреждений Русской Православной Церкви. Пахло талым снегом и крахом марксизма-ленинизма. Грянула "перестройка". Заговорили об "ускорении". Клеймили "застой". Воскресли "мёртвые души" - "полочные" фильмы, в частности, "Покаяние". Начал "высовываться" Жванецкий. На телестудии "Останкино" организовали серию встреч с выдающимися деятелями. Однажды, переключая программы, я "наткнулся" на такую встречу...

Старый белоголовый человек рассказывал о том, как он сидел в Гулаге, о русской культуре, о её блистательных взлётах, о том, как её разрушили, о взорванных храмах, о безумии, в которое впал народ, о том, что всем нам нужно покаяться. У него была быстрая и точная - молодая мысль. Он сразу схватывал суть вопросов публики. Это был настоящий, неподдельный интеллигент. Я почувствовал к нему искреннюю симпатию и досмотрел встречу до конца.

В конце сообщили имя этого человека: Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Как, тот самый Лихачёв, которого я столько лет знаю заочно?! Соучастник последней охоты Михаила Суслова?! Загонщик "пантюркистов"?! Что же он сам не покается, а?..

Организуется Советский Фонд Культуры, Лихачёв - председатель. Как раз в это время генсек занимается перетряской кадров. Убирают казахского персека Кунаева, раскручивается ташкентское дело. И вдруг - кампания в печати, с требованием привлечь О. Сулейменова к ответственности за соучастие в постановке фильма о Кунаеве. Авторы статей - люди мне не известные. Почему быют именно по Сулейменову? Он что, один ставил этот фильм? Друзья из Казахстана сообщают: это Дмитрий Сергеевич руку приложил, и

действует он через Раису Горбачёву, своего заместителя по Фонду Культуры! Естественно, информацию такого рода проверить невозможно...

В 1989 г. дубненская "Демократическая Россия", в которой я состоял, поддерживала тесные контакты с Загорском (Сергиев Посад) — шла кампания по выборам на Съезд депутатов Союза, у нас был общий избирательный округ. Один тамошний активист заинтересовался моими изысканиями вокруг "Слова", взял для прочтения мои заметки. Он не поверил, что Дмитрий Сергеевич может быть столь разным, и, заручившись согласием автора, послал заметки Лихачёву с просьбой прокомментировать. Ответа от академика загорский житель не дождался...

...Мы не вполне понимаем, что наши азиатские республики были самыми настоящими колониями, причём именно во времена СССР. Они использовались как поставщики сырья. Хлопок стал национальным проклятием узбеков. Школьники и студенты до января не учились - убирали хлопок. Милицейские патрули останавливали машины на тракте Ташкент - Самарканд и заставляли пассажиров собрать определённое количество хлопка. Повсеместное применение пестицидов привело к массовому рождению уродов.

В начале 80-х годов, когда я был в командировке в Ташкенте, шла афганская война. В нашу компанию забрёл доцент местного университета. Он рассказал следующую историю. Как известно, почти весь офицерский состав Советской армии — славяне: Москва не доверяла азиатам. Но вот кто-то наверху решил, что в "ограниченном контингенте" маловато кадров из местных и это вредит его имиджу в Афгане. Срочно был организован набор выпускников школ в военные училища. Профессия считалась престижной. По всему Узбекистану прошли отборочные конкурсы, 96 самых-самых собрали в Ташкенте перед отправкой в Москву. Доцент, который курировал это мероприятие, выяснил огорчительный факт: НИКТО из абитуриентов не знал в каких единицах измеряется сила электрического тока. Об этом доцент (узбек) доложил русскому полковнику, руководителю мероприятия. Полковник, предварительно выяснив наименование единицы, заявил: "Это мы сейчас исправим!" Он выстроил абитуриентов на плацу и скомандовал: "Повторяй за мной: сила тока измеряется в амперах!"

Всё не так смешно, как кажется. По сути дела, мы законсервировали в азиатских республиках средневековье. Мне могут возразить, что в московских ВУЗах резервировались места для национальных кадров, что бюджеты азиатских академий и ВУЗов предусматривали средства для многолетних стажировок своих

подопечных в центральных научных учреждениях. Это было, но делалось (сознательно?) без учёта национальных особенностей.

Для того, чтобы чего-нибудь достигнуть в науке, нужно в какой-то момент решить: ВСЕ ДУРАКИ КРОМЕ МЕНЯ, т.е. отбросить любые авторитеты - вещь совершенно невозможная в Азии с её культом почитания старших. Старшими считаются не только старшие по возрасту, но и старшие по социальному статусу, по должности. Дело даже не в национальных особенностях, это -- культурный стереотип мусульманских наций.

Когда азиатский юноша попадал в московский ВУЗ, у него менялся менталитет. Если юноша оказывался талантлив, он стремился ЛЮБЫМ СПОСОБОМ остаться в России после окончания ВУЗа. Зачем ему возвращаться в родную республику и становиться мальчиком на побегушках при каком-нибудь уважаемом осле? А кто же возвращался? Известно, что наши российские "проходимцы от науки" (использующие науку для извлечения материальных благ) очень любили формировать команды из азиатского и кавказского контингента. Такой контингент отличался исполнительностью, обеспечивал высокое качество обслуживания шефа, дармовые экскурсии по экзотическим местам Союза. Талант подопечных не был той ценностью, которая привлекала внимание проходимцев, скорее наоборот. Расплачивались проходимцы за обслуживание диссертациями. Поскольку в России спроса на дутых кандидатов и докторов не было, они возвращались в родные пенаты, занимая высокие должности, соответственно учёному званию. Подобные механизмы действовали и в других областях жизни.

Вы спросите: откуда столько мест для дутых корифеев? Но тут действовал другой, изобретённый в Москве принцип: руководящие посты должны занимать представители титульной нации. За собой Москва резервировала небольшое число постов (союзная номенклатура), гарантирующих контроль над республикой (КГБ, армия, энергетика, мелниорация, объекты союзного подчинения и т.п.). Царская администрация действовала разумнее: выходцы из местного населения назначались на высокие должности только в том случае, если они были действительно образованны и безусловно талантливы.

Каков результат? "Глубинка" оставалась средневековой, жила, если не по законам, то по морали шариата, нещадно эксплуатировалась, с недоверием взидала на новшества, приходившие из России. Руководящие должности в учреждениях науки, культуры, технологии занимали ослы из титульной нации, которые хорошо умели только брать взятки. Смыслили в деле и производили реальные ценности (в указанных областях) почти исключительно "русскоязычные", высоких постов не имевшие. Таким образом, мы сами сформировали уродливые,

полуобразованные местные элиты, предоставили в их распоряжение отлаженный бюрократический механизм и белых рабов в виде "русскоязычных" для сложных областей деятельности. Получившаяся структура оказалась настолько удобной, что номенклатура начала её частичный импорт в собственно Россию.

Местные элиты, не удовлетворённые второстепенной ролью и зависимым положением в структуре Советской империи, со скрежетом зубным говорили о "старшем брате" и вполне созрели, чтобы отпасть от Москвы. Вот так мы сами подготовили гибель империи.

Хорошо устроенная империя стремится нивелировать культуру и уровни благосостояния на своих территориях - это предотвращает центробежные тенденции. В России разница между, скажем, Ригой и Кокандом была столь чудовищна, что её нельзя было ликвидировать и за сто лет. При царе это понимали и осторожно готовили "культурную революцию сверху". Петербург не вмешивался в отношения местных элит со своими народами, не навязывал этим народам "современных" форм жизни. Но элиты включались в состав российского дворянства, их дети учились в российских университетах. Участвуя "на равных" в жизни гигантской империи, элиты оставались разобщёнными -- на востоке не было крупных самоуправляемых территорий (кроме протекторатов Хива и Бухара). Совсем иная политика проводилась на западе, где Финляндия даже имела собственный парламент. Можно спорить, насколько справедлива и гуманна была стратегия царизма, но она работала на сохранение империи. С 1917 г. империю возглавили недоучки, которые решили, что, если есть сила, то ума не нужно.

Законсервировав феодальный уклад в восточных республиках, номенклатура сохранила тем самым их культурные комплексы. Мы можем только гадать, что важнее для мировой цивилизации - сохранение Российской империи или уникальных среднеазиатских культур. История иногда подбрасывает сногосшибательные шуточки...

2 сентября 1812 года Наполеон ждал на Поклонной горе ключи от Москвы. Его окружала мамелюкская охрана. На перстнях гвардейцев сверкала кипчакская тамга - две вертикальные черты. "*La voila donc cette fameuse ville!*" - воскликнул император, глядя на тонущий в дымке город ("Итак, вот он знаменитый город!"). В этот момент начался пожар в усадьбе Мусина-Пушкина. Превращался в пепел, сгустком белесоватой мглы взлетал в высокое равнодушное небо оригинал "Слова о полку Игореве"...

[22] Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. "Жалын", Алма-Ата, 1990.

.....
.....
Стержень культуры - язык. Контакт культур начинается с контакта языков. Вероятно, критический момент, определяющий судьбы контактирующих культур - ситуация двуязычия. По данным нейролингвистики языковой контакт осуществляется внутри каждого из двуязычных говорящих таким образом, что одно полушарие коры мозга (обычно левое) владеет родным языком, тогда как другое (обычно правое) владеет вторым языком; по каналам межполушарной связи идёт обмен языковыми формами. Ситуация достаточно шизофреническая: внутри человека сосуществуют две разноязычные личности. Если второй язык по тем или иным причинам престижный, ситуация усугубляется. Благополучное разрешение ситуации состоит в том, что формируется одна абстрактная языковая система, воспринимаемая как единое целое, несмотря на различие двух способов кодировки этой системы (двух языков). Система целиком погружается в левое полушарие.

Где-то в середине I-го тысячелетия по неизвестным причинам восточнославянская культура приобрела свойство агрессивности. Думаю, что это не был "*пассионарный взрыв*" в том смысле, в каком его понимал Л.Н. Гумилёв. При пассионарном взрыве этнос становится тривиально агрессивным - он начинает **ВООРУЖЁННОЙ СИЛОЙ** захватывать территории. Известно, что движение восточных славян на северо-восток Европы происходило, в основном, мирным способом. Может быть, суть дела в разрешении ситуации двуязычия? Может быть, абстрактная языковая система легко выстраивалась **НА ОСНОВЕ** восточнославянского языка? Под грохот телег переселенцев начался процесс взаимной ассимиляции племен, который привёл, в конечном итоге, к возникновению великорусской нации...

Конец I-го тысячелетия - эпоха массового появления городов на Руси, в основном, на перекрёстках торговых путей. Викинги называли Русь "*Гардарикой*", т.е. страной городов. Второй по значению после Киева город - Новгород Великий возник у истока реки Волхов из озера Ильмень, впервые упоминается "*Повестью временных лет*" под 859 г. Раскопки не обнаружили в Новгороде слов ранее X в. По археологическим данным часть городского населения составляли выходцы из Скандинавии (викинги). Считается, что, например, такие слова, как "*гридь*" (младший дружинник), "*тиунг*" (чиновник), "*вира*" (выкуп за убитого), пришли в древнерусский язык из Скандинавии.

ОТ ЧЁРНОГО ТИГРА ДО ЖЁЛТОЙ СВИНЬИ

В год Чёрного Тигра (1182 г.), за три лета до похода князя Игоря в Дикое Поле, на другом краю обитаемой ойкумены на курултай собрались 13 тысяч всадников. Чёрное солнце Бога Войны восходило над междуречьем Онона и Керулена. Темучин (Тэмуджин) из рода Борджигинов, зелёноглазый блондин со шрамом на шее, правнук Хабул-хана и сын Есугея, был избран ханом тэйчиутов. Он слушал хвалебный магтал, исподлобья оглядывая тех, кого скоро назовут гордым именем "монгол". Темучин впервые убил человека в возрасте 9 лет, этим человеком был его собственный брат. Из присяги, принесённой нойонами Темучину: *"Когда Темучин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жён, юрты, рабов и лучших лошадей. При облаве выделять тебе половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши чёрные головы по земле..."*

Двадцать с лишним лет понадобилось Темучину, чтобы разгромить и покорить окружающие племена: меркитов, кэрэитов, найманов, олхонутов, хунгиратов, джарджиратов и др. Мужчины покорённых племён включались в состав вооружённых сил орды. Слово *"орда"* (точнее -- *"орду"*) по-монгольски значит *"ставка хана"*. Борьба шла без правил. Темучин, например, захватил и казнил своего побратима Джамуху. Народ *"татар"* (по-китайски - *"тамань"*), живший южнее реки Керулен, разгромлен в 1198 г., потом -- в 1202 г. и, наконец, в 1204 г. полностью истреблён: казнены мужчины, женщины и дети -- за исключением тех, рост которых не превышал радиуса тележного колеса. Последние обращены в рабство. Так Темучин отомстил татарам, отравившим Есугея.

Шуточка Истории состоит в том, что имя истреблённого народа в будущем парадоксальным образом войдёт в этноним победителей: их станут называть *"татаро-монголами"*. Знаменитый деятель азиатского средневековья Рашид ад-Дин, служивший персидским чингизидам, писал: *"Многие роды находили величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому, как найманы, джалауры, онгуты, кэрэиты и другие племена, которые имели своё определённое имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было".* Аналогичная история произошла с современными поволжскими татарами: они - потомки болгар.

В год Красного Тигра (Улаан Бар) - в 1206 г. от Р.Х. на берегу Онона Темучин был поднят на белом войлоке и провозглашён Чингиз-ханом (владыкой вселенной). К этому моменту он имел сильнейшее в мире, самое мобильное войско, спаянное страхом и железной дисциплиной. Смертная казнь полагалась за малейшую провинность. Монголы использовали непривычные для Европы методы умерщвления людей, рассчитанные на устрашение. Они, например, ломали позвоночник, вскрывали у живого человека грудь и вырывали сердце. Чингиз впервые в мировой практике ввёл институт "*кешиктену*" - прообраз опричины, гестапо и КГБ. Именно он изобрёл заградительные отряды и смертную казнь за сдачу в плен.

Новая эпоха, потрясшая основы мирового порядка, началась с вторжения Чингиза в государство тангутов Си-Ся, расположенное западнее Китая. В год Жёлтой Змеи (1209 г.) монголы разгромили армию тангутов и осадили их столицу Чжунсин. Правитель Ань-цзоань избежал полной катастрофы, став данником Чингиза. Взор повелителя монголов упёрся в Великую китайскую стену. В Китае той поры на юге правила династия Сун, на севере - чжурчженская династия Цинь (золотая). Первый удар по войскам Цинь монголы нанесли в год Чёрной Обезьяны (1212 г.). В апреле 1214 г. они осадили имперскую столицу Чжунду (Яньцзин - современный Пекин). Над чёрной массой людей и коней вздымались девять тугов (хоругвей), воплощавших непреклонную СУЛЬДЭ (душу) Чингиза. Хуанди (император) бежал из столицы. Город взят и разграблен. Распахнулись ворота дворца Вечного спокойствия, сокровища хуанди потекли в Степь... Китай ещё не весь завоёван, но часть армии Чингиза двинулись дальше на запад. Государство кара-киданей, почти не сопротивляясь, пало. В год Жёлтого Зайца (1219 г.) орда, ведомая старшим сыном Чингиза Джучи и полководцем Субэдэем, вышла к реке Сейхун (Сыр-Дарья) и осадила Отрар... Государство хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда рассыпалось как картонный домик. Обогнув Каспий и всё круша на своём пути, орда вторглась в Закавказье. В год Чёрной Овцы - в лето 6731 от Сотворения Мира (1223 г.) Субэдэй, разгромив аланов, вырвался в половецкое Дикое Поле. Куранты Быстротечного Времени пробили час битвы на Калке...

В.Н.Татищев пересказывает русские летописи: *"Того же года приидоша языцы незнаеми, безбожнии агаряне, их же никто добре весть, кто суть, откуда изыдоша, и что язык их, коего племени и что вера их. Зовутся бо татаре, кланяются солнцу, и луне, и огню. Нецы зовутся таурмени, ини зовутся кумане, инии монги. А инии сказуют, яко мнози племены и народы от скиф восточных, совокупившиеся и други покорившие, заедино зовутся".* Азиатские кипчаки, состоявшие в

монгольском войске, и европейские кипчаки (половцы) убивали друг друга на пыльном просторе Дикого Поля... Субэдэй, по происхождению урянхаец, за почти пятидесятилетнюю военную карьеру не потерпел ни одного поражения. Русских и половецких князей, пленённых в битве при Калке, он приказал закатать в ковры. Над шевелящимися свёртками возвели деревянный настил. На этом настиле пировали победители, вслушиваясь в сладкую музыку - стоны и хрипы умирающих врагов.

Почему Субэдэй не пошел дальше? Почему повернул вспять - к блистательной столице Чингиза Каракоруму на Орхоне? По одной из версий, он получил известие, что здоровье "владыки вселенной" пошатнулось. Осенью года Красной Свиньи (1227 г.) 70-летний умирающий Чингиз услышал радостную новость: государство тангутов окончательно разгромлено. Место захоронения Чингиза неизвестно. Похоронная команда уничтожена. Над могилой прогнали табун коней. Говорят, что случилось это в родовом урочище "владыки вселенной" Делюн Болдог.

По завещанию Чингиза его империя разделена между сыновьями. Он приказал сыновьям и внукам завоевать мир -- не больше и не меньше. Из письма Гуюк-хана папе Иннокентию IV (осень 1247 г.): *"Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам"*.

В год Красного Петуха - в лето 6745 от Сотворения Мира (1237 г.) 150-тысячная орда вышла к берегам Волги. "Сокровенное сказание" (по китайски "Юань-чао би-ши") сообщает: *"Угедей отправил в поход Бату (Батыя), Бури, Монке и многих других царевичей в помощь Субэдэю, так как Субэдэй-Боотур встречал сильное сопротивление народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё Чингиз-ханом,.. за многоводными реками Адил (Итиль т.е. Волга) и Даях (Яик, т.е. Урал)... Вражеских же стран так много, и народ там свирепый"*. Курултай назначил старшим в походе внука Чингиза (сына Джучи) Батыя. Орда двигалась на запад, вбирая в себя воинов со всей Великой Степи, формируя из родов и племён конные десятки и сотни... "Сборник летописей" Рашида ад-Дина: *"Они дошли до города Булгара Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джикю, изъявили царевичам покорность, были одарены и вернулись обратно, потом опять возмущились. Вторично послали на них Субэдэй-Бахадура, пока он не захватил их"*. (Выше упоминается болгарский вождь "Баян". Имя легендарного певца "Боян" в "Слове о полку Игореве" не похоже на славянское. Вероятно, "Боян" -- тюркское имя?)

Ипатьевская летопись: *"Приидоша безбожные измашьтяне,*

прежде бившиеся с князьями русскими на Калке. Бысть первый приход их на землю Рязанскую". Батый потребовал: "От всего, из имате в земли вашей, от человек, скотов и товаров — десятое". Рязанский князь Юрий Ингоревиич собрал совет вассальных князей. Решили: "Лучше всем померети, нежели сором на ся прияти". Ответ послам орды: "Отцы и деды наша испоконь дани никому не вдаваша, а за свою землю и честь головы складаша. То же и мы. И одарив послы тии, отпустиша". Китайское "Сокровенное сказание" сообщает: "Когда дошли до города Е-лицзань (Рязань), то был большой бой, и город взяли только через семь дней". Это случилось 21 декабря. Город разграблен и сожжён. Рязанское княжество разорено...

В кровопролитной битве под Коломной погибли князь Роман Ингоревиич, воевода Еремей Глебовиич, младший сын Чингиза Кулькан... Следующей была Москва. Суздальская летопись сообщает: *"Взяша Москву татарове и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками,.. а люди избиша от старьца до сосущего младенца, а град и церькови святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения възмеша, отыидоша".* Здесь *"яша руками"* (*"взяли руками"*, захватили) княжича Владимира -- находившегося в Москве сына Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского.

Во вторник 3 февраля 1238 г. орда подступила к городу Владимиру. Князь Юрий ушёл к берегам Сити, оставив город на сыновей Всеволода и Мстислава. Татары привели княжича Владимира под стены города и предложили жителям сдаться. Владимирцы плакали, но ответили, что скорее умрут, чем сдадутся. Татары зарезали княжича. 8 февраля город взят штурмом. 12 февраля пала Суздаль.

Разграблены и сожжены Кострома, Вологда, Ярославль. 22 февраля начался штурм Торжка, 5 марта город взят, жители перебиты. Пришла очередь Твери, Волока, Дмитрова... Разорена вся северо-восточная Русь... Карамзин пишет: *"Уже Батый находился в 100 верстах от Новгорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу, но вдруг испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края -- к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад".* В конце марта орда подошла к Козельску и задержалась там, пытаясь взять город, до начала мая. После трёхдневного непрерывного штурма город пал. Новгородская 5-я летопись сообщает: *"Батый же взя городъ, изби вси и не пощаде от отрочатъ до сосущихъ млеко. О князи Васильи неведомо есть, и инии глаголаху, яко въ крови утонуть есть, понеже убо (очень) младъ быше есть, 12 летъ".* Сильно поредевшая орда ушла в половецкое Дикое Поле...

В год Жёлтой Свиньи (1239 г.) собрано свежее степное войско. Великий хан Угедей *"приказал храброму Субздею идти войной... на народ Кивамань (Киев)"*. Официальным главой сил вторжения назначен Батый. По пути в Киев Батый разорил богатейшую и густонаселённую Черниговско-Северскую землю. Уже во времена похода князя Игоря на половцев в ней числилось более 50 городов. От большинства из них остался *"только дым, и земля, и пепел"*. Орда *"оступиша град Чернигов в силе тяжце. Слышав же Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, нападение иноплемennых на град, прииде на нь (него) с вои (воинами) своими. И лют бе бой у Чернигова, оже и тараны на нь ставиша и меташе камением полтора перестрела, а камень яко можаху четыре мужа сильнии подыти его. Но побежден бысть Мстислав, и множество от вой его избиено бысть, и град взяша и запалиша огнем"*.

СУЕТА СУЕТ

Древнерусскую концепцию времени, представленную в главе 8, проще всего вообразить следующим способом. Возьмите в руки книгу, например, сборник биографий. Рождение конкретного человека расположено по тексту спереди, а смерть - сзади. Обыкновенная книга служит моделью древнерусской концепции времени! Не является ли источником концепции образ Книги Бытия?.. В книге нет и не может быть *"настоящего"*, роль промежутков времени играют пространственные промежутки. Книга (любое литературное произведение) принадлежит идеальному миру. Вероятно, мы должны говорить не о концепции ВРЕМЕНИ, а о концепции ВЕЧНОСТИ. Реальный мир расположен во ВРЕМЕНИ, идеальный мир - в ВЕЧНОСТИ...

Когда идёт речь о споре реального мира с идеальным, о споре человека с Богом, то это также спор ВРЕМЕНИ с ВЕЧНОСТЬЮ. ВРЕМЯ немислимо без *"настоящего"* - реализации будущего посредством его перетекания в прошлое. Существует два взгляда на соотношение между ВРЕМЕНЕМ и ВЕЧНОСТЬЮ. По одному из них, ВРЕМЯ, реализуясь в виде прошлого, становится ВЕЧНОСТЬЮ. По второму, ВРЕМЯ -- одна из возможных линейных развёрток ВЕЧНОСТИ. Похоже, Древняя Русь придерживалась второго взгляда...

Когда я упрекал Д.С. Лихачёва в искажении исторической истины, я отчётливо понимал, что вот это моё эссе тоже искажает истину. У меня всё вертится вокруг *"Слова о полку Игореве"* и судьбы России. Но мировая история НЕ вертелась вокруг указанных объектов. Я предъявляю разрозненные факты, малоизвестные или важные с МОЕЙ точки зрения. Разумеется, такой способ действия искажает лик

Мировой Истории. Любая попытка изобразить реальный мир средствами идеального мира искажает истину. Вероятно, именно этот факт имел в виду Ф.И. Тютчев, утверждая, что "мысль изреченная есть ложь". К сожалению, не существует иного способа фиксации ВРЕМЕНИ кроме как посредством его отражения в ВЕЧНОСТИ...

Агония "матери городов русских" и землетрясения в крысиных норах советской славистики в идеальном мире могут находиться совсем рядом...

Среди многообразных усилий по вколачиванию гвоздей в гроб сиониста-пантюркиста Сулейменова любопытны попытки таскать каштаны из огня чужими руками. В статье "Сторожу огонь" ("Литературная газета" за 20 авг. 1986 г., стр. 2) Д.С. Лихачёв сообщает: "О переводе 'Слова о полку Игореве' И. Шкляревского мне уже приходилось писать как об одном из лучших и точнейшем". В книге И. Шкляревского [23] на стр. 91 читаем: "В Киеве до петухов солнцу путь перейдёт в тумане, а чуть свет - он в Тмуторокани!" Как видите, и петухов сохранил, и нелепиду уничтожил, но... исказил текст "Слова"! Там же на стр. 88 читаем: "А не диво и старому помолодети, коли сокол птиц избивает, перья с неба роняет, - не даст гнезда своего в обиду". Проблема с линькой для ясности просто исключочна. Ничего себе "точнейший перевод"! Не найдя "подходящей реконструкции" на уровне древнерусского текста, Дмитрий Сергеевич решил, вероятно, найти таковую на уровне перевода!..

У Лихачёва и его школы появился новый смертельный враг: в "Новом мире" № 5-6 за 1984 г. опубликовано эссе А. Никитина "Испытание 'Словом...'", Против злодея объявлен крестовый поход. В сборнике 1986 г. [20] целых две статьи посвящены разоблачению козней нечестивого, действующего, вероятно, по наущению самого Сатаны!

Из статьи "Несостоявшееся открытие" (М.А. Робинсон, Л.И. Сазонова, стр. 198-219): "Суть статьи А. Никитина, который во вступительной заметке от редакции рекомендуется как 'историк и писатель', сводится к следующему. 'Слово о полку Игореве' в своих основных частях - произведение неоригинальное. Текст его, создававшийся как минимум в три этапа, заимствован из неких 'поэм' Бояна, которые были посвящены якобы описанию борьбы детей князя Святослава Ярославича со своими родными дядьями за наследство отца. Безымянный автор 'Слова' лишь приспособил 'текст' своего предшественника XI в. к сходной, по мнению А. Никитина, исторической ситуации XII в. В целом концепция А. Никитина антинаучна. Она основана на произвольной фантазии, внутренних противоречиях, сочетающихся с неосведомлённостью автора в

области древнерусской литературы, истории языка, палеографии, текстологии, собственно истории". В конце статьи - не подлежащий обжалованию приговор: "Сочетание в его (Никитина) работе научной некомпетенции с фантастическими представлениями создаёт видимость широких обобщений, что в итоге приводит к дискредитации в глазах широких кругов читателей и самого 'Слова о полку Игореве', и сложившейся вокруг него серьёзной и разносторонней науки".

Из статьи "Против дилетантизма в изучении 'Слова о полку Игореве'" (Д.С. Лихачёв, стр. 183-196) узнаем, что "на самом деле мы имеем дело с имитацией научных аргументов и не более", что Никитину нравится "всё охаивать и в то же время предаваться самодовольным рассказам о том, как он дошел до своих 'открытий'".

Аргументы А. Никитина мне тоже кажутся необидительными, но разве это оправдывает почти площадную брань Дмитрия Сергеевича со товарищи?! Думаю, что гипотеза Никитина имеет право на существование в ряду других. Будущее покажет...

С 1984 г. активизируются усилия по передаче монопольных прав на исследование "Слова" группе "жрецов", облечённых доверием партии и правительства. Похоже, монополию намеревались ввести посредством цензуры. Характерна в этом смысле статья [24] члена-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Необходимость отстаивания принципов "партийности, историзма (в его мировоззренческом и этическом аспектах), - пишет он, - вынуждает к критической оценке недостаточно теоретически зрелых и источниковедчески порочных разного рода дилетантских подделок отечественных любителей создавать своего рода 'творимые легенды'. Этот исторический романтизм, в свое время популярный в дворянской историографии России, к сожалению, довольно широко распространяется ныне, особенно в быстро растущем 'промежуточном жанре', который, помещаясь между художественной и научно-популярной литературами, компрометирует и ту, и другую..."

Давно уже уехал на лифте к дьяволу Михаил Суслов, но проклятие, наложенное им на О. Сулейменова продолжало действовать. (При похоронах Сусллова было использовано устройство для автоматического опускания гроба в могилу, действующее по принципу лифта.) В конце 80-х годов Олжас активно занялся политикой. Он создал и возглавил движения "Невада-Семипалатинск", и добился успеха: Семипалатинский ядерный полигон закрыт. Олжас стал заметной политической фигурой, депутатом Съезда СССР. Наконец, он смог преодолеть проклятие серого кардинала...

«Вести Дубны» 1998 год.

Читателями «Аз и Я» были не только ученые, филологи, историки, этнографы, но десятки тысяч простых читателей. Их было бесчисленное множество. В десятки и сотни раз больше, чем тираж книги, которую изъяли из продажи. Люди пересказывали книгу друг другу. Опуская непонятные лингвистические термины они читали взволнованные строки, наполненные желанием доказать и убедить в правоте своего дела. Сулейменовский ветер вдохновения «власы подымлет на челе» - так можно было определить наслаждение читателя. Найденное поэтом слово вызывали в читателе целый мир, тот, который и хотел автор. Это было время цепной реакции творческого счастья со-причастия читателя. Олжас Сулейменов, в те еще времена, учил нас, читателей, *счастью познания*, желанию жить осмысленно, а значит, достойно. Радиус воздействия «Аз и Я» создал невидимую и как бы неуловимую в смысле «точных» измерителей «температуру» эпохи. Дух «Аз и Я» сказывался во всем. В огромной своей массе народы СССР нуждались в том, что называется «жить осознанно». Особая и специфичная роль этой книги в сфере активности человека и в формировании его мировоззрения. Жизненной потребностью того поколения читателей, когда стала известна «Аз и Я» или, точнее, основного его живого ядра - было чтение литературы прогрессивной. Именно такой стала «Аз и Я» - функцию, которой велика. Сулейменов сдвинул сознание современников, сознание миллионов людей. Простой, многими и много раз проговариваемый вывод «нельзя жить по-старому» создался, может быть, в первую очередь, этой книгой.

«Книга благонамеренного читателя» - «АзиЯ», наряду с другими силами общественного развития, продолжает участвовать в образовании и развитии огромной силы – духа времени. Она играет огромную роль в формировании морального критерия эпохи, в суде над отмирающими явлениями в науке, в самой жизни. Она создавала понятие уровня и нормы, в столкновениях и спорах о больших и малых событиях, участвовала в образовании эпохи, ее зримых и незримых течений, формирующих исторический процесс. Повышение роли человеческого сознания было поставлено эпохой. Одним из первейших его УЧИТЕЛЕЙ был и остается ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ в «Аргмаках», «Глиняной книге», «Трансформации огня». За книгой «Аз и Я» появились: «Язык письма», «Тюрки в доисторию» ...

В газете «Известия» от 19 ноября 2002 г. журналист Олег Осетинский, в статье, которая называется «Все идет по плану режиссера Дьявола», пишет:

«...Проект «Стол Доверия»: открытые диспуты мусульман, атеистов и христиан по Всемирному ТВ за большим круглым столом, завещанным для этой цели великим японским скульптором.

Это – мой самый любимый выход. И вход – в новую, разумную Эру. Но с одним условием – ведущим «СТОЛА ДОВЕРИЯ» может быть только один человек – поэт, писатель и мудрец Олжас Сулейменов, автор великой книги «Как человек стал Хомо Сапиенсом»¹, нынешний Посол Казахстана в ЮНЕСКО.

Вот он – сможет всем все разъяснить. Примирить всех со всеми. И всех врагов – сделать друзьями. Дай Бог? Алла берса!»

В интервью, опубликованном в «Литературной газете» (15-21 января 2003 г. № 1) таджикский поэт Тимур Зулфикаров пишет, что у него *«есть притча, которая называется «Я жду Великого Хана». Она посвящается Олжасу Сулейменову, который слышит язык, на котором говорили Адам и Ева...».*

В настоящее время Олжас Омарович СУЛЕЙМЕНОВ – Посол, Постоянный Представитель Республики Казахстан при ЮНЕСКО, Председатель русскофонной группы Генеральной Конференции ЮНЕСКО.

Он продолжает творить КНИГУ «ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ»...

МЫ – КОЧЕВНИКИ

А.Вознесенскому

Это кажется мне:

Махамбет – как стрела в китайской стене,
головую – в кирпич,
а штаны с бахромой – оперенье,
Грозный мой Махамбет,
ты давно – персонаж в оперетте,
я тебе не завижусь,

не позавидуешь мне.

Ты не пытайся понять нашу странную речь,
вылезай из треклятой стены:
уже сделана брешь,
лезь в колчан библиотек –

¹ Так О.Осетинский называет книгу О.О.Сулейменова «Язык письма»

жить эпосом в царстве прозы,
исправляя метафорой мир,
выпрямляя вопросы.
Андрей! Мы с тобою кочевники,
нас разделяют пространства культур и эпох,
мы бродяжим по разным маршрутам,
как бог и религия.
Я хочу испытать своим знанием
веры великие,
о которых мой гордый рубака
и ведать не мог.
Я шепчу по-этрусски о будущем,
Ты расшифруй
крик и предназначение
в стены вонзаемых рун,
невегласам ученым доверь
истолкованный бред,
да мудреют они,
узнавая познания вред.
Я хожу по степи, не сгибаясь,
как указательный палец
(указательный палец сгибается только курком).
Это кажется мне: Аз и Я – Азия,
Ошибаюсь:
мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь в другом.

Маме

О чем этот поселок?
О любви.
О вечной жизни
 под просторным небом.
Неспешная закатность, позови
Меня в раздумья те, где еще не был.
Весенний грач?
 Или осенний гусь?
Мое крыло полмира отмахало
и в реку Лимпопо перо макало,
и в пряный ветер из цейлонских куш.
О чем эта дорога?
Если прав,

Будь с гордым горд:
он не отец пророка,
будь с робким робок:
он тебе не раб.
Я так и поступал, клянусь, дорога.
Не всем, кто ждал, помог,
но я не бог,
что в силах одинокого поэта?
На все вопросы не нашел
Ответа,
но людям я не лгал,
хотя и мог...

1985

ЧЕЧЕНСКИЙ КОТЁЛ

*Вблизи чеченского села Бамута найден
самый древний в мире котел.
(Из газет)*

- Вы знаете, где озеро Козуна?
- Не знаю. Где?
- Там, где парит орел.
Все правильно, все верно, все разумно -
киджал искали, а нашли котел.
Ребята – археологи копались
в земле села Бамута и нашли,
подчеркиваю, - не обломки палиц,
вайнаховский котел они нашли!
Когда-то в нем варилось мясо тура,
он гостя выделял в семье всегда,
он горд, когда он полный, и сутулый,
казан мой, перевернут он когда.
Но он дошел до нас неперевернутым,
он устоял, он полон был землей,
землей Чечни, как кости перемолотой,
горячей, выкипающей землей.
Холмы, холмы - о горы моей родины,
как опрокинутые казаны...

1967

«...Есть они, Чаттерджи,
в каждой стране,
в каждой волости —
сволочи.

Их не узнать по разрезу глаз,
по оттенку кожи:
может сиять, как якутский

алмаз,

быть на уголь похожим,
плешью блистать в ползала,
прямить и курчавить волос.
Все равно —
сволочь.

Он не дурак,
он, может быть, академик,
он служит вере не славы ради,

не из-за денег,

бывает, носит под мышкой

томики Ленина ...

Сволочь — не мелочь,
общественное явление.
Узнать их не просто:
их цвет отличительный —
серость.

Она растворяется в белом,
и в черном, и в желтом,
возносится серость бронзой,
блистает золотом,
в темных углах души
собирается серость, как сырость.

Белый стреляет в черного?
Серый стреляет.

Черный стреляет в белого?
Серый стреляет.

Серый взгляд
проникает в сердце,
пронзительный волчий.

Узнаю вас по взгляду,
серая раса –
сволочи.
Понимаю: пока
в этом самом цветном столетье
невозможны без вас
даже маленькие трагедии.
Невозможны без вас
Ни заботы мои,
Ни смех.
Невозможны без вас
И победы мои,
И смерть.
Вам обязан – атакой!
В свете полдня
и в холоде полночи

я иду,
мы идем вам навстречу,
серые сволочи, -
сквозь мгновения ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минута молчанья
стала временем
ваших прозрений.

.....». *Минута молчания на краю света.*
1968

О ЗАПРЕЩЕНИИ ИСПЫТАНИЙ

Страна,
ты прошла испытание Казахстаном.
Есть сегодня земля,
на которой крестам не расти.
Испытали Тараса.
И Федора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости.
Казахстан – это проводы,
провода колочая,
это было –

Саратов и Киев, и снова Саранск.

Это ссылки
на Маркса,
кочевья, театры и лучшие
коня, копи и домны,
Турксиб, просто сип. И жара.
Я бы мог появиться в горах
и не зваться казахом,
или жить в белой хатке,
коров по оврагам пасти.
Все равно –
привезли бы меня в Джекказган
вагонзаком.

Украина, прости,
о, ингуш, мою землю прости!
Казахстан, ты огромен –
пять Франций!
Без Лувров, Монмартров.

Уместились в тебе все Бастилии
грешных столиц.
Ты огромною каторгой
плавал на маленькой карте.
Мы – казахи на этой каторге родились.
Мы прошли испытание
дымом костров и копытами,
в переулках ночных – испытания горла ножом,
навсегда испытали
вербованными
чернозем,
радость радия
и тяготенье земное
испытано.

Вся земля в проводах, космодромах,
гектарах и станциях,
если дождь – это ливень,
а ветер –
так суховей,
своих все испытавших,
страна, назови казахстанцами
своих самых испытанных,
преданных сыновей.

Алатау.

И смеются у нас,
и земля, и трава мягка,
вольный Киев на станциях,
ай, балалайки Калуг,
ах, песчаный суглинок
качает, качает скалу:
ему тоже, песчаному,
хочется под лемеха.

Время настало.

и ты, Казахстан, не грусти.

Казахстан, если сможешь, прости.

да здравствует
запрещение испытаний!

(Стихотворение - отклик на запрещение открытых атомных испытаний на Семипалатинском полигоне. В октябре 1989 года первое советское антиядерное движение «Невада-Семипалатинск», созданное и возглавленное Олжасом Сулейменовым, навсегда остановило ядерные испытания под Семипалатинском и на Новой Земле. Это стало началом международного моратория, который продолжается и поныне.)

**Главному редактору журнала «Ас-Алан»
Билалу ЛАЙПАНОВУ**

«Ас-Алан» - скакун, мчащийся из доистории через историю в туманное завтра. В руках всадника то знамя Победы, то флаг тревоги клич сменяется вечным призывом к миру и объединению.

Далеко слышны нартские сказания, историко-героические песни, современные мотивы.

«Ас-Алан» - это голос предков и потомков во времени и пространстве. Это голос, борющихся за Мир, Свободу, Независимость – за ЖИЗНЬ!

В журнале выступают уважаемые мировым сообществом политики, писатели, правозащитники...

«Ас-Алан» - это издание для свободномыслящих людей.

Сочту за честь быть опубликованным в «Ас-Алане».

Желаю журналу дальнейших успехов

С уважением Александр ТКАЧЕНКО

ОТКАТ

Море снимается с якорей
и как стадо верблюдов становится многогорбым
вставая с коленей на волнах вздымает
танкеры и сухогрузы
теплоходы и катамараны уносит и уносит
все это к берегам
своей первобытности как выкуп за долгое отсутствие
у мраморных ступеней -
возьмите нефть и оружие лес и наркотики
рыбу в консервах
в плавках мужчин
женщин в купальниках
возьмите телевизоры и «Харлен»
пластинки и шмотки золото
и сигареты с фильтром
только пустите пустите домой -
незаметным заливом стану буду катать на спине
деток ваших черносливых и оливковых юношей
я - море а хочу быть хоть каплей на своей земле
хоть одну рыбешку носить в воде без отходов
и чтобы хотя бы один горожанин
бросил хотя бы один цветок мне
за это...

Александр Ткаченко – выдающийся русский поэт и известный правозащитник. В настоящее время А.Ткаченко – генеральный секретарь Русского Пен-Центра, член правления Международного Пен-Клуба

± я

Меж Европой и Азией
щель Босфора и тень муэдзина
и плывущий корабль – безобразие
на павлиньих хвостах из бензина

Чистота и бубонная оспа
гладкий конь и шершавый верблюд
и проливом нетронутый космос
здесь тебя создавали и вновь создают

И меж Мраморным морем и Черным
не подводная лодка а рыба
извиваясь в течениях, как четки
проскользит куда-либо...

ты двоишься, качаясь над водами
и в глазах мусульманства
византийская кротость.
И двугорбая боль постоянства

навевает пески и склоняет ветра.
Меж Европой и Азией
вырез крика по линии рта
по изломам пролива...

Вот и я со своею двойною
оказией
между двух абсолютных начал
между морем Эгейским и Черным
абсолютно расцвел, абсолютно зачах
от вопросов заведомо спорных.

ЧАСОВОЙ ПОЯС

Стрелка часовая встала
время ощущается как болевой синдром
как раскидало нас как разбросало –
я в третьем тысячелетии, ты во втором

так непомерно развело нам руки
самолет пролетит - не заденет,
армий сверкнут лошадиные крупы
и исчезнут отбросив потные тени

ты запрокинула голову я плечо отвел
в этой впадине тонет Титаник
а ведь было на трещинах губ
шиповник цвел
и птички сквозь поцелуи
не пробивались стаи

ТВОЯ ГЕНЕТИКА

Имеется ввиду что ты подлец
что ты рожден с виною генетической
как будто дел наделал в прошлом
позарез
с прицельностью оптической

хотя не ты стрелял не чистил ты
винчестеры
не ты водил мальчишек на Чечню
но чувствуешь такую стычку с честью
что каждую вину воспринимаешь как
свою.

И потому ты на крючке хотя ты чист
и отвечаешь за отца не своего порой
имеется ввиду что ты продал лучи
восточные на запад И съел пароль

Хотя стоишь меж сталиным и ельциным
рождения шестидесятого ни чем не
виноват

Но власть тебе грозит и ярлычек цены
одной рукой цепляет другой пытается
сорвать...

ПЛОЩАДНЫЕ СТИХИ

Господини Президент!
Мы мешаем Вам жить,
Мы мешаем Вам спать...
Мы гремим новостями
Или гласом народа,
Но не Вы нам свободу давали
И не Вам ее отбирать.

Господин Президент!
Александр Сергеевич,
он - из Питера,
Он восславил свободу,
Побойтесь хотя бы Пушкина.
Но что Вам Пушкин,
Если Вам осанну поют Михалковы?

Господин Президент!
Два гражданских министра
Ни звезды у них на погонах
Но в душе они - генералы...

Господин Президент!
Мы мешаем Вам жить,
Мы мешаем вам спать...
Я подарю вам огромный плеер
И большую кассету, много, много кассет
На которых записана тишина,
Мертвая тишина...
Это то, что Вы хотите
слушать в России
Господин Президент?

KARAÇAY TÜRKLERİNİN BÖRÜYLE (KURLA) İLGİLİ TÖRELERİ

Kurt (gizli adı Canlı) diğer Türk milletlerinde olduğu gibi Karaçay Türklerinde de önemli bir yer işgal ediyor. Kurt köpek cinsinden olmasına rağmen, köpek gibi insana itaat etmiyor, altın zincir ve gümüş yemlik yerine hüriyeti tercih ediyor. Kendisi acıksa da gönlü her zaman toktur. Karaçay Türkleri de Yüce Allah'tan başka kimseye itaat etmeden yaşamak istedikleri için asırlarca zorluklar çekmişler. Buna rağmen insan sayısı az olsa da sayısı çok olan milletler arasında eriyip kayıp olub gitmemiştir, yüksek dağlara tutunarak benliklerini, bağımsızlıklarını korumuştur. Avrupa'nın en yüksek dağı olan ELBRUS (Karaçayca Mingi Tau) dağın eteklerinde hala hayata devam ediyorlar. Karaçay Türklerinin Alan devletini ilk olarak Cengiz Han imha etmeye çalışmıştı. Ama Alan devletini yok eden Timur'lan olmuştur. Bunlar tarihte açıkça gösterilmiştir. Ama kader Karaçayları bundan sonra da denemeye devam etmiştir.

Bin sekiz yüz yirmi sekizinci yılın iki kasım tarihinde üç generalin yönetimi altında Rus Çarının Ordusu Karaçay topraklarına tecavüz etmiştir. Hasauka adlı bölgede gerçekleşen savaşta Karaçay erkeklerin büyük kısmı canını vermiştir. Böylece Karaçay feshedilmiştir. O tarihten bu yana yüz onbeş sene Karaçay Türkleri dillerini, dinlerini yok ederek assimile etmeye çalışmışlar. Ama yapamamışlar. Ruslar için onlara boyun eğmeyen, diz çökmeyen millet lazım değildi. Rusları ilgilendiren stratejik anlam taşıyan Karaçay'ın cennet gibi topraklarıydı. Bundan sonra 1943 (bin dokuz yüz kırk üç) yılını 2 kasım tarihinde Stalin'in rejimi Karaçay Türklerini zorla Orta Asya'ya sürgüne göndermiştir. Allah'a bin şükürler olsun 14 sene sonra Kruşevin döneminde Karaçaylılar yurtlarına geri dönebilmişler.

Bugün bile Karaçayları rahat bırakmıyorlar. Kurt milletler için, boyun eğmeyen milletler için her zaman hayat kolay değildir. 1940 (bin dokuz yüz kırk) yıllarında Kafkasya'dan ilk sürgüne gönderilen Karaçaylar olmuştur. Daha sonra Çeçen ve İnguş, sonrada malkarlar olmuştur.

Bin dokuz yüz doksan senelerinde İnguş milleti tekrar baskı altında kaldı. Bugün bile Ruslarla Çeçenler arasında savaş devam ediyor. Karaçay-Çerkez Cumhuriyetinde Karaçay Türklerine karşı pis oyunlar devam ediyor.

* *Gazeteci-Yazar. ("As-Alan " Derginin ve "Üyge İgilik" (Eve İyilik) Gazetin Baş Redaktörü Bilal Laypan(ov).)*

Kabartay-Malkar Cumhuriyetinde de Malkar Türkleri baskı altındadırlar. Ne on dokuzuncu asırda ne de yirminci asırda kurt halklar rahat olmamışlar. Yirmi birinci asrın ne getireceğini İnşallah göreceğiz. Şu anda bizim oluşturduğumuz yalnız kurtlardan bir birlik kurmalıyız. Kurt milletler birikmeden gerçek hayat, gerçek hürriyet, gerçek zafer olmayacaktır. Türk Dünyanın sembolü Bozkurt bizi sürekli birikmeye davet ediyor.

II

İslam dinini almadan önce Karaçay Türklerinde çocuk doğuracak olan hanımlar kurt dişini yanlarında taşımışlar. Bunun anlamı ise cesur erkek çocuğun doğmasını arzuladıklarından. Erkek çocuk doğduğunda ise beşigin dört köşesine dört kurt resmi koymuşlar. Bin dokuz yüz kırk senelerinde Orta Asya'ya sürgüne gitmeden önce Karaçay evlerde ahşap yatakların dört köşesine ahşaptan oyarak kurt simalarını yerleştirmişler. Bunları bugün bile Karaçay yaşlıları anlatıyorlar.

Bin dokuz yüz altmış senesinde yüz yirmi yaşında vefat eden Tambiy Cüsüb'ün anlattıkları bugüne kadar küçük oğlunda saklanmıştır. Onun anlattıklarına göre: "Eski dönemlerde büyük cesurluk yaparak, yurdunu koruyarak şehit olanları kurt şeklinde yapılan sedyede cenazeyi mezarlığa götürmüşler. O cenaze sedyesini bin dokuz yüz senesine kadar kullanmışlardı". Bugün bile dağlarda yaşlıların elinde elle tutulacak kısımları kurt kafası şeklinde yapılan bastonları görmek mümkündür.

Bin dokuzyüz kırk senesine kadar mahkemelik olan adamlara, şahitlere, gerçeği söylemeleri için ellerine kurdun kırığını tutturarak yemin ettirmişler.

Kendi gözlerimle gördüğüm şeyleri anlatayım. Birkaç sene önce bir gün köyde koyunlarımız otlaklardan dönmediler. Akrabalarımızla aradık ama bulamadık. Eve döndüğümde annem "Gidin kurdun ağzını bağlayıp gelin" diye beni dayıma gönderdi. Annemin kardeşi Noruy bıçağı kından çıkarıp ters çevirip bıçağı ve kım birbirine bağladı. Ne dua ettiğini bilmiyorum ama bu hareketleri yaparken dudakları bir şeyler fısıldıyordu. İki gün sonra koyunları bulduk. Koyunların bir çoğuna kurt burnuyla vurarak sakatlamıştı ama ağzını açamadığı için koyunlarda eksik yoktu. Annem beni "Git kurdun ağzını açtır" diyerek tekrar dayıma gönderdi. Noruy zavallı dua edip bağladığı bağı çözüp bıçağı kına yerleştirdi. "Böyle yapmazsam kurt ağzını açamayacak, açlıktan ölecektir. Günah" dedi. Ben büyüklerin bu yaptıkları konusunda ne düşünmek gerektiğini hala bilmiyorum. Hala hatırladıkça şaşırıyorum. Bu "kurt ağzını

bağlama", "kurt ağzını açma" törelerini hala Karaçay köylerde görmek mümkündür.

III

Karaçay-Malkar Türklerinin ünlü yazarları, şairleri olan Semen İsmay'ilin, Möçü Kyazım'ın, Kuli Kaysın'ın eserlerinde kurda (canlıya) çok değer verilmiştir. Karaçay masallarında ise kurdun yeri ayrıdır ve çok önemli yer alır. Kurtla ilgili efsaneler, şiirler karaçay folklorunda, edebiyatında çoktur. Bu kısa konuşmamın sonunda Bozkurda ithaf ettiğim şiirlerimi dile getirmek istiyorum. (Bu şiirleri Türkiye Türkçesine çeviren "Birleşik Kafkasya" dergisinin baş redaktörü Yılmaz Nevruz.)

KAZAK BÖRÜ (Yalnız kurt)

Uluyorum ben kazak börü,
Yapa yalnızım ben.
Kaplan yürekli azat nesil
Neredesin sen?

Dögüştüm ben kazak börü,
Yara izlerim çok,
görürsünüz.
Ümit sizdedir genç nesil,
Siz birlik olmayı bilirsiniz.

Ovadan dağa, dağdan ovaya
Koşarak indim, koşarak çıktım.
Huzur vermeden yaşadım yağıya,
Tek başıma nicesini yıktım.

Kendinden yapılan çividir
O sert ağaçları yaran.
Kendi itlerimizdir
Benim kalbimi ikiye ayıran.

Ben bir kere köye girdim
Gözlerimde şimşekler yanarak.
Zincirli kardeşlerimi gördüm,
Bana atıldılar havlayarak.

En cesur ite yaklaştım ben:
-Yazık boynundan takılıp
Böyle mi kalacaksın sen,
O mujik efendine tapınıp?

-Benim zincirim gümüşden
Başkalarınınniki de demirden
Altın zincirli olacağım
Kurtarırsam efendimi börüden.

Diye havladı, ürüdü, atıldı,
Ama zinciri bir yere takıldı.
"Altın!" diye salyaları saçıldı.
Ama kul olduğunu sezemedi

Efendisi çıktı evden,
İt beni gösterip söyledi:
-Silah at, ya da bırak beni,
Börüyü bitirelim diye, gürledi!

O kovaladı ben kaçtım,
Köy görünmez oldu uzakdan.
Sonra dönüp birden geriye
Aldım altına, tutup boğazından.

O yalvardı, yakardı:
-Kesme, dedi, sağ bırak beni.
Altın zincir senin olsun,
İt hayatına dön dedi.

Ben onu iyice daladım,
Sonra biraz duraladım.
Sürüyüp avlusuna götürdüm,
Bir acayıp şeyler gördüm:

İtlerle doluydu avlu.
Onlar Ak evin sahibinin
Ayaklarını yalıyordu,
Kuyruk sallayıp havlıyordu.

Her biri can atıyordu
Gümüş yalağa yaklaşmaya,
Gümüş zincirle koklaşmaya.
Başladılar dalaşmaya,
Altın zincir için yarışmaya.

Boğuşun bakalım, kim yıkarsa,
Gümüş zincire o bağlanacak.
Kazak börüyü kim haklarsa
Altın zincir de onun olacak.

Mücadele yine başladı:
Birbirlerini yolup dalaştılar,
Alt alta üst üste kaynaştılar,
İbretle seyredip durdum onları.

Dayanamayıp girdim araya:
Zincir altın gümüş de olsa
Ne fark eder sizin için.
Ona bağlanacak olduktan sonra.

Börü-it birlik olalım,
Uğraşalım, kurtulsun yurdumuz.
Azatlık için vuruşalım,
Yetsin artık kul olduğumuz!

Hemen itler birleřtiler:
Bu kan akıtmak istiyor,
Bizi kandırmayı dūřluyor.
Dalayalım kazak bōrüyū,
Devletin sađ gōzū olalım
Altın zincir, kemik alalım.

Hayır dedim! Ben kendimi
Dalattırarak deđilim size.
Bana satařan birinizi
Getirdim, ۆrnek alın kendinize!

Ben bađlanıp bōyūmedim.
Boynuma zincir deđmedi,
Bōrū kimseye bař eđmedi.

Ama siz itsiniz, kōlesiniz.
Ak evin sahibini yalayın,
Onun ayak yolunu saklayın.
Ben gidiyorum, yolum bařka.

Gittim ben azat bōrū.
Tasmalılar birsiniz hepiniz.
Ümit sizdedir genē nesil,
Siz birlik olabilirsiniz.

Uluyorum ben kazak bōrū,
Ahdım var Tanrıyla, gōklelerle.
Yerimiz az deđil, amma
Dar yōrekliler binlerle.

Özgürlüğü deđiřmem
Doyduđum yere, rahata.
Ölsem de bař eđmem
Yer yüzünde bir mujıđa!

Çok boğazı koparırım
Keskin dişlerim düşene kadar.
Her zorluğa katlanırım
Genç nesil yetişene kadar.

Ona sıkılan kurşuna
Göğüsümü siper ederim.
Özgürlüğün, azatlığın
Timsali olup giderim.

Tanrısını unutan varsa,
Yüzülecek onun derisi,
Diyorum. Mingitau'un tepesinden
Ben, Alanyurt'un börüsü.

Sahte padişahlan, hainleri
Malkar'dan, Karaçay'dan kovarız.
Biz Alan isek, Adam isek
Alan devletimizi yine kurarız.

Karaçay-Malkar Türklerinin tarihini içeren "As-Alan" dergisini
sizlere hediye ediyorum.

Türk Dünyasının birleşmesinde düzenlenen bu tür kurultayların
anlamı çok olduğunu anlıyor ve bu kurultayı düzenleyenlere, bu işte emek
sarfedenlere kalpten, bütün içtenliğimle teşekkür ederim. Sağ olun.

*Uluslararası Türk Dünyası Halk Edebiyatı Kurultayı: Bildiriler, 26-28
Mayıs 2000 = Symposium on the Turkish (Turkic) World's folk Literature :
Papers / - Ankara: Kültür Bakanlığı, 2002; ISBN 975-17-3060-0;
Bilal Laypanov. KARAÇAY TÜRKLERİNİN BÖRÜYLE (KURLA)
İLGİLİ TÖRELERİ (525-531s.)*

Ахыры болмазлыкъ ахыр Китабымы аты:

КЁК-ДЖЕР ХАКЪ-ХАЛКЪ АНГЫЛАТМА СЁЗЛЮК

«КЁК-ДЖЕР СЁЗЛЮК»ню АЧХАН СЁЗ

Бу назму тюлдю – тилекди,
Ана тилимде айтылгъан, джазылгъан.
Бу шийир тюлдю – джорекди,
Хакъ кертите ийнангъан, таянгъан.
Ана тилими дуа этиб, назму этиб,
Ауругъан халкъыма тюкюреме.
Ибилисни-шайтанны-зулмуну-терсликни уа –
Бизни тоноучу-тутуучу-сюрюучу-кырыучу джорукъну –
Къара бетине тюкюреме.

Рахман эм Рахим болгъан Аллахны аты бла
Ибилис къралны ауузун байлайма.
Аллах айтханча джашагъан адамны, халкъны
эмда

Билмей джангылгъан, аджашхан адамны, халкъны
Шайтанны ууундан къоруулайма.

Мурдар къралны ауузун байлайма,
Ит джаныуарны ауузун байлагъанча.
Джихад джолну сыйлайма, сайлайма
Ёмюрлюк насыбны сайлагъанча.

Кюрешеме ол Кертн Джолну
Къоймазгъа тас этиб, аджашдырыб.

Келечи болмасам да кюрешеме
Кёк-Джер Хакъ-Халкъ Сёзлюкню джарашдырыб.

Ол Кёк-Джер Хакъ-Халкъ Сёзлюк ючюн,
Аллах буюргъан Эркинлик, Тюзлюк ючюн,
Тюз болургъа кюреше дунягъа, ахыратха,
Къатышама кёб торлю къазауатха.

...Кёк-Джер Хакъ-Халкъ Сёзлюкню бир кесегин джаздым:
Халкъыма, сууаб базманыма да джарар деб, баздым.

Ол Ёлюмсюз ёмюрлюк Сёзлюкню
Боллукъ тюлдю аягъы, ахыры –
Ахырзаманнга дерн иш барды бизни къауумгъа:
Ас-саламу гъалейкум, Къаара халкъым, Акъ Халкъым!

САУ КЕЛ, САУ КЪАЛ

Аллах айтыб, Аллах буюруб,
Минги Тауну башына чыгыб, андан
Бютеу дунягъа бир азан кычырсам,
Шайтанны, джорекден да, Джерден да кычырсам,
Халкъымы, Джуртуму налатдан кютхарсам,
Дунямы, дуняны налатдан кютхарсам,

Мёлекле да кьонуучу Минги Таууму
Чыммакъ кьарларына джашил намазлыгъымы джайыб.
Бир намаз кьылсам,
Дуа этсем, Къуран окъусам,
Адамны адамлыкъгъа-муслиманлыкъгъа чакъырсам,
«Кесими, Халкъымы да тюз джолгъа сал» деб, Аллахха джалбарсам,

Сора, Мен – Минги таулу –
 Минги Тауума кѳшулуб кѳалсам,
 Аны бузу, кѳары болуб кѳалсам,
 Аны бузу, кѳары кебиним болуб кѳалса,
 Джашил намазлыгѳым да байракѳ кибик турса,
 Акѳ уллулукѳ джашил нюрде турса,
 Бери зияратха чѳыкѳган шѳыйѳкланы да
 тилеклерин, зикирлерин эшите турсам,
 Минги Таугѳа кѳоннган малаиклени да сезе турсам, -

Нечик насыблы боллукъ эдим Мен,
Джерден айырылмагъанлай Кёде турлукъ эдим Мен...
Алай а бир таууш чыгъады (Джерденми? Кёкденми? Джорекденми?):
Сау кел, Сау къал.

Бир кыанатлы учады:
Бир кыанаты - сау кел, бир кыанаты – сау кыал
(Эки дуняаны да кёрюнюую-белгиен болурму ол?
Тёнгегимден айырылгъан джаным болурму ол?)

«Джангы дуниям сау кел,
Эски дуниям сау кьал», -
Дейме Мен да –

Джер адамы, Тейри адамы Лайпанланы Билал

**Когда эшелоны с депортированными народами
шли на восток...**

2 ноября 1943 года сталинским режимом был совершен преступный акт поголовной депортации карачаевского народа, который обернулся гибелью десятков тысяч людей, прежде всего детей, не выдержавших мук голода, жажды, скотской перевозки, болезней, каторжных условий жизни в новых местах. 8 марта 1944 года та же участь постигла другую часть единого карачаево-балкарского народа – балкарцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АССР, выданных руководством этой республики (при поддержке "наиболее сознательной части" соседнего народа – субъекта той же автономии) на растерзание сталинским сатрапам. Далее последовала национальная трагедия крымских татар – 18 мая 1944 года, одна из самых черных дат в истории тюркского мира середины 20 столетия, означавшая начало приведения в исполнение приговора над самым крупным в ряду репрессированных, в четверть миллиона человек, народом – наследником великой культуры Крымского ханства, обреченным на моральное и физическое уничтожение.

Мы хорошо знаем эти страшные даты, как и другие, следовавшие с чудовищной, железной ритмикой и нарастающей трагической масштабностью события, определившие судьбу десятков репрессированных народов бывшего Советского Союза.

Однако в этой, уже давно известной всему миру, да никогда и не забываемой самими пострадавшими народами истории есть одна тайная страница, никогда не освещавшаяся ни отечественной, ни зарубежной исторической наукой, остававшаяся в секретных, до сих пор не распечатанных хранилищах наших государственных архивов недоступной исследователям, работавшим в нашей стране, или выпадавшей из поля внимания тех европейских и американских политиков и ученых, которым эта "страница", может быть, и попадалась на глаза, но была ими холодно игнорирована...

Речь идет о правозащитной деятельности тех представителей "угнетенных Россией народов" (как сами они называли членов своего объединения – своей Лиги), которые оказались в эмиграции и активизировали свою деятельность после Второй мировой войны.

Надо сказать, что о предшествующем периоде, о деятелях и центрах национальной (состоящей из представителей народов бывшей Российской империи) политической эмиграции, формировавшейся на исходе гражданской войны, действовавшей, главным образом, в Европе

(в Варшаве, Париже, Берлине, Праге, Будапеште, Констанце, Стамбуле) в 1920-30-х годах, в том числе о Лиге "Прометей", – о которой, в частности, идет речь в нашем недавнем исследовании "Тюркизм и пантюркизм", опубликованном в журнале "Ас-Алан", – существует богатая, разнообразная литература, включающая и советские памфлеты-диссертации, исполненные яростной нетерпимости и ненависти к "антисоветскому" и "антикоммунистическому" "Прометею", и объективные труды западных ученых, а также современных авторов, представляющих демократические направления общественной мысли разных стран СНГ. Но все эти исследования доведены только до начала Второй мировой войны и обрываются на осени 1939 года, как обрывается тогда и сама деятельность "Прометей", оказавшегося в стремительно сокращающемся, обреченном, безвоздушном пространстве между двух огней – главных втянутых в мировую войну держав, абсолютно безразличных к жестоко переломленным в этой войне судьбам народов Советского Союза.

Затем появляется довольно значительный корпус публикаций (и интерпретирующих эти публикации историографических обзоров и аналитических заключений) авторов, получивших возможность поднять свой голос в защиту "наказанных" кремлевским тираном народов во второй половине 20 века. Хорошо известны труды чеченского политического эмигранта Абдурахмана Авторханова, в том числе созданные в соавторстве с известными советологами А. Бенningсеном и М. Броксупом, в частности книга "Северокавказский рубеж"¹, а также его сочинения, ставшие доступными русскоязычным читателям уже в поздних переизданиях перестроечной и постсоветской поры, прежде всего его главная книга "Империя Кремля"². Судьбам "забытых мусульман" Советского Союза, включая положение депортированных тюрко-мусульманских народов, были посвящены важнейшие труды Александра Беннингсена и Шантал Лемерсье-Квелькеджей³; история "народоубийства" получила развернутое описание в изданных в Соединенных Штатах Америки книгах Роберта Конквиста ("Народоубийцы": советская депортация национальностей. Нью-Йорк, 1970, на английском языке⁴) и вынужденного покинуть Советский Союз историка Александра Некрича (Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978, на русском языке⁵). Однако, большинство этих изданий появилось на Западе сравнительно поздно, в 1960-х, 1970-х, 1980-х годах, когда сама депортация уже была фактом давно пережитой и даже частично "исправленной" истории, когда значительная часть депортированных народов, во всяком случае карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки, вернулись на Родину, в свои "реставрированные" (впрочем, не всегда в прежних границах и наименованиях) автономные области и

республики и, собственно, "защищать" было некого (мало кто из подвергнутых депортации дожил до тех лет) и вроде бы даже не от кого (главные инициаторы и исполнители тех депортаций исчезли с политической арены или давно истлели в своих проклятых могилах).

Правда, нам известны и те авторы, кому удалось очень рано, по свежим следам, выступить в западной печати с разоблачениями сталинской политики массового геноцида и депортаций, привлечь мировое общественное внимание к трагической судьбе депортированных народов еще в самом начале 1950-х годов. Среди этих авторов был русский писатель Григорий Александров, опубликовавший статью "Истребление крымских татар" в парижском "Социалистическом вестнике" в 1950 году⁶. Среди них был крымский татарин Эдиге Кырымал, чья книга "Национальная борьба крымских тюрок", изданная в Германии в 1952 году на немецком языке⁷, имела большой заключительный раздел, посвященный депортации крымских татар в 1944 году. Среди них был выдающийся ингушский общественный деятель, ученый, политик Вассан-Гирей Джабагиев⁸, автор статьи "Советская национальная политика и геноцид", человек, который вместе с А. Авторхановым и другими своими единомышленниками, к числу которых принадлежали его брат Магомед Джабагиев, Джемалдин Албогачи, Магомед (Артаган) Куркиев, Сафарбек и Созерко Мальсаговы, делал все возможное, чтобы мир не забыл о репрессированных сталинским режимом ингушах, чеченцах и других народах Северного Кавказа. Выдающаяся роль защитника своего народа в послевоенной эмиграции выпала на долю карачаевского журналиста Махмуда Дудова (выступавшего также под псевдонимами "Асланбек" и "Карча"), опубликовавшего в 1951 году в Мюнхене сначала на английском, а затем на русском языке статью "Истребление Советами карачаевского народа", а в 1952 году издавшего на турецком языке в Анкаре свою книгу "Трагедия карачаевских и балкарских тюрок"⁹. Послевоенный Мюнхен, в котором обосновалась американская радиостанция "Свобода", в котором издавались журналы "Обозрение" ("Кавказское обозрение") (с 1947 года), "Иттифак" (с 1949 года), "Кавказ" ("Свободный Кавказ", "The Caucasus", "Der Kaukasus") (с 1951 года), "Казакия" (с 1950 года), в котором возобновил свою деятельность изгнанный из Праги Свободный Украинский Университет, в котором существовал научно-исследовательский Институт по изучению СССР (Institute for Study of the Soviet Union), имевший в своем штате немало специалистов по тюркским народам Советского Союза, в том числе выходцев (политических эмигрантов) из СССР, и издававший вплоть до 1970-х годов труды, посвященные положению тюркских и мусульманских народов за "железным

занавесом"¹⁰, имел особенно большое значение в качестве опорного пункта и духовного центра послевоенной эмиграции, формирующейся из представителей народов Советского Союза. Но как бы ни значительна была вся эта деятельность, она все же не выходила за пределы индивидуальных, разрозненных инициатив, чисто научных или журналистских выступлений, как правило, посвященных тому или иному угнетенному советским режимом народу в отдельности (без сопоставления его судьбы с судьбами других народов), и еще не претендовала на согласованное выражение политической воли народов СССР.

А тем временем именно политическая организация, объединявшая депортированные (полностью или частично) и иным образом подавленные, травмированные, "наказанные", угнетенные народы и национальные меньшинства Советского Союза, возникла в послевоенной Европе в середине 1940-х годов и развернула самую активную деятельность по выяснению судьбы исчезавших в сибирских даях и среднеазиатских пустынях европейских народов и по их защите на основе международного права, на основе принципов, заложенных в Атлантической хартии (декларации глав правительств США и Великобритании, подписанной 14 августа 1941 года и предусматривающей послевоенное устройство мира на базе права народов на самоопределение¹¹), на основе подходов тогда еще только разрабатываемой Всеобщей декларации прав человека (принятой Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года).

Именно об этой политической организации, само существование которой тщательно скрывалось от наших соотечественников, оберегалось секретными режимами государственных архивов и малейшего упоминания о которой напрасно было бы искать в советских энциклопедиях, в трудах историков, вышедших из советской школы, и пойдет речь в данной статье.

Имя этой организации (в отличие от довоенной "Лиги Прометея") – "Прометеевская Лига Атлантической хартии", и если о довоенном "Прометее" отдельные сведения давно просачивались в нашу историческую литературу¹², то о послевоенной "Прометеевской Лиге", решительно бросившей свой идеологический вызов практикующей депортации и геноцид целых народов "стране победившего социализма", ни советская, ни постсоветская российская печать не обмолвились ни единым словом.

Между тем, сведения о "Прометеевской Лиге Атлантической хартии", вероятно, можно было получить и в зарубежных книгохранилищах и архивах, начиная с Библиотеки Конгресса США, с британских, открытых для исследователей любой страны собраний, и в

бывших советских, постепенно рассекречиваемых "спецхранах", но нам до сих пор ни разу не случилось ни выйти на эти первоисточники, ни наткнуться на какие-либо ссылки на них в трудах наших коллег и соотечественников.

Счастливая возможность узнать о "Прометеевской Лиге Атлантической хартии" (разумеется, далеко не всё, но достаточно много для того, чтобы рассказать читателям) представилась нам в связи с открытием в Стамбуле знаменитого "архива Джафера Сейдамета", и об этом открытии надо, видимо, рассказать попутно и отдельно, поскольку оно само по себе представляет исторический интерес, а также для того, чтобы пояснить, из какого источника почерпнуты наши сведения о "Прометеевской Лиге".

Что такое архив Джафера Сейдамета (1889 – 1960), одного из лидеров крымскотатарского национального движения начала 20 века, одного из руководителей первого Курултая крымских мусульман, созданного в декабре 1917 года, и первого демократического правительства провозглашенной этим Курултаем Республики Крым, – не надо объяснять историкам, специалистам, знающим прошлое крымскотатарского народа, представляющим трагические переплетения и сложные зигзаги его судьбы в 20 столетии. Это бесценный источник по истории крымских татар 20 века. Это все, что удалось увезти ему из оккупированного большевиками Крыма еще в 1918 году. Это подлинные документы Первого Курултая, первого правительства независимой демократической республики – Директории, созданной в результате государственного самоопределения крымскотатарского народа, в которой сам Джафер Сейдамет занимал должности военного Министра и Министра иностранных дел, был ближайшим сподвижником Нумана Челеби Джихана. Это вся подлинная история татарского "эскадрона" – героических защитников Крыма от большевистской агрессии, и павших на полях сражений, и уцелевших, чтобы стать жертвами советского террора (длинный шлейф преследований "эскадронцев" тянулся до конца 1930-х годов). Это – история национальной партии "Милли Фирка", не только известная по примитивным сочинениям советских историков, по документам громких и тайных судебных процессов над представителями ее левого, социал-демократического крыла, оставшимися в советском Крыму, но практически до сих пор неизвестная даже спецслужбам особо интересующихся деятельностью этой партии старых и новых государств. Это драматическая история международной дипломатии, отчаянной борьбы крымскотатарской эмиграции в Европе, в Турции, в Америке за то, чтобы привлечь внимание Лиги наций, правительств

великих держав и демократических государств, правозащитных организаций к судьбе крымских татар, к нарушениям прав человека, социальным потрясениям в Крыму, кошмарам "красного террора", наконец, к национальной катастрофе 1944 года. Это трагическая история надежд, сопротивления, участия (и отказа от участия) крымских татар во Второй мировой войне и многострадальные судьбы беженцев, "перемещенных лиц", военнопленных "легионеров". Это, наконец, глубоко личная история самого Джафера Сейдамета – выдающегося общественного, политического деятеля, дипломата, правозащитника, писателя, публициста, история его дружбы, его длительных, сложных отношений с такими лидерами и хрестоматийными фигурами татарской национальной культуры и политики, как Нуман Челеби Джихан, Хасан Сабри Айваз, Сейдджелил Хаттат, Ахмед Озенбашлы, Бекир Чобанзаде, Абдулла Сойсал, Мюстеджип Юлкюсал и многие другие.

Можно было предполагать, можно было надеяться на то, что сохранилось в этом архиве (ссылки на него многократно встречаются в книге Эдиге Кырымала "Национальная борьба крымских тюрок", и это последнее в европейской исторической литературе использование его материалов), но сам этот архив со смертью Джафера Сейдамета, казалось, бесследно исчез. Ни в одном из капитальных трудов (появившихся после 1960 года) английских, американских, немецких, турецких, а после "перестройки" и российских, и украинских, и крымских ученых, занимающихся историей крымских татар в 20 веке, нет ни единой ссылки на конкретные материалы этого архива.

Но этот архив существует.

Джафер Сейдамет собственноручно, незадолго до своей смерти, передал все свои бумаги (письма, черновики собственных рукописей, документы – тысячи печатных, машинописных и рукописных листов в 25 папках-фоллиантах) человеку, которого он знал тридцать лет – с 21 сентября 1930 года (этот день их первой встречи в Стамбуле, организованной при посредничестве А. Сойсала точно зафиксирован в документах архива) и которому имел все основания доверять. Имя этого человека – Исмаил Отар. Сын крымских татар (Али Отара, хафиза квартальной бахчисарайской мечети, и Эмине, чей отец Мустафа был также родом из Бахчисарая, но позднее жил в Симферополе), эмигрировавших в Турцию в начале 20 века, он родился в Бурсе 1 октября 1911 года, овладел специальностью финансиста, работал бухгалтером в различных торговых и промышленных фирмах Стамбула, однако главным делом своей жизни считал служение крымскотатарской культуре. Самостоятельно он изучил крымскотатарский язык, разыскал своих соотечественников, по

переписке установил связи с крымскими татарами, жившими в Румынии, Германии, США (особенно тесные связи с Абдуллой Сойсалом и Мюстеджибом Юлкюсалом), несколько лет издавал в Стамбуле журнал "Эмель" и все свои средства вкладывал в собирание книг, посвященных Крыму и истории крымских татар. Его частная библиотека выросла в крупное собрание политической, художественной литературы и периодических изданий (сейчас в ней богато представлена и новейшая продукция крымских издательств). Материалами этой библиотеки-читальни уже давно с благодарностью пользуются многие студенты стамбульских университетов, исследователи, люди, просто интересующиеся Крымом, а также соотечественники, теперь все чаще приезжающие на учебу или работу из Крыма, Татарстана и республик Северного Кавказа в Стамбул.

Если библиотека Исмаила Отара и сформированный при ней небольшой музей образцов крымскотатарского народного творчества и профессионального искусства были давно широко открыты для посетителей и известны многим жителям и гостям Стамбула, то архив, занимающий специальное подсобное помещение (несколько десятков стеллажей, на которых разместились папки разной величины), до последнего времени оставался никем не востребованным. Нельзя сказать, что Отар делал из этого архива особый секрет или не допускал прикосновения к нему посторонних рук, хотя, наверно, и определенную осторожность в этом отношении он проявлял, понимая нежелательность какого-нибудь случайного и грубого вторжения в мир частной переписки, глубоко личных чувств, оставивших свой след в письмах и рукописях, да и политических проектов, еще не потерявших своей взрывоопасной актуальности. Безусловно, имели значение и соображения материальной, физической сохранности хрупких архивных материалов: книга могла пройти через тысячи рук, не пострадав, а какое-нибудь письмо на тонкой бумаге давно стерлось бы в пыль. В общем, так получалось, что Исмаил Отар многие годы никому не говорил о своем архиве, и те же многие годы никто его об этом архиве не спрашивал.

Между тем, это был уже не только старый архив Джафера Сейдамета, переданный Отару на вечное хранение. К нему добавились материалы той переписки, которую вел со своими соотечественниками сам Исмаил Отар, материалы, публиковавшиеся (и не публиковавшиеся по каким-либо причинам) в "Эмеле", материалы, поступавшие из Крыма, из постепенно формирующегося в Советском Союзе политического диссидентского "андерграунда" – главного опорного пункта набирающего силу крымскотатарского национального движения 1970-80-х годов, а также из различных эмигрантских центров в

Западной Европе и Америке (не только крымских татар, но и других угнетенных и "наказанных" народов советской державы и всего восточного блока). Огромное пополнение архива поступило от Эдиге Кырымала в 1960-х годах. Принимавший активное личное участие в драматических событиях периода Второй мировой войны, непосредственно касающихся судьбы Крыма и крымских татар, Кырымал обладал уникальным собранием документов, в том числе непосредственно исходивших из гитлеровской канцелярии, из Министерства по делам оккупированных восточных территорий фашистского рейха, – перечеркивающих все надежды на восстановление государственности и планы самоуправления крымских татар, – из штабов вермахта, занимавшихся формированием "восточных легионов", а затем из Альбершвенде (Австрия) и Вёшнау (Германия) – двух главных лагерей для "иностранных перемещенных лиц", где находились в 1945-1946 годах крымские татары (потрясающие по своему драматизму дневники, письма, свидетельства отчаяния). Часть (более ранняя) этого архива Эдиге Кырымала погибла в огне при бомбардировке Мюнхена в конце войны, часть сохранилась, послужила важнейшим источником книги, изданной в 1952 году, а позднее, вслед за архивом Джафера Сейдамета, также оказалась в доме Исмаила Отара.

Счастливое совпадение обстоятельств привело к тому, что об архиве Джафера Сейдамета в собрании Исмаила Отара нам стало известно. Встреча с ним на научной конференции в университете Мармара (Центре тюркологических исследований) в октябре 2002 года, приглашение посетить его библиотеку и музей, с каждой фразой все более доверительный, все более увлекательный разговор (общались мы с ним на французском языке, который он знает прекрасно), и наконец, почти безнадежный вопрос, который на протяжении последних десяти лет я задавала многим, ни от кого не получая ответа ("А Вы не знаете, не слышали, что стало с архивом Джафера Сейдамета, где он может находиться?"), и как простое чудо, ответ Исмаила Отара: "Он у меня (Shez moi !)"...

В тот осенний день, накануне отлета в Москву, я смогла только взглянуть на этот архив, только прикоснуться к покоившимся на стеллажах фолиантам, ощутить их внушительную тяжесть, заглянуть в папки, пестреющие разными почерками, языками, датами, увидеть первые бросившиеся мне в глаза, датированные маем 1916 (!) года документы (подлинный текст исторически знаменитого обращения представителей угнетенных народов России к американскому Президенту Вильсону, завершающийся отчаянной мольбой о помощи: "Venez a notre secours! Sauvez nous de la destruction!" – "Придите к нам на помощь, спасите нас от уничтожения!" – с собственноручными

подписями "Aga Oglu Ahmed Bey", "Aktshura Oglu Yusuf", "Hussein Zade" и другими), почти не веря своим глазам пережить то, что можно назвать прикосновением к истории...

В феврале 2003 года, с помощью Меджлиса крымскотатарского народа, я вернулась в Стамбул, чтобы провести первое пилотажное исследование архивных фондов в собрании Исмаила Отара и предварительную экспертизу хранящихся там материалов.

Все, что в этот раз удалось внимательно рассмотреть, превзошло даже самые завышенные ожидания. В общей сложности речь может идти о многих тысячах листах архивного хранения. По моим предварительным подсчетам это 25000 листов, заполненных с лицевой и оборотной сторон. Они находятся в папках разной величины, в том числе там 7 огромных красных папок-фоллиантов (в каждой более 1000 листов), 5 таких же синих папок, 18 розовых и желтых старых папок, 18 больших серых папок и 27 серых папок обычного канцелярского размера. Документы представлены на нескольких языках: английском, немецком, французском, польском, румынском, русском, и огромная часть архива – на тюркских языках: и на турецком, и на крымскотатарском, и на тюрки (языке "Терджимана"), причем все материалы до середины 1920-х годов исполнены арабской графикой, своеобразной "скорописью", а более поздние – на латинской основе, очень немногие (несколько писем из советского Крыма) – на кириллице.

По содержанию, это нечто фантастически богатое – подлинное сокровище всей национальной истории крымскотатарского народа и очень широкого международного окружения, своеобразного культурного и политического "эха" этой истории. Достаточно сказать, что там есть материалы 1900-1910-х годов, стамбульского и парижского периодов молодой тюркской эмиграции из царской России, целый фонд личных материалов, писем, рукописей Нумана Челеби Джихана, интереснейшие материалы по первому Курултаю и Директории (1917-1918 годов), включая подлинные удостоверения, мандаты, фотографии министров крымского правительства, делегатов Курултая, все материалы, связанные с дипломатической деятельностью Джафера Сейдамета в эмиграции, его обращения в Лигу наций, ответы на эти письма, его переписка с главами государств и правительств Швейцарии, Германии, Франции, Турции; материалы периода немецкой оккупации Крыма, материалы мусульманских комитетов 1940-х годов, вся переписка по вопросам создания муфтиата в Крыму (1943 год), дневники и письма крымскотатарских legionеров, оказавшихся в 1944-45 годах в Германии и Австрии в лагерях для военнопленных и "перемещенных лиц"; списки и адреса беженцев из советского Крыма;

далее материалы послевоенного периода и особый фонд материалов Юлжосала (крымских татар в Америке).

Ценность всех этих тысяч листов хранения очень неодинаковая – есть и копии (иногда в нескольких экземплярах с одного и того же документа, например, какого-нибудь воззвания, напечатанные на машинке на папиросных прозрачных листах), и газетные вырезки, и отдельные газеты и журналы, и в то же время есть оригиналы исключительной архивной ценности – собственноручные письма, мандаты, личные документы (начиная с диплома, выданного 28 января 1914 года Министерством просвещения Франции Джаферу Сейдамету о присвоении ему звания "бакалавра права Французской республики" по специальности международного права) людей, являющихся выдающимися деятелями мировой и европейской истории 20 века. Во многих случаях даже конверты с марками давних лет, телеграммы, сообщения с телестайпной ленты, черновики, фотографии с надписями имеют неповторимое значение исторического подлинника.

Среди этих тысяч рукописных, машинописных и печатных листов, фотографий и иллюстраций хранятся материалы, составляющие особый фонд "Прометея" и "Прометеевской Лиги Атлантической хартии".

Начало этого Фонда образует то самое знаменитое послание представителей российских народов-аллогенов (чужих, нерусских, не интегрированных в империю) американскому Президенту Вильсону, отправленное телеграфом из Стокгольма 9 мая 1916 года (непосредственно из России, где действовала бдительная военная цензура, его отправить было невозможно), которое знаменует собой важнейший рубеж в истории национально-освободительной борьбы народов России, впервые осознавших тогда необходимость выноса своих проблем на международную арену, обращения за помощью к главам правительств мировых держав, прежде всего Соединенных Штатов Америки, создания единого демократического фронта для противодействия имперской политике России.

За ним следуют материалы состоявшегося 27-29 июня 1916 года в Лозанне (Швейцария) Третьего Конгресса народов (национальных меньшинств) Европы – того самого "Союза национальностей", преемником которого является воссозданный после Второй мировой войны Федеральный Союз народов (национальных меньшинств) Европы, объединяющий ныне в своей обширной семье (свыше 120 действительных и ассоциированных членом) демократические организации карачаевского, балкарского,

крымскотатарского, ногайского народов, турок-месхетинцев, польских татар и других тюркских и мусульманских народов. На Конгрессе в Лозанне "российские турки" (а именно представители народов Кавказа, Крыма и Волжско-Уральского региона, находившиеся тогда по другую сторону линии фронтов, отрезавших воюющую Россию от нейтральной Швейцарии, то есть фактически уже в эмиграции) участвовали впервые, и их речи, нашедшие живой отклик в европейской прессе, в частности, в парижском журнале "Ревю дю Монд Мюсюльман" ("Revue du Monde Musulman" – "Обозрение мусульманского мира"), впервые открыли мировой общественности всю меру накипевшего отчаяния, наболевших проблем, всю правду о бесправном положении нерусских народов в Российской империи.

Интересно отметить, что по итогам этого Конгресса принимавший участие в его работе известный татарский общественный деятель, идеолог пантюркизма Юсуф Акчура составил памятную записку-меморандум о проблемах тюркских народов России. Эту "записку" (на нескольких страницах, на русском языке) он считал нужным передать В.И. Ленину, еще находившемуся тогда в своей швейцарской эмиграции, при встрече с ним в Цюрихе. Сохранился письменный ответ В.И. Ленина на эту записку: "Права, которые вы требуете, будут в самой высокой мере предоставлены вам, если мы придем к власти. А пока мы самым внимательным образом изучим Вашу записку, и если придем по этому вопросу к согласию, опубликуем ее в наших газетах"¹³.

Что-то с "согласием", видимо, все же не получилось, ибо ни в одном из органов большевистской партийной печати меморандум Акчуры не был опубликован, не говоря уже о том, что ничего не осталось и от обещаний Ленина предоставить тюркским народам те права (прежде всего право на освобождение от российского диктата, право на самоопределение), о которых вели речь делегаты Конгресса народов Европы в Лозанне.

Далее в этом архиве следуют материалы "Лиги Прометея" 1920-30-х годов, и наконец, завершается этот фонд материалами формирующейся в 1940-х годах "Прометеевской Лиги Атлантической хартии", первая публикация которых является задачей нашей статьи.

Эти материалы говорят сами за себя и в значительной своей части не нуждаются ни в каких комментариях. И все же мы считаем нужным сделать некоторые сопутствующие данной публикации замечания, "заметки на полях", а главное, общие выводы, вытекающие из анализа этих материалов.

Прежде всего надо отметить поразительную "повторяемость" и сохранившуюся до наших дней актуальность всего того, о чем с

горечью и отчаянием писали представители "народов-аллогенов", лидеры прометеевского движения 1920-30-х годов и деятели "Прометеевской Лиги Атлантической хартии" 1940-50-х годов. Менялись имена участников движения, менялись некоторые конкретные исторические обстоятельства (в последние годы существования Российской империи, в годы революции и гражданской войны, до создания автономных республик, в процессе их лихорадочного создания, переформирования, ликвидации, восстановления и так далее, до депортации и в ходе депортации репрессированных народов, после их частичной или почти полной репатриации), но неравноправие оставалось, политическая, социальная и нравственная суть совершенной аннексии, колониальной эксплуатации и насилия над народами, удерживаемыми вопреки их воле в границах единой и чужой им державы не менялась, историческая несправедливость по отношению к угнетенным народам не исправлялась государством, менявшим на протяжении века свои названия и своих вождей, похожих на кровавых диктаторов-тиранов или на цивилизованных политиков, вполне овладевших современной демократической риторикой.

На тонких, пожелтевших от времени, почти прозрачных пяти страничках бумаги запечатлен французский текст "Воззвания аллогенов (чужих народов) России" ("Appel des Allogennes de Russie") на имя Президента США Вильсона, стоят подписи Юсуфа Акчуры, Гусейнзаде, Михаила Церетелли, Кази Абулы Рашида Ибрагима, Димитро Донцова (Украинская группа в Швейцарии), И. Саулиса, М. Кайриса (Литовская группа в Швейцарии), В. Серошевского, Сильвио Брёдриха (всего 19 уже многими забытых имен), в плотных строчках, насыщенных убийственной информацией, бьется отчаяние и боль: "Мы, финны России... Мы, балты... Мы, литовцы... Мы, белорусы... Мы, поляки... Мы, евреи России... Мы, украинцы... Мы, мусульмане России – татары, башкиры, киргизы, сарты, таджики, туркмены, горские народы Кавказа, общим числом 25 миллионов человек... Мы, грузины... мы, представители угнетенных народов и бесправных религиозных меньшинств России, мы вызываем к мировому сообществу, мы нуждаемся в защите – Придите к нам на помощь, спасите нас от исчезновения!"¹⁴... Проходит почти 30 лет, и все те же аргументы, все те же мотивы отчаяния приходится излагать организаторам "Прометей" теперь уже в обращении к новому Президенту США Рузвельту ¹⁵. Ничего не меняется к лучшему в положении нерусских народов России.

Потрясающим образом все то, что писал Джафер Сейдамет, обращаясь к Президенту США Вильсону, к главе правительства Швейцарии, в Лигу наций, к заседавшему в Женеве Конгрессу Второго

Интернационала в 1920, 1924, 1930 годах о трагическом положении своего народа ("Le peuple Tartare a été l'object des attaques et de l'invasion des Bolcheviks!" – "Татарский народ стал объектом и жертвой большевистской агрессии!"¹⁶) дословно повторялось и в 1946-1948 годах. 3 декабря 1920 года он писал Президенту Швейцарской Конфедерации "Я надеюсь, господин Президент, что Вы обратите Ваше внимание на судьбу маленького народа, лишенного самых основных прав, народа, само существование которого находится под угрозой, который поставлен в положение безжалостного угнетения и постепенного истребления..."¹⁷... К 1945-46 годам менялись только имена адресатов, еще более безжалостным становилось истребление крымскотатарского народа в советской стране. Сохранялось прежнее тотальное равнодушие великих держав и их правителей к судьбе этого народа, и только действиями крепкой, сплоченной политической организации можно было эту ситуацию переломить.

"Прометей", действовавший в период между 1925 и 1938 годами, объединял исключительно представителей народов, входивших в состав СССР (в тот период еще не распространившего свою власть на Прибалтику, Молдавию, Западную Белоруссию, Западную и Закарпатскую Украину). После Второй мировой войны геополитическая ситуация изменилась, и новая "Прометеевская Лига", продолжая во многом традиции довоенного "Прометей", прежде всего изменила, расширила свой состав. В нее вошли представители народов, не только оказавшихся в расширившем свои границы на запад и восток Советском Союзе), но и составлявших население поставленных в зависимость от СССР так называемых "стран народной демократии" (Восточного, впоследствии военного Варшавского блока). Число (и наименования, не всегда совпадающие с привычными нам обозначениями народов стран) членов "Прометеевской Лиги" менялось и уточнялось на протяжении второй половины 1940-х годов в связи с различными обстоятельствами, включая и субъективные моменты инициативы, проявленной одними группами эмигрантов и, напротив, не затронувшей некоторые другие группы, или не знавшие о деятельности "Прометеевской Лиги", или по каким-либо причинам не согласные с ней. В "Постановлении", опубликованном осенью 1949 года¹⁸, число народов (стран, регионов), чьи представители входят в "Прометеевскую Лигу", достигает 21 и включает следующие субъекты (иногда, естественно, объединяющие несколько народов): Азербайджан, Армения, Белоруссия, Болгария, Венгрия, Грузия, Дон, Идель-Урал, Ингерманландия, Карелия, Коми, Крым, Кубань, Польша, Румыния, Северный Кавказ, Словакия, Туркестан, Украина, Хорватия, Чехия.

Выход "Прометеевской Лиги" на мировую арену был ознаменован пакетом резолюций и Манифестом, принятыми на Конгрессе в Гааге 20 апреля 1946 года (эти материалы были опубликованы в Женеве в том же 1946 году). Главный пафос ее первых деклараций заключался в предупреждении мирового сообщества об опасности коммунистического режима, его агрессивных планах, его бесчеловечных актах и репрессиях, направленных против целых народов. Тщательный исторический анализ событий в СССР позволял авторам резолюций и Манифеста восстановить всю картину этих массовых репрессий против народов Украины, Балтии, Крыма, Поволжья, Урала, Северного Кавказа и Закавказья, Туркестана, Сибири, совершенных советским режимом до, во время и после окончания Второй мировой войны. "Война, – писали они, – началась маленьким мюнхенским компромиссом с диктатурой Гитлера, а окончилась грандиозным тотальным компромиссом с диктатурой Сталина"¹⁹.

Отмечая "тяжелые условия, в которых приходится продвигать вперед вопрос [...] и стремиться вызвать интерес в общественном мнении цивилизованного мира к судьбе угнетенных московским коммунизмом народов", основатели послевоенной "Прометеевской Лиги" писали: "Прометеевские народы стоят перед дилеммой: быть или не быть!"²⁰.

По вопросу о положении нерусских народов России, об их праве (о лишении их права!) на самоопределение вплоть до отделения от бывшей метрополии, до выхода из союзного или федеративного государства, до возможности полного самоуправления и восстановления собственной государственности серьезнейшие разногласия возникали не только между представителями этих народов и носителями державной власти (официальными структурами Российской империи, Советского Союза, его новых правопреемников), но и между представителями этих народов, с одной стороны, и даже самыми либеральными, оппозиционными по отношению к власти, демократическими течениями русской общественной мысли, в том числе, различными группировками русской антисоветской эмиграции, с другой стороны. Во всем они могли договориться, возмущение преступлениями сталинского режима, бесконечное презрение к лживой и бездарной советской власти сближали их, общий протест против истребления лучших сил нации (нации-страны, объединяющей все народы) воодушевлял их, готовя почву для политического союза, но как только дело касалось границ, окраин, фактических колоний, полиэтнической структуры государства, его прошлого (всех этапов

российской экспансии на юг, на восток и на запад), его будущего устройства, – непреодолимой преградой между ними вставал русский национализм, поражающий все ткани и глубинные пласты сознания даже самых демократических, самых решительных антисоветских русских национальных движений и объединений. Ничего не вернуть, ничего не отдать из завоеванного (в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, в Прибалтике, в Карпатах) – нигде, никогда; всё, чем силой владеет хищническое государство-империя, навеки объявить "нашим" – об этот камень преткновения спотыкались все русские движения, все попытки нерусских народов (народов-аллогенов) найти с ними общий язык. Так это было и в годы Первой мировой войны, и между войнами, и в годы Второй мировой войны, и на том трудном переломе 1940-х годов, когда разворачивала свою деятельность "Прометеевская Лига Атлантической хартии". Кто мог знать, что эта ситуация вновь повторится спустя полвека, когда самые прогрессивные русские эмигранты новых поколений – писатель Александр Солженицын, философ Александр Зиновьев (кто там еще вместе с ними и сколько их?), вернувшись и даже еще не вернувшись в новую Россию из вынужденного изгнания и антисоветского далека, первым делом поднимут крик о неделимости "великой России"; кто мог знать, что руками своих демократов "первого призыва" (а как же еще назвать и первого Президента России, и министров его первого правительства, в том числе спасавшего в августе 1991 года Белый дом Министра обороны Павла Грачева?) эта новая Россия начнет страшную войну на уничтожение чеченского народа, посмевшего выразить свою волю к независимости и свободе? Впрочем, если внимательно относиться к урокам истории, включая уроки 1940-х годов, это можно было знать и предвидеть.

Одним из таких уроков может служить конфликт, возникший между "Прометеевской Лигой" и созданным во второй половине 1940-х годов Американским Комитетом свободной России" (АКСР), который выступил 8 декабря 1948 года в Нью-Йорке с манифестом, определяющим смысл и задачи его деятельности и программу "обустройства" будущей, освобожденной России. Многие американские газеты опубликовали в конце декабря 1948 года этот манифест²¹. В манифесте говорилось, что "Комитет создан с целью оказания моральной поддержки русскому народу и всем народам России в их борьбе за установление на их родине прав человека и демократической свободы так, чтобы великие моральные и общественные ценности, которые были воодушевлением русской революции, могли быть восстановлены и сохранены в такой же самой степени, в какой американский и французский народы сохраняют наследство своих

революций"²². Далее излагалась программа политических и социальных реформ "после свержения коммунистической диктатуры" в России и формулировалось важнейшее положение этого манифеста: "Мы верим в будущую демократическую Россию и требуем, чтобы целостность ее границ и свобода выбора для нее форм политической, хозяйственной и общественной жизни были строго уважаемы народами мира"²³. В пункте 5-м Программы АКСР говорилось: "Народы, живущие на пространствах, приграничных России, получают гарантии правдивой политической и культурной автономии в пределах Российской Федерации"²⁴.

Эти положения о "целостности границ" и об "автономии в пределах Российской Федерации" показались не только странными деятелям "Прометеевской Лиги", но вызвали необходимость специального, публичного ответа на манифест. Этот ответ был напечатан в "Бюллетене" Лиги за подписью ее председателя профессора Романа Смаль-Стоцкого, который писал: "Так как программа говорит о народах России, то прошу, чтобы в этом вопросе был выслушан также и голос этих народов.

Выступаю от имени Прометеевской Лиги поработенных советской Москвой народов. Свыше четверти века [имеется в виду опыт прежнего "Прометей", чьим наследником была "Прометеевская Лига Атлантической хартии" – С.Ч.] Лига защищала право на самоопределение Армян, Азербайджанцев, Буряттов, Казаков Дона и Кубани, Грузин, Ингерманландцев, Карельцев, Коми, Северокавказцев, Татар Крыма и Идель-Урала, народов Туркестана, Украинцев и Белоруссов. Поддержала она также Сибирское освободительное движение. В настоящее время Лига защищает также права балтийских народов и всех других, находящихся за железной завесой..."²⁵.

Основные возражения и упреки, предъявленные профессором Романом Смаль-Стоцким от имени "Прометеевской Лиги" авторам манифеста Американского Комитета свободной России, касались вопросов устройства Российской Федерации, принципа "целостности границ России", восстановления и сохранения "наследства русской революции" и положения "нерусских народов России".

"Если быть искренним, – писал он, то пункт 5 [...] является моральной и политической несправедливостью, стремящейся навязать нерусским народам, находящимся в настоящее время в пределах Советского Союза, "Российскую Федерацию" без предварительного с ними соглашения"²⁶. Восстанавливая историю борьбы за независимость угнетенных народов России, создавших после революции свои "национальные и демократические республики с социалистическим правительствами во главе", которые сначала вынуждено было признать

большевистское руководство, но затем, по мере укрепления собственной диктатуры, перешло в наступление на их права, свергло силой неудобные ему правительства, потопило в крови сопротивление и подменило долгожданную свободу видимостью "национальной государственности" в виде союзных и автономных образований, навязав народам России так называемый "Советский Союз", Смаль-Стоцкий с горечью писал, что теперь Американский Комитет свободной России, от которого, казалось бы, можно было ожидать понимания чаяний угнетенных и обманутых народов России, предлагает программу, которая "а) не признает за всеми этими народами права на самоопределение; б) трактует различно русских и нерусские народы в вопросах, касающихся равенства суверенных прав; русские признаются высшей расой, нерусские – париями, которые вынуждены удовлетвориться "политической и культурной автономией"; с) противоречит основным американским идеалам, выраженным в "Декларации Независимости", в принципах Вильсона, в Атлантической Хартии и в Статусе U.N. [Объединенных Наций]; d) признает морально русский Lebensraum [жизненное пространство], созданный при помощи агрессии, международных преступлений и совершенного отсутствия уважения к трактатам, т.е. методов, сходных с теми, которые поставили зачинщиков [...] немецкого и японского Lebesraum'ов перед международными трибуналами в Нюрнберге и Токио"²⁷. С изумлением отмечает председатель "Прометеевской Лиги" непоследовательность американской прогрессивной общественности, которая поддерживает движение деколонизации во всем мире, защищает права народов Африки и Азии, приветствует независимость Индонезии, завоеванную в борьбе с голландскими колонизаторами, но отказывает в праве на независимость нерусским народам Советского Союза, многие из которых имеют вековые традиции собственной государственности и демократии. Далее председатель "Прометеевской Лиги" пишет: "Пятый пункт "Американского Комитета Свободной России", который сделался как бы "Американским Комитетом дискриминации нерусских народов", является даже менее справедливым, чем существующая Конституция Советского Союза [...] Пункт пятый противоречит позиции католической церкви, определенной 15 октября 1918 года Папой Бенедиктом XV-м, который, приветствуя воскрешение из мертвых Польши, сказал: "Питаем себя надеждой, что одновременно все другие народы, включая и не католические народы, которые до сих пор подчинялись России, приобретут право решать собственную свою судьбу и будут в состоянии развиваться соответственно их национальным гению и возможностям". Следовало бы принять во внимание также и мирный план Папы Пия XII-го, который гласит, что

главным постулатом каждого справедливого и честного мира является обеспечение всем народам, большим и малым, могущественным и слабым, полного права на жизнь и независимость"²⁸. "Ошибочное употребление термина "целостность границ", – завершал Смаль-Стоцкий свою отповедь Американскому Комитету, – и дискриминация нерусских народов являются частью новой формы традиционной мысли русского империализма [...] старого принципа "сила перед правом" [сила выше права]"²⁹.

Отповедь, данная Американскому Комитету свободной России, была отнюдь не единственным выступлением "Прометеевской Лиги" против "русской нетерпимости в национальном вопросе", как идеологи "Прометея" определяли основную ограниченность и слабость многих русских эмигрантских организаций послевоенного периода. Одной из таких организаций (очень похожей на АКСР) была "Лига борьбы за народную свободу", созданная в Нью-Йорке в марте 1949 года представителями русских демократических партий. Обратившись с призывом "ко всей свободолобивой эмиграции поддержать ее почин и развить вместе с нею общую деятельность для непримиримой борьбы с коммунистической тоталитарной диктатурой и для создания свободной демократической России", она также не смогла предложить нерусским народам России ничего иного, как только осчастливить их "национально-культурной автономией" в составе "единой и неделимой" России. И с этой Русской Лигой "Прометею" пришлось вести принципиальную дискуссию, защищая стратегические интересы народов России и всю полноту их права на самоопределение"³⁰.

Свои принципиальные позиции "Прометеевская Лига" определила в "Воззвании к народам, угнетенным русским советским империализмом", которое было подготовлено Президиумом этой Лиги в Гааге 28 мая 1946 года.

"Мы уверены, – говорилось в этом воззвании, – что русский народ еще найдет в себе силы, чтобы стряхнуть с себя этих ядовитых гадов ["сталинских авантюристов", "коммунистическое правительство СССР"] и вступить в эпоху своего национального освобождения и возрождения. Довольно крови и слез на русской земле...

Борьба за освобождение народов, угнетенных русско-советским империализмом, вступает теперь в новую фазу.

Освобождение их становится не только патриотической обязанностью их самих, но делом, в котором существенно заинтересованы все Объединенные нации мира. Поэтому мы полны решимости продолжить нашу бескомпромиссную борьбу с обнаглевшим и озверевшим врагом, опираясь на силы стомиллионной массы угнетенных народов. Мы будем перед Объединенными Нациями

мира защищать права всех этих народов в совокупности и каждого из них в отдельности. Мы будем требовать восстановления поправленных прав и торжества справедливости" ³¹

"Прометеевская Лига Атлантической хартии" была "партией действия", четко построенной, сплоченной организацией, вынужденной использовать и сочетать легальные и нелегальные методы борьбы, и этот ее опыт составляет важное политическое наследие, которое смогли использовать потом (и смогут использовать в будущем) силы, продолжающие дело "Прометеевской Лиги". Польская "Солидарность" 1980-х годов, украинский "Рух", литовский "Саюдис", Народные фронты Латвии и Эстонии, созданная в мае 1989 года ОКНД – Организация крымскотатарского национального движения, – все они действовали в принципе так же, как "Прометеевская Лига", обращаясь к международному сообществу, используя конституционные методы борьбы и аргументы, основанные на демократических принципах Атлантической хартии, на фундаментальных положениях Декларации прав человека, Хельсинских соглашений и при этом имея в запасе, в своем резерве, и четкие структуры организованных, готовых на решительные акции, подчиненных строгой дисциплине борцов (как бы ни назывались их пусть даже безоружные отряды), и собственные средства печати и массовой информации, и развитую систему контактов и крепнувшей солидарности, и все другие инструменты действия, без которых невозможна успешная политическая борьба. Правда, те, кто был вовлечен в национальные движения решающих, перепределивших крушение Советского Союза 1980-90-х годов, не были прямыми наследниками "Прометеевской Лиги", даже не знали о ее существовании, не читали ее манифестов и воззваний, не изучали ее постепенно вырабатываемый в полуконспиративных условиях, меняющийся устав. Однако, политическая преемственность в истории далеко не всегда осуществляется в системе непосредственных контактов и точных знаний опыта предшественников, на уровне прямых влияний или освоения ясных препарированных уроков прошлого. Здесь имеют значение и совпадения, и интуиция лидеров национальных движений новых поколений, которые, не зная заветов "Прометеевской Лиги", с поразительной точностью следовали им, и сам факт существования в прошлом таких политических организаций, которые готовили почву для последующих достижений и в невозможных условиях 1940-х годов предвосхищали перспективы, ставшие реальностью спустя полвека. К голосу "Прометеевской Лиги" не спешили и не хотели прислушиваться господа, заседавшие в парламентах и правительствах западных стран, на ассамблеях ООН и

других международных институтов высокой легитимности, предпочитавшие бесконечные компромиссы с Кремлем решительной политике обуздания агрессора и спасавшие свой временный покой ценой оккупированной Прибалтики, расстрелянной Венгрии 1956 и Чехословакии 1968 года, расчлененной Германии, мучительной несвободы всех стран Восточного блока и великодушно прощенной Советскому Союзу этими господами депортации десятков народов. Но если бы голос "Прометеевской Лиги" вовсе не звучал в послевоенной Европе, может быть, эти господа и их наследники, возглавившие мировые державы 1980-90-х годах, не сумели бы воспринять те сигналы и ответить на те вызовы, с которыми они столкнулись в новое, в наше время великих перестроек и перемен. Этот голос звучал, так или иначе задевая слух, тревожа сознание, будоража совесть мировой общественности в самые глухие (действительно, "роковые сороковые") годы, и в этом заключается огромное историческое значение деятельности "Прометеевской Лиги".

В стамбульском архиве сохранился один из первых проектов устава восстанавливаемой после войны "Прометеевской Лиги" (анонимный, не датированный машинописный документ, состоящий из 8 пунктов, определяющих организационные основы, задачи и методы работы Лиги). В отличие от некоторых обращенных к широкой общественности манифестов и резолюций, это был предназначенный "для внутреннего пользования" документ, реально определявший условия и вынужденные формы не только открытой, легальной, но и конспиративной работы. Прочитируем его с максимальной полнотой в связи с особой важностью каждого пункта, включая персональное членство, структуру, политические цели, намеченный ареал международной деятельности.

1. Организация "Прометей" восстанавливается на персональных началах, представляя по возможности народы, ранее входившие в нее, при активном участии Польши.

2. Организация сугубо конспиративная. В основе ее лежит принцип демократизма, и она отвергает всякую диктатуру как форму правления. Лозунгом ее борьбы является – Уничтожение советского режима и торжество свободы и демократии.

3. Ближайшей задачей "Прометей" является объединение и руководство борьбой угнетенных народов России, направленной против советского режима и его оккупационных сил [...]

4. С этой целью организация входит в тесную связь с представителями народов, оккупированных Россией или находящихся под угрозой оккупации [...] для борьбы против общего врага. [Среди народов, регионов и стран, подверженных такой оккупации или ее

угрозе на первом месте выделены] Финляндия, Балтика, Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция, Турция, Иран, Ирак, Сирия, Либан [Ливан, получивший 23 ноября 1943 года государственную независимость] и Египет.

5. Цель объединенной организации – борьба всеми средствами для разрушения советского режима и уничтожения русского империализма во всех его разновидностях.

6. [Важнейшая тактическая задача состоит в том, чтобы] убедить англо-саксонцев в необходимости для их будущего активной поддержки прометеевского движения как реальной силы и верного оружия в неминущей борьбе против Москвы.

7. [Организация] имеет 3 отдела: 1) организационный, 2) политической связи, 3) плановый [...]

8. Местопребывание руководства и ее филиалов определяется политической ситуацией в той или иной стране и техническими возможностями³².

Приведем несколько конкретных примеров из почерпнутых в архиве материалов для того, чтобы наглядно представить и показать, какими методами, как мужественно, энергично и последовательно действовала "Прометеевская Лига", активизируя различные источники информации, используя печать и трибуны международных конгрессов, мобилизуя весь арсенал логических и нравственных аргументов, исторических параллелей, доводов и положений международного права, привлекая на свою сторону союзников (в частности, их круга влиятельных сенаторов американского Конгресса), не останавливаясь перед тем, чтобы бросить решительный вызов высшим институтам власти западных государств (так называемым своим "хозяевам", как представляла эти отношения советская пропаганда, но если говорить серьезно, то действительно, государствам, "принютившим" этих людей, предоставившим им гражданство и безопасность, государствам, с которыми лучше – удобнее, спокойнее – было не ссориться, ничего не требуя от них: "Прометеевская Лига" требовала и наступала).

1 августа 1946 года она обратилась с открытым письмом в Организацию Объединенных Наций по поводу совершаемых в СССР депортациях и актах геноцида. Приведем выдержки из этого письма.

"Уважаемые господа, Представители Объединенных Наций!

В момент, когда Вы [...] решаете на второй сессии ОН вопросы переустройства жизни человечества на основах мира и справедливости, – мы, представители наций, завоеванных, покоренных и поработенных, но еще не потерявшие сил и возможности свободно высказываться, считаем своим моральным долгом обратиться к ОН по вопросу о

происходящих на глазах всего мира уничтожении ряда мирных и слабых наций коммунистическим правительством СССР.

В данном случае имеется в виду фактическое уничтожение в СССР следующих наций: крымско-татарской, чечено-ингушской, калмыцкой, немецко-поволжской и карачаевской. Каждая из этих наций занимала в СССР определенную территорию, населенную и культивированную еще их предками, была организована в автономную республику или автономную область, с правом некоторого самоуправления и посылки депутатов в Совет национальностей СССР. Ныне эти автономные государственные тела коммунистическим правительством ликвидированы, а народы, составляющие их, уничтожены или сосланы в иные отдаленные местности.

Мотивом такого тотального уничтожения в СССР малых и слабых народов является сочиненная коммунистическим правительством СССР теория о существовании виновных наций и о необходимости наказания, на основании принципа коллективной ответственности всех членов данной нации в целом за действия части ее членов [...]

Мы, представители угнетенных наций, просим представителей свободных наций Мира обратить внимание на следующие вопросы и поставить их перед своими правительствами и ООН:

1) Уничтожение коммунистическим правительством СССР указанных наций свидетельствует о том, что метод тотального террора, как системы управления, применявшийся в СССР ранее [...], теперь расширен [и распространен] на целые народности. При этом уничтожение целых народов производится такими же методами, как и уничтожение индивидуумов, без суда, без установления степени их вины, без наличия общепризнанных норм кары, но исключительно по решению коммунистической партии и НКВД / МВД, руководимых диктатором и тираном Иосифом Сталиным.

2) Факт уничтожения коммунистическим правительством СССР указанных выше народов свидетельствует, что лозунг русских коммунистов, провозглашенный в 1917 г. о праве наций на "самоопределение вплоть до отделения" [...] является лицемерным маскарадом и лживой провокацией, направленный на обман всего человечества [...]

3) Русское коммунистическое правительство СССР, которое недавно присоединилось к принципам Атлантической хартии, подписало статут [Устав] ООН [ООН] и активно участвует в ООН, этим актом фактического и правового уничтожения целых наций из состава СССР совершенно игнорирует международные документы, внешне признанные и подписанные им, и присваивает себе сепаратно

самочинное право не применять принципы Атлантической хартии и [Устава] ООН во внутренней политике СССР не только в отношении отдельных людей, но и в отношении целых народов.

4) Русское коммунистическое правительство СССР, уничтожая малые и слабые национальности СССР, руководствуется, как нам известно, маниакальной идеей создания из 160 народностей СССР единогообразного "советского народа", в котором не было бы национальных различий ни в языке (общерусский), ни в вере (безбожие), ни в чувствах (советские патриоты), ни в убеждениях (ленинисты-сталинисты).

Под этим плащом принудительного формирования искусственного "советского народа" скрывается самый оголтелый русский национал-шовинизм, не останавливающийся для достижения своих всемирно-империалистических целей ни перед какими жестокостями, правонарушениями и кровопролитиями. Политика императоров, покорявших и уничтожавших "инородцев" (Петр I – украинцев, Екатерина II – крымских татар, Александр I и Николай I – кавказских горцев и поляков, Александр III – среднеазиатские народы, Николай II – народы Дальнего Востока), еще более усиленно и правомерно завершается теперь коммунистическим русским правительством СССР.

Формальный мотив, которым русское коммунистическое правительство СССР оправдывает уничтожение им ряда народностей СССР, то есть военное сотрудничество с немецкой армией против СССРЮ является ложным по той причине, что

а) большая часть граждан указанных национальностей была еще с начала 1941 г. принудительно призвана в ряды Красной Армии и воевала в составе ее против Германии;

б) население Автономной Республики немцев Поволжья не выступало и не могло выступать против правительства СССР и сотрудничать с немецкой армией, так как эта республика была ликвидирована и все немецкое население ее было выслано в Сибирь еще в августе 1941 г., задолго до приближения немецкой армии к Волге в 1942 г.;

в) та часть граждан указанных национальностей, которая выступила с оружием против Красной Армии и НКВД, воевала не за интересы Германии, а исключительно с целью освобождения от русско-советской оккупации их родной страны [...] При правомерном решении вопроса о судьбе этих национальных борцов следовало бы также и их спросить о причинах их выступления против коммунистического правительства СССР. При этом несомненно обнаружилось бы, что они считали своей религиозной, гуманитарной и национально-

патриотической обязанностью бороться против супертоталитаризма коммунистического правительства СССР. [...]

6) Особо важной и скрытой причиной ликвидации ряда нерусских народов Кавказа и Крыма, а также происходящей сейчас усиленной дезукраинизации Украины, является стремление коммунистического правительства СССР обеспечить себе и подготовить стратегически важные пункты для предусматриваемого наступления на Ближний турецко-Арабский и Средне-Индийский Восток.

Крым как воздушно-морская база и Кавказ как основной плацдарм великой оффензивы [наступления] СССР в направлении Средиземного моря и Персидского залива требуют уничтожения имеющейся там традиции национально-освободительной борьбы мусульманских народов против русского ига и религиозной отличности их от русских. Между тем, священные заветы великого вождя горцев Кавказа, Шамиля, всю жизнь успешно боровшегося против русского империализма, живы в сердцах свободолюбивых горцев-мусульман. Внук Шамиля, один из лидеров прометеевского освободительного движения, живет и действует в Европе, продолжая дело своего деда...

Поэтому страшным примером полного уничтожения некоторых народов Кавказа и Крыма коммунистическое правительство СССР хочет терроризовать все национальности СССР и контролируемые Советами народы, а также устроить все прочие малые и слабые народы Земли. Следовательно, указанный национальный террор, проводимый коммунистическим правительством СССР, является [...] одним из средств подготовки последним агрессии в страны Ближнего и Среднего Востока, о чем мусульманские народы этих стран должны иметь представление и оценивать всю величину нависшей над ними угрозы их вере, независимости и культуре.

7) Тотальное уничтожение коммунистическим правительством народов, не исповедывавших коммунистического безверия или московско-православного вероисповедания, имеет кроме всего прочего еще и религиозно-политическое значение.

Московское правительство уничтожает все вероисповедания, религиозные центры которых лежат вне русской коммунистической империи.

Оно уничтожает католическую церковь в Литве и Западной Украине и уничтожает ее теперь в Польше, Румынии и Югославии для того, чтоб порвать связь этих народов с Римом. Теперь русское коммунистическое правительство СССР уничтожает мусульманские народы – крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев – для того, чтобы порвать связи мусульманского населения СССР с Меккой и

иными центрами ислама, в Египте и Аравии, чтобы ликвидировать ислам в СССР и унифицировать все народы СССР [...] согласно своим империалистическим планам.

8) Фактом тотального уничтожения своих политических противников из числа малых и слабых угнетенных народов СССР [...] коммунистическое правительство СССР совершило военное преступление всемирно-исторического масштаба, за которое оно должно понести ответственность перед органами международного правосудия... "33.

Этот документ относится к 1946 году, и нам неизвестно ни одного более глубокого и точного анализа политики массовых репрессий, ни одного более жесткого и справедливого приговора этой политике, который появился бы в нашей стране не только в те страшные годы сталинского террора, но и в более благоприятных, перестроечных и постсоветских условиях, когда всё, что писали официальные российские историки, правоведы, даже либеральные правозащитники о депортациях 1940-х годов было половинчатым, односторонним, содержащим полуправду и даже оправдывающим советскую политику депортаций (Особенно преуспел в этой системной оправдательной демагогии историк Н.Ф. Бугай, чьи основанные на архивах КГБ исследования не столько разоблачают преступную политику депортаций, сколько объясняют современным читателям, почему эта политика была необходима и чем она была хороша). Фактически авторы этого дерзкого обращения в ООН бросали вызов и тем западным правительствам и державам, которые предпочитали не слышать и не знать о преступлениях Кремля в его внутренней национальной политике (не повторяется ли нечто подобное и на нынешнем фоне "антитеррористических операций" в Чечне?), и могучей советской державе, имевшей свое широкое представительство и мощное лобби в ООН, а также свою вездесущую контрразведку, не гнушающуюся никакими грязными методами вплоть до убийств и похищений, которой ничего не стоило добраться до хрупких, незащищенных резиденций и лондонских, стамбульских и женевских квартир лидеров "Прометеевской Лиги". Эти люди заботились не о себе. Они говорили от имени репрессированных народов то, чего эти народы не могли сказать сами, в том числе то, чего эти народы не знали тогда и даже не до конца осознали сейчас. Они говорили не только о судьбе своих близких, родных соотечественников. Карачаевцев и крымских татар так же волновала судьба немцев Поволжья, как поляков и украинцев – судьба горцев Кавказа и жителей калмыцкой степи. Католики боролись за права мусульман, и мусульмане подписывали протесты и запросы, касавшиеся трагического положения униатской

церкви в Украине и Белоруссии. Обреченная на уничтожение маленькая финская группа ингерманландцев (все ли нынешние свободные граждане Кавказа, Крыма, Татарстана помнят, знают о ней?) находила защиту, освещалась пламенем любви и тревоги нового "Прометея".

И все эти действия носили не показательный, не единичный, не случайный характер. Это была непрерывная, порою даже рутинная работа, наполнявшая каждый день, каждый год деятельности "Прометеевской Лиги", не имевшей никаких прочных финансовых источников обеспечения своих исследований, изданий, юридических экспертиз, поездок. Не удавалось открыть одну дверь, лидеры "Прометея" стучались в другую, в третью, заставляли выслушивать себя американских сенаторов, великобританских министров, авторитетных деятелей мусульманского мира, президентов гуманитарных фондов.

15 января 1947 года "Прометеевская Лига" обратилась к правительствам демократических стран с заявлением о недопустимости предоставления займа правительству Советского Союза³⁴. Это заявление мотивировалось прежде всего продолжающейся политикой депортаций и удержания в ссылке ряда народов Советского Союза, грубым нарушением их прав. И надо сказать, что это заявление оказало свое действие на ряд международных институтов и руководителей западных стран, Советский Союз не получил в это время целого ряда очень нужных ему для ускоренной гонки вооружений кредитов и был, хотя бы отчасти, наказан за страдания репрессированных народов.

Уходили с исторической арены или из жизни одни деятели, представители старших поколений, ветераны "Лиги Прометя", им на смену приходили другие, еще более настойчивые, еще более решительные представители молодых поколений национальной эмиграции. К числу сравнительно поздних документов, хранящихся в стамбульском архиве, завершающих деятельность "Прометеевской Лиги" первых послевоенных лет, относится Резолюция (составленная на английском языке, принятая 4 марта 1951 года на конференции представителей народов Азербайджана, Белоруссии, Грузии, казацких атаманов, Калмыкии, Крыма, Северного Кавказа, Туркестана и Украины) с осуждением коммунизма в том его виде, в каком он существует в нынешнем Советском Союзе и претворяется в национальной политике Кремля, продолжающего колониальную политику царизма. Эту резолюцию подписали за Национальный Комитет Азербайджана А. Фатали-Бей, за Белорусский Центральный Комитет в Германии В. Бортник, за Политический Комитет Грузии в Центральной Европе А. Кордая и князь Н. Накашидзе, за Национальный Комитет Крыма А. Сойсал, за Калмыцкую национальную группу С. Балинов, За Национальный Комитет

Северного Кавказа А. Бахадур, за Объединенный Комитет Туркестана Р. Лазар, за Украинский Национальный Совет Д. Андреевский³⁵.

Одной из наиболее успешных акций "Прометеевской Лиги" была разработка так называемой "Конвенции геноцида", определявшей преступный характер массовых депортаций народов СССР на основе норм международного права. Подробно обоснованная председателем Лиги профессором Смаль-Стоцким (Многие свои статьи по проблемам "народоубийства" Роман Смаль-Стоцкий печатал в 1940-х годах в "Украинском квартальнике", издаваемом на английском языке Конгрессом украинцев в Нью-Йорке), поддержанная влиятельными американскими сенаторами (среди них особенно выделялся своей активностью сенатор Лавренс Смит, представитель северного штата Висконсин, опубликовавший в официальном органе Американского Конгресса³⁶ статью в поддержку предложений "Прометеевской Лиги" с выражением глубокого возмущения политикой СССР, продолжающего "геноцид нерусских народов"), была принята в декабре 1948 года Ассамблеей ООН (Председательствующий на этой сессии представитель Австралии доктор Иварт назвал принятие "Конвенции о народоубийстве" "событием, составляющим эпоху"³⁷). Конвенция определяла геноцид ("народоубийство") как действие, совершенное "с целью уничтожения, полностью или частично, какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой". Пять действий, под давлением "Прометеевской Лиги", были признаны подпадающими под статью о "народоубийстве", под понятие преступного геноцида: 1) убийство членов национальной группы [убийство людей по национальному признаку]; 2) причинение им серьезного телесного или душевного вреда; 3) преднамеренное заключение в жизненные условия, созданные с целью вызвать их физическое уничтожение; 4) принятие мер для предотвращения рождений в группе; 5) насильственная передача людей одной группы в другую³⁸.

Эти пять положений, включенных в Международную Конвенцию, – мучительную реальность которых ощущал на себе каждый из репрессированных советским режимом народов, потерявший в депортации и ссылке значительную часть своих соотечественников, оказавшийся в социально-экономических, климатических, моральных условиях, несовместимых с выживанием нации, испытавшей прямые удары полного уничтожения жителей отдельных горных аулов (в Балкарии, Карачае, Чечне), рыбацких поселков (крымскотатарских рыбаков Арабатской стрелки) по национальному признаку, – ставили депортированные народы в совершенно новую правовую ситуацию: они оказывались под защитой международного сообщества,

международного права. И напрасно было бы недооценивать этот момент, ссылаясь на то, что в ту пору советский режим не считался ни с какими конвенциями и от принятия таких конвенций было тогда нисколько не легче самим народам, обреченным на "вечную ссылку" и даже не знавшим ничего о действиях и отчаянных усилиях их далеких защитников. Тогда это было действительно так, но со временем именно перевод проблемы массовых репрессий и национальных депортаций в СССР в плоскость международного права, достигнутый благодаря инициативам и настойчивости "Прометеевской Лиги", обеспечил возможность апелляции к мировому сообществу активистов национальных движений и в конечном итоге ту полную морально-политическую реабилитацию (признание преступными всех массовых депортаций), на которую вынужден был пойти Советский Союз уже незадолго до своего собственного исчезновения.

Особые усилия прилагали идеологи этой "Лиги" для разъяснения антифашистской, демократической сущности своей организации, неслучайно — даже своим названием — апеллирующей к заключенному против стран "фашистской оси" англо-американскому союзу, целью которого было "установление мира после окончательного уничтожения нацистской тирании, свободного от страха и нужды"³⁹. Тот факт, что к "Атлантической хартии" 24 сентября 1941 года был вынужден присоединиться и Советский Союз, подвергшийся нападению со стороны нацистской Германии, делал позицию "Прометеевской Лиги", действовавшей от имени этой "Атлантической хартии", особенно трудно достижимой для прямых нападок советской пропаганды. Не имея реальных сил и аргументов для открытой идеологической дискуссии, эта пропаганда предпочитала просто замалчивать и всеми возможными средствами государственных тайн и запретов на доступ к информации скрывать от своих сограждан само существование и деятельность "Прометеевской Лиги Атлантической хартии". Одновременно эта пропаганда не останавливалась перед клеветой, диффамацией общественных деятелей, фальсификацией фактов и делала все возможное для компрометации послевоенной политической эмиграции, представляющей разные народы СССР, для внушения своим западным союзникам мысли о прямой связи этой эмиграции с гитлеровским режимом и фашизмом, о позорной роли ее представителей (особенно тех людей, кто вырвался из Советского Союза и оказался на западе в годы Второй мировой войны) в качестве "коллаборационистов", "предателей", "карателей", "прихвостней фашистских оккупантов". Это был особенно сложный, особенно

болезненный вопрос, поскольку в условиях войны путь беженцев из Советского Союза неизбежно пролегал по оккупированным или включенным в состав гитлеровского рейха территориям, так что любого из них несложно было обвинить в том, что он "сотрудничал" или "ушел" с немцами, формально это было именно так. Однако, проблема была еще более сложной: она заключалась в том, что на определенном этапе, в начале войны, часть "старой", уже сформировавшейся в 1920-30-х годах, а также новой, "молодой" (которой еще только предстояло стать эмиграцией после войны) национальной интеллигенции, представляющей тюркские и другие народы СССР, действительно, связывала некоторые свои надежды и планы освобождения своих народов от коммунистической тирании с германским вторжением в Советский Союз. Эти планы были решительно перечеркнуты гитлеровскими захватчиками (в том же архиве Джафера Сейдамета хранятся материалы, исходившие из гитлеровской канцелярии, из Министерства по делам оккупированных фашистских территорий, из которых ясно, что ни одно из законных требований "мусульманских комитетов" – представительных органов крымскотатарского народа оккупационные власти не желают и не намереваются не только исполнять, но даже рассматривать всерьез, что Крым нужен им отнюдь не для благоустройства жизни его коренного народа или возрождения крымскотатарской государственности, что Гитлер, опережая в этом отношении кремлевского диктатора, готовит тотальную депортацию всех крымских татар на восток), и ничего, кроме глубокого разочарования национальных лидеров, отчаяния от невозможности о чем-либо договориться с оккупационными властями и глубокого убеждения в невозможности какого бы то ни было сотрудничества с нацистским режимом из так называемого (чаще всего мнимого) "коллорабонализма" ни в Крыму, ни в Украине, ни в Белоруссии, ни в Прибалтике, ни на Северном Кавказе – нигде ничего не получилось. "Прометеевская Лига Атлантической хартии" была самой последовательной антифашистской организацией, поскольку ее лидеры и участники имели возможность на личном, горьком опыте убедиться в абсолютной враждебности фашистских режимов их народам, в несовместимости фашизма с идеалами национально-освободительной борьбы. Чем более это было очевидным, тем более яростно и настойчиво прибегала советская пропаганда к клевете и устрашающему жупелу "фашизма", к которому ей очень хотелось причислить всех представителей народов СССР, оказавшихся в послевоенной эмиграции и имевших гражданское мужество вести оттуда политическую борьбу за права угнетенных народов, против сталинского и всего коммунистического режима. И надо сказать, что несмотря на всю

абсурдность и дикость огульных обвинений в "фашизме", советской пропаганде удалось в этом отношении весьма преуспеть, не только испортив жизнь и поставив под угрозу свободное существование многих эмигрантов на западе (им приходилось не только оправдываться перед комиссиями, проверявшими причастность разных общественных деятелей к нацистским структурам, но иногда даже оказываться на скамье подсудимых, как это случилось в Турции в 1944-45 годах с целым рядом представителей тюрко-татарской эмиграции из СССР во главе с Ахмедом-Заки Валиди), но и надолго закрепив в растерянном и доверчивом сознании советского народа чудовищные мифы о "предателях", бежавших из страны вместе с фашистскими оккупантами. Материалы "Прометеевской Лиги", сохранившиеся в архиве, свидетельствуют о том, что эти так называемые "предатели" во многих случаях были единственными самоотверженными защитниками своих народов, мужественно боровшимися за их права и не имевшими ничего общего ни с идеологией, ни с практикой настоящего фашизма ни в том прошлом, в каком безумствовал этот фашизм на оккупированных и присоединенных к гитлеровскому рейху территориях, ни в его страшных будущих метастазах, расползающихся и по современной России, которая содрогается от погромов и "зачисток" на ее объявленных и не объявленных войнах и фронтах.

В кратком очерке истории "Прометеевской Лиги" ее председатель Роман Смаль-Стоцкий, оценивая антифашистскую направленность деятельности ее предшественников, представителей народов СССР, находившихся в эмиграции, писал: "После выбуха [развязки] последней войны и в период союза Сталин-Гитлер они присоединились немедленно к делу западных союзников, опубликовав в Париже в 1939 году декларацию, подписанную украинским премьер-министром Шульгиным и заслуженным руководителем социалистов Н. Жордания, легальным президентом Грузии. Хорошо известна роль, которую сыграли подпольные движения и партизаны этих народов в тылах немецкого фронта после инвазии [нападения] Гитлера на Советский Союз..."⁴⁶.

Решительно подчеркивая несовместимость своей деятельности с фашизмом и гитлеризмом, основатели новой "Прометеевской Лиги" писали в 1946 году: "... Армии Гитлера только до того момента могли продвигаться вперед на Восток, пока он мог скрывать цели о основы своей политики в отношении народов [Востока]. Сначала Гитлеру даже удалось своей обманной пропагандой и провокационными обещаниями привлечь часть молодежи угнетенных народов для совместной борьбы против красной террористической Москвы. Но как только стало ясно, что Гитлер намерен не допустить самоопределения народов Украины,

Балтийских держав, Белоруссии, Дона и Кубани, подобно тому как он раньше расправился с Чехословакией и Польшей, – немедленно в его тылу вспыхнуло мощное национально-освободительное движение"⁴¹.

Одна из первых резолюций "Прометеевской Лиги", принятая на Конгрессе в Гааге в апреле 1946 года, содержала мартиронолог жертв гитлеровского режима – политиков, причастных к довоенной деятельности "Прометея".

"После того, как Варшава была оккупирована германскими войсками, – сообщается в этих источниках, – Гестапо опечатало помещение Лиги Прометея и расстреляло:

инженера Тите Беришвили, члена грузинской национал-демократической партии, действительного члена Лиги Прометея, магистра Ессе Кечакмадзе, члена грузинской социал-федералистической партии, действительного члена Лиги Прометея, инженера Вазо Атабечишвили, члена грузинской социал-демократической партии, действительного члена Лиги Прометея.

После двухмесячного ареста в Гестапо замучен в декабре 1939 года князь Ника багратион, председатель Прометеевской Лиги молодежи.

Отец Григорий Перадзе, профессор Теологического православного факультета Варшавского университета, замучен в германском концлагере Освенцим в 1942 году,

капитан Геро Хандадзе, действительный член Лиги Прометея, схвачен гестапо при транспорте оружия для польской революционной армии в местечке Венгрове и расстрелян на месте,

Николай Николаевич Ковальский, многолетний председатель Украинского комитета в Варшаве, член украинской социал-демократической партии и член-основатель Лиги Прометея замучен в германском концлагере Дахау в декабре 1944 года"⁴².

Особо отмечал Конгресс, что "Верность идеям Прометея засвидетельствовали своей смертью почетный член Лиги Прометея Марцелий Гандельсман, профессор Варшавского университета, члену Французского института и Польской академии наук, председатель Польско-украинской научной комиссии при Украинском институте в Варшаве [...] расстрелян в Гестапо в феврале 1945 года; почетный член Лиги Прометея Станисла Понятовский, профессор Варшавского университета, член Польской академии наук, искренний друг всех кавказских народов, после многолетнего пребывания в германских концлагерях замучен в концлагере Лобосиц в феврале 1945 года " (Там же. С. 12-13). №За верность идеям Лиги Прометея пострадали Александр Яковлевич Шульгин, бывший Премьер-министр Украинской народной республики [...], профессор Украинского университета в

Праге, действительный член Лиги Прометея и издатель "Ревю де Промете" в Париже, сидел в тюрьме вместе с сыном Ростиславом 7 месяцев после оккупации [гитлеровцами] Парижа; Павел Феофанович Шандрук, генерал армии Украинской народной республики, сражался и был ранен в рядах Польской армии, арестован Гестапо в Варшаве и пробыл в одиночном заключении 4 месяца в Мокотовской тюрьме в Варшаве; Роман Смаль-Стоцкий, многолетний председатель Лиги Прометея, профессор Варшавского университета, Министр культуры правительства Украинской народной Республики, выслан из Варшавы в 1939 году и интернирован Гестапо в Праге до 7 марта 1945 года: под надзором Гестапо находились доктор Юрий Накашидзе, профессор Восточного института в Варшаве, Товарищ [помощник] председателя Лиги Прометея; инженер Било Билатти, генеральный секретарь Лиги Прометея; инженер Баразби Байтуган [после войны этот человек больше всего сделал для разоблачения сталинских преступлений против карачаево-балкарского народа. Ему принадлежит статья "Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев", опубликованная в журнале "Кавказское обозрение" в Мюнхене и впервые познакомившая западный мир с этой национальной трагедией], член Президиума Лиги Прометея, генерал Александр Захариадзе, член Лиги Прометея; полковник Юрий Тевзадзе, член Лиги Прометея; майор Вашбей Эдигари, член Лиги Прометея"⁴³.

Явно не вьжется этот перечень с мифами советской пропаганды, пытавшейся представить членов "Прометея" и деятелей различных отрядов национальной эмиграции (украинской, грузинской и т.д.) в качестве "пособников фашистских оккупантов".

Политическая и социальная программа преобразования жизни народов, оказавшихся под коммунистической диктатурой, в разработках "Прометеевской Лиги" была основана на ясных, четких, можно даже сказать, простейших, элементарных основах построения открытого, свободного гражданского общества. Всё, что они хотели, чего добивались, – было провозглашено и по крайней мере частично реализовано в новой России, возникшей на развалинах СССР, так же, как в странах Восточной Европы, в республиках Балтии, в Украине, Азербайджане, Грузии и других независимых государствах Содружества, которым посчастливилось избежать сползания к азиатско-феодалному прошлому или к "батьковщине" по нынешнему белорусскому образцу. Это была та "нормальная" демократическая программа, по которой мы сегодня пытаемся жить, на которую нацелены современные курсы реформ трансформируемых обществ, и

даже если бы фокусникам и мастерам по "антибуржуазной пропаганде" очень захотелось бы напугать наших соотечественников какими-либо крайне правыми, "антинародными" замыслами "Прометеевской Лиги", им нечего было бы предъявить публике, кроме тех стандартов общественного устройства, на которых базируется и нынешняя российская Конституция.

Вспомним в этой связи основные положения меморандума Американского Комитета свободной России, опубликованные в 1948 году, по которым у "Прометеевской Лиги" не было никаких возражений: острая дискуссия разгорелась тогда по проблемам "целостности границ", федеративного устройства России, так называемой автономии и прав на самоопределение народов России, но в остальном политическая и социальная программы АКСР и "Прометеевской Лиги" полностью совпадали. А выглядела эта программа следующим образом: "1) после свержения коммунистической диктатуры произойдут свободные выборы. Государство гарантирует свободу печати и доступ к радио всем демократическим партиям для уравнивания их шансов в свободных выборах;

2) тяжелая промышленность остается в дальнейшем собственностью государства и будет управляться при участии свободных рабочих союзов;

3) крестьяне получают право закладывания собственных хозяйств без ущерба для государственного сельскохозяйственного производства;

4) будет сейчас же введен закон о правах и свободах человека и гражданина. Будет объявлен закон о собраниях и обществах [...] Будет обеспечена свобода вероисповедания и религиозного воспитания. Униаты, одна из наиболее жестоко преследуемых религиозных групп, получит право вновь на свои церкви и в их владение перейдут прежние места их религиозного культа.

5) [...]

6) будет прекращена сейчас же всякая политика вмешательства и интервенции во внутренние дела соседних с Россией государств, как Польша, Румыния, Болгария, Венгрия, Чехословакия и Финляндия;

7) иностранная политика будет опираться на дружбу с Соединенными Штатами Северной Америки, Великобританией и Францией в рамках Объединенных Наций"⁴⁴.

Можно ли усмотреть в такой программе какой-нибудь "правый экстремизм", что-либо враждебное народу, что-либо противоречащее демократии? Все ее пункты были выполнены (в тех случаях, когда можно было "выполнить" и решить задачу принятием закона или указа) и взяты на вооружение как цели долгосрочной политики (в тех случаях,

когда практическое выполнение "сразу же" и "немедленно" было невозможно) уже первым правительством Ельцина-Гайдара, возглавившем демократическую Россию в конце 1991 года. Даже дальше, гораздо дальше "направо" от робких социал-демократических намерений АКСР и "Прометеевской Лиги" пошло это правительство, приступив и к приватизации важнейших отраслей тяжелой промышленности, и к земельной реформе, закрепляющей за крестьянами полное право собственности на землю. Страшные сказки и черные политические мифы, которыми окружала советская пропаганда деятельность послевоенной эмиграции, якобы состоящей на службе у каких-то "сил реакции", у "ястребов" и "поджигателей войны", оказались вымыслом, лопнули, как мыльный пузырь.

Ни "антирусской" (враждебной по отношению к России, к русскому народу, основанной на какой-либо "русофобии"), ни изоляционистской, ни агрессивной, ни противоречащей интересам другим народов Европы и всего мира политикой никогда не была и не могла стать та платформа, которая разрабатывалась деятелями "Прометеевской Лиги".

"Чтобы избежать недоразумений в отношении окончательных целей нерусских народов, – писал председатель Лиги, – да будет мне вольно сказать ясно, что эти народы (репрезентируемые в изгнании социал-демократами, социал-революционерами, христианами и радикальными демократами) не охвачены ни идеологией национал-шовинизма, ни, тем более, изоляционизма и понимают хорошо, что взаимная национальная зависимость является необходимой в современной международной жизни. Предусматривают они в будущем эвентуальность [теоретическую возможность при благоприятных обстоятельствах] их вхождения в союзы и объединения высших форм, но с сохранением своих хозяйственных, культурных и политических интересов, не забывая при этом об Объединенных Нациях или будущем правительстве мира, которое когда-нибудь, будем надеяться, станет управлять нашей планетой на основе справедливости и равных для всех народов прав.

Не "балканизация" является целью этих нерусских народов, но, наоборот, добровольное их участие в таких органических конструкциях, как Соединенные Штаты Европы, "Интермариум", Федерация Черного моря, Мусульманская Уния, Сибирская Федерация или, наконец, Федеративная Уния с русским народом.

Основанием таких планов служит убеждение, что только свободная воля и решение самих народов может создать постоянные союзы [...] ..."принудительное супружество" русского и нерусских народов в рамках "Российской Федерации" не оправдывает возлагаемых

на нее надежд. Надо полагать, однако, что нерусские народы после достижения своих полных прав, будут поддерживать всевозможными способами (свободные порты, всякие облегчения и т.д.) хозяйственное восстановление того, что, будем иметь надежду, делается дружественной Россией [...] Мы являемся искренними друзьями русского народа. Мы просим Бога, чтобы русские сделали поучительный для себя вывод из истории прежних держав, созданных [...] Турцией, Австрией и Англией, и чтобы они заняли в отношении нас позицию, достойную христианского народа [...] Чем скорее русские признают искренне и открыто права нерусских народов [...], тем скорее они найдут общий язык со своими соседями"⁴⁵.

"Прометеевская Лига Атлантической хартии является примером организации, построенной на принципах подлинного интернационализма, и деятельности, основанной на солидарности народов, столкнувшихся с общим несчастьем. В этой деятельности не было национального эгоизма, заботы только о делах собственного дома, о своих близких, о своих соплеменниках-соотечественниках. Проблемы депортированных народов волновали и украинцев, и азербайджанцев, и грузин, чьи "родные" общины, чьи нации такой сплошной депортации избежали. Рукой крымского татарина Джафера Сейдамета или поляка Романа Смаль-Стоцкого (иногда с характерными польскими оборотами в русском тексте) были написаны воззвания и резолюции, касающиеся многострадальной судьбы чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, западных украинцев ("бендеровцев"), казаков, уничтожаемых в советской стране как социальная и особенная этнокультурная группа русского народа (это не были нынешние "ряженные" казаки, поигрывающие плетью в Краснодарском крае). В составе "Прометеевской Лиги" не было еврейских организаций, но вся величайшая трагедия еврейского народа, пережившего чудовищный холокост, защищающего свое право на Израильское государство кровью своих солдат, проливаемой в новых войнах на Ближнем Востоке, наконец, оказавшегося перед угрозой новых депортаций и перед фактом государственного преследования в СССР, глубоко волновала лидеров "Прометеевской Лиги", и ни малейшего позорного пятна антисемитизма не бросили на его деятельность ни его украинские, ни казачьи, ни польские, ни кавказские, ни крымские активисты. ("Государство Израиль, — писал председатель "Прометеевской Лиги" в 1949 году, — которое недавно получило независимость, сделалось гарантией реализации наших прав, и мы верим, что в соответствующее время евреи [...] поддержат наше дело и

будут нас защищать перед несправедливой дискриминацией"⁴⁶). В этой организации "чужая боль" становилась своей для каждого из участников прометеевского движения, которое не случайно ассоциировалось с образом античного мифологического героя, посмеявшегося ослушаться своих богов ради того, чтобы дать людям свет и огонь, прикованного в наказание за это к скале и терзаемого орлом, который каждый день расклевывал его печень, снова отравившую за ночь: эти народы были скованы одной цепью, прикованы к одной скале, и безжалостная пытка, обрушиваемая по верховному приказу Зевса острыми ударами орлиного клюва на каждого из них в отдельности, была общей мукой, общей пыткой для всех.

Сами лидеры и активисты "Прометеевской Лиги" прекрасно понимали важность взаимодействия, солидарности и сотрудничества разных народов. В редакционной статье, которой открывался "Бюллетень" этой Лиги, они писали: "... Если необходимость консолидации усилий и тесного единения так остро ощущается во всем мире [...], то тем более нужно стремиться к этому нам, представителям народов, судьба которых действительно поставлена на карту истории"⁴⁷.

Было бы очень досадно, если бы читатели этой статьи и последующие исследователи архивных материалов, освещающих деятельность "Прометеевской Лиги", были бы озабочены только или прежде всего поиском "своих" соотечественников, выбором "своих", знакомых по национальному звучанию имен, подписей, поставленных под резолюциями и воззваниями этой Лиги от горцев Северного Кавказа, от тюрков-мусульман Крыма, Идель-Урала, от калмыков, от национальных групп и меньшинств финно-угорского Севера, от казаков Дона и Кубани, от народов Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Туркестана, Украины, а также Польши, Венгрии и других государств, все более превращающихся в бесправных сателлитов советской державы. Все дело в том, что здесь каждый заботился не только о себе, говорил не только за свой народ, ставил свою подпись за общее дело и этому общему делу освобождения угнетенных народов посвящал свою жизнь. Наверно, это важнейший урок деятельности "Прометеевской Лиги", более чем актуальный сегодня и для тюркских, и для славянских, и для угро-финских, и для всех, еще слишком разрозненных народов и правозащитных движений многонациональной России.

Нам долго казалось, что трагедия депортированных народов в 1940-х годах не только в Советском Союзе, где царили страх и безмолвие, но и в далеком равнодушном зарубежье была окружена сплошным заговором молчания. Теперь мы знаем, что это не так. Мы знаем, что были люди, готовые пожертвовать личным благополучием,

своим благоденствием и сытым покоем в приютивших их западных странах, поставить под угрозу свое хрупкое, еще не обеспеченное правами гражданства положение беженцев и политических эмигрантов в этих странах, ради того, чтобы сказать правду, привлечь мировое общественное внимание к трагической участи своих соотечественников – депортированных народов Советского Союза, заставить этот мир, уже немного оглохший от праздничных салютов и шумных тостов победного 1945 года, услышать стук колес эшелонов, уходящих на восток, плач детей и молитвы стариков в их наглухо закрытых, до отказа переполненных, подобных фашистским душегубкам вагонов. Мы знаем имена этих людей, и мы должны отдать им пусть запоздалую, но искреннюю дань нашей признательности и уважения.

Примечания:

1. Avtorkhanov A., Bennigsen A., Broxup M. The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. London, 1992.
2. Авторханов Абдурахман. Империя Кремля. Минск – Москва, 1991
3. Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal. Islam in the Soviet Union. New York, 1967; Bennigsen Alexandre, Lemerrier-Quelquejay Chantal, Wimbush S. Enders. Muslims of the Soviet Empire. London, 1985; в переводе на русский язык: Бенингсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983.
4. Conquest Robert. The Nation Killers: The Soviet Deportation of the Nationalities. New York, 1970.
5. Некрич Александр. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
6. Александров Григорий. Истребление крымских татар // Социалистический вестник. Париж, 1950, март. С. 51-52. (На эту статью ссылался потом Алан Фишер в своем капитальном труде "Крымские татары", изданном в 1978 году: Fisher Alan W. The Crimean Tatars. Stanford, 1978).
7. Kirimal Edige. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten, 1952.
8. Подробнее о нем см.: Яндиева М.Д. Вассан-Гирей Джабагиев (возвращение забытого имени) // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. Материалы международной научной конференции. М., 2001. С. 179-184.
9. Возвращение российским читателям наследия Махмуда Дудова произошло в 1990-х годах, сначала на страницах газеты "Юйге Игилик" (Р. Карча. Геноцид на Северном Кавказе // Юйге Игилик, № 8), а затем в сборнике материалов библиотеки "Юйге Игилик" "Правозащитники репрессированных народов" (М., 1996. С. 11-73), в

котором собраны и опубликованы многие тексты его выступлений по радио "Свобода" в начале 1970-х годов.

10. Среди этих публикаций: Давлетшин Т. Москва продолжает русифицировать мусульман // Материалы Мюнхенского института по изучению СССР, № 478. Мюнхен, 1967; Давлетшин Т. Советские татары – непривилегированное меньшинство // Материалы Мюнхенского института по изучению СССР, № 489. Мюнхен, 1969.

11. Особое притягательное значение для представителей народов СССР в изгнании имели следующие положения, которые провозглашала Атлантическая хартия:

– ... недопущение территориальных изменений без согласия проживающего там народа;

– право всех народов избрать форму правления, при которой они хотят жить;

– восстановление суверенных прав и самоуправления всех народов, которые были лишены этого насильственным путем... " (Цитируется по книге: Бодо Харенберг. Хроника человечества. М., "Большая энциклопедия", [1996]. С. 944).

12. Напомним о том, что мы сами писали в исследовании "Тюркизм и пантюркизм" об этой довоенной организации и о журнале "Прометей": "... Этот журнал был органом "Лиги Прометей" – полуконспиративной антисоветской организации, действующей в Польше в межвоенный период под покровительством Президента Пилсудского, Польского Министерства иностранных дел и Генерального штаба, призванной оказывать моральную и финансовую поддержку антикоммунистическим силам и политическим эмигрантам из СССР. Лидеры "Прометей" считали своими союзниками всех врагов советской власти, всех, кто пострадал от нее, и татаро-тюркская эмиграция в этом ряду занимала едва ли не центральное место. Журнал назывался (во французском уточнении) "орган национальной защиты народов Кавказа и Украины" (*Organe de Défence Nationale des Peuples du Caucase et de l'Ukraine*), он печатался в Париже и выходил ежемесячно с ноября 1926 по апрель 1938 года под названием "Prométhée". Со временем идея "защиты" распространилась и на народы Туркестана и журнал стал называться "органом защиты угнетенных народов СССР" (*Organe de Défence Nationale des Peuples Opprimés de l'U.R.S.S.*). Наиболее известные идеологи пантюркизма, такие, как Расул-Заде, Мирза-Бала и другие, публиковали на страницах "Прометей" свои статьи, пропагандировавшие идеи независимости от России Азербайджана, Туркестана, Северного Кавказа и тесной связи между народами тюркского мира."

13. Нынешнее состояние архива в частном стамбульском собрании Исмаила Отара не позволяет давать на его материалы ссылки по ГОСТу, установленному для цитирования материалов государственных архивов, имеющих соответствующую структуру фондов, опись документов, дела (единицы хранения), сплошную нумерацию листов. Нам приходится давать указания на документы, находящиеся в папках, имеющих условные наименования в соответствии с источником поступления данных материалов или их содержанием; листы (страницы) указываются в том случае, когда единый многостраничный документ, хранящийся в данной папке, имеет внутреннюю нумерацию страниц; описи документов и сплошной нумерации всех листов хранения данный архив не имеет (в настоящее время решается задача по реализации проекта комплексного исследования этого архива, включающая приведение всех его материалов в порядок по нормам международных стандартов архивного хранения). В данном случае следует дать следующую ссылку: Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Эдиге Кырымала – 1, отдельный лист хранения (не нумерован). В отличие от некоторых совершенно неизвестных историкам и никогда не публиковавшихся документов, факт встречи Юсуфа Акчуры и В.И. Ленина в Цюрихе и ответ Ленина на меморандум Акчуры были отражены в некоторых публикациях, в частности, на страницах "Ревю дю Монд Мюсюльман" (*Revue du Monde Musulman*, Vol. LII, P. 6-7); в появившейся спустя 20 лет статье (на турецком языке) "Угнетенные народы России на Конгрессе 1916 года в Лозанне" (1916 *Lozan Kongresinde Rusya mahkhûm milletleri // Şimalî Kafkasya*, Warszawa, 1937, VII [июль] / VIII [август]); об этом писал также в своих воспоминаниях и в своем сочинении "Современный туркестан и его новейшая история", изданном в Стамбуле в 1940-х годах, Ахмед-Закн Валиди Тоган (*Togan, Zeki Velidi Ahmet. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakın tarihi. I. İstanbul, 1942 – 1947. B. 478*). Он особо подчеркивал высказанную Лениным готовность в значительной мере ("ziyadesiyle") удовлетворить требования тюркских народов России.

14. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. *Appel des Allogennes de Russie au President des Etats-Unis d' Amerique*, 16 мая 1916 года. С. 1-5.

15. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. *L'importance du mouvement Prométhéen pour la guerre et pour la paix*. – Основное значение Прометеевского движения для войны и мира. Документ на французском языке на 14 страницах от 19 декабря 1944 года.

16. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) Джафера Сейдамета – 3. Подписанное "Президент Парламента крымских татар" обращение Джафера Сейдамета от 5 августа 1920 года из Лозанны в Женеву Конгрессу II Интернационала, на французском языке. С. 1

17. Там же. Подписанное "Президент Парламента крымских татар" обращение Джафера Сейдамета от 3 декабря 1920 года в Женеву Его Превосходительству Президенту Швейцарской Конфедерации, на французском языке. С. 1

18. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 30.

19. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Резолюции и Манифест Конгресса. Гаага, 20 апреля 1946. Женева, 1946. С. 9.

20. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 1.

21. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Публикация манифеста АКСР на русском языке в газете "The Commonweal", № 12, от 31 декабря 1948 года.

22. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Текст обращения Американского Комитета свободной России от 8 декабря 1948 года. С. 1.

23. Там же. С. 1.

24. Там же. С. 2.

25. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 2-3.

26. Там же. С. 3.

27. Там же. С. 4. 28. Там же. С. 4-5.

29. Там же. С. 6.

30. Там же. Русская Лига борьбы за народную свободу и Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 27-29.

31. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Воззвание к народам, угнетенным русским советским империализмом. Женева, 1946. С. 22.

32. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Документ (на русском языке) "Организация "Прометей" восстанавливается". С. 1-2.

33. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 24-26.

34. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Документ от 15 января 1947 года – обращение "Прометеевской Лиги" к правительствам демократических стран с заявлением о недопустимости предоставления займа правительству Советского Союза. С. 1-2.

35. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Resolutions adopted by the Conference of representatives of the Peoples of Azerbaidjan, Byelorussia, Georgia, Cossackoa, Kalmukia, Crimea, North Caucasus, Turkestan and Ukraine on March 4th, 1951. С. 2.

36. Congressional Record, Washington, 1949, 6th August, Volume 98.

37. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 9.

38. Там же. С. 9.

39. Текст "Атлантической хартии" цитируется нами по книге: Бодо Харенберг. Хроника человечества. М., "Большая энциклопедия", [1996]. С. 944.

40. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 3-4.

41. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Резолюции и Манифест Конгресса. Гаага, 20 апреля 1946. Женева, 1946. С. 7.

42. Там же. С. 13.

43. Там же. С. 13-14.

44. Архив Исмаила Отара в Стамбуле. Фонд (папка) материалов Прометеевской Лиги Атлантической хартии. Прометеевская Лига Атлантической хартии. Бюллетень, 1949, № 2. сентябрь. С. 1-2.

45. Там же. С. 7.

46. Там же. С. 6.

47. Там же. С. 1.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «АС-АЛАН» С 1 ПО 10 НОМЕР

«АС-АЛАН» №1, 1998

Генерал армии В. Семенов. К читателям первого номера «Ас-Алан».

Билал Лайпанов. Камень и Дерево.

И. Мизиев. История Карачаево-Балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России (на русск., англ. и турецком языках).

Махти Джуртубаев. Духовная культура Карачаево-Балкарского народа.

Светлана Алиева. Карачай и Балкария в составе России.

Билал Лайпанов. Халкъым, уял.

Светлана Червонная. Карачаево-Балкарское искусство перед лицом национальных потрясений и трагедий далекого и близкого прошлого.

«АС-АЛАН» №1(2), 1999

Торжественная присяга главы КЧР. Выступление главы КЧР Владимира Семенова после торжественного вступления в должность.

Светлана Алиева. К читателям журнала «Ас-Алан».

Светлана Червонная. Карачаево-Балкарский мир Северного Кавказа: современная этно-политическая ситуация.

Исмаил Мизиев. Из истории поземельных споров между Балкарией и Кабардой.

Заявление Международной правозащитной Ассамблеи. Решение Верховного Суда КЧР. Обращение Международной правозащитной Ассамблеи. Всенародно избранный глава КЧР.

Билал Лайпанов. «Пространство моего голоса» (стихи на русском и английском языках)

Юлий Костинский. Забвению не подлежит.

Эммануил Бернштейн. Архитектура Балкарского народного жилища. Список иллюстраций.

Обращение мусульманских организаций и ответ Г. Явлинского.

Не совершайте насилия над другими.

В. Лебедев. Учись читать Коран по-арабски.

«АС-АЛАН» №1(3), 2000

От редакции.

Султан Яшуркаев. Рассказы

Светлана Алиева. О рассказах Султана Яшуркаева.

Марина Шатова. Стихи.

Мариям Вахидова. О поэзии Марины Шатовой.

Борис Чипчиков. Пойманные мгновения.
 Светлана Алиева. «Самый умный человек – человек улыбающийся»
 Тимур Пулатов. Последний собеседник.
 Жанна Кулиева. «Меня к истокам возвращает память...»
 Светлана Алиева. Размышления о Зое Токовой...
 Магомет Бостанов. Вечерний Карачаевск.
 Тамара Биттирова. Шейх Сюлемен.
 Владимир Чубатый. Лауреат государственных премий.
 Краткий очерк истории Каратэдо Сито-рю.
 Билал Лайпанов. Семья Атабиевых.
 Борис Кормазов. «Истемей, или кавказские танцы в Лютеции»
 Гордость ингушской литературы.
 Стихи Елены Пятаковой, Нины Щербаковой, Юрия Емельянова.
 Леонид Ермилов. С. Есенин: «Хороша ты, Персия, я знаю...»
 Тамара Биттирова. О книге Микаэля Башту «Дастан о дочери Шана».
 Слово к читателям.
 Светлана Червонная. Татарский Крым в пламени Второй мировой войны.
 Казий Лайпанов. О государственности карачаевцев и черкесов.
 Назир Будаев. Западные тюрки в странах Востока.
 Султан Катанчиев. Потомки половецкого хана Котяна.
 Билал Лайпанов. Рассказ старика.
 Резолюция ФСН по карачаевскому народу.
 Позорный столб.
 Билал Лайпанов. Стихи. Гнилой интеллигенции. О муже, воле и о нас.

«АС-АЛАН» №1(4), 2001

Депутат Государственной Думы.
 Герб, Гимн, Флаг, Конституция КЧР.
 Союз наш единый.
 Билал Лайпанов. «Тому, кто Родину свободной хочет видеть...».
 Билал Кубеков. Берзи-кеза. Куда уходят мертвые?
 Юсуф Созаруков. Улица, которой ты прошла.
 Назифа Кагиева. Ачыкъ мектуб.
 Ибрагим Аппаков. Из книги «Скитания и испытания».
 Ийылмаз Невруз. Дудаланы Махмуд.
 Назифа Кагиева. Дудаланы Садык.
 Билал Лайпанов. Америкада къарачайлыла.
 К десятилетию Закона «О реабилитации репрессированных народов».
 Интервью с Фуатом Пепниновым. Интервью с Расулом Джаппуевым. Бахаутдин Этезов. НОПО Балкарии «Тёре».

Из «Вестника» Международного комитета гражданской дипломатии.

Зарема Кипкеева. Карачево-Балкарская диаспора в Турции.
Светлана Червонная. Тюркский мир Юго-Восточной Европы.
Борис Коркмазов. Истемей (продолжение)
Светлана Червонная. Возвращение пантюркизма?
Г. Балтанова. Искусство Владимира Попова.
Светлана Червонная. Татарский народный шамань.
Исмаил Семенов. Зикирле.
Абу-Юсуф Эбзеев. Керти имам.
Султан Катанчиев. А. Невский – правнук хана Котяня.
А. Атабнева. Стихи.

«АС-АЛАН» №2(5), 2001

Журнал приветствуют Международное Сообщество Писательских Союзов, Международная правозащитная Ассамблея, НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ

Уважаемый читатель

Тюрко-мусульманская делегация

Многострадальный крымскотатарский народ

Номан Челеби–Джихан. Ант эткенмен

С.Червонная. Мустафа Джемилев – против Империи зла

И. Гаспралы, М.Джемилев, Н. Челеби

Процесс.

Шукрю Элчин. Бахчесарай чешмеси

А. Бегиев. Атланган сёз

М.Дудов. Карачай-Малкар тюрклеринде малчылыкъ эмда аны бла байламлы тереле. Къарачай-малкъар тюрклерини фаджиясы.

Ийылмаз Невруз. Рамазан Къарчадан бир мектуб

М. Яндиева. О Вассан-Гирее Джабаги

Вассан-Гирей Джабаги. Кавказ

Кавказская политическая публицистика 1950 годов

С. Кузнецов. «Подводные камни» возрождения России

С.Червонная. Единство в языке, делах, вере

О Каншаубие Мизиеве

Б. Коркмазов «Истемей» (продолжение)

Люберецкое литобъединение «Вдохновение»

С. Карнаузов. Роковое письмо

С.Джубуев. Заметки об истоках цивилизации

С.Катанчиев. А. Невский – правнук Котяня

Р. Узденов. Стихи

**Б. Атабиев. Раннефеодальное фортификационное зодчество Балкарии
Почта «Ас-Алан»**

«АС-АЛАН» №1(6), 2002

Приветствие Руслана Аушева

Письмо А. Кибрика гл.редактору «Ас-Алан» и ответ гл.редактора.

Ингушетия. Мемориал жертвам репрессий

Я. Патиев. Республика Ингушетия

И. Сампнев. «Социологический опрос...»

М. Яндиева. Ингуши во второй мировой войне

Уважаемый читатель!

**Проф. Волтер Коминс-Ричмонд. Последепортационная борьба
карачаевцев за реабилитацию.**

Ийылмаз Сыллагъяр. Къарачай-малкъар халкъда «бий-ёзден-къул...»

В. Невская. Карачай в 19 веке

М. Чикатуев. Письмо брата

В. Ганиев. Татарская литература. 20 век

И. Эркенов. Кроссворды

Къарачай тукъум тамгъала

Ш. Богатырева. Стихи

Поздравления

«АС-АЛАН» №2(7), 2002

О присвоении звания «Почетный доктор КЧГПУ»

О присуждении звания «Хакъ Поэти»

Внимание конкурс! Национальный флаг, герб, гимн

Ч. Айтматов. К читателям «Ас-Алан»

Р. Арквинг. К читателям «Ас-Алан»

47 Конгресс ФСНЕ. Фотографии

С. Червонная. О ФСНЕ

С. Хапаев. Кар-балк. географические термины

И. Яковенко. Предисловие к работе Э.Кудусова «Москва и Крым»

Э.Кудусов. Москва и Крым

М. Карачай. Призрак «вахабизма»

С.Кузнецов. ...Об экономическом фундаменте мировой политики...

В.Ганиев. Татарская литература. 20 век

А. Тоторкулов. Об И. Алиеве

И. Алиев. Так говорили предки...

У. Боташ. Къанлы гюрге кюн

Б. Лайпанов (краткие данные жизни и творчества)

«АС-АЛАН» №3(8), 2002

Приветствие Олжаса Сулейменова
Приветствие Мухтара Шаханова
Чингиз Айтматов, Мухтар Шаханов. Опасный фетиш Чингисхана
У. Бахтикиреева. К вопросам: о роли интеллектуала в современном обществе и функции художественного образа в историческом процессе
Встречи с Чингизом Айтматовым
Рамазан Джуккаев
Магомед Евлоев. Моя Ингушетия
Султан Катанчиев. Александр Невский – правнук половецкого (кипчакского) хана Котяна
Ефим Кабаченко. Ислам Карачайлы
Ибрахим Шаманов. Ислам Карачайлы (Хубиев)
С. Д. Мастепанов. Воспоминания об Исламе Карачайлы
Марьям Яндиева. Между Сциллой и Харибдой
Оюс Айшаев. Историк Бабаев и его монография «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов»
Б. Лайпанов. Стихи. Из тетради «Сууб-гюнах джазылгъан дефтерле».
Светлана Червонная. Каменная летопись Тюрко-Мусульманской культуры. К итогам международной конференции «Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока»
Олжас Сулейменов. Тюрки в доистории
В. Ганиев. «Сабий садлагъа...», или Поговорим снова о наших языках
Большие проблемы малого народа (летопись Балкарского национально-демократического движения)

«АС-АЛАН» №4(9), 2002

Билал Лайпанов. «Ас-Алан» (гимн)
Рамазан Джуккаев. Священные книги указывают путь к бессмертию
Алий Тоторкулов. Коран на аланском (карачаево-балкарском) языке
Коран. Перевод Абюсюба Эбзеева
Календарь религиозных праздников
Содержание газеты «Юйге Игилик» (№№ 1-53)
Содержание газеты «Заман» (№№ 1,2,4)
Зухра Боташева. Песня нарта Ёрюзмек
Азрет-Алий Кечеруков. Неуважаемые мои соплеменники-«интеллигенты»!
Алгъышлайбыз! Поздравляем! Kutluyoruz! Ызы къалын болсун!
Светлана Червонная. Билал Лайпанов - поэт, политик, «Ethnic Enterpriser»

Билал Лайпанов. «Сууаб-понах джазылган дефтерле» kitабдан
Билал Лайпанов. КЪАЗАКЪ БЁРЮ (на турецком языке)
Билал Лайпанов. Стихи на русском языке
Билал Лайпанов. Стихи на английском и русском языках
BILAL APPASOVISH LAYPANOV (Curriculum Vitae in brief)
Dahir Semenov. Dichter. Redakteur. Verleger. BÜGERRECHTLER.
CURRICULUM VITAE (на немецком языке)
Билал Лайпанов. «Камень и Дерево»

«АС-АЛАН» №1(10), 2003

Чингиз Айтматов. Новогоднее поздравление
Поздравления в связи с преобразованием КЧГПУ в КЧГУ
Коллективная монография «Тюркизм и пантюркизм»
Содержание журнала «АС-АЛАН» с 1 по 10 номер
Улданай Бахтикиреева. Мой Олжас
Олжас Сулейменов. Стихи
Александр Ткаченко. Стихи
Билал Лайпанов. Стихи
Светлана Червонная. Когда эшелоны с депортированными народами
шли на восток...
«АС-АЛАН» поздравляет...

28 февраля 2003 года наш земляк из Кабардино-Балкарии **МАМАЕВ ХУСЕЙИН АБДУЛ-КЕРИМОВИЧ** успешно защитил диссертацию в Научном Центре сердечно-сосудистой хирургии им. А.М. Бакулева РАМН в Москве и стал кандидатом медицинских наук.

Впервые в отечественной медицине проведен комплексный анализ клинико-функциональных проявлений ремоделирования ЛЖ у больных ИБС с артериальной гипертензией, а также оценка влияния различных типов ремоделирования левого желудочка на прогноз хирургического лечения ИБС.

Материалы диссертации получили высокую оценку на 5, 6, 7 Всероссийских съездах сердечно-сосудистых хирургов (Москва, 1999, 2000, 2001 гг.), на 4 и 5 ежегодных сессиях НЦ ССХ им. А.Н.Бакулева с Всероссийской конференцией молодых учёных (Москва, 2000, 2001 гг.). Работа апробирована на совместной межклинической конференции НЦ ССХ им. А.Н. Бакулева (2002 г.)

В этот же день успешно прошла защиту на соискание ученой степени кандидата медицинских наук и супруга Хусейина **ЖЕЛИХАЖЕВА МАДИНА ВЛАДИМИРОВНА.**

От души поздравляем молодых ученых Хусейина и Мадину, желаем им дальнейших успехов в медицине, счастья, благополучия в жизни.

«АС- АЛАН»

Содержание

Чингиз Айтматов. Новогоднее поздравление.....	III
Поздравления в связи с преобразованием КЧГПУ в КЧГУ.....	IV
Коллективная монография «Тюркизм и пантюркизм».....	3
Улданай Бахтикиреева. Мой Олжас.....	480
Александр Ткаченко. Стихи.....	528
Билал Лайпанов. Стихи.....	533
Светлана Червонная. Когда эшелоны с депортированными народами шли на восток....	542
Содержание журнала «АС-АЛАН» с 1 по 10 номер.....	583
«АС-АЛАН» поздравляет....	590

Подписано в печать с оригинал-макета 20.12.2002г.

Формат 60х88 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л.37. Уч. - изд. л.30,75.Тираж 5000 экз.

Заказ N 355. Цена договорная.

Лицензия ЛРН 062945

от 26 августа 1998 г.

Свидетельство ПИ №77-1101

от 15 ноября 1999г.

ISBN 5-87553-041-3

Книжное издательство "Мир дому твоему".

г. Люберцы, 115-й квартал, Юбилейная - 5а

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии:

г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д. 1

HALKIBIZNI MİLLET ORAYDASI-MARŞI-GİMNİ

AS-ALAN

Beş taw eli – koşulgan cer nür bla kar -
Bashan, Çegem, Holam, Bızıngı, Malkar;
Beştaw canı, Arhız, Mahar, Teberdi...

Cer cannetin ulla Allah bizge berdi,
Mingi Tawnu Sennge tıyınışlı kördü,
O Karaçay-Malkar halkı - As-Alan!

Teyri adamı, Teyri halkı, as-salam!

Kara tanıgan bilim halkı, orayda!

Ne zalimni allında da bögülmey,
Kara kün da erkinlikden tüngülmey,

Taş başında çaşaw ete kelgense,
Ötgür millet, öhtem millet As-Alan!

Ötgür millet, öhtem millet, as-salam!

Kablan köllü cigit millet, orayda!

Nença kere Künü, Ayı tutulgan,
Ança kere celmawuzdan kutulgan,

Temirlege, kurçlaga da katılğan,
Oy Türk halkı, Börü halkı, As-Alan!

Türk-musliman Kafkaz halkı, as-salam!

Türk-musliman Kafkaz halkı, orayda!

Üzmegense ečki, arpa urlugun,

Cigitlikni, adamlıkni korlugun,

Burun kibik kral kurading-kurdung,

O nart halkı, alan halkı, As-Alan!

O nart halkı, alan halkı, as-salam!

O nart halkı, alan halkı, orayda!

Bardı seni imanınıg da, dining da,

Ösüb kelgen sarıcılık tölüng da,

Katılmazla Sanga kartlık, ölüm da,

Ömürlege çaşarıksa As-Alan!

Oy Karaçay-Malkar halkı - As-Alan!

Şam Karaçay-Malkar curtı - As-Alan!

Bügününge, tamblanga da as-salam!

Bügününge, tamblanga da orayda!

1(10) 2003